КБ 34
С 79
Сичеклов.
М.А. Ба-
кунин.
Т. 4
М-1927. П.

ДТ 5/6
5
КБ
34
С79

Ю. СТЕКЛОВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
1870—1876

3/2451

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Кб
3У
С79

Ю. СТЕКЛОВ

Д15-6
5

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

★

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

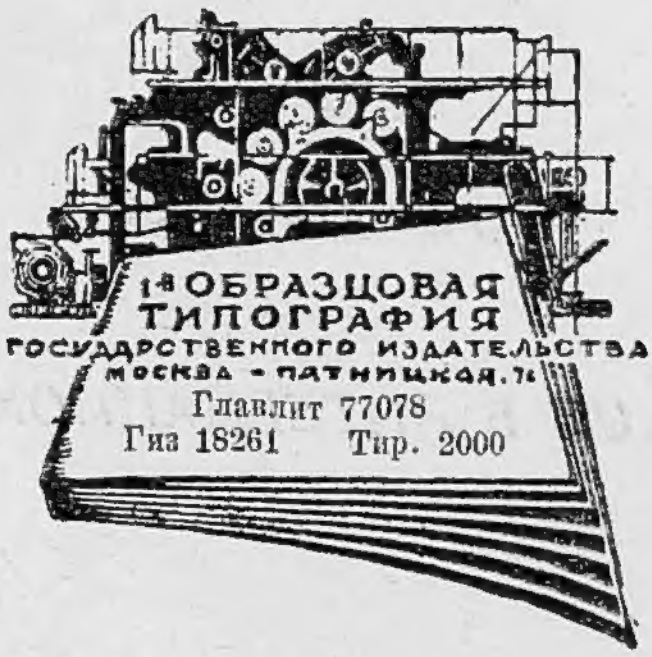
РАСКОЛ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. — ПОХОД ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. — РАСКОЛ. — КОНЕЦ БАКУНИНА

3/2451

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
466848



Заказ № 913.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 466848
„—“ —— 193 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *Бакунин и франко-прусская война.*

Глава I. Мнение Бакунина о столкнувшихся сторонах . . 1
1. Роль франко-прусской войны в жизни Бакунина . . . . . —
2. Отношение Бакунина к Германии и Франции 9

Глава II. Революционные планы Бакунина 16
1. Надежды на социально-революционную вспышку в Юго-Западной Европе . . . . . —
2. План революционного восстания во Франции 24

Глава III. Неудача практических попыток 34
1. Лионская попытка . . . . . —
2. После Лионской попытки 49
3. Парижская Коммуна 58

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. *Начало анархистского похода против Интернационала.*

Глава I. Организация альянсистских сил 68
1. В Швейцарии . . . . . —
2. В Италии 86
3. В Испании 96
4. Во Франции 110
5. В других странах 121

Глава II. Лондонская конференция и поход против Генерального Совета 134
1. Лондонская конференция . . . . . —
2. Восстание бакунистов против Генерального Совета 143
3. Бакунин открывает энергичную кампанию 152
4. Результаты кампании 166

Глава III. Русско-славянская пропаганда 205
1. Основание русского отдела тайного Альянса . . . . . —
2. Попытка создания польской секции Альянса 216

Стр.

3. Славянская секция Альянса 223
4. Развал «Русского Братства» 231
5. Бакунин и Лавров 244

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. *Раскол в Интернационале.*

Глава I. Гаагский конгресс 260
1. Состав конгресса . . . . . —
2. Вопрос о политической борьбе и о Генеральном Совете . . . 264
3. Вопрос об Альянсе 268

Глава II. Альянс конституируется в качестве особого Интернационала 281
1. На самом Гаагском конгрессе . . . . . —
2. В Цюрихе с Бакуниным 285
3. В Сент-Имье 290

Глава III. Последний период публичной деятельности Бакунина 295
1. Кампания против старого Интернационала . . . . . —
2. Жизнь в Локарно и новое разочарование Бакунина 303
3. Отказ от публичной деятельности 312

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. *На закате.*

Глава I. Инцидент с «Баронатой» 323
1. Начало «Баронаты» . . . . . —
2. Кризис «Баронаты» 338

Глава II. Последнее революционное выступление Бакунина 352
1. Подготовка выступления . . . . . —
2. Бакунин в Болонье 360
3. На переломе 371

Глава III. Последние дни 389
1. Первые шаги в Лугано . . . . . —
2. Настроение и умственные интересы 398
3. Жизнь в Лугано 412
4. Последний кризис 428
5. Болезнь и смерть 435

Дополнения к предыдущим томам 456

Именной указатель к четырем томам 481

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БАКУНИН И ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА.

Глава первая.

МНЕНИЕ БАКУНИНА О СТОЛКНУВШИХСЯ СТОРОНАХ.

1. Роль франко-прусской войны в жизни Бакунина.

Франко-прусская война 1870 — 71 г.г. сыграла значительную роль в жизни Бакунина. С одной стороны, она окрылила его несбыточными надеждами и побудила к активным шагам в целях осуществления своей анархической программы, а с другой — нанесла первый серьезный, можно сказать, непоправимый удар его самым заветным убеждениям и верованиям. Эта война была для него колоссальной встряской. Неудивительно, что впечатления от нее, навеянные ею мысли отразились на произведениях Бакунина, в которых рассуждения, посвященные этой войне и связанным с нею темам, занимают без преувеличения главное место. Можно даже сказать, что до того Бакунин почти не занимался литературной деятельностью. Только со времени франко-прусской войны он бросается в писательство со всею свойственной ему судорожной порывистостью и бессистемностью.

Из шести появившихся до сих пор томов французского издания сочинений Бакунина первый содержит произведения, написанные до 1870 года. Да и то в конце его помещена статья «Бог и Государство», представляющая, как теперь доказано, не что иное, как одно огромное примечание к 285 странице рукописи Бакунина «Кнуто-Германская Империя» [1]. Второй том, за исключением перепечатки брошюры «Бернские медведи и петербургский медведь» (65 страниц), целиком занят «Пись-

[1] Существует русский перевод в «Собрании Сочинений» Бакунина, изд. Балашева, 1906 г., т. I; в 1-м томе «Избранных Сочинений» Бакунина,

мами к французу» и первым выпуском «Кнуто-Германской Империи». Весь третий том заполнен вторым выпуском «Кнуто-Германской Империи» и приложениями к нему. То же самое можно сказать о четвертом томе, куда вошло продолжение «Писем к французу», два проекта предисловий ко второй части «Кнуто-Германской Империи», составленные в Марселе письмо к А. Эскиросу и рукопись на ту же тему «Кнуто-Германской Империи», отрывок из того же сочинения и, наконец, письмо в редакцию брюссельской газеты «La Liberté», косвенно касающееся все той же вековечной бакунинской темы о пангерманизме и его опасностях. В пятом томе, на-ряду со статьями из женевской газеты «Egalité», относящимися к 1869 году, мы находим большое письмо в газету «Le Réveil», превращенное в брошюру «Исповедание веры русского демократа-социалиста», и три лекции, прочитанные швейцарским рабочим в 1871 г., при чем оба последние произведения, занимающие около половины тома, так или иначе затрагивают опять-таки темы, связанные с конфликтом между Францией и Германией. И только в шестом томе мы не находим статей, прямо относящихся к войне, но и помещенные там произведения дышат все той же атмосферой, что и предыдущие томы. А если прибавить, что и в частной переписке Бакунина вопросы, более или менее тесно связанные с франко-прусской войной, занимают подчас очень заметное место, как, например, в громадном послании к «Юрским товарищам», опубликование которого предполагалось в подготовленном еще в 1914 году к печати VII томе «Сочинений», не вышедшем до сих пор, то мы поймем, какую значительную роль в его умственной и политической жизни, в эволюции и судьбе его взглядов, в его настроении сыграла эта злосчастная война.

При первых же известиях о победе немецкого оружия (при Вейсенбурге 4 августа, при Вёрте и Форбахе 6 августа 1870 г.) Бакунин, глубоко встревоженный этим неожиданным поворотом военного счастья, лихорадочно взялся за агитационную работу, имевшую целью вызвать во Франции широкое народное движение, которое, по его мысли, должно было одновременно дать отпор наседавшим полчищам Бисмарка и подать сигнал к социальной революции. Во все стороны полетели от него письма к единомышленникам в Швейцарии, Франции, Италии и Испании; в то же время он приступил к составлению «Письма к французу», в котором пытался, насколько позволяла это сжигавшая его революционная

изд. в Лондоне в 1915 г.; во 2-м томе «Избранных Сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда», Москва, 1919 (стр. 255—295), где это примечание поставлено на свое место.

горячка, систематизировать свои взгляды на переживаемый кризис и возможный или, вернее, желательный его исход.

11 августа 1870 года Бакунин писал Огареву: «Ты только русский, а я интернационал[ист], вследствие чего происшествия возбудили во мне настоящую горячку. В продолжение трех дней я написал ровно 23 больших письма, это маленькое — двадцать четвертое [1]. У меня выработался целый план: О[зер]ов [2] передаст его тебе или, лучше, он прочтет тебе письмо, написанное мною к одному французу» (Переписка, изд. Драгомановым, стр. 300). Письмо это в мысли Бакунина было адресовано лионскому интернационалисту Гаспару Блану, с которым Бакунин поддерживал в то время оживленную переписку, равно как и с товарищем Блана, Альбером Ришаром [3]. Эти два анархиста стояли тогда во главе небольшой лионской группы, на которую увлекающийся Бакунин возлагал в тот момент преувеличенные надежды.

«План» Бакунина сводился к тому, чтобы, воспользовавшись замешательством, вызванным войной, возбудить революционное восстание во Франции, Италии, Испании и романской Швейцарии, — восстание, которое, по мысли Бакунина, должно было неминуемо принять анархический характер и привести к уничтожению государства. Только такого рода «социальная революция» и способна была, по мнению Бакунина, положить предел германским завоевателям и не только отбросить их далеко от французской границы, но даже внести пожар гражданской войны в их собственные пределы.

Письмо это, доказывающее, по словам самого Бакунина (Переписка, стр. 304), что «если из этой войны не выйдет непосредственно социальной революции во Франции, социализм надолго погибнет в целой Европе», писалось и отсылалось частями к Озерову с поручением переписать его в нескольких экземплярах и разослать по указанным адресам. Далее использованные листы должны были отсылаться Гильому, который должен был придать им литературную обработку и выпустить отдельной брошюрой. Первая часть не сохранилась совершенно; вторая,

---

[1] К сожалению, из этих 23 писем нам до сих пор известны только два: к А. Ришару от 10 августа и к Рейхелям от 11 августа; письма к итальянцам (Гамбуцци, Фанелли) и к испанцам пока не опубликованы, и неизвестно, какие из них еще сохранились.

[2] В. Озеров — русский политический эмигрант из офицеров, примкнувших к польскому восстанию 1863 года. Был, в рассматриваемое время, тесно связан с Бакуниным.

[3] Переписка Бакунина с А. Ришаром полностью будет опубликована нами с комментариями и с характеристикой Ришара в третьем томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», 1927.

состоящая из 24 стр., в свое время не могла быть использована для печати ввиду того, что, благодаря быстрой смене событий, она устарела раньше, чем дошла по адресу. Третья часть (из 26 стр.) была еще послана Озерову, но с этого момента Бакунин начал отсылать рукопись, доведенную до 125 стр., непосредственно Гильому. Последнему предоставлено было право перекраивать и сокращать рукопись по своему усмотрению: из первых 80 страниц третьей части «Письма к французу» Гильом, подвергший первоначальный план автора радикальной переработке, и выкроил брошюру «Письма к французу о современном кризисе», разбив ее на 7 глав. Брошюра была напечатана в Невшателе (43 стр. in 16°) 20 сентября 1870 года без указания имени автора, даты и места печатания. Впоследствии Бакунин выражал недовольство тем, что Гильом, желая представить русского варвара европейской публике в приличном виде, прилизал и подчистил его слишком энергическое произведение. Бакунин говорил даже, что Гильом «оскопил» его брошюру. Следует признать, что в этом отношении Бакунин был отчасти прав. Достаточно сопоставить оригинал с той переработкой, которую произвел в нем более «воспитанный» европеец, чтобы убедиться в том, что в руках Гильома сочное и резкое произведение Бакунина утратило значительную долю своей «беспардонности» и мужественной энергии [1].

Часть брошюры была тогда же ввезена во Францию, но вряд ли в значительном количестве. Да этого, собственно говоря, и не требовалось: в частных письмах Бакунин уже успел задолго до того высказать свои мысли немногочисленному кругу единомышленников, на которых только она и могла иметь непосредственное влияние. Тем более, что автор, упреждая свое литературное произведение, успел лично пробраться во Францию, где с группой социалистов-революционеров предпринял 28 сентября 1870 года свою известную попытку захвата ратуши в Лионе и провозглашения «конца государства» (см. ниже, гл. III).

Когда лионская попытка потерпела крушение, Бакунин, уезжая из Лиона 29 сентября, обратился с известным прощальным письмом к другому лионскому интернационалисту Паликсу, у которого он жил там на квартире. В этом письме, где он выражал недовольство робостью одних товарищей и изменой других, замечались уже первые следы того разочарования, которое с этого момента начало овладевать усталым борцом.

---

[1] Русский перевод помещен в 4-м томе «Избранных Сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда», М., 1920 (по первоначальной рукописи Бакунина, опубликованной Гильомом в т.т. II и IV франц. издания «Oeuvres»).

Из Лиона Бакунин уехал в Марсель, где занялся писанием нового произведения, посвященного франко-прусской войне и выяснению ее возможных результатов.

По его мысли, это новое произведение должно было служить продолжением «Писем к французу». Начиналось оно первыми строками вышеупомянутого письма к Паликсу: «Мой дорогой друг, я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего прости...» и т. д. Он успел написать в Марселе 114 страниц этой брошюры, которая однако в свое время не увидела света и была опубликована лишь в 1910 году (в IV томе его «Oeuvres»).

Окончательно потеряв веру в возможность революции во Франции, как это видно из письма к испанскому анархисту Сентиньону от 23 октября, найдя, что «сам народ проникся там доктринерством, резонерством и буржуазностью, подобно буржуям», Бакунин оставил эту страну «с глубоким отчаянием в душе». 24 октября он уехал в Геную, а 27-го прибыл в Локарно, где и поселился.

Здесь Бакунин, отложив в сторону марсельскую рукопись из 114 страниц, засел за новую обработку все той же мучившей и волновавшей его темы. Это сочинение также должно было служить продолжением «Писем к французу» и тоже начиналось письмом к Паликсу. Но, взявшись за него без предварительно составленного плана, Бакунин незаметно увлекся развитием одной особенно интересовавшей его темы, и с 105 страницы рукопись внезапно получила заглавие: «Приложение. Философские рассуждения о божественном призраке, о реальном мире и о человеке». Дойдя таким образом до 256 страницы, Бакунин вдруг спохватился и, вернувшись к 80 странице первоначальной рукописи, начал писать с 81 страницы новое продолжение, доведя теперь рукопись до 285 страницы.

В теперешнем виде книжку предполагалось озаглавить «Социальная революция или военная диктатура». Позже Бакунин решил дать брошюре другое заглавие, а именно: «Кнуто-Германская Империя и социальная революция».

19 ноября 1870 года Бакунин писал Огареву по поводу своей брошюры, которая набиралась в женевской кооперативной типографии: «Я спешил бы..., если бы имел намерение написать брошюру для скорейшего воздействия на общественное мнение. Но у меня в настоящую минуту нет этой цели; нет же ее потому, что нет более веры, чтобы какими бы то ни было брошюрами или даже непосредственными практическими предприятиями и действиями можно было теперь переменить ход дел... Я пишу патологический эскиз настоящей Франции и Европы

для назидания ближайших будущих деятелей, а также и для оправдания своей системы и своего образа действий. Итак, хочу написать нечто полное и вполне цельное. Выйдет не брошюра, а книга» (Переписка, стр. 314—315).

А 16 апреля 1871 г., когда первый выпуск был уже почти закончен печатанием, Бакунин снова пишет старому товарищу: «Ты все требуешь, чтобы я прислал тебе конец. Милый друг, неотлагательно пришлю материал еще на второй выпуск в 8 листов, а все еще окончания не будет. Пойми, что я начал брошюру, а кончаю ее, как книгу. Это уродливо, но что же делать, я сам урод, — и хоть уродливо, а книга выйдет дельная и живая. Она у меня почти вся написана. Следует только привести все в порядок. Это моя первая и последняя книга, мое духовное завещание. Итак, ты мне, милый друг, не мешай, ты знаешь, от любимого плана, от последней мысли отказаться ни даже изменить их невозможно... Chassez le naturel, il revient au galop [1]. Дело не в деньгах. Всего собрано только на 10 листов, а таким образом будет никак не менее 24 листов. Об этом не тревожься, я уже принял меры для собрания нужной суммы. Главное, на первый выпуск в 6, 7 или даже 8 листов деньги есть; итак, печатайте и издавайте первый выпуск смело, именно в желаемом мною (а не определенном вами) об'еме. Бог даст день, бог даст и хлеб» (Переписка, стр. 321).

В конце апреля первый выпуск брошюры, содержавший 119 страниц, закончен был печатанием. Прежняя обложка была заменена новой, отпечатанной в типографии Гильома и носившей, согласно выраженному автором желанию, заглавие: «Кнуто-Германская Империя и социальная революция.—Михаила Бакунина. Женева. 1871» [2]. В брошюру вошло 138 страниц бакунинской рукописи. Страницы 139 — 210, содержащие главу «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», были тогда же набраны, но не напечатаны. Бакунин предполагал вклю-

---

[1] Гони природу в дверь, она влетит в окно.

[2] Существует русский перевод первого выпуска, изданный в 1907 г., в издании «Голоса Труда», М., 1919 (т. II «Избр. Соч.» Бакунина), напечатаны оба выпуска, но напрасно автор перевода уверяет, что здесь дана «Кнуто-Германская Империя» в полном об'еме; отсутствуют: 1) Приложение: философские соображения о божественном призраке, реальном мире и человеке («Oeuvres», т. III, стр. 183—408); 2) оба предисловия, написанные в 1871 г., и 3) отрывок, относящийся к 1872 г. («Oeuvres», т. IV), т.-е. в общем почти столько же, сколько вошло в издание «Голоса Труда». В подготовляемом нами к печати полном собрании сочинений и переписки Бакунина мы предполагаем напечатать, наконец, эту главную работу Бакунина целиком.

чить их во 2-й выпуск своей брошюры, за подготовление которого к печати он скоро взялся. Отобрав у Гильома страницы 139—285 своей рукописи, Бакунин решил их переработать и начал составлять «Введение» ко 2-му выпуску «Кнуто-Германской Империи», но успел написать только 14 страниц. Оставив эту работу незаконченной, он принялся за сочинение другого «Предисловия» (не то к тому же 2-му выпуску, не то ко всей книге), которое равным образом не было доведено до конца. Так как в тот момент не удалось собрать достаточной суммы для издания второго выпуска (не хватило сотни рублей!), а Бакунин вскоре увлекся совершенно другими вопросами, в частности полемикой с Маццини и борьбой с Марксом, то работа, которую Бакунин считал главным своим произведением и даже называл в письме к Огареву своим «духовным завещанием», так и осталась в виде отрывков, не приведенных в систему и в большинстве незаконченных.

Бакунин, впрочем, не отказался, повидимому, от мысли так или иначе довести до конца столь дорогое для него произведение, и через год (1872 г.) он снова набросал отрывок в 75 страниц, который, по его мысли, должен был составить продолжение «Кнуто-Германской Империи». Но вскоре он с головой ушел в дело «Баронаты» и итальянских конспираций, а там подошла его смерть, и задуманная им работа так и осталась незаконченной и несистематизированной.

Кроме философского «Приложения», посвященного анализу идеи бога и критическому изложению контовской системы, Бакунин думал написать для своей «Кнуто-Германской Империи» второе приложение, в котором он намеревался подробно разобрать всегда занимавший его вопрос о германо-славянских отношениях.

Об этом он определенно говорит на 90-й странице 1-го выпуска «Кнуто-Германской Империи», где сказано:

«В конце этого сочинения при обзоре германо-славянского вопроса я неопровержимыми историческими фактами докажу, что дипломатическое воздействие России на Германию было до 1866 года ничтожным или почти ничтожным, а с 1866 года петербургский кабинет в сильнейшей степени способствовал успеху бисмарковских проектов». Неизвестно, удалось ли Бакунину написать это приложение; по крайней мере, до нас оно не дошло. Но этого вопроса он касается во многих других своих работах, в частности в русской книге «Государственность и Анархия» (до известной степени тоже представляющей продолжение «Кнуто-Германской Империи»), в письме к юрским секциям Интернационала, в брошюре «Исповедание веры русского социалиста-демократа» и, наконец, в различных вариантах той же «Кнуто-Германской Империи».

Мысли, излагавшиеся Бакуниным в изданных отрывках его «единственной книги» [1], остались до последнего времени незнакомы широкой публике. Впрочем, в своей обширной корреспонденции, которую он вел с социалистами романских стран, Бакунин неоднократно излагал эти мысли, хотя в еще более отрывочной форме, чем это имеет место в «Кнуто-Германской Империи». Только через 6 лет после смерти Бакунина, а именно в 1882 г., его последователи Карло Кафиеро и Элизе Реклю издали в виде отдельной брошюры страницы 149—247 бакунинской рукописи (без затерянных 211—213 стр.) под придуманным ими самими заглавием «Бог и Государство» [2]. Из других относящихся сюда отрывков увидали свет первые страницы «Введения» ко второму выпуску «Кнуто-Германской Империи», напечатанные Э. Реклю в женевской анархической газете «Le Travailleur» 1878 года под заглавием «Парижская Коммуна и понятие о государственности» [3]. Целиком же это «Введение было опубликовано в 1892 году Бернаром Лазаром в парижских «Entretiens politiques et littéraires». Остальные дошедшие до нас части этой работы сделались доступны читающей публике лишь после того, как старый соратник Бакунина по Интернационалу, Джемс Гильом, взялся за редакцию собрания сочинений Бакунина, которое издавал в Париже В. Сток. Первый том был проредактирован Максом Неттлау и вышел в 1895 году. Затем после долгого перерыва и уже под редакцией Гильома с 1907 года вышли томы II, III, IV, V и VI. Седьмой и восьмой томы были в 1913—14 году подготовлены к печати, однако, до сих пор не вышли. Но почти все сочинения Бакунина, относящиеся к франко-прусской войне (если не считать частных писем), уже опубликованы в появившихся до настоящего времени томах.

---

[1] Конечно, Бакунин так называл ее до того, как написал и выпустил свою «Государственность и Анархию» (конец 1873 года); последнюю, впрочем, он называл «брошюрой» (в письме к Огареву от 11 ноября 1874 года).

[2] Эта брошюра с тех пор неоднократно переиздавалась на разных языках. Существуют и русские ее переводы под тем же заглавием. Ее не следует смешивать со статьей «Бог и Государство», о которой мы говорили выше и которая в 1895 году была напечатана М. Неттлау в I томе французского издания «Oeuvres» Бакунина, откуда она попала в I том русского издания (Балашева). Последняя есть не что иное, как содержание неизвестно когда написанных страниц 286—340 бакунинской рукописи «Кнуто-Германская Империя», и представляет просто разросшееся примечание к странице 285 той же рукописи. Это кстати дает некоторое понятие о писательской манере Бакунина.

[3] Есть русские переводы; напечатана также в 4-м томе «Избранных Сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда», М., 1920.

2. Отношение Бакунина к Германии и Франции.

Чтобы надлежащим образом оценить отношение Бакунина к франко-прусской войне, необходимо вспомнить его взгляды на характер германской нации и на роль ее в истории человечества, с одной стороны, и на характер и роль Франции — с другой. Только после этого станет понятно, почему он так сильно реагировал на известия об успехах немецкого оружия и о французских неудачах.

Выше, в шестой главе второй части третьего тома, которая посвящена изложению взглядов Бакунина на национальный вопрос, мы подробно характеризовали его отношение к Германии; поэтому мы можем здесь к этому вопросу не возвращаться. Напомним лишь, что Бакунин считал германскую нацию абсолютно контр-революционной, а Германию признавал центром европейской реакции, государством par excellence со всеми его отрицательными сторонами, заклятым врагом славянских народов, виновником царившей на Руси политической системы, главною помехою к торжеству свободы и социализма, рассадником холопства повсюду.

Уже одного этого враждебного отношения к германской нации и к германской культуре было достаточно для того, чтобы Бакунин отдал свои симпатии ее противнику, да еще поверженному в прах. Но помимо того Бакунин относился к Франции, к французскому народу, к французскому духу с такой любовью, что если бы он даже до того вообще симпатизировал Германии, он должен был бы теперь с яростью выступить против победоносного насильника, придавившего коленом благородную грудь «прекрасной Франции».

Бакунин любил Францию не только как очаг революционного социализма, откуда, по его убеждению, должна взойти заря социального освобождения, — он любил Францию как таковую за ее просветительную и освободительную роль в истории человечества. «Я отнюдь не националист, — говорит он, — я даже от всей души ненавижу так называемый принцип национальностей и рас, который выдвинули Наполеон III, Бисмарк и русские императоры лишь для того, чтобы во имя его подавить свободу всех наций». И тем не менее, — продолжает он, — «я оплакивал бы, как величайшее несчастье для всего человечества, упадок и смерть Франции, как великой национальной породы, смерть этого великого национального характера, этого французского духа, этих благородных, героических инстинктов и этой революционной смелости, которые дерзнули взять приступом, с целью разрушения, все авторитеты, освященные и упроченные историей, все силы небесные и земные. Если бы

той великой исторической породы, которая называется Францией, в настоящее время не существовало, если бы она исчезла с мировой сцены или, что было бы еще хуже, если бы эта благородная и умная нация с той чудесной высоты, на которую вознесли ее героический труд и гений прошлых поколений, сразу низверглась в грязь, продолжая влачить существование в качестве рабы Бисмарка, — в мире образовалась бы огромная пустота. Это была бы не просто национальная катастрофа, это было бы всеобщим несчастьем, мировой потерей».

Достаточно представить себе, что на месте Франции 1793 года, на месте Франции, от которой мир ждет и теперь (1870 г.) инициативы всеобщего освобождения, стояла бы Пруссия, Германия Бисмарка, и сразу станет понятным, что потеряло бы человечество с гибелью Франции.

«Мир настолько привык следовать инициативе Франции, видеть ее всегда смело идущей впереди, что и теперь, когда она, раздавленная бесчисленными армиями и преданная всеми своими официальными властями, равно как явной немощью и глупостью всех своих буржуазных республиканцев, весь мир, все нации Европы, изумленные, встревоженные, подавленные ее видимым упадком, все еще ждут от нее своего спасения. Они ждут от нее сигнала к освобождению, лозунга, примера. Все взоры обращены не на Мак-Магона или Базена, а на Париж, Лион, Марсель. Революционеры всей Европы тронутся не прежде, чем тронется Франция... Таково еще и в настоящее время, несмотря на все ее несчастья, а, может быть, именно благодаря этим ужасным несчастьям, впрочем, вполне заслуженным, — таково еще и теперь и даже в большей степени, чем когда-либо, великое положение революционной Франции. От смелого водружения и от успеха ее знамени мир ждет своего спасения» (продолжение «Писем к французу», «Oeuvres», т. IV, стр. 24—27).

Те же мысли Бакунин выражает и в рукописи, написанной в Марселе, представляющей связующее звено между «Письмом к французу» и «Кнуто-Германской Империей».

«Франция, — писал он, — эта великая нация, которую ощущение своего действительного исторического величия часто толкало на безрассудные и преступные безумства, но которая, несмотря на эти временные уклонения и на эти злополучные увлечения самонадеянной силы, до сих пор всем миром справедливо признавалась естественным вождем и благородным инициатором всего человеческого прогресса и всех завоеваний свободы; эта Франция, вся история которой с 1789 — 1793 годов была ничем иным, как энергическим протестом и непрерывной борьбой света с мраком, человеческого права с ложью божественного права и

юридического права, демократическо-социальной всемирной республики с тиранической коалицией королей и эксплоатирующих и привилегированных классов; эта Франция, с которою еще и ныне связаны все надежды угнетенных наций и порабощенных народов, гибнет на наших глазах. Ей угрожает участь Польши. Ее могущество, некогда заставлявшее бледнеть всех тиранов Европы, ныне пало так низко, что все эти монархии, успокоенные ее падением, осмеливаются безнаказанно оскорблять ее, выражать ей лицемерное и презрительное сожаление и обращаться к ней с увещаниями и советами; что все более или менее микроскопические государики Германии, вассалы короля Вильгельма, их будущего императора, вчера еще дрожавшие при одном имени Франции, теперь, окруженные своими ад'ютантами, дерзают попирать ногами и захватывать ее территорию. И в довершение всего даже буржуазные республиканцы Швейцарии, холопская угодливость которых перед Наполеоном III еще несколько месяцев тому назад не знала границ, ныне смеют во всеуслышание мечтать о приращении и округлении Гельветической Республики за счет Франции, поверженной под нози прусского самодержца. И в конце концов участь, которую при настоящих условиях ей в лучшем случае смеют предрекать, это — превращение в наместничество будущего германского императора, подобно тому как Италия Виктора-Эммануила была наместничеством императора французов. Я не имею чести быть французом, но признаюсь, что я глубоко возмущен всеми этими оскорблениями, и что несчастья Франции, ее падение повергают меня в глубокое отчаяние».

Его печалит не крушение официальных властей, не падение Второй Империи, не развал французского государства. «Что я горько оплакиваю, так это падение французской нации, крушение симпатичной и великой породы, благородного национального характера и блестящего французского ума, как бы нарочно созданных и развитых историей для освобождения мира. Что я оплакиваю, так это молчание, которое будет наложено на великие уста Франции, возвещавшие всем страждущим и угнетенным свободу, равенство, братство и справедливость. Мне кажется, что когда великое солнце Франции погаснет, всюду наступит затмение, и что все более или менее затейливые фонарики, которые будут зажжены резонерствующими учеными Германии, не в состоянии будут заменить тот великий и простой свет, который проливал на мир дух Франции. Наконец, я убежден, что порабощение Франции и окончательное торжество Германии, подчиненной пруссакам, снова ввергнут всю Европу в тьму, бедствия и рабство прошедших веков. Я настолько в этом убежден, что, по моему мнению, для всякого человека, любящего свободу

и желающего торжества человечности над скотскостью, желающего освобождения своей собственной страны, в настоящее время является священным долгом принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения германского деспотизма, какого бы он сам ни был происхождения, будь он англичанином, испанцем, итальянцем, поляком, русским и даже немцем» («Oeuvres», т. IV, стр. 152—155).

Если Франция будет побеждена, не перестает повторять Бакунин, то дело человечества погибнет в Европе, по крайней мере, на 50 лет. Вся Европа будет сразу отброшена назад, к средневековому варварству. Во всех государствах усилится гонение на социализм. Создастся почва для нового об'единения всех консервативных и реакционных сил. «После войны 1815 года возник политический Священный Союз всех государств против буржуазного либерализма. После нынешней войны, если она окончится торжеством Пруссии, т.-е. торжеством международной реакции, сложится одновременно политический и экономический Священный Союз тех же государств, еще усиленный корыстным сотрудничеством буржуазии всех стран, против революционного социализма пролетариата». Реакция, которая наступит после германской победы на многие десятилетия, будет еще более ожесточенной, чем та, которая наступила после июньской катастрофы 1848 года. И именно в сознании этой опасности германские социал-демократы протестовали против вторжения немецких войск во Францию, за что Бакунин искренно их приветствует («Oeuvres», т. IV, стр. 19—27; т. II, стр. 294).

Но победа немцев грозит гибелью и самой Германии, немецкой свободе, всем демократическим чаяниям германского народа. «Горе немцам, — восклицает Бакунин, — если их армии победоносно возвратятся в Германию! Это будет концом для всех их надежд на будущее и для их свободы, по меньшей мере, на 50 лет. Стоит только представить себе эти орды рабов, дисциплинированных и предводимых померанскими баронами и превращенных...» (здесь обрывается, к сожалению, рукопись листка, озаглавленного «Пробуждение народов» и относящегося, повидимому, к одному из отрывков «Кнуто-Германской Империи»).

Таким образом спасение Франции в интересах не одной только этой страны, но и всех других стран. В «Письме к Эскиросу» Бакунин, предупреждая вопрос, какое собственно ему, иностранцу, дело до спасения Франции, отвечает предполагаемому вопрошателю: «Должен ли я доказывать вам, что теперь дело Франции снова стало делом всего мира; что поражение и упадок Франции будут поражением и упадком свободы, всего того, что есть в мире человеческого; что конечное торжество прусской идеи и прусского могущества, проникнутых военно-бюро-

кратическим, дворянским и иезуитско-протестантским духом, будет величайшим несчастьем, какое только способно постигнуть Европу? Если Пруссия одержит верх, то европейское человечество погибло, по крайней мере, на 50 лет; нам, старикам, останется тогда только умереть. Увы! Я должен буду признать, что мой покойный друг Александр Герцен был прав после плачевных июньских дней 1848 года, когда об'явил, что Западная Европа отныне умерла, и что для обновления, для продолжения истории осталось только два источника: Америка, с одной стороны, и восточное варварство — с другой» («Oeuvres», т. IV, стр. 233).

Но Бакунин не хочет так легко сложить оружие. Европа не нуждается для своего спасения, говорил он Герцену и говорит теперь, в обновлении ее восточным варварством. В недрах европейского общества имеется достаточно живых элементов, собственных «варваров», незатронутых и неистощенных буржуазною цивилизацией, трудовых масс, которые найдут в себе достаточно сил и энергии, чтобы дать отпор торжествующему насилию. В частности французский рабочий класс должен понять, что победа пруссаков будет еще гораздо пагубнее для французских рабочих, чем для французской буржуазии («Oeuvres», т. II, стр. 259). Перед французскими рабочими, ввиду торжества германского деспотизма, выдвигается теперь задача освобождения всего человечества; и только они одни, если им удастся увлечь за собою французское крестьянство, способны осуществить эту задачу, ибо их инициатива встретит живой отклик среди рабочих во всех странах[1]. «Такова в настоящее время их великая миссия. Если они ее выполнят, они освободят всю Европу. Если они проявят слабость, они погубят сами себя и обрекут европейский пролетариат, по крайней мере, на полувековое рабство». Подчинение пруссакам — смерть для французского социализма, который будет сброшен со счетов истории, как живая и действенная сила, ведущая человечество вперед. «Совершенно очевидно, что если Франция покорится Пруссии, если в этот ужасный момент, когда на карту вместе со всем ее настоящим поставлено все ее будущее, она не предпочтет смерть всех своих детей и гибель всего своего

---

[1] По мнению Бакунина, революционная инициатива самих трудящихся масс Франции не только создаст в самой Франции силу, способную противостать германским полчищам, но и вызовет в тылу последних, среди германских рабочих, движение революционно-социального характера. «Всякая национальная революция и особенно революция во Франции неизбежно и немедленно превратится в интернациональную революцию» («Oeuvres», т. IV, стр. 159).

добра, пожар своих деревень, городов и жилищ рабству под прусским игом, если она не сломит силой народного революционного восстания силу бесчисленных германских армий, до сих пор всюду шедших от победы к победе и ныне угрожающих ее достоинству, ее свободе и даже самому ее существованию, если она не станет могилою для всех этих шестисот тысяч солдат германского деспотизма, если она не ответит на это наглое вторжение социальной революцией, не менее беспощадной и в тысячу раз более грозной,—тогда не подлежит сомнению, что Франция погибла, ее рабочие массы будут обращены в рабство, а французский социализм прикажет долго жить» («Oeuvres», т. IV, стр. 27—32).

Поэтому Бакунин не верит в индифферентное отношение французских рабочих к войне, к поражению Франции и победе Германии. Такого индифферентизма он никогда не поймет или, вернее, боится его понять. Газетные известия о безразличии рабочих к судьбам Франции, если бы они были справедливы, доказывали бы, что французские рабочие слишком узко понимают свои задачи, сводя весь социальный вопрос «к простому вопросу материального благосостояния для себя самих, т.-е. к узкой и смешной утопии, не имеющей никаких шансов на осуществление» (между прочим, интересное заявление в устах Бакунина, упорно отвергавшего участие рабочего класса в политической борьбе!). Бакунин понимает и всецело разделяет ненависть и презрение французских рабочих к Тюильри, собору Нотр-Дам и даже к Лувру, как к памятникам материального и духовного порабощения. Но все это не могло бы оправдать индифферентного отношения их к судьбам Франции. «Если бы Франция, — восклицает Бакунин, — подверглась нашествию армии пролетариев немецких, английских, бельгийских, итальянских, испанских, развернувшей знамя революционного социализма и возвестившей миру окончательное освобождение труда и пролетариата, я первый сказал бы французским рабочим: «Раскройте им ваши об'ятия, это ваши братья, и об'единитесь с ними, чтобы смести с лица земли разлагающиеся останки буржуазного мира!». Но нашествие, бесчестящее Францию в настоящий момент, вовсе не демократическое и социальное нашествие, это — нашествие аристократическое, монархическое и военное. Пятьсот или шестьсот тысяч немецких солдат, душащих в данный момент Францию, являются покорными подданными, рабами деспота, насквозь пропитанного своим божественным правом, и руководятся, состоят под командой и приводятся в движение, как автоматы, офицерами и генералами, вышедшими из среды самого наглого дворянства в мире, они — спросите об этом у ваших братьев, германских рабочих, — самые ярые враги пролетариата. Встречая их мирно, оставаясь индифферентными и

пассивными перед этим вторжением немецкого деспотизма, аристократизма и милитаризма, французские рабочие не только отказались бы от своего собственного достоинства, собственной свободы, собственного благосостояния и от всех своих надежд на лучшее будущее, но они предали бы еще дело пролетариата всего мира, священное дело революционного социализма. Ибо последний повелевает им, в интересах рабочих всех стран, уничтожить эти свирепые банды германского деспотизма, подобно тому как те сами уничтожили вооруженные банды французского деспотизма, перебить всех солдат прусского короля и Бисмарка до последнего так, чтобы ни один из них не мог покинуть живым или вооруженным почву Франции» («Oeuvres», т. II, стр. 253—258).

Мы видим таким образом, что в отношении к Германии и Франции Бакунин не знал середины: насколько он ненавидел одну, закрывая глаза даже на ее положительные стороны, настолько же он любил другую, готовый сквозь пальцы смотреть даже на ее недостатки, если только дело шло о том, какой из двух отдать предпочтение. И после всего вышесказанного нас не удивит, что Бакунин готов был предпочесть германскому торжеству победу даже не Франции, как таковой, а самого Наполеона III. «Мы не знаем, что было бы, если бы победил Наполеон III, — говорит он. — Без сомнения, было бы худо, даже очень худо; но не случилось бы худшего несчастья для целого мира, для свободы народов, чем теперь» («Государственность и Анархия», стр. 231).

Глава вторая.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЛАНЫ БАКУНИНА.

1. Надежды на социально-революционную вспышку в юго-западной Европе.

Нам уже приходилось выше характеризовать то состояние неустойчивого равновесия, в котором находилась к концу 60-х годов XIX века Европа вообще, а юго-западная Европа в частности. В Италии, где борьба за национальное об'единение еще не закончилась, уже давало себя знать недовольство широких народных масс, страдавших от нищеты и разоряемых развивающейся капиталистической системой. В Испании, после низвержения королевы Изабеллы в 1868 году, буржуазия тщетно пыталась добиться восстановления порядка приглашением на престол сына итальянского короля, принца Амедея; революционное брожение в стране не прекращалось, и Испания находилась накануне превращения в республику. Во Франции Вторая Империя трещала по всем швам: на-ряду с ростом буржуазной оппозиции выступило снова на сцену рабочее движение, и революция приближалась неудержимо. Неспокойно было и в других странах Европы, и даже в России начиналось революционное движение.

Что первые же шаги революционного движения возбуждают радужные надежды, что собственные силы естественно преувеличиваются, а препятствия представляются ничтожными и легко преодолимыми, это общеизвестно. Неудивительно, что и в тот момент шансы социальной революции некоторым казались огромными, а силы сопротивления старого общества преуменьшались. Химерические планы возникали в разных головах, склонность к вспышкопускательству была широко распространена, и Бакунин хотел об'единить и систематизировать эти стремления в едином плане социально-революционого восстания, которое ввиду успехов Интернационала казалось ему вполне осуществимым. Правда, когда мы теперь оглядываемся назад и спокойно взвешиваем те

весьма ограниченные силы и средства, которые тогда имелись в его распоряжении, мы ясно видим, что расчеты его были неосновательны; но в тот момент ему самому дело представлялось в совершенно ином виде, а революционный энтузиазм, который в этом поседелом борце был сильнее, чем в его молодых последователях, толкал его на попытки, которые, с его точки зрения, даже в случае неудачи должны были дать толчок дальнейшему расширению движения и переходу его на высшую ступень. Таким путем в голове Бакунина к лету 1870 года сложился план революционного восстания в Италии, Испании и Франции, которое было бы поддержано романской Швейцарией и в случае успешного развития могло бы приобрести общеевропейский размах.

Это были как раз те страны, в которых имелось больше всего членов Альянса. Правда, их было в общем очень мало, но Бакунин, как мы уже знаем, верил в революционные инстинкты масс и был убежден, что альянсисты, выражающие настроение этих масс, естественно станут во главе их в случае революционных событий. Эти же страны находились тогда в наиболее неустойчивом политическом положении, из которого, по мнению Бакунина, выход был только один: в сторону анархической социальной революции. Отсюда его план социально-революционного восстания в юго-западной Европе, возглавить которое должны были работавшие там члены Альянса. И Бакунин развил лихорадочную деятельность, стараясь возбудить решимость своих сторонников и заставить их предпринять решительные шаги в этом направлении.

О периоде, непосредственно предшествовавшем началу франко-прусской войны, Альбер Ришар в своей не раз цитированной статье рассказывает следующее: «События шли ускоренным темпом. Я получил от Бакунина несколько писем, живо побуждавших меня подготовить все для революционного движения, которое он считал необходимым. В то время он развивал самую активную деятельность, предлагая всем пошевеливаться, быть наготове, предупредить республиканцев (буржуазных. — *Ю. С.*). Одно письмо его следовало за другим. Он пригласил Фанелли и других итальянских республиканцев в Локарно. Он сильно рассчитывал на итальянцев, которые представляли ему положение в своей стране как весьма напряженное. Он побуждал испанцев, революционная организация которых сделала крупные успехи, поддержать намечавшееся общее движение. Но война, сопровождавшаяся быстрыми успехами пруссаков, пришлась для него некстати, ибо он опасался, что не сумеет использовать неизбежную разруху, которую она должна была повлечь за собой».

Инв. № 466848

В этом плане Бакунина Франция занимала центральное место. Ей он, по старой революционной традиции, придавал главное значение в деле осуществления своих планов всемирной анархической революции, направленной к разрушению государства и уничтожению частной собственности. По его убеждению, только из Франции и мог быть подан сигнал к этой всесветной революции. И вот почему он особенно дорожил теми связями с деятелями французского движения, которые ему удалось завязать на Базельском конгрессе Интернационала и после него.

В последние годы Второй Империи французское рабочее движение, надолго задавленное после кровавой бани июньских дней 1848 г., снова начало поднимать голову. Среди рабочих началось сначала чисто экономическое, а затем и широкое политическое брожение; участились стачки, появились «рабочие кандидатуры», социальные газеты, организации, митинги. Повсюду, в Париже и в крупных провинциальных городах, как Лион, Марсель, Руан и т. п., складывались организационные ячейки, и постепенно сплеталась организационная сеть, которая должна была покрыть собою всю Францию. Деятели этого движения были окрылены самыми радужными надеждами: им рисовалось уже впереди близкое падение Империи, провозглашение республики и даже социальная революция. С некоторыми из этих деятелей Бакунин был знаком или лично, или через посредство друзей и по своему обыкновению поддерживал с ними оживленную переписку, в которой старался внушить им свои взгляды и приемы практического действия. И если среди людей, на которых рассчитывал Бакунин, имелись такие ненадежные элементы, как А. Ришар или Г. Блан, то, с другой стороны, среди них имелся такой человек, как Варлен. А это что-нибудь да значило.

Для тогдашнего уровня рабочего движения характерно, что, несмотря на радужные надежды Бакунина, действительных связей во Франции у него было очень мало. В Париже, как нам уже приходилось указывать, Бакунин имел только единичных сторонников, и влияние анархизма было там ничтожно [1]. Сам Варлен, на которого альянсисты сильно рассчитывали, далеко не был анархистом в настоящем смысле этого слова и, хотя сочувствовал революционным методам, вовсе не отказывался поэтому от политической борьбы, в которой принимал деятельное участие. Больше связей имел Бакунин в руководящей верхушке лионского и марсельского движения. В Лионе к тому времени создалась

---

[1] Не потому ли Бакунин на этот раз отводил инициативную роль не *Парижу*, а Лиону и Марселю?

влиятельная группа, связанная с рабочими обществами, которые в числе двадцати группировались вокруг местного Интернационала. Здесь действовали А. Ришар, Шарве, Парратон, Г. Блан, Паликс и т. д., стоявшие более или менее близко к Альянсу и взглядам Бакунина. Приблизительно таково же было положение в Марселе, где главными проводниками бакунинских идей были Бастелика́, Комб и Алерини. Таким образом влияние Бакунина распространялось главным образом на Лион и Марсель с примыкающими к ним районами.

Не следует однако думать, что все втянутые в это движение элементы действительно стояли на анархистской точке зрения. Тот же Ришар говорит по этому поводу следующее: «На четвертом конгрессе Интернационала, состоявшемся в Базеле в сентябре 1869 г., установилось благодаря стараниям Альянса полное согласие между Бакуниным, делегатом от Лиона, и другими лионскими, марсельскими, парижскими, юрскими, итальянскими и испанскими делегатами... После Базельского конгресса события пошли ускоренным темпом. Интернационал повсюду и в частности в юго-восточной Франции сделал значительные успехи. И во всем этом районе члены Альянса действительно стояли во главе движения, равно как в Испании и Италии. Но так как Альянс еще не (?) провозглашал анархии во всей ее строгости и со всеми ее последствиями, так как массы, особенно во Франции, не поддавались пропаганде, столь противоречившей старым якобинским и парламентским традициям французской демократии, так как французские вожди Альянса сами не были особенно проникнуты доктриною или, точнее, духом Бакунина, то, несмотря на все усилия, согласие никогда не было полным».

Задолго до войны Бакунин старался сблизить сочувствующие элементы в разных странах и установить между ними единство мысли и действия в целях намеченного выступления. В ноябре 1869 года его ад'ютант Джемс Гильом и немецко-испанский альянсист Сентиньон прибыли в Лион, куда вызван был из Марселя Бастелика [1]. В Лион Бакунин направлял и других своих эмиссаров, швейцарцев и русских, в том числе некоторых женщин, примыкавших к Альянсу. С другой стороны, Ришар, как мы знаем, ездил к нему в Женеву, а затем в Локарно, куда

---

[1] Что уже в это время там велись переговоры о восстании в юго-западной Европе, видно из письма Бакунина к Ришару от 10 августа 1870 г., где Бакунин напоминает своему корреспонденту, что еще в конце прошлого года Гильом и Сентиньон предложили ему от имени Бакунина «крупное дело и коммерческое предприятие, обнимающее Швейцарию, Италию и Испанию». Условные термины об'ясняются соображениями конспирации.

приезжали также испанцы и итальянцы. С целью оживить социалистическую работу во Франции и установить в этой области идейное единство, задумана была конференция французских интернационалистов в Лионе. Она, в виде большого народного собрания с участием иногородних делегатов, состоялась 13 марта 1870 года. От Парижа присутствовал Варлен, который председательствовал на собрании; от Марселя — Бастелика и Пачини; от Руана — Обри; были также делегаты от Сент-Этьена, Дижона, Вьенни, Эльбефа, Ла-Сиота; от юрских секций Швейцарии — альянсист А. Швицгебель. Послано было приглашение и Бакунину, но он отложил свой приезд в Лион и ограничился посылкой своего рода принципиального манифеста, который был передан А. Ришару через Швицгебеля.

В этом документе, датированном 12 марта 1870 года и представляющем по форме личное обращение к Ришару, Бакунин предостерегал французских рабочих от всяких союзов с радикальной буржуазией и доказывал неизбежность насильственной революции. Рекомендуя рабочим провозгласить полный разрыв с обреченным на гибель буржуазным миром, Бакунин продолжал: «В настоящее время вы являетесь носителями всех элементов той силы, которая должна обновить мир. Но элементы силы еще не составляют силы. Чтобы составить действительную силу, они должны быть организованы, а для того, чтобы эта организация соответствовала своей основе и своей цели, она не должна допускать в свои ряды никаких чуждых элементов. Поэтому вы не должны подпускать к ней всего того, что принадлежит к цивилизации, к юридической, политической и социальной организации буржуазии. Даже тогда, когда буржуазная политика была бы красна, как кровь, и горяча, как раскаленное железо, то раз она не признала бы непосредственною и прямою целью разрушение юридической собственности и политического государства — двух оплотов, на которые опирается все буржуазное господство, — ее торжество могло бы быть только роковым для дела пролетариата.

«Впрочем, буржуазия, дошедшая до последней степени умственного и морального бессилия, в настоящее время не способна сама по себе совершить революцию. Один только народ хочет ее и будет иметь силу совершить ее. Чего же хочет та передовая часть буржуазного класса, которая представлена либералами и исключительно-политическими демократами? Она хочет заполучить в свои руки руководство народным движением, с тем чтобы лишний раз обратить его в свою пользу или, как они сами говорят, чтобы спасти основы того, что они называют цивилизацией, т.-е. самые основы буржуазного господства.

«Захотят ли снова рабочие сыграть роль одураченных глупцов? Нет. Но чтобы не быть одураченными, что они должны делать? Воздержаться от всякого участия в политике буржуазного радикализма и организовать в стороне от него силы пролетариата. Основа этой организации имеется налицо: это мастерские и федерация мастерских, создание касс сопротивления, являющихся орудием борьбы против буржуазии, и их федерация не только национальная, но и интернациональная; создание палат труда, как в Бельгии.

«И когда пробьет час революции, [вы провозгласите] ликвидацию государства и буржуазного общества, вместе со всеми юридическими отношениями; [вы провозгласите] анархию, т.-е. подлинную, открытую народную революцию, анархию юридическую и политическую и экономическую организацию победоносного мира трудящихся снизу вверх и от периферии к центрам.

«А чтобы спасти революцию, чтобы довести ее до благополучного конца, посреди этой самой анархии [необходимо] действие коллективной незримой диктатуры, не облеченной никакою властью, а потому тем более продуктивной и мощной, естественная деятельность всех энергичных и искренних революционных социалистов, рассеянных по всей стране, по всем странам, но тесно об'единенных общей мыслью и общей волей.

«Такова, по моему мнению, единственная программа, смелое применение которой приведет не к новым разочарованиям, а к окончательному торжеству пролетариата».

Но лионские альянсисты в тот момент считали почву недостаточно подготовленной для открытого провозглашения принципов анархии. Ришар даже не помнит, было ли послание Бакунина оглашено на лионском собрании. Но вербовка сочувствующих элементов втихомолку продолжалась. Их было мало, но они рассчитывали на сочувствие масс. В «Письме к французу» Бакунин, имея в виду те связи, которые ему и его единомышленникам удалось завязать во Франции, писал: «Мы успели так или иначе сформировать небольшую партию — небольшую по числу людей, сознательно к ней примыкающих, но колоссальную по количеству своих инстинктивных приверженцев, по тем народным массам, потребности коих она представляет лучше, чем какая бы то ни было другая партия» («Oeuvres», т. II, стр. 227). Опираясь на эти группы, малочисленные, но пользовавшиеся влиянием на довольно широкие слои пробуждавшихся к сознательной жизни рабочих, Бакунин и его друзья надеялись в более или менее близком будущем добиться поставленной себе цели. Война одним ударом разрушила надежды

на достижение этой цели путем медленного и планомерного накопления сил [1].

Гильом, писавший свою книгу 35 лет спустя после этих событий, говорит, что война разбила надежды альянсистов на революцию. Напротив, для Бакунина она послужила только лишним толчком к попытке непосредственного выступления. Раз история не предоставила ему возможности планомерно накоплять силы, нужно было действовать с теми, какие уже находились налицо, нужно было использовать самоё войну и созданную ею обстановку для немедленного выступления. В этом смысле можно сказать, что война только подлила масла в огонь бакунинских конспираций, и он развил в тот момент лихорадочную энергию, стараясь побудить своих немногочисленных сторонников к безотлагательному действию.

Правда, неожиданно быстрые успехи пруссаков сбивали Бакунина с толку и путали все его расчеты. Однако он надеялся, что разгром императорских армий приведет к революции сначала во Франции, а затем в Италии и т. д.

«Ну-с, мои дорогие дети, — писал он 11 августа 1870 года Рейхелям, — мы имеем войну! Да еще какую войну! Разгром французского бахвальства научной грубостью пруссаков! А Лига Мира, в которой мы когда-то участвовали, но которую во-время покинули, отправилась испустить свой последний вздох огорченными устами Барни и Гегга в Базель, где она скончалась от глупости и бессилия, при чем никто и не подумал о том, чтобы устроить ей приличные похороны. Война — этот монархический, ортодоксально-пиетистский, померанско-дворянский и солдатско-полицейский Калибан — лупит императорского Робера Макера [2] и его Бертрана, всю официальную Францию! Но тем лучше пробуждается революционная Франция. Я желаю пруссакам одержать

[1] Вот что говорит по этому поводу Гильом, бывший в рассматриваемое время правой рукой Бакунина: «Эта война, желанная для Бисмарка и исподволь им подготовленная, безрассудно об'явленная Наполеоном III и его министром, либералом Эмилем Оливье, была самым злосчастным событием, какое только могло нас постигнуть. Нужно было еще несколько лет, — так думали наши парижские друзья (здесь автор ссылается на письмо Варлена к Обри от 29 декабря 1869 г.), — для того, чтобы закончить организацию Интернационала во Франции и подготовить широкое движение, которое вместе с Францией охватило бы Испанию, Италию, Швейцарию и Бельгию: война, вызванная двумя деспотическими правительствами, была крушением наших чаяний» («L'Internationale», т. II, стр. 64—65).

[2] Созданный Ф. Леметром тип ловкого мошенника; Бертран — его товарищ.

еще одну большую победу под стенами Меца, так как одержанных ими до сих пор было недостаточно для низвержения Наполеона и г-жи Евгении, и они привели лишь к министерству Паликао! А после падения Наполеона, я желал бы всевозможных бедствий померанским героям.

«Но как вы полагаете, дорогие друзья? Так или иначе революция делается неизбежной — сначала во Франции и Италии, а затем в той или иной степени повсюду!

«Да здравствует революция!» [1].

Окрыленный такими надеждами, Бакунин принялся за работу. Он вызвал к себе в Локарно Гамбуцци и Фанелли, чтобы выяснить себе положение дел в Италии и сговориться с ними насчет практических действий. Одновременно он написал своим друзьям в Испанию, в частности Сентиньону, чтобы побудить и их быть наготове; самого Сентиньона он вызывал срочно к себе. Через Сентиньона он передал Бастелика, который, скрываясь от полицейских преследований, проживал в тот момент в Испании, чтобы тот безотлагательно вернулся в Марсель ввиду возможных событий. Обо всем этом рассказывается в письме к Ришару от 10 августа, в котором адресату рекомендуется немедленно приняться за подготовку выступления. Чтобы поддержать дух своего юного партизана, Бакунин сообщает ему о глубоком волнении в Италии, которая де находится накануне революции, о том, что «в Милане уже стреляли, повсюду были воздвигнуты баррикады, и народ, кажется, везде собирается восставать». В заключение Бакунин советует отказаться от всех мелких и случайных выступлений, сосредоточив всю энергию на крупном выступлении, которое должно привести к осуществлению задуманного плана в широком масштабе.

Повидимому, итальянские друзья Бакунина увлекались не меньше его самого и сообщали ему о полной подготовленности Италии к социальной революции: впрочем, Бакунина особенно убеждать не приходилось. Это видно из письма его к Ришару от 16 августа. Здесь в условных, но довольно прозрачных выражениях говорится следующее:

«Я получил из Неаполя письмо от нашего друга Беппе [2]. Он пишет мне от своего имени и от имени Эдуарда [3], что их капиталы готовы;

---

[1] Неттлау, стр. 496—497 и прим. 2336. — В письме к Мрочковскому от 19 августа 1870 года Бакунин говорит: «Дела приняли теперь и каждый день более принимают характер важный и решительный. Война тянет за собою катавасию совершенно другого рода, нашу всеобщую катавасию». И дальше он предупреждает друзей, что собирается принять личное участие в надвигающихся событиях (Переписка, стр. 301).

[2] Фанелли.

[3] Гамбуцци.

что они и все их клиенты единодушно убеждены в том, что никогда время и обстановка не были столь благоприятны для начатия дела, и они решились к нему приступить, даже если бы в их распоряжении были одни только итальянские капиталы. А недостатка в этих капиталах нет. Они получают множество предложений со всех сторон: из Милана, из Генуи, из Турина, а также из Флоренции. Впрочем, они не отрицают той громадной пользы, какую могло бы принести более широкое совместное выступление, образование крупной международной компании. И они запрашивают у меня, не согласятся ли также внести свои капиталы в это дело капиталисты южной Франции, Испании и некоторой части Швейцарии. ...Итак, ты видишь,... что итальянские капиталисты [1] от нас не отстанут. И содействие, более того, их выступление даже помимо и без нас несомненно и близко. Лишь бы мы сами не отстали. Вот о чем нам нужно подумать».

2. План революционного восстания во Франции.

Таким образом волею судеб центром назревающих событий становилась Франция, а поражение императорских войск должно было создать благоприятную для дела обстановку. По мнению Бакунина, интересы национальной обороны Франции сливались в тот момент с интересами социальной революции. Революционеры должны были использовать обостренное национальное чувство французов для того, чтобы, став во главе мобилизации народных сил против завоевателей, одновременно повести их и на штурм буржуазного общества. Это казалось ему тем более легким делом, что буржуазия представлялась ему уже неспособной организовать народные силы для продолжения борьбы с победоносным неприятелем и даже не желающей такой организации.

Спасти Францию от нашествия необходимо в интересах мировой революции. Но сделать это может только народ, отнюдь же не буржуазия. Прежде всего французские политические деятели, вынесенные событиями войны на гребень исторической волны, — государственники с ног до головы и уже по тому одному не годятся для спасения страны, очутившейся в отчаянном положении, для выхода из которого нужны, по его мнению, совершенно иные, непривычные приемы борьбы. И соответственно этому большая часть «Писем к французу» (и «Кнуто-Германской Империи») посвящена, с одной стороны, критике буржуазных

---

[1] Ясно, что здесь под капиталистами разумеются революционеры, в частности — альянсисты.

республиканцев и их методов действия, а с другой — указанию и обоснованию тех методов, которые казались Бакунину единственно пригодными и разумными в тот трагический момент французской истории.

Французские политические деятели, начиная с консерваторов и реакционеров, вроде Мак-Магона, Тьера и Паликао, и кончая умеренными и даже левыми республиканцами, вроде Гамбетты и его лейтенантов, прежде всего поклонники государственного принципа, «патриоты государства», как выражается Бакунин. Расходясь в целом ряде пунктов, они все сходятся в одном: все они в одинаковой степени государственники, политические люди, государственные мужи. В качестве таковых они полагаются только на регулярные средства, на организованные силы государства, на порядок, на регулярную армию, на бюрократию. Они не доверяют народу, боятся его стихийных порывов, выходящих из рамок традиционной государственной жизни, особенно же они страшатся социальной революции, угрожающей экономическим привилегиям господствующих классов. И если бы, говорит Бакунин, им предстоял выбор между триумфальным вступлением пруссаков в Париж и спасением Франции посредством социальной революции (Бакунин писал эти строки до осады и капитуляции Парижа), то они несомненно предпочли бы первое.

На их взгляд в тяжелую для страны годину сильное правительство, как бы плохо оно ни было, хотя бы бонапартистское, всегда предпочтительнее анархии, которая неизбежно вспыхнет, если этому правительству будут оказывать оппозицию. Поэтому они предпочитают мириться со всеми недостатками господствующей клики под тем предлогом, что этого требуют интересы страны. Но таким путем они, в том числе и буржуазные республиканцы, предают Францию пруссакам, ибо Франция может быть спасена только с помощью таких средств, которые неизбежно влекут за собою разложение государства, расторжение государственных уз («Письмо к французу», Oeuvres», т. II, стр. 137—142).

Комиссары, посланные в провинцию для сформирования новой армии, по словам Бакунина, представляют пародию на знаменитых комиссаров эпохи Великой Революции. «Это дело поручено не чрезвычайным комиссарам 1793 года, которые, будучи сами увлекаемы и поддерживаемы могучим революционным движением, охватившим все население, творили чудеса, не гигантам Национального Конвента, а префектам, чиновникам и администраторам Наполеона III, ворам и грязным людишкам» («Oeuvres», т. II, стр. 149—150). Столь же резко относится Бакунин к предполагавшимся комиссарам правительства Национальной

Обороны, к посланцам Гамбетты, которые, по его словам, будут представлять не революционную буржуазию 1793 года, а реакционную буржуазию, уже порвавшую с народом.

Комиссары Конвента были героическими деятелями. Они сыграли блестяще свою роль потому, что пославший их Конвент «был проникнут действительно революционным духом и, сам опираясь в Париже на народные массы, на чернорабочую чернь, с устранением либеральной буржуазии, повелел всем своим проконсулам, командированным в провинцию, также опираться повсюду и всегда на эту самую народную чернь». В совершенно ином положении будут находиться эмиссары Гамбетты, и вот почему они потерпят еще более постыдное фиаско, чем их предшественники в 1848 году. В 1793 году не существовало еще разрыва между рабочим классом и буржуазией; напротив, будучи в действительности антагонистами, поскольку их экономические интересы стояли в непримиримом противоречии, они чувствовали себя солидарными в борьбе против сил старого режима.

«Вот что придавало великую силу революционным буржуа 1793 года. Они не только не боялись разнуздания народных страстей, но даже всячески разжигали их, как единственное средство спасения отечества и себя самих от внутренней и внешней реакции. Когда посланный Конвентом чрезвычайный комиссар прибывал в какую-нибудь провинцию, он никогда не обращался к местным именитым людям или к революционерам в барском платье, а адресовался прямо к санкюлотам, к черному народу и, опираясь исключительно на него, проводил в жизнь революционные декреты Конвента против воли местных шишек и приличных революционеров. Их работа заключалась, собственно говоря, не в централизации или администрации, а в пробуждении. Они являлись в какую-нибудь местность не для того, чтобы диктаторски навязывать волю Национального Конвента. Так поступали они лишь в самых редких случаях и только тогда, когда они приезжали в решительно и единодушно враждебную и реакционную местность. В таких случаях они являлись не одни, а в сопровождении войск, которые присоединяли свои штыковые аргументы к их гражданскому красноречию. Но обыкновенно они являлись совершенно одни, без единого солдата на помощь, и искали поддержки в массах, инстинкты которых всегда совпадали с мыслями Конвента: не только они не стесняли свободы народных движений из опасения анархии, а, напротив, всячески их вызывали; первое, что они обыкновенно делали, это было открытие народного клуба там, где они не находили его налицо; сами будучи не в шутку революционерами, они быстро распознавали в массе истинных революционеров и соединя-

лись с ними для раздувания революции, анархии, для внедрения чорта в тело масс и для революционной организации этой народной анархии. Эта революционная организация была единственной администрацией и единственной исполнительной силой, которой пользовались чрезвычайные комиссары для революционизирования и терроризирования страны. В этом заключается действительный секрет мощи этих революционных гигантов, перед которыми якобинцы-пигмеи наших дней благоговеют, не в силах будучи с ними сравняться» («Oeuvres», т. II, стр. 189—190).

А между тем, если бы буржуазные республиканцы 1870 года дерзнули прибегнуть к отчаянным средствам, которые подсказывались отчаянным положением страны, если бы они явно стали на революционный путь, они, по мнению Бакунина, привлекли бы на свою сторону все народы. «Они, — писал он до 4 сентября про буржуазных республиканцев, не решавшихся низвергнуть Империю под предлогом патриотизма, — они явно предают Францию внешнему врагу, потому что своим патриотическим воздержанием они лишили ее колоссальной моральной поддержки,— вначале только моральной, но несколько позже весьма материальной. Если бы у них хватило мужества провозгласить в Париже республику, симпатии всех народов—итальянского, испанского, бельгийского, английского и д а ж е н е м е ц к о г о [1] немедленно склонились бы на сторону Франции. Все, не исключая немцев, массы немецких рабочих, приняли бы ее сторону против прусского нашествия. А такая моральная поддержка иностранных наций что-нибудь да значит. Это прекрасно сознавали якобинцы 1793 года и не сомневались, что эта поддержка составляет, по меньшей мере, половину их силы. Революция немедленно охватила бы Италию, Испанию, Бельгию, Г е р м а н и ю [2], и прусский король, в еще большей степени беспокоемый с тылу немецкой революцией, чем французской армией, очутился бы в действительно плачевном положении. Но у незаконных детей Дантона не хватило смелости, и все народы, оттолкнутые такой глупостью, трусостью и слабостью, испытывают по отношению к французской нации чувство жалости, смешанной с презрением» («Oeuvres», т. II, стр. 152—153).

Обычные регулярные методы, в частности регулярная армия, не могут спасти Францию; спасти ее может только широкое народное движение, общенародное восстание. «Все серьезные и искренние люди, желающие спасения Франции, пришли к тому убеждению, что Франция может быть спасена только с помощью стихийного восстания, совер-

---

[1] Курсив Бакунина.
[2] Курсив Бакунина.

шающегося помимо всякого воздействия и опеки со стороны администрации, правительства и государства, какую бы форму это государство и это правительство ни имели». На буржуазию в этом отношении рассчитывать не приходится; ждать избавления можно только от народа. «Единственно что может спасти Францию от страшной, смертельной опасности, внешней и внутренней, которая в настоящее время ей угрожает, это — стихийное, могучее, страстно энергическое, анархическое, разрушительное и дикое восстание народных масс на всей территории Франции»[1]. Буржуазные республиканцы, боявшиеся такого движения и сдерживавшие его, погубили Францию, и если немедленно не вспыхнет анархическое возмущение, она окончательно погибнет («Oeuvres», т. II, стр. 152—153, 166, 200, 215).

Французское правительство, желавшее опираться только на регулярную армию, вместо того, чтобы обратиться к живым силам народа, привело страну на край пропасти. «Несмотря на явный перевес неприятеля над обеими французскими армиями, имелось бы верное средство остановить врага и не позволить ему даже приблизиться к стенам Парижа. Если бы было приведено в исполнение то, что парижские газеты говорили в первый момент отчаяния; если бы, сейчас же по получении в Париже известий о французских поражениях, вместо того, чтобы вводить в Париже и во всех восточных департаментах осадное положение, население этих департаментов призвано было поголовно взяться за оружие; если бы обе армии превращены были не в единственное средство спасения, а в две точки опоры для колоссальной партизанской, волонтерской, а в случае нужды и разбойничьей войны; если бы вооружили всех крестьян, всех рабочих, давши им косы за отсутствием ружей; если бы обе армии, отбросив в сторону всякое военное чванство, установили для взаимной поддержки братскую связь с бесчисленными отрядами вольных стрелков, которые поднялись бы на призыв Парижа,— тогда, даже без поддержки остальной Франции, Париж был бы спасен или, по крайней мере, неприятель был бы остановлен на срок достаточно долгий для того, чтобы дать революционному правительству возможность организовать могучие силы» («Oeuvres», т. II, стр. 164).

Этого в свое время сделано не было, и немцы могли беспрепятственно развернуться и разгромить регулярные войска Франции. После этого, по словам Бакунина, стало ясно, что Франция может быть спасена только непосредственным выступлением народа, свободно органи-

---

[1] Курсив Бакунина.

зующегося снизу вверх для «разрушительной войны, для дикой войны на ножах». Такая война может рассчитывать, по мнению Бакунина, на верный успех. «Когда нация, состоящая из тридцати восьми миллионов человек, — говорит он, — встает для самозащиты с твердым решением скорее все разрушить и дать себя уничтожить вместе со своим добром, чем пойти под ярмо, нет той армии в мире, как бы мудро она ни была организована и каким бы необыкновенным и новым вооружением она ни была снабжена, которая могла бы такую страну покорить».

Весь вопрос в том, способен ли французский народ на такое выступление. И Бакунин был вначале уверен, что способен. Во главе такого движения должен был, по его мнению, стать рабочий класс, как более сознательная и организованная сила, и попытаться увлечь за собой крестьянскую массу, без активной поддержки которой движение было бы обречено на неудачу. Возможно ли это? Бакунин думал, что да.

Буржуазные республиканцы из школы Гамбетты проповедывали об'единение пролетариата с буржуазией в общем патриотическом порыве. Бакунин считает такое слияние нежелательным и ни к чему не ведущим. Но зато он с тем большим жаром высказывается за тесное сплочение в общем деле городского простонародья с деревенским, р а б о ч и х с к р е с т ь я н а м и. Для того, чтобы крестьяне пошли за рабочими, последние должны своими действиями рассеять те предрассудки, которые веками воспитывались в крестьянстве, при услужливом содействии чиновников, помещиков и духовенства, против горожан вообще и против рабочих в частности. Рабочие должны убедить крестьян в том, что они и не думают навязывать им какие-либо формы жизни, для крестьян нежелательные, в частности не намерены насильственно навязывать им революцию. Вместо того, чтобы навязывать им ее, они должны побуждать крестьян к самостоятельному выступлению в своих собственных интересах и доказывать это не словами, а актами. «Для этого, — говорит Бакунин, — существует одно только средство, а именно говорить крестьянам и энергично толкать их в с т о р о н у и х с о б с т в е н н ы х и н с т и н к т о в [1]. Они любят землю, пусть заберут всю землю и выгонят оттуда всех собственников, обрабатывающих ее чужим трудом. У них нет никакой охоты платить гипотеки и налоги. Пусть не платят их. Пусть те из них, которые не хотят платить своих частных долгов, не принуждаются к их платежу. Наконец, они терпеть не могут рекрутчины, пусть их не заставляют итти в солдаты» [2].

---

[1] Курсив Бакунина.

[2] В «Кнуто-Германской Империи» Бакунин подробно развивает программу действий, необходимых, по его мнению, для увлечения деревни

Но кто же в таком случае станет сражаться с пруссаками? — спрашивает Бакунин и отвечает: «Не беспокойтесь! Когда крестьяне живо почувствуют, когда они, так сказать, осязательно ощутят все выгоды революции, они для ее защиты дадут больше денег и людей, чем в состоянии была бы выжать из них регулярная, даже усиленная деятельность государства. Крестьяне сделают с пруссаками то, что сделали с ними в 1792 году».

Но это будет гражданская война? А в таком случае разве внутренние раздоры не ослабят силы сопротивления Франции и не выдадут ее головой пруссакам?

Ничуть не бывало, — уверенно отвечает Бакунин. «История доказывает, что никогда нации не чувствовали себя такими сильными вовне, как тогда, когда они чувствовали себя глубоко взволнованными и взбудораженными внутри, и что, напротив, никогда они не были так слабы, как тогда, когда казались об'единенными под какой-либо властью или в каком-либо стройном порядке. В сущности нет ничего более естественного, ибо борьба — это жизнь, а жизнь — это сила. Чтобы убедиться в этом, вам (французам) достаточно сравнить две или даже четыре эпохи вашей истории: во-первых, Францию, вышедшую из Фронды и развитую, закаленную борьбою Фронды в молодые годы Людовика XIV, с Францией под его старость, с монархией, прочно установленной, об'единенной, замиренной великим королем, при чем первая блистала победами, а вторая через сплошной ряд поражений шла к крушению. Точно так же сравните Францию 1792 года с нынешней Францией. В 1792 и 1793 годах Франция в буквальном смысле была раздираема гражданской войной; движение, борьба, борьба на жизнь и на смерть представляли общее явление на всех пунктах республики. И тем не менее Франция победоносно отразила нашествие почти всех европейских стран. В 1870 году Франция, об'единенная и примиренная с Империей, разбита германскими армиями и оказывается настолько деморализованной, что приходится опасаться за ее существование» («Письма к французу», «Oeuvres», т. II, стр. 231—248).

Бакунин буквально горел и кипел при мысли о том, что Франция будет разгромлена пруссаками, народ останется к этому безучастным, а революционеры не сумеют использовать столь благоприятного случая для того, чтобы положить начало социальному перевороту. Он и сам рвался в бой, и подстрекал к этому других. В письме

за передовыми элементами города посредством «пропаганды фактами». Об этом мы говорили во второй части третьего тома (стр. 257 сл.).

от 23 августа к Ришару Бакунин, предсказав неминуемый разгром маршала Базена и неизбежную осаду Парижа пруссаками, продолжал:

«Вот настоящая истина, дорогой друг, клянусь тебе в том всем наиболее святым для меня, моею честью. Я говорю тебе это в глубочайшем отчаянии, обуреваемый стыдом и яростью, но такова чистая и полная истина, и если вам говорят обратное, если только вас стараются утешить, если вам обещают спасти Париж и Францию с помощью принятых за последнее время в Париже мер, вас обманывают самым недостойным образом. Париж и Франция могут быть спасены только огромным народным под'емом. Повсюду народ должен вооружиться и самоорганизоваться, чтобы начать против вторгшихся немцев истребительную войну, войну не на живот, а на смерть. Отныне он не должен признавать назначенных ему свыше начальников, а должен выбирать их сам. Вы окружены изменниками, Пруссия — в рядах правительства и администрации, вас предают повсюду. Вспомните слова Дантона, произнесенные им в эпоху и посреди опасности, которые бесспорно не были более страшными, чем нынешняя эпоха и опасность: «Прежде чем выступить против неприятеля, необходимо уничтожить и обезвредить его у себя в тылу». Нужно низвергнуть внутренних пруссаков, для того чтобы получить возможность двинуться затем уверенно и безопасно против пруссаков внешних. Патриотическое движение 1793 года ничто в сравнении с тем, которое вы должны произвести теперь, если вы хотите спасти Францию от рабства на 50 лет, от нищеты, разорения, унижения и уничтожения.

«Поднимайтесь же все, друзья, с пением Марсельезы, которая ныне снова становится законною песнью Франции, полною актуального значения, песнью свободы, песнью народа, песнью человечества, ибо дело Франции, наконец, снова стало делом человечества! Проявив патриотизм, мы спасем всеобщую свободу, если только восстание народа окажется всеобщим и искренним и будет руководиться не изменниками, продавшимися или готовыми продаться или пруссакам, или орлеанам, идущим с ними, а народными вождями.

«Только при этом единственном условии Франция будет спасена. Не теряйте же ни минуты, не ждите больше сигнала от Парижа: Париж обманут, парализован угрожающею ему опасностью, а главное — плохо руководим. Поднимайтесь самочинно, берите оружие, сплачивайтесь, организуйтесь, уничтожайте внутренних пруссаков, так чтобы ни одного из них не осталось в тылу у вас, и спешите на освобождение Парижа.

«Если через десять дней во Франции народ не поднимется, Франция погибла. О, если бы я был молод, я не писал бы писем, а был бы посреди вас».

Мы увидим, что старость не помешала вскоре Бакунину двинуться туда, куда призывал его революционный долг. А пока он выжидал дальнейшего развертывания событий, всячески старался разбудить энергию своих друзей, побуждая их быстро организоваться и действовать, действовать во что бы то ни стало. Фанелли посетил его в Локарно как раз в это время и высказал надежду на то, что если Франция начнет, то Италия ее поддержит. Все расчеты Бакунина сосредоточиваются отныне на Франции. И сигнала к революции он ожидает уже не от Парижа, а от таких провинциальных центров, как Лион и Марсель.

Интенсивность снедавшего его в то время революционного жара ясно выражена в его последнем письме к Ришару от 4 сентября [1]. Указав на пленение Наполеона III в Седане и на разгром армии Базена под Мецом, Бакунин продолжает:

«Итак, регулярная, официальная игра ясна. У нас нет теперь ни армии, ни императора. Начнется ли народная игра, или же Франция, снизойдя до ранга третьестепенной державы, принуждена будет подпасть под прусское иго? На Париж рассчитывать больше не приходится. Там имеются Паликао, Шевро [2], Пьетри [3], императрица и правая; на втором месте идут орлеанисты Тьер и Трошю, а на третьем месте радикальные республиканцы, мудрый, рассудительный и положительный республиканец Гамбетта с Жюлем Фавром, Жюлем Симоном, Кератри, Ферри, Пельтаном и многими другими подобными в хвосте. Эти господа показали меру своего понимания и силы. Они лишены всякой энергии [4], они преступно упустили целый месяц, каждый день которого был драгоценен для поднятия народа и вооружения Франции. Страх перед социализмом и отвращение к истинно-народным восстаниям лишили их силы и ума.

«Вдобавок Париж, поглощенный заботою о собственной обороне, не в состоянии будет организовать национальную оборону Франции.

«Французский народ не должен отныне рассчитывать ни на какое правительство, ни на существующее, ни даже на революционное. Если у него есть мозг, сердце и мужество, то он впредь будет рассчитывать

---

[1] В оригинале оно датировано 4 августа, но это явная описка.

[2] Министр внутренних дел в кабинете Паликао.

[3] Начальник полиции.

[4] В подлиннике более резкое выражение: «Ils n'ont pas de couilles». Это же выражение повторяется в письме несколько раз.

только на самого себя. Правительственная машина, государство сломлены. Франция может быть теперь спасена только непосредственным, всеобщим, анархическим восстанием всего населения городов и деревень, анархическим в том смысле, что оно должно произойти и организоваться вне всякой официальной и правительственной опеки и руководства, снизу вверх, повсюду смело провозглашая низложение государства со всеми его учреждениями и отмену всех существующих законов. В силе должен остаться только один закон: спасения Франции от пруссаков вовне, от изменников внутри.

«Призыв ко всем коммунам: пусть они организуются и вооружаются, отбирая оружие у всех, кто его в настоящее время держит в руках и прячет.

«Пусть они пошлют своих делегатов в какое-нибудь место вне Парижа, чтобы составить временное правительство, фактическое правительство спасения Франции.

«Эту инициативу должен взять на себя какой-нибудь крупный провинциальный центр — Лион или Марсель. Рабочие этих городов должны иметь мужество взять на себя эту инициативу смаху, без колебания и без промедления. Теперь им уже не приходится раздумывать, положение достаточно выяснилось, все вокруг них уже пришло в движение. Радикальная буржуазия лишена мозга и смелости. Администрация состоит из бонапартистов. Поэтому спасение Франции целиком находится в руках одних рабочих, городского простонародья, которое должно суметь увлечь за собой население деревень.

«Весь вопрос в том, обладают ли рабочие энергией. Являются ли они революционными социалистами или же только доктринерными социалистами? Живые ли они люди или кастраты вроде буржуа? Пусть же они дерзают во имя человечества и Франции! На них лежит колоссальная ответственность, ибо судьбы Франции и европейского социализма зависят от них.

«Повторяю, положение ясно. Если рабочие Лиона и Марселя немедленно не поднимутся, то Франция и европейский социализм погибли. Поэтому колебание было бы преступлением. Я в вашем распоряжении и жду вашего немедленного ответа».

Глава третья.

НЕУДАЧА ПРАКТИЧЕСКИХ ПОПЫТОК.

1. Лионская попытка.

Ответ не заставил себя долго ждать. В тот самый день, когда Бакунин послал последнее письмо Ришару, во Франции произошла революция, Вторая Империя была низвергнута, и провозглашена Республика. Теперь события должны были пойти ускоренным ходом. Естественно вставал вопрос: закончится ли и эта революция пустяками, поверхностной переменой декораций, установлением открытой власти буржуазии, или же на этот раз трудящиеся массы, наученные горьким опытом и обладающие начатками организации, не дадут себя снова одурачить и не допустят установления и упрочения буржуазного господства?

Уже 6 сентября Бакунин писал своему старому приятелю Адольфу Фохту: «Мои друзья, лионские революционные социалисты, зовут меня в Лион. Я решил понести туда свои старые революционные кости и там, вероятно, сыграю свою последнюю игру» (дальше он просит у Фохта денег на дорогу, так как по обыкновению у него нет ни копейки).

9 сентября Бакунин выехал из Локарно; через Берн он проехал в Женеву, повидавшись по дороге с Гильомом; а 14-го вечером он выехал из Женевы в Лион с двумя боевыми товарищами: известным нам Озеровым и молодым поляком, В. Ланкевичем [1]. 15 сентября Бакунин прибыл в Лион [2].

Положение, которое он нашел там, весьма мало отвечало его ожиданиям и надеждам. Лионский Интернационал был дезорганизован полицейскими преследованиями последних месяцев; рабочие массы в боль-

---

[1] Впоследствии Ланкевич был убит во время Парижской Коммуны.

[2] Тестю приводит дату 11 сентября; Ришар в цитированной статье — 18 сентября; между тем из письма Бакунина к Э. Беллерио от 14 сентября, приводимого у Неттлау и Гильома, следует, что Бакунин выехал из Женевы 14 сентября вечером; следовательно, 15-го он прибыл в Лион.

шинстве шли за буржуазными республиканцами; среди самих лидеров движения далеко не было ясного представления о пролетарской тактике в революции. А человек, на которого Бакунин по свойственному ему увлечению возлагал особые надежды, именно Альбер Ришар, оказался не на высоте задачи. В сущности он, как и множество тогдашних французских рабочих самых различных направлений, был охвачен патриотическим порывом, в котором подчас тонуло чувство социального протеста.

С утра 4 сентября, при первых известиях о революции в Париже, в лионской ратуше водворился Комитет Общественного Спасения, взявший в свои руки власть. Но в этом Комитете на 60 буржуазных либералов и радикалов насчитывалось всего 5 интернационалистов, в том числе Паликс и Шарве (оба они скоро после того погибли) [1]. Ни Ришар, ни Г. Блан, вернувшийся к этому времени из Невшателя, где он скрывался, в Лион, не попали в состав Комитета (Ришар, включенный было в список, вскоре был из него вычеркнут). А между тем на этих двоих Бакунин особенно полагался.

Ежедневно по вечерам происходили многолюдные народные собрания, где вперемежку выступали представители всяческих социалистических направлений, в том числе вынырнувшие откуда-то пережитки старых утопических школ, а также буржуазные демократы, вроде адвоката Андрие, впоследствии ярого гонителя социализма и организатора политической провокации в начале 80-х годов [2]. Какой умственный хаос господствовал тогда в Лионе (да и вообще во Франции), как мало подготовлен был тогда пролетариат, и как наивны, чтобы не сказать хуже, были многие его вожди, в частности такой, как А. Ришар, которого пылкий Бакунин прочил на место одного из руководителей социальной революции, видно из следующего характерного факта.

На публичном собрании 8 сентября бланкист Жакляр или бакунист Ришар предложили послать делегацию к Временному Правительству с требованием всеобщего ополчения. В состав этой делегации избраны были Ришар, Жакляр и Андрие. Это было довольно курьезное сочетание, свидетельствовавшее вообще о тогдашней путанице умов и особенно плохо рекомендовавшее «анархиста» Ришара. Андрие сразу устроил себе в Париже теплое местечко прокурора республики в Лионе, после чего с удовлетворением вернулся домой. Ришар, побывавший зачем-то у Гамбетты, столковался в Париже с генералом Клюзере, кото-

---

[1] Рассказы Тестю в его книге «L'Internationale et le Jacobinisme» о засилье интернационалистов в Комитете Общественного Спасения — обычная прокурорско-полицейская ложь.

[2] Он был тогда (в начале 80-х годов) префектом полиции в Париже.

рого привез с собою в Лион, где его собирались назначить командиром южного корпуса волонтеров. По словам Лефрансе, Жакляр, познакомивший его с обоими своими спутниками, дал о них весьма резкий отзыв, при чем насчет Ришара выразился будто бы так: «Этот возвращается не солоно хлебавши. Ему предложили только су-префектуру (т.-е. место исправника). Он счел это предложение несоответствующим своим заслугам. Он будет попрежнему шуметь там (т.-е. в Лионе), но думаю, что его дело кончено. Его сотоварищ не постесняется его разоблачить».

Судя по тому, что мы вообще знаем о характере Ришара, Жакляр был не очень далек от истины. Замечательно, что перед от'ездом в Париж Ришар подписал вместе с другими делегатами, в том числе и с Андрие, обращение к гражданам, составленное в духе самого вульгарного «священного единения» и содержавшее, между прочим, следующую фразу: «Как и мы, вы хотите в этот час, столь тяжкий для судеб революции и Франции, избежать всякого конфликта власти, который способен был бы подвергнуть опасности ту и другую». Если Ришар заботился здесь об интересах революции, то во всяком случае не той, которая мерещилась его учителю Бакунину.

К моменту прибытия Бакунина в Лион эта путаница достигла апогея. Правительство Национальной Обороны послало в Лион в качестве префекта Шалымель-Лакура, который, как и все правительство в целом, больше заботился об обороне буржуазии от пролетариата, чем об обороне Франции от пруссаков. Просуществовавший несколько дней Комитет Общественного Спасения, имевший мало общего с тем «Комитетом Спасения Франции», о котором мечтал Бакунин, был заменен муниципальным советом, избранным на основе всеобщего избирательного права 15 сентября и состоявшим в большинстве из буржуазных республиканцев. Во главе города поставлен был в качестве мэра буржуазный республиканец Генон. Словом, все пошло как по писаному, по обычной дорожке буржуазных революций. Разумеется, с таким исходом Бакунин никак не мог примириться. В силу своего характера он должен был сделать попытку вмешаться в ход событий и постараться повернуть его по-своему.

Прежде всего он попытался отделить своих приверженцев от буржуазных республиканцев, с которыми те сильно перемешались, и собрать воедино интернационалистические элементы. По его инициативе организован был ряд собраний как открытых, так и закрытых, происходивших на квартире Паликса. На указания некоторых друзей, что масса боится революции, а крестьянство настроено весьма консервативно, Бакунин, по словам Ришара, отвечал: «Хотя рабочий страдает,

но привычка его расслабляет, он безвольно катится по наклонной плоскости, всякое усилие для него трудно, неизвестность пугает его, как и обыкновенного буржуа, и он не решается высказать всего своего гнева и всей своей злобы; крестьянин, более хитрый, еще сильнее скрывает их и проявляет еще больше смирения. Но все это только обманчивая внешность. Сумейте воззвать ко всем страстям, сдерживаемым исключительно жандармами, законом, армией, трусостью; нанесите первые удары, подайте пример; имейте не только смелость, но и упорную ненависть, которая не смягчается никогда, и вы увидите, как революция вспыхнет и в деревнях, и в городах». Противники революцию составляют меньшинство, умело преувеличивающее свою силу.

Согласно плану Бакунина, который, как мы знаем, он изложил в своих письмах к Ришару задолго до своего приезда в Лион, на митинге 17 сентября решено было создать «Центральный Комитет Спасения Франции», который повсюду, где возможно, должен был основать подчиненные комитеты. Члены этого Комитета избраны были на другом митинге 18 сентября, при чем в состав его вошли альянсисты А. Ришар, Г. Блан, Парратон, Шарве, Паликс и другие. На заседаниях Комитета присутствовал Бакунин, равно как и вызванный им из Марселя Бастелика. Конспиративной квартирой, где собирались руководители движения, служила квартира члена Альянса, портного Паликса, у которого остановился Бакунин, и где обедали Ланкевич, Озеров, Блан и Парратон. Таким образом Бакунин явно забирал движение в свои руки, пользуясь, в качестве исполнителей, группой преданных ему альянсистов, многие из которых, впрочем, не верили в успех задуманного им предприятия.

19 сентября Бакунин писал Огареву из Лиона: «Голова идет кругом: так много дела. Здесь революции настоящей еще нет, но будет; и все готовится и делается для настоящей революции. Я иду на пан или пропал. Надеюсь на близкое торжество» [1].

---

[1] В этом письме упоминается о «храбром кавалерийском генерале», который должен был передать через Огарева деньги на поддержку революции в Лионе. Этот «генерал» (он же «храбрый полковник», «бравый полковник» и пр.) был не кто иной, как агент III Отделения Роман, командированный в 1869 году за границу под фамилией Постникова, сначала для приобретения оставшихся после покойного эмигранта кн. П. Долгорукова бумаг, а затем для поимки Нечаева, и здесь сошедшийся с эмигрантами, особенно с Огаревым и Бакуниным. Последний, по своему обычаю, быстро сошелся с ним на «ты», произвел его в великие революционеры и т. п. Он даже втянул злополучного шпика в свои революционные дела и заста-

По словам Ришара, Бакунин установил какое-то «поверхностное» соглашение с революционным комитетом буржуазных радикалов; он даже встретился раз с Андрие, но столь различные люди, разумеется, не могли столковаться. Главная же надежда возлагалась, конечно, на рабочих. Война и революция породили безработицу, для борьбы с которою организованы были «национальные мастерские». Рабочие этих мастерских, среди которых было немало интернационалистов, получали скудную плату и волновались. Их недовольство естественно было использовано революционерами, которые повели среди них усиленную агитацию.

24 сентября на большом митинге постановлено было сместить всех старых офицеров и заменить их выборными командирами [1], поручить охрану городских фортов национальной гвардии, обложить богачей контрибуцией в 200 миллионов франков, опубликовать списки шпионов и провокаторов, освободить солдат, заключенных за республиканские убеждения, и пр. [2]. На еще более многолюдном митинге 26 сентября, на котором присутствовало много рабочих национальных мастерских, внесено было предложение учредить Революционную Федерацию Коммун и оглашена была программа переворота. Ралли сообщает, что «о необходимости организовать новое правительство, названное им Революционной Федерацией Коммун», заявил на этом митинге Бакунин («Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 163); но это неверно. Бакунин, который действительно был автором этого документа и которому эта мысль принадлежала уже давно, на митинге 26 (а не 27, как тоже неверно указывает Ралли) сентября вовсе не выступал. Говорили там Шеваль, Сэнь, Бовуар, Ришар и Бастелика. Проект воззвания, излагавший революционную программу Бакунина, принят был собранием единогласно, при чем Сэнь заявил: «Мы идем на ва-банк. Наши враги могущественны, этого не приходится скрывать; но мы начинаем борьбу и увидим, кто окажется сильнее. Подписывая эту афишу, мы в случае неудачи рискуем нашими головами, но час наступил. Победа или смерть!».

Афиша, содержавшая программу, одобренную митингом, была расклеена на улицах Лиона. Бакунин, хотя и иностранец, счел долгом при-

---

ыил его привезти в Лион «Письма к французу», напечатанные Гильомом в Невшателе. Здесь Роман был даже арестован, но отпущен. См. Р. К а н т о р — «В погоне за Нечаевым», Лен., 1925.

[1] Ралли, приводя в неточном переводе эту резолюцию, подписанную Сэнем («Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 163), приписывает авторство ее Бакунину. Она приведена у Testut, цит. соч., т. II, стр. 38. Ралли неверно датирует ее 28 сентября (вместо 24-го).

[2] Testut, цит. соч., т. II, стр. 37 и след

соединить свою подпись к имени своих товарищей, среди которых назовем Сэня, Паликса, Г. Блана, Бовуара, Ришара, Парратона, Гиллерме, Шарве, Бастелика и т. д.[1]. Приводим этот замечательный документ[2].

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КОММУН.

«Плачевное положение, в котором находится страна, бессилие оффициальных властей и индифферентизм привилегированных классов привели французскую нацию на край гибели.

«Если революционно-организованный народ не поспешит действовать, то его будущее погиблю, революция погибла, все погибло. Взвесив размеры опасности и принимая во внимание, что нельзя ни на минуту откладывать отчаянного выступления народа, делегаты федерированных Комитетов Спасения Франции совместно с Центральным Комитетом предлагают немедленно принять следующее решение:

«Статья 1. — Административная и правительственная государственная машина, ставшая бессильной, упраздняется.

«Французский народ возвращает себе полноту прав.

«Ст. 2. — Все уголовные и гражданские суды закрываются и заменяются народным правосудием.

---

[1] «Бакунина упрекали, — пишет Гильом (т. II, стр. 95), — в том, что он поставил свою подпись под красной афишей, и ссылаясь на то, что он таким образом доставил реакционной прессе оружие, которым она действительно не преминула воспользоваться: теперь она могла утверждать, что социалистическое движение возбуждается заграничными эмиссарами. Он сам хорошо чувствовал, что его подпись на этом документе могла повлечь за собою известные неудобства, и заявлял об этом своим друзьям; но последние настаивали на том, чтобы он поставил свою подпись, уверяя его, что его имя придаст афише определенно революционный и интернациональный характер. На его решение повлияло и другое соображение: если бы он не дал своей подписи, то разве не стали бы говорить, что он предоставил своим друзьям рисковать одним и отказался разделить с ними ответственность за призыв к оружию?». Гильом совершенно прав и мог бы в данном случае свободно обойтись без следующей затем антисемитской выходки (альянсистская школа!).

[2] 25 сентября Бакунин писал из Лиона Огареву: «Немедленно пошлю тебе нашу прокламацию, зовущую народ на низвержение всех оставшихся и мешающих властей. Сегодня ночью (?) арестуем всех главных врагов, завтра — последний бой и, надеемся, торжество». В действительности выступление состоялось 28 сентября.

«Ст. 3. — Уплата налогов и ипотек прекращается. Налоги заменяются взносами федерированных коммун, взимаемыми с богатых классов соразмерно потребностям Спасения Франции.

«Ст. 4. — Распавшееся государство не может впредь вмешиваться в платеж частных налогов.

«Ст. 5. — Все существующие муниципальные организации распускаются и заменяются во всех федерированных коммунах Комитетами Спасения Франции, которые будут осуществлять все виды власти под непосредственным контролем народа.

«Ст. 6. — Каждый комитет губернского города пошлет двух делегатов, которые все вместе составят революционный Конвент Спасения Франции.

«Ст. 7. — Этот Конвент немедленно соберется в ратуше Лиона, как второго города Франции и более всех других способного энергически озаботиться защитою страны.

«Этот Конвент, опираясь на весь народ, спасет Францию.

«К оружию!!!».

«Бакунин, — рассказывает Ришар в цитированной статье, — закрывал глаза на отрицательные стороны своего предприятия; слабая оппозиция некоторых из нас неспособна была его остановить. Он удвоил энергию. Необходимо было действовать во что бы то ни стало, ринуться в борьбу, очертя голову; в особенности же нужно было сделать для себя невозможным отступление. Он твердо настаивал на этом последнем пункте. Для участия в движении начали прибывать делегаты из Марселя и Сент-Этьена. Бастелика находился здесь. Другой марсельский делегат Комб пытался, как мы уже это прежде безуспешно делали, отложить на более позднее время революционную попытку, доказать, что мы не

---

[1] Этот документ лишний раз показывает, насколько для анархизма невозможно оставаться на своей принципиальной позиции, как только он берется за широкую положительную работу и ставит себе общие политические задачи. Государственный аппарат буржуазии об'является ликвидированным, но лишь для того, чтобы на место его сейчас же поставить новый аппарат власти, ибо ясно, что взимание налогов, народные суды, оборона страны, национальный конвент, комитеты спасения и т. д. естественно связаны с функциями власти и авторитета, о чем определенно говорит ст. 5 афиши. Мы видели уже это противоречие и в «Революционном Катехизисе», и в программе Интернациональных Братьев и т. д. Отсюда выясняется вся беспочвенность той критики, которую анархисты вслед за Бакуниным направляют против идеи рабочего государства, которое тоже по существу представляет качественно нечто отличное от разрушенного аппарата буржуазного государства.

готовы, что мы не будем поняты [1]. Все, что он говорил, было глубоко прочувствовано, а с другой стороны, нельзя было сомневаться в его революционной энергии. Но Бакунин ежедневно находил новые точки опоры среди различных элементов, притекавших в Комитет. Чтобы заставить его отказаться от своего проекта, нужно было прямо выступить против него, чего никто не хотел сделать... Но так как с ним соглашались по существу, то частичные доводы не могли помочь революционерам, которые по сравнению с ним были новичками. Вдобавок революционная горячка все сильнее овладевала всеми. Турская делегация [2] не пользовалась никаким престижем... Продвижение пруссаков и унижение Франции возбуждали растущее волнение, которое могло рассматриваться как предвестник огромного под'ема. Люди были доведены до отчаяния. Не допускали, чтобы Франция могла до такой степени быть разбита пруссаками. Это кипение всего загнанного внутрь гнева и всей растоптанной гордости должно было привести к героическому, непреодолимому порыву. Нужно было принести на алтарь отечества всю кровь и все золото Франции, не считаясь с частными интересами. Собирались, наконец, заговорить с Францией этим решительным языком, и она должна была понять. Лучше было нагромоздить руины на руины, чем примириться с поражением, дабы затем инертно, уныло и беспомощно влачиться по старым социальным браздам под буржуазным игом. Иллюзия торжествовала, а под ее влиянием начинала кружиться голова. Самые упорные оппозиционеры начинали допускать возможность успеха».

День 27 сентября прошел в подготовлениях к предстоящему выступлению. На помощь революционерам пришло постановление муниципального совета о понижении поденной платы в национальных мастерских с 3 франков до 2½. На созванном по этому поводу собрании решено было ответить на эту меру массовой демонстрацией, которая должна была состояться на следующий день на площади Терро.

Немедленно после этого собрания Центральный Комитет Спасения Франции и Центральный Федеративный Комитет [3] об'явили свое заседание непрерывным и собрались для обсуждения нужных мер, способных обеспечить успех задуманного предприятия. Собрание началось

---

[1] Дело в том, что незадолго до того состоявшиеся в Лионе выборы нового муниципалитета внесли некоторое успокоение в массы.

[2] В Туре засел Гамбетта, вылетевший из Парижа на воздушном шаре и выступавший от имени правительства Национальной Обороны.

[3] Организация неопределенного характера, состоявшая из делегатов от различных республиканских групп.

в 11 часов ночи. На нем в п е р в ы е в ы с т у п и л Б а к у н и н, который до тех пор от этого воздерживался. Он поддерживал предложение о в о о р у ж е н н о й манифестации, но большинство высказалось за явку без оружия. Лозунгом манифестации выставлено было требование некоторых мер для обеспечения национальной обороны. Рабочие национальных мастерских требовали сверх того отставки муниципального совета. А расклеенная на улицах прокламация Бакунина (вышеприведенная афиша) провозглашала начало анархической революции.

С утра 28 сентября началась агитация по национальным мастерским, а около полудня толпа рабочих в несколько тысяч человек во главе с Сэнем явилась с красными знаменами на площадь Терро у Думы. В муниципальный совет, еще не успевший собраться, послана была делегация от манифестантов с требованием восстановить прежнюю заработную плату. Тем временем несколько членов Комитета отправились по разным батальонам национальной гвардии, где у них были отдельные единомышленники среди рядовых и офицеров. Начали бить сбор, но рабочие в большинстве шли не на площадь, а в свои батальоны. Недостаток организации давал себя чувствовать.

Толпа на площади, наскучив ожиданием, начала волноваться. Сэнь обратился к ней с энергичным призывом, и часть манифестантов, опрокинув стражу у входа, ворвалась в здание. Вместе с Сэнем туда проникли Бакунин, Ришар, Парратон, Бишоф, Бастелика и другие. Вскоре Сэнь появился на балконе, окруженный названными лицами, и обратился к толпе с речью, в которой заявил, что отечество в опасности, что народ окружен изменниками, что муниципальному совету будет сейчас предложено или принять программу переворота, изложенную в красной афише, или подать в отставку; всякий муниципальный советник, который откажется признать эту программу, будет об'явлен изменником отечества, и с ним будет поступлено как с таковым. В заключение Сэнь от имени собравшихся на площади об'явил ген. Клюзере главнокомандующим революционных федеративных армий южной Франции. Далее выступили с речами Клюзере и Бастелика.

После этого Клюзере направился в предместье Красного Креста, где пытался собрать рабочих и повести их к Думе. Тем временем в Думу прибыл мэр Лиона, Генон, который, заметив в актовом зале ораторствовавшего Бакунина, выделявшегося среди толпы своим геркулесовским ростом, приказал его арестовать. Бакунин, считая сопротивление невозможным, дал отвести себя в полицейский пост при Думе. Та же участь угрожала и вернувшемуся Клюзере. Узнавшая об аресте обоих вождей толпа с площади ринулась в Думу, опрокинула все за-

слоны и овладела зданием; Клюзере и Бакунин были освобождены [1]. Ришар и Бастелика, тоже арестованные было офицерами национальной гвардии на улице, были освобождены рабочими, вместе с которыми явились в Думу. Часть национальной гвардии была разоружена полностью, часть сдалась. Шальмель-Лакур был подвергнут аресту в собственном кабинете, а Комитет Спасения Франции сделался на время хозяином положения.

Комитет Спасения Франции собрался в зале заседаний муниципального совета. В суматохе, обычной при таких вспышках, пытались принять практические меры, распределить между собою правительственные функции, составлялись прокламации, приказы, постановления об арестах, пропуска, мандаты и т. п. Тщетно Бакунин пытался их урезонить, убеждал их не терять времени на пустые разговоры, собрать силы, арестовать главных вождей реакции и т. п. (так, по крайней мере, он сам рассказывает в своем письме к Беллерио, написанном 8 октября из Марселя). Тем временем на площадь со всех сторон стекались буржуазные батальоны национальной гвардии, собранные оставленными на свободе властями. Толпа без сопротивления была оттеснена с площади. Революционный главнокомандующий ген. Клюзере не оказался на высоте положения; он быстро спелся с представителями старой власти. Впоследствии он об'яснял свое трусливое поведение нежеланием служить «разрушительным» видам Бакунина. Радикалы и социалисты, при-

[1] Этот пункт несколько неясен. К о г д а был арестован Бакунин? Судя по черновику письма его к Паликсу (см. ниже), это произошло около 3 часов пополудни. Согласно рассказу Ришара в цитированной статье Бакунин просидел под арестом недолго и был освобожден ворвавшейся толпой, так что мог принимать участие в заседании Комитета Спасения. Но по рассказу самого Бакунина в письме к Э. Беллерио (см. ниже) он просидел под арестом несколько часов и был освобожден Озеровым только под вечер, когда ни одного члена Комитета Спасения в ратуше уже не было. Тестю (цит. соч., т. II, стр. 280) подтверждает, что Бакунин просидел несколько часов, но сообщает, что Бакунин был освобожден не к концу дня (т.-е. не к моменту разгрома движения), а по приказу Парратона в момент победы Комитета Спасения, т.-е. около 3—4 часов пополудни. Гильом (т. II, стр. 97) также относит освобождение Бакунина к концу дня, когда Комитет Спасения исчез из ратуши. Но это противоречит его же рассказу об участии Бакунина в заседании Комитета и о советах, которые он давал членам Комитета (Гильом, видимо, неправильно истолковал соответствующее место из письма Бакунина к Беллерио; советы могли относиться к более раннему времени, когда революционеры только что ворвались в Думу). Повидимому, самое горячее время дня Бакунин просидел под замком. И только позже его товарищи спохватились и заметили его отсутствие. Повторяем, для нас этот пункт остается неясным.

нимавшие участие в выступлении, одинаково пали духом и считали дело проигранным. Один Бакунин хотел продолжать борьбу, созвав рабочие батальоны национальной гвардии, но на этот раз Ришар и его товарищи отказались за ним последовать. «Социалисты Комитета, — говорит Ришар, — полагали, что опыт произведен, и что народ, ни в какой мере не воспользовавшийся благоприятными обстоятельствами для ожидавшейся поддержки революции всем пылом своей ярости, напротив весьма покорно остававшийся в рамках незадолго до того учрежденной национальной гвардии, предводимой буржуа, выказал свою неподготовленность к социальной революции. По их мнению, итти дальше значило бы проявлять безумную дерзость».

Члены Комитета Спасения удалились из ратуши, никем не беспокоемые, а муниципальные советники к вечеру вернулись на свои места. Они держали примирительные речи, обещали не преследовать участников выступления [1], восстановили прежнюю поденную плату для рабочих национальных мастероких. Это примирительное настроение об'яснялось тем, что, вопреки замыслу Бакунина, в движении 28 сентября на первый план выпятился п а т р и о т и ч е с к и й, а н е с о ц и а л ь н о-р е в о л ю ц и о н н ы й м о м е н т, и что буржуазия усмотрела в движении скорее неуместный протест оскорбленного патриотизма, чем проявление анархических стремлений. Да так оно и было — не для Бакунина, конечно, а для массы участников. И недаром Ришар, рассказав о событиях этого бурного дня, прибавляет: «Дурные страсти» не разнуздались. Правда в том, что в Лионе никто не хотел первый взять на себя инициативу кровавого столкновения». Публика разошлась при криках: «Да здравствует республика! Война пруссакам!».

Сам Бакунин в письме к Э. Беллерио от 8 октября излагал ход событий следующим образом: «Вы читали в газете... более или менее правдивый рассказ о нашей первой (и не последней) попытке в Лионе 28 сентября. Факт тот, что начало было великолепно. Мы были господами положения. Несмотря на сопротивление буржуазной национальной гвардии, мы овладели ратушей, нам помогал народ, сначала безоружный, а потом сбежавшийся с оружием в руках. Почему мы не остались там? — спросите Вы. Виною этому отсутствие революционного

---

[1] Это не помешало впоследствии правительству Тьера, после подавления Парижской Коммуны, предать участников этого выступления военному суду. Главные подсудимые, в том числе и Бакунин, на суд, конечно, не явились и были 13 августа 1871 года заочно приговорены к ссылке в укрепленное место; Парратон был приговорен к 5 годам строгого заключения; Шеттель — к 1 году тюрьмы; Сервель — к 6 месяцам.

опыта у нескольких наших друзей, которые развлекались революционными фразами в то время, когда надо было действовать и не слушать обещаний реакционеров, которые, видя себя побежденными, обещали все, а потом не выполнили ничего. А в особенности это вина ген. Клюзере, чтобы не сказать — его трусость и измена. Он принял от победоносного Комитета командование над ратушей и республиканскими гвардейцами, которые окружили ее массою и были за нас. Желая одновременно угодить и буржуям, и народу, он позволил первым тайком пробраться в ратушу, тогда как республиканские гвардейцы, считая победу окончательной, начали расходиться. Таким образом Комитет неожиданно увидел себя окруженным врагами. Я был там с друзьями и говорил им беспрестанно: «Не теряйте времени в пустых спорах, действуйте, арестуйте всех реакционеров. Разите реакцию в голову». Посреди этих речей я оказался окруженным буржуазными национальными гвардейцами под предводительством одного из самых ярых реакционеров Лиона, самого мэра, г-на Генона. Я отбивался, но меня потащили и заперли в какой-то дыре, порядочно потрепав меня. Час спустя батальон вольных стрелков, обратив в бегство буржуазных гвардейцев, освободил меня. Я вышел с моими освободителями из ратуши, где не было больше ни одного члена Комитета» [1].

Мы видим таким образом, что масса очень слабо поддержала инициаторов выступления, по признанию самих его участников. Бакунин мог на деле убедиться, что такого рода предприятия требуют более длительной и глубокой подготовки, и что десяток-другой членов тайного общества, если бы они даже действительно имели «чорта в теле», чего о многих лионских его сотрудниках сказать нельзя, не может заменить

---

[1] Ралли, со свойственной ему неточностью, сообщает якобы со слов Бакунина, будто последний был арестован на улице и пробыл под арестом несколько часов; вот как он передает слова Бакунина («Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 165): «Схватили меня на улице (?) солдаты под начальством полицейских, одетых в статское, и заперли в одной небольшой комнате городской ратуши. Я видел и раньше уже, что дело наше проиграно, так как рабочий народ не присоединился к секции М. Н. (Международного) Общества Рабочих и ограничился лишь одними овациями нам. С другой стороны, Комитет Спасения не проявил должной энергии в аресте правительственных лиц. Сидя запертым, я был уже готов к расстрелу. Вдруг слышу сильный шум, ломились в двери. Будучи уверен, что это ломятся буржуа, чтобы покончить со мною без всякого суда, я собирался вытащить свой револьвер, который висел у меня за спиною за поясом; в это время приотворяется дверь, и первое, что я увидел, был длинный нос Озерова». На самом деле, никакого револьвера у Бакунина в этот момент не было: его отобрали у него при аресте (см. цит. ниже письмо к Паликсу).

отсутствующей воли и сознательности масс. Никакой анархической революции, никакого анархического выступления 28 сентября не получилось: красная афиша оказалась ударом в пустое пространство. Движение приняло довольно обычный тогда характер национально-патриотической манифестации, сопровождавшейся весьма нерешительным и быстропреходящим протестом против недостаточной решимости официальных властей. Но Бакунин с своей стороны сделал все, что мог, для того, чтобы придать движению более серьезный и глубокий характер социального протеста и превратить его при удаче в начало социальной революции.

Что попытка Бакунина была в буржуазном лагере встречена со скрежетом зубовным, это само собою разумеется. Реакционная французская печать осыпала Бакунина клеветами за то, что этот чужеземец поспешил на помощь французскому народу (впрочем, та же участь постигла и Гарибальди, предложившего свою славную шпагу Франции, и притом без примеси социальных поползновений), и, сотласно обычному в таких случаях трафарету, пыталась представить все выступление в качестве интриги иностранцев, в данном случае пруссаков. К сожалению, и в социал-демократической печати послышались насмешки, которых попытка Бакунина, по правде сказать, вовсе не заслуживала. Конечно, люди, не разделяющие анархических воззрений Бакунина и его единомышленников, могут и должны критически отнестись к его неосновательным надеждам и к провозглашению «отмены государства» на бумаге. Но независимо от этих недостатков, его тогдашнее выступление было мужественной попыткой поднять уснувшую энергию французского пролетариата и направить ее, одновременно с отражением чужеземного нашествия, на борьбу против капиталистического строя. Приблизительно то же через полгода попыталась сделать Парижская Коммуна, которую, как известно, Маркс горячо приветствовал. Для нас важно лишь подчеркнуть, что Бакунин, как истинный гражданин вселенной, спешил со своей помощью туда, куда, как ему казалось, призывают его интересы всемирной революции. Так он действовал в 1848—49 годах в Германии, так он пытался действовать в 1870 году и во Франции.

В письме к проф. Бисли от 19 октября 1870 года [1] Маркс на основании полученных им писем, видимо, недостаточно точных, неодобрительно отзывался о Лионской попытке и о роли в ней Бакунина. «Вна-

---

[1] Напечатано в лондонском «The Social-Democrat» от 15 апреля 1903 г.; см. Guillaume, т. II, стр. 101.

чале, — пишет он, — все шло хорошо. Под давлением секции Интернационала республика была провозглашена в Лионе раньше, чем в Париже. Немедленно было установлено революционное правительство, Коммуна[1], состоявшая частью из принадлежавших к Интернационалу рабочих, а частью из радикальных буржуазных республиканцев... Но в Лион прискакали ослы Бакунин и Клюзере и испортили все. Принадлежа оба к Интернационалу, они, к несчастью, располагали достаточным влиянием, чтобы сбить с толку наших друзей. Была, на самое короткое время, захвачена ратуша и изданы смехотворнейшие декреты об отмене государства и других пустяках. Как вы понимаете, одного того факта, что какой-то русский, — которого буржуазные газеты выставляли в качестве агента Бисмарка[2], — претендует на возглавление Комитета Спасения Франции, было вполне достаточно для того, чтобы вызвать радикальный поворот в общественном мнении[3]. Что же касается Клюзере, то он одновременно вел себя как идиот и как трус. Оба эти человека покинули Лион после своей неудачи».

А в брошюре об Альянсе попытка Бакунина высмеивается в следующих выражениях: «Вспыхнуло революционное движение в Лионе. Бакунин сейчас же поспешил присоединиться к своему лейтенанту Альберу Ришару и к своим сержантам Бастелика и Гаспару Блану. 28 сентября, в день его приезда (?), народ овладел ратушей. Бакунин водворился там: тогда наступил критический момент, которого ждали столько лет, когда Бакунин получил, наконец, возможность совершить самый революционный акт, какого не видывал мир: он декретировал отмену государства. Но государство в виде двух рот буржуаз-

---

[1] Маркс имеет в виду Комитет Общественного Спасения, который назывался также «Лионской Коммуной». Как мы знаем, он просуществовал недолго.

[2] Бедный Бакунин, мог ли он, обвинявший Маркса в «пангерманизме», ожидать, что в один прекрасный день он сам будет об'явлен агентом Бисмарка! Кстати, судя по цитируемому Неттлау письму Алерини к Жуковскому от 17 марта 1871 г. (прим. 2384), префект Жан, говоря о Бакунине, заявил однажды Бастелика: «Это русский и прусский агент. У нас имеются этому неопровержимые доказательства!». На эти нелепые обвинения Бакунин возражает, между прочим, в письме к А. Эскиросу, написанном в Марселе.

[3] Здесь Маркс как будто упрекает Бакунина за подписание красной афиши. Но ведь и в Парижской Коммуне участвовали иностранцы, притом на самых ответственных постах (Домбровский, Френкель и т. п.), и сам Маркс писал в «Гражданской войне», что «Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело». Так и Бакунину его участие в Лионской попытке служит в честь, а не бесчестье.

ных национальных гвардейцев вошло в дверь, оставленную по забывчивости без охраны, очистило зал и заставило Бакунина быстро возвратиться в Женеву» [1].

Но сам по себе план Бакунина, если отвлечься от его специфической анархической оболочки, отнюдь не связанной нераздельно с самим планом как таковым, вовсе не был так смешон. По мысли Бакунина, надо было воспользоваться потрясениями, вызванными войной, неспособностью буржуазии, патриотическим протестом массы, ее смутными социальными стремлениями, для того чтобы предпринять решительное выступление рабочих в одном из крупных центров, затем распространить его на другие центры, увлечь за собой крестьянство и попытаться положить начало мировой социальной революции. Лучшего плана никто тогда не предлагал, в том числе и Генеральный Совет, который, видимо, не считал момент назревшим для социально-революционных попыток.

Нужно прямо сказать, что если в тот момент вообще возможно было использовать поражение Франции для того, чтобы развязать энергию масс и постараться совершить глубокий социальный переворот, то план Бакунина для этого подходил больше, чем какой-либо иной. Разумеется, для начала. А дальше победоносной революции, чтобы удержаться, пришлось бы, во-первых, заключить с немцами мир (как это вскоре и сделала реакционная «версальская» буржуазия, вырвавшая этим почву из-под ног у социалистов), а, во-вторых, конечно, взять в свои руки власть и создать рабочее государство, построенное на основе диктатуры пролетариата, без чего революция закончилась бы поражением. Парижская Коммуна, возникшая через полгода после первой Лионской попытки, была лишь слабым, неполным и незаконченным эскизом того грандиозного проекта, который рисовался Бакунину, который он подробно изложил в «Письмах к французу о современном кризисе» и на сторону которого он пытался привлечь своих друзей.

И вот почему мы думаем, что, при всех своих недостатках и промахах, Лионская попытка лишний раз доказывает что Бакунин действительно был «мастером революции», великим революционным деятелем, человеком широких взглядов и героических решений, и что эта попытка делает ему честь и, в числе прочего, заставляет нас признать его, на-ряду с Марксом, одним из предтеч современного коммунизма и в частности Октябрьской революции.

---

[1] «L'Alliance de la Démocratie socialiste», 1873, стр. 21. Здесь изложение фактов весьма неточно.

2. После Лионской попытки.

Теперь Бакунину нечего было больше делать в Лионе, по крайней мере, в ближайшее время. Узнав, что прокурором Андрие издан приказ об его аресте, Бакунин на следующий день уехал в Марсель, чтобы там выждать дальнейших событий. Его сопровождал туда верный В. Ланкевич.

Неудача Лионской попытки нанесла первый серьезный удар революционному оптимизму Бакунина, его вере в присущий всегда массам «революционный инстинкт», толкающий их к анархической ликвидации государства и общества [1]. Это уже видно из письма к Паликсу, которые он написал ему перед своим от'ездом из Лиона. Вот это замечательное письмо [2].

«28 сентября 1870 года, Лион [3]).

«Мой дорогой Паликс!

«Я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего прости. Осторожность мешает мне притти к тебе, чтобы пожать тебе руку в последний раз. Мне здесь больше нечего делать. Я приехал в Лион, чтобы сражаться или умереть вместе с вами. Я приехал потому, что глубоко убежден, что судьба Франции в этот великий час, когда дело

---

[1] Ришар в цит. статье уверяет даже, что неудача Лионской попытки нанесла смертельный удар Альянсу. Но в этом утверждении слишком много суб'ективного; верно то, что сам Ришар с этого момента в душе порвал с Альянсом, в котором он, впрочем, был случайным гостем.

[2] Это письмо было давно известно всем, занимавшимся историей Интернационала, но в неправильной редакции. Оно было написано на шести листках; первые 4 листка были впервые опубликованы Оскаром Тестю в его книге «L'Internationale et le Jacobinisme», т. II, стр. 280, со многими грубыми ошибками. Макс Неттлау напечатал его конец на странице 512 своей рукописной биографии Бакунина. В «Кнуто-Германской Империи» («Oeuvres», т. II, стр. 271, а также в русском переводе этой брошюры), равно как и в статье Ралли («Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 166—167), оно также напечатано неверно и с пропусками, и только в 4-м томе сочинений Бакунина, вышедшем под редакцией Гильома в 1910 г. («Oeuvres», т. IV, стр. 76—80), оно впервые появилось полностью и в правильном виде, перепечатанное с черновика, который был найден в бумагах Бакунина. Мы и приводим его оттуда. На русском языке оно полностью появляется здесь впервые.

[3] Письмо датировано 28 сентября, а между тем Бакунин говорит в нем об этом дне, как о «вчерашнем» (см. ниже). Поэтому приходится допустить, что это ошибка, и что письмо написано или 29 сентября, или в ночь с 28 на 29, но после полуночи.

идет о ее бытии или небытии, снова стала делом всего человечества, и что окончательное поражение Франции, ее падение, ее порабощение прусскими штыками и навязанным пруссаками правительством составляют величайшее несчастье, которое, с точки зрения свободы, может постигнуть всю Европу. Я принял участие во вчерашнем движении и подписал свое имя под резолюциями Комитета Спасения Франции, так как для меня очевидно, что после фактического разрушения всей вашей административной и правительственной машины только непосредственное революционное действие народа может спасти Францию. Все эти обломки старой администрации страны, эти муниципалитеты, состоящие в подавляющем большинстве из буржуа или рабочих, перешедших на сторону буржуазии, людей заскорузлой рутины, лишенных ума, энергии и добросовестности; все эти прокуроры республики, а особенно эти префекты, чрезвычайные комиссары, облеченные неограниченными военными и гражданскими полномочиями, т.-е. полною диктатурой, врученной им мифической и роковой властью того обломка Временного Правительства, который пребывает в Туре, — все это способно лишь парализовать последние усилия Франции и выдать ее головой пруссакам.

«Вчерашнее движение, если бы оно сумело удержать свою победу, — а оно удержало бы ее, если бы генерал Клюзере не предал дело народа,— это движение, заменив наполовину реакционный, а наполовину неспособный лионский муниципалитет революционным комитетом, непосредственно вышедшим из народной воли, могло бы спасти Лион, а вместе с Лионом и Францию.

«Может быть, время для этого еще не ушло. Я не сомневаюсь, что если бы лионский народ этого действительно захотел, он мог бы навязать свою волю всем этим импровизированным властям, которые выдвинулись на несчастье Франции. Но я боюсь, что лионский народ сообразит это лишь тогда, когда уже слишком поздно будет спасать Лион, и когда Лион очутится во власти пруссаков, а это неминуемо произойдет, если настоящее положение вещей не изменится в течение 24 часов: тогда Франция погибнет. Ей останется ожидать спасения, не говорю уже своего существования как великой, свободной и независимой нации, но просто спасения своего достоинства и чести лишь от демократического города Средиземного моря — Марселя. Марсель, я уверен, не попадет во власть пруссаков, но он не сможет спасти Францию.

«Дорогой друг, я покидаю Лион с глубокой грустью и с мрачными предчувствиями. Я начинаю думать теперь, что Франция погибла. Она

сделается вассальным княжеством Германии, и ее голос, некогда столь мощный, этот голос, возвещавший свободу всему миру, не будет пользоваться никаким влиянием в советах Европы.

«Место ее живого и реального социализма займет доктринерский социализм немцев, которые будут говорить только то, что позволят им сказать прусские штыки, вернувшиеся домой после победы.

«Бюрократический и военный разум Пруссии в союзе с кнутом петербургского царя водворят спокойствие и общественный порядок на всем континенте Европы, по крайней мере, на 50 лет.

«Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности! Все это могло бы выйти из современного разгрома Франции, и все это вышло бы из него, если бы французский народ, если бы лионский народ этого захотел.

«Но не будем больше об этом говорить. Совесть моя подсказывает мне, что я исполнил свой долг до конца. Мои лионские друзья также знают это, а до остального мне дела нет.

«А теперь, дорогой друг, перехожу к чисто личному вопросу. Ты знаешь, что вчера (вычеркнуто: около 3 часов) я был арестован в ратуше господином весьма противной наружности, одетым в штатское платье, который приказал национальным гвардейцам буржуазных рот схватить меня. (Вычеркнуто: позже мне сказали, что это были национальные гвардейцы 2-й, 3-й и 4-й роты — не могу тебе точно сказать, какой.) Не могу точно сказать, каких именно. Факт тот, что эти господа обыскали все мои карманы с уверенностью и ловкостью, которые показали мне, что они недурно знакомы с этим ремеслом. Один из них (вычеркнуто: как раз тот, который меня обыскивал) ответил другому, советовавшему ему хорошенько меня обыскать: «Не бойся, я знаю свое дело». Это, вероятно, был императорский городовой, переодевшийся республиканским национальным гвардейцем. Некоторые из них обращались со мной в высшей степени грубо, шпыняли меня, отпуская толчки, щипля меня, выкручивая мне руки и кисти; я должен, однако, признать, что другие кричали: «Не причиняйте ему вреда!». В конце концов господа буржуа показали себя тем, чем они всегда и повсюду являются: грубыми и трусливыми. Ведь ты знаешь, что я был освобожден несколькими вольными стрелками, которые обратили в бегство втрое или даже вчетверо большее число этих героических лавочников, вооруженных своими шаспо. Я был освобожден. Но из всех моих вещей, которые были у меня отобраны этими господами, я мог отыскать только свой револьвер. Моя записная книжка и мой кошелек, в котором было 165 франков и несколько су, без сомнения остались

в руках этих господ. Не начинают ли буржуа осуществлять коммунизм? Это было бы поучительно и любопытно.

«Во всяком случае, дорогой друг, я уполномочиваю и прошу тебя истребовать их от моего имени. Ты мне их перешлешь, когда тебе их вернут.

«Мне остается только обнять тебя и вместе с тобой пожелать всего хорошего этой бедной Франции, покинутой даже своим собственным народом.

«Преданный тебе

«Михаил Бакунин».

Тем не менее Бакунин сдался не сразу. В Марселе, где он скрывался в окрестностях, он видался с местными социалистическими деятелями и пытался выяснить, возможно ли какое-либо революционное выступление в этом городе. Вместе с тем он допускал возможность новой вспышки в Лионе. Революционная честь предписывала ему употребить все усилия, испробовать все пути и средства перед тем, как окончательно сложить оружие.

В цитированном письме к Э. Беллерио от 8 октября Бакунин, после рассказа о событиях 28 сентября, продолжает: «Вы видите, что это было только небольшое приключение, просто отложенная игра. Друзья, ставшие более благоразумными и практическими, работают активно в Лионе и Марселе, и мы скоро возьмем свой реванш под носом у пруссаков». Дальше Бакунин говорит о предательском своекорыстии буржуазии, стоящем в таком резком контрасте с патриотически-жертвенным настроением народа. Предстоит «борьба на смерть между народной, небуржуазной революцией — больше нет буржуазной революции, эти два слова отныне исключают друг друга, — и военным, бюрократическим и монархическим деспотизмом, который теперь торжествует в Германии». И кончает Бакунин письмо выражением надежды, что скоро ему удастся вернуться в Лион.

В каком настроении Бакунин находился в Марселе, видно из начатого им письма к А. Эскиросу, старому республиканцу, занявшему пост главного администратора Усть-Ронского департамента. В этом письме Бакунин между прочим писал: «Если победит Пруссия, то с европейским человечеством будет покончено, по крайней мере, на 50 лет, а нам, старикам, останется только умереть. Увы, я должен буду признать, что мой покойный друг, Ал. Герцен, был прав после плачевных июньских дней 1848 года, дней, в которые буржуазия Парижа и Франции воздвигла трон Луи-Бонапарта на обломках надежд и всех законных стремлений

пролетариата, когда он провозгласил, что Западная Европа отныне умерла, и что для возрождения, для продолжения истории остается только два источника: с одной стороны, Америка, а с другой — восточное варварство». Тогда Бакунин спорил с Герценом: «Я допускал его правоту по отношению к вашей буржуазной цивилизации, но возражал ему, что в Западной Европе под буржуазией имеется варварский мир sui generis: городской пролетариат и крестьянство». Герцен был убит своим скептицизмом, подорвавшим его душевные силы. «Я же напротив был полон веры: я был социалистом-революционером не только в теории, но и на практике. Я верил в осуществление социалистической теории, и именно благодаря этому я его пережил. Я был и остаюсь социалистом не только потому, что социализм это действительная свобода, действительное равенство, действительное братство, человеческая и всемирная правда, но и по соображениям социальной физиологии. Я социалист потому, что я пришел к тому убеждению, что все классы, бывшие до сих пор, если так можно выразиться, главными живыми и действующими лицами исторической трагедии, умерли... Что же остается? Крестьянство и городской пролетариат. Только они могут спасти Европу от прусского милитаризма и бюрократизма, этих двух союзников и двоюродных братьев кнута моего драгоценного всероссийского императора». На первый взгляд и крестьянство и пролетариат мертвы. Но нет! Бакунин с этим не соглашается. В Лионе и Марселе «я видел, я чувствовал, что народ не умер... Ему недостает лишь организации и надлежащего руководства... той организации, того руководства, которые развиваются снизу и служат прямым выражением народной жизни и действия» [1].

Для задуманного вновь движения нехватало средств, и вот Бакунин обращается между прочим к провокатору Роману, который, как мы знаем, сумел втереться к нему (и Огареву) в доверие под именем «издателя Постникова», бывшего кавалерийского полковника. Один раз Роман уже принужден был дать на лионское восстание 250 франков, счет на которые он обязательно представил в III Отделение. Вот письмо Бакунина от 10 октября:

«Пишет мне Оз[еров], что Вы и все усумнились в практичности нашего дела. Поверили реакционным журналам и политическим сплетням. Если это правда, то всем вам стыдно. Дело наше верное, и мы одержим победу несомненную. Одна неудача ничего не значит, меня

---

[1] «Lettre à Esquiros» (20 октября 1870 г.), «Oeuvres», т. IV, стр. 233 и след.

не испугали бы и десять неудач. Дело приходит к развязке, и мы должны соединить все силы, все средства для того, чтобы окончательно победить. Повторяю еще раз, я отдал себя всего этому движению — иду на пан или пропал. Помогите же и Вы, добрый друг и храбрый полковник. Дело общее — дайте нам, сколько можете, но непременно дайте».

Полагая, что имеет дело с порядочным человеком, Бакунин 15 октября написал Роману другое письмо. Если мы приводим эти письма, то лишь потому, что они характеризуют тогдашнее настроение Бакунина. Вот второе письмо, из которого между прочим видно, насколько Роман сумел стать близко к Огареву, так как Бакунин как бы об'единяет их в одном лице.

«А теперь обращаюсь к вам, добрый друг и храбрый полковник. Все, что вы говорите насчет обязанности русского человека служить исключительно русскому делу, мне кажется несправедливым. Солидарность революционного дела не есть пустая фраза, а истина живая, вытекающая из непреложного факта, а именно, что теперь нет и быть не может отдельных и уединенных национальных революций. К тому же, любезный друг, я давно принадлежу интернациональному делу, и мне было бы стыдно, если бы [я] не принял участия в движении, от исхода которого зависит участь целой Европы, а следовательно и России. К тому же я возвращаться назад не люблю — пошел, значит иди вперед на пан или пропал. Прибавлю, однако, что я согласен скорее пропасть, чем быть таким паном, как пан Тхоржевский.

«Письмо к братьям прилагаю и прошу вас, друзья, передать его, но с соблюдением всевозможной осторожности» [1].

В первых числах октября Бакунин отправил с Ланкевичем следующее письмо Паликсу и Г. Блану:

«(Письмо сожгите, словарь хорошенько спрячьте.)

«Марсель восстанет только тогда, когда восстанет Лион, или когда пруссаки будут на двухдневном расстоянии от Марселя. Следовательно, спасение Франции вторично зависит от Лиона. Вам остается три или четыре дня, чтобы начать революцию, которая может спасти все. Для революции мести и отчаяния всегда хватит времени до тех пор, пока пруссаки войдут в Лион. Если вы чувствуете себя в со-

---

[1] Письмо к родным было любезно доставлено III Отделением по принадлежности. См. цит. брошюру Р. Кантора, стр. 109 (отсюда взяты и письма Бакунина к Роману).

стоянии произвести спасительную революцию и если вы полагаете, что мое присутствие может быть полезным, то телеграфируйте Луи Комбу [1]: «Ждем Этьена». Я тотчас же выеду, известив вас телеграммой по адресу Паликса: «Этьен будет у мадам Рошбрюн тогда-то, в таком-то часу. Морис». Мадам Блан будет находиться на ближайшей от Лиона станции с каретой, в назначенный час; станция будет обозначена именем мадам Рошбрюн (в нашем словаре), на той самой станции, куда она хотела меня отрезти. Я сяду с ней в карету, и она меня прямо проводит на квартиру, которую вы тайком и осторожно для меня приготовите. Квартира не должна находиться в Бротто [2], где мое лицо слишком хорошо знакомо, и на первых порах о ней должны знать только Паликс, Блан и его жена, — равно как и о моем приезде. Мы потом увидим, кого из друзей будет полезно привести ко мне. Все это лишь в случае спасительной революции.

«Что же касается революции мести и отчаяния, то она равным образом должна быть использована для образования крупного революционного фонда. Если вы полагаете, что я могу быть полезен и в этом случае, то я приеду таким же образом. Последняя революция требует еще большей организованности, чем первая. Для нее не требуется много народу, но все люди должны быть действительно энергичными, верными и глубоко преданными нашему делу. Валентин [3] скажет вам остальное. Дорогой Блан, советую тебе две вещи: во-первых всегда совещаться с Паликсом, а затем держать меня ежедневно и самым подробным образом в курсе всего, что творится у вас, что будет тебе легко выполнить при помощи словаря, который я тебе посылаю, и который ты должен хорошенько спрятать и держать у Паликса» [4].

Агитация в Лионе утихла не сразу. Комитет Спасения Франции продолжал еще некоторое время собираться и действовать, но на этот раз его работа носила преимущественно патриотический характер. 12 октября состоялось большое народное собрание, на котором говорилось о выступлении на следующий день. Выступление не состоялось. Зато полиция перешла в наступление. Были произведены аресты. За-

---

[1] Комб — секретарь марсельской федеральной палаты; интернационалист.

[2] Лионское предместье.

[3] Ланкевич.

[4] Словарь, в котором перечислены были главнейшие альянсисты, был забран при задержании Ланкевича и повел к многочисленным арестам, окончательно разгромившим лионский Интернационал.

хвачены были Ланкевич, Блан и др. (в том числе и провокатор Роман). При арестах найдено было письмо Бакунина и его тайный словарь [1]. И 16 октября Бакунин писал Огареву [2]:

«Ну, брат, день ото дня хуже. Сейчас получил письмо из Лиона, извещающее меня, что Блан и Валанс (Ланкевич) не только арестованы, но что на последнем нашли диксионер, заключающий не только имена всех друзей, но еще слова весьма компрометирующие: убийство, грабеж, пожары и т. д. Это очень плохо и подвергает их большой опасности. Народ молчит, устрашенный казенно-республиканским террором. По найденному списку приказано было арестовать всех. Кого арестовали, еще не знаю. Разумеется, всех, кого успели найти. Верно, кажется, то, что Блан и Валанс арестованы. Приходили к Паликсу, но, увидя его больным в постели, оставили в покое. Имя Бастелика находится также в списке, а также имя Комба. Я уже писал тебе, что из Тура несколько дней тому назад пришло приказание арестовать Бастелику, но что Эскирос и здешний префект отказались арестовать его, зная без сомнения, что это произвело бы ужасное волнение в народе и, может быть, даже взрыв. Но, чорт знает, может быть, вследствие открытия этого проклятого диксионера и арестуют. Так что, вероятно, и мне придется скоро убираться отсюда. А денег ни копейки. И потому, милый друг, сделай с друзьями последнее усилие. Соберите во что бы то ни стало 100 фр. и пришлите их á Madame Bastelica, 32 Boulevard des dames, с письменною просьбою, подписанною именем Eulalie Bertier, передать их à M-me Lise. Очень мне не хочется удаляться отсюда. А, может быть, это будет необходимо и даже весьма скоро. Куда я отправлюсь? Еще не знаю, в Барселону или в Геную, для того чтобы оттуда прямо возвратиться в Локарно? В Барселоне я буду ближе к Франции, чем в Локарно. Ваш совет, друзья? Разумеется, на тот случай, когда мне необходимо будет удалиться отсюда, что я сделаю только в самом крайнем случае».

Мы уже знаем, что в свое время, когда у него были надежды на успех восстания, Бакунин вызвал нескольких верных друзей из разных стран в Лион для участия в движении. В их числе находился и Сентиньон, вызванный им из Барселоны: Сентиньон прибыл в Лион, когда там все уже было кончено, а Бакунин оттуда уехал. На короткое время

---

[1] Этот словарь напечатан у Тестю (т. I, стр. 154—155).

[2] У Драгоманова (стр. 313) письмо напечатано с пометкой: «В окрестностях Лиона» (вместо Марселя). Это или описка Бакунина, или опечатка. А, может быть, Бакунин думал этим неверным указанием сбить с толку полицию?

приехал туда Сажин [1]; побывал там и Жуковский, но, кажется, не с политическими целями, а для свидания с проезжавшими через Лион супругами Мрочковскими. Узнав от Паликса, что надежд на близкое выступление нет никаких, Сентиньон 25 октября решил выехать из Лиона в Марсель, где он надеялся встретить Бакунина. Но тот успел к тому моменту уехать из Марселя. Друзья убедили Бакунина, что оставаться в Марселе для него не имеет никакого смысла: революционных выступлений не предвиделось, а лично ему грозила серьезная опасность. Бакунин согласился с их доводами и, отказавшись от мысли о поездке в Испанию, решил через Геную вернуться в Швейцарию. Раздобыли на всякий случай фальшивый паспорт. Бакунин преобразил свою наружность, сбрил бороду, остриг свои длинные волосы и прикрыл глаза синими очками; посмотрев на себя в зеркало, он с неудовольствием заметил: «Эти иезуиты заставляют меня перенять свой тип». 24 октября он сел на пароход, капитан которого был знаком с марсельскими социалистами, и через Геную и Милан прибыл 27 или 28 октября в Локарно [2].

Перед от'ездом из Лиона он 23 октября написал Сентиньону письмо, в котором, между прочим, говорилось:

«Я должен покинуть это место, потому что мне здесь решительно нечего делать, и я сомневаюсь, чтобы и ты нашел что-нибудь хорошее в Лионе. Друг мой, я окончательно потерял веру в революцию во Франции. Эта страна совершенно перестала быть революционной. Сам народ сделался здесь доктринером, резонером, буржуа на манер буржуазии. Социальная революция могла бы ее спасти, и она одна была бы способна ее спасти. Но так как она неспособна совершить эту революцию, она сильно рискует быть окончательно завоеванной пруссаками. Каково же может быть наше положение и наша деятельность между буржуа, ко-

[1] В середине сентября в Лионе побывал и Нечаев, но остался недоволен общей неконспиративностью и скоро оттуда уехал.

[2] 5 ноября он писал оттуда провокатору Роману: «В Марселе революционное движение только распаливалось, а еще не разыгралось, вследствие чего реакционное турское правительство не потеряло еще в нем своей официальной силы. Пользуясь этой силой, оно выслало в Марсель полицейского нарочного агента с двумя аколитами, именно, чтобы отыскать и арестовать меня: я два раза менял квартиру для избежания неприятной встречи. А денег, по старому обычаю, у меня не было. Худо, брат, прятаться, когда нет денег в кармане. Опасно и бесполезно; вследствие чего, посоветовавшись с тамошними друзьями и заняв через их посредство 100 фр., я решился удалиться на время, сделав решительно все, что я мог сделать в Марселе при таких обстоятельствах для пользы дела, и согласившись с ними крепко в том, что, лишь только начнется настоящая революция, они мне дадут знать, и я опять очутюсь между ними».

торые по глупости и злостно считают нас пруссаками и преследуют нас, как таковых, и наступающими пруссаками, которые, отличаясь большей проницательностью, чем французские буржуа, преследуют нас как социалистов-революционеров? Это положение невозможно, и я заявляю тебе, что с меня довольно... Я покидаю эту страну с чувством глубокой безнадежности в сердце. Как бы я ни старался убедить себя в противном, но я твердо уверен, что Франция погибла, преданная пруссакам бездарностью, низостью и жадностью буржуа. Милитаризм и бюрократизм, юнкерская наглость и протестантский иезуитизм пруссаков в трогательном союзе с кнутом моего драгоценного государя и повелителя, императора всероссийского, станут господствовать на европейском континенте бог знает в продолжение скольких десятилетий. Прощай, все наши мечты о близком освобождении! Теперь начнется убийственная и страшная реакция» [1]).

3. Парижская Коммуна.

Возвратившись в Локарно, Бакунин, отложив в сторону начатые в марсельском уединении рукописи, засел за писание брошюры «Социальная революция или военная диктатура», впоследствии превратившейся в «Кнуто-Германскую Империю». В этой работе, которую Бакунин считал своим политическим «завещанием», он хотел подвести итог своему долгому житейскому и революционному опыту и предостеречь человечество от угрожающей ему опасности длительной реакционной полосы. Писалась эта брошюра при самых тяжелых материальных и моральных условиях, в состоянии политического разочарования и величайшей личной нужды.

Проклятый вопрос о деньгах не оставлял Бакунина в покое в течение всей его жизни. В конце июля 1870 года Бакунин сделал новую попытку связаться с родными и получить от них средства для существования. «Издатель Постников» (провокатор Роман) охотно предложил для этого свои услуги через Огарева. Бакунин решил рискнуть и написал братьям письмо, которое Роман с разрешения III Отделения сам отвез в августе в Премухино.

В этом письме, написанном в довольно решительном и даже угрожающем тоне, Бакунин указывает, что за 5 лет братья прислали ему всего 200 рублей и брильянт, который он продал тоже за 200 р. На все его письма родные отвечали полным молчанием, как бы используя его

---

[1] Это письмо, найденное впоследствии среди бумаг Н. Жуковского, напечатано у Гильома (т. II, стр. 112).

беспомощное положение политического эмигранта. Бакунин требует от братьев выделения ему законной доли из отцовского наследства, а, в ожидании ликвидации части имения, высылки ему 1.000 рублей. Он из'являет готовность ждать два месяца подобно парижским рабочим 1848 года, а затем угрожает продать свою долю какому-нибудь иностранцу. Такая сделка претит его нравственному чувству, но поведение родни вынуждает его к этому. Все это кончилось тем, что братья Бакунина вручили Роману 70 рублей, которые тот, по возвращении за границу, аккуратно и передал Огареву под расписку в начале сентября.

Тут подоспели лионские события. Бакунин забыл о личных делах, но по возвращении в Локарно денежный вопрос снова встал перед ним во весь рост. Относящийся к этому времени (к первой трети 1871 года) дневник Бакунина полон указаний на крайне бедственное материальное положение. Бывали дни, когда в кошельке его было не больше 5 сантимов, и когда больной старик сидел без чая. Около этого времени жена его писала одному знакомому: «М. Б. находится в крайне подавленном состоянии; он говорит: «Что делать? Я слишком стар, чтобы начать зарабатывать свой хлеб, и мне недолго уже осталось жить». Материальный вопрос настолько его подавляет, что он теряет всю энергию и убивает себя морально; и все это после того, как он отдал всю свою жизнь делу свободы и человечества, забывая о самом себе! Братья его все время оставались безучастными и бездеятельными — до преступления; М. Б. думает заставить своих братьев выделить ему его часть наследства» [1]. Таковы были 25.000 франков, ежегодно якобы получаемых Бакуниным от «панславистической партии», как думал Маркс!

В таком отчаянном положении Бакунин обратился за помощью к своему старому приятелю Лутинину, который в это время находился в Италии и увлекался кооперативным движением. Заняв денег на поездку у своего домовладельца, Бакунин 19 марта отправился во Флоренцию и получил у Лутинина взаймы несколько сот франков, при чем Лутинин обещал ему заняться вопросом о разделе его с братьями и повлиять на них в этом смысле [2].

Таким образом пессимистическое настроение, овладевшее Бакуниным по мотивам общественного порядка, могло только поддерживаться его личным тяжелым положением. Мы уже видели, что Бакунин

---

[1] Это письмо приводится Гильомом (т. II, стр. 132) из неизданной рукописи Неттлау. Мы перевели его с французского; не знаем, на каком языке оно было написано.

[2] Ср. письмо Бакунина к Огареву от 5 апреля 1871 г. (Переписка, стр. 318.)

уехал из Франции в крайне подавленном, чтобы не сказать — безнадежном настроении. Правда, события показали, что энергия революции не вся еще исчерпалась, но видно было, что сил на глубокий серьезный переворот у партии действия нехватает. И те частичные выступления, которые имели место вскоре после от'езда Бакунина из Франции, не в состоянии были изменить его настроение и возродить в нем былой революционный оптимизм.

Вскоре после от'езда Бакунина из Марселя, в этом городе неожиданно произошло выступление революционных элементов. По получении известия о капитуляции Меца, началось брожение, которое закончилось тем, что 31 октября рабочие ворвались в префектуру и провозгласили Коммуну. Но лишенное организации и плана, об'единявшее самые разнородные элементы, движение быстро спало, и уже 4 ноября буржуазия снова сделалась хозяином положения в городе. На место мягкого Эскироса назначен был более твердый столп порядка Жан. Движение в Марселе задавлено было надолго.

Столь же неудачно закончилась и новая революционная вспышка в Лионе, разразившаяся 4 ноября. При известии о парижском возмущении 31 октября в Лионе началось брожение; целью ставилось учреждение революционной Коммуны, а предлогом выставлялась недостаточная организация национальной обороны буржуазным правительством. После нескольких предварительных мелких стычек генеральное выступление назначено было на 4 ноября; рассчитывали на рабочих национальных мастерских и на некоторые батальоны национальной гвардии. Но так как последние не явились, то все ограничилось мирной демонстрацией рабочих. Через 2 дня последовали аресты; в числе других арестован был и Парратон. И здесь движение замолкло надолго.

Понятно, что подобного рода инсуррекционные попытки способны были только укреплять пессимизм Бакунина. В письме к Огареву от 19 ноября он выражает уверенность в прочности буржуазного режима во Франции. Об'ясняя, почему он вовсе не торопится как можно скорее напечатать свою «Кнуто-Германскую Империю», Бакунин говорит: «Я спешил бы..., если бы имел намерение написать брошюру для скорейшего воздействия на общественное мнение. Но у меня в настоящую минуту нет этой цели; нет же ее потому, что нет более веры, чтобы какими бы то ни было брошюрами или даже непосредственными практическими предприятиями и действиями можно было теперь переменить ход дел. По-моему, ложная гамбеттовская система вошла уже в такую силу на практике и до такой степени победила и успела вытеснить нашу систему, что если б сам Гамбетта теперь захотел ее изменить, он бы не

достиг ничего, кроме окончательной гибели Франции. Система его стала сильнее его самого и, хорошо или худо, она должна следовать своему неотвратимому течению и принести все свои плоды, прежде чем можно бы было свергнуть ее. Поэтому я нисколько не спешу печатать. Я пишу патологический эскиз настоящей Франции и Европы для назидания ближайших будущих деятелей и для оправдания своей системы и своего образа действий».

События как будто собирались опровергнуть пессимистический прогноз Бакунина. Как раз в тот день, когда он уезжал во Флоренцию к Лугинину, в Швейцарии получена была телеграмма, сообщавшая о революции 18 марта 1871 года в Париже, приведшей к провозглашению Парижской Коммуны. Вслед за парижским переворотом сделаны были аналогичные попытки в провинциальных городах Франции. 23 марта в Лионе, куда прибыл делегат Парижа А. Леблан, рабочие и национальные гвардейцы захватили ратушу и провозгласили Лионскую Коммуну, об'явившую о своем намерении войти в федерацию революционных Коммун вместе с Парижской. 25 марта провозглашена была Коммуна в Марселе. Аналогичные попытки сделаны были в Сент-Этьене, Нарбонне, Крезо и т. д. Казалось, старая идея Бакунина начинает воплощаться в жизнь. Но все эти провинциальные восстания скоро были подавлены или умерли собственной смертью за отсутствием общественной поддержки, как, например, в Лионе, где движение окончательно выдохлось через пару дней. В Марселе оно было подавлено силой 4 апреля, равно как и в нескольких других центрах. Таким образом Парижская Коммуна оказалась предоставленной собственным силам и отрезанной от остальной страны. Характерно, что Бакунин уже не верил в победу Коммуны, — настолько события последнего года повлияли на его настроение. В письме к Озерову от 5 апреля 1871 года он говорил: «По всем вероятностям парижане погибнут, но погибнут недаром, сделав дело; пусть положат с собою, по крайней мере, пол-Парижа. Провинциальные города — Лион, Марсель и другие — к несчастью, попрежнему плохи, судя, по крайней мере, по всем известиям, до меня дошедшим. Очень беспокоят меня также старые якобинцы, Делеклюзы, Флюрансы, Пиаты (т.-е. Пиа) и даже Бланки, сделавшиеся членами Коммуны. Боюсь, что они потянут и перетянут ее на старую головорезную и карманощадительную колею. Тогда все пропало. Une et indivisible [1] все погубит и прежде

---

[1] «Единая и нераздельная», т.-е. республика в старом буржуазно-демократическом понимании.

всего погубит себя. Все достоинство этой революции состоит именно в том, что она революция рабочих. Вот что делает организация. Наши друзья во время осады успели и умели организоваться и таким образом создали громадную силу, а наши лионские и марсельские остались не при чем. В Париже сосредоточилось слишком много способных и энергичных людей, так много, что боюсь, чтобы они не стали мешать друг другу. Зато в провинции нет никого. Если еще будет время, надо будет напирать, чтобы из Парижа попало как можно больше истинно революционных делегатов в провинцию. Как это Cluseret [1] попал в комитет? Неужели это правда? Да ведь это просто насилие, если только правда. Что за дьявольски трудное положение! С одной стороны, стачка, полицейская, пруссаков с фр[анцузскою] реакциею, с другой — глупость провинции. Только самые отчаянные меры и готовность все рушить с собою может спасти дело» [2].

Тогда же он писал Огареву: «Чем бы ни кончилось, а надо сказать, что молодцы. В Париже нашлось именно то, чего мы тщетно искали в Лионе и Марселе: организация и люди, решившиеся итти до конца. Вероятно, они будут побеждены [3]. Но вероятно [и] то, что для Франции не будет отныне другого существования, кроме социальной революции. L'Etat Français (Французское государство) погибло навеки. Там революционеры страшней 5 миллиардов [4] — и сколько разных наций! 1) Мужики, 2) работники, 3) мелкая bourgeoisie (буржуазия), 4) большая bourgeoisie, 5) выходцы с того мира — дворяне и 6) вечные тени вампиры-попы, 7) наконец, бюрократический мир, 8) пишущий пролетариат. Между всеми нациями солидарности никакой, кроме взаимной ненависти и патриотической фразы [5].

Пессимизм Бакунина в тот момент был настолько силен, что этот вечный бунтарь, утверждавший, что всякий бунт полезен, на этот раз готов был удерживать своих сторонников (русских и швейцарских), которые, по его мнению, собирались двинуться в Париж на помощь Коммуне, от такого рискованного шага. 9 апреля он писал Огареву: «Бедный друг наш О[зеров] порет теперь горячку с горцами (т.-е. с юр-

---

[1] Генерал Клюзере.

[2] Переписка, стр. 316. Курсив в цитате мой.

[3] Курсив мой.

[4] Т.-е. пять миллиардов франков контрибуции, которые Франция должна была уплатить Германии.

[5] Переписка, стр. 317—318.

скими альянсистами) по поводу Парижа и Франции. Я сам было запорол горячку, но перестал. Вижу слишком ясно, что дело проигранное. Французы, даже работники, не проняты еще достаточно, а, кажется, урок был ужасный. Но как было его мало! Надо более бед, сильнейших потрясений. Обстоятельства сложились так, что в них недостатка не будет, — и тогда, может быть, дьявол проснется. Но пока он действительно не проснулся, нам там делать нечего. В чужом пиру похмелье вышло бы плохое, чрезвычайно неприятное, тем более, что совершенно бесполезное. Наше дело готовиться, организоваться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробуждения дьявола. А до тех пор тратить свои бедные средства и своих немногих людей, — наше единственное сокровище, — было бы преступно и глупо. Таково мое окончательное мнение. Я стараюсь и ты старайся всеми силами удержать нашего друга, наших друзей О[зерова] и Росса, а также наших горных друзей»[1]. В таком же духе он писал и юрцам через А. Швицгебеля.

Огареву же Бакунин писал 16 апреля: «Если б зависело от меня, я ни Росса, ни дю-Ляка (Ланкевича) не пустил бы в Париж, особливо не пустил бы последнего (он там и был убит. — *Ю. С.*). Но я уважаю свободу друзей и, раз убедившись, что решение их ехать непреклонно, не поперечу. Росс уже уехал. Боюсь, чтобы он не попался в неприятельские лапы прежде, чем попадет в Париж. Сукины дети раз'ярены теперь против всех иностранцев; в Марселе расстреливали гарибальдийцев с особенным наслаждением. Покамест нет серьезного движения в провинции, я для Парижа не вижу спасения. Вижу, что Париж силен и решителен, благодаря богам. Наконец-то вышли из периода фраз в период дела. Чем бы ни кончилось, они все-таки создают огромный исторический факт. А на случай неудачи у меня остается два желания: 1) чтобы версальцы не победили Парижа иначе, как с открытою прусскою помощью, 2) чтобы парижане, погибая, погубили вместе с собою, по крайней мере, пол-Парижа. Тогда социально-революционный вопрос, вопреки всем военным победам, будет поставлен огромным неотвержимым фактом» (Переписка, стр. 322).

Но, несмотря на овладевшее им и до тех пор несвойственное ему чувство пессимизма, были, повидимому, моменты, когда Бакунин начинал снова колебаться. 25 апреля он, получив взаймы от Гамбуцци тысячу франков, выехал из Локарно и приехал к Юру, чтобы быть поближе к французской границе. Здесь он и его друзья придумывали разные пла-

---

[1] Т.-е. юрцев (Переписка, стр. 318—319. Курсив мой).

ны помощи французским инсургентам [1]; ожидали новых вспышек революционного движения в провинции и в частности в Лионе, где 30 апреля действительно была сделана слабая попытка захватить власть и провозгласить Коммуну. Но провинция оставалась безгласна, и Бакунин должен был 1 июня уехать обратно в Локарно, не приняв непосредственного участия в событиях [2].

Но, несмотря на понесенное ею поражение, Коммуна доставила глубокое удовлетворение Бакунину, который — совершенно, впрочем, напрасно — увидел в ней первую попытку практического применения его анархических идей. «Революционный социализм, — писал он, — воспринятый латинскими народами в Европе [3], проявил себе впервые в блестящей и практической попытке, которая носит великое имя Парижской Коммуны. Все величие этого исторического факта заключается именно в том, что отрицание г о с у д а р с т в а впервые фактически проявилось в той самой Франции, которая до сих пор была страной исключительно политической централизации, именно в том самом Париже, который в истории сыграл роль созидателя великого единства всей Франции, и который теперь принял на себя же инициативу диаметрально противоположной работы... Он провозглашает начало новой эры, эру окончательного и полного освобождения рабочих масс, при реальной солидарности рабочих всего мира вне всяких границ государства; он окончательно порывает с патриотизмом и основывает на своих развалинах религию человечества; Париж провозглашает гуманность и противопоставляет религиозным фикциям великую действительность социальной жизни; он замещает веру наукой, ложь и нелепости религиозной, политической и юридической нравственности принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этих вечных основ человеческой

---

[1] Между прочим, по мысли некоторых французских эмигрантов, бежавших после беспорядков в Лионе и других городах в Швейцарию, задумано было сформировать в Женеве или в ее окрестностях легион из нескольких сот волонтеров разных наций; на это нужны были деньги, но Парижская Коммуна отказалась их дать под тем предлогом, что она обязана отчетностью по всем произведенным ею расходам, а потому тайных выдач производить не может! Так, по крайней мере, сообщает Гильом («L'Internationale», т. II, стр. 152).

[2] Именно во время этого своего пребывания в Юре Бакунин прочитал рабочим Валь-де-Сент-Имье три лекции, напечатанные в пятом томе «Oeuvres».

[3] Прим. Бакунина: «Он также признан и все сильнее будет признаваться славянскими народами, благодаря их, по существу, антиполитическому инстинкту».

нравственности». И Бакунин предсказывает: «Грядущая интернациональная и солидарная революция народов будет воскресением Парижа» [1].

Трудно понять, почему Бакунин усмотрел в Парижской Коммуне какое-то осуществление своей анархической программы [2]. Его брошюра или статья, впрочем, не является попыткой рассмотреть действительные акты Коммуны или проанализировать их с какой-либо точки зрения, а состоит из изложения его собственных уже известных нам идей. Бакунин просто воспользовался громким фактом Коммуны для того, чтобы снова повторить свои старые мысли, но изложение это совершенно не связано с действительной историей Коммуны. В этом отношении его брошюра резко отличается от посвященной тому же вопросу брошюры Маркса «Гражданская война» не только по выводам, но и по содержанию [3].

В чем, собственно говоря, Бакунин усмотрел «отрицание государства» и на каких актах Коммуны он основывает свое утверждение? Разве в том, что Коммуна «отрицала» государство как организацию эксплоатации рабочих масс капиталом. И действительно Бакунин отождествляет здесь уничтожение государства с протестом против угнетения и эксплоатации большинства меньшинством. Но тогда всякая социальная революция есть уничтожение государства в его историческом и специфическом смысле, в том числе и коммунистическая революция, которую Бакунин тут же отвергает.

Точно так же необоснованно утверждение Бакунина о том, что Коммуна была полным отречением от буржуазного радикализма.

---

[1] Бакунин — «Парижская Коммуна и понятие о государственности». Женева, 1892, стр. 5—7; см. также «Избранные сочинения» Бакунина, изд. «Голос Труда», т. IV, стр. 253. — Мы уже указывали, что эта брошюра есть не что иное, как предисловие (Préambule) к второму выпуску «Кнуто-Германской Империи», напечатанное в четвертом томе «Oeuvres».

[2] Характерно, что говорит по этому поводу Ришар в своей цитированной статье. «Парижская Коммуна не была для Бакунина удобным случаем снова выступить на сцену, так как у него было очень мало связей в Париже, а Коммуна была лишь властью, вышедшей из традиции, имеющей формы и тенденции, диаметрально противоположные идеям Бакунина. Она хотела быть государством, она носила официальную печать, это была Гора в малых размерах, склонная законодательствовать, декретировать, отнюдь же не питать анархию, и не имевшая ни малейшего понятия об отмене всех политических и юридических конституций». Это, пожалуй, более верно, чем то, что говорит о Коммуне сам Бакунин, и в значительной мере подтверждается его письмами по поводу Коммуны.

[3] Как известно, брошюра «Гражданская война во Франции» представляет написанное Марксом воззвание Генерального Совета Интернационала.

К сожалению, в ней было еще много пережитков буржуазного демократизма (в частности можно указать на ее преклонение перед всеобщим избирательным правом, ее робость перед капиталом, ее нерешительность в деле вторжения в буржуазные отношения собственности и пр.), и это-то в значительной мере обусловливало ее бессилие и предопределяло ее конечное поражение. Об «анархии» же Парижской Коммуны можно говорить только в обывательском понимании этого слова: ее анархия выражалась лишь в господстве беспорядка, бессистемности и дезорганизации.

Бакунин был прав лишь в том отношении, что Парижская Коммуна действительно означала уничтожение старого буржуазного государства, что она предвещала будущее безгосударственное свободное общество. Но завоевать и подготовить его можно было лишь борьбой, лишь длительной практикой рабочего правительства. Коммуна и была первым, хотя и слабым, половинчатым, самим себя недостаточно сознававшим, рабочим правительством, первой зародышевой формой диктатуры пролетариата. И если Бакунин этого не заметил, то лишь потому, что не хотел этого видеть, ибо это противоречило его общему анархическому взгляду на ход и задачи социальной революции.

Но зато это прекрасно понял подошедший к Коммуне без очков предвзятости Маркс.

Цитируя заявление руководившего восстанием 18 марта 1871 года Центрального Комитета, что «парижские пролетарии поняли, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть», Маркс прибавляет: «Но рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим собственным целям». В письме к Кугельману от 12 апреля 1871 года Маркс поясняет, что рабочий класс, начиная свою революцию, должен сломать старую государственную машину, а не просто передать ее из одних рук в другие. И анализируя мероприятия Коммуны, он поясняет, в чем заключается эта ломка, и какой новый правительственный аппарат создает победивший пролетариат. Парижская Коммуна, говорит он, была формой такой республики, при которой уничтожается не тот или иной вид классового господства (монархический или республиканский), а самое классовое господство, как таковое. «Тайна Коммуны заключается в том, что она по существу своему была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, тою давно искомою политическою формою,

в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда» [1]. А Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» прямо говорит, что Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата.

Что в результате этой диктатуры и уничтожения ею классового деления общества государство, как организация эксплоатации, постепенно отомрет, это само собою разумеется. В понимании будущего общества, как свободного человеческого общежития, Маркс с Бакуниным вовсе не расходился, как мы уже выше выясняли [2]. Их разделял вопрос о м е т о д а х достижения этой цели. И хотя Коммуна не успела проявить всех заложенных в ней возможностей и полностью выявить свою физиономию, но совершенно очевидно, что она по всему существу своему и по методам своим стояла ближе к коммунизму, чем к анархизму. Да и всякая рабочая революция, если только она захочет удержаться, неизбежно должна будет применить коммунистические методы, даже если бы она начала с анархии. Это обязательно случилось бы и с Бакуниным, если бы его Лионская попытка увенчалась успехом более или менее длительного характера, и если бы ему с товарищами по Альянсу пришлось строить социалистическое общество, одновременно обороняясь от буржуазной контр-революции.

---

[1] Конечно, Коммуна была только первым намеком на рабочее государство; но Маркс, говоря об «искомой политической форме», имеет ввиду не самый внешний вид и способ организации власти Коммуной, а факт захвата власти пролетариатом, «форму» рабочего правительства.

[2] См. также Л е н и н а — «Государство и Революция», Петр., 1918 г., стр. 49: «Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным)... оппортунисты... не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАЧАЛО АНАРХИСТСКОГО ПОХОДА ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Глава первая.

ОРГАНИЗАЦИЯ АЛЬЯНСИСТСКИХ СИЛ.

1. В Швейцарии.

Первое открытое столкновение в рядах Интернационала, сопровождавшееся организационным расколом, произошло в маленькой Швейцарии.

В третьем томе мы рассказали, как Бакунину удалось создать себе базу в юрских горных секциях, руководители которых стали на сторону программы Альянса и вошли в его тайную организацию. Напротив, с женевскими секциями Интернационала бакунисты были на ножах. Женевская секция Альянса, не допущенная в состав местного женевского Интернационала, решила поставить этот вопрос на общем с'езде романской федерации, который должен был состояться в начале апреля 1870 года в Лашодефоне.

Разумеется, вопрос шел здесь не только о личных конфликтах, но и о борьбе принципов. Бакунисты хотели в первый раз добиться гласного признания своих принципов на областном с'езде Интернационала. Целью их было провести на с'езде анархические резолюции, избрать новый федеральный комитет, стоящий на альянсистской позиции, перенести его местопребывание из Женевы в один из городов Юры, снова захватить в свои руки федеральный орган «Эгалите» или же создать вместо него другой, проводящий их платформу, словом, получить прочный организационный центр для проведения политики Альянса во всем Интернационале.

Статья, напечатанная в локльском «Прогрессе» от 2 апреля 1870 г., т.-е. накануне конгресса в Лашодефоне, определенно подчеркивала принципиальные разногласия, разделявшие оба течения в романской федерации. В частности по вопросу о политической борьбе статья эта говорила: «Наконец, по третьему пункту: Каково должно быть отношение рабочих к политическому вопросу и к правительствам? — наше мнение известно. Проделанный нами опыт... доказал нам, что у рабочих не должно быть другой политики, кроме организации Интернационала и социалистической пропаганды, и что они должны воздерживаться от всякого участия в борьбе буржуазных политических партий. Таково также мнение наших бельгийских товарищей... Таково же мнение французских социалистов в Париже, Лионе, Марселе: они порвали с радикальной демократией, они убедились, что деятели «левой», так называемые республиканцы, являются злейшими врагами трудящихся, и что нечего ждать от парламентских выступлений. Таково же мнение наших испанских товарищей... Таково же мнение итальянцев, тех смелых австрийцев, которых бросает в тюрьмы либеральное министерство, тех русских социалистов, которых ищет наше швейцарское правительство, для того чтобы выдать их палачам (намек на Нечаева. — *Ю. С.);* таково, наконец, мнение подавляющего большинства Интернационала. Мы надеемся, что в таком же духе выскажется и романский с'езд» [1].

Бакунин, бывший в курсе подготовлявшихся событий и без сомнения вдохновлявший своих друзей, писал 1 апреля 1870 года своему лионскому ад'ютанту Альберу Ришару: «В женевском Интернационале — полная реакция. За мое отсутствие фабрика восторжествовала по всей линии, и не нашлось никого, чтобы помешать этому торжеству. «Эгалите» превратилась в реакционную газету. Вот ее программа: кооперация и местническая политика буржуазного радикализма. Отныне женевский Интернационал будет играть только роль ступеньки для возвышения разных Перре и Гроссленов. Папá (И.-Ф.) Беккер, ослабевший вследствие преклонного возраста, поплелся на буксире реакции: он тоже высказывается за местную политику. Но душою и интриганским заправилою всего этого реакционного заговора является нечто вроде моего соотечественника, русский жидок Утин... (следует характеристика Утина).

«Этот конпресс будет иметь весьма важное значение для будущности Интернационала в романской Швейцарии. Бой будет там ожесто-

[1] Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne. Sonvillier, 1873, стр. 106 — 107.

ченный. Он произойдет, главным образом, по вопросу о воздержании или участии рабочих в местной (?) политике. Мы все, горные секции, стоим за воздержание. Женевские рабочие в собственном смысле, фабрика — за участие. В данный момент их представителем, их чемпионом является Утин.

«Почти решено, что или наши горные друзья победят, и тогда федеральный совет и редакция «Эгалите» будут переведены к ним, или же, если наши друзья потерпят поражение, то горные секции, а с ними, быть может, и секции Лозанны, Веве, Невшателя, Берна отделятся от Женевы, для того чтобы образовать отдельную федерацию. С своей стороны женевская фабрика во всеуслышание заявила, что если конгресс отвергнет участие в местной политике, она отделится от горных секций. Утин является редактором женевского проекта и будет его главным защитником. Если Женева одержит верх, и если «Эгалите» останется за нею, то Утин будет ее редактором»... (далее рекомендуется организовать во Франции бойкот против Утина).

«Если наша партия потерпит поражение, то произойдет раскол и самостоятельная организация горных секций, а в таком случае нашим органом будет не «Эгалите», а «Локльский Прогресс», который будет тогда перенесен в Невшатель под редакцией Гильома. В этом случае нам придется поддержать «Прогресс» своими корреспонденциями и доставлением ему многочисленных абонентов.

«Помимо своего местного значения, бой, который будет дан в Лашодефоне, будет иметь огромный мировой интерес. Он будет предвестником и предшественником того боя, который мы должны будем дать на предстоящем общем конгрессе Интернационала.

«Хотим ли мы великой политики мирового социализма или же мелкой политики буржуазных радикалов, просмотренной и исправленной с точки зрения буржуазных рабочих?

«Хотим ли мы уничтожения буржуазных отечеств и политических государств и возникновения единого мирового социалистического государства?

«Хотим ли мы полного освобождения трудящихся или только улучшения их положения?

«Хотим ли мы создать новый мир или затоптать старый?

«Вот вопросы, которые мы должны изучить и подготовить к предстоящему конгрессу. Вы, лионская секция, предложите-ка их Лондону. На нашей стороне будут испанцы, бельгийцы, итальянцы, горные секции Швейцарии и, надеюсь, большинство французов. А против нас будут не рабочие инстинкты, а амбиции и аппетиты вождей социал-

демократической партии и, под влиянием этих самых немецких вождей, в значительной части евреев, т.-е. эксплоататоров и буржуа по инстинкту, включая сюда и школу Маркса, против нас будут также английские и американские делегаты.

«Сомкнем же наши ряды и приготовимся к бою! Ибо дело идет о торжестве Интернационала и революции»...

Из этого письма с очевидностью вытекает, что раскол был бакунистами предрешен еще до с'езда. Поэтому особый привкус приобретают последующие жалобы юрцев и Гильома в знаменитой «Записке Юрской Федерации», пытающихся представить женевцев единственными виновниками раскола, а себя — невинными жертвами «реакционной интриги» и сторонниками единства во что бы то ни стало.

4 апреля 1870 года открылся в Лашодефоне второй с'езд романской федерации, которому суждено было сыграть такую роль в истории Интернационала. Женева представлена была 13 делегатами, Лашодефон — шестью (в том числе пресловутым Куллери, к этому моменту успевшим полностью показать свою политическую физиономию). Это были силы оппозиции Альянсу, при чем куллеристы голосовали с женевцами, что, разумеется, было ловко использовано юрцами для скомпрометирования своих противников. Другие секции Юры представлены были 21 делегатом во главе с Гильомом и Швицгебелем, верными проводниками бакунинской политики в романской Швейцарии. Таким образом эти мелкие секции благодаря своей близости к месту с'езда были представлены на нем сильнее, чем секции женевские, на деле располагавшие гораздо большей силой и численностью. Кроме того три секции до тех пор не были еще приняты в федерацию, а именно секция резчиков в Куртелари, секция Альянса в Женеве и секция пропаганды в Лашодефоне, тоже стоявшая близко к бакунистам.

Следуя директивам Бакунина, выраженным в письме его к Гильому от 2 апреля 1870 г. [1], юрцы потребовали, чтобы вопрос об упомянутых секциях был поставлен в начале с'езда, дабы, в случае их допущения, делегаты их могли принять участие в работах конгресса. Секция резчиков в Куртелари была принята в федерацию единогласно; что же касается двух остальных, особенно же женевской секции Альянса, то по их поводу возгорелись ожесточенные прения, приведшие к разрыву.

Дебаты превратились в обвинительный акт против Бакунина и Интернационального Альянса Социалистической Демократии (о тайном

---

[1] Напечатано у Гильома («L'Internationale», т. I, стр. 290—291).

существовании которого в тот момент большинство противников Бакунина, впрочем, не догадывалось). Застрельщиком, как и ожидал Бакунин, явился Н. Утин, произнесший резкую речь, которая осуждала политическую деятельность Бакунина, в частности в Лиге Мира, в открытом Альянсе, в нечаевском деле и т. д. Бывшие члены Альянса, как Гетà и Дюваль, выступили с разоблачениями по поводу этого Союза и диктаторской тактики, которой в нем держался Бакунин [1]. Правда, на-ряду с этими обвинениями против Бакунина и Альянса раздавались самые пошлые обывательские речи, и беда была в том, что в борьбе с ним к действительным революционерам примыкали настоящие мещане революции, боявшиеся смелых слов и действий и этим дававшие анархистам легкую возможность извращать коренную суть спора.

На обвинения противников юрцы возражали указанием, что вся женевская склока носит не столько принципиальный, сколько личный характер, что никаких определенных, конкретных обвинений против Бакунина его врагами не выдвигается, что группа Альянса принятт в Интернационал Генеральным Советом, и потому нет никаких оснований отказывать ей в приеме в романскую федерацию.

При голосовании против допущения женевской секции Альянса высказалось 18 делегатов, а за допущение — 21. Тогда женевские делегаты заявили, что они, считая принятое решение гибельным для интересов Интернационала, покидают с'езд. Председатель кружка, которому принадлежало помещение с'езда, пригласил делегатов большинства, желавших продолжать заседания, оставить зал, после чего они удалились в другое помещение и там об'явили себя законным конгрессом романской федерации. С своей стороны меньшинство осталось в старом помещении и тоже об'явило себя законным с'ездом.

Формально юрцы были, конечно, правы. У них было большинство на с'езде. Женевские организации были сильнее, но не озаботились обеспечить себя своевременно достаточным представительством (впоследствии из Женевы под'ехали новые делегаты, но было уже поздно). Но, как известно, в серьезных политических конфликтах участники их очень мало считаются с формами и формальной справедливостью. По существу же здесь столкнулись две непримиримые тенденции, разрыв между которыми рано или поздно был неминуем. Мы видели, что

---

[1] Так, Гетà, например, говорил: «Верховный вождь Бакунин должен был держать в своих руках все тайные связи вселенной, а мы вскоре убедились, что нас недостойно обманывают, что, с одной стороны, этих всемирных связей не существует, а с другой — что он ни с кем не церемонился, ни с кем ни о чем не совстовался и всех водил за нос».

Бакунин и вдохновляемые им юрцы прекрасно предвидели этот разрыв и, с своей стороны, тоже подготовились к нему.

Юрский конгресс избрал свой романский федеральный комитет и назначил своим официальным органом газету «Солидарность» (La Solidarité) под редакцией Гильома. Конгресс меньшинства, к которому присоединилось 10 новых делегатов, избрал свой федеральный комитет и сохранил газету «Эгалите» в качестве его органа. Отныне началась та борьба, которая вскоре вышла за узкие швейцарские рамки и распространилась на весь Интернационал. И произошло это именно потому, что в основе конфликта лежало расхождение по основному вопросу международного рабочего движения, по вопросу о политической борьбе[1].

Юрский с'езд принял по этому вопросу резолюцию, которая кончалась следующими словами: «Романский конгресс рекомендует всем секциям Международного Товарищества Рабочих отказаться от всякого действия, имеющего целью добиться социального преобразования с помощью национальных (?) политических реформ, и сосредоточить всю свою деятельность на федеративной организации ремесленных союзов, единственном средстве обеспечить успех социальной революции. Такая федерация есть подлинное представительство труда, которое должно существовать совершенно в стороне от политических правительств».

Резолюция анти-альянсистского с'езда по этому вопросу отвергала политическое воздержание, как гибельное для дела революции, и, признавая, что Интернационал в целом не может вмешиваться в текущую политику, считала обязанностью каждого интернационалиста участвовать в политической борьбе. Как бы отвечая на аргументы бакунистов, резолюция говорила: «Проповедуя политическое вмешательство и рабочие кандидатуры, мы, разумеется, не думаем, что можем добиться своего освобождения путем рабочего представительства в законодательных и исполнительных учреждениях. Мы прекрасно знаем, что современный режим должен быть непременно уничтожен; мы хотим только использовать это представительство как агитационное средство, которое не должно игнорироваться нашею тактикою в борьбе. Так как вмешательство в политику является для нас агитационным средством, то очевидно, что наша основная цель заключается в полном преобра-

---

[1] «В действительности, — пишет Гильом, — вопрос об отношении к правительствам и к политическим партиям был единственной причиной спора, единственным источником и основой конфликта» («L'Internationale», т. II, стр. 15).

зовании общественных отношений, и что всякая политическая агитация, не связанная с социальными вопросами, представляется нам никчемной и бесплодной; что, следовательно, всякая политическая агитация подчинена социалистическому движению и служит для него только средством, что, вдобавок, подтверждается общими статутами нашего Товарищества, с которыми мы не должны вступать в противоречие».

Итак, здесь вовсе не говорилось о «местной» политике, как писал Ришару Бакунин, и о соглашениях с буржуазными партиями, как уверял Гильом, а речь шла о пролетарской политике, ставящей себе основную социалистическую задачу и идущую к ее решению путем как экономической, так и политической борьбы. Что на практике эта политика часто применялась неправильно, что такое искажение ее продолжается вплоть до наших дней, это другой вопрос; но в основном была верна именно эта тактика, а отнюдь не бесплодная абстенционистская тактика анархистов.

Юрский федеральный комитет за подписью Ф. Робера 7 апреля обратился к Генеральному Совету с изложением совершившихся событий, наивно уверенный, что будет признан в качестве законного романского федерального комитета. Так как ответ долго не приходил, то Гильом 30 мая обратился с личным письмом к Юнгу, жалуясь на создавшееся положение. Юнг ответил весьма разумным письмом, в котором мягко указывал на ошибки юрцев. Соглашаясь с взглядами юрского с'езда на недостаточность кооперации, особенно производительных товариществ, Юнг переходит к основному вопросу. Он указывает, что своими резолюциями по этому вопросу юрцы уклонились от принципов Интернационала, гласящих, что всякое политическое движение должно быть подчинено социальному движению, как средство. Рекомендуя всем секциям Интернационала проводить тактику политического воздержания, их местный с'езд вышел за пределы своей компетенции, присвоив себе функции международного конгресса. Признавая слабость отдельных аргументов, приведенных газетой «Эгалите», и вескость некоторых доводов юрцев, Юнг все же радикально расходится с общей точкой зрения последних. «Думаете ли вы, — спрашивает он Гильома,— что профессиональные союзы[1] добьются когда-нибудь освобождения рабочих? Нет!.. Профессиональные союзы организуют рабочих, они делят общество на два враждебные лагеря: рабочих и хозяев; в нынешнем обществе они являются выражением экономической борьбы; но никогда они не преобразуют общества; они могут начать социальную

[1] Тогда говорили: «общества сопротивления».

революцию, но никогда не сумеют ее довести до конца; для преобразования общества, для совершения социальной революции рабочие принуждены будут овладеть политической властью».

Гильом в своем письме пытался смягчить ошибку Бакунина в Лиге Мира. Юнг опровергает его доводы. «Вы говорите, — пишет он, — что насчет Лиги Мира все ошиблись. Это неверно: Генеральный Совет, по крайней мере, в этом пункте, никогда не ошибался [1]. Буржуазия, напуганная быстрыми успехами Интернационала, хотела также основать общество с громким названием для противовеса влиянию нашего. Бакунин, с самого основания Интернационала приглашенный примкнуть к нему, ничего для этого не сделал, но добился своего избрания в члены буржуазной Лиги Мира и Свободы и, если не ошибаюсь, был даже одним из ее основателей. Правда, в Берне после резолюции Брюссельского конгресса он произнес яро прудонистскую речь. Разбитый в Берне, он вместо того, чтобы присоединиться к Интернационалу, насчитывавшему тогда уже 3 года существования, опять-таки основывает новое общество [2], которое не могло иметь другой цели, кроме соперничества с Интернационалом, и существование которого было, по меньшей мере, столь же бесполезно, если не более вредно, чем существование Лиги Мира...

«Как! Люди, только что пришедшие к социализму и вчера только вышедшие из буржуазной Лиги Мира, ставят себе специальной задачей вести пропаганду внутри Интернационала, а вы жалуетесь на то, что женевские рабочие не приемлют их воззрений? Да я бы отчаялся в успехе нашего дела, если бы рабочие так легко давали себя увлекать. Я не затрагиваю ни добросовестности, ни честности Бакунина, но я вправе не полагаться на его суждение и не могу признать вождем человека, делающего такие быстрые повороты, как он. Если он был введен в заблуждение Лигой Мира, то он, значит, выказал недостаток знаний и проницательности. В противном случае предпочитаю лучше ничего не говорить».

Наконец, 29 июня 1870 года Генеральный Совет вынес свое решение по вопросу о швейцарском расколе. Признать юрский комитет, стоявший по основному вопросу на позиции, расходившейся с программными положениями Интернационала, было совершенно невозможно. Поэтому Генеральный Совет благоразумно избрал среднее решение. Оно

---

[1] Как мы знаем, это применимо к Марксу и к большинству Генерального Совета; но отдельные члены последнего примыкали к Лиге Наций.

[2] Мы уже указывали, что в то время, кроме ближайших друзей Бакунина, никто не знал, что Альянс существовал уже с 1865 года.

гласило: хотя юрский комитет избран большинством Лашодефонского с'езда, но большинство это было только номинальным. С другой стороны, женевский федеральный комитет всегда выполнял свои обязанности по отношению к Интернационалу, так что нет основания лишать его звания. Поэтому Генеральный Совет единогласно постановил сохранить за женевским комитетом его функции романского федерального комитета, предложив юрскому комитету принять какое-либо местное название по своему усмотрению [1]. В постскриптуме ехидно добавлялось: «Дружески напоминаем вам, что, по словам наших общих статутов, всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство, движению экономическому».

Надо полагать, что приведенное выше письмо Юнга было составлено по совещанию с Марксом, который, как это видно из переписки его с Энгельсом, внимательно следил за развитием швейцарского конфликта. В письме от 14 апреля он сообщает Энгельсу о произошедшем расколе, подчеркивая, что антибакунистское меньшинство с'езда представляло 2.000 человек, тогда как большинство представляло только 608 человек. Обращение юрского комитета к Генеральному Совету Маркс правильно толкует, как просьбу разрешить спор (что бакунисты впоследствии отрицали, когда решение оказалось не в их пользу). В письме от 19 апреля Маркс снова говорит о том, что теперь Бакунин увидел себя вынужденным апеллировать через «своего» генерального секретаря Фрица Робера к Генеральному Совету [2]. В письме от 7 мая Маркс рассказывает о попытках бакунинского агента П. Робена, находившегося в то время в Париже, убедить парижских интернационалистов вмешаться в это дело и признать юрский комитет законным романским федеральным комитетом. «Но, — прибавляет Маркс, — мы предупредили своих друзей в Париже. Поэтому

[1] В брошюре об Альянсе (стр. 19—20) указывается, что случайное большинство Лашодефонского конгресса, образуя самостоятельный федеральный комитет, действовало с нарушением устава романской федерации, в выработке которого участвовали вожди Альянса (в том числе Бакунин), так как согласно ст.ст. 53 и 55 этого устава всякие важные решения конгресса для своей законной силы должны были получать одобрение со стороны $^2/_3$ секций, а секции Женевы и Лашодефона, высказавшиеся против юрцев, сами составляли больше двух третей общего числа. Здесь авторы брошюры ошиблись, так как в указанных статьях устава говорится не обо всех важных решениях с'ездов, а только о таких, которые связаны с новыми расходами или изменением устава.

[2] Кстати, в ответном письме от 21 апреля Энгельс признает, что формальное право было на стороне бакунистов, и возлагает вину за это на халатность женевцев.

Робен блестяще провалился со своим предложением. Было постановлено, что парижская федерация не вправе вмешиваться, что дело это подлежит рассмотрению Генерального Совета в Лондоне».

Наконец, в письме от 20 июля Маркс пишет: «Наше решение, согласно которому женевский романский федеральный комитет признан против образованного Бакуниным контр-комитета, как сообщает мне Перре из Женевы, подействовало на этих господ словно взрыв бомбы. Они немедленно телеграфировали Бакунину. За это посягательство они собираются на ближайшем конгрессе посадить Генеральный Совет на скамью подсудимых. Теперь чрезвычайно важно, чтобы Дюпон прислал мне наконец копию наших постановлений относительно Альянса»[1].

Как мы видим, Маркс усматривал во всей этой истории руку Бакунина и результат происков Альянса. По существу он был, конечно, прав. Если Бакунин, сидя в Локарно, и не принимал непосредственно личного участия во всех перипетиях этой борьбы, то, во-первых, здесь действовали его ближайшие помощники по Альянсу (Гильом, Швицгебель, Жуковский), а во-вторых, поскольку это было возможно, он старался из своего захолустья и из Женевы руководить их действиями и подсказывать им те или иные конкретные шаги. Это показывают дошедшие до нас (благодаря М. Неттлау) письма его к юрцам и к «интимным друзьям» от 6 апреля 1870 года.

В письме к юрцам Бакунин советует им безотлагательно выпустить манифест, в котором сказать, что вопрос о допущении (женевской секции) Альянса и пропагандистской секции Лашодефона был вопросом второстепенным, простым предлогом, главную же роль играл «вопрос о местной (?) политике и буржуазном социализме». Далее, сообщая о «клеветнической» кампании утинцев против него и Нечаева, Бакунин намечает план контр-кампании, говоря: «Пусть Гильом немедленно напишет Робену по поводу Утина, которого он наконец раскусил, и обо всей лавочке: Дювале, Гета и компании, и пусть попросит его предупредить своих бельгийских друзей[2]. Пусть Фриц Робер независимо от этого напишет Гинсу и де-Папу[3], — все это абсолютно необходимо сделать безотлагательно. Мы работаем здесь и подготовляем почву».

---

[1] «Briefwechsel», т. IV, стр. 264, 270, 271, 279—280, 297.

[2] Робен до того работал в Бельгии.

[3] А когда Маркс писал де-Папу, то Гильом по этому поводу меланхолически замечал, что «система частных сообщений начала действовать в Интернационале»!

В письме к «интимным друзьям» Бакунин дает еще более детальные распоряжения по своему руководящему штабу. Прежде всего он рекомендует прислать в Женеву Швицгебеля и Хенга с манифестом, адресованным в с е м женевским секциям; этот манифест должен быть напечатан в «Solidarité», а также отдельным оттиском, и разослан в большом количестве экземпляров повсюду «интернационалистам всех стран» [1]. Кроме того надлежит составить «б о л е е и н т и м н о е п о с л а н и е со многими личными деталями и интимными об'яснениями относительно женевской интриги». Имя Утина в особенности должно быть предано «презрению всех наших парижских друзей (Варлен, Озеров, Робен), лионских (Ришар, Паликс), марсельских (Бастелика) и руанских (Обри), итальянских (Гамбуцци, Фанелли), барселонских (Гонзалес, гравер)» [2]. В этом интимном послании Бакунин рекомендует заодно заклеймить «папашу Беккера», своего недавнего союзника, а ныне противника. «Теперь я знаю из д о с т о в е р н о г о и с т о ч н и к а, что Беккер — тайный создатель так называемой русской секции, горячо рекомендовал ее, а также Утина в особенности немцам и лондонским евреям (читай: Марксу и его друзьям. — *Ю. С.),* равно как Либкнехту и Бебелю, в качестве единственного настоящего представителя социалистической революции в России, и что вместе с тем Беккер и Утин всячески чернили меня как в Лондоне, так и в Лейпциге». Впрочем, с бельгийцами Бакунин рекомендует поступать осторожно и в интимном послании к ним изменить места, относящиеся к Беккеру: «бельгийцы, — поясняет он, — народ несколько подозрительный; они несколько недоверчиво относятся к Альянсу». На них, пожалуй, лучше действовать частными письмами, в чем большую пользу мог бы принести Робен.

«Кроме того, не теряя ни одной минуты, напишите ряд небольших писем: Жуковский от моего имени к Гамбуцци и Фанелли; Швицгебель от своего собственного имени к Ришару, Бастелика, Варлену, Обри и другим из числа тех, которых он встречал в Лионе, и которые показались ему людьми влиятельными; Гильом — к Робену; Фриц Робер — к де-Папу, Гинсу,... предупреждая их быть настороже и не печатать и не пропускать в печать ничего по поводу событий, имевших место в Лашодефоне, до получения от вас всех необходимых сведений». И, выясняя друзьям смысл этой кампании, Бакунин прибавляет: «Мы

---

[1] Мы видим, что именно бакунисты первые попытались придать этому местному конфликту международный характер.

[2] Т.-е. Томас Гонзалес Мораго.

должны уже с сегодняшнего дня начать подготовку и организацию нашей победы на предстоящем всемирном конгрессе» (курсив мой). Ясно, что женевский конфликт был лишь предварительной стычкой ввиду подготовлявшегося Альянсом общего похода, имевшего целью овладение Интернационалом.

Дальше следует интересное место, показывающее, сколько истины содержится в утверждениях анархистов, что в отличие от коварного Маркса Бакунин всегда выступал с открытым забралом и не прибегал к дипломатическим уловкам.

«Броссе целиком наш. Он в восторге от всего, что произошло. Я не говорю о Перроне — это само собою разумеется. Он весьма доволен тем, что ни тот, ни другой не принимали никакого участия в этом с'езде. Таким образом перед строительными рабочими позиция их обоих представляется более свободной, а по внешности более независимой и незаинтересованной. По этой именно причине они теперь не должны ехать в Лашодефон и даже не посылать вам заявлений о своем присоединении. Это было бы преждевременно. Напротив, сначала они станут в положение людей, огорченных и опечаленных тем, что произошло. Они будут сплакивать раскол. Но в то же время они должны были уже вчера вечером пойти в кружок и потребовать там, чтобы не предрешать вопроса и не высказываться ни за ту, ни за другую сторону до получения полной информации обо всем этом печальном деле от обеих сторон. Что касается меня, то, посоветовавшись с обоими этими друзьями, с Перроном и Броссе, а также с Моншалем (последний, наскучив продолжительным бездействием, хлопочет и готов всячески помочь вам в этой борьбе), — по соглашению со всеми я решил пока еще не высовываться вперед и оставаться за кулисами до тех пор, пока друзья не скажут мне, что для меня наступил момент показаться и лично вмешаться в свалку... Но расчитывайте на меня, я готов».

Бакунин выполнил свое намерение. 10 апреля в Женеве состоялось общее собрание местных интернационалистов, на которое юрский комитет прислал трех своих представителей, в том числе знакомого женевцам Хенга. Бакунин тоже выступил на этом собрании и, как говорит Гильом, мог убедиться, что его популярность в Женеве, в прошедшем году довольно большая, кончилась бесповоротно. Перрон и Броссе, на которых Бакунин возлагал такие серьезные надежды, на собрание вовсе не явились.

А через несколько дней после того, 16 апреля, центральная женевская секция по предложению Утина постановила возбудить дело про-

тив Бакунина, Перрона, Жуковского и Генри Сутерланда [1], как против дезорганизующих Интернационал элементов [2]. Как писал Бакунин Перрону 2 мая, «нас хотят погубить, опираясь на Беккера и на Лондон— выгнать нас из Интернационала». С своей стороны центральная секция Лашодефона, состоявшая из куллеристских элементов, вычеркнула из своих списков всех членов, входивших одновременно в состав секции пропаганды (альянсистского направления).

Когда Бакунин предложил Перрону сообща бороться с замыслом противников, последний ответил, что общественные дела ему надоели. Этот ответ вызвал со стороны Бакунина заслуженную резкую реплику, обидевшую его приятеля. И в письме от 2 мая Бакунин по этому поводу пишет: «Этот ответ меня возмутил. Не дезертируют в разгаре опасности, не покидают своих друзей, даже когда имеют против них реальные или фиктивные упреки. Мы подверглись гнусным нападкам, клевете, обвинениям, мы должны защищаться. На удар мы должны отвечать ударом — мы обязаны действовать так перед самими собой и во имя наших принципов. Я совершенно не разделяю твоей точки зрения на абсолютное разграничение личностей и принципов. Одни ничего не значат без других. Думаешь ли ты, что если бы дюжина или даже полдюжины выдающихся людей, действующих сейчас в Бельгии, была отстранена, то дела пошли бы в этой стране и дальше прежним путем? Ты в качестве женевца являешься доктринером, ты воображаешь, что принципы существуют сами по себе, без чьей бы то ни было помощи, почина и практического применения. Я, милый мой, тоже верю в силу вещей, но только потому, что всегда имеется несколько личностей, способных ее выразить и ей служить. Ты должен знать, что у меня нет никакого личного честолюбия. Я ничего не ищу и ничего не хочу лично для себя. Я хотел бы умереть во время революции, но если бы я должен был умереть до революции, я жаловаться на это не стал бы. Однако я не довожу этого самоотречения до бессмыслицы и очень хорошо знаю, что, защищая и отстаивая свои позиции от противников, я защищаю и отстаиваю также и принцип».

К этому времени относится поездка Бакунина в Италию. 18 апреля он выехал из Женевы, а 22-го был уже в Милане, где остановился на квартире своего приятеля Беллерио. Приехал он сюда для свидания с невестками, сестрами его жены, Софьей и Юлией, через которых

---

[1] Молодой сын англичанки Мэри Сутерланд, сожительницы Огарева; Бакунин привлек его к Альянсу.

[2] Названные лица были одновременно членами секции Альянса и центральной секции.

надеялся добиться чего либо у братьев. Прожив там до конца апреля, он 1 мая уже возвратился в Локарно. Несмотря на тяжелое материальное положение и начавшиеся недоразумения с Нечаевым, Бакунин был в это время настроен довольно боевым образом. Он не только готов был до конца грызться с врагами, но и рассчитывал на победу Альянса. Так, в письме к старому приятелю по Интернациональному Братству, Мрочковскому, от 1 августа 1870 года, он писал: «Занимаюсь теперь писаниями: русским — для окончательного уничтожения Утина [1], которого надо задавить, как ядовитого клопа, и французским — для ответа всем интернациональным врагам. A propos, встречался ли ты когда с Марксом, тайным руководителем всех моих явных врагов? Известно ли вам, что он через посредство Беккера, изменившего мне и Alliance в моем отсутствии, зимою вступил в переписку с Утиным, и что Утин и Comp. собирают для него против меня документы для уничтожения меня? Ничего, померимся силами. Испанцы, итальянцы, французы и бельгийцы (не лично, а по принципу) за нас. Горы под предводительством нашего умного и верного друга Guillaume стоят за нас горою. Жук ведет себя очень хорошо. Перрон женился и совсем отстал. Фанелли устал и все еще не может позабыть, что не послав ему тех 200 фр. (во время его поездки в Испанию в 1868 году. — *Ю. С.*), мы нанесли урон его декоруму, но он все наш и с нами. Гамбуцци молодец... Он становится все более и более социалистом [2]. Туча [3], как следует, испугавшийся чорт знает как во время неаполитанских арестов, теперь старается гадить Гамбуцци, но напрасно. Richard'a [4] я видел в Женеве, — он крепко наш, хотя и французит нередко. Bastelica [5] развивается на всех парусах между нашими испанскими друзьями в Барселоне. Вот вам в немногих чертах верная картина нашего Союза» [6].

Тем временем дело, возбужденное против Бакунина и его товарищей в Центральной секции в связи с романским конгрессом, шло своим порядком. 13 мая всем им послано было приглашение пожаловать на

---

[1] Эта работа, под заглавием «Інтриги г. Утина», осталась незаконченной и опубликована только недавно в чикагском журнале «Голос Труженика» 1925 г., январь—февраль.

[2] Это пишется в 1870 году про человека, который уже несколько лет участвовал в тайном Братстве, призванном возглавить мировую социальную революцию!

[3] А. Туччи.

[4] Альбер Ришар.

[5] Бастелика.

[6] Это место кстати показывает, что все названные лица, в том числе и Гильом, были тогда членами тайного Альянса («нашего Союза»).

общее собрание секции 15 мая. Они на собрание не явились, но дело продолжало итти своим чередом. В начале августа им послано было новое приглашение на собрание секции, которое должно было состояться 13 августа и на котором предполагалось зачитать письмо, требующее их исключения из секции. Обвинялись они в принадлежности к группе (Альянса), враждебной женевскому Интернационалу. 7 августа Бакунин ответил письмом, в котором, сообщая, что не может выехать из Локарно, просил выслать ему копию письма неизвестного автора с подписями обвинителей, после чего он представит письменные об'яснения. Повидимому, эта законная просьба Бакунина удовлетворена не была. Одновременно Бакунин написал Жуковскому, прося его, Перрона, Броссе и других друзей явиться на собрание и там требовать пред'явления письма и избрания суда чести. Жуковский и другие альянсисты на собрание не пришли, и в их отсутствии все четыре поименованные выше лица были исключены из состава женевской Центральной секции, о чем им и было официально сообщено 18 августа [1].

Теперь наступила очередь и самой секции Альянса. К этому времени уже окончательно выяснилось, что для открытого Альянса, даже в такой смягченной, обрезанной и замаскированной форме, как женевская секция Альянса, нет места в международном рабочем движении, то-есть выяснилось то, о чем более связанные с рабочим движением люди говорили Бакунину с самого начала. Сам Гильом принужден сделать следующее заявление: «Ничтожность результатов, достигнутых в Женеве теоретической пропагандой членов секции Альянса, доказывала нам, что мы поступили правильно, отказываясь действовать в горах так, как Бакунин и его друзья действовали в Женеве [2]. Секция Альянса настойчиво добивалась приема в романскую федерацию; ее просьба была уважена; и что же из этого произошло? С того момента, как она официально вошла в состав федерации, она оказалась в Женеве более изолированной, чем когда-либо; ее двухнедельные собрания посещались лишь кучкой верных; Жуковский, ставший секретарем секции с марта месяца, много суетился, но метался в пустом пространстве» (т. II, стр. 41).

---

[1] Все указанные в тексте документы приведены у Неттлау, стр. 403—405, и у Гильома, т. II, стр. 75—76. Разумеется, исключение из Центральной секции вовсе не означало исключения из Интернационала, так как секция Альянса продолжала входить в его состав.

[2] Гильом хочет сказать, что альянсистские группы нужно было основывать тайно внутри Интернационала, а не явно, раздражая и возбуждая внимание врагов.

От своего приятеля Робена, который был принят в состав Генерального Совета по представлению Маркса, но фактически был там агентом Альянса, бакунисты летом 1871 года узнали, что вопрос о швейцарском конфликте и об Альянсе будет, вероятно, поставлен Генеральным Советом на обсуждение ближайшего конгресса. И вот Бакунин спешит подготовить материал для своего оправдания и для обвинения своих врагов. Он садится и пишет «Протест Альянса», где с рядом умолчаний и недоговоренностей по-своему излагает события, начиная с конца 1868 года [1]. В виду того, что некоторыми женевцами оспаривался самый факт приема секции Альянса в Интернационал, Робен раздобыл в Лондоне удостоверение, свидетельствующее о том, что в свое время секция была на общих началах принята. Таким образом она как бы получала моральное удовлетворение. Это случилось в конце июля 1871 года.

Пользуясь этим, Гильом стал убеждать немногочисленных членов дышавшей на ладан секции, оставшихся ей верными, самим распустить ее, не дожидаясь решения конференции (к этому моменту уже выяснилось, что ввиду условий, созданных войною, с'езда в этом году не будет). По мнению Гильома для секции не было никакого смысла дольше влачить совершенно бесполезное существование. Одно время еще можно было надеяться, что беглецы Парижской Коммуны, попав в Швейцарию, примкнут к Альянсу, но скоро бакунистам пришлось в этом разочароваться. Эмигранты-коммунары решительно не могли разобраться во всей этой своре; им даже казалось, что здесь слишком много места занимают личные счеты и интересы; поэтому рассчитывать на их вступление в Альянс было безнадежно, а между тем, распустив свою секцию, члены ее могли надеяться об'единиться с французскими эмигрантами для общей работы. Такие же советы, по мнению Гильома, наверное были даны Жуковскому и Перрону теми французами, с которыми они могли совещаться, как например Малоном, Лефрансе, Кларисом, Жюлем Гэдом, Монтельсом и пр. [2]. С другой стороны, Гильом хотел роспуском секции Альянса предотвратить общие меры Генераль-

---

[1] Этот документ при жизни Бакунина не был опубликован. Только небольшая часть его была использована в конце 1871 года в изданном юрцами «Народном Альманахе на 1872 год» под заглавием «Организация Интернационала». Полностью он был напечатан только в 1913 году в шестом томе «Oeuvres» (по-русски в 1921 г. в пятом томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда»).

[2] Жюль Гэд в то время склонялся к анархизму и одно время стоял близко к альянсистам.

ного Совета и конференции против Альянса в целом и против бакунистских организаций, особенно юрской федерации.

В таком же духе Гильом написал и Бакунину. Но последний и слышать не хотел о таком исходе конфликта, который казался ему сдачей позиций. 6 августа он написал два письма: одно Гильому, а другое — членам секции Альянса [1]. Здесь Бакунин проявляет больше принципиальности, чем его друзья. Предложенный Гильомом метод действия он считает проявлением трусости, косвенным признанием своей неправоты и отречением от своих принципов. «Не политикой недостойных уступок, а только твердым и открытым отстаиванием своего права мы сможем добиться победы над врагами для самого блага Интернационала». Распустить секцию Альянса можно только после того, как общий конгресс или Лондонская конференция признают правоту бакунистов и несправедливость направленных против них нападок. О роспуске же юрского федерального комитета не может быть и речи (это, впрочем, никем и не предлагалось).

«Думаете ли вы действительно, — восклицает Бакунин, — что Интернационал дошел в Европе до такого состояния, что нельзя больше жить, дышать, действовать в его рядах без унизительных, но дипломатических актов, только с помощью трусости и интриг? Если бы это было так, то Интернационал не стоил бы ломаного гроша, и его следовало бы быстро распустить как буржуазную организацию или организацию, развращенную буржуазным духом. Но не будем наносить ему такого оскорбления. Не он стал плохим, а мы стали трусливыми и слабыми». Открытая принципиальная борьба не повредит Интернационалу, а вернет ему силу и жизнь.

В заключение Бакунин рекомендует следующий план. Горный комитет должен составить записку с изложением в ней истории конфликта и послать ее Генеральному Совету, а копии в Бельгию, Испанию, Италию, Францию (точнее, французским эмигрантам) и в Германию [2]. Далее следует обратиться к бельгийскому федеральному

---

[1] Письмо к Гильому пропало, так как Гильом во время болезни сжег все письма Бакунина к нему (уцелели только письма от 1869 года и два письма от 1871 года). Письмо к членам секции Альянса напечатано у Гильома — «L'Internationale», т. II, стр. 178—181 (из Неттлау, стр. 556 и сл.), а также в шестом томе «Oeuvres».

[2] Проект такой записки («Mémoire») составлял сам Бакунин. Он не был доведен до конца. Часть его в свое время была использована в «Записке Юрской Федерации», а полностью он был под заглавием «Rapport sur l'Alliance» опубликован в шестом томе «Oeuvres» (по-русски «Доклад об Альянсе» в пятом томе «Избранных сочинений», изд. «Голос Труда»).

комитету с просьбою взять на себя роль третейского судьи в этом споре (явная попытка из'ять вопрос из ведения Генерального Совета, который единственно правомочен был в промежуток между общими конгрессами разбирать такие конфликты). Наконец, Гильом должен лично поехать на Лондонскую конференцию, при чем Бакунин выражает твердую уверенность, что Гильом одержит там «блестящую победу». И кончает Бакунин свое письмо следующими словами: «Перестанем стыдиться самих себя, своего права, своих принципов; не будем принимать вида людей, извиняющихся за свое существование; не будем больше проявлять трусости под предлогом спасения единства Интернационала; не будем убивать его душу под предлогом заботы о его теле. Не будем искать силы в ловкости и дипломатии, где мы всегда будем слабее, потому что мы не мошенники. Будем бороться и побеждать во имя своих принципов».

Но члены женевской секции Альянса, сидевшие в гуще всей склоки, были настроены далеко не так уверенно, как Бакунин. Они на месте видели, что дело их безнадежно. И в тот самый день, когда Бакунин писал изложенное выше письмо, члены секции Альянса, собравшись вместе с несколькими французскими эмигрантами под председательством Жуковского, постановили, не отказываясь от своей программы, секцию распустить. Характерно, что Бакунин узнал об этом только через шесть дней, да и то не от Жуковского, а из письма Озерова [1]. Так плачевно закончилась попытка Бакунина овладеть женевским Интернационалом.

Брошюра об Альянсе (стр. 21—22) так оценивает факт роспуска секции: «10 августа Альянс, отнюдь не желавший рассмотрения его действий конференцией, заявил, что он (т.-е. секция) распущен с 6 числа этого месяца. Однако, подкрепленный несколькими французскими эмигрантами, он вскоре воскрес под другим названием, как «Секция социалистов-атеистов» и «Секция социально-революционной пропаганды и

---

[1] В письме к Гильому от 16 августа 1871 года Бакунин горько жаловался на невнимательное отношение товарищей, решивших без него такой важный вопрос и даже не уведомивших его заблаговременно о постановке вопроса о роспуске секции в порядок дня. Он собирался по этому поводу выразить членам бывшей секции свой протест. Когда Гильом написал об этом Жуковскому, тот ответил ему рассуждением на тему о диктатуре (Бакунина), авторитете и т. д., на что Гильом резонно возразил, что речь идет не об этом, а о нормальных товарищеских взаимоотношениях. Этот факт, кстати, бросает своеобразный свет на «диктаторство» Бакунина среди альянсистов. Странный диктатор, которого даже не предупреждают о роспуске им же основанной организации!

действия». На основании резолюции 5-й Базельского конгресса и по соглашению с романским федеральным комитетом Генеральный Совет отказался признать эти секции, новые очаги интриг».

Надо заметить, что и Гильом считал основание этих секций тактической ошибкой и предвидел связанные с этим неудобства. 15 августа Гильом писал Жуковскому: «Ну, на кой чорт основывать эту «Секцию пропаганды»? Ведь этим вы уничтожаете весь благоприятный эффект от роспуска Альянса... Воссоздавая секцию, вы дадите основание для совершенно справедливого замечания, что это тот же Альянс под другим названием». Он рекомендовал им добиваться приема в женевскую Центральную секцию и только после отказа подумать об организации особой секции.

К тому времени враждебное отношение Генерального Совета к отдельной юрской организации выяснилось уже с полной определенностью. Генеральный Совет не поддерживал с нею сношений, считая ее фактором дезорганизации Интернационала. И вот среди юрцев впервые начинает пробиваться мысль о желательности полного упразднения Генерального Совета. В таком духе Гильом высказывался уже в июле 1871 года и писал Жуковскому 15 августа 1871 года. Но вскоре юрцы убедились, что мысль эта несколько преждевременна и рискует натолкнуться на всеобщее сопротивление. И уже в письме к Жуковскому от 20 августа Гильом бьет отбой: «Я, — пишет он, — переменил свои мысли относительно упразднения Генерального Совета. Мне кажется, что если бы мы могли установить с ним мирные отношения, это в данный момент было бы предпочтительнее общей войны. Вдобавок известия, содержащиеся в письме Робена, и события, имевшие место со времени моей поездки в Женеву (в июле. — *Ю. С.)*, убедили меня, что наше предложение не будет принято (делегатами Лондонской конференции. — *Ю. С.)*, и что в довершение всего в нем просто-напросто усмотрят заговор, организованный Бакуниным против Маркса. И вот, решительно защищая личность Мишеля от клеветы наших грязных врагов, я полагаю, что следует избегать всего того, что способно возбудить мысль: Ага! это агенты Бакунина!».

Но мысль об упразднении Генерального Совета уже бродила в головах бакунистов. Скоро они должны были высказать ее открыто.

2. В Италии.

Мы уже знаем, что именно в Италии было положено начало Альянсу. С переездом в Швейцарию Бакунин не прекратил личных и письменных связей с своими итальянскими единомышленниками.

Некоторые из них записались впоследствии также членами в женевскую секцию Альянса, которая, как читателю уже известно, должна была в меру возможности заменить собою распущенный открытый Альянс. В числе членов этой секции мы находим Фанелли, Фриша, Гамбуцци, Капоруссо, Милети, Драмиса, Кармелло, Палладино и пр.

Как только был основан открытый Альянс Социалистической Демократии, Бакунин писал Гамбуцци (2 ноября 1868 г.) о необходимости расширить его организацию в Италии, как явную, так и тайную (в тот момент существовали еще обе разновидности Альянса). В письме от 7 ноября 1868 года Бакунин, указывая Гамбуцци на желательный состав итальянского национального комитета (Фанелли, Гамбуцци, Фриша, Маццони, Драмис и Милети), советует ему основать бюро Альянса в Неаполе, состав которого тут же обязательно указывает (Гамбуцци, Фриша и Милети, если туда не войдет Драмис), и организовать провинциальные группы [1]. Словом, ясно, что духовным руководителем итальянского Альянса Бакунин не переставал быть ни на минуту.

Как мы знаем, Альянс рассчитывал в то время быть допущенным, как самостоятельная международная организация, в состав Интернационала. Поэтому в тот момент местные группы Альянса конституировались как секции Интернационала (и в Италии, и в Испании, и в других местах). Впоследствии, когда выяснилось, что расчеты основателей Альянса не оправдались, и им пришлось фиктивно распустить (открытый) Альянс, группы Альянса основывались как секции Интернационала без указания на свою принадлежность к Альянсу (о которой, впрочем, многие рядовые члены этих секций могли и не знать). Так, в январе 1869 года в Неаполе формально основана была секция Интернационала, фактически являвшаяся секцией Альянса и, как указывает Доманико [2], образовавшаяся из основанного года за полтора до того бакунистами общества «Libertà e Giustizia» («Свобода и справедливость»). Это была первая официальная секция Интернационала в Италии, но одновременно она составляла часть бакунинского международного Альянса, подобно другим итальянским, испанским и т. д. секциям. Но не подлежит сомнению, что инициатива основания секций Интерна-

---

[1] Эти письма приведены в неоднократно цитированной статье М. Неттлау — «Bakunin und die Internationale in Italien» в грюнберговском «Архиве».

[2] См. цит. соч. его об Интернационале, стр. 113.

ционала в Италии (и Испании) принадлежит Альянсу[1].

Секция сгруппировала вокруг себя несколько рабочих обществ. Председателем ее был Стефан Капоруссо, зять которого редактировал газету «Uguaglianza» («Равенство»). В начале 1870 года при весьма подозрительных обстоятельствах в Неаполе вспыхнула стачка, навлекшая на секцию преследования. Капоруссо, секретарь секции Форте и Гамбуцци были арестованы, газета закрылась, а Капоруссо был исключен из секции.

В брошюре об Альянсе (стр. 41—43) сказано следующее: «В Италии Альянс предшествовал Интернационалу. Проживавший там папа Михаил завязал многочисленные знакомства среди радикальной буржуазной молодежи. Первая итальянская секция Интернационала в Неаполе с самого своего основания состояла под руководством этих буржуазных альянсистских элементов. Один из основателей Альянса, адвокат Гамбуцци, устроил на председательское место своего «образцового рабочего» Капоруссо. На Базельском конгрессе Бакунин, под ручку с своим верным Капоруссо, представлял неаполитанских интернационалистов, тогда как Антонелли Альянса, Фанелли, делегированный рабочими обществами, стоявшими вне Интернационала, по болезни задержался в дороге. Близость к св. отцу вскружила голову нашему бравому Капоруссо. По возвращении в Неаполь он счел себя выше прочих альянсистов и распоряжался секцией по своему произволу. «Поездка в Базель радикально изменила Капоруссо... Он вернулся с конгресса с странными идеями и претензиями, резко противоречащими принципам нашего Товарищества. Сначала он говорил вполголоса, а затем властным тоном заговорил о полномочиях, которых не имел, да и не мог иметь; он утверждал, что Генеральный Совет доверяет только ему одному, и что, если секция не будет его слушаться, то он уполномочен распустить ее и основать новую» (официальный отчет неаполи-

---

[1] В цитированном письме к А. Лоренцо от 10 мая 1872 года Бакунин с гордостью указывал на эту заслугу Альянса: «Ни Маркс, ни Генеральный Совет никогда ничего не делали для того, чтобы насадить и распространить организацию и принципы Интернационала в Италии. Все, что там сделано в этом направлении, обязано исключительно энергичной и неутомимой деятельности членов того Альянса социальных революционеров, которому он и его друзья об'явили столь жестокую войну за то, что он смеет отвергать все правительственные системы, даже его собственную. Нужно, впрочем, признать, что революция Парижской Коммуны еще в большей степени, чем пропаганда Альянса, вывела итальянский пролетариат из его вековой спячки и пробудила в нем социалистические идеи, которые до тех пор были ему незнакомы».

танской секции Генеральному Совету от июля 1871 г., составленный и подписанный альянсистским адвокатом Кармелло Палладино). Полномочия Капоруссо должны были исходить от Центрального Комитета Альянса, ибо никогда Интернационал подобных полномочий не давал. Бравый Капоруссо, смотревший на Интернационал как на источник личной выгоды, назначил своего зятя, бывшего иезуита и расстриженного попа, «профессором Интернационала и заставил несчастных рабочих выслушивать его разглагольствования об уважении к собственности и прочие благоглупости буржуазной политической экономии» (письмо Кафиеро), после чего он продался капиталистам, которых начали беспокоить успехи неаполитанского Интернационала. По их приказу он вовлек неаполитанских скорняков в безнадежную стачку. Посаженный в тюрьму с тремя другими членами, он присвоил себе 300 франков, посланных секцией на содержание четверых заключенных. Эти славные подвиги повели к его исключению из секции, которая продолжала существовать, пока не была насильственно распущена (20 августа 1871 г.). Но Альянс, ускользнувший от полицейских преследований, воспользовался этим для того, чтобы занять место Интернационала» [1].

Преследования и дрязги в секции, заставившие между прочим Гамбуцци уйти от политической деятельности, сильно сократили ее состав. Только с весны 1871 года она ожила под влиянием Парижской Коммуны. В это время Кармелло Палладино привлек к ней молодого энергичного студента Энрико Малатесту, который с тех пор принимает самое активное участие в анархическом движении (вплоть до наших дней). С другой стороны, летом 1871 года в Неаполь прибыл из Лондона молодой энтузиаст Карло Кафиеро, в то время состоявший в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом и старавшийся проводить в Италии политику Генерального Совета. С ним работал и Туччи, который, впрочем, силился занимать нейтральную позицию в борьбе между Генеральным Советом и бакунистами, особенно обострившейся после Лондонской конференции. Преобразовавшись в начале 1872 года в Неаполитанскую Рабочую Федерацию, секция все же склонилась на сторону бакунистов, в чем, как мы увидим, за нею вскоре последовал и Кафиеро.

Но в общем социалистическое движение в Италии было в то время крайне слабым. Отдельные люди были во Флоренции, Сицилии (Фриша) и т. д., но движения, как такового, не было.

---

[1] Последнее утверждение не совсем ясно, ибо Альянс-то и организовал сначала интернационалистические секции в Италии.

Как мы знаем, в конце апреля 1870 года Бакунин по личным делам ездил в Милан. Эту поездку он использовал для того, чтобы попытаться заложить в Ломбардии основу социалистической организации. Здесь он виделся с Гамбуцци, с Гаспаром Стампа (участником Лозаннского конгресса), с Сортирона, председателем рабочего общества в Аббиатопрассо (под Миланом). Вместе они решили превратить это общество в секцию Интернационала [1].

Тут подоспела франко-прусская война. Как мы знаем из писем его к Ришару, Бакунин верил в возможность революции в Италии. Он вызвал Фанелли в Локарно для совещания по этому вопросу. Но надежды Бакунина не оправдались. Поход на Рим не вышел за пределы обыкновенного национального движения и совершался под знаменами монархии. Гарибальди и с ним многие радикальные элементы ушли во Францию сражаться с пруссаками. Главные агенты Бакунина в Италии, Фанелли и Гамбуцци, как и в 1866—67 гг., снова хотели разделить участь Гарибальди [2], и Бакунину пришлось отклонять их от поездки во Францию. В письме к Гамбуцци от 15 октября 1870 года из Марселя, предназначавшемся и для Фанелли, Бакунин об'ясняет своим старым ад'ютантам, что спасти Францию можно теперь не старыми методами Гарибальди и Гамбетты, а только социальной революцией, восстанием трудящихся города и деревни. «Если бы я был итальянцем,—говорит Бакунин, — я не поехал бы во Францию, а остался бы в Италии, где имеется необозримое поле для работы и так мало людей, способных ее выполнить... Поверь мне, оставайся в Италии. Если мы преуспеем (т.-е. во Франции. — *Ю. С.*), у вас будет масса работы в вашей стране, и мы предоставим вам все необходимые средства для работы. Если мы не добьемся успеха, твоя поездка во Францию будет бесполезной прогулкой с ненужными расходами».

Гамбуцци вернулся в Неаполь с намерением добиться своего избрания... в депутаты. В бакунинском Альянсе, якобы принципиально отрицавшем политическую борьбу и парламентскую деятельность, это было нередким явлением (вспомним Фанелли и Фриша). Возможно, что инициатива этой мысли исходила даже от самого Бакунина. По крайней мере, 16 ноября 1870 года он, по возвращении из Марселя, т.-е. после крушения его плана социальной революции в юго-западной Европе,

---

[1] Впрочем, Стампа альянсистом не сделался. По словам Неттлау, Бакунин встречался в Милане с радикальными кругами вроде Квадрио, Кавалотти и т. п.

[2] Это кстати показывало, что они стояли ближе к национально-демократической идеологии Гарибальди, чем к анархизму Бакунина.

писал Гамбуцци: «Ты, пожалуй, удивишься тому, что я, убежденный и страстный абстенционист, толкаю теперь своих друзей к тому, чтобы они добивались своего избрания в депутаты (курсив мой). Дело в том, что обстоятельства и времена изменились». Его друзья настолько, мол, прониклись, анархическими идеями, что им не угрожает опасность увлечения политикой, а положение повсюду стало столь серьезным, свободе грозит столь большая опасность, что его друзьям приходится добиваться влиятельного положения. Мы видим, таким образом, что у Бакунина анархизм связан был исключительно с надеждою на близость социальной революции и сдавался в архив при наступлении «органических» периодов общественного развития...

С 19 марта по 2 апреля Бакунин проживал во Флоренции, куда он ездил для свидания с Лугининым, через которого надеялся наладить свои отношения с братьями и получить от них свою долю наследства [1]. Как водится, Бакунин использовал и эту поездку для своих политических целей. Во Флоренции он устроил нечто вроде небольшой конференции итальянских альянсистов. Он повидался здесь с Фанелли, Фриша, Маццони, Берти Калура, Гамбуцци, писал какую-то программу — несомненно для итальянских интернационалистов [2]. По возвращении в Швейцарию, он поддерживал с ними оживленную переписку, виделся с Фанелли, который приезжал к нему в Локарно в июне, завязал письменные сношения с новыми итальянскими деятелями, напр., с бывшим гарибальдийцем Бицциони (в Милане). Но сильнейший толчок социалистическому движению в Италии дала полемика Бакунина с Маццини.

Чувствуя, что влияние Интернационала, которое начало усиливаться среди итальянских рабочих под влиянием Парижской Коммуны, грозит оторвать от буржуазной демократии значительную часть на-

---

[1] В письме к Огареву от 5 апреля 1871 года Бакунин говорит: «А Л[угининым] я очень доволен. Докопался в нем до старого приятеля; тот же рыцарь, тот же последний могикан из дворян, только теперь с кооперативною заботой. А за дело мое он принялся горячо, искренне, охотно, и есть серьезная надежда, что устроит его» (Переписка, стр. 318).

[2] Неттлау думает, что это и есть та незаконченная «Программа общества международной революции», которую он опубликовал в №№ 5—6 и 7 «Анархического Вестника» за 1923—1924 годы, и которая была затем в своем переводе напечатана Н. Лебедевым в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год. Но, как мы показали на стр. 430—431 второго тома, Неттлау в данном случае ошибается, и программа эта относится к более раннему времени.

родных элементов, Маццини открыл поход против «превратных» учений социализма. В основанном им с февраля 1871 года еженедельнике «La Roma del Popolo» он с марта по июнь поместил ряд статей, в которых, на-ряду с изложением своих религиозно-политических идей, нападал на Парижскую Коммуну, на социализм, федерализм и материализм, а в номере от 13 июля впервые открыто обрушился на Интернационал в статье «Agli operai italiani» («К итальянским рабочим»), как на пагубное учреждение.

Эта статья Маццини доставила Бакунину долгожданный повод для начала открытой широкой агитации в пользу своих идей среди итальянской публики. Ознакомившись с этой статьей, Бакунин в четыре дня (25—28 июля) написал «Ответ интернационалиста Джузеппе Маццини, соч. Бакунина, члена Международного Товарищества Рабочих», который появился в виде приложения к номеру от 14 августа 1871 года газеты «Gazzetino Rosa», выходившей в Милане под редакцией Биццони [1]. Статья Бакунина напечатана была в виде брошюры с приложением статьи Фриша «Интернационал и Маццини», перепечатанной из издававшейся им в Джирдженти газеты «Eguaglianza» [2]. Этой статьей положено было начало той продолжительной полемике Бакунина с Маццини, которая сыграла столь крупную роль в развитии итальянского Интернационала.

В своем «Ответе», Бакунин, разоблачая реакционный характер мацциниевского богословского идеализма, противопоставлял ему революционно-материалистические принципы международного рабочего движения и заканчивал свое возражение следующими словами: «Отдавая справедливость его бесспорной искренности, мы должны констатировать, что, присоединив свои поношения к ругани всех реакционеров Европы против наших злополучных братьев, героических защитников и мучеников Парижской Коммуны, и свое отлучение к отлучениям Национального Собрания и папы против законных требований и международной организации трудящихся всего мира, Маццини окончательно порвал с революцией и перешел в ряды мировой реакции».

---

[1] Эта газета держалась буржуазно-республиканского направления, но для уловления рабочих читателей печатала и документы интернационалистического характера.

[2] Статья Бакунина была напечатана также в брюссельской газете «La Liberté» от 18 и 19 августа 1871 года и перепечатана в виде введения в его брошюре «Политическая теология Маццини» (см. ниже). Она (вместе со статьею Фриша) помещена в шестом томе «Oeuvres» и в пятом томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда».

Статья произвела сильное впечатление на ту часть итальянской революционной интеллигенции, которую ограниченно-республиканская пропаганда Мадцини уже не удовлетворяла. Сам Мадцини не отвечал, но газета «Unità italiana» поместила в августе, сентябре и октябре ряд статей против Бакунина, автором которых, вероятно, был маццинист Бруско Оннис. Репликою на эти статьи и явилась статья Бакунина «Ответ Unità italiana», помещенная в приложении к той же «Gazettino Rosa» от 10, 11 и 12 октября 1871 года [1].

Подготовляя продолжение своего первого ответа Мадцини, Бакунин в процессе работы раздвинул ее рамки и написал целую брошюру «Политическая теология Мадцини и Интернационал», которая была выпущена на французском языке Гильомом в конце 1871 года.

Наконец, к этой же серии антимадциниевских писаний Бакунина относится и его «Послание (Циркуляр) моим итальянским друзьям по поводу рабочего конгресса, созываемого на 1 ноября 1871 года мадцинистской партией», написанное 18 — 28 октября 1871 года [2].

Мысль о созыве рабочего конгресса пущена была в «Roma del Popolo» от 12 октября самим Мадцини, который привлечением рабочих хотел укрепить свою слабую республиканскую партию. Бакунин благодаря своему выступлению против Мадцини успел к этому времени завязать новые знакомства среди итальянских крайних демократов (Терцаги, К. Палладино, В. Пецца). Они обратили его внимание на этот с'езд и предложили ему высказать свое отношение к проекту Мадцини. Тогда-то Бакунин, отложив на время в сторону брошюру о «Политической теологии Мадцини», засел за составление «Послания», которое и изготовил в короткий срок. В итальянском переводе оно было роздано делегатам рабочего конгресса (за подписью «группа интернационалистов») [3].

Разоблачая реакционные замыслы Мадцини в его лицемерном обращении к рабочим, Бакунин доказывает итальянским пролетариям, что не в национальном обособлении, а в международном об'единении, не в подчинении буржуазным республиканцам, а в создании собственной организации они найдут спасение и освобождение. Вернее, «Послание» адресовано не столько рабочим, сколько революционной молодежи,

---

[1] Напечатана в шестом томе «Oeuvres».

[2] Тогда же (в ноябре) было переведено и напечатано по-итальянски под заглавием «Agli operai delegati al Congresso di Roma»; с 1885 года неоднократно переиздавалось на итальянском языке; напечатано в шестом томе «Oeuvres» и в пятом томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда».

[3] Мадцини в своем журнале от 16 ноября, не называя Бакунина, указал на него как на автора брошюры.

которой Бакунин излагает анархическую программу и которой советует понести пропаганду этой программы в народ, в пролетариат и крестьянство. Пусть первое сражение, которое эта молодежь даст Маццини на с'езде, закончится неудачей; это не беда: выдержкой и сплоченностью в конце концов будет достигнута победа.

Римский рабочий конгресс наделал в Италии много шума. Против него раздались протесты со стороны социалистически настроенных рабочих и молодежи. Сам Гарибальди, от которого его левые сторонники требовали, чтобы он высказался по поводу нападок Маццини на Коммуну и Интернационал, написал письмо председателю маццинистского с'езда Петрони, в котором выступал в их защиту [1]. Письмо Г. Стампа, благоприятное Интернационалу, не было на конгрессе зачитано. Оппозиции на с'езде не было, кроме Кафиеро, делегата от секции Джирдженти, Туччи от неаполитанской секции и де-Монтеля, делегата от Ливорно. Кроме них троих, все члены с'езда приняли маццинистскую программу и подписали «Братский договор» как основу организации, к которой примкнуло 135 рабочих обществ, и органом которой была газета «L'Emancipazione» под редакцией М. Квадрио. Оппозиции оставалось только удалиться с протестом [2].

Полемика с Маццини привела к расширению связей Бакунина с итальянскими радикалами. Его переписка с итальянцами учащается, а с другой стороны умножаются личные визиты к нему итальянцев. К прежним неаполитанским и флорентинским связям прибавляются Турин [3], Милан, Лугано, Болонья и пр. Связи эти заводятся Бакуниным преимущественно среди бывших гарибальдийцев, менее связанных определенной, закоченелой политической доктриной, чем маццинисты. Через б. гарибальдийского майора Паррука Бакунин заочно знакомится с другим гарибальдийским офицером Челъсо Черетти, который скоро становится его верным последователем, а через него и через Э. Песка-

---

[1] Вскоре после того в письме к Паллавичини-Тривульцио от 14 ноября 1871 года Гарибальди употребил знаменитую фразу: «L'Internationale e il sole dell'avenire» («Интернационал, это — солнце грядущего»).

[2] В письме к Зорге от 9 ноября 1871 года Маркс говорит об ошеломляющих успехах, достигнутых в Италии Интернационалом, и о большой победе над партией Маццини (Письма к Зорге, изд. Дауге, СПБ, 1907, стр. 40). Неясно, что он здесь имел в виду.

[3] В Турине действовал Терцаги, крайне темная личность, попеременно предлагавшая свои услуги то Генеральному Совету, то Альянсу; Бакунин тоже был введен им в заблуждение. В конце концов, потерявший доверие обеих сторон, Терцаги сделался агентом полиции. Но что одно время (1871—1872) он был в тесной связи с Бакуниным, это несомненно.

тори, а позже через Л. Набруцци у Бакунина устанавливаются связи с Романьей. Образовавшиеся здесь в конце 1871 года рабочие союзы Fascio operajo имели целью борьбу с маццинистскими организациями и стояли близко к Гарибальди. Бакунисты сумели добиться влияния в этих союзах. Гарибальди советовал им сохранить свою автономию по отношению к Генеральному Совету. Это шло навстречу стремлениям бакунистов, у которых к рассматриваемому моменту отношения с Генеральным Советом были уже сильно испорчены. Правда, Бакунин в своих многочисленных письмах уговаривал деятелей этих союзов об'явить о своем присоединении к Интернационалу, но при этом он несомненно имел в виду присоединение их к тому его крылу, которое стояло в оппозиции к Генеральному Совету [1]. Состоявшийся через неделю после смерти Маццини (10 марта 1872 г.) с'езд этих союзов в Болонье (17—19 марта) нечаянно выдал секрет Альянса, поставив на повестку следующий пункт: «В общих интересах и для обеспечения полной автономии Рабочего Союза должен ли он признать и подчиниться руководству лондонского Генерального Комитета (sic!) либо Комитета Бернской Юры или же должен остаться совершенно самостоятельным, поддерживая сношения с этими комитетами в интересах и для лучшего развития Товарищества?». И на этот, по выражению Гильома, «странный» вопрос с'езд дал следующий ответ: «Конгресс признает за лондонским Генеральным Комитетом и за Комитетом Бернской Юры лишь простые корреспондентски-статистические функции; он поручает консулату Болонской области войти с ними в сношения и о результатах сообщить каждой секции» [2].

На конгрессе в Римини (о нем ниже) итальянские секции определенно откололись от Интернационала. Во всяком случае они, за ни-

---

[1] Поэтому возражение М. Неттлау против брошюры об Альянсе неубедительно. В брошюре сказано (стр. 46): «Альянс основал в Романье свою группу якобы интернационалистических секций, которые считали своим первым долгом не подчиняться генеральным статутам, не сообщать о своем образовании и не уплачивать Генеральному Совету взносов. Это были в полном смысле слова автономные секции». Впрочем, требовать в тот момент от бакунистов, чтобы они ввиду назревшего открытого разрыва убеждали эти секции подчиняться уставу Интернационала и Генеральному Совету, было бы наивно.

[2] Здесь нет ничего неожиданного. Ведь Бакунин в своих письмах к единомышленникам советовал им направлять свои протесты против Генерального Совета секретарю Юрской федерации, А. Швицгебелю. Неудивительно, что Юрский федеральный комитет рассматривался (и выступал) как центр оппозиции Генеральному Совету, претендующий, на-ряду с ним и против него, на роль второго руководящего центра в Интернационале.

чтожным исключением, никогда не оформляли своих отношений ни к Интернационалу, ни к Генеральному Совету. Поскольку некоторые элементы итальянского рабочего движения эмансипировались из-под влияния буржуазной демократии (маццинианской и гарибальдийской), они идейно, а затем и организационно примыкали к анти-авторитарному крылу Интернационала, т.-е. фактически к Альянсу, при чем неважно, знали ли все участники движения о существовании тайного руководящего центра (впрочем, большинство вождей этого движения входило в состав тайного Альянса и Интернационального Братства). Систематическая, планомерная работа Бакунина принесла свои плоды. Те связи, которые он завязал в Италии во время своего проживания там (1864 — 1867), а затем путем личных и письменных сношений умножил и расширил в начале 70-х годов, теперь сказались. Итальянское социалистическое движение на долгие годы попало в фарватер анархизма. Конечно, главную роль сыграли здесь особенности социальных отношений в этой стране, выше нами охарактеризованные; но Бакунин удачно сумел использовать их для подчинения итальянского движения своему влиянию. Это облегчалось ему тем, что психологически он сам близко стоял к типу революционера, вышедшего из левой буржуазной демократии в экономически отсталой стране.

И Неттлау в общем прав, когда заключает свою статью о Бакунине и Интернационале в Италии следующими словами: «Во всяком случае для итальянского движения Бакунин был настоящим человеком на настоящем месте, единственным, который мог продолжать путь от Маццини и Гарибальди и повести привыкнувшую к боям и жертвам молодежь к широчайшему политическому, социальному и философскому радикализму и действительной работе, которые одни только способны были дать удовлетворение ее революционным запросам. Под этим знаком итальянский Интернационал, несмотря на бесчисленные преследования, стоял еще в начале 80-х годов, когда в некоторых данный Бакуниным импульс, в конце концов, оказался исчерпанным, тогда как другие продолжают до сих пор действовать в его духе, в духе анти-авторитарного Интернационала».

3. В Испании.

До вступления Бакунина в Интернационал у него могли быть в Испании только единичные и случайные связи. К ним, повидимому, принадлежал и Ф. Гарридо, который в середине 60-х годов был членом

тайного бакунинского общества (см. том второй). С момента перехода Бакунина к широкой пропаганде своих идей, т.-е. с момента его выхода из Лиги Мира и основания открытого Альянса, он неизбежно должен был обратить усиленное внимание на Испанию, входившую в число тех стран, которые, по его представлению, находились в условиях, особенно благоприятных для непосредственной социальной революции, и переживавшую в то время критический период своего существования.

Сентябрьская революция 1868 года, сопровождавшаяся изгнанием королевы Изабеллы, открыла в Испании эру глубоких волнений. Одним из первых шагов Бакунина по приезде его в Женеву после Бернского конгресса Лиги Мира была посылка адреса испанским рабочим. Этот адрес, составленный Перроном и исправленный Бакуниным, был по его настоянию принят 21 октября 1868 года Центральным Комитетом женевского Интернационала. В этом адресе, со ссылкою на постановления Брюссельского конгресса Интернационала, испанским рабочим давался совет, не довольствуясь политическим переворотом, совершить социальную революцию, которая подаст сигнал к освобождению трудящихся всего мира.

Возможно, что посылка этого адреса уже связывалась в уме Бакунина с отправкою специальных эмиссаров в Испанию для заложения там основ как Интернационала, так и Альянса. Элизе Реклю, которому Бакунин предложил совершить эту поездку, отказался. Зато из'явили свое согласие поехать в Испанию брат его, Эли Реклю, Аристид Рей и Фанелли, которого Бакунин особенно просил об этом (все они, как мы знаем, были членами тайного Интернационального Братства). Генеральный Совет к тому времени не имел в Испании почти никаких связей. Таким образом и в Испании инициатива основания секций Интернационала принадлежала Бакунину.

Правда, сделано это было в несколько своеобразной форме. Фанелли основывал в Испании секции Интернационала как секции Альянса и с программой Альянса. Неттлау об'ясняет это тем, что в тот момент (ноябрь 1868 г. — февраль 1869 г.) он мог считать открытый Интернациональный Альянс частью Интернационала, так как окончательный отказ Интернационала принять в свою среду открытый Альянс состоялся позже его от'езда в Испанию, а постановление Центрального Бюро о роспуске открытого Альянса принято было в марте 1869 года. Но это об'яснение вряд ли удовлетворительно. Дело в том, что на-ряду с открытым Альянсом действовал, как мы знаем,

тайный Альянс, о существовании которого Генеральному Совету ничего не говорилось и который должен был остаться даже после формального роспуска открытого Альянса. Фанелли, один из основателей обоих Альянсов и старый член Интернационального Братства, отлично об этом знал. Знал он поэтому и то, что как бы ни разрешился вопрос о допущении открытого Альянса в Интернационал, Альянс останется в виде тайного общества и будет попрежнему работать для осуществления своей анархической программы. Поэтому, основывая в Испании группы Альянса на-ряду с секциями Интернационала и в виде этих секций, он работал для будущего, залагая основы тайного бакунинского Альянса, который, по мысли его руководителей, должен был действовать внутри Интернационала, направляя его к своим целям. Что это так, видно из того, что после роспуска открытого Альянса бакунисты не распустили своих тайных групп — в частности в той же Испании, — а, напротив, старались всячески укрепить их и расширить их влияние в Иинтернационале [1].

Поэтому отнюдь нельзя ставить эту путаницу в вину одному Фанелли. Самое положение Альянса, этой одновременно открытой и тайной организации, стремившейся расширить свое влияние на массы под покровом Интернационала, принуждало его действовать таким образом. Поэтому не совсем прав Бакунин, когда в письме к Паоло (Т. Г. Мораго) от 21 мая 1872 г. говорит: «Помогая вам заложить первые основы как А (Интернационала), так и У (Альянса) в 7.896 (Испании), Кристоф (Фанелли) совершил организационный промах, результаты которого вы в настоящее время чувствуете. Он смешал Интернационал с Альянсом и потому побудил друзей 3.521 (мадридских) основать Интернационал с программою Альянса. В первый момент это могло казаться большим успехом; в действительности же это стало причиною путаницы и дезорганизации как для одного, так и для другого».

---

[1] Два других товарища Фанелли по поездке в Испанию, бывшие в сущности простыми буржуазными демократами, сближались в Испании только с буржуазными демократами и вели там беспринципную буржуазную политику, которую Бакунин весьма резко охарактеризовал в документе, приведенном нами в последней главе второго тома, посвященной роспуску старого Братства. Там он обвиняет их в измене принципам Альянса, в защите «жалкого буржуазного республиканизма», в том, что они там «вели слишком часто радикальную политику, а отчасти пропагандировали буржуазный социализм». Это не помешало, впрочем, А. Рею оставаться членом Альянса; с Эли Реклю отношения у Бакунина временно испортились, но с 1872 года они снова сблизились.

Но это Бакунин писал через 3½ года, когда существование тайных альянсистских групп в рядах интернационалистических секций было разоблачено, и когда по этому поводу в испанской федерации Интернационала начались сильные раздоры. В рассматриваемое же время Фанелли действовал так, как это навязывалось ему его ролью посланца тайного Альянса, т.-е. т а й н о й интернациональной организации[1], которому поручено было организовывать секции Интернационала, т.-е. о т к р ы т о й международной организации. Основной грех лежал не в личности Фанелли, а в его двуедином, противоречивом положении[2].

Рабочее движение в тогдашней Испании стояло на примитивной ступени развития. Поскольку рабочие полуострова вообще пробудились к общественной деятельности, они или основывали аполитичные профессиональные организации (как в Барселоне), или примыкали к буржуазному республиканскому движению. И здесь среди передовой молодежи, вышедшей из буржуазной среды, накопились революционные элементы, находившиеся под влиянием различных систем утопического социализма, в частности прудонизма, которые искали сближения с революционно настроенными рабочими. Словом, почва была подготовлена как раз для такого движения, которое рекомендовалось программою Альянса и отвечало условиям страны с слабо развитой промышленностью, с малочисленным и дезорганизованным пролетариатом, с многочисленной революционной интеллигенцией, отколовшейся от буржуазных партий и искавшей приложения своим силам.

В эту среду и попал Фанелли. Испанские республиканцы, с которыми он познакомился через Гарридо, свели его с кружком молодых рабочих, группировавшихся вокруг просветительного клуба Fomento de las Artes. Здесь он познакомился с гравером Томасом Гонзалесом, принявшим после материнскую фамилию Мораго, который вскоре сделался одним из главных деятелей испанского Альянса. В результате пропаганды Фанелли, который оперировал статутами Интернационала, программою и уставом Альянса, бернскими речами Бакунина, напечатанными во французском «Колоколе» и т. п., 21 декабря 1868 года в Мадриде составилась «Временная организационная ячейка» из 21 человека, в том числе: Анхеля Сенегорта, Франциско и Анхеля Мора, Энрико Борреля, Ансельма Лоренцо, Хуана Хальбо, Т. Г. Морато, Рубау Дона-

---

[1] А вовсе не женевской секции Альянса, как это неправильно несколько раз утверждает Неттлау в своей статье «Bakunin und die Internationale in Spanien 1868—1873» в грюнберговском «Архиве», том IV.

[2] В более слабой степени нечто подобное происходило, впрочем, и в Италии, где Альянс был, однако, лучше законспирирован.

дэу, Родригеса и пр.[1]. А 24 января 1869 года группа приняла программу и устав Интернационала и сконструировалась в «Временную учредительную ячейку Международного Товарищества». В группе скоро начались разногласия, при чем одни тянули к буржуазному республиканизму и франк-масонству, а другие к анархизму[2]. В сентябре 1869 года принят был устав «Временной центральной организационной секции для Испании»; в декабре выпущен был написанный Мораго «Манифест рабочих-интернационалистов мадридской секции к рабочим Испании», а 15 января 1870 года вышла газета «La Solidaridad», программа которой была составлена Лоренцо в чисто анархическом духе.

Приблизительно то же произошло и в главном промышленном центре Испании — Барселоне. Здесь в октябре 1868 года образовался «Федеральный центр рабочих обществ», стоявший политически близко к республиканцам-федералистам и даже принимавший участие в парламентских выборах. В январе 1869 года сюда прибыл Фанелли с мадридскими рекомендациями. Он собрал в этом городе группу из 20—25 человек, в том числе Хозе Пелисера, брата его Рафаэля Фарга Пелисера, скоро ставшего одним из ближайших к Бакунину деятелей Альянса, и составил из них ячейку, в которой руководящую роль играли оба брата Пелисера. К ней скоро присоединился врач Гаспар Сентиньон (таинственная личность немецкого происхождения, о которой мы говорили в третьем томе), имевший связи в Мадриде и тоже ставший вскоре одним из приближенных Бакунина; далее студент-техник

---

[1] Рассказ об этих фактах имеется у F. M o r a — «Historia del socialismo obrera español», Мадрид, 1902; A. L o r e n z o — «El proletariado militante», Барселона, 1901; у Н е т т л а у в литографированной биографии Бакунина, т. II, и в упомянутой статье об Испании; у Г и л ь о м а — «L'Internationale», т.т. I и II; в брошюре об Альянсе 1873, и пр.

[2] Об этом рассказывал Лафарг в своей брошюре «A los Internationales de la Region Española», Мадрид, 1872, направленной против Альянса. На основании сообщенных им сведений брошюра об Альянсе (стр. 30) говорит: «Вскоре после того, в ноябре (?) того же [1868] года из Женевы присланы были членские билеты Альянса Мораго, Кордова-и-Лопесу (республиканцу, кандидату в депутаты, редактору буржуазной газеты «Combate») и Рубау Донадэу (неудачному барселонскому кандидату, основателю псевдо-социалистической партии). Известие о присылке этих отличий внесло смуту в юную мадридскую секцию Интернационала; председатель Хальбо вышел в отставку, не желая принадлежать к ассоциации, которая терпит в своей среде тайное общество, состоящее из буржуа, и подчиняется его руководству». По словам Лафарга, членский билет Ф. Мора датирован был 5/III 1869 г. — Речь идет об открытом Альянсе, который не был признан Генеральным Советом в декабре 1868 г., но распустился в конце марта 1869 г.

из Севильи, Сориано, Гарсиа Виньяс из Малаги и несколько других интеллигентов. Последняя группа вместе с братьями Пелисерами составила тайную группу Альянса (по-испански Alianza), которая должна была направлять деятельность будущей секции Интернационала. Это было вполне в духе бакунинского плана.

Таким образом в Мадриде секция Интернационала сконструировалась одновременно как группа Альянса, а в Барселоне на-ряду с секцией Интернационала должна была действовать тайная группа Альянса. Не потому ли получилась эта разница, что за это время Фанелли узнал о декабрьском постановлении Генерального Совета, отвергавшем прием открытого Альянса в Интернационал и этим принуждавшем его ограничиться рамками тайного общества? За отсутствием прямых документальных доказательств мы вынуждены высказать здесь простую догадку, впрочем, приобретающую некоторую вероятность в связи с хронологией описываемых событий.

Барселонская секция Интернационала образовалась в мае 1869 г. (т.-е. после составления тайной группы Альянса), при чем секретарем ее сделался член Альянса Ф. Пелисер, а с августа начала выходить газета Федерального Центра «La Federacion», впоследствии ставшая органом бакунистов.

Генеральный Совет, внимание которого поглощено было более промышленными странами, прозевал это начавшееся в Испании движение, которое естественно подпало под влияние бакунинского Альянса, являвшегося в организационном и в идейном смысле его родоначальником.

Бакунин, узнав о том, что в Испании почва для Альянса подготовлена, поспешил вступить в переписку со своими новыми испанскими партизанами. Собирая в то время силы для Базельского конгресса, на котором он хотел дать первый бой коммунизму, Бакунин через Фарга Пелисера вошел в сношения с барселонским Федеральным Центром. Последний назначил своими делегатами на Базельский конгресс Фарга Пелисера и Г. Сентиньона, которые оба были уже членами тайной альянсистской группы. Таким образом первое же представительство испанского рабочего движения на конгрессах Интернационала оказалось анархистским [1], и так продолжалось до самого конца Интернационала (за исключением Лафарга, о чем ниже).

---

[1] На Брюссельском конгрессе 1868 года был, правда, один испанец, Сарро Маггалан, член барселонского рабочего общества «Иберийский Легион», но его участие носило личный и случайный характер, ничем не отразившись на дальнейших судьбах Интернационала в Испании.

Сама Барселонская секция Интернационала не могла послать делегата «по малочисленности и бедности», как об'яснял Бакунину в письме от 1 августа 1869 года Фарга Пелисер. Кстати, ввиду своего альянсистского происхождения, эта секция, подобно итальянским секциям, считала себя, повидимому, весьма мало связанной статутами Интернационала: по крайней мере, в августе (т.-е. после трехмесячного существования) она еще не послала Генеральному Совету своих членских взносов.

В конце августа 1869 года Ф. Пелисер и Сентиньон прибыли в Женеву, где и познакомились с самим Бакуниным, с которым быстро сблизились [1]. Они были приняты в число «интимных» друзей, т.-е вошли в Интернациональное Братство и, вероятно, были назначены в испанский национальный комитет Альянса. После Базеля Ф. Пелисер, получив наставления учителя, возвратился в Испанию, а Сентиньон, по рассказу Гильома (т. II, стр. 242), предварительно с'ездил в Германию и Бельгию для переговоров о закупке оружия на случай предполагавшегося рабочего восстания в Каталонии [2], затем вернулся в Швейца-

---

[1] Мы уже знаем (см. в третьем томе главу о Базельском конгрессе), что 28 августа 1869 года по представлению Бакунина и Поля Робена Сентиньон был введен в женевскую секцию Альянса, которая на следующий день избрала его своим членом и делегатом на Базельский конгресс. Сделано это было, вероятно, потому, что, с одной стороны, Сентиньон и без того имел барселонский мандат на конгресс, так что в случае непризнания конгрессом женевского мандата он все же остался бы членом конгресса, а, с другой стороны, потому, что он, будучи чужд женевской склоке, меньше других рисковал вызвать возражения со стороны других швейцарских делегатов.

[2] Несомненно, по совету и плану Бакунина. Кстати, какие мысли и чувства возбуждал этот неугомонный бунтарь в своих последователях, видно из письма Сентиньона к Варлену от 10 апреля 1870 года: «Когда наступит окончательное торжество справедливости? Вот вопрос. Хотите ли вы, чтобы свобода, равенство и братство перестали быть пустым звуком только по истечении столетий? Тогда нападайте на монархические правительства, устанавливайте все более демократические республики, собирайте капитал из сбереженных грошей, учитесь все больше — и постепенно вы добьетесь свободы, равенства и братства, а через 3.000 лет справедливость воцарится на земле. Мы же, испанские рабочие, не обладаем таким вековым терпением; мы хотим увидеть установление справедливости как можно скорее, в пять или десять лет, а потому мы идем прямо к цели, не сбиваясь с пути, не занимаясь ничем другим, кроме организации рабочих обществ» и т. д. (Testut — «L'Internationale et le Jacobinisme», т. I, стр. 412). При такой нетерпеливости легко впасть в отчаяние, что и случилось вскоре с Сентиньоном, тем более, что не на пути, рекомендованном Бакуниным, можно было «в скорейшем

рию и по дороге в Испанию заехал с Гильомом в Лион для установления связей с французскими альянсистами, в частности с А. Ришаром и его кругом, ввиду задуманного тогда Бакуниным социально-революционного восстания в юго-западной Европе (см. выше, часть I, глава II, § 2). Между прочим во время этой именно поездки Гильом передал Ришару тайный словарь Бакунина, составленный им по соглашению с Сентиньоном и Фарга Пелисером и явно свидетельствующий, как мы это показали во втором томе, о существовании уже в тот момент, т.-е. в конце 1869 года, тайного Альянса с его местными разветвлениями [1].

По возвращении в Испанию оба новые прозелита Бакунина поддерживали с ним оживленную переписку, получая от него указания и проводя их согласно планам Альянса. Это видно из писем Бакунина к Ришару. Так, 11 января 1870 года он пишет: «Я получаю весьма

времени» добиться победы пролетариата над буржуазией. В июне 1871 года Сентиньон был посажен в крепость Монтхуих, а по выходе из нее отошел в сторону от общественной деятельности (он умер в 1903 г., сохранив, по словам Лоренцо и Гильома, до конца симпатии к рабочему классу и верность идеям юности).

[1] См. Guillaume — «L'Internationale», т. I, стр. 244; Testut, цит. соч., том I, стр. 131 и след. — Для характеристики произвольной манеры М. Неттлау, который, подобно анекдотическому врачу, просто отрицает неудобные для него факты, приведем следующую выдержку из его статьи о деятельности Бакунина в Испании (стр. 261—262): «Важнее, что он (Сентиньон) и Фарга Пелисер вошли в интимный круг Бакунина, а значит имели полную возможность ознакомиться с взаимоотношениями Интернационала и Альянса и с более узкой деятельностью «альянсистов» или «братьев». Несмотря на формальные выражения в тогдашних шифрованных списках (следует ссылка на Тестю. — *Ю. С.*), я принимаю, что со времени событий в Шапонэре в начале 1869 года одно непосредственное участие Бакунина в швейцарских и русских делах («Эгалите», Юра, Нечаев и пр.) удерживало его от придания тайному Альянсу формального характера. Это была отдаленная цель; ближайшая же сводилась к тому, чтобы действительно привлекать дельных людей в свой интимный круг, как, напр., тогда Д. Гильома в Локле, и поручать им аналогичную работу, т.-е. прямую связь с интимными друзьями в других местах и привлечение дельных местных элементов к более узкому местному кругу (allié secret international, national, provincial, local)». Это «несмотря на формальные выражения» великолепно. В словаре прямо говорится о тайном Альянсе, Братстве, тайных альянсистах и братьях различной градации (местных, провинциальных, национальных, интернациональных), тайных организациях такой же градации, о бюро и т. д., а Неттлау величественно все это вычеркивает, потому что ему хочется доказать свою предвзятую мысль, что формально тайный Альянс сложился только в 1872 году

интересные письма от г-на и г-жи E. F. [1]. Они идут хорошо, очень хорошо, по совершенно прямой линии, единственно практичной, единственно плодотворной»; а 7 февраля того же года он пишет: «Должен ли я тебе сказать, что люди, которыми я в настоящий момент особенно доволен, — кроме, конечно, друзей г. A. S. [2], — это г-н и г-жа E. F? Они поняли, что для создания силы необходимо коллективное действие, что последнее невозможно без серьезной организации, которая, в свою очередь, невозможна без соблюдения у с т а в а (курсив мой). Они его соблюдают и делают неслыханные успехи». Ясно, что, к огорчению Неттлау, речь идет здесь об уставе тайного Альянса.

Идеи Интернационала, действительно, начали делать быстрые успехи в Испании, но в бакунистской форме. И недаром орган Пальмской федерации (на острове Майорке) «El Obrero» писал: «В политике мы — анархисты, в экономии — коллективисты, а в религии — атеисты». Это была программа Альянса, которая, видимо, подходила к тогдашнему уровню политического и социального развития Испании.

Ввиду этих быстрых успехов Ф. Мора в феврале 1870 года предложил созвать с'езд. Этот первый конгресс испанских секций открылся в Барселоне 19 июня 1870 года и привел к основанию испанской федерации Интернационала. Конгресс, на котором 85 делегатов представляли 150 обществ с 40.000 членов в разных концах страны, был торжеством Альянса. Председательствовал на нем ф р а н ц у з с к и й альянсист из числа интимных друзей Бакунина, марселец Бастелика; присланы были приветственные адреса от б е л ь г и й с к о г о федерального совета и ю р с к о г о федерального комитета; по вопросу о политике принята была резолюция анархического содержания в духе изложенной выше резолюции Лашодефонского конгресса юрцев [3]. В федеральный комитет, помещавшийся в Мадриде, избраны были оба брата Мора, А. и Ф., Лоренцо, Боррель и Мораго. Бакунисты вправе были торжествовать, а Гильом мог горделиво вопрошать в своей «Solidarité» (от 27 августа): не станет ли отсталая Испания на-ряду с Италией во главе мирового социализма, чтобы подать сигнал к осво-

---

[1] Г-н E. F. — Сентиньон; г-жа E. F. — Фарга Пелисер (по тому именно словарю, указания которого так неудачно пытается отвести M. Неттлау).

[2] По тому же словарю г. A. S. означает Россию; значит, друзья г. A. S. это русские революционеры (в данном случае имеются в виду Нечаев и его товарищи).

[3] Барселонская «Federacion» в специальной статье, посвященной порядку дня предполагавшегося в Майнце общего конгресса Интернационала, выражала даже уверенность, что этот конгресс примет такую же резолюцию, и противопоставляла парламентской деятельности — стачки.

бождению рабочих, тогда как Англия и Германия, бессильные перейти от слов к делу, останутся в стороне от великого революционного движения пролетариата?

В Испании Альянс, как формальная организация, получил большее развитие, чем в других странах, где, за исключением, пожалуй, Италии, он оставался до конца 1872 года на стадии отдельных групп, об'единяемых скорее личностью руководителей, чем действительно централизованной организацией. В Испании же он не только широко распространился и добился влияния на массовое движение, но и сумел скоро создать организацию в национальном масштабе, обогнав в этом отношении даже родину Альянса — Италию. Об'ясняется это, может быть, тем, что в Испании Альянс был основан в эпоху глубоких политических потрясений, начавшихся с сентябрьского переворота 1868 года и тянувшихся в продолжение пяти лет. В то время, как во Франции к моменту основания Альянса революция только назревала, а в Италии к концу 60-х годов в основном закончилась, в Испании она только начиналась и порождала в стране общее революционное состояние, в обстановке которого Альянс находил благоприятные условия для своего развития.

Национальную организацию испанский Альянс придал себе еще до Барселонского конгресса испанского Интернационала. Именно начавшаяся агитация в пользу создания испанской федерации Интернационала и побудила альянсистов во главе с Сентиньоном и Фарга Пелисером, посвященными в планы Бакунина, поспешить с оформлением альянсистской организации. Необходимо было осуществить основное требование альянсистского плана, а именно наложить свою печать на проектируемую национальную федерацию испанского Интернационала и добиться в нем руководящего влияния[1]. И это настолько удалось вождям испанского Альянса, что, по их собственному признанию, резолюции Барселонского конгресса Интернационала были предварительно выработаны на совещаниях Альянса (о чем, впрочем, можно было догадываться по содержанию принятой там резолюции о политической борьбе).

С другой стороны, здесь оказал несомненное влияние вынужденный роспуск открытого Альянса, который, как мы знаем, состоялся в результате отказа Генерального Совета признать эту соперничающую

---

[1] В осторожной форме М. Неттлау в сущности выражает ту же мысль (цит. ст., стр. 266).

с Интернационалом международную организацию. С этого момента бакунистам пришлось обратить больше внимания на организацию тайного Альянса, и там, где для этого представлялись благоприятные условия, как в Испании, и были предприняты определенные шаги в этом направлении. Надо полагать, что во время личных бесед Бакунина с Сентиньоном и Фарга Пелисером осенью 1869 года им даны были соответствующие директивы. Осуществить их было тем легче, что в Испании (как и в Италии) Альянс предшествовал Интернационалу, секции которого альянсистами и создавались, а потому естественно находились под их влиянием. Как бы то ни было, но уже в апреле 1870 года, т.-е. за 2 месяца до Барселонского конгресса, в Барселоне положено было начало национальной организации испанского Альянса, который, как правильно замечает Неттлау, ф а к т и ч е с к и существовал уже задолго до своего организационного оформления.

Организация эта с похвальной откровенностью приняла название «Alianza de la Democracia Socialista» («Альянс Социалистической Демократии») — отнюдь не в честь одноименной женевской секции, как наивно силятся нас уверять бакунисты (напр., Гильом), а в честь распущенного открытого Альянса Социалистической Демократии и благополучно продолжавшего существовать тайного Альянса Социалистической Демократии, часть которого «Alianza» и составляла [1].

В качестве программы «Alianza» приняла программу бакунинского Альянса, напечатанную нами во II томе этой работы, еще определеннее заострив ее в анархическом смысле [2]. Далее она приняла устав, § 2 которого гласил: «для того, чтобы достигнуть наилучших результатов и не компрометировать развития организации, Alianza будет строго тайной» (eminentamente secreta); а § 5 говорил: «Alianza будет по мере возможности влиять на местную рабочую федерацию, дабы последняя не приняла реакционного или контр-революционного напра-

---

[1] Впрочем, и сама женевская секция приняла это название демонстративно. Как мы знаем, эта секция должна была до известной степени заменить распущенный открытый Альянс, поэтому она, нося, с одной стороны, чисто местный, женевский характер, с другой — привлекала в свой состав бакунистов других стран (Франции, Италии и пр.). Из числа испанских бакунистов членами ж е н е в с к о й секции состояли: Сентиньон, Фарга Пелисер, Хозе Пелисер, Рубау Донадэу, Т. Г. Мораго, Кордова-и-Лопес, Сенегорта, Ф. Мора, Сельзо Гомис. Это само по себе достаточно характерно.

[2] Например, слова § 4 бакунинской программы 1869 г.: «враг всякого деспотизма, не признавая иной политической формы, кроме республиканской», — испанцы переделали так: «враг всякого деспотизма, не признавая никакой формы государства», и т. д.

вления», т.-е. будет проводить в ней политику Альянса. Членами барселонской группы Альянса были, кроме обоих Пелисеров и Сентиньона, еще Виньяс, Санхес, Альбахес, французский альянсист Алерини, проживавший тогда в Барселоне, и другие.

Постепенно группы тайного Альянса образовались и в других городах Испании, напр., в Пальма (на острове Майорке), в Валенсии, Малаге, Кадиксе, Севилье, Кордове. Через эти группы, члены которых входили в секции Интернационала, Альянс держал все движение в своих руках.

Бакунин, повидимому, был в курсе успехов, сделанных альянсистами в Испании. Учитывая эти успехи, которые в действительности оказались вовсе не такими глубокими, и общее революционное состояние тогдашней Испании, Бакунин включал и эту страну, на-ряду с Италией, Францией и романской Швейцарией, в свой план социально-революционного восстания в юго-западной Европе (см. выше, часть I, глава II, §§ 1 и 2). В таком духе он и писал тогда (в августе 1870 г.) Ришару в Лион, Сентиньону в Барселону, Гамбуцци и Фанелли в Неаполь и Флоренцию и т. д. А когда Лионская попытка не удалась, а Марсель не шевелился, Бакунин собирался перекочевать в Барселону, которую, видимо, тоже считал одним из возможных центров задуманного движения. Но эта поездка, как мы знаем, не осуществилась. Бакунин вернулся в Локарно, откуда поддерживал переписку с Сентиньоном (вскоре, впрочем, отошедшим от движения) и с Ф. Пелисером. После разгрома Коммуны и начавшихся в Испании гонений на Интернационал в тамошнем движении наступило временное затишье, которое сменилось новым оживлением в результате Лондонской конференции и обострившейся в связи с нею внутренней борьбы в Интернационале.

Мы уже видели, что группы тайного Альянса основались в 1870 году в ряде провинциальных городов. Теперь наступила очередь Мадрида. Там, как мы знаем, по инициативе Фанелли первая секция Интернационала основалась с программою Альянса еще в начале 1869 года. Таким образом по непростительной с альянсистской точки зрения оплошности Фанелли, в Мадриде не было *особой группы Альянса, стоящей в стороне от Интернационала, его контролирующей и его направляющей через своих членов, персонально входящих в секции Интернационала.* Запоздалая попытка барселонского альянсистского центра исправить допущенный в свое время Фанелли промах и послужила искрою, упавшею в пороховую бочку.

«В начале 1871 года Мораго и Виньяс, делегат барселонского Альянса [1], — рассказывает брошюра об Альянсе (стр. 31), — предложили членам федерального совета (Франциско Мора, Анхелю Мора, Ансельмо Лоренцо, Боррелю и пр.) основать в Мадриде секцию (группу. — *Ю. С.)* Альянса; но последние воспротивились этому, заявив, что Альянс — опасное общество, если оно тайное, и бесполезное, если оно открытое. Вторично одного упоминания этого имени достаточно было для того, чтобы бросить семя раздора в среду федерального совета. Дело дошло до того, что Боррель произнес следующие пророческие слова: «отныне всякое доверие между нами умерло». Но когда правительственные гонения заставили членов федерального совета эмигрировать в Португалию, там Мораго удалось убедить их в полезности этого тайного общества, и по их инициативе в Мадриде была основана секция Альянса» [2].

Уехали из Испании в Португалию три члена федерального комитета: Ф. Мора, Мораго и Лоренцо. Вскоре Мора и Лоренцо возратились для работы в Испанию; Мораго же остался зачем-то в Португалии. Уже в то время между ним и Ф. Мора отношения испортились, повидимому, на почве личного соперничества. Во всяком случае Мораго не присутствовал на сентябрьской конференции испанского Интернационала в Валенсии и в августе 1871 года вышел из федерального комитета. Среди деятелей испанского Интернационала начал выдвигаться журналист Хозе Меса, редактор выходившей в Мадриде с июня 1871 года газеты «Emancipacion».

Вследствие полицейских преследований конгресс испанского Интернационала не мог состояться в свое время, и только в сентябре 1871 года удалось созвать в Валенсии тайную конференцию. В общем конференция оставалась на альянсистской позиции, но в новый федеральный комитет Мораго не попал; зато туда на-ряду с Мора и Лоренцо вошел Меса [3]. Мора предложил всем членам нового федерального комитета

---

[1] В брошюре сказано: «délégués de l'Alliance de Barcelone», но это, вероятно, опечатка вместо «délégué», так как Мораго сам был членом федерального комитета в Мадриде. Значит, речь может итти только о Виньясе.

[2] Дальше брошюра рассказывает об основании тем же Мораго португальской секции (или даже двух секций) Альянса в Лиссабоне. В этой секции играл главную роль тессинский уроженец Фонтана, с которым Бакунин в 1872 году состоял в переписке. И в Португалии Альянс сыграл роль инициатора в деле организации Интернационала.

[3] В числе членов этого федерального комитета впервые появляется имя Пабло Иглесиаса, сыгравшего впоследствии такую крупную роль в истории испанской социал-демократии.

войти в группу тайного Альянса, на что те согласились. Тогда Мораго, спешно прискакавший по получении этого известия из Лиссабона, решительно протестовал против этого шага Мора, который он об'явил изменою Альянсу, и заявил, что в таком случае он сам выходит из Альянса.

Вот как рассказывает об этом брошюра об Альянсе (стр. 31—32): «На конференции испанского Интернационала в Валенсии альянсистские делегаты, как обычно, бывшие в то же время делегатами Интернационала, придали своему тайному обществу окончательную организацию на Иберийском полуострове. Большинство из них, полагая, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что это тайное общество существует повсюду, что вступление в него является чуть ли не обязательным, и что Альянс стремится развивать, а не забрать в свои руки Интернационал, постановило, что все члены федерального совета должны туда войти. Как только Мораго, который до тех пор не смел возвращаться в Испанию, узнал о случившемся, он поспешно приехал в Мадрид и обвинил Мора в «желании подчинить Альянс Интернационалу», что дескать противоречит цели Альянса. И в подтверждение этого мнения он дал Месе в январе 1872 года прочитать письмо Бакунина, в котором последний развивал маккиавелический план господства над рабочим классом. План заключался в следующем: «Альянс должен существовать формально внутри Интернационала, в действительности же на известном расстоянии от него, для того чтобы лучше наблюдать за ним и руководить им. По этим соображениям члены, принадлежащие к советам и комитетам интернационалистических секций, должны в секциях Альянса всегда быть в меньшинстве [1]. (Заявление Хозе Меса от 1 сентября 1872 года, адресованное Гаагскому конгрессу.) На одном собрании Альянса Мораго обвинял Меса в том, что тот предал общество Бакунина принятием в него всех членов федерального совета, что давало им большинство в альянсистской секции и фактически устанавливало господство Интернационала над Альянсом. Во избежание именно таких явлений тайные инструкции предписывают, чтобы только один-два альянсиста проникали в советы или комитеты Интернационала и направляли их под руководством и при помощи секции Альянса, где наперед вырабатывались все резолюции, которые должен был принимать Интернационал. С этого момента Мораго об'явил федеральному

[1] Эти мысли вполне согласуются с тем, что мы вообще знаем о взглядах Бакунина на взаимоотношения Интернационала и Альянса. Неттлау в цит. статье допускает подлинность этой выдержки но относит письмо к более позднему времени (к лету 1872 г.).

совету войну и, как в Португалии, основал новую альянсистскую секцию, оставшуюся неизвестной для подозрительных лиц (курсив мой). Альянсисты различных пунктов Испании помогали ему и начали обвинять федеральный совет в небрежении своими альянсистскими обязанностями, как это показывает циркуляр валенсийской секции Альянса (30 января 1872 года), подписанный Дамоном, альянсистским псевдонимом Монторо».

С точки зрения твердокаменного альянсиста Мораго был, конечно, прав. Но самая-то точка зрения была плоха и ни к чему хорошему привести не могла. Теперь для раскола в испанском Интернационале все элементы были налицо. И заранее можно было предсказать, что альянсисты вроде Мораго, действительно посвященные в цели Альянса, одержат верх над людьми, случайно попавшими в Альянс и по существу не очень-то строго придерживавшимися духа и буквы его устава.

4. Во Франции.

В течение последовательного рассказа о деятельности Бакунина по организации Альянса мы уже изложили в основном его попытки вовлечь в свое общество представителей французской демократии и социализма. Еще до основания открытого Альянса ему удалось завербовать в свое «Братство» несколько отдельных французов, как А. Таландье, Эли Реклю, а затем Элизе Реклю, А. Рея, Л. Шассена, быть может, Распайля (см. том второй), Б. Малона и, возможно, еще кое-кого. Но это были отдельные чисто личные связи, неустойчивые и неопределенные, отнюдь не приближавшие Бакунина к массовому рабочему движению, начинавшемуся тогда во Франции и развивавшемуся под влиянием Интернационала.

Только с основанием открытого Альянса и с одновременным расширением тайного Альянса, начавшимися с конца 1868 года, Бакунину удалось завязать новые, более широкие связи во Франции. Среди меньшинства Бернского конгресса, под влиянием Бакунина порвавшего с Лигой Мира, находилось пять французов, из которых один (В. Жакляр) был бланкистом, тогда как другие четыре (Элизе Реклю, Аристид Рей, Альбер Ришар и парижский рабочий Бедуш) стояли близко к Бакунину и вошли в его Альянс (двое из них, Э. Реклю и А. Рей, принадлежали к нему и раньше).

Повидимому, на этого Бедуша [1] Бакунин сначала возлагал большие надежды в смысле проникновения в среду парижских рабочих.

---

[1] Это был сапожник по профессии, старый кабэтист.

Тайный словарь, который Бакунин тогда составил для переписки со своими французскими единомышленниками, был вручен Бедушу и так и получил название «словаря Бедуша» [1]. Однако надежды эти не оправдались, и Бедуш, повидимому, оказавшийся заурядным человеком, не мог доставить Бакунину того, чего тот от него ожидал. Позже, уже на Базельском конгрессе, Бакунин установил через Гильома связь с Варленом, игравшим в то время крупную роль в парижском рабочем движении. Варлен, плохо разбиравшийся в политических течениях, но проникнутый глубоким революционным чувством, соблазнился широкими перспективами, которые, казалось, открывала перед ним программа Альянса. Альянсисты считали его своим, и иногда он готов был повторять некоторые их формулы, не отдавая себе отчета в их специфическом смысле. Но настоящим альянсистом, т.-е. принципиальным анархистом, продумавшим до конца анархическую программу, Варлен никогда не был, что доказала вся его деятельность как до Коммуны, так и во время нее [2].

---

[1] Он, к сожалению, до нас не дошел, что затрудняет расшифровку первых писем Бакунина к Ришару (впрочем, мы, с помощью некоторых указаний Неттлау, расшифровали их почти целиком, как видно из переписки Бакунина с Ришаром, опубликованной нами в III томе «Архива Маркса и Энгельса»).

[2] Вот что он писал 25 декабря 1869 года Гильому, который опубликовал часть этого письма в своей газете «Прогресс» от 1 января 1870 г.: «Нынешнее положение Франции не позволяет интернационалистической партии оставаться в стороне от политики. В настоящий момент вопрос о близком падении Империи преобладает над всеми другими, и интернационалистам, под страхом банкротства, приходится стать во главе движения. Если бы мы держались в стороне от политики, мы сейчас были бы во Франции ничем, теперь же мы накануне того, чтобы стать всем. Социалистическая газета (речь идет о незадолго до того основанной «избирателями Рошфора» ежедневной газете «Марсельеза». — *Ю. С.*) должна, на-ряду с отделом, посвященным социальным и рабочим вопросам, иметь специально политический отдел. Редакция этого политического отдела «Марсельезы» поручена Рошфору (!), который, благодаря искренно принятому им императивному мандату, сделался истинным глашатаем парижского народа. Сотрудники политического отдела должны будут всегда выступать вполне революционно, не только против Империи, но и против всех правительственных учреждений. Что касается социалистического (!) отдела газеты, наиболее важного, то главным его сотрудником будет Мильер, один из самых способных социалистов, каких я знаю. Принципы, которые мы должны будем по мере сил проводить, это те, которые почти единогласно высказывались делегатами Базельского конгресса, т.-е. принципы коллективизма или неавторитарного коммунизма» (Guillaume, т. I, стр. 257—258; Testut, т. I, стр. 51—52). Такого единодушия в Базеле,

Так или иначе, но Бакунину никогда не удавалось пустить корни в Париже. Малон, как мы знаем, довольно рано разошелся во взглядах с Бакуниным; А. Рей и Л. Шассен в рабочем движении не играли никакой роли. Братья Реклю тоже стояли тогда весьма далеко от стремлений Бакунина. На ход рабочего движения и в частности на Парижскую Коммуну эти люди (кроме Варлена) не оказывали сколько-нибудь заметного влияния. И вообще можно сказать, что среди членов Коммуны не было ни одного настоящего альянсиста или анархиста. Зато Бакунин нашел благоприятную для себя почву на юго-востоке Франции, в частности в Лионе и Марселе. Главным его агентом в Лионе был А. Ришар, а в Марселе — Бастелика (корсиканец родом, молодой марсельский журналист, быстро вошедший в доверие Бакунина).

«1869 год, — рассказывает Ришар в своей не раз цитированной нами статье, — сопровождался социалистической агитацией, проявлявшейся в самых различных направлениях. В Париже Интернационал, принятый в союзники враждебными Империи радикалами и, сам того не желая, пролагавший пути умеренной и враждебной социализму республике, позволил Рошфору, Флурансу и другим вовлечь себя в политическую борьбу, сторонником которой был Малон и к которой Варлен охотно склонялся. Таким образом Интернационал утрачивал главный смысл своего существования, который заключался в организации народа, дабы он мог развиваться и отстаивать свои социально-экономические стремления вне всякого влияния монархических или республиканских политических партий, стремящихся единственно использовать в свою пользу все общественные и умственные силы страны. Напротив, в Лионе и Марселе образовались широкие рабочие федерации, которые перестали в каком бы то ни было отношении подвергаться влиянию республиканских знаменитостей, какими бы радикальными они ни были. В Лионе свыше двадцати рабочих обществ примкнули к центральному ядру Интернационала, ставшему с тех пор такою силою, с неожиданным развитием которой республиканцам с сожалением приходилось мириться. Почти таким же было положение в Марселе, где, впрочем,

---

разумеется, не было, но главное то, что, на словах расшаркавшись перед «неавторитарным коммунизмом», Варлен всеми остальными своими заявлениями показал, что он вовсе не разделяет взглядов Альянса. — Интересно, что Бакунин не поддался тогдашнему увлечению Рошфором и сразу разгадал пустоту этого идола оппозиционного мещанства. В письме к Ришару от 11 января 1870 года он говорит: «Что касается Рошфора и его «Марсельезы», то это мыльный пузырь, шумиха без содержания». Положительно, Бакунин был умнее своих последователей.

трения между республиканцами и социалистами были несколько слабее» [1].

Альбер Ришар родился 8 декабря 1846 года. Отец его, рабочий-ткач, старый республиканец, принимал участие в лионском рабочем движении (он был делегатом от Лиона на Женевском конгрессе Интернационала в 1866 г.). Сам А. Ришар увлекся политической агитацией с молодых лет. Уже с 1866 года он начинает участвовать в политической борьбе, сначала в качестве левого демократа, а в 1867 году он уже принимает участие в реорганизации лионской секции Интернационала.

Последняя была впервые организована в 1865 году рабочим Перрашоном, прудонистом [2]. Сначала, как это было везде, к движению пристала часть буржуазных республиканцев, не разобравшихся в действительном характере движения, которое, впрочем, само себя тогда еще не вполне понимало. Другая часть буржуазных демократов усматривала в Интернационале просто провокацию бонапартовской полиции и вела с ним ожесточенную борьбу. В декабре 1866 года в лионской секции наступил кризис, и участники ее постановили держаться подальше от Интернационала. Тогда на сцену выступили «радикалы», в том числе и А. Ришар, и попытались восстановить секцию, придав ей более определенный социалистический характер. Однако трения среди лионских интернационалистов продолжались до конца 1868 года.

К этому моменту молодой энергичный А. Ришар (ему было тогда всего 22 года) успел уже занять в Лионе видное положение. Оратор, журналист, агитатор — он начал выдвигаться на первый план. Достаточно сказать, что в 1868 году он участвовал в качестве делегата на двух международных конгрессах: третьем конгрессе Интернационала в Брюсселе [3] и втором конгрессе Лиги Мира и Свободы в Берне.

---

[1] Мы оставляем здесь без рассмотрения «философию истории» А. Ришара, который и в 1869 году, и в 1896 году одинаково не понимал взаимоотношений социализма и политики. Кроме того, в его рассуждениях слышится скрытое стремление как-нибудь оправдать свое бонапартистское грехопадение начала 70-х годов.

[2] Перрашон был делегатом от Парижа на Женевском конгрессе Интернационала в 1866 г.

[3] В связи с этим против него было выдвинуто обвинение, будто он раздобыл себе мандат на Брюссельский с'езд от Невилля с помощью неправильных приемов (чуть ли не подлога). Ришару вообще не везло в смысле партийной склоки. Дважды против него поднимались обвинения, которые в 1867 и 1869 г.г. особыми судами чести были об'явлены клеветническими. О втором таком деле и говорят первые письма Бакунина к нему. Интересно, что и Генеральному Совету пришлось высказаться по поводу второго из

На последнем конгрессе он впервые встретился с Бакуниным, что на известный период решило его судьбу.

Молодой 22-летний А. Ришар неожиданно попал в большие забияки. Он оказался одним из членов-основателей Альянса. Бакунин со свойственной ему скоропалительностью быстро увлекся пылким и экспансивным юношей, ввел его в свой интимный круг и сразу произвел его в одного из будущих вождей социального переворота. Правда, у Бакунина тут были и задние мысли: с помощью А. Ришара он рассчитывал подчинить своему влиянию лионскую группу Интернационала, которая в тот момент была или во всяком случае казалась весьма сильной, а через Лион наложить руку на Марсель и Париж, т.-е. забрать в свои руки весь французский Интернационал.

А. Ришар был типичным революционером чувства. Он сразу вспыхивал как солома, но также быстро и перегорал. Бакунин несомненно отнес его к числу людей, имеющих «чорта в теле», излюбленных им профессиональных революционеров, достойных зачисления в «Интернациональное Братство», но на самом деле в А. Ришаре обитал мелкий бес суеты и тщеславия. Его революционный пыл вскоре проявил себя как простая революционная чесотка. Пока дела шли в гору, пока революционное движение широко развивалось и нарастало, А. Ришар пылал и горел. Когда же революция пошла на убыль и наступили трудные дни, у него не хватило пороху, и он быстро закончил свою бурную карьеру позорным ренегатством. Его хватило ровным счетом на 3 года, и скоро Бакунину пришлось открещиваться от своего недавнего любимчика. Но в течение периода 1868—1870 г.г. Ришар развил лихорадочную работу.

К этому времени вторая столица Франции — Лион, этот город шелковой промышленности с его знаменитыми canuts [1], уже за 40 почти лет до того поднявшими знамя социального возмущения, — начала становиться, на-ряду с Парижем, одним из центров французского рабочего движения. Интернационалистическую агитацию кроме А. Ришара в Лионе вели дорожный мастер Гаспар Блан, портной Луи Паликс, ткач Ф. Шарве, приказчик Ф. Дюмартре, ткач Ф. Парратон и пр. [2]. Прибли-

---

этих обвинений. Ришар и в Лондоне вышел оправданным: 8 марта 1870 года Генеральный Совет сохранил за Ришаром функции секретаря-корреспондента для Лиона.

[1] Местное фамильярное прозвище рабочих шелковой промышленности.

[2] Надо заметить, что на менее увлекающегося Джемса Гильома, главного швейцарского сотрудника Бакунина, Ришар и его кружок произвели крайне неблагоприятное впечатление. Об этом он подробно рассказывает

зительно так же быстро развивалось движение и в Марселе, где действовали Бастелика, Комб и другие. Начиналось движение и в Руане, где действовал Э. Обри (впрочем, противник анархизма), и в Сент-Этьене и в Крезо и т. д.

Бакунин несколько раз посылал в Лион к Ришару своих людей, в том числе и близких к нему русских; с своей стороны Ришар в 1869 году не раз ездил в Женеву, проводя по нескольку дней у Бакунина. В один из таких приездов он между прочим встретил у Бакунина С. Нечаева, о чем Бакунин вспоминает в письме от 7 февраля 1870 года. Во время этих встреч, равно как и в своих письмах, Бакунин старался укрепить своего юного прозелита в анархической вере, но несовсем успешно.

Уже 4 декабря 1868 года, т.-е. вскоре после основания открытого Альянса, Бакунин пишет Ришару письмо, в котором, сообщая ему о быстрых успехах «новой лавочки», рекомендует ему принять меры к организации французского ее отдела, для чего между прочим связаться с парижскими единомышленниками и пригласить их организовать корреспондентское бюро. Судя по некоторым намекам в этом письме, зашифрованном по утерянному «диксионеру Бедуша» и потому не везде поддающемся точному истолкованию, предполагалось основать французский национальный комитет Альянса, а, может быть, он и был основан. В него, вероятно, входили Ришар и Бедуш; относительно других (Г. Блан, Паликс, Алерини, Бастелика) можно только догадываться. Между прочим, как видно из письма, Ришар уверил Бакунина, что ему удалось сразу привлечь в Альянс 30 человек (повидимому, в одном Лионе). Бакунин предостерегает Ришара против бланкистов и против Генерального Совета, организационные принципы которых, построенные на началах централизации и диктатуры, решительно противоречат единоспасительным принципам Альянса, и убеждает его строго придерживаться устава, ибо «небольшой капитал, хорошо организованный, стоит больше, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо применяемый», а ведь «мы не богаты, — поясняет Бакунин, намекая на борьбу с Генеральным Советом, — и, только об'единяясь и правильно используя наши средства и взаимное содействие, мы сумеем создать капитал,

---

в своей истории Интернационала (т. I, стр. 244—245) при описании поездки в Лион, которую он совершил в сентябре 1869 года вместе с испанцем Сентиньоном. По его словам, он тогда же решил, что если в Лионе и вспыхнет когда-либо революционное восстание, то при таких руководителях, как Ришар и К°, оно заранее обречено на жалкое фиаско. В этом отношении Гильом оказался пророком.

способный конкурировать с об'единенными капиталами наших противников» [1].

Повидимому, Ришар и его товарищи не сразу разобрались в целях Альянса и готовы были работать вместе с бланкистами и интернационалистами, не принадлежавшими к Альянсу. Это видно из того, что во втором письме от 11 декабря 1868 года Бакунин снова возвращается к этой теме и горячо убеждает Ришара в невозможности «одновременно принадлежать к двум различным торговым предприятиям, которым несомненно придется конкурировать друг с другом». В конце концов ему удалось победить колебания Ришара, и в письме от 22 декабря 1868 года он уже признает Ришара «другом и братом, на которого может вполне полагаться и расчитывать», так как «согласие между ними полное» [2]. В этом письме он раз'ясняет своим лионским последователям, что альянсисты не должны выступать из Интернационала, «так как Интернационал... представляет ту базу, на которой единственно мы можем и должны строить».

В письме от 29 июня 1869 года Бакунин сообщает Ришару о высылке членских билетов Альянса [3], а также о разосланном им отделам Альянса в разных странах («решительно всем нашим друзьям повсюду») приглашении озаботиться многочисленными делегациями на Базельский конгресс, где он собирался дать первый открытый бой Генеральному Совету. «Постарайтесь, — пишет он, — прибыть в большом числе, так как немцы сильно хлопочут, и я боюсь, чтобы они не привнесли много доктринерства и буржуазного социализма на Базельский конгресс».

В цитированном выше письме от 1 апреля 1870 года Бакунин сообщает Ришару о борьбе Альянса с сторонниками Генерального Совета в Швейцарии и намечает программу будущего международного конгресса. Признавая необходимым дать Генеральному Совету бой по всей линии и заранее учитывая победу («на нашей стороне будут испанцы, бель-

---

[1] В целях конспирации этой переписке придан был вид коммерческой корреспонденции торговой фирмы с ее агентом, хотя темперамент Бакунина не позволял ему долго выдерживать эту примитивную конспирацию.

[2] Скоро после этого Бакунин переходит с Ришаром на «ты».

[3] Так как в это время открытый международный Альянс об'явлен был уже распущенным, то могли рассылаться только членские книжки или тайного Альянса (если таковые существовали, что нам неизвестно), или женевской секции Альянса. Последнее предположение более вероятно, но оно лишний раз доказывает, что эта якобы невинная «местная» секция фактически продолжала играть роль формально распущенного открытого м е ж д у н а р о д н о г о Альянса. Как мы видели выше, эти же членские книжки рассылалиєь и испанскими альянсистам (надо полагать, и итальянским).

гийцы, итальянцы, горные секции Швейцарии и, надеюсь, большинство французов»), Бакунин советует Лионской секции, силу и влияние которой он явно преувеличивал, предложить «Лондону», т.-е. Генеральному Совету, включить в порядок дня конгресса вопросы о конечной цели движения, которые он формулирует в духе анархии.

Письма Бакунина к Ришару, — единственный памятник корреспонденции Бакунина с единомышленником, дошедший до нас полностью и, по крайней мере, до сих пор единственно ставший общедоступным [1], — лишний раз показывают, что истинным направляющим духом международной кампании против Генерального Совета, начавшейся уже с конца 1868 года, был именно Бакунин собственной персоной. Он был родоначальником, создателем и руководителем Альянса, ему принадлежала инициатива всей кампании и ее отдельных проявлений [2], от него исходили директивы, к нему стекались сведения, у него и им вырабатывались планы этой кампании и т. д. Отсюда в частности видно, сколько правды в утверждениях анархистов насчет того, что в ходе внутренней борьбы в Интернационале Бакунину принадлежала страдательная роль обороняющегося, а не инициативная роль зачинщика и нападающей стороны.

Мы не будем повторять в этой главе того, что нам приходилось уже выше говорить о деятельности Бакунина в Лионе. Скажем лишь, что, когда после неудачи движения 28 сентября 1870 года (см. часть I этого тома, гл. III, § 1) Бакунин уехал из этого города, Ришар остался в Лионе. На него эта неудача произвела еще более угнетающее впечатление, чем на Бакунина, ибо, в отличие от старого бунтаря, у его молодого сторонника за душой не было почти ничего. С этого момента начинаются те шатания и падения жалкого, неустойчивого человека, которые через год с небольшим привели его к переходу в бонапартистский лагерь.

Через несколько дней после вспышки 28 сентября Ришар выпустил воззвание к народу, в котором старался представить это движение как чисто патриотическое, хотя и с некоторым демократическим налетом. О бакунинской «социальной ликвидации» там, разумеется, не было сказано ни слова. Напротив, Ришар уверял, что выступление имело целью

---

[1] Возможно, что в распоряжении Неттлау имеется вся переписка Бакунина с Гамбуцци, но до сих пор она опубликована лишь в виде кратких извлечений из отдельных писем.

[2] Быть может, за редкими исключениями, когда пущенная в ход машина сама продолжала автоматически действовать (напр., кампания против Генерального Совета в «Эгалите» 1869 года и т. п.).

об'единить всех французских граждан без из'ятия для борьбы с внешним врагом [1].

Мы не будем говорить здесь о других вольтах и заявлениях Ришара, показывающих, что в путаных головах некоторых французских альянсистов анархические призывы Бакунина к всеобщему народному восстанию против пруссаков и против буржуазии превращались в чистонационалистические лозунги единения всех классов «во имя спасения Франции» [2]. Скажем лишь, что уже в декабре 1870 года Ришар отрекся не только от анархизма, но и вообще от революции. Это, впрочем, не помешало ему в течение некоторого времени продолжать революционную работу, хотя и мало заметную. Когда делегаты Парижской Коммуны основали с начала апреля 1871 года в Лионе газету «Cri du peuple Lyonnais» для поддержки дела парижских революционеров, А. Ришар был включен в состав ее сотрудников. Вместе с своим неразлучным спутником Г. Бланом (тем самым, которому адресованы «Письма к французу» Бакунина) Ришар участвовал в мае 1871 года в организации нового комитета под названием «Центральный республиканско-социалистический комитет южной Франции». Правда, программа его была архиумеренная, говорила о сохранении личной собственности, рекомендовала об'единение рабочих, купцов и фабрикантов, словом, носила типичный мелко-буржуазный характер, но она выступала в защиту Коммуны против Версальской реакции и об'ективно являлась по тем временам революционной. 12 мая оба приятеля написали письмо женевскому альянсисту Перрону, в котором сообщали о подготовлении ими «серьезного движения». Но после падения Парижской Коммуны вся эта работа была сорвана, и на этот раз Ришару и Блану пришлось убраться из Франции всерьез и надолго.

Оба героя переехали в Англию, где бедствовали и шатались без дела. В таком плачевном положении больную голову Ришара осенила «гениальная» идея — предложить свои услуги Наполеону III, который в то время был водворен на жительство в Чизльгерсте. Ришар сумел привлечь к своему предприятию Г. Блана, и вдвоем они отправились к бывшему

---

[1] Бакунин был возмущен трусостью людей, подобных А. Ришару, который в письме в газету «Лионский Прогресс» пытался оправдаться перед буржуазным общественным мнением и в этих целях извращал смысл выступления 28 сентября. В наброске письма к А. Эскиросу, опубликованном только после смерти Бакунина, он, осуждая «слабость» Ришара, прибавлял: «Во времена, подобные нашему, нужно более, чем когда либо, иметь мужество говорить правду». Этого-то мужества у Ришара и не было.

[2] Об этом мы подробно говорим во введении к опубликованным нами письмам Бакунина к Ришару («Архив Маркса и Энгельса», № 3).

императору, чтобы предложить ему вернуть его на французский престол в качестве императора... рабочих и крестьян! Последний, спятив так же, как и его новоявленные маршалы, внимательно выслушал их и дал им денег на напечатание составленной в таком духе брошюры. В восторге от своей удачи, оба мушкетера переехали в Брюссель и там выпустили нелепейшую брошюру под заглавием: «Империя и Новая Франция. Обращение народа и молодежи к французской совести, Альбера Ришара и Гаспара Блана». Брошюра, вышедшая в январе 1872 г., кончалась следующими словами:

«Мы, сформировавшие великую армию французского пролетариата,.. мы, самые влиятельные вожди Интернационала во Франции,.. к счастью (?) не были расстреляны, и мы выступаем для того, чтобы перед лицом тщеславных парламентских дельцов, упитанных республиканцев и мнимых демократов всех мастей водрузить знамя, под сенью которого мы сражаемся, и бросить изумленной Европе, на зло всем клеветам, угрозам и нападкам, которые нас ждут, тот клич, который исходит из глубины нашей совести и который вскоре найдет отклик в сердцах всех французов: Да здравствует император!».

Это, можно сказать, был «номер». Говорить о том впечатлении, которое эта брошюра произвела на беглецов Коммуны и бывших сотоварищей ее авторов, не приходится. Негодование, презрение были всеобщими. Женевская «Эгалите» поместила 15 февраля 1872 года резкую статью «Новобранцы павшей Империи», в которой, между прочим, говорилось: «Альбер Ришар был баловнем, пророком Бакунина и К°. Перед этими очевидными фактами грязнейшей измены поймут ли, наконец, легкомысленные и бессознательные последователи Бакунина, что учение о политическом воздержании было просто отвратительным оружием в руках Альберов Ришаров, Гаспаров Бланов и К° для укрощения рабочих, для удержания их от выполнения своего долга и для доведения таким путем до гибели народного дела?».

Бакунина ренегатство Ришара и Блана, вместе с которыми он собирался начать мировую социальную революцию, особенно же Ришара, которого он так приблизил к себе и который был его главным агентом в Лионе, должно было задеть особенно больно. Как он реагировал на переход обоих недавних альянсистов в лагерь императорской реакции, видно из его письма в цюрихскую газету «Tagwacht» от 14 февраля 1872 года:

«Граждане, когда вы недавно сообщили своим читателям об измене, совершенной обоими жалкими перебежчиками, Альбером Ришаром и Гаспаром Бланом, по отношению к лионским секциям Интернационала,

Вы присовокупили, что «Ришар на Базельском конгрессе (выступал с радикальными декламациями и)... был самым ревностным сторонником Бакунина».

«Я не могу оставить без возражения злонамеренную инсинуацию, содержащуюся в этом замечании.

«Прежде всего я должен указать, что у меня нет никаких сторонников по той простой причине, что я никогда не претендовал на роль главы какой-нибудь партии. Вы должны были бы просто сказать, что в Базеле Ришар отстаивал принцип коллективной собственности и отмену права наследования, в защиту которых я также там выступал. Но из этого столь же мало можно заключить о том, что он был моим сторонником, как и о том, что я был его сторонником [1].

«Благодаря своему трусливому поведению Ришар был одним из главных виновников неудачи лионского движения 28 сентября. Я горжусь тем, что принял участие в этом движении на-ряду с такими достойными гражданами, как Паликс, который последнею зимою умер вследствие перенесенных им страданий; как славный гражданин Шарве, который впоследствии был низким образом умерщвлен одним офицером; как граждане Парратон и Шеттель, которые до сих пор томятся в тюрьмах господина Тьера. С тех пор я смотрел на Ришара как на труса и предателя, а мальчишеская выходка, которую он недавно выкинул вместе со своим сотоварищем Гаспаром Бланом, показывает мне, что он сверх того является и глупцом.

«Поздравим себя с тем, что оба эти проходимца перешли на сторону Империи. С своей стороны я желаю только одного: чтобы все ложные братья в Интернационале заняли такую же открытую позицию, как оба упомянутые, и чтобы все двусмысленные суб'екты показали себя в истинном свете» [2].

---

[1] О своей интимной близости к Ришару в 1868—1870 г.г. Бакунин тщательно умалчивает. Как видим, и он не всегда имел мужество говорить правду!

[2] Позже Ришар и Блан перебрались в Италию, где продолжали выпускать аналогичные первой бонапартистской брошюре произведения, в которых старались доказать, что революционный пролетариат должен стремиться к восстановлению Империи, являющейся, дескать, единственной возможной формой революции. Впоследствии Ришар вернулся в ряды французского рабочего движения, возобновившегося с конца 70-х годов XIX века. Здесь он, как и многие другие бывшие бакунисты, получил возможность в новой форме и с другими лозунгами возобновить свою борьбу против старого врага — марксизма. В частности А. Ришар примкнул к «альманистам», так наз. «Социально-революционной рабочей партии», представлявшей чисто-

С разгромом лионских и марсельских выступлений кончилась первая попытка Бакунина пустить глубокие корни во французском рабочем движении. Несколько позже, после поражения Парижской Коммуны, удалось наладить согласованные действия бакунистов с частью французской эмиграции в Швейцарии. Но хотя многие из бывших коммунаров поддерживали борьбу бакунистов против Генерального Совета, только отдельные единицы из них целиком восприняли анархическую программу (напр., Жюль Гэд, Поль Брусс и др.). Большинство же из них оставались бланкистами или эклектиками, об'единявшими в своем мировоззрении обрывки всевозможных социалистических систем (прудонизма, бланкизма и т. д.).

5. В других странах.

а) В Бельгии.

Первая связь Бакунина с бельгийскими социалистами, повидимому, относится к 1866 году (а, может быть, даже к более раннему периоду, ко времени его поездок 1863 — 1864 годов). Нам уже известно, что в 1866 году ему удалось вовлечь в «Интернациональное Братство» Цезаря де-Папа, который уже тогда выдвигался на видное место в рабочем движении Бельгии. Несомненно, что через де-Папа у него установились сношения и с другими бельгийцами, в частности с Гинсом, который на Базельском конгрессе Интернационала выступает уже в качестве человека, солидарного с Бакуниным по основным вопросам, в том числе и по политическому. С Гинсом, который был женат на русской, у Бакунина надолго устанавливаются дружеские отношения и тождество взглядов [1].

Бельгийские социалисты в 60-х годах находились в стадии перехода от мирного мютюэлизма (заимствованного ими как у француза Прудона, так и у бельгийца Колэна) к «левому» прудонизму и вообще к более революционным воззрениям. В общем это были как раз те элементы, из среды которых Бакунин охотно вербовал своих последователей. Левение их происходило под влиянием нарождавшегося тогда в Бельгии массового рабочего движения, которое выражалось в крупных стачках, сопровождавшихся систематическими расстрелами забастов-

---

французскую причудливую смесь элементов оппортунистских, анархистских, синдикалистских и т. п. Но крупной роли он уже не играл, а за последние годы совсем отошел от политики, отказавшись в 1905 году примкнуть к «об'единенной социалистической партии». Умер он в июне 1925 года.

[1] На это указывают Энгельс в своем письме к Куно от 5 июля 1872 года и Маркс в письме к Зорге от 21 июня 1872 года (Переписка Зорге, стр. 66).

щиков. Интернационал начал завоевывать в Бельгии почву, а бельгийская организация Интернационала была одной из самых серьезных, притом опиравшейся на рабочие массы.

В письме к итальянским интернационалистам (Л. Набруцци и другим) от 23 мая 1872 года Бакунин, довольный решениями бельгийцев, направленными против Генерального Совета (см. ниже), в следующих восторженных выражениях характеризует рабочее движение этой страны:

«Из всех интернационалистических организаций Европы, я не боюсь это сказать, Бельгийская федерация является самой умной, самой ревностной, самой активной, самой прочной и во всех отношениях самой почтенной. Второе место после этой федерации занимает Испанская федерация. Но Бельгийская федерация с самого начала является наиболее самостоятельной. Об'ясняется это тем, что в Бельгии существует горсть, самое большее из 15 молодых людей, юных буржуа по воспитанию и происхождению, но целиком отдавшихся делу пролетариата и для этого порвавших все связи, которые по чувствам, привычкам, интересам и тщеславию некогда связывали их с буржуазным обществом. Среди них имеется группа в 6—7 человек, одаренных высоким умом, просвещенным и расширенным чрезвычайно основательной эрудицией, весьма замечательной как по широте охвата и по разносторонности, так и по глубине. При чем все это опирается на великое сердце и на революционную волю и страсть, способные выдержать всякое испытание. Прибавьте к этому рабочее население, столь же серьезное, как и многочисленное. Вы знаете, что в Бельгии процветает и господствует крупная промышленность; а кто говорит: крупная промышленность, говорит: великая нищета. Подобно итальянскому народу, бельгийский народ проникнут федералистическими стремлениями, воспитанными в нем всеми традициями его истории. Таким образом все элементы имелись налицо, а вместе с тем не было недостатка и в уме, знаниях и воле, необходимых для организации этого столь богатого сырого материала. Из всего этого вышла замечательная организация Интернационала в Бельгии, а естественным результатом этого было то, что голос бельгийцев всегда выслушивался с большим уважением на всех наших конгрессах, так как известно было, что все, что они говорят, глубоко обдумано и тем более серьезно, что никогда они не выносили на конгресс каких-либо предложений, не уверившись предварительно, что эти предложения представляют выражение действительных желаний народных масс их страны».

Генеральный Совет вначале тоже придавал бельгийскому движению серьезное значение, и только с конца 1871 года, когда бельгийцы начали

выказывать тяготение к организационным принципам Альянса, это отношение изменилось к худшему. Так, в письме к Больте от 23 ноября 1871 года Маркс иронически отзывается о руководителях бельгийского Интернационала, внимающих мудрости Бакунина, и неуважительно называет их «себялюбивыми, тщеславными и пустыми доктринерами» (Переписка Зорге, стр. 46). А Энгельс в письме к Куно от 5 июля 1872 года прямо ставит крест над бельгийским движением, говоря: «Весь Интернационал там (в Бельгии) одна пустая болтовня, за которой ничего не кроется». Но такой резкий отзыв был дан Энгельсом уже после того, как бельгийцы полностью обнаружили свой тактический поворот к оппозиции и выработали на своем областном с'езде проект уничтожения Генерального Совета (см. ниже).

Работавший в конце 60-х годов в Бельгии французский учитель Поль Робен служил связью между бельгийцами и юрцами. Бельгийский федеральный совет, как мы знаем, хотя и высказался против основания отдельного Альянса, теоретически готов был признать себя солидарным с его программою. Бельгийские социалистические газеты охотно предоставляли свои столбцы для произведений Бакунина и его сторонников, а с другой стороны, бельгийские интернационалисты участвовали в бакунистских газетах других стран. В споре между двумя расколовшимися частями романской федерации бельгийцы склонялись на сторону юрцев, с которыми их сближали общие воззрения. Состоявшийся вскоре после Лашодефонского конгресса с'езд Бельгийской федерации в Антверпене (17—18 апреля 1870 г.) принял резолюции, во многом сходные с резолюциями юрцев. В частности по вопросу о политической борьбе бельгийцы приняли резолюцию, хотя и не вполне выдержанную в духе чистого анархизма, но довольно к нему близкую. Она отвергала участие в буржуазных парламентах, борьбу за всеобщее избирательное право и ошибочную мысль, что с его помощью удастся изменить политический строй, а через него и экономический, и рекомендовала организовать «представительство труда» вне правительства. Сами по себе эти мысли могли быть истолкованы и в коммунистическом духе, но, как показали дальнейшее события, они были выражены скорее в духе анархическом.

Словом, обстоятельства сложились так, что в своей борьбе с Генеральным Советом Бакунин мог с большой долей вероятности рассчитывать на содействие бельгийских интернационалистов, что, впрочем, он и высказал определенно в цитированном выше письме своем к Ришару от 1 апреля 1870 года, т.-е. даже до Антверпенского конгресса.

б) В Германии.

В Германии Бакунину никогда не удавалось пустить глубокие корни и найти благоприятную почву для своего Альянса. Из немцев он сумел привлечь на свою сторону только отдельных лиц, да и то из проживавших в Швейцарии и потому попадавших под его личное влияние. Притом это влияние здесь оказывалось особенно недолговечным. Мы знаем уже, что в Базеле он завербовал было приват-доцента местного университета Янаша, но пользы для Альянса от этого не получилось. Были, несомненно, и другие отдельные знакомства такого рода [1]. Но самой серьезной немецкой связью Бакунина был, несомненно, И.-Ф. Беккер.

И.-Ф. Беккер, сохранивший традиционные привычки и взгляды эпохи германского заговорщичества 30-х и 40-х годов, стоявший близко к Бакунину по темпераменту и, подобно ему, тоже бывший больше человеком «дела», чем «теории», сначала было прельстился организационным планом Альянса, который сводился к направлению революции хорошо спевшейся кучкой профессиональных революционеров [2]. Но согласие их продолжалось недолго. Сначала Беккер искренно верил, что Альянс создан для лучшего развития Интернационала и для придания ему более революционного направления (так, впрочем, думали и сам Бакунин, и его близкие друзья). Он, повидимому, делал в то время попытки к пропаганде идей Альянса в Германии; об этом можно судить по письму Бакунина к А. Ришару от 4 декабря 1868 г., где Бакунин, сообщая ему об успехах Альянса, прибавляет: «Гамбург (= Беккер) с своей стороны работает хорошо. Он ведет организационную работу с большой активностью и повсюду вплоть до того, что распространяет наши образцы и наши программы в Германии». Но когда Беккеру раз'яснили, что Альянс является вернейшим средством дезорганизации

---

[1] Об одном из них мы знаем по письму И.-Ф. Беккера к Зорге от 3—5 мая 1870 г., где сказано: «Обрати на это (т.-е. на раскольнические действия Бакунина в Швейцарии. — *Ю. С.)* внимание... товарища Штарке, который все еще продолжает быть высокого мнения о Бакунине». Р. Штарке уехал в Соед. Штаты после того, как против него было возбуждено в Базеле судебное преследование (Переписка Зорге, стр. 14 и 16).

[2] Ср. то, что говорит о нем по другому поводу Энгельс в письме к Куно от 7 мая 1872 г.: «Старый Беккер еще с давних пор сохранил свои старые понятия об организации, существовавшей еще до 48-го года: маленькие союзы, руководители которых сохраняют между собой более или менее организованную связь для придачи общего направления всей организации; иногда допустима некоторая конспирация и т. п.».

Интернационала, и когда он на деле убедился в этом, его симпатии к Альянсу и к Бакунину сильно охладели. К весне 1870 года Беккер становится решительным противником Бакунина и начинает с ним борьбу. Раскол романской федерации окончательно открыл ему глаза на роль Альянса. И в письме к Зорге от 3—5 мая 1870 г., написанном под свежим впечатлением этого раскола, пылкий Беккер уже не жалеет крепких слов для характеристики своего недавнего приятеля. «Бакунин, — пишет он, — оказавшийся больше эгоистом, чем коммунистом, демагогом, чем демократом, интриганом, чем агитатором, наделал нам много бед и к удовольствию буржуазии расколол романскую секцию Швейцарии на две, друг с другом с большим ожесточением спорящие и почти нисколько (!) друг от друга в своих принципах не отличающиеся, половины. У нас Бакунин закончил навсегда свою политическую карьеру и лишил себя даже возможности выступать публично. И поделом ему! Все, еще во-время делавшиеся мною решительные и веские предостережения разбивались в пух и прах о его горделивое самомнение и упорство». А дальше Беккер заявляет (хотя и с неточными фактическими ссылками), что окончательно он потерял уважение к Бакунину за его поведение в деле Нечаева.

С потерею Беккера Бакунин фактически был отрезан от Германии. Некоторые личные связи, которые он позже завязал с австрийцами Неймаром и Обервиндером, не помогли ему в этом отношении нисколько. Те же любезности, которыми время от времени обменивались с бакунистами лассальянцы, имели своим основанием их общую вражду к марксистам и ни в коем случае не свидетельствовали о том, что в Германии идеи Альянса обрели какую-нибудь почву. Не было более противоположных систем, чем бакунинский анархизм и лассальянство, и в сущности большая часть тех обвинений, которые Бакунин выдвигал против марксизма, направлялись в действительности против идей и выступлений Лассаля, в самом деле заслуживавших резкой критики [1]. И Энгельс в письме к Куно от 24 января 1872 года имел полное право потешаться над заигрыванием лассальянцев, защитников организационной централизации и заядлых государственников, с анархистами и автономистами. Дальше таких дипломатических заигрываний и расшаркиваний дело, впрочем, не пошло, да и не могло пойти.

---

[1] См., например, интересную работу П. Виноградской — «Фердинанд Лассаль», ГИЗ, 1926, где сообщается много фактов, свидетельствующих о глубоком принципиальном различии между марксизмом и лассальянством по всем вопросам теории и практики.

в) В России и Польше.

Если оставить в стороне период «либеральной агитации», о котором мы говорили во втором томе этой работы, и обратиться к периоду Альянса («Интернационального Братства»), то мы увидим, что до встречи с Нечаевым у Бакунина прямых связей в России не было. Вербовку сторонников, как русских, так и поляков, он мог производить только среди эмигрантов. В Италии он привлек в свой тайный Союз кн. З. Оболенскую и В. Мрочковского (Л. Мечников и Ножин в состав этого общества, видимо, не входили). Впоследствии, после переезда в Швейцарию, он привлек туда много новых членов, из которых нам известны поляки А. Трусов, Загорский, В Ланкевич и русские Н. Жуковский [1], Бартенев, Озеров, Жеманов, Элпидин (был ли формальным членом Альянса доктор Якобий, неизвестно). Замечательно, что такие крупные представители русского революционного движения, как А. Серно-Соловьевич и Г. Лопатин, относились к Бакунину враждебно и даже доставляли Генеральному Совету материалы для борьбы с ним.

По поводу отношений Бакунина к Нечаеву и его товарищам мы в третьем томе говорили довольно подробно. Мы знаем, что через Нечаева Бакунин пытался наложить свою печать на тогдашнее движение русской революционной молодежи и создать с его помощью русский отдел Альянса. Попытка эта закончилась неудачей, тем более что сам Нечаев был не анархистом, а бланкистом. Но в июне 1870 года, уже накануне окончательного разрыва с Нечаевым, Бакунин познакомился с М. П. Сажиным (Россом), который скоро стал одним из самых горячих его приверженцев и много помогал ему в деле русской пропаганды.

«В мае 1870 года, — рассказывает Сажин [2], — меня вызвал (из Америки) в Женеву С. Нечаев. Сойтись с ним надолго для совместной работы я не мог. Меня оттолкнули от него и способы, к которым он прибегал в своей деятельности, и характер его работы, в которой было больше бутафории, нежели действительности. Гораздо больший след на всю мою жизнь наложило знакомство с Бакуниным, с которым я встре-

---

[1] Несмотря на то, что Жуковский много работал с Бакуниным, последний относился к нему свысока, считая его человеком неустойчивым (ввиду его личной близости к кружку Утина). Бакунин пользовался Жуковским не столько для русских дел, сколько для интернациональных. Но и здесь он считал его альянсистом «не интимным, а внешним» (письмо к Ришару от 17 апреля 1870 года).

[2] М. П. Сажин — «Воспоминания», М. 1925, стр. 34 и сл.

тился по приезде в Женеву. Здесь я увидел не бутафорию, а действительные организации, которые были у Бакунина среди различных наций. Встреча с ним была для меня решающей в смысле окончательного определения моих взглядов, так как я стал самым ревностным последователем его мировоззрения. Между прочим, при встречах с Бакуниным у меня родилась идея издавать за границей нелегальный журнал, которому предполагалось придать серьезный характер. Предполагалось при посредстве этого журнала связаться с русским обществом и интеллигенцией. Так как у Лаврова могли быть связи с русскими литераторами и вообще прогрессивными деятелями, то было решено и его пригласить для сотрудничества. Бакунин горячо отозвался на мою идею и решил, что Лаврову надо отдать отдел философии. «Пускай он воюет с самим господом богом, — смеясь говорил Бакунин, — с этой задачей он прекрасно справится, а в другие отделы мы его не пустим». Бакунин написал Лаврову письмо, и я повез его к Лаврову в Париж, куда и приехал в самый канун франко-прусской войны» [1].

В этом письме, датированном 15 июля 1870 года, Бакунин, сообщая Лаврову о своем намерении издавать вместе с Огаревым ежемесячный журнал размером в 4 печатных листа, прибавляет, что программа его будет революционно-социалистическая, сдержанная и умеренная по форме, хотя и строго последовательная по содержанию. Резкие слова, громкие фразы и в особенности прокламационный тон из журнала исключаются. Главные пункты программы журнала следующие: 1) Атеизм. Отрицание всякой религии и всякой веры и замена их положительным знанием, живой, здравомыслящей и недоктринерской наукой. 2) Отрицание государственности во всех ее проявлениях и формах, равно как и юридического владельческого и семейного права. Замена их интернациональным устройством, снизу вверх путем вольной федерации, экономически-организованных артелей, общин, округов, областей, провинций и стран на основе коллективного труда и коллективной собственности. Замена юридического права общечеловеческим правом каждого в отдельности и всех вместе на жизнь и целостное человеческое развитие. 3) Соответственно этим принципам беспощадная война с буржуа (т.-е. с привилегированными), с индивидуализмом, но также и с авторитарным коммунизмом Маркса и всей немецкой школы. Война с коллективизмом, насаждаемым сверху вниз с помощью какого-либо революционного комитета, какой-либо централь-

[1] Письмо это в немецком переводе напечатано М. Неттлау в дополнениях к биографии Бакунина (прим. 4025). Разыскать оригинал нам до сих пор, к сожалению, не удалось.

ной или официальной власти. Напротив, признание самостоятельного развития и самоорганизации рабочих масс под влиянием все более и более доступной народу науки, но также под влиянием живой теоретической и практической пропаганды тайных революционных кружков, связанных между собой одинаковой мыслью, одинаковой целью, но по возможности рассеянных по всей стране. 4) Признание национальности не правом и принципом, а естественно-историческим фактом, с которым необходимо считаться. Социально-революционные требования повсюду одни и те же, но формы выражения этих требований у разных народностей будут совершенно различны, ибо они определяются не произвольными и не внесенными извне отдельными лицами или кружками идеалами, а особым положением, связями и исторической подготовкой каждой группы. 5) Так, например, в России и в некоторых других славянских и неславянских странах (в Венгрии, южной Италии, в Испании), которые в ничтожной степени подверглись влиянию западной городской и фабричной цивилизации, социализм деревенский будет преобладать над городским (курсив мой). 6) Признавая вместе со школой Конта, что нельзя насиловать фактов и национальных, историей созданных, положений, необходимо вместе с тем признать право и пользу революционной пропаганды и революционной тайно сговоренной деятельности лиц и кружков на той основе, что последние не падают некоторым образом с неба, а принадлежат к той же действительности, ее вырабатывают и по-своему, хотя и более односторонне, ее образуют, разумеется, при том условии, что эти кружки и лица внимательно, серьезно и без всякого самообольщения изучают ту действительность, на которую они хотят влиять. 7) Рассматривая государство в современной фазе его развития, как окаменелый, неорганический продукт жизненного процесса народов, как механическое отделение живого народного организма; считая, что в настоящее время сила государства является чисто механической, опирающейся только на полицию и армию, необходимо направить все усилия революционных кружков и лиц к разрушению государства посредством организации стихийной силы народа. Таким образом первым условием всякого действительного прогресса в России признается разрушение всероссийской империи.

Далее Бакунин, признавая, что в практических вопросах (например, в вопросе о правительственных реформах, полезность которых Лавров тогда признавал) они расходятся, спешит прибавить, что зато они очень мало или вовсе не расходятся в теории. Ввиду этого, не требуя участия Лаврова в редакции журнала и вместе с тем признавая, что его

столь любимое в России имя придало бы журналу значительный вес, Бакунин просит Лаврова время от времени присылать для журнала теоретические статьи по религии и философии, равно как по экономике, обещая ему, в случае его желания, сохранить его сотрудничество в тайне.

Лавров, который вопреки мнению или, вернее, дипломатическому заявлению Бакунина расходился с ним не только в практических, но и в теоретических вопросах, категорически отказался от участия в задуманном издании [1]. Впрочем, ввиду событий, вызванных франко-прусской войной и на время целиком поглотивших внимание Бакунина, предприятие это вообще не получило практического осуществления.

Совершенно очевидно, что для Бакунина, если он хотел серьезно влиять на развитие русского революционного движения, такой журнал был необходим. Ведь «Народное Дело», как мы знаем, не только ускользнуло из его рук, но и оказалось в руках Утина органом борьбы с бакунизмом в русских и интернациональных вопросах. С другой стороны, разрыв с Нечаевым, собиравшимся издавать свою газету («Община»), также побуждал Бакунина к изданию собственного органа, в котором он мог бы вести борьбу с противниками и проводить идеи Альянса. Что журнал мог бы послужить для него не только орудием идейной пропаганды, но и центром сплочения сочувствующих сил,

---

[1] Сажин в своих «Воспоминаниях» (стр. 40) сообщает, что Лавров ответил Бакунину особым письмом, в котором указывал на невозможность совместной с ним работы ввиду различного их отношения к вопросу о государственности. Рассказав о своей поездке к Бакунину в Локарно (судя по дневнику Бакунина, 9 декабря 1872 г.) по поводу предложения Лаврова бакунистам сотрудничать в журнале «Вперед» (см. ниже) и об отрицательном отношении Бакунина к этому предложению, Сажин продолжает: «Да знаешь ли ты, какое письмо я получил от Лаврова? — говорил мне Бакунин.— Помнишь мое предложение ему об участии в журнале, которое ты отвозил ему в Париж? Ведь Петр Лаврович мне ответил. Отказываясь от участия в журнале, он между прочим высказывает поразительные вещи. По его мнению, государственность вообще начало прогрессивное, и все зависит от того, в какие руки попадет. Даже III Отделение, если и худо, то только потому, что находится в плохих руках». Сажин прибавляет, что он этому не поверил, но Бакунин показал ему письмо, «и факт оказался неоспоримым». Насчет III Отделения мы, впрочем, позволяем себе высказать некоторое сомнение. Не говорил ли Лавров о необходимости и для рабочего государства в первый период организовать свою политическую полицию для защиты от контр-революционных происков? (см., например, его примечания и предисловие к брошюре де-Папа «Общественная служба в будущем обществе», Петр., 1919).

показал ему пример «Народного Дела», вокруг которого сложилась русская секция Интернационала [1].

Секция эта образовалась при содействии Беккера в марте 1870 года и ставила своей задачей идейное и организационное сближение «между западным пролетариатом и славянским рабочим миром». Эта первая о т к р ы т а я (как подчеркивалось ее основателями с явным намеком на Бакунина и Нечаева) русская секция за границей стремилась образовывать в России рабочие союзы согласно программе Интернационала. Секция обратилась к Карлу Марксу с письмом, в котором просила его принять на себя ее представительство в Генеральном Совете и обещала в скором времени сорвать маску с Бакунина, который де ведет одну политику в Европе и другую в России [2].

Об'ясняя решение секции избрать своим представителем К. Маркса, «Народное Дело» (1870 г., № 1) писало: «Его имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Междун. Товар. Рабочих, и он всегда ратовал против того всероссийского и всеславянского земского царизма, которому пели восторженные гимны наши великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции (явный намек на Герцена и Бакунина. — *Ю. С.*). Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал пробуждения русского народа, изучая его социальный быт на его собственном русском языке. Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Генеральном Совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашими на пользу и необходимость водружения интернационального знамени в России».

По этому поводу Маркс писал Энгельсу 24 марта 1870 года: «Прилагаю письмо от р у с с к о й к о л о н и и в Женеве. Мы их приняли, я с о г л а с и л с я на их предложение быть их представителем в Генеральном Совете и послал им короткий ответ (официальный, на-ряду с частным письмом) с разрешением напечатать его в их газете [3]. Курьезное положение для меня — выступать в качестве представителя молодой России. Человек никогда не знает, что с ним приключится, и какое оригинальное соседство ему суждено. В официальном

---

[1] В. Г о р о х о в — «Русская секция Первого Интернационала», М. 1925.

[2] М а р к с — «Письмо к Л. Кугельману», Спб. 1907, стр. 75—76.

[3] Это письмо Маркса было опубликовано в № 1 «Народного Дела» за 1870 год; оно перепечатано у Горохова, стр. 40.

ответе я хвалю Флеровского (речь идет об известной книге Флеровского «Положение рабочего класса в России», 1869. — *Ю. С.)* и подчеркиваю, что главная задача русской секции состоит в работе для Польши (т.-е. в освобождении Европы от своего собственного соседства) [1]. О Бакунине я счел более удобным не сказать ни слова как в официальном, так и в конфиденциальном письме. Чего я, однако, никогда не прощу этим ребятам, так это того, что они превратили меня в «почтенного». Они, очевидно, думают, что мне от 80 до 100 лет» [2].

Хотя Маркс счел более благоразумным в своих ответных письмах не упоминать ни словом о Бакунине, тем не менее ясно было, что в значительной мере эта русская секция была направлена против Бакунина и должна была, в противность ему, организовать русские и славянские социалистические элементы под знаменем Интернационала, тогда как Бакунин стремился сплачивать их под знаменем анархического Альянса. Об этом свидетельствовала и программа русской секции, приглашавшая единомышленников в Польше, Малороссии, австрийских и турецких землях, а также в России образовывать интернационалистические группы, ремесленные союзы, а затем образовать федерацию этих союзов и вступить в Интернационал (в «общий интернациональный Союз всех ремесл и профессий»).

Это обращение к славянам Ралли об'ясняет необходимостью для основателей русской секции считаться с «образом мыслей, тогда охватившем уже всех тех русских, которые проживали в Женеве и из которых большинство были прозелиты Мих. Алекс. (Бакунина)». «Вся часть программы, — уверяет Ралли, — относящаяся к славянским землям, взята была Н. Утиным из программы, написанной рукой Мих. Алекс. (Бакунина) для интернациональной секции русских, проживавших в то время в Женеве [3]; Н. Утин прибавил лишь к написан-

[1] Надо признать, несколько односторонняя задача для русских социалистов, даже если принять во внимание специфический характер тогдашнего момента!

[2] «Briefwechsel», т. IV, стр. 258—259. Маркс несколько иронически относился к своему званию представителя революционной России. Так, письмо свое к Энгельсу от 14 сентября 1870 г. (там же, стр. 337—338) он подписывает «К. М., секретарь для России!», демонстративно подчеркивая последние два слова и сопровождая их восклицательным знаком. Это не значит, чтобы Маркс не придавал огромного значения революционной борьбе в России, а скорее показывает, что он не верил в солидность русской секции, которую представлял.

[3] Что разумеет Ралли под этой «интернациональной секцией русских» в 1869 г., непонятно; возможно, что небольшую группу русских единомышленников Бакунина.

ному слово «ремесленных», тогда как в бакунинском манускрипте этого слова нет. Кроме того в бакунинском манускрипте написано после слов «под императорским гнетом» следующее, почему-то выкинутое Н. Утиным: «Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернских королей»; таким же образом в манускрипте Бакунина вместо заключительных слов «союз всех ремесл и профессий» [1] написано: союз «Международного Общества Рабочих», что более целесообразно».

По рассказу Ралли, Бакунин, ознакомившись с упомянутым выше письмом Маркса к русской секции, написал 17 июля следующее письмо Н. Жуковскому [2].

«Ты, конечно, знаешь, как Н. У[тин] воспользовался нашей программой и моей статьей для своей русской секции; таким образом то, что нам не удавалось осуществить, переделал по-марксистски У[тин] и, надо дать ему справедливость, сделал на этот раз дело большой важности для будущего М.-Н. Общ. Рабочих. Образование русской секции есть великое событие, и если оно пройдет незамеченным, то не потому, что секция состоит из с..., а потому, что нет среди мужчин там никого, который смог бы и сумел использовать это хорошее дело. Существование русских в М.-Н. О. Рабочих потому важно, что реакционные элементы европейских государств будут всегда поддерживать сознательно и бессознательно русское самодержавие. Карл Маркс вполне прав, говоря, что германская реакция и прусское юнкерство могут быть уничтожены только тогда, когда погибнет и наша (гнусная?) деспотия; ему на руку, чтобы капиталист из огня вынул для немцев русский народ, только пока что, брат, а немецкие банкиры всегда поддержат нашего царя, потому что они сознают, что падение русского деспотизма будет вместе с тем и гибелью их самих; прав вполне Карл Маркс относительно панславизма (курсив мой), который всегда был и будет скрытым деспотизмом; русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья-славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде, как этому же способствуют пруссаки в Силезии, а наши поляки в малорусской Галиции. Против этого зла надо

---

[1] Здесь Ралли сам пропускает слова «общий интернациональный».

[2] Ралли — «Михаил Александрович Бакунин», «Мин. Годы», 1908, октябрь, стр. 153—157. — Несовсем только ясно, почему Бакунин лишь в июле собрался писать о письме Маркса, опубликованном в апреле. Приходится допустить, что он получил № 1 «Нар. Дела» за 1870 г. с запозданием. Или же не было повода писать о нем раньше?

бороться социалистам из русских, а еще лучше было бы, если бы могла составиться секция не из одних русских, но и из чехов, поляков, сербов и болгар. Был у меня здесь некий хороший болгарин К. [1], и я говорил с ним по этому поводу, но он уехал и с тех пор ничего о нем не знаю; говорил я много об этом же с маленьким [2], которого ты напрасно хаишь; следовало бы нам вернуться к нашему плану, поговори об этом с Агою [3], а также повлияй на Иоанна-Филиппа [4], пусть он, который нам изменил, за свою измену в нашей буре повлияет на У[тина], тогда хотя что-нибудь выйдет из женевской русской секции. Только веди это как бы от себя, а то попадет на орехи от belle-soeur [5] и курятника Утина».

В тот момент мысль Бакунина не осуществилась. Только весною 1872 года, с прибытием новых эмигрантов из России (Ралли и К°) ему удалось составить русскую секцию, примкнувшую, разумеется, к Альянсу. Вообще же расцвет влияния бакунинских идей в России относится к еще более позднему времени, примерно, к периоду 1874—1879 г.г.

---

[1] Любен Каравелов.
[2] С. Г. Нечаев.
[3] Н. П. Огарев.
[4] Беккер.
[5] Свояченица Жуковского, Ольга Левашова.

Глава вторая.

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ПОХОД ПРОТИВ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА.

1. Лондонская Конференция.

Базельский конгресс постановил, чтобы следующий общий с'езд Интернационала был созван в 1870 году в Париже. Но гонения, открытые бонапартовской полицией на Интернационал, делали выполнение этого решения невозможным. Ввиду этого Генеральный Совет, пользуясь правом, предоставленным ему ст. 4 устава, циркуляром от 12 июля 1870 года назначил местом конгресса Майнц [1].

Одновременно он предложил федерациям перенести резиденцию Генерального Совета из Англии в другую страну; но все федерации высказались за оставление Генерального Совета в Лондоне [2]. Неожиданно вспыхнувшая франко-прусская война сделала невозможным и созыв конгресса в Майнце (как, впрочем, и во всяком другом месте). Правда, бельгийцы предложили созвать на 5 сентября конгресс в Амстердаме, но Маркс решительно воспротивился этой мысли, подозревая, что она входила и в планы Бакунина. Этот конгресс, писал Маркс Энгельсу 3 августа 1870 г., состоял бы преимущественно из орудий Бакунина. В противовес этому плану Маркс предложил опросить все секции, не думают ли они, что при обстоятельствах, исключающих присутствие германских и французских делегатов, следовало бы предоставить Генеральному Совету полномочие отсрочить общий конгресс и созвать его в момент, который он признает удобным. Предложение было Генеральным Советом принято. «Это, — продолжает Маркс, — тем более необходимо, что, как видно из открытого нападения на нас (т.-е. на Генеральный Совет) в последнем

---

[1] Созыв конгресса в Германии, где бакунисты не имели связей, естественно не мог им понравиться. По этому поводу Маркс писал Энгельсу 18 мая 1870 г.: «Перенесение конгресса в Майнц, вчера принятое единогласно, заставит Бакунина попрыгать» («Briefwechsel», т. IV, стр. 290).

[2] «Les prétendues scissions dans l'Internationale», 1872, стр. 4

номере «Solidarité» (по поводу нашего решения по швейцарским делам), Бакунин заблаговременно принял свои меры относительно Амстердамского конгресса. На последнем Базельском конгрессе он бы нас побил без немецкого элемента в Швейцарии» [1].

Только в 1871 году Генеральный Совет счел возможным созвать — да и то не с'езд, а закрытую конференцию в Лондоне. При господствовавшей тогда (после Парижской Коммуны) реакции поступить иначе было невозможно. «Открытый конгресс, — говорит конфиденциальный циркуляр Генерального Совета от 5 марта 1872 г. (брошюра «Les prétendues scissions», стр. 5), — был невозможен и только провалил бы континентальных делегатов в момент, когда Жюль Фавр требовал выдачи эмигрантов в качестве уголовных преступников от всех правительств, даже английского; когда Дюфор вносил в помещичье собрание (Версальское. — *Ю. С.)* законопроект, который ставил Интернационал вне закона и лицемерную подделку которого Малу несколько позже преподнес бельгийцам; когда в Швейцарии один беглец Коммуны был подвергнут предварительному задержанию в ожидании решения федерального правительства по вопросу о его выдаче; когда охота на интернационалистов являлась очевидной основой союза между Бейстом и Бисмарком, союза, пункт которого, направленный против Интернационала, поспешил принять Виктор-Эммануил; когда испанское правительство, целиком отдавшее себя в распоряжение версальских палачей, заставило мадридский федеральный совет искать убежища в Португалии; когда, наконец, первым долгом Интернационала было сплотить свою организацию и поднять перчатку, брошенную правительствами».

Бакунисты впоследствии много писали о подобранном составе конференции и даже о ее незаконности. В них говорила обида за то, что их идейно-организационный центр, горная федерация (Юры) не получила приглашения на конференцию. Правда, косвенно Альянс был все же здесь представлен, во-первых, испанским делегатом А. Лоренцо, во-вторых, альянсистом А. Бастелика, присутствовавшим на ее заседаниях в качестве члена Генерального Совета, и, в-третьих, другим альянсистом — членом Генерального Совета П. Робеном. Но только последний вел себя в достаточной мере оппозиционно и резко, чем вызвал свое исключение из состава Генерального Совета [2]; из первых же двух А. Лоренцо

---

[1] «Briefwechsel», т. IV, стр. 311.

[2] Склочнические донесения П. Робена из Лондона (как во время конференции, так и до нее) доставили бакунистам много материала, который они использовали в своих газетах и в «Записке Юрской Федерации». Он же в частности подсказал им нелепую мысль о «фальсификации» Марксом ста-

вообще был человеком мягким, вдобавок плохо разбиравшимся тогда в делах Интернационала (только впоследствии Бакунин своими личными письмами наставил его «на путь истины»), а Бастелика, которого мы встречали в рассказе о французской ветви Альянса, по приезде в Лондон сильно поддался и поколебался в своих альянсистских убеждениях [1]. Мечта Бакунина о поездке в Лондон Гильома, который должен был там одержать «блестящую победу» над врагами, не осуществилась.

По поводу состава конференции цитированный циркуляр Генерального Совета (стр. 5) говорит: «Все секции, состоявшие в регулярных сношениях с Генеральным Советом [2], были заблаговременно приглашены на конференцию, которая, хотя и не была открытым конгрессом, натолкнулась все-таки на серьезные затруднения. Само собою разумеется, что Франция при тогдашнем своем состоянии не могла избрать делегатов. В Италии единственной организованной секцией была тогда неаполитанская: в момент избрания делегата она была разогнана вооруженной силой. В Австрии и Венгрии наиболее активные члены сидели в тюрьме. В Германии некоторые из наиболее известных членов [3] подверглись преследованию за государственную измену, другие находились в тюрьмах, а денежные средства партии были поглощены необходимостью поддержки их семейств. Американцы, хотя и прислали на конференцию подробную записку о положении Интернационала в их стране, употребили суммы, предназначенные на посылку делегатов, на помощь эмигрантам. Впрочем, все федерации признали неизбежность замены открытого конгресса частной конференцией».

Лондонская конференция, сыгравшая такую роль в истории Интернационала, происходила с 17 по 23 сентября 1871 года. На ней присутствовали делегаты Интернационала, мысль, которую они тогда подхватили, но от которой впоследствии им пришлось с конфузом отказаться (см. Гильом — «L'Internationale», т. II, стр. 205—206).

[1] Вероятно, его и имеет в виду А. Лоренцо, когда в своей книге «El proletariado militante», стр. 319, говорит о «трусливом молчании или, что еще хуже, некоторых робких оправданиях присутствовавшего члена Альянса», подтверждавшего этим подлинность документов, представленных на конференции против Альянса.

[2] Намек на горную федерацию, которая, не считаясь с решением Генерального Совета, не хотела тогда ограничиться званием «Юрской» и претендовала на звание «Романской», вследствие чего Генеральный Совет прекратил с нею сношения.

[3] В. Либкнехт, А. Бебель и другие («Лейпцигский процесс»).

ствовало 23 делегата, из которых 13 были членами Генерального Совета [1].

Из этих 13 членов Генерального Совета было 7 секретарей для непредставленных стран (Маркс для Германии, Энгельс для Италии, Хельс для Англии, Эккариус для Америки, Роша для Голландии, Кон для Дании, Забицкий для Польши); из остальных шести трое (Серрайе, Вайян и Бастелика) представляли одновременно Францию, вернее, Парижскую Коммуну [2], а ирландец Моттерсхид, венгерец Френкель (тоже бывший участник Парижской Коммуны) и швейцарец Юнг представляли Генеральный Совет [3]. Бельгийских делегатов было шесть (де-Пап, Веррейкен, Флюз, Стенс, Кунен и Герман, он же член Генерального Совета); швейцарских — два (Утин и А. Перре, оба противники Бакунина); испанский — один (А. Лоренцо) и один французский, не открывавший своего имени.

Основным вопросом, который тяготел над всеми работами конференции, был вопрос о надвигавшемся расколе Международного Товари-

---

[1] По этому поводу «Записки Юрской Федерации» (стр. 204) замечает: «Эти тринадцать членов Генерального Совета, не имевшие никакого мандата, сами по себе составляли большинство конференции».

[2] Дабы составить серьезное представительство французского рабочего движения в противовес всяким сектантским и дезорганизаторским группировкам (вроде женевской секции «соц.-рев. действия» или лондонской французской секции), Генеральный Совет привлек в свой состав несколько беглецов Коммуны, как из числа интернационалистов (Лонге, Тейс, Серрайе и пр.), так и из числа бланкистов (Вайян, Ранвье, Курно и пр.), которые, в качестве сторонников политической борьбы, поддерживали Генеральный Совет против анархистов.

[3] По поводу упреков, раздавшихся из бакунистского лагеря (в частности в Сонвильерском манифесте, о котором см. дальше), цитированный циркуляр Генерального Совета (стр. 21) замечает: «На всех конгрессах Генеральный Совет имел своих делегатов; на Базельском конгрессе, например, их было шесть. Шестнадцатеро (подписавших Сонвильерский манифест.—*Ю. С.)* заявляют, что «большинство конференции заранее было извращено допущением шести делегатов Генерального Совета с решающим голосом». В действительности же среди делегатов Генерального Совета на конференции французские эмигранты представляли не что иное, как Парижскую Коммуну, тогда как его английские и швейцарские члены могли участвовать в заседаниях лишь в виде исключения, как об этом свидетельствуют протоколы, которые будут представлены ближайшему конгрессу. Один делегат Совета (Герман. — *Ю. С.)* имел мандат от одной национальной федерации (бельгийской. — *Ю. С.)*. Согласно письму, полученному конференцией, мандат другого задержался вследствие появившегося в газетах известия о его смерти. Остается один делегат, так что одни бельгийцы находились к Генеральному Совету в отношении 6 : 1». Это, впрочем, несовсем убедительно.

щества Рабочих. Преследования правительств были не столь опасны для Интернационала, как обострившиеся внутри него раздоры и конфликты противоположных тенденций. Конференция обсуждала целый ряд назревших проблем международного рабочего движения (о международных профсоюзах, женском движении, пропаганде среди сельских рабочих и т. д.), но центр тяжести лежал в выяснившейся необходимости сплотить и укрепить организацию Интернационала и поставить преграду вторжению разлагающих сил. В частности необходимо было дать определенный ответ на разделявший обе фракции вопрос о политической борьбе пролетариата и о роли анархизма.

Этот вопрос получил особенно злободневный характер не столько даже благодаря анархической критике, сколько в связи с поражением Парижской Коммуны, которая была первой попыткою пролетариата овладеть государственной властью, но закончилась разгромом вследствие отсутствия планомерного и сознательного руководства. Опыт Коммуны вопиял о необходимости создания самостоятельной политической партии пролетариата, способной направлять все движение рабочего класса и организовать его силы так, как буржуазные политические партии организуют силы капиталистического класса. Кратковременный опыт Германии, где такая партия незадолго до того создалась, также говорил в пользу постановки этого вопроса на очередь дня. И само собою разумеется, что ввиду растущей анархической пропаганды, овладевавшей одною секциею Интернационала за другой, конференция не могла пройти мимо этого вопроса и должна была дать на него прямой и недвусмысленный ответ.

Она так и поступила. Вопреки утверждениям Бакунина и его последователей, Интернационал уже имел свой взгляд на этот вопрос. Он был высказан и в мотивировочной части устава, где политической борьбе хотя и отводилась подчиненная роль по отношению к основной экономической цели рабочего класса — уничтожению классов и обобществлению производства, но она признавалась средством к достижению этой великой цели. В первом программном документе Интернационала, в знаменитом Учредительном Адресе 1864 года, пролетариату определенно ставилась задача овладеть политической властью для социального преобразования. Наконец, Лозаннский конгресс Интернационала 1867 года недвумысленно признал неразрывность экономического и политического освобождения пролетариата и провозгласил необходимость борьбы за политическое раскрепощение. Опыт, приобретенный с тех пор рабочим классом, способен был только подтвердить правильность выраженных в этих документах мыслей и толкнуть к более четкой их формулировке.

Напомнив о перечисленных нами фактах, резолюция Лондонской конференции, указывая на царящую повсюду реакцию, насильственно подавляющую освободительные стремления рабочего класса и стремящуюся грубою силою увековечить классовое деление общества и политическое господство имущих классов, подчеркивала, что против этой организованной коллективной силы имущих классов пролетариат может бороться как класс, лишь образовав с своей стороны самостоятельную политическую партию, противоставляющую себя всем старым партиям имущих классов. Создание пролетариатом такой политической партии необходимо для обеспечения победы социальной революции и ее конечной цели — уничтожения классов. Об'единение рабочих сил, уже достигнутое в области экономической борьбы, должно также послужить для рабочих масс рычагом в борьбе против политического господства их эксплоататоров. Поэтому в боевой стратегии рабочего класса его экономическое движение и его политическая деятельность неразрывно связаны между собою.

Таков был ответ конференции на политическую оппозицию бакунистов. Вместе с тем ей надлежало сказать свое слово по поводу возбужденных ими организационных разногласий и дезорганизаторских действий альянсистских групп. Конференция дала ответ и на эти вопросы.

Прежде всего введен был некоторый порядок в структуру Интернационала, которая до тех пор отличалась изрядною пестротой и даже произволом. Было постановлено, что название Генерального Совета присваивается лишь Центральному Комитету Международного Товарищества Рабочих. Центральным Комитетам отдельных стран присваивалось наименование федеральных советов (или комитетов). Местные же ветви, секции и группы должны были впредь называться просто ветвями, секциями и группами Интернационала с прибавлением названия местности, в которой протекала их деятельность. Принимать же специфические или сектантские названия вроде позитивистских, мютюэлистских, коммунистических и т. д. или образовывать особые группы под названием «секций пропаганды», ставящие себе какие-то специальные задачи помимо общей цели, преследуемой всеми секциями Интернационала, отныне возбранялось. Совершенно очевидно, что здесь имелись в виду как секции Альянса, так и такие группы, как упомянутые французско-эмигрантские группы в Женеве и Лондоне и т. п. Отныне такая двумысленная игра, как та, которую в течение трех лет вели бакунисты со своей мнимоместной секцией «Альянса Социалистической Демократии» в Женеве, становилась невозможной. Из этого общего правила сделано было, впрочем, исключение для тех стран, где правильная организация Интерна-

ционала встречала препятствие в виде правительственных преследований. Там Интернационалу и его местным группам разрешалось принимать различные наименования, но не дозволялось придавать Интернационалу форму тайных обществ. Это недоверие к тайным обществам несомненно внушено было практикою бакунинского Альянса, работа которого подозревалась многими участниками конференции, но не могла быть в тот момент документально доказана. Здесь мы имеем дело с проявлением той войны, которая с этого момента об'явлена была в Интернационале сектантству. Там, где интернационалисты действительно принуждены были образовывать тайные союзы, как, например, во Франции и в Испании, не направляя их к целям, противным задаче Интернационала, Генеральный Совет против этого не возражал.

Что с вопросом о сектантских группировках связан был вопрос об Альянсе, это само собою разумеется. Многим членам конференции казалось, что этот вопрос, ввиду добровольного роспуска последней открытой группы Альянса (женевской), последовавшего за какой-нибудь месяц до конференции, в сущности, как таковой, уже разрешен жизнью и отпадает. Основываясь на этом факте, приняв далее во внимание изложенное выше постановление о запрещении отдельным группам принимать сектантские наименования, наконец, предоставленное Базельским конгрессом Генеральному Совету право исключать из Интернационала отдельные группы впредь до решения общего конгресса, конференция благодушно признала вопрос об Альянсе исчерпанным. Она в тот момент и не подозревала, что Альянс (тайный) более жив, чем когда-либо, что он мобилизует все свои силы, и что, немедленно вслед за сдачею вопроса о нем в архив, он только и собирается ринуться в бой с небывалой энергией.

Правда, теперь он должен был напялить на себя новую личину и выступить уже не в виде особого общества внутри Интернационала, существующего где-то на его закраинах и в его порах, а в виде собственного анти-авторитарного Интернационала, претендующего даже на представительство всего международного движения, в виде союза национальных федераций, находящихся в оппозиции к Генеральному Совету и имеющих претензию заменить прежний Интернационал или даже рассматривать себя как единственный подлинный Интернационал, как законного преемника старого Международного Товарищества Рабочих [1]. За-

---

[1] Настроенный в общем сочувственно по отношению к юрцам, Луи Эритье по поводу Лондонской конференции замечает: «Все анархические элементы, т.-е. сторонники Бакунина, почувствовали, что оставаться дольше в великом об'единении (т.-е. в Интернационале. — *Ю. С.*) для них невоз-

родыш этого будущего анархического Интернационала незримо присутствовал на конференции в виде неприглашенной горной федерации романской Швейцарии. Вопросом о ней и пришлось заняться конференции, не подозревавшей, какого опасного врага Интернационал имеет в ее лице.

Комитет этой федерации, упорно продолжая именовать себя романским федеральным комитетом, т.-е. игнорируя соответствующее постановление Генерального Совета, предложившего федерации принять какое-либо местное наименование, обратился к Лондонской конференции с письмом, переданным через П. Робена. В этом письме юрцы жаловались на пристрастное отношение к ним Генерального Совета и заранее протестовали против решений, которые конференция вздумает принимать по вопросу о швейцарском расколе в отсутствие одной из заинтересованных сторон; признавая компетентность лишь общего конгресса, юрцы просили конференцию в интересах элементарной справедливости отложить обсуждение этого вопроса до ближайшего нормального конгресса, поручив тем временем Генеральному Совету произвести детальное беспристрастное расследование относительно возникших в романской Швейцарии разногласий.

Конференция отвела соображения юрцев насчет ее некомпетентности, указав на соответствующие статьи устава, согласно которым такие споры в промежутки между с'ездами решает Генеральный Совет, компетенция которого во всяком случае менее широка, чем компетенция конференции. По существу же конференция одобрила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г., по которому законным романским федеральным комитетом признавался женевский, горной же федерации предложено было принять местное наименование. Подчеркивая тяжелые условия, созданные для Интернационала повсеместными правительственными преследованиями, конференция взывала к духу солидарности, который должен более, чем когда-либо, одушевлять трудящихся в таких тяжелых обстоятельствах, и рекомендовала «бравым рабочим» горных секций примкнуть к остальным секциям романской федерации; в случае же невозможности такого об'единения конференция постановила, чтобы федерация горных секций называлась не романской, а юрской. Вместе с тем, ввиду той кампании, которая открыта была бакунистами против Генерального Совета, последнему вменялось в обязан-

---

можно. Поэтому они сейчас же начали стремиться к обеспечению себе отдельного существования, дабы заложить основы для особого Интернационала внутри великого Интернационала» («Die Jura-Federation und Michael Bakunin» в «Berliner Volks-Tribüne» от 19 ноября 1892 года).

ность впредь публично дезавуировать все газеты, которые, подобно прежнему локльскому «Прогрессу» и сменившей его лашодефонской «Солидарности», будут на глазах буржуазной публики обсуждать внутренние вопросы Интернационала.

Пропуская другие постановления конференции, как-то: об основании особого английского федерального комитета, о признании заслуг германских рабочих за их поведение во время войны и испанских товарищей за их преданную работу в пользу Интернационала (увы, конференция не предвидела, какие сюрпризы готовит ей обработанный бакунистами испанский Интернационал), упомянем лишь о двух постановлениях конференции, внесших особенное раздражение в ряды бакунистов. Итак, конференция, во-первых, поручила Генеральному Совету публично отгородиться от заговора Нечаева, который обманным путем узурпировал и эксплоатировал имя Интернационала (на самом деле, как мы знаем, Нечаев выступал от имени придуманного Бакуниным мифического «Европейского революционного комитета», который в России смешивали с Интернационалом), и предложила Утину собрать и опубликовать материалы по делу Нечаева, сообщив рукопись до ее напечатания Генеральному Совету. Во-вторых, конференция предоставила Генеральному Совету право назначить, в зависимости от обстоятельств, время и место ближайшего общего конгресса или заменяющей его конференции.

Все эти постановления были жестоким ударом по Альянсу и по Бакунину в частности. «Конференция, — говорит брошюра об Альянсе (стр. 22—23), — своими тремя резолюциями по вопросам о швейцарском конфликте, о политической деятельности рабочего класса и о публичном дезавуировании Нечаева поразила Альянс в самое сердце. Первая из этих резолюций выражала прямое порицание псевдо-романскому комитету в Лашодефоне и одобряла действия Генерального Совета. Она советовала юрским секциям присоединиться к романской федерации, а в случае невозможности такого об'единения принять наименование юрской федерации. Она заявляла, что если их комитет будет продолжать газетную войну на виду у буржуазной публики, то эти газеты будут дезавуированы Генеральным Советом. Вторая резолюция о политической деятельности рабочего класса полагала конец той смуте, которую Бакунин хотел внести в Интернационал, включив в его программу доктрину об абсолютном воздержании в политической области. Третья резолюция относительно Нечаева прямо угрожала Бакунину... Бакунин был лично заинтересован в сокрытии всех пакостей Альянса на востоке Европы».

Бакунисты почувствовали удар и поспешили на него ответить.

2. Восстание бакунистов против Генерального Совета.

Бакунисты не только не признали себя побежденными после Лондонской конференции, но, напротив, смело подняли брошенную им перчатку и, учитывая благоприятные для себя условия, ринулись открыто в бой против Генерального Совета. Поддержанные многими французскими эмигрантами, в том числе Малоном, Ж. Гэдом, А. Кларисом и т. д. юрцы созвали на 12 ноября с'езд швейцарских секций анархического направления, который должен был провозгласить «анти-авторитарные» принципы и оформить идейно-организационный центр для борьбы по всей линии с Генеральным Советом и поддерживавшими его федерациями и секциями Интернационала.

Особенную энергию развили в этом направлении Д. Гильом, А. Швицгебель и Н. Жуковский, все верные ученики Бакунина. Сам Бакунин не принимал непосредственного участия во всех этих подготовительных шагах по оформлению анти-авторитетного центра. Сидя в Локарно и поглощенный полемикой с Маццини, он, хотя и поддерживал переписку со своими последователями, но зачастую узнавал о предпринятых ими шагах лишь post factum. В это время он сильно страдал от безденежья, и дневник его переполнен краткими, но тем более красноречивыми отметками о полном отсутствии денег, о круглой задолженности у квартирной хозяйки, мясника и пр. Тем не менее, он не терял бодрости и, перебиваясь случайными получками от друзей (Гамбуцци, Швицгебель, Э. Беллерио, студента Сибирякова и т. п.), усиленно работал над пропагандой в Италии, Испании и пр. [1]. В этом отношении чрезвычайно характерно его письмо к Огареву от 14 ноября 1871 года. Вот что он там писал:

«Мой милый старый Ага! Я так долго не писал тебе, потому что положение мое стало из рук вон мерзко, и каждый день становится все хуже, так что я ничего веселого сказать не могу.

«1) Жена потеряла последнего брата. Она и все семейство в отчаянии. Она боится за жизнь матери, отца, сестер, которых страстно любит. Я вожусь с нею весь день и ночь, чтобы хоть несколько ее успокоить, уверяя, что все остальные живы. Мы истратили последние 25 фр., чтобы послать телеграмму в Красноярск к сестре, но до сих пор, вот уже 11-й день, нет ответа. Может, правительство перехватило, а, может быть, случилось новое несчастье. Я дрожу.

---

[1] В это время Бакунин через местных друзей начал хлопотать о приобретении швейцарского гражданства, чтобы избавиться от придирок полиции.

«2) Прибавь к этой лихорадке не только совершенное безденежье и всеобщее погружение в долгах, но и несносные приставания хозяйки дома, епициера [1] и мясника. Последние два отказались давать провиант, так что мы вот уже второй день как перестали есть мясо, и скоро останемся без свечей и без дров. А денег взять неоткуда. Может быть, пришлют что-нибудь сестры Антоси, если правительство не перехватит. Пожалуйста, не говори об этом никому, чтобы Женева не заболтала, не то ведь последняя надежда лопнет.

«До сих пор я надеялся, что братья пришлют, и еслиб не твои милые protégé, M-me Herzen и прелестный пасынок ее, мне не нагадили, то без сомнения прислали бы, потому что Л[угинин] взялся за дело горячо. Но они нагадили. Кому угодно отрицать это, а я знаю [2]. Ну, да чорт с ними!

«3) Несмотря на все это, я по силам продолжаю делать свое дело, — веду в Италии отчаянную и победоносную борьбу со всеми мацциницстами и идеалистами. Ты находишь, что все это не нужно. Ну, в этом отношении, как и во многих других, мы с тобой несогласны. И тут также Герцены старались подгадить мне. Прислали Маццини перевод пасквиля Александра Ивановича против меня в посмертных сочинениях [3]. Напечатали в «Unitá Italiana». Все напрасно. Я даже не почел нужным отвечать. Пусть себе собаки лают.

«Вот, милый друг, моя жизнь. Ты поймешь теперь, что нет большой охоты писать. Доживаю свой век в борьбе, но и буду бороться, пока сил станет» [4].

---

[1] Бакалейщик.

[2] Решительно непонятно, чем могли Герцены (Н. А. Тучкова и А. А. Герцен) нагадить Бакунину у его родных.

[3] Речь идет о статье «М. Бакунин и польское дело», впервые опубликованной в сборнике посмертных сочинений А. И. Герцена, выпущенном его наследниками в Женеве в 1870 году.

[4] Дальше сообщается о приезде В. Зайцева, известного публициста «Русского Слова», который близко сошелся с Бакуниным и одно время разделял его взгляды. В. Зайцев (1843—1882), один из крупнейших литературных выразителей «нигилизма» в русской публицистике, сотрудник Д. Писарева, был арестован в 1866 году в связи с Каракозовским делом, в 1869 году выехал за границу, в 1870 году переехал из Парижа в Женеву, где примкнул к бакунистам; в 1871 году переехал в Турин, где содействовал основанию секции Интернационала, а в ноябре приехал в Локарно, чтобы познакомиться с Бакуниным. Прожив некоторое время снова в Женеве, Зайцев осенью 1872 года переехал в Локарно, где поселился вместе с Бакуниным. Здесь он писал под диктовку Бакунина его мемуары. В 1873 году Зайцев уехал в Ментону (французская Ривьера), где прожил до 1881 года. Умер

Но Бакунину и не нужно было лично брать на себя инициативу протеста против действий Лондонской конференции и Генерального Совета. Толчка, данного Альянсом, и принципов, преподанных Бакуниным своим последователям, было вполне достаточно для произведения того эффекта, который и получился от попытки Лондонской конференции положить конец разлагавшей Интернационал пропаганде и деятельности альянсистов и сочувствовавших им элементов.

12 ноября 1871 года открылся в швейцарском городке Сонвилье с'езд горных секций. Этому местному собранию представителей крошечных группок суждено было сыграть роковую роль в истории Международного Товарищества Рабочих не в силу выставленных им принципов, а вследствие ослабления Интернационала, и без того близившегося к своему концу и уже переставшему в старой форме удовлетворять новым нуждам рабочего движения. Предстоявшая историческая полоса заполнена была созданием национальных политических партий, которые должны были составить базу грядущего Интернационала. Старый же Интернационал, представлявший слабое, до конца неоформленное об'единение разношерстных групп, не мог противопоставить разрывавшим его центробежным стремлениям достаточно сильного сопротивления.

На Сонвильерском с'езде восемь секций представлены были четырнадцатью делегатами, в том числе Гильомом, Швицгебелем и Шпихигером; кроме того присутствовали представители женевской «секции социально-революционной пропаганды и действия», Н. Жуковский и Жюль Гэд [1]. Все постановления с'езда были направлены против резолюций Лондонской конференции и свидетельствовали о твердом намерении его участников итти до конца, не останавливаясь перед расколом. Прежде всего с'езд признал старую романскую федерацию распущенной, а горные секции — ее законным преемником и дал новой федерации название Юрской Федерации, т.-е. фактически именно то, которое предложила Лондонская конференция [2]. Далее с'езд выработал устав новой федерации, построенный на принципе полной автономии секций и на

в Кларане (Швейцария). Женат он был на Кутузовой, сестра которой была замужем за известным итальянским революционером К. Кафиеро. См. *М. З.* — «В. А. Зайцев за границей (по его письмам и воспоминаниям его жены)», «Мин. Годы», 1908, ноябрь.

[1] Будущий проповедник революционного коммунизма и основатель марксистской «Рабочей Партии» во Франции был в то время ярым анархистом и проповедником политического воздержания.

[2] С 15 февраля 1872 года начал выходить под редакцией Д. Гильома «Бюллетень Юрской Федерации», который надолго (до 1878 года) сделался центральным органом анархической части Интернационала.

лишении федерального комитета какой-либо власти. Но главным результатом работ с'езда было его пресловутое «Циркулярное обращение ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих», вошедшее в историю под именем «Сонвильерского циркуляра». В этом документе, верно излагавшем бакунинскую точку зрения на смысл внутренней борьбы в Интернационале, юрцы приглашали все федерации Интернационала присоединиться к их требованию скорейшего созыва общего конгресса, долженствующего наметить новые принципы организации, и фактически присваивали себе функции нового международного центра, возглавляющего всю разношерстную оппозицию против Генерального Совета.

Прежде всего циркуляр протестует против власти Генерального Совета. При создании его, говорят авторы циркуляра, ему имелось в виду предоставить исключительно функции центрального корреспондентского бюро, но отнюдь не функции власти, что было бы, впрочем, противно самой сущности Интернационала, который является не чем иным, как колоссальным протестом против власти. Слепое доверие к Генеральному Совету, состав которого утверждался на с'ездах без обсуждения, побудило Базельский конгресс облечь его опасной властью [1]. В силу рокового закона, тысячекратно подтвержденного опытом, власть развращает своих носителей. Генеральный Совет не избег этой фатальной участи. Группа людей, привыкших рассматривать полученные ими мандаты членов Генерального Совета как постоянные, начали смотреть на себя как на руководителей Интернационала и выступать от его имени. Превратившись в своего рода правительство, эти люди пытались навязать Интернационалу свою личную доктрину в качестве официальной, рассматривая все другие несогласные с нею мысли как ересь [2]. Таким путем мало-по-малу

---

[1] Как мы знаем, Бакунин и его друзья тоже голосовали в Базеле за эти «административные постановления».

[2] Явный намек на Маркса. Здесь, в официальном документе, эта мысль, встречаемая во всех письмах Бакунина, посвященных этому вопросу, выражена в приличной форме. Но не всегда она выражалась так. Например, в газете «La Révolution Sociale», основанной коммунаром А. Кларисом, при сотрудничестве Артура Арну, Разуа и др., г-жа Андре Лео, сожительница Малона, позволяла себе вести совершенно неприличную агитацию против Генерального Совета и в частности против Маркса и его друзей, которых она сопоставляла с императором Вильгельмом I и его «железным канцлером» и называла «германско-бисмарковскими» головами. Гильом уверяет, что он тогда упрекал легкомысленную романистку за эти выходки. Но если это и так, то не мешает припомнить, что насчет марксовского «пангерманизма»

сложилась новая ортодоксия, центром которой стал Лондон, а представителями — члены Генерального Совета; что касается корреспондентов Генерального Совета для отдельных стран, то они, вместо выполнения своей прямой задачи, сделались апостолами этой ортодоксальной доктрины и стали служить интересам секты[1] в ущерб общим интересам Интернационала. Естественным результатом такой политики было появление оппозиции, которую Генеральный Совет попытался сломить. Тогда (!) началась внутренняя борьба, а в связи с нею возникли и личные дрязги, пущены были в ход недобросовестные приемы, клевета; словом, внутри Товарищества началась открытая война.

В течение двух лет, протекших со времени Базельского конгресса, Генеральный Совет был предоставлен самому себе. Франко-прусская война послужила мотивом к несозыву очередного общего конгресса 1870 года. А в 1871 году вместо конгресса Генеральный Совет, вопреки смыслу устава, созвал тайную (!) конференцию, и притом неполную, ибо многие секции, в том числе и юрские, приглашения не получили. Тем не менее, эта подтасованная конференция позволила себе принять ряд постановлений, грубо нарушающих общий устав и «направленных к превращению Интернационала, свободной федерации автономных секций», в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, отданных в полную власть Генерального Совета, который может по своему усмотрению отказывать им в приеме или приостанавливать их деятельность. А для увенчания здания конференция предоставила Генеральному Совету право самому определить время и место ближайшего конгресса или заменяющей его конференции, иначе говоря, ему дана возможность совсем прекратить созыв общих с'ездов, заменяя их тайными конференциями по образцу Лондонской.

С таким положением вещей нельзя примириться. «Мы не заподозриваем намерений Генерального Совета. Составляющие его личности оказались жертвами роковой необходимости: по убеждению и для торжества своей личной доктрины они хотели ввести в Интернационал принцип власти (авторитета); обстоятельства, казалось, благоприятствовали этому стремлению, и нам представляется совершенно естественным, что эта школа, идеалом которой является з а в о е в а н и е п о л и т и ч е с к о й

и «бисмаркианства» прохаживался также сам Бакунин (а впоследствии и сам Гильом, который в 1915 году выпустил в Париже книжку «Карл Маркс — пангерманист»). С пятого номера «La Révolution Sociale» сделалась органом Юрской федерации.

[1] Это месть за войну, об'явленную Лондонской конференцией с е к т а н т с т в у в рядах Интернационала!

власти рабочим классом, пришла к той мысли, что в результате последних событий Интернационалу надлежит изменить свою первоначальную организацию и превратиться в иерархическую организацию, руководимую и управляемую Комитетом.

«Но если мы можем об'яснить себе эти стремления и эти факты, мы тем не менее считаем своим долгом бороться с ними во имя той социальной революции, к которой мы стремимся, и программа которой заключается в «освобождении рабочих самими рабочими» помимо всякой направляющей власти, хотя бы эта власть была избрана и признана рабочими.

«Мы требуем сохранения в Интернационале того принципа автономии секций, который до сих пор был основою нашего Товарищества; мы требуем, чтобы Генеральный Совет, права которого были извращены административными постановлениями Базельского конгресса, вернулся к своей нормальной роли простого корреспондентско-статистического бюро; а то единство, к которому ныне стремятся путем централизации и диктатуры, мы хотим осуществить посредством вольной федерации автономных групп.

«Будущее общество должно быть не чем иным, как обобщением той организации, которую даст себе Интернационал. Поэтому мы должны озаботиться тем, чтобы по возможности приблизить эту организацию к нашему идеалу. Может ли из авторитарной организации выйти построенное на равенстве и свободное общество? Это невозможно. Интернационал, этот зародыш будущего человеческого общества, обязан уже в настоящее время быть верным отражением наших принципов свободы и федерации и извергнуть из своих недр всякий принцип, стремящийся к власти, к диктатуре» [1].

---

[1] Курьезно, что юрцы (да и только ли юрцы!), столь строго осуждая «доктрину немецких коммунистов», не имели понятия не только о содержании сочинений критикуемого ими Маркса, но даже о заглавиях его работ. В этом сознается сам Гильом, — правда, стремящийся таким образом преуменьшить влияние марксизма в Интернационале, но при этом, подобно унтер-офицерской вдове, секущий самого себя. По поводу того, что он в одной из своих статей в «Бюллетене Юрской федерации» за 1872 год назвал «Манифест Коммунистической Партии» «Манифестом германской коммунистической партии», он в 1907 году во II томе своей истории Интернационала (стр. 303) с обезоруживающей наивностью сообщает: «Как бы невероятным это ни могло показаться тем, кто воображает, что писания марксистской школы прилежно читались членами Интернационала, знаменитый Манифест, составленный в 1847 и опубликованный в 1848 году Марксом и Энгельсом, в то время известен был нам, моим друзьям (кроме Бакунина) и мне, равно как французским рабочим, только по наслышке. Я слышал

Не стоит подвергать критике этот замечательный документ. Это, впрочем, было выполнено в свое время в конфиденциальном циркуляре Генерального Совета «Мнимый раскол в Интернационале» от 5 марта 1872 года. Мы неоднократно цитировали эту брошюру, и читатель уже знает, в чем заключалось основное различие между коммунистической линией Маркса и анархической линией Бакунина, полностью отразившейся в Сонвильерском циркуляре. Единственное, что можно здесь отметить, так это то, что, как правильно указывает брошюра «Les prétendues scissions» (стр. 30 — 32), организационный план юрцев фактически сводился к уничтожению не только Генерального Совета, но и федеральных комитетов и всяких иных «властных» центров, т.-е. к полней-шей дезорганизации Интернационала и обезоружению пролетариата перед лицом прекрасно организованной и вооруженной до зубов буржуазии. Это обезглавление Интернационала и связанное с ним распыление международного рабочего движения могло быть выгодно (кроме буржуазии, разумеется) только тайному обществу вроде Альянса, который при таких условиях не встретил бы никаких помех для осуществления «незримой диктатуры» сотни-другой верных «братьев» [1].

Сонвильерский циркуляр постановлено было напечатать и разослать во все страны, где существовали секции Интернационала. Кроме того с'езд поручил будущему юрскому федеральному Комитету опубликовать «Записку», излагающую весь ход внутреннего конфликта в Интернационале. Это и был знаменитый «Мемуар Юрской Федерации», составлявшийся Гильомом с весны 1872 года и опубликованный лишь в 1873 году, уже после раскола Интернационала.

о нем как о Манифесте германской коммунистической партии и доверчиво повторил это. В действительности документ этот озаглавлен просто «Манифест коммунистической партии» (Manifest der kommunistischen Partei), а эпитета «германской» там нет. Но так как он был написан по-немецки и издан по-немецки, а издания, появившиеся затем на французском (1848), на английском (1850), на русском (1862 [?]) и т. д. представляют переводы, то было довольно естественно (!), что привыкли называть его манифестом германской коммунистической партии». Как не сказать тут: «святая простота!»?

[1] По этому поводу брошюра об Альянсе (стр. 25) замечает: «Мы очень хорошо понимаем, что Альянсу очень хотелось бы помешать рабочему классу дать себе общее руководство, так как об этом уже заранее позаботилось бакунинское провидение, образовав свой Альянс в качестве главного штаба революции».

«Этот циркуляр, — пишет брошюра об Альянсе (стр. 27 — 28), — рассылался тюками повсюду, где Альянс рассчитывал навербовать сторонников и недовольных против Генерального Совета [1]. Результат был почти равен нулю. Испанские альянсисты высказались против созыва конгресса, которого требовал циркуляр, и позволили себе даже послать выговор папе. В Италии единственный человек, Терцаги, временно высказывался за конгресс. В Бельгии, где не имелось известных альянсистов, но где все интернационалистское движение бархаталось в буржуазных разглагольствованиях о политическом воздержании, автономии, свободе, федерации, децентрализации и в духе колокольни, циркуляр добился почетного успеха. Хотя бельгийский федеральный совет воздержался от присоединения к требованию о созыве чрезвычайного общего конгресса, что, впрочем, было бы нелепостью, так как на конференции Бельгия была представлена шестью делегатами, он выработал проект общих статутов, просто-напросто отменявший Генеральный Совет. Когда это предложение обсуждалось на Бельгийском конгрессе, то делегат Лоделенсара заметил, что для рабочих наилучшим критерием служит настроение их хозяев. Глядя только на радость, с которою хозяева встретили мысль об уничтожении Генерального Совета, можно было утверждать, что нельзя «совершить более крупного промаха, чем высказаться за это уничтожение». Таким образом предложение было отвергнуто. В Швейцарии романская федерация энергически протестовала, но во всех других местах циркуляр был просто встречен презрительным молчанием».

К сожалению, дело обстояло не так благополучно, как это изображено в приведенной выдержке. Сонвильерский циркуляр отвечал настроению, если не всего рабочего движения, то его головки в целом ряде стран, как Франция (частью), Испания, Италия, Бельгия и пр. Даже в Англии оппозиция скоро ухватилась за организационные, если не политические, принципы Сонвильерского циркуляра для борьбы с Генеральным Советом.

Собрания в Женеве и Лашодефоне, а также в Цюрихе в ноябре 1871 года высказались за резолюции Лондонской конференции, при чем оппозиция во главе с Малоном и Лефрансе принуждена была уйти из романской федерации и присоединиться к юрской (со своей группой «соц.-рев. пропаганды и действия»). В Испании в первый момент наблюдалось несомненное колебание. Так, Алерини, марсельский альянсист, перебравшийся в Барселону после апрельских событий 1871 года в Мар-

[1] По словам брошюры, циркуляр был разослан также буржуазным радикальным газетам, некоторые из коих, в том числе «La République Française» Гамбетты, дали о нем сочувственный отзыв.

селе (выступление с целью поддержки Парижской Коммуны) и работавший тогда в испанском Интернационале, от имени испанских товарищей писал 14 ноября своему приятелю Бастелика, который тем временем переехал из Лондона в Невшатель: «Открытый разрыв (с Генеральным Советом) нанес бы нашему делу такой удар, от которого оно бы не оправилось, даже если бы пережило его. Поэтому мы ни в каком случае не можем поддерживать сепаратистские стремления... Некоторые из нас задавали себе вопрос, нет ли во всем этом или в стороне от всего этого, на-ряду с принципиальными разногласиями, также личных недоразумений, например, соперничества между нашим другом Мишелем (Бакуниным) и Карлом Марксом, между членами прежнего А[льянса] и Генеральным Советом. Нам крайне неприятно было читать в «La Révolution Sociale» нападки, направленные против Генерального Совета и Карла Маркса». И дальше он сообщает о том, что барселонцы ждут мнения других интернационалистов полуострова.

Но эти колебания испанских интернационалистов продолжались недолго. Скоро они получили раз'яснительные письма Н. Жуковского к Алерини (в ответ на приведенное выше письмо его), а главное, послания Бакунина к Сентиньону и Фарга Пелисеру от 18 декабря. И уже в номере от 31 декабря 1871 года барселонская «Federacion» хотя и не прямо, показала свое сочувствие Сонвильерскому циркуляру, выражая одновременно веру в то, что Генеральный Совет будет действовать в духе справедливости и свободы [1]. А 2 января 1872 года Алерини уже писал Жуковскому, что среди испанских товарищей возобладало желание потребовать от Генерального Совета скорейшего созыва общего конгресса. При этом Алерини приоткрывает завесу, намекая на то, что в таком духе сговорились члены испанского тайного Альянса. А скоро и в Испании начался раскол в рядах интернационалистов, о котором мы скажем дальше.

Об Италии мы говорим в следующем параграфе в связи с деятельностью Бакунина по распространению и популяризации Сонвильерского циркуляра.

Что касается Бельгии, то и здесь дело обстояло в достаточной мере неблагополучно. 24—25 декабря 1871 года состоялся очередной Бельгийский конгресс, который принял по рассматриваемому вопросу резолюцию чрезвычайно двусмысленную, но по существу направленную против Генерального Совета. В этой резолюции бельгийцы называли «клеветой»

---

[1] Мадридская «Emancipacion» опубликовала Сонвильерский циркуляр одновременно с барселонской «Federacion».

утверждение, что Интернационал представляет иерархическую организацию, подчиненную деспотической дисциплине и получающей приказы свыше; напротив, Интернационал, желая действовать против деспотизма и централизации, всегда был лишь вольным об'единением совершенно автономных федераций, а Генеральный Совет не есть и никогда не был чем-либо иным, как простым корреспондентско-осведомительным центром. Далее резолюция приглашала все остальные национальные федерации сделать такие же заявления и признавала, что устав Интернационала, выработанный при самом основании Товарищества и дополнявшийся несколько случайно на отдельных конгрессах, подлежит серьезной переработке. Сообразно с этим с'езд поручил бельгийскому федеральному совету выработать проект нового устава для внесения его на ближайший общий с'езд Интернационала. Таким образом, избегая прямого осуждения Генерального Совета, бельгийцы по существу солидаризировались с юрцами, которые поспешили, разумеется, приветствовать решение брюсельского с'езда. То, что этот с'езд не согласился с требованием Сонвильерского циркуляра относительно немедленного созыва общего конгресса, было второстепенной частностью.

Бельгийский федеральный комитет оригинально отнесся к данному ему поручению. Он выработал проект устава, полностью уничтожавший Генеральный Совет. При этом он рассуждал по-своему довольно логично: Генеральный Совет является бесполезным аппаратом, если рассматривать его как корреспондентско-статистическое бюро, ибо секции и федерации могут сноситься и сносятся прямо между собою, не нуждаясь для этого в посреднике, а статистикой Генеральный Совет серьезно никогда не занимался; но он явился бы аппаратом вредным, если бы вздумал разыгрывать роль властного руководящего учреждения, облеченного правом исключения. Здесь основная идея анархистов доводилась уже до абсурда, и бельгийский с'езд 14 июля 1872 года отклонил этот проект. Но скоро мы узнаем, что итальянцы довели эту разрушительную логику еще до большей последовательности, признав ненужными и общие конгрессы Интернационала.

Спущенная пружина заработала во-всю, неудержимо разлагая Международное Товарищество Рабочих.

3. Бакунин открывает энергичную кампанию.

О постановлениях юрского с'езда Бакунин узнал, вероятно, очень скоро, но печатные экземпляры Сонвильерского циркуляра он получил в Локарно только в конце ноября. Нетрудно представить себе его радость

при ознакомлении с этим документом, так хорошо выражавшим его принципы, и при мысли о том, что открытый бой с Генеральным Советом начался при столь благоприятных для Альянса условиях, а главное, под такими заманчивыми для неразбирающихся людей лозунгами, как свобода, автономия, борьба с деспотизмом и т. д.

В письме к Ансельмо Лоренцо от 10 мая 1872 года Бакунин следующим образом выражается о Сонвильерском циркуляре: «Циркуляр, в составлении которого я не принимал ровно никакого участия, ни прямого, ни даже косвенного, так как я не присутствовал на конгрессе в Сонвилье, но к которому я всецело примкнул, когда прочитал его... Меньше всего замышляя создать новый центр на-ряду с уже существующим в Лондоне, он не имел другой цели, кроме введения последнего в рамки и ограничения его полезною, но весьма скромною задачею Центрального Бюро статистики и сношений. Нужно быть крайне недобросовестным, чтобы обвинять в честолюбии рабочие секции, которые, протестуя против власти центров и об'являя беспощадную войну проклятому принципу авторитета во всех его возможных проявлениях, нападают на самые основы, на которые до сих пор могли опираться все честолюбивые и властолюбивые стремления, как коллективные, так и личные. Юрский циркуляр далеко не остался безрезультатным и достиг своей цели, так как он вызвал во всех странах европейского континента, кроме Германии и нескольких стран, терпящих морально германское иго, ряд манифестаций, столь открыто направленных против диктатуры лондонского Генерального Совета, что последний, получив должное предостережение, ныне клянется на всех перекрестках, что никогда не мечтал выходить из скромных границ, начертанных для него нашими общими статутами».

Не ограничиваясь выражением платонического сочувствия, Бакунин с ему одному свойственным пылом и энергией принялся за распространение циркуляра и за вербовку сочувствующих начатой кампании. Во все концы полетели от него письма, особенно в Италию и Испанию, которые, как он это сознавал, должны были послужить для него опорными базами в начавшейся тяжелой борьбе с Генеральным Советом. Из этих писем до нас дошла ничтожная часть, но как обширна была эта корреспонденция, видно хотя бы из того, что письмо, написанное им по этому поводу Гильому 30 ноября — 2 декабря 1871 г., содержало 46 страниц. [1].

---

[1] Повидимому, оно погибло при сожжении Гильомом большинства своих бумаг во время болезни. Большинство относящихся к этому времени манускриптов Бакунина приводится в III томе у М. Неттлау.

Какую лихорадочную деятельность развил тогда Бакунин, видно отчасти из письма его к Н. Жуковскому от 18 декабря 1871 года (М. Неттлау, стр. 577 и прим. 2667). Бакунин извиняется, что не мог сразу ответить Жуковскому на его письмо, так как был в это время перегружен итальянской работой. Необходимо было написать множество писем во все концы Италии, чтобы «раз'яснить друзьям действительный смысл нашего спора с Лондоном и привлечь полу-друзей и четверть-друзей на нашу сторону». Эту работу он выполнил с возможнейшей обстоятельностью и добросовестностью, наводнив, можно сказать, всю Италию Сонвильерскими циркулярами, понятно через друзей, а не лично. Подчеркивая, что он собственно остается за кулисами и делает все возможное, чтобы о нем даже и не вспоминали, он сообщает, что через друзей посоветовал всем секциям, которые согласны с юрским протестом, действовать следующим образом: 1) заявить о своем присоединении путем прямого ответа комитету Юрской федерации, по адресу Швицгебеля; 2) оповестить все итальянские секции и особенно все рабочие союзы Италии, с приглашением сделать то же самое; 3) сообщить всем более или менее сочувствующим газетам. Таким образом общими усилиями удастся раздуть отменный пожар. Далее Бакунин советует теснее сплотить всех единомышленников. Он берет на себя пересылку итальянских газет в «La Révolution Sociale», так как итальянцы очень чувствительны к сочувственным заметкам в такой газете. Кроме того, он устроил дело так, чтобы кроме писем, которые юрцы и он пишут в Испанию, различные итальянские группы сообщали непосредственно в испанские газеты о своем присоединении к юрскому протесту; и он выражает надежду, что это подействует также на испанцев. В общем же в сочувствии Испании сомневаться не приходится, так как «их программа является нашей программой».

Энергично проводя свою работу, Бакунин благоразумно старался сам оставаться в тени: он слишком хорошо понимал (и цитированное в предыдущем параграфе письмо Алерини к Бастелика способно было в этом отношении навести его на размышление), что выпячивать свою личность в этом споре значило бы только повредить делу и возбудить неприятные разговоры о личных соперничествах и т. п. Но с таким же благоразумием он старался умалчивать в этой агитации и об Альянсе. Он говорил только об Интернационале, болел его болезнями, горевал его горестями, заботился о его процветании и правильном направлении. И нужно сказать, что в обстоятельствах того момента это была самая разумная и целесообразная тактика. Речь велась не о борьбе с Интернационалом, не о разрушении его, а об его исцелении, о предохранении его

от опасных уклонений. Возможно, впрочем, что суб'ективно Бакунин так и смотрел на дело, ибо, как мы знаем, по его концепции Интернационал должен был являться лишь сплочением рабочих на экономической почве без всякой политической окраски, руководство же им должно было принадлежать тайному генеральному штабу, о котором открыто не следовало распространяться (опять-таки в интересах дела).

Следующая выписка из дневника Бакунина показывает, какую оживленную корреспонденцию он вел тогда с итальянцами и испанцами в целях популяризации юрского циркуляра и расширения движения против Генерального Совета.

«9 (декабря 1871 г.): отправил в Милан циркуляр, газеты и другие документы и письма для Лукка (Ч. Черетти) и Лупо (Э. Пескатори); 10: отправил большое письмо с циркулярами Карлу (Гамбуцци), 2 письма для Бурберо (В. Пецца), 1 для Стампа; письмо к Фриша; 11: письмо к Фриша, очень большое; 12: письмо к Фриша; 13: закончил наконец большое письмо к Фриша [1]; получил небольшое письмо от Бурберо; 14: отослал наконец большое письмо к Фриша, в Неаполь, к Беппе (Фанелли) с циркулярами; письмо от Бурберо; написал массу писем; 15: отослал письма к Лукка, Лупо, Палладино, Паррука, Якоби — Паоло [2]; 16: послал письма Маццони (Прато) в Равенну; 18: послал письма Озерову, Жук[овскому], Аге (Огареву), Зайцеву, Камэ [3], Россу (Сажину) и Марко (Пецца); большое письмо Сентиньону и Пелисеру Фарга; 20: послал письма Зайцеву, Россу, Гильому, Бастелика, Терцаги, Паоло. Вечером писал последние письма Адольфу Фохту, Рейхелю, княгине (Оболенской); начал статью против Маццини; 21: статья против Маццини; 22: письмо к Марко, Паоло, письмо от Черретти; приехал Сирилл [4]; статья для «Révolution Sociale»; 25: письмо от Бурберо; 26: утро провел с Сириллом, решили, что завтра он уедет в Милан; написал с Сириллом Бицциони, Марко, Паоло; 27: сегодня утром в 4 часа Сирилл уехал в Милан; я пишу письмо о Генеральном Совете для «Révolution Sociale»; письмо от Стампа; 28: писал статью; Сирилл вернулся, ему удалось сделать, что нужно; письма

---

[1] Если Бакунин писал письмо три дня, то, значит, оно было размером в несколько десятков страниц (листа 2—3 печатных).

[2] Якоби — русский врач, зять Зайцева, старый приятель Бакунина, проживал в то время в Турине. Паоло, по предположению Неттлау, — новый миланский приятель Бакунина, Тессини.

[3] Лионский интернационалист, сторонник Бакунина.

[4] Виктор Сирилл — молодой коммунар, быстро завоевавший доверие Бакунина; через несколько лет был разоблачен как агент полиции.

Бурберо — Паоло, Стампа, Черетти; вечером приготовил письма (Зайцеву, Джемсу, Россу); 30: послал письмо друзьям в Неаполь; хорошее письмо от Якоби; 31: Сирилл уехал в Женеву в 11 часов. Письма от Джемса (Гильома) и Адемара (Швицгебеля). Послал большое письмо Якоби; 1 января 1872 года: после полуночи — письмо редактору «Gazz'[ettino] Rosa», статья; прекрасные письма от Черетти, Набруцци; 2: письмо от Лупо; написал письмо к Марко, Паоло; 3: письма к Марко, Паоло с письмами для Набруцци и Фриша; адрес Паоло; хорошая записка от Марко с письмом от Фриша письмо к Фриша; письмо от Сентиньона; 4: написал и отправил письма к Фриша, прямо направив его в Турин; Карлу (Гамбуцци), Фанелли и Палладино... Вечером писал письма к Бурберо, Бицциони, Лупо, Якоби, завтра отошлю; 5: письмо от Стампа; 6: письмо от Бурберо так себе (cosi-cosi) и от Палладино превосходное; 7: письмо к Палладино; 8: послал большое письмо к Палладино; 12: письма от... Маццони, все хорошие; 13: письма от Черетти и его друзей; 14: письма от Паррука; 18: письма от Кордили (неизвестно кто), Набруцци, Бурберо, Паоло, Фриша; приехал Фанелли».

Верный старый ад'ютант Бакунина, с которым он в свое время положил начало тайному Альянсу, пробыл у него в Локарно до 22 января. Бакунин проводил с ним дни и ночи (как отмечено в дневнике), выработал с ним «план кампании» (повидимому, против Генерального Совета) и послал с ним письма к ряду итальянских друзей, а после его от'езда засел за огромное письмо к Набруцци (Рубиконе).

Эта, вдобавок неполная, выписка дает некоторое представление о той колоссальной энергии, которую изо дня в день развивал в течение нескольких лет Бакунин, к тому времени уже старый (58 лет), больной, подавленный материальной нуждой [1]. Такой пыл, такая пре-

---

[1] Относящийся к этому времени дневник, на-ряду с указаниями на кипучую политическую деятельность, переполнен также указаниями на крайнюю нужду. 6 декабря 1871 года Бакунин получает от Огарева 30 фр., а от Росса чай и табак, затем 150 фр. 10 декабря и 100 фр. 15 декабря; Гамбуцци посылает ему 100 фр. 26 декабря. 5 января 1872 года дневник отмечает: «Нет денег»; 6-го Бакунин занимает 10 фр. (!) у Киеза, местного жителя, дружески к нему относившегося; 7-го 20 фр. у Беллерио, из которых 10 фр. отдает Киезе; 13-го Гамбуцци посылает 40 фр.; 28-го из Сибири получаются 25 руб. (от родных Антонии), из которых Киезе возвращается 40 фр., занятых 30 декабря для Сирилла. В феврале нужда увеличивается; приходится выдать домовладелице вексель на 300 фр. с тем, что если они во-время не будут уплачены, то будет продана с молотка мебель Бакунина. К этому моменту относятся две отчаянные записки Антонии к Огареву от 9 и 18 февраля,

данность делу, такое постоянство и упорство в работе невольно очаровывают и вызывают изумление перед этою силою духа, как бы ни относиться к внутренним недостаткам его работы и к ее об'ективным результатам.

Итальянцам Бакунин писал под псевдонимом Сильвио. Так подписано и его письмо к Лукка, т.-е. Чельсо Черетти, от 15 декабря 1871 года. Оно показывает, к а к Бакунин раз'яснял итальянцам смысл кампании, начатой с'ездом в Сонвилье.

Сообщив о том, что он посылает ему экземпляр юрского циркуляра, Бакунин характеризует его следующим образом: «Это торжественный протест во имя свободы, истинного принципа Интернационала, против догматических и правительственных притязаний лондонского Генерального Совета, вся задача которого, согласно духу и букве наших общих статутов, ограничивается задачами простого центрального статистического и корреспондентского бюро. Интернационал не допускает ни ортодоксальной догмы, ни официальной теории, ни центрального правительства. Он целиком основан на автономии, на самочинном развитии, на свободе мнений и на вольной федерации рабочих обществ, что должно успокоить тех, кто вздумал бы опасаться навязания им каких-либо философских, политических и социалистических взглядов, или постороннего правительства и руководства извне»...

Задачи Интернационала сводятся исключительно к группировке рабочих во имя солидарности во время стачек и революций. «Все остальное должно быть делом свободы».

«Даже резолюции общих конгрессов, — продолжает Бакунин, — не являются обязательными для секций, для которых ничто не является обязательным, кроме этой солидарности. Но всякое нарушение этой солидарности должно рассматриваться, как преступление. Если даже конгрессы не вправе навязывать принятые большинством мнения свободной совести автономных секций, то тем более такое право не может принадлежать тайной конференции, неправильно

напечатанные у Драгоманова на стр. 327—328. В первой из них сказано: «Нужда теснит нас... Нам после этого нельзя будет даже оставаться в Локарно... Мишель не имеет никаких средств, а у меня двое маленьких детей... Вы старый друг Мишеля,... спасите нас от горького стыда описания нашего бедного имущества». Огарев, к сожалению, бессилен был помочь, и во второй записке жена Бакунина примиряется с той мыслью, что им придется познакомиться с настоящею нуждою; на марку для отправки этой записки не было денег. Выручают из беды Росс и Гамбуцци. К весне, с прибытием новых эмигрантов из России, положение Бакунина несколько улучшается.

составленной, произвольно подобранной и произвольно созванной Генеральным Советом в сентябре этого года в Лондоне. Эта неправильная, а потому и неправомочная конференция приняла резолюции, которые, будучи проведены в жизнь, скомпрометировали бы всю будущность Интернационала, превратив его в орудие пангерманской мысли и честолюбия. Заметьте, что французы, испанцы и бельгийцы, оказавшиеся в небольшом числе на этой конференции, большинство которой было составлено из немцев и англичан, подобранных Марксом, протестовали против резолюций этого большинства, облекающих Генеральный Совет диктаторской властью [1]. Французские коммунары, проживающие в эмиграции, как в Лондоне, так и в Женеве, присоединились к нашим друзьям из Юрской федерации, чтобы совместно протестовать против этой диктатуры, угрожающей погубить Интернационал.

«Циркуляр Сонвильерского конгресса об'яснит Вам остальное».

Далее Бакунин просит Черетти переслать один из печатных циркуляров ген. Гарибальди не от его, Бакунина, имени, так как он в данном случае является де простым посредником, а от имени комитета франко-юрской федерации, которая поручила ему доставить Гарибальди этот циркуляр.

Кроме того, он просит Черетти предложить всем романьольским секциям, на которые тот имеет некоторое влияние, публично присоединиться к протесту Сонвильерского конгресса и к его требованию немедленного созыва общего конгресса. Те секции, которые сочтут возможным и нужным примкнуть к нему, должны проявить свое присоединение трояким способом: а) направляя свой ответ непосредственно комитету Юрской федерации по следующему адресу: Швейцария, Бернская Юра, Сонвилье, гр. Адемару Швицгебелю, граверу; б) уведомив о своем присоединении все рабочие общества Италии, входящие в состав Интернационала или сочувствующие ему (Турин, Милан, Флоренция, Ливорно, Неаполь, Рим, Джирдженти), и предлагая им также присоединиться; в) сообщив об этом присоединении всем сочувствующим газе-

---

[1] Это тоже одна из анархических легенд. На самом деле на конференции было: бельгийцев — 6, французов — 4 (в том числе один из Бордо), испанец — 1, швейцарцев (считая Утина и Юнга) — 3, венгерцев — 1, поляк — 1, англичан — 2 (в том числе 1 ирландец), немцев — 4 (даже если причислить к ним об'англичанившегося Эккариуса и представителя Дании, Кона). Представитель Голландии, Роша, тоже был французом. Итак, немцев и англичан было максимум 6 из 23.

там Италии с просьбою опубликовать циркуляр франко-юрского [1] конгресса и их собственное присоединение, начиная с «Romagnolo» (газета, издававшаяся Л. Набруцци).

И, попросив выслать ему по три экземпляра каждого номера тех газет, которые выскажутся в пользу юрцев, Бакунин заключает: «Вы с удовольствием узнаете, что вся (?) социалистическая и революционная Франция с нами; что испанцы единогласно высказались за нас; что бельгийцы склоняются на нашу сторону, что туринские, миланские и неаполитанские группы уже высказались в нашу пользу. Латинский мир таким образом об'единяется, организуется и поднимается во имя свободы против диктатуры лондонских пангерманистов» [2].

Несмотря на довольно глубокие корни, пущенные Бакуниным в Италии, в первое время итальянские интернационалисты колебались подобно испанским. «Gazzettino Rosa» не печатала Сонвильерского циркуляра и не поместила статьи Пецца, написанной в бакунистском духе. Мало того, в номере от 20 декабря она поместила перепечатку статьи из мадридской «Emancipacion», которая, хотя и по своему, выражала согласие с резолюциями Лондонской конференции и заявляла, что Интернационал никогда не отрицал необходимости политической борьбы для пролетариата, хотя и в особой чисто пролетарской форме. На следующий день в той же газете за подписью «Интернационалист», под которой скрывался Карло Кафиеро, в тот момент сторонник Генерального Совета и корреспондент Энгельса, появилась статья «Интернационал», в которой автор, комментируя статью «Эмансипации», говорил: «Письма от Генерального Совета уверяют нас, что эта декларация испанцев полностью совпадает с его собственными взглядами». А 21 декабря в газете «Roma del Popolo» появилось письмо Энгельса от 5 декабря, в котором автор, на-ряду с Маццини, нападал на Бакунина, называя его программу узкой и сектантской.

Это только пришпорило энергию Бакунина. Он не испугался того, что теперь в Италии ему приходилось вести войну на два фронта: против маццинистов и против сторонников Генерального Совета. Твердо надеясь на итальянских альянсистов и на привлекательность для итальянских революционеров выдвинутых им лозунгов, Бакунин, уверенный в конечной победе, смело ринулся в бой.

---

[1] Это выражение Бакунин употребляет потому, что на с'езде в Сонвилье была представлена, а затем вошла в Юрскую федерацию группа «соц.-рев. пропаганды и действия» (впрочем, не чисто французская).

[2] После всего, сказанного нами выше о мировоззрении Бакунина, этот упорно повторяющийся расовый мотив нас удивить не может.

В незаконченном проекте письма в «Gazzettino Rosa», относящемся к концу декабря 1871 и к началу января 1872 года, Бакунин говорит: «Со времени опубликования последнего циркуляра г. Энгельса, секретаря-корреспондента Генерального Совета Международной Ассоциации Рабочих для Италии и для Испании, мое положение в высшей степени осложнилось. До появления этого манифеста, вышедшего из Лондона, мне приходилось бороться только с одним врагом Интернационала: знаменитым итальянским пророком, псевдо-социалистом Джузеппе Маццини... Теперь мое положение осложнилось. Ибо сейчас я должен защищать Интернационал уже не против одного врага, а против двух новых пап, не считая папы старой католической церкви, против двух церквей, против двух абсолютных властей: одной, являющейся плодом божественного откровения, а другой, гораздо более земной, но вдохновляемой доктринерским умом, при чем обе они одинаково враждебны принципу и практике свободы: одна из них — это маццинистская церковь, другая — лондонский Генеральный Совет, новые диктаторские поползновения которого, в случае своей удачи, не преминут убить Интернационал, могущий дышать, жить, развиваться, укрепляться и расти только в обстановке полнейшей свободы».

Бакунин начинает эту борьбу перед единственной публикой, мнением которой он дорожит, перед пролетариатом и демократической, социалистической и революционной молодежью. Сначала он собирается расправиться с Маццини, а затем, рассматривая его обвинения против Интернационала, ответит также и Энгельсу. Впрочем, выполнить этого намерения Бакунину на сей раз не пришлось.

В наброске письма к миланским интернационалистам (возможно к Марко и Паоло, т.-е. Пецца и Тестини) от 23 декабря 1871 года Бакунин с тревогою спрашивает: «Братья, что же такое у Вас происходит? Ваше молчание, сопровождаемое упорным молчанием в «Gazzettino Rosa», меня удивляет, печалит и тревожит. «Gazzettino Rosa» не только не опубликовала нашего циркуляра со статьею Бурберо (Пецца), но как будто готова выступить против нас. Вы наверное читали в номере от 21-го статью «Интернационал», подписанную «Интернационалист». Статья эта, впрочем, весьма замечательна, и я подписал бы ее с величайшим удовольствием за исключением одной фразы, а именно: «В письмах Генерального Совета заявляется, что эта декларация испанцев находится в полном согласии с его собственными взглядами». Как будто бы взгляды Генерального Совета имеют какое-либо догматическое или правительственное значение, что необходимо предполагало бы существование в Интернационале абсо-

лютной и единой догмы и допущение той мысли, что Генеральный Совет является ее официальным и обязательным выразителем, — две вещи, которые мы решительно отрицаем, ибо в таком случае Интернационал был бы уже не свободной федерацией, а авторитарной церковью, Генеральный же Совет чем-то вроде коллективного папы, слова которого, произносимые ex cathedra, имели бы силу закона для всей Ассоциации. Правда, Генеральный Совет вправе иметь какие ему угодно мнения, т.-е. чтобы поставить точки над i, он вправе выступать в качестве глашатая взглядов Маркса; но нужно ясно понять, что эти мнения имеют не больше о ф и ц и а л ь н о й цены, чем взгляды любой секции».

Далее Бакунин истолковывает как статью «Эмансипации», так и статью «Интернационалиста» в анархическом смысле и заявляет, что согласие Генерального Совета с высказанными в них мыслями является фактически отступлением [1].

В письме к итальянским интернационалистам (из серии «Об'яснительные и оправдательные документы, № 1»), относящемся также к концу 1871 г., Бакунин призывает итальянцев к сопротивлению, наигрывая на расовых мотивах [2]. Надо признаться, что «защищать Интернационал» такими приемами было несколько сильно даже для «беспардонного» бунтаря. Этот документ сильно напоминает ответ Бакунина М. Гессу и даже заимствует из него целые страницы, особенно в области антисемитских выходок. «Генеральному Совету об'явлена война, — начинает Бакунин. — Но не пугайтесь, дорогие друзья, — существование, сила и действительное единство Интернационала от этого не пострадают». Дальше раз'ясняется смысл того, что произошло в Сонвилье. «К нам, — продолжает Бакунин, — уже присоединилось несколько итальянских секций, и мы не сомневаемся также в вашем присоединении. Одним словом, весь латинский мир с нами. Английские и американские рабочие слишком проникнуты чувством независимо-

---

[1] В незаконченной рукописи «Италия и Генеральный Совет» (предназначавшейся для газеты «La Révolution Sociale» и составленной в конце декабря 1871 г.), которую мы уже цитировали в III томе, Бакунин по этому поводу пишет: «Но было бы только очень интересно знать, какое впечатление эта неожиданная уступка произведет на социал-демократов Германии и немецкой Швейцарии, а также на интернационалистов из числа женевских граждан и членов женевской центральной секции, которая явно превратила Интернационал в политическое орудие буржуазного радикализма в Женеве».

[2] Н е т т л а у (литографированная биография Бакунина), стр. 580 и прим. 2599.

сти и слишком привыкли к самостоятельному действию и жизни, чтобы обращать внимание или даже просто замечать бисмарковские притязания Генерального Совета, который не смеет даже об'явить им о них. Только тевтонский мир в собственном смысле подчиняется им с тою страстью к дисциплине и к добровольному рабству, которая теперь столь для него характерна».

Далее Бакунин говорит о «пангерманизме», который стремится де овладеть Интернационалом. Ему «мы должны противопоставить союз латинской и славянской расы». Энгельс, в качестве секретаря Генерального Совета для Италии и Испании, Маркс в качестве секретаря для России, Эккариус в качестве секретаря для Америки — все немцы, «что просто-напросто смешно». А в качестве секретаря для Франции взят Серрайе, «это ничтожество», добровольно подчинившееся «диктатуре немецкого еврея».

До сентября 1871 года деятельность Генерального Совета в интернациональном смысле была ничтожной. Он даже не выпускал регулярно своих циркуляров. Об'ясняется это, с одной стороны, его бедностью, а с другой — самостоятельностью французских, бельгийских и швейцарских (романских) секций. Но с Базельского конгресса, на котором впервые были сильно представлены немцы, дело меняется. А тут выступает на сцену и «еврейский антураж Маркса», который, в свою очередь, по существу солидарен с Ротшильдом (следует развитие этой гениальной мысли, отмеченной нами при характеристике мировоззрения Бакунина и изложенной здесь, в послании к интернационалистам, рабочим и революционной молодежи, в тех же выражениях, как и в «Исповедании веры русского демократа-социалиста»). С весны 1868 года германские социал-демократы начинают привлекать на свою сторону и «австрийских евреев», и совместными силами они принимаются «магнетизировать, увещевать, натаскивать австрийских рабочих», которые до того склонялись к «интернационалистическим», т.-е. анархическим, мыслям. Потерпев «поражение» в Базеле, Генеральный Совет пускает в ход интриги и клевету, выдвигая для сего Гесса, Боркгейма, Утина. А затем происходит Лондонская конференция. «Все те, кто хочет свободы, — заключает Бакунин, — все те, кто хочет самочинных коллективных выступлений пролетариата, а не интриг и правительства честолюбивых личностей, будут с нами» [1].

---

[1] Около того же времени (что видно и по заглавию «Оправдательные документы, № 2», и по первым словам: «Но пусть это вас ничуть не пугает») была написана знаменитая рукопись «Мои личные отношения с Марксом», которую мы уже не раз цитировали в течение настоящей работы. Эта руко-

Бакунин тревожился напрасно. Уже 29 декабря «Gazzettino Rosa» опубликовала Сонвильерский циркуляр, сопроводив его статьей (возможно, В. Пецца), подписанной «Группа Интернационалистов» и солидаризировавшейся с позициею юрцев. Редакция с своей стороны заявляла о своем присоединении к юрскому циркуляру и приветствовала те итальянские секции, которые уже сделали это. Сверх того юрский циркуляр был опубликован еще четырьмя итальянскими газетами, а именно туринским «Proletario», который редактировался Терцаги (не получившим денег от Генерального Совета, а потому перекинувшимся на сторону его противников), болоньским «Fascio operajo», неаполитанской «Campana», где писали Палладино и Кафиеро (начавший уже склоняться на сторону анархистов), и выходившей в Джирдженти «Eguaglianza», находившейся под влиянием старого альянсиста Фриша. Возможно, что здесь сыграл известную роль Фанелли, незадолго до того лично посетивший Бакунина в Локарно и совместно с ним выработавший план кампании.

Производя такое усиленное давление на Италию, Бакунин, разумеется, не оставлял без внимания и другую «латинскую» страну, где Альянс пустил прочные корни, а именно Испанию. Первые колебания испанцев относительно Лондонской конференции недолго продолжались, когда в дело вмешался сам Бакунин и через своих преданных альянсистов повел агитацию против Генерального Совета и в пользу юрцев. Календарь его показывает, что здесь он проявил не меньше настойчивости и энергии, чем в Италии.

18 и 19 декабря он написал большое письмо Сентиньону и Фарга Пелисеру, на которых он смотрел тогда как на своих главных агентов в Испании, хотя Сентиньон к тому моменту от политики уже начал отходить (что Бакунину было, видимо, неизвестно). Но таких, как эти двое, убеждать не приходилось: им нужно было только давать инструкции. Необходимо было действовать на нерешительных. И вот мы видим, что 12 февраля 1872 года Бакунин пишет ряд писем испанцам, при чем на сей раз к Сентиньону и Фарга Пелисеру прибавляются

пись (в немецком переводе) теперь опубликована М. Неттлау в третьем томе «Gesammelte Werke» М. Бакунина, Берлин, 1924, стр. 204—216. Возможно, что этот, оставшийся незаконченным, документ должен был войти в виде приложения к «Исповеданию веры» или ко второму выпуску «Политической теологии Маццини», который, впрочем, тоже не увидал света. Такой же характер носит и другая незаконченная рукопись (повидимому, второй проект статьи в «Révolution Sociale»), датированная 7 января 1872 года и незаметно переходящая в книгу о Маццини.

Сориано и Алерини, о колебаниях которого мы говорили выше. 24-го приходит ответ от Сентиньона, 26-го от Алерини, а 27 февраля и 31 марта—1 апреля следуют новые письма к Алерини, при чем последнее — большое. 5 апреля Бакунин пишет письмо к испанцам, 6-го он продолжает его и составляет шифр для Алерини (которого, повидимому, окончательно завербовал), а 7-го отсылает это письмо Алерини со словарем, шифром и письмом к Франциску Мора — с тем самым знаменитым письмом, которое затем попало в руки Генерального Совета и было впоследствии, в качестве уличающего документа, опубликовано в брошюре об Альянсе (мы его цитировали уже несколько раз). 27 апреля следует новое письмо к испанским альянсистам; с 3 по 6 мая пишется шифрованное письмо к Алерини, и начинается письмо к А. Лоренцо, которое продолжается до 10 мая; 12-го Бакунин приступает к новому расширенному варианту письма к Лоренцо и пишет его до 15 мая. 18 и 19 мая он пишет большое письмо к Мораго (впервые названному в дневнике); 28-го от Алерини, окончательно завоеванного, приходит «прекрасное большое письмо», которое прочитывается совместно с К. Кафиеро, тем временем успевшим сделаться ярым приверженцем Бакунина [1]. 29-го и 30-го он вместе с Кафиеро составляет ответ Алерини; 31-го ему же отправляется «длиннейшее» письмо (возможно, то же самое), а также два письма, из них одно большое, двум другим неизвестным испанцам Адриану и Оскару. С 2 по 7 июня Бакунин пишет и 8-го отправляет через Алерини огромное письмо Мораго; 7-го же он пишет Фонтана в Лиссабон; 9-го и 10-го — Фарга Пелисеру; 12-го и 13-го пишет Алерини относительно циркуляра Генерального Совета от 5 марта 1872 г. («Les prétendues scissions») и по поводу т а й н о г о о б щ е с т в а [2]; 12-го — письмо Гильому, которое отсылается вместе с письмом Кафиеро к Энгельсу (против которого Бакунин его решительно восстановил) и с письмом Фарги Пелисера. 17-го через Алерини посылается коллективное послание к и с п а н с к и м а л ь я н с и с т а м против циркуляра Генерального Совета, составленное в сотрудничестве с Фанелли и Кафиеро, находившимися

---

[1] Письма испанцев (Алерини, Сентиньона, Фарги Пелисера) Бакунин пересылает для моральной и организационной связи в Юру.

[2] Как видим, Бакунин в дневнике (а также, как мы видели, во многих письмах) не стесняется называть вещи собственными именами. Это не помешало его последователям (отчасти Неттлау, но главным образом Гильому) впоследствии начисто отрицать или умалять бесспорные факты. Дневник, к сожалению, до сих пор опубликован Гильомом и Неттлау только частично.

тогда в Локарно. 25-го Пецце в Милан посылаются первые листы письма к Лоренцо (непонятно, для переписки ли, для ознакомления или для установления связи между испанцами и итальянцами). И так далее.

К сожалению, все эти письма пропали или во всяком случае пока до нас не дошли. Но не трудно представить себе их приблизительное содержание по тем документам этого периода, которые нам известны. В них, конечно, повторялись те же мысли и давались те же директивы, что и в письмах к итальянцам (и юрцам). Специфический интерес испанских писем этой категории заключается в том, что в них должно было много говориться о тайном Альянсе и его отношении к Интернационалу. Кое-какие следы этого все же сохранились в дошедших до нас письмах или набросках писем к Лоренцо, Мораго и Ф. Мора.

Получив директивы от учителя, испанские альянсисты быстро спохватились. Еще 14 ноября Алерини, как мы знаем, сообщил Бастелика о склонности испанцев держать нейтралитет в возгоревшемся конфликте и даже с уклоном в сторону Генерального Совета. Бастелика сообщил это письмо Жуковскому, а тот (возможно, по совещанию с Бакуниным и Гильомом) написал Алерини в начале декабря ответ, выяснявший позицию юрцев. 18 декабря Бакунин, как мы знаем, начал серию своих посланий в Испанию письмом к Сентиньону и Фарга Пелисеру. Последствия сделанных испанским альянсистам внушений не замедлили сказаться. Уже 31 декабря барселонская «Federacion» напечатала Сонвильерский циркуляр, вполне к нему присоединяясь; одновременно циркуляр напечатала мадридская «Emancipacion», а 2 января 1872 года Алерини (еще до получения лично письма от Бакунина) послал Жуковскому покаянное письмо, в котором говорил: «Недавно я писал тебе в несколько тревожном тоне. Берусь за перо, чтобы тебя успокоить. Думаю, все мы согласны в том, чтобы заявить Генеральному Совету, что испанские секции требуют срочного созыва общего конгресса. По правде сказать, секции еще не приняли постановлений по этому вопросу», но важно ли это, если Альянс наперед это решил? И действительно Алерини продолжает: «Но раз инициативные люди среди нас столковались, то не подлежит сомнению, что когда вопрос будет официально поставлен в секциях, они выскажутся в таком же духе, как и те (курсив мой). Перед тем, как предложить вопрос на обсуждение секций, эти люди (читай: альянсисты — *Ю. С.*) должны были сначала изучить и разрешить его, для того чтобы, раз приняв решение, они все могли вести ту же пропаганду для его успеха...

Активные группы (т.-е. группы Альянса. — *Ю. С.*) взяли здесь на себя моральное обязательство не иметь друг от друга никаких тайн... В конце концов мы договорились, и я счастлив».

Как видим, внушения подействовали быстро. Война началась [1].

4. Результаты кампании.

а) В Италии.

Результаты борьбы с влиянием Маццини на итальянских рабочих сказались в образовании рабочих союзов социалистического направления в различных городах Италии. Миланский «рабочий кружок» постановил в январе 1872 года примкнуть к Интернационалу. Но иначе обстояло дело в других местах, в частности в Романье, где движение в пользу основания «Fascio operajo» приняло довольно широкие размеры, но где отчасти под влиянием Гарибальди, рекомендовавшего им сохранить нейтралитет в борьбе между бакунистами и Генеральным Советом и временно не присоединяться к Интернационалу, союзы не решались занять определенную позицию. Брошюра об Альянсе (стр. 46) приписывает стремление романьольских союзов к независимости влиянию Бакунина, но это верно лишь постольку, поскольку бакунисты не хотели в то время признавать Генеральный Совет, и неверно, поскольку речь шла о платоническом присоединении к Интернационалу. Как видно из письма Бакунина к Рубиконе (Л. Набруцци) от 3 января 1872 года, он как раз уговаривал романьольцев открыто признать себя интернационалистами [2].

---

[1] Л. Эритье, симпатизировавший юрцам и во всяком случае старавшийся в своих очерках 1892 года о юрской федерации держать нейтралитет между Генеральным Советом и бакунистами, замечает по поводу этой кампании: «Бесполезно указывать, что душою всего движения был Бакунин, который, по всей вероятности, был также автором Сонвильерского циркуляра (это неверно. — *Ю. С.*). Никто все-таки не может отрицать, что руководимый им заговор под названием «Альянс Социалистической Демократии» существовал и имел целью поставить Бакунина во главе Интернационала или уничтожить его. Но в действительности этот заговор был совершенно ничтожным и неопасным» («Berliner Volks-Tribüne» от 10 декабря 1892 года). С оценкою, какую Эритье дает Альянсу, трудно согласиться, ибо на деле этот столь маловажный, по его мнению, заговор был одною из основных причин распада Интернационала.

[2] Это письмо (в немецком переводе) теперь опубликовано в III томе «Gesammelte Werke» М. Бакунина. Оригинальный текст приведен у Неттлау (биография Бакунина), стр. 649—651 и прим. 2755.

«Я, — говорит Бакунин, — был счастлив при виде тех чудесных успехов, которые делает у вас организация рабочих обществ, и ожидаю крупных результатов от вашего «Fascio operajo». Одно только меня огорчает. Я вижу, что все вы в душе интернационалисты, но у вас нехватает мужества открыто об'явить себя секциями Интернационала. Этого мужества хватило у неаполитанцев, у сицилианцев, у туринцев, а в настоящее время складывается новая интернационалистическая секция в Милане. Почему же одни романьольцы остаются позади? Это об'ясняется только политикой, дипломатической осторожностью. Так вот, дорогие братья, позвольте мне сказать вам, что эта политика представляется мне чрезвычайно скверной, не достигающей той цели, которую она себе ставит, и что эта дипломатия весьма неблагоразумна. Прежде всего она никого не обманывает. И таким образом вы имеете все невыгоды интернационалистических секций, не имея их преимуществ. Невыгоды вы уже имеете, так как со стороны всего официального мира, равно как и со стороны маццинистов, составляющих сейчас нечто вроде официозного мира, весьма клеветнического и весьма доносительского, — со стороны всего мира, говорю я, вы уже подвергаетесь такому обращению, как если бы вы открыто примкнули к Интернационалу; но с другой стороны, Интернационал не сможет признать вас своими до тех пор, пока вы будете иметь вид людей, боящихся или стыдящихся открыто его признать»...

Дальше Бакунин переходит к критике позиции ген. Гарибальди по отношению к Интернационалу.

«Никто не уважает так искренно и глубоко народного героя Гарибальди, как я. Его французская кампания, все его поведение во Франции было поистине возвышенно по величию, самоотречению, простоте, выдержке и героизму. Никогда он не казался мне столь великим. Его широкий инстинкт народного дела, который никогда не оставляет его в случае великих событий, побудил его также громогласно выступить в защиту Парижской Коммуны и Интернационала против возмутительных и насквозь проникнутых богословским духом нападок Маццини. Но позвольте мне сказать это откровенно: все, что Гарибальди писал с тех пор об Интернационале, доказывает, что он нисколько его не понимает и не знает. Гарибальди фактически, а не идейно или, точнее, как факт — он за нас, а как идея — он против нас. Его навязчивая мысль сводится к диктатуре. А нет ничего более враждебного социальной революции, чем диктатура. Все его политические идеи, — а он слишком стар и слишком упрям, чтобы менять их, — все его по-

литические привычки приковывают его к старому миру, к тому, что мы хотим разрушить...

«Друзья мои, позвольте вам сказать это с тою откровенностью, какая принята между братьями, и какою я в особенности обязан делу, которому служу: если вы будете иметь несчастье следовать политическому и социалистическому руководству Гарибальди, вы попадете в тупик неразрешимых противоречий, так как его политика представляет сплошное противоречие, а его социализм — как обдуманная система, а не как инстинкт — столь же ничтожен, как и социализм Маццини»...

Бакунин убеждает романьольцев проявить мужество и открыто вступить в Интернационал, который «является единственным серьезным, действительным и живым предприятием наших дней и во всех странах». И в заключение он просит их держать в тайне факт его вмешательства в итальянские дела.

«Большая просьба, дорогие друзья, — пишет он, — избегайте, насколько возможно, говорить обо мне и даже произносить мое имя публично. Смею вас уверить, что я обращаюсь к вам с такой просьбой не из малодушия или из личной осторожности. У меня совершенно другие мотивы. Дело социальной революции вообще и дело Интернационала в частности отнюдь не являются личным делом. Это — дело по существу коллективное. Личности, все личности у нас тонут в коллективе, и мы с отвращением относимся к претенциозным, тщеславным, честолюбивым и властолюбивым индивидуальностям. Мы — заклятые враги всякого господства, будь то коллективное или личное. Все благомыслящие люди встретят у нас хороший прием, и если только их намерения серьезны, они найдут у нас благоприятные условия для свободного применения всех своих способностей к работе и всех своих дарований. Но на одном только условии, а именно, — чтобы они не вздумали играть роли и не мечтали о господстве. Мы не хотим вождей и никогда таковых не потерпим... Это особенно необходимо с итальянской точки зрения, для того, чтобы не стали говорить, что русский, варвар, калмык старается создать себе партию в вашей стране. А это не преминуло бы в сильнейшей степени повредить нашей пропаганде. Вот почему Маццини и мацциниcты уже пользуются этой клеветой, оружием, правда, нечестным, но весьма удобным. Таким образом, раз навсегда условимся, что мое имя никогда не будет произноситься. Вы доверяете моей искренней преданности делу, служить которому вы призваны, и сумеете вскоре делать это лучше, чем я, так как вы молоды, а я стар. Я совершенно откровенно говорю вам, что думаю, что чув-

ствую, желаю и представляю. Вам остается принять то, что вам подходит, и отвергнуть то, что вам не подходит. А с того момента, как вы приняли какую-нибудь мысль, она перестает быть моей, она становится вашей. Последнее слово, последний братский совет: не ищите в такой мере руководства сверху в лице нескольких более или менее известных людей, которым вы доверяете; не ищите его также в самих себе, в лице пишущей и образованной молодежи. Ищите ее снизу, в том, что Маццини презрительно называет толпой, и в том, что другие, более искренние, чем он, называют народной сволочью, ибо инстинкты этой сволочи в настоящее время содержат в зародыше всю мысль и всю силу грядущего».

В пользу какого Интернационала Бакунин старался завоевать симпатии романьольцев, показывает следующее его письмо к Набруцци от 23 января 1872 года, превратившееся по мере писания в письмо ко всем романьольским друзьям [1]. Констатируя, что он вполне согласен с Набруцци по всем основным пунктам, Бакунин заявляет, что идеи Альянса являются наиболее передовыми из тех, которые обращаются в Интернационале, характеризует принципиальное отличие анархизма от коммунизма и пытается истолковать программу Интернационала в анархическом духе. Отрицая какую-либо власть за Генеральным Советом и утверждая, что состав его подтасован в интересах группы Маркса («немецкого еврея, как и многие другие первостепенные и второстепенные вожди той же партии в Германии»), Бакунин определяет постановления Лондонской конференции как «полное преобразование Интернационала в унитарное государство, управляемое на началах дисциплины, и превращение Генерального Совета в диктаторское правительство». Признавая это «смертным приговором для Интернационала», Бакунин рекомендует всем итальянским секциям и федерациям присоединиться к движению протеста, которое началось в Юре, перекинулось в Бельгию и т. д. Так как бельгийский конгресс обратился с приглашением ко всем национальным федерациям, итальянским секциям следовало бы: 1) об'единить оба по существу совершенно тождественные предложения, Юрского конгресса и Бельгийского конгресса, в одно целое и немедленно сообщить о своем полном присоединении как юрскому комитету (дается адрес Адемара Швицгебеля), так и бельгийскому совету (через посредство брюссель-

[1] И это письмо (в немецком переводе) теперь опубликовано в III томе «Gesammelte Werke», стр. 176—203. В оригинале оно занимает 40 страниц большого почтового формата (см. у Неттлау в биографии Бакунина, стр. 591, 651—657, прим. 2725, 2736, 2743, 3967 и 3979).

ской газеты «La Liberté»); 2) безотлагательно опубликовать о своем присоединении во всех социалистических газетах Италии, а также Испании; 3) заблаговременно столковаться относительно выступлений на предстоящем общем конгрессе Интернационала; 4) положить проект нового устава, который должен вскоре выработать бельгийский совет, в основу обсуждения во всех итальянских секциях, для того чтобы вся оппозиция могла выступать единым фронтом; 5) после этого можно будет выработать и итальянский проект на предстоящем широком конгрессе итальянских рабочих союзов.

Бакунину естественно очень хотелось, чтобы на общем конгрессе Интернационала Италия была сильно представлена. И вот он дает ряд практических указаний итальянским секциям, привыкшим, как мы знаем, довольно беззаботно относиться к своим формальным обязанностям, советуя им выполнить все условия, которые требуются для допущения на конгрессы.

«Таков наш закон, — прибавляет Бакунин, — и Генеральный Совет не преминет использовать его против вас, только что вступивших в великую международную семью и уже посмевших, в качестве прирожденных бунтовщиков, возмутиться против его отеческой власти. Умоляю вас, не доставляйте ему этого удобного предлога и, не теряя ни одного дня, выполните с математической точностью и с ученым педантизмом все те обязательства, которые налагают наши основные законы на новые секции. Нельзя утверждать с уверенностью, но вполне возможно, что даже в том случае, если вы скрупулёзно выполните все эти обязательства, Генеральный Совет, уже недовольный вами вследствие вашего сочувственного выступления в пользу циркуляра юрского конгресса, сделает глупость и откажет вам в допущении. Но в таком случае ваше положение по отношению к нему будет чрезвычайно выигрышным».

Бакунин советует романьольцам вступить со всеми итальянскими секциями Интернационала в братские солидарные отношения, которые должны послужить базой для будущей итальянской федерации и сделать то же самое по отношению к федерации бельгийской, юрской, испанской, а также по отношению к французской секции соц.-рев. пропаганды и действия. Для последней цели он рекомендует воспользоваться «следующим превосходным случаем: выразить вместе с ними протест против произвольных действий Лондона, однако в весьма умеренных и весьма братских выражениях, и сообщить им о безоговорочном присоединении к резолюциям, принятым Юрским и Бельгийским конгрессами».

Для установления регулярных связей с Генеральным Советом Бакунин даже сообщает романьольцам адрес секретаря для Италии, Ф. Энгельса, и прибавляет: «Он вам напишет и, разумеется, первое, что он постарается сделать, так это доказать вам, что вы были введены в заблуждение насчет намерений и планов Генерального Совета. И именно по этой причине я считал нужным написать вам это длиннейшее письмо и подробно рассказать вам, как произошло все дело, чтобы вы в состоянии были ответить ему с полным знанием предмета, но при этом очень прошу вас ни в каком случае меня не называть. Если вы затруднитесь отвечать ему по тому или иному пункту, то я всегда к вашим услугам».

Рекомендуя романьольцам оформить свои отношения к Интернационалу, Бакунин тут же учит их альянсистской манере соблюдения интернационалистской дисциплины. «Резолюции последней конференции, — раз'ясняет он им, — не имеют никакой законной силы. Они не существуют. Если от вас потребуют чего-нибудь на основании этих резолюций, отвечайте, что вы их не признаете и что вместе с федерациями бельгийской, юрской, французской и испанской против них протестуете. Таким образом, если Генеральный Совет пошлет вам communiqué с предложением опубликовать его в ваших газетах, то вы печатайте его, если содержание его вам нравится (!). И в таком случае не забудьте заявить, что вы печатаете его только потому, что оно вам нравится. А если оно вам не понравится, не печатайте его. Если Генеральный Совет пошлет к вам делегата, облеченного чрезвычайными полномочиями, примите его по братски, как вы приняли бы несомненно другого члена Интернационала, но не в качестве чрезвычайного делегата правительства, которого в Интернационале не существует. Наши генеральные статуты и наши регламенты не разрешают Генеральному Совету посылать и навязывать автономным федерациям и секциям проконсулов. Это произвольное новшество произвольной конференции. Наконец, если Генеральный Совет позволил бы себе обратиться к вам с каким-нибудь приказом, ответьте ему, что вы смотрите на него просто-напросто как на центральное корреспондентское и статистическое бюро, как на слугу, а не как на хозяина Интернационала».

И в заключение Бакунин, считаясь с наличием колеблющихся элементов, дает своим новым прозелитам проникнутый мудростью «последний совет».

«Избегайте в ваших газетах, елико возможно, всякой прямой полемики против Генерального Совета. Не говорите впредь, как вы это

сказали в одном из номеров вашей «Fascio operajo», что Генеральный Совет подпадает под власть пангерманской идеи. Мы можем говорить это в наших беседах, в нашей интимной переписке. Но не все, что может быть сказано в этой переписке, годится для опубликования. Будем подражать примеру, поданному нам недавно бельгийцами: на заседании их последнего конгресса они энергично нападали на произвольные попытки и действия Генерального Совета и особенно господствующей в нем немецкой клики. Но в резолюциях, принятых этим конгрессом, и в статьях, помещенных в их газетах («Интернационал», «Свобода», «Мирабо», выходящей в Вервье, и др.), говоря об этом же вопросе, они остерегаются от практического припутывания Генерального Совета к своей полемике и стараются всегда держаться на высоте принципов. Даже в том случае, когда вы действительно будете выступать против Генерального Совета, употребляйте всегда самый братский и самый умеренный язык».

Неудивительно, что после таких писем итальянские общества не спешили оформить свои отношения к далекому Генеральному Совету, состоявшему из подобранных «немецким евреем» Марксом орудий «пангерманской идеи». И брошюра об Альянсе говорит по поводу романьольских «якобы интернационалистических» секций, что основное правило их поведения сводилось к неподчинению уставу Интернационала, к неуведомлению о своем образовании и к неуплате членских взносов. Впрочем, деятели этих секций далеко еще не высвободились из-под влияния буржуазного демократизма и свободомыслия, подобно авторитетному в их глазах Гарибальди да отчасти и самому Бакунину [1].

---

[1] В относящемся к этому времени письму к Чельсо Черетти (от 11 февраля 1872 г.) Бакунин по поводу предстоявшего «широкого демократического с'езда» с участием рабочих обществ говорил: «Я жду очень хороших результатов от вашего конгресса, который даст возможность наиболее искренним социалистическим демократам Италии познакомиться и столковаться друг с другом. Подобно вам, я полагаю, что движение свободомыслящих весьма полезно, и что к нему ни в коем случае не следует относиться презрительно. Они первые подняли знамя бунта против теологического авторитета Маццини, и, подобно вам, я думаю, что всякий искренний свободомыслящий логически должен стать социалистом. Если он таковым не становится, то это только доказывает, что его мысль освободилась лишь наполовину. Я ни в коем случае не отношусь презрительно к буржуазной молодежи Италии. Я презираю эту молодежь во всех остальных странах, потому что там она является соучастницей эгоизма, растления, низости, немощности и одряхления всего своего класса. Но в Италии дело обстоит далеко не так. Ваша молодежь доказала и продолжает доказывать, что она осталась героической и юной. Чтобы стать сильной, ей не хватает только

17 марта 1872 года состоялся в Болонье с'езд романьольских «Fascio operajo». На повестке дня стоял между прочим следующий вопрос: «В общих интересах и в целях обеспечения полной автономии Рабочего Союза должен ли последний признать и подчиниться руководству лондонского Генерального Совета либо Совета Бернской Юры или же должен оставаться независимым от обоих, поддерживая с этими комитетами сношения в интересах и для лучшего развития Товарищества?». На этот вопрос, вовсе не такой «странный», как хотят представить его Гильом (т. II, стр. 268) и Неттлау (цит. статья об Италии, стр. 315), с'езд дал следующий ответ: «Конгресс усматривает в лондонском Генеральном Совете и в совете Бернской Юры лишь простые корреспондентско-статистические бюро и поручает консулату (совету) Болонской области войти с ними в сношения и о результатах доложить каждой секции».

Если мы вспомним всю деятельность бакунистов и в частности Юрской федерации, особенно со времени Лондонской конференции, то вопрос и ответ Болонского с'езда нас не поразят. Юрская федерация фактически сделалась вторым Генеральным Советом, соперничавшим с лондонским и пытавшимся сгруппировать вокруг себя и вокруг своего циркуляра все силы оппозиции в Интернационале. Именно так могли итальянцы понимать и указание в письмах Бакунина на то, что заявления о присоединении к Сонвильерскому циркуляру надлежит посылать на адрес Швицгебеля, секретаря Юрской федерации. Но понятно, что наивная пылкость бравых романьольцев, нечаянно разоблачивших секрет Юрской федерации и неосторожно выдавших заветное стремление юрцев, должна была сильно смутить последних. «Рабочий Союз, — говорит брошюра об Альянсе (стр. 46), — совершил колоссальный промах, раскрыв перед непосвященными таинственное существование секретного центра Альянса. Юрский комитет увидел себя вынужденным публично отрицать свое тайное существование» [1].

одного, а именно братского слияния с пролетариатом, который в настоящее время представляет все будущее нации. И вот мне представляется, что процесс этого слияния сейчас совершается вопреки Маццини и благодаря ее благородным инстинктам, а также благодаря тому благодетельному направлению, которое дали ей пример и слово генерала Гарибальди».

[1] Дальше брошюра прибавляет: «Что касается Генерального Совета, то Болонский консулат никогда не проявил по отношению к нему признака жизни». Итак, бакунисты не выполнили постановления Болонского с'езда по отношению к Генеральному Совету.

И действительно в № 4 «Бюллетеня Юрской Федерации» появилась смущенная заметка, в которой заявлялось, что юрский федеральный комитет никогда не думал выступать в виде соперника Генерального Совета, который является де официальным представителем всего Интернационала. С своей стороны Бакунин в письме к Ч. Черетти от 13—27 марта 1872 года [1] также счел нужным исправить промах своих не по разуму усердных последователей. «Кстати, — писал он, — в прекрасные резолюции вашего последнего с'езда проскользнуло маленькое недоразумение. Именно в третью, касающуюся разницы, существующей между Генеральным Советом и комитетом Бернской Юры. Этому последнему никогда не приходило в голову выставлять себя за генеральный совет. Он занимает положение вашего болонского Consolato; он всегда был простым комитетом юрского района, нисколько не претендуя навязывать свой авторитет какому бы то ни было другому району. Он сам признает Генеральный Совет, но только в узких границах его прав и обязанностей, установленных главными статутами Интернационала» [2].

Вскоре после того произошло событие, которое сыграло крупную роль как в личной жизни Бакунина, так и в развитии социалистического движения в Италии, а именно знакомство его с Карло Кафиеро [3].

Родившись в 1846 году в итальянском городке Барлетта в богатой аристократической семье, Карло Кафиеро в 1870 году закончил юридическое образование в Неаполе и отправился в Англию для изучения спиритизма. Но здесь интересы его получили другое направление. Он увлекся рабочим вопросом, вступил в Интернационал, а в 1871 году возвратился в Италию, откуда поддерживал переписку с Энгельсом. Кафиеро, человек с болезненно-чуткой нервной организацией [4], был прежде всего человеком чувства и порывов. Повидимому, суховатый и чопорный европеец Энгельс не сумел подойти к нему, что зато

---

[1] Оно было опубликовано в журнале «La Société Nouvelle», 1869, февраль, а по-русски в историческом сборнике «Наша Страна», СПБ, 1907.

[2] Здесь характерно умолчание о постановлениях общих конгрессов Интернационала, расширивших права Генерального Совета, в частности Базельского конгресса, в составлении административных резолюций которого играл активную роль сам Бакунин. Теперь бакунисты уже перешли к непризнанию с'ездовских постановлений!

[3] О жизни этого замечательного человека см. воспоминания его жены О. Кутузовой в «Голосе Минувшего», 1914 г., май, стр. 124 и сл.

[4] В 1882 году Кафиеро захворал душевным расстройством, от которого окончательно уже не оправился, и умер в 1892 году в психиатрической лечебнице.

прекрасно сумел, по крайней мере, на время, сделать непосредственный и безыскусственный «варвар» с душой на распашку, Бакунин.

Последним Кафиеро заинтересовался, во-первых, по письмам Энгельса, в которых содержались нападки на него, во-вторых, по его писаниям против Маццини, а, в-третьих, по рассказам итальянских последователей Бакунина, Фанелли, Палладино, Малатеста и др. Они убедили его лично познакомиться с Бакуниным. Сначала Кафиеро вступил с ним в письменные сношения и послал ему несколько писем Энгельса, которые тот в свою очередь переслал юрцам [1]. А в мае 1872 года Фанелли повез Кафиеро в Локарно, чтобы лично представить его Бакунину [2].

Фанелли и Кафиеро прибыли в Локарно 20 мая 1872 года. Еще незадолго до того Кафиеро держался нейтралитета в споре между Бакуниным и Генеральным Советом и относился к последнему положительно, как видно из его статьи, написанной 16 мая и напечатанной за подписью «Интернационалист» в «Gazzettino Rosa» от 27 мая (см. выше). Но личная встреча с Бакуниным произвела в нем радикальный переворот, к которому он психологически был, впрочем, достаточно подготовлен.

Кафиеро пробыл у Бакунина почти целый месяц (до 18 июня). В это время Бакунин уже не жил на квартире у вдовы Педраццини, где он прожил 2½ года. Он поселился в отеле «Albergo al Gallo», который содержал Джакомо Фанчола. Жил он тогда один, так как жена его с детьми гостила в Ментоне у кн. Оболенской, вышедшей к этому времени замуж за В. Мрочковского (Острогу). И ловец человеков мог на досуге заняться обработкой юного прозелита, который скоро предался ему душой и телом. Как можно судить по кратким заметкам дневника, Бакунин говорил с Кафиеро целые дни и ночи напролет, по-видимому, посвятил его в тайны Альянса и Интернационального Братства, развернув перед ним свои грандиозные планы рабоче-крестьянского восстания, сразу приводящего к социальной ликвидации и вольной организации общества снизу вверх, словом, пустил в ход весь арсенал средств, способных целиком увлечь и воспламенить такого

---

[1] Это анархистской моралью допускается. А когда Ф. Мора сообщил Генеральному Совету письмо к нему Бакунина, свидетельствовавшее о заговоре против Интернационала, то его за это «вероломство» до сих пор проклинают на всех анархистских соборах!

[2] Фанелли, как мы знаем, часто ездил к Бакунину. Так, он приехал к нему 15 апреля 1872 года в Локарно, откуда он вместе с Бакуниным с'ездил к Элизе Реклю в Лугано.

экспансивного человека, каким был Кафиеро, тем более, что теория Бакунина была специально приспособлена к таким странам, как тогдашняя Италия. Со второго же дня они столковались настолько, что Бакунин отмечает в дневнике: «заключен полный союз». А еще через три дня (24 мая) Бакунин уже вырабатывает с Кафиеро общий план действий. 31 мая Кафиеро начинает письмо к Энгельсу резкого содержания, возвещающее разрыв; 3 июня он читает его Бакунину (какие последний внес туда поправки, история умалчивает), который сообщает его Гильому. 15-го возвращается Фанелли, и у них втроем происходит совещание, которое кончается полным согласием по всем пунктам. 18-го Кафиеро уезжает в Италию, и Бакунин приобретает там в его лице нового сторонника, горячего, преданного, идущего до конца и приносящего в дело значительные материальные средства, полученные им в наследство от родителей.

За время пребывания Кафиеро в Локарно появился (в начале июня) в Швейцарии циркуляр Генерального Совета от 5 марта 1872 года под заглавием «Мнимый раскол в Интернационале», составленный в ответ на Сонвильерский циркуляр юрцев и начавшуюся вслед за ним разлагающую кампанию противников Генерального Совета. До того Бакунин, сумевший так хорошо законспирировать тайный Альянс от посторонних, все еще рассчитывал, повидимому, перехитрить Маркса. По крайней мере, в письме к Челъсо Черетти от 13—27 марта 1872 года он, сообщая о нападках на него «еврейско-германской секты» с 1848 г. по поводу его мнимого панславизма (теперь его обвиняли уже вовсе не в этом!), продолжает: «До настоящего времени я не отвечал им. Очевидно, они хотят вынудить меня прекратить мое молчание. Я это сделаю, хотя против желания, потому что мне противно вносить личные счеты в наше великое дело, и ничто мне так не претит, как занимать публику своей собственной особой. Я сделал все возможное, чтобы мое имя не вмешивалось в полемику итальянских газет по поводу Интернационала. Из-за этого я приостановил печатание моих статей против маццианианцев; и когда г. Энгельс косвенным образом задел меня в своем ответе Маццини, я опять хранил молчание... Теперь они распространяют против меня темные клеветы. Одновременно с вашим письмом я получил другое письмо из Милана и еще письмо из Неаполя; в этих письмах мне сообщают почти то же самое. Тогда мне пришла в голову мысль поместить в итальянских газетах письмо с вызовом интриганам Генерального Совета. Я это сделаю, если они выведут меня из терпения. Но прежде чем это сделать, так как дело идет о личностях, а не о принципах, я хочу попробовать еще послед-

нее средство примирения. Я хочу сначала написать в Генеральный Совет частное письмо, копию с которого я пришлю вам. И если они не дадут мне утвердительного ответа, тогда я заставлю их об'ясниться публично».

Итак, Бакунин собирался войти в об'яснения с Генеральным Советом, т.-е. с Марксом, в то самое время, когда готовил против них решительный удар[1]! Хотел ли он таким путем усыпить внимание врагов, как он пытался это сделать перед выступлением с своим Альянсом в конце 1868 г., когда обратился при этом к Марксу с дружеским письмом, мы не знаем. Но он, повидимому, начал приводить в исполнение свое намерение: по крайней мере, в дневнике его под числами 13 и 20 апреля отмечено: «писал Генеральному Совету». Тем временем у Бакунина завязалась переписка с Лоренцо по поводу оклеветания его на Лондонской конференции, но прежде чем Лоренцо успел ему ответить (это произошло в августе), вышла брошюра «Les prétendues scissions», и Бакунин мог убедиться, что теперь никакие частные письма в Генеральный Совет или к Марксу уже не помогут.

Что брошюра-циркуляр живо задела бакунистов, это легко себе представить. № 11—12 «Бюллетеня Юрской Федерации» от 15 июня 1872 года заполнен ответами на циркуляр Малона, Кларисса, Гильома, Монтеля и др.[2]. Там же напечатано было и следующее письмо Бакунина, датированное 12 июня, но в действительности начатое Бакуниным еще 6 июня 1872 года.

«Товарищам редакторам «Бюллетеня Юрской Федерации».

«Дорогие товарищи по немилости,

«Дамоклов меч, которым нам так давно угрожали, упал наконец на наши головы. Собственно говоря, это не меч, а обычное оружие господина Маркса: лохань с помоями.

«В самом деле, в новом частном циркуляре лондонского Генерального Совета, помеченном 5 марта 1872 года, но опубликованном, повидимому, только в последние дни, имеется все что угодно: смеш-

---

[1] Что анархистские историки по действительной или деланной наивности проливают слезы умиления насчет этой беспримерной «лойяльности» Бакунина и его благородного желания покончить все дело миром, это само собою разумеется.

[2] Эти ответы вышли также отдельной брошюрой под заглавием «Réponse de quelques internationaux à la circulaire privée du Conseil Général», Невшатель; там же вышел и итальянский перевод этой брошюры (на средства Кафиеро).

ные выдумки, извращение принципов и фактов, возмутительные инсинуации, циническая ложь, гнусная клевета, наконец весь военный арсенал двинувшегося в поход господина Маркса. Это так или иначе систематизированный сборник всех нелепых и грязных сказок, которые по более растленной, чем остроумной злобе немецких и русских евреев, его друзей, его агентов, его последователей и вместе с тем холопов, выполняющих все его предписания, распространялись и разносились против нас, но в особенности против меня в течение почти трех лет и главным образом со времени злополучного Базельского конгресса, на котором мы посмели голосовать вместе с большинством против марксистской политики.

«Я до сих пор не могу забыть восклицания, вырвавшегося по этому случаю в моем присутствии у одного из людей, подписавших настоящий циркуляр: «Marx wird sehr unzufrieden sein — Маркс будет крайне недоволен!». И он действительно оказался крайне недоволен. А я, козел отпущения, приговоренный раз'яренной синагогой к наказанию за наши коллективные прегрешения, первый почувствовал это на своей шкуре. Помните ли вы статью немецкого еврея, Морица Гесса, в газете «Réveil» (осенью 1869 года), вскоре после того повторенной и развитой Боркгеймом и другими немецкими евреями из «Фольксштата»? Я уже не говорю о русском еврейчике из женевского «Эгалите» [1]. Это было нечто вроде грязевого потока, обрушившегося на меня и на нас всех.

«В продолжение двух с половиной лет мы молча терпели эти омерзительные нападки. Сначала наши клеветники пустили в ход туманные обвинения, сдобренные трусливыми умолчаниями и ядовитыми инсинуациями, но вместе с тем столь, впрочем, нелепыми, что, помимо других мотивов, заставлявших меня молчать, достаточно было того отвращения, смешанного с презрением, которое они возбудили в моей душе, чтобы об'яснить и оправдать мое молчание. Впоследствии, подстрекаемые этим долготерпением, действительных причин которого они не сумели угадать, они в своей нечистоплотной злобе дошли до того, что начали изображать меня в виде наемного панславистского, русского, наполеоновского, бисмарковского, даже папского агента [2]...

---

[1] Т.-е. Утине.

[2] Здесь Бакунин сознательно валит в одну кучу обвинения, выдвигавшиеся против него с разных, зачастую противоположных сторон. Никогда марксисты не обвиняли его в наполеонизме, бисмаркианстве и папизме. В том, что он — прусский агент, его обвиняла реакционная французская буржуазия.

«Поистине это было слишком глупо, чтобы стоило на это отвечать. Но, сохраняя молчание, я руководился соображениями гораздо более серьезными, чем естественное отвращение, испытываемое в борьбе с грязью. Я не хотел доставить этим достойным гражданам предлога, которого они очевидно искали и который позволил бы им низвести до своего уровня крупный принципиальный спор и превратить его в жалкий личный вопрос. Я ни в малейшей степени не хотел брать на себя страшной ответственности, долженствующей пасть на тех, кто не побоялся внести в Международную Ассоциацию Рабочих, от которой пролетариат стольких стран ждет в настоящее время своего спасения, зародыши раскола и разложения вместе со скандалом личных честолюбий. Я не хотел доставить буржуазной публике зрелища наших внутренних разногласий, столь печального для нас и столь радостного для нее.

«Наконец, я считал своим долгом воздерживаться перед лицом этой самой публики от нападения на группу, в которой, я охотно это признаю, имеются люди, оказавшие бесспорные услуги Интернационалу.

«Несомненно, эти люди позорят себя в настоящее время и причиняют колоссальный ущерб Интернационалу, пуская в ход клевету для борьбы с противниками, которых они, вероятно, не надеются победить силою своих аргументов. Несомненно, к их великой преданности делу пролетариата довольно неприятным образом примешивается значительная доля тщеславных претензий и честолюбивых планов, как личного, так и расового (!) свойства... Но тем не менее остается верным, что это преданность искренняя. Я, по крайней мере, в этом глубоко убежден — не по отношению ко всем, но по отношению к значительному числу из них; а так как они солидарны, то я должен был воздерживаться от нападения на одних, чтобы иметь возможность пощадить других.

«Впрочем, я всегда оставлял за собою право привлечь всех моих клеветников к суду чести, в котором ближайший конгресс, наверно, мне не откажет. Если только этот суд даст мне гарантии беспристрастного и серьезного приговора, я смогу изложить ему, со всеми нужными подробностями, все факты, как политические, так и личные, не опасаясь неудобств и опасностей, связанных с такой широкой оглаской.

«Но имеется другая область фактов чисто общественного характера, которую марксистская шайка, поддержанная на этот раз подписями всех членов Генерального Совета, сознательно и злостно извратила. Восстановить факты в их истинном виде, способствуя по мере своих сил разрушению системы лжи, воздвигнутой г. Марксом и его

приближенными, — такова будет цель работы, которую я предполагаю опубликовать до открытия этого конгресса.

«Закончу это письмо последним замечанием. Ничто яснее не доказывает пагубного господства г. Маркса в Генеральном Совете, чем настоящий циркуляр. Просмотрите имена сорока семи подписавших его человек, и вы едва ли найдете семь или восемь, которые могли высказаться по этому вопросу с некоторым знанием дела. Все остальные, угодливые и слепые орудия гнева и политики Маркса, дали свои подписи под порочащим обвинением против нас, которых они никогда не видали и не выслушивали, и которых они судили и осудили, не сочтя даже нужным обратиться к нам с каким-либо вопросом.

«Значит, так в лондонском Генеральном Совете понимают справедливость, истину и нравственность, которые, согласно мотивировочной части наших генеральных статутов, должны служить основой во всех как коллективных, так и индивидуальных взаимоотношениях в рядах Международной Ассоциации Рабочих? Да, господин Карл Маркс, гораздо легче поставить их во главе программы, чем осуществлять их на деле!

«Можно было бы сказать, что в тот момент, когда бельгийская федерация поднимает вопрос о дальнейшем существовании Генерального Совета, все члены этого Совета наперерыв стараются доказать не только то, что это учреждение стало ненужным, но и то, что теперь оно является просто гибельным.

«Привет и солидарность» [1].

Ответ Бакунина был, конечно, более чем слаб: обходя основные пункты разногласия, он по своему обыкновению пустился в расовые разглагольствования и в сотый раз завел свою антисемитскую шарманку. И, однако, от этого его дела не переставали преуспевать. Уже в письме к Куно от 24 января 1872 года Энгельс принужден был признать, что в Италии «руководство везде находится в руках друзей и приверженцев Бакунина», и что там «господами положения являются бакунисты». Это было еще до перехода Кафиеро на сторону Бакунина,

---

[1] По поводу этого циркуляра Энгельс писал Куно 22 апреля, что он по выходе в свет «вызовет ужасный скандал». На самом деле впечатление было не особенно сильное. Относительно напечатанного выше ответа Бакунина Энгельс писал Куно 5 июля 1872 г.: «Бакунин в ответ на «Scissions» разразился яростным, но весьма слабым ругательным письмом. Толстый слон взбешен тем, что его наконец вытащили из его лисьей норы в Локарно на свет божий, где словесностью и интригами уже не отделаешься. Теперь он заявляет, что он является жертвой заговора всех европейских евреев»,

а после того как Генеральный Совет потерял чуть ли не последнего своего видного сторонника в Италии[1], дела пошли для него еще хуже.

Совершая об'езд Италии (несомненно по указаниям Бакунина), Кафиеро сумел окончательно завербовать в Альянс Л. Набруцци, с которым, как мы знаем, Бакунин уже до того состоял в переписке. 23 июня Набруцци прибыл в Локарно, чтобы получить посвящение непосредственно из рук самого Бакунина. И дневник Бакунина многознаменательно отмечает под 23 июня 1872 года, что Набруцци сделался Р., т.-е. «братом», членом тайного Альянса и Интернационального Братства. Тайная организация продолжала, разумеется, существовать внутри Интернационала по-прежнему, как бы это ни отрицали анархистские «адвокаты дьявола». И если Энгельс в письме к Куно от 7 мая 1872 года выражал уверенность в существовании тайного Альянса не только в Испании, но и в Италии, то, как мы видим, он стоял на верном пути, но только не располагал в тот момент определенными доказательствами[2].

Ясно, что Альянс продолжал действовать, и что именно он, согласно директивам Бакунина, направлял движение в Италии. В это время Бакунин поддерживает оживленную переписку с Кафиеро, Черетти, Набруцци и т. д. в связи с подготовкой обще-итальянской социалистической конференции в Римини, созыв которой решен был 14 июня романским областным комитетом (Набруцци, А. Коста, тогда ярым анархистом, и др.).

---

[1] О проходимце Терцаги говорить, разумеется, не приходится. Если 13 ноября 1871 года Энгельс, имея в виду Терцаги, мог еще писать Куно, что «в Турине у нас имеется сильная секция», то уже 24 января 1872 года он должен был признать, что «эти же самые туринцы... высказываются в пользу юрцев». Терцаги успел уже переметнуться на другую сторону (в ожидании своего успокоения в об'ятиях полиции).

[2] «Я ни на минуту не сомневаюсь в том, — писал Энгельс, — что та же самая тайная организация существует в Италии, хотя, может быть, и не в такой определенной форме, как в склонной к формализму Испании. Лучшим доказательством этого служит для меня почти военная точность, с которой и там со всех концов страны раздавался всегда одновременно данный сверху лозунг: заметьте себе, это те люди, которые в противовес народу (?) и Интернационалу постоянно проповедуют Dal basso all alto! (т.-е. снизу вверх). Что Вы не были посвящены, вполне понятно: ведь даже из бакунистов в это эсотерическое общество допускаются одни вожди». Теперь-то мы имеем возможность отчасти заглянуть за кулисы этой тайной лаборатории, что Энгельсу было недоступно.

Эта конференция, на которой представлены были секции от 20 местностей, открылась под председательством Кафиеро в Римини 4 августа 1872 года и положила основание итальянской федерации Интернационала. Конференция приняла ультра-анархический характер и пошла даже дальше желаний Бакунина. Последний, как мы знаем, мечтал о сильном представительстве Италии на предстоящем общем конгрессе Интернационала, где, как он понимал, произойдет решительная схватка между обоими направлениями. Между тем итальянские бакунисты, по-своему действуя более логично и предвидя неизбежность раскола, решили предупредить события и порвать с Генеральным Советом еще до конгресса, назначенного в Гааге на 2 сентября 1872 года. Соответственно с этим конференция в Римини единогласно приняла резолюцию, гласившую, что Лондонская конференция пыталась навязать всему Интернационалу особую авторитарную доктрину, являющуюся, собственно, доктриною немецкой коммунистической партии; что Генеральный Совет пустил в ход самые недостойные приемы вроде клеветы и мистификации (?) с единственной целью подчинить весь Интернационал своей специфической авторитарно-коммунистической доктрине; что Генеральный Совет преисполнил меру своих низостей своим «Конфиденциальным циркуляром» от 5 марта 1872 года; что реакционность Генерального Совета вызвала революционную оппозицию бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев и части швейцарцев и дала повод к предложениям об уничтожении Генерального Совета и о пересмотре устава; что Генеральный Совет намеренно созвал общий Конгресс в Гааге, пункте, наиболее отдаленном от этих революционных стран; а потому конференция торжественно заявляет перед лицом трудящихся всего мира, что с этого момента итальянская федерация Международного Товарищества Рабочих порывает всякую солидарность [1] с лондонским Генеральным Советом, тем энергичнее провозглашая экономическую солидарность со всеми трудящимися, и предлагает всем секциям, не признающим авторитарных принципов Генерального Совета, послать 2 сентября 1872 года своих делегатов не в Гаагу, а в Невшатель в Швейцарии, дабы устроить там общий анти-авторитарный конгресс.

Эта резолюция, целиком составленная из цитат, понадерганных из писем Бакунина к италь-

---

[1] Хорошо, что они не сказали «всякую связь», ибо связи у них с Генеральным Советом не было, как мы выше указывали.

янским интернационалистам (отчасти нами цитированных) [1], предвосхищала события и снова разоблачала тайный организационный центр интриг против Интернационала в лице Юрской федерации. Если Бакунин не мог быть особенно доволен этим скороспелым решением, зато он несомненно получил моральное удовлетворение при чтении письма, которое от имени конференции, постановившей выразить Бакунину признательность за его заслуги перед революционным движением в Италии, было адресовано ему 6 августа председателем конференции Кафиеро и секретарем ее А. Коста. Оно гласило: «Дорогой товарищ! Представители итальянских секций Интернационала, собравшись на первую конференцию в Римини, поручили нам передать Вам, неутомимому борцу за социальную революцию, сердечный привет. Привет же Вам, брат, наиболее обиженный в Интернационале» [2].

Это было, конечно, очень трогательно, но политический эффект от решения Риминийской конференции не участвовать в Гаагском конгрессе мог быть только вредным. По свидетельству Гильома, Бакунин был этим необдуманным и неосторожным решением недоволен. И надо полагать, что это было именно так. По крайней мере, с'езд Юрской федерации, на котором Бакунин участвовал в качестве делегата, принял по этому вопросу совершенно другое постановление. И это понятно: Бакунин знал о предстоящем разрыве, желал его, поскольку не мог рассчитывать забрать в свои руки весь Интернационал, но, как человек умный и опытный, он хотел, чтобы неизбежный раскол произошел в наиболее выгодной для Альянса обстановке, и чтобы колеблющиеся элементы смотрели на него как на жертву, а не как на зачинщика раскола. Между тем увлекшиеся итальянцы только давали оружие в руки врагам.

Юрский с'езд состоялся в Лашодефоне 18 августа 1872 года [3]. Он постановил послать в Гаагу двух делегатов, которым был дан импера-

---

[1] Энгельс в письме к Глазеру, одному из своих бельгийских корреспондентов, тоже отметил, что в этой резолюции виден «стиль Бакунина» (Нетт л а у, стр. 412). Энгельс полагал, что решение в Римини было подсказано Бакуниным, но это вряд ли верно. Скорее наоборот.

[2] Последние слова содержат намек на приветствие, которым обменивались фратичелли XIV века: «Во имя наиболее обиженного (т.-е. Сатаны) привет!». Его цитировал Бакунин в своей «Политической теологии Маццини», стр. 56 (см. том III, стр. 253), что, вероятно, и подсказало авторам письма мысль включить эти слова в свое письмо.

[3] В качестве гостей Бакунин привез с собою из Цюриха, где он в то время проживал, нескольких русских и сербских студентов, в том числе

тивный мандат, составленный при участии Бакунина. Делегатам вменялось в обязанность требовать уничтожения Генерального Совета и отмены всякой власти в Интернационале, выступать солидарно со всеми противниками авторитарного принципа, всеми силами устранять всякие личные вопросы, предлагая конгрессу забыть прошлое (!), а в случае отклонения конгрессом организационных принципов юрцев им рекомендовалось, по соглашению с делегатами других анти-авторитарных федераций, уйти с конгресса. Предложение итальянцев о созыве анти-авторитарного конгресса на 2 сентября было отклонено, и постановлено написать итальянской федерации, прося ее пересмотреть свое решение и послать своих делегатов в Гаагу. Последняя от этого отказалась, но, в конце концов, итальянцы согласились отложить анархический с'езд на 15 сентября и созвать его вместо Невшателя в Сент-Имье. Мы видим таким образом, что созыв бакунистского с'езда был предрешен до постановлений Гаагского конгресса.

б) В Испании.

Генеральный Совет, хотя и плохо осведомленный о действительном положении дел в Испании, не мог все-таки не чувствовать, что положение бакунистов в испанской федерации укрепляется. Правда, до весны 1872 года в Лондоне даже не догадывались о существовании испанского отдела Альянса, пресловутой «Alianza», но в глаза бросалась колеблющаяся позиция испанских интернационалистов с уклоном в сторону анархизма. Чтобы подкрепить положение верных Интернационалу элементов, в Испанию послан был зять Маркса П. Лафарг, который и прибыл в Мадрид к Рождеству 1871 года [1].

Сознавая весь вред анархизма для рабочего движения, Лафарг начал искать и группировать элементы, на которые можно было бы положиться на случай неизбежно предстоявшей борьбы между обоими основными течениями в Интернационале. Он вошел в редакцию «Эмансипации» и нашел в лице ее редактора Хозе Меса деятельного помощника своих планов. Одновременно он сблизился и с испанским федеральным советом (избранным на конференции в Валенсии), который, хотя и состоял из членов Альянса, был все же настроен примирительно по отношению к Генеральному Совету. Члены редакции «Эмансипации» на-

---

Софью Бардину. На с'езде была представлена и славянская секция, незадолго до того образованная бакунистами в Цюрихе.

[1] В письмах к испанским альянсистам Бакунин иронически называет Лафарга «чрезвычайным комиссаром» Генерального Совета в Испании.

столько сблизились с Лафаргом, что даже посвятили его в существование тайного Альянса и собирались предложить его туда в качестве члена. Таким образом Лафарг узнал о существовании тайного общества в рядах Интернационала. Это была первая весть о продолжении существования тайного Альянса. Ознакомившись с программой и уставом Альянса, Лафарг сразу увидел, что это не что иное, как старое тайное общество Бакунина, якобы распущенное в 1869 году. Естественно, что Лафарг об'явил ему беспощадную войну [1].

В силе Альянса Лафарг убедился с первых же своих шагов. Уже через две недели после прибытия в Испанию ему пришлось присутствовать на общем собрании Мадридской федерации, где в сочувственном духе обсуждался юрский циркуляр. Но когда кто-то предложил огласить выпущенный в ответ на него циркуляр женевцев — сторонников Генерального Совета, присутствовавший на собрании Мораго не допустил его прочтения. Пришлось опубликовать его в «Эмансипации». Заметим, что «Эмансипация» до того опубликовала Сонвильерский циркуляр; но когда она позволила себе напечатать документ, говоривший в пользу Генерального Совета, анархисты, вопившие на всех перекрестках о том, что им зажимают рот, что не дают высказываться противоположным мнениям и т. п., пришли в страшное негодование, и группа непримиримых альянсистов во главе с Мораго основала, в противовес «Эмансипации», свою чисто анархическую газету «El Condenado», которая начала выходить с февраля.

Лафарг сумел убедить большинство членов федерального комитета в необходимости покончить с тайным обществом внутри Интернационала. Для этого они воспользовались правительственными гонениями на Интернационал. 16 января 1872 года министр Сагаста приказал распустить секции Интернационала в Испании. В ответ на это федеральный комитет 31 января заявил, что не признает правительственного распоряжения, и предложил секциям с ним абсолютно не считаться. Но одновременно он постановил принять и другую меру, а именно перевести наиболее активную часть организации в подполье. Брошюра об Альянсе (стр. 33) об'ясняет скрытую цель этой меры [2]. «Испанский

---

[1] Так как Лафарг был первым, разоблачившим существование тайного Альянса, и таким образом подготовил удар, нанесенный Альянсу на Гаагском конгрессе, то анархисты до сих пор питают к нему самую пламенную ненависть и не могут произносить его имени без проклятий и скрежета зубовного.

[2] Не забудем, что одним из ее авторов был Лафарг.

федеральный совет, — говорит она, — понял, что настоятельно необходимо отделаться от Альянса. Правительственные преследования доставили ему предлог к этому. Он предложил, на случай роспуска Интернационала, образовать тайные группы «Защитников Интернационала», в которых должны были незаметно раствориться секции Альянса. Включение многочисленных членов неизбежно должно было изменить их характер, и, в конце концов, они (т.-е. секции Альянса) должны были исчезнуть вместе с группами («Защитников Интернационала») в тот день, когда прекратятся гонения. Но Альянс, разгадав скрытую цель этого плана, сорвал его». С своей стороны альянсисты предложили в крайнем случае придать Интернационалу такую форму, которая была бы допущена правительством. Это пахло, конечно, приспособленчеством, но, как мы знаем, несмотря на свои радикальные декларации, альянсисты подчас проявляли значительный оппортунизм [1].

Альянсисты затаили злобу и при первом удобном случае поспешили расправиться со своими противниками. Произошло это по следующему поводу.

Одна из задач, поставленных Лафаргу, заключалась в создании рабочей партии, независимой от всех буржуазных партий. Такова же была и сущность резолюции, принятой по политическому вопросу Лондонской конференцией. Нужно, впрочем, сказать, что если в Испании Интернационал обладал в то время организацией, пожалуй,

---

[1] Вот один любопытный пример. Брошюра об Альянсе (стр. 34) рассказывает, что в анархической газете Мораго сотрудничал между прочим видный деятель буржуазной республиканской партии Эстебанес, впоследствии губернатор Мадрида и военный министр; другие альянсисты были избирательными агентами той же партии. И брошюра прибавляет: «И чтобы иметь также своего Фанелли в испанских кортесах, Альянс намеревался выставить кандидатуру Мораго». Гильом возмущен этим указанием и пытается его опровергнуть (т. II, стр. 276). Но как он его опровергает? С помощью маленькой передержки и... признания факта. Вот что он пишет: «Чтобы выставить Мораго, ставшего предметом ненависти Меса и Лафарга, в смешном или подозрительном свете, книжонка 1873 года (т.-е. брошюра об Альянсе) упрекает его в том, что он позволил выставить свою кандидатуру в Кортесы (ничего подобного «книжонка» не говорит; она говорит только, что Альянс намеревался выставить эту кандидатуру. — *Ю. С.*). Вот история этой кандидатуры. В Барселоне предстояли частичные выборы; это происходило в тот момент, когда в Кортесах начиналось обсуждение вопроса об Интернационале. Барселонская группа «Alianza» сочла полезным послать в Кортесы человека, «который поддерживал бы там идеи Интернационала, сорвал бы маску с буржуазного класса и, по окончании дебатов, ушел бы из этого гнезда растления»; ввиду этого она письменно обратилась к Мораго, «человеку, который по своей честности и поведению казался наи-

более сильной, чем в других странах, настроение его руководящей верхушки, находившейся во власти анархических воззрений, было неблагоприятно для такой попытки. Со слов анархиста, поместившего в мадридской «Revista Social» от 24 и 31 января 1884 года статью «О зарождении анархо-коллективистских идей в Испании», Неттлау сообщает, будто одним из первых шагов Лафарга в Испании было собеседование о возможности основания рабочей партии с вождем республиканцев-федералистов Пи-и-Маргалем, который якобы убедил его в неосуществимости этого плана ввиду настроения испанских интернационалистов. Однако Лафарг не отказался от своей мысли. На заседании федерального комитета он прочитал доклад о необходимости создания рабочей партии и, повидимому, встретил там сочувствие этому делу. От анархистов эта работа Лафарга не могла, конечно, остаться тайной, и на этой-то почве и вспыхнул первый открытый конфликт.

Вот как излагает этот чреватый последствиями инцидент брошюра об Альянсе (стр. 34—35): «Для достижения этой цели необходимо было прежде всего совершенно отделить рабочий класс от всех буржуазных партий, особенно от республиканской партии, рекрутировавшей среди рабочих массу своих избирателей и бойцов [1]. Федеральный совет [2] рекомендовал воздержание при всех выборах депутатов, как монархистов, так и республиканцев. Чтобы отнять у народа всякую иллюзию насчет мнимо-социалистической фразеологии республиканцев, редакто-

---

более подходящим», с запросом, согласен ли он выставить свою кандидатуру. Мораго отказался, и дело на этом закончилось. Таким образом Мораго никогда не был кандидатом».

Что же собственно Гильом опровергает? Брошюра об Альянсе и не говорила о том, что Мораго был кандидатом; она указывала лишь на непоследовательность Альянса, который, отвергая политику и пр., при случае готов был самым беспринципным образом нарушать свои запреты. При этом брошюра напоминает о примере Фанелли. Она не знала тогда других аналогичных фактов, на которые мы указали в этой книге. Мы теперь знаем, что в Альянсе такие явления не были исключением. Из трех старейших и главнейших альянсистов Италии двое (Фанелли и Фриша) долгие годы были депутатами буржуазного парламента, а третий (Гамбуцци) собирался им стать — и все это с благословения самого папы Бакунина. Поэтому решение барселонских альянсистов вовсе не является чем-то неслыханным в истории Альянса. И напрасно Гильом так разволновался.

[1] Что проповедь анархистами политического воздержания играла только в руку буржуазным демократам как в Испании, так и в Италии (мацциинистам), это очевидно.

[2] Так брошюра называет федеральный комитет.

ры «Эмансипации», бывшие вместе с тем и членами федерального совета, обратились к представителям республиканско-федералистической партии, с'ехавшимся на конгресс в Мадриде, с письмом, в котором требовали от них практических мер и предлагали им высказаться по поводу программы Интернационала [1]. Это было страшным ударом для республиканской партии; Альянс взял на себя смягчить этот удар, ибо он, напротив, был связан с республиканцами...

«Альянс имел уже зуб против федерального совета за два непростительные греха: 1) за воздержание по юрскому вопросу; 2) за покушение на его целость. После поступка совета по отношению к республиканской партии, срывавшего все его (Альянса) планы, он решил погубить его. Письмо к республиканскому конгрессу было воспринято там, как об'явление войны. «La Igualdad», самый влиятельный орган партии, резко напал на редакторов «Эмансипации» и обвинял их в том, что они продались Сагасте. «El Condenado» поддерживал эту гнусность своим упорным молчанием. Альянс сделал для республиканской партии нечто большее. Вследствие этого письма он добился исключения редакторов «Эмансипации» из мадридской федерации Интернационала, в которой он пользовался преобладающим влиянием».

Таков рассказ одной стороны (в данном случае, вероятно, Лафарга). Сущность его сводится к тому, что обращение к республиканскому с'езду было актом революционным, и что Альянс исключил редакторов «Эмансипации» с целью угодить буржуазной республиканской партии. Анархисты отвергают эту версию, которую Гильом называет «умопомрачительным романом» (т. II, стр. 275 и сл.). В их освещении дело представляется несколько иначе.

Поступок редакторов «Эмансипации» был нарушением установившейся традиции. Так, когда в июне 1871 года республиканская партия пригласила Интернационал прислать на ее конгресс своих делегатов, тогдашний федеральный комитет отклонил это приглашение ввиду различия п р о г р а м м [2]. Поэтому альянсисты усмотрели в посылке упомянутого письма редакторами «Эмансипации» почин в деле сближения с буржуазными партиями, оторвать от которых пролетариат стоило такого большого труда, тем более, что на конгрессе письмо это было представлено как официально исходящее от Интернационала. Ввиду этого местный мадридский комитет поспешил написать 7 марта респу-

---

[1] Это имело место 25 февраля 1872 года.

[2] Но ведь посылка своих представителей на буржуазный с'езд и обращение к нему с письменными требованиями (даже если бы они не имели разоблачительной цели) — вовсе не одно и то же!

бликанскому конгрессу, что письмо редакторов «Эмансипации» не только не исходит от Интернационала, но даже находится в противоречии с его принципами, выраженными в прошлогоднем письме тогдашнего федерального комитета. Кроме того мадридский комитет потребовал от «Эмансипации», чтобы она поместила в таком духе раз'яснение. Меса категорически от этого отказался. Напротив, будучи ввиду от'езда Мора временно исполняющим обязанности секретаря федерального комитета, он с согласия своих товарищей отправил 9 марта новое письмо республиканскому конгрессу, в котором заявлялось, что федеральный комитет солидаризируется с принципами, изложенными в первом письме [1]. Тогда мадридский комитет исключил всех шестерых редакторов «Эмансипации», бывших в то же время членами федерального комитета (Ф. Мора, Х. Меса, П. Иглезиас, В. Пахес, И. Калеха, И. Паули), из состава мадридской федерации [2].

Допустим, что анархистская версия верна, что письмо от 25 февраля было проявлением оппортунистического грехопадения, чего на самом деле наверное не было [3]. Что же делает мадридский комитет? Вместо того чтобы обратиться по партийной инстанции в федеральный комитет с просьбой разрешить спор и призвать к порядку редакторов «Эмансипации», местная группа пишет письмо буржуазному конгрессу, дезавуирующее редакцию официального партийного органа. Этого мало. После того как сам Меса вносит вопрос в федеральный комитет, а тот признает группу редакторов правой, мадридская секция, т.-е. местный городской комитет, открыто выступая против федерального, т.-е. Центрального Комитета,

---

[1] Что беспристрастные люди вроде А. Лоренцо вовсе не усмотрели в письме от 25 февраля какого-то заигрывания с буржуазными партиями, а поняли его именно «как средство рассеять политические иллюзии рабочих», видно из письма Лоренцо к Гильому от 28 декабря 1905 года (см. Гильом, т. II, стр. 275, прим.).

[2] Чтобы опровергнуть утверждение брошюры об Альянсе, что именно Альянс добился исключения этих шестерых редакторов «Эмансипации», Гильом напоминает, что они сами были членами Альянса и составляли его мадридскую группу. Ну, так что же? Твердокаменные альянсисты, под руководством Мораго, выкинули поколебавшихся, мягкотелых, «изменников». Обычная история во фракционной борьбе.

[3] Особенно оригинальна эта суровая принципиальность со стороны людей, преклонявшихся перед Бакуниным, который в течение целого года не только писал письма, но и сидел в центральном комитете буржуазной Лиги Мира и руководил ее действиями. Гильом и Неттлау, разоблачающие зловредный оппортунизм редакторов «Эмансипации», об этой странице жизни Бакунина, разумеется, забывают.

позволяет себе исключить шестерых его членов. Большей дезорганизации и развязности, большего нарушения всех принципов партийного строительства нельзя себе и представить. Только при анархическом понимании организационных принципов, при неограниченной автономии, проще — разнузданности местных групп возможны такие скандальные факты. Таким образом даже в изображении анархических историков этот инцидент целиком говорит против мадридского комитета и вдохновлявших его твердокаменных альянсистов.

Суть лежала здесь глубже. Сам Гильом признает, что письмо редакторов было «само по себе совершенно незначительным инцидентом». Твердокаменные альянсисты просто придрались к случаю, чтобы нанести решительный удар тем из своих недавних единомышленников и новым сотрудникам последних (вроде Лафарга), которые подозревались ими как проводники политики Генерального Совета и враги тайного Альянса. Для этого выбран был удобный момент, позволявший обвинить их в оппортунизме, в соглашательстве с буржуазными партиями и таким путем заранее скомпрометировать идею рабочей партии.

Но крайние альянсисты не сразу добились победы. На годичном конгрессе испанской федерации в Сарагоссе 4—11 апреля 1872 года царил скорее примирительный дух. Внесенный Мораго проект реорганизации или, вернее, дезорганизации испанской федерации, построенный на автономии секций и на лишении федерального комитета полномочий, предоставленных ему конференцией в Валенсии, конгресс отклонил, при чем провалу его содействовал Лафарг, участвовавший на с'езде под именем Пабло Фарга (он принужден был скрываться от полиции как иностранец, которому грозила высылка). Конгресс постановил сохранить прежнюю организацию и заявил о своем присоединении к решению Бельгийского конгресса (см. выше). Местопребыванием нового федерального комитета,, составленного из примиренческих элементов, назначена была Валенсия. Наконец, конгресс постановил восстановить шестерых исключенных из мадридской федерации членов в их правах, а двух из прежних членов федерального комитета, Лоренцо и Мора, избрал даже в состав нового федерального комитета (Мора, впрочем, отклонил избрание).

На конгрессе в Сарагоссе участвовало шестнадцать членов Альянса, в том числе семь членов старого федерального комитета (из них шесть исключенных редакторов), которые естественно уже не пользовались доверием остальных девяти. Члены старого комитета предложили

распустить Альянс, созвав для обсуждения этого вопроса специальное совещание. Остальные девять альянсистов во главе с Мораго уклонились от этого совместного совещания с людьми, которых они считали уже врагами Альянса. У них происходили свои секретные совещания, на которых они, как кажется, пришли к тому выводу, что, при создавшихся обстоятельствах, трениях и разоблачениях, сохранение тайной организации в прежнем виде невозможно, и постановили распустить группы своего тайного Альянса.

Но они, повидимому, не очень-то торопились с выполнением своего постановления. Ввиду этого Меса с товарищами 2 июня провели роспуск мадридской группы Альянса и обратились с таким же предложением к другим альянсистским группам, из которых только кадикская последовала этому совету. Вот что писали мадридцы другим альянсистам: «Альянс уклонился с пути, по которому должен был, по нашему мнению, следовать в нашей стране; он извратил мысль, породившую его, и вместо того, чтобы быть составной частью нашего великого Товарищества, активным элементом, толкающим вперед различные органы Интернационала, помогая им и способствуя их развитию, он совершенно отделился от остальной части Товарищества и превратился в сепаратную организацию, так сказать, более высокого порядка и с тенденциями к господству, внося этим в наши ряды недоверие, несогласие и раздор». На следующий же день последовало возмездие за этот дерзкий шаг.

Надо сказать, что альянсисты имели основание негодовать на группу, сплотившуюся вокруг «Эмансипации», в которой Лафарг играл видную роль. «Эмансипация» посмела защищать политику Интернационала, поддерживать Генеральный Совет и даже разоблачать Альянс как вредную для единства организацию. Особенно горячую кампанию вел против Альянса темпераментный Лафарг, который, не ограничиваясь борьбою в самой Испании, пытался вынести этот вопрос на суд международного пролетариата. Считая своим долгом разоблачить Альянс перед общественным мнением Интернационала, Лафарг послал в брюссельскую «Liberté» две корреспонденции, появившиеся в этой газете 28 апреля и 5 мая 1872 года. В этих статьях он правильно указывал, что в Испании (он знал т о л ь к о про Испанию) Альянс образует тайное общество, ставящее себе целью руководить Интернационалом, являясь некоей аристократией в его рядах [1]. Это, как с негодованием указывает Неттлау, было «п е р в ы м публичным разоблачением его

---

[1] Была помещена еще одна его корреспонденция в «Liberté» от 19 мая и в «Egalité» от 1 июня.

(Альянса) существования со стороны интернационалиста». Но это негодование совершенно неосновательно. Именно интернационалист и обязан был это сделать; те же интернационалисты, которые (вроде Гильома) скрывали существование тайной организации внутри Интернационала, совершали тяжкое преступление перед мировым рабочим движением.

При таких взаимоотношениях неудивительно, что альянсисты должны были воспользоваться первым же удобным поводом, чтобы отделаться от столь назойливых свидетелей. 2 июня Меса и его товарищи разослали свое предложение о роспуске групп Альянса, а на следующий же день они были привлечены к суду секции «Varia» якобы за статью, появившуюся в «Эмансипации» от 1 июня, признаны «изменниками» и исключены из членов секции (присутствовавшими 15 членами секции во главе с Мораго). Спрашивается: какое же тяжкое преступление совершила газета, напечатав эту статью, и каково было ее содержание? На это отвечает брошюра об Альянсе (стр. 36).

«В качестве предлога была использована статья «Эмансипации» от 1 июня, где требовалось расследование «об источниках богатства министров, генералов, высших должностных лиц, государственных чиновников, городских голов и пр., а также всех политических деятелей, которые, не занимая общественных постов, жили под крылышком правительств, поддерживая их в парламенте и прикрывая их неблаговидные действия маскою мнимой оппозиции... и имущество которых должно было бы быть в первую очередь конфисковано на другой день революции». Альянс, усмотревший в этих словах прямой выпад против его приятелей из республиканской партии, обвинил редакторов «Эмансипации» в измене делу пролетариата под тем предлогом, что, требуя конфискации имущества расхитителей государственного достояния, они этим самым признают частную собственность. Ничто не доказывает нагляднее реакционного духа, который скрывается за революционным шарлатанством Альянса, и который он хочет привить рабочему классу. И ничто не свидетельствует ярче о недобросовестности альянсистов, чем исключение, в качестве защитников частной собственности, тех самых людей, которых они предают анафеме за их коммунистические идеи».

Сообщение это с первого взгляда представляется настолько невероятным, что в первый момент читатель готов подвергнуть его сомнению и, при всем уважении к авторам брошюры (Энгельс и Лафарг), допустить, что в данном случае они увлеклись полемическим задором. Чтобы восстановить действительный факт, мы, по нашему обычному

правилу, обратились к тем авторам, которые поставили задачей своей жизни опровергнуть утверждения этой брошюры, т.-е. к Неттлау и Гильому. Всякий, кто знает, как усердно они копаются в каждом слове этой брошюры, придираются к каждой ее запятой, пытаясь оспорить каждое ее показание, естественно предположит, что по поводу этого индицента они дают версию, совершенно иначе об'ясняющую вторичное исключение названных лиц. И что же? Мы не верим своим глазам. Эти обычно столь многоречивые авторы обходят данный инцидент полным молчанием и ни словом не упоминают о содержании обвинения, выдвинутого против предложенных к исключению из Интернационала товарищей. Правда, и Гильом (т. II, стр. 293—294), и Неттлау (литографированная биография, стр. 682, и статья об Испании в «Архиве» Грюнберга, стр. 297) упоминают о том, что сыр-бор загорелся из-за статьи в «Эмансипации» от 1 июня, но они избегают удовлетворить законное любопытство читателя рассказом о содержании этой преступной статьи, и оба на сей раз смиренно обходят молчанием рассказ брошюры об Альянсе [1]. Это молчание более чем красноречиво.

Апелляция исключенных к федеральному комитету, который с уходом последнего примирительно настроенного члена, А. Лоренцо, окончательно подпал под влияние Альянса, не помогла. Федеральный комитет (т.-е. ЦК) об'явил себя «некомпетентным»! Тогда исключенные вместе со своими единомышленниками, сторонниками Генерального Совета, образовали 8 июля «Новую мадридскую федерацию», которая на основании власти (!), предоставленной ему конгрессами, не была допущена альянсистским федеральным комитетом, сторонником полной автономии секций, но была признана Генеральным Советом на основа-

[1] Неттлау и в данном случае проявляет больше стыда, чем Гильом. Он просто набрал воды в рот и делает вид, что рассказа брошюры и вообще брошюры не существует. Гильом же, более развязный, вступает с брошюрой в полемику — знаете, по какому поводу? В брошюре, видите ли (совершенно в другом месте, на стр. 34, и по совершенно другому поводу), сказано, что Фелипе Мартин, возбудивший дело против Меса и К°, был избирательным агентом республиканской партии. Гильом высказывает сомнение в этом. Выходит, что он как будто не обошел молчанием соответствующего места брошюры. Весь курьез в том, что брошюра, рассказывая об исключении Месы и товарищей, вовсе не упоминает имени их обвинителя, личности слишком ничтожной и явно подставной фигуры (он официально даже не был членом Альянса; Мораго же выдвинул его лично, чтобы прикрыться негодованием «беспартийного»). По поводу же содержания статьи, послужившей поводом к исключению, Гильом благоразумно не вступает в спор с брошюрой.

нии полномочий, предоставленных ему Базельским конгрессом Интернационала [1]. Ирония судьбы, отмеченная в свое время «Бюллетенем Юрской Федерации»:

Теперь в Испании борьба между меньшинством, стоявшим на позиции Генерального Совета, и большинством, разделявшим взгляды Альянса, разгорается во-всю. Мы не станем здесь заниматься описанием взаимных «разоблачений» и «пригвождений к позорному столбу», которыми занимались обе стороны, так как это не относится прямо к нашей теме и представляет, увы, обычное явление, человеческое, слишком человеческое, во всякой фракционной грызне. Поэтому перейдем прямо к тому отношению, которое проявил Бакунин при известии об испанских дрязгах и о решении испанских альянсистов распустить свою тайную организацию, что уже было выполнено в Мадриде и Барселоне.

Когда слух об этом постановлении дошел до Бакунина, он решил пустить в ход всю силу своего красноречия, чтобы удержать своих сторонников от такого пагубного на его взгляд шага. Узнав о роспуске мадридской и барселонской групп Альянса, он начал бомбардировать испанских альянсистов письмами, убеждая их восстановить тайную организацию и очистить ее от нежелательных элементов [2]. До нас дошли черновики и отрывки целого ряда таких писем, собранных Неттлау.

---

[1] Причина, по которой Генеральный Совет сделал это, не запросив предварительно мнения испанского комитета, об'яснена Энгельсом в его докладе Зорге от 31 октября 1872 г.: «После того, как имелось налицо достаточно доказательств о существовании и деятельности Альянса в Испании, и сделался неоспоримым факт, что большинство, если не все члены испанского федерального совета одновременно состоят и членами Альянса, Генеральный Совет затребовал от совета об'яснения и справок относительно этого тайного общества. В своем ответе от 3 августа 1872 г. испанский федеральный совет открыто взял сторону Альянса, заявив, однако, при этом, что последний уже распущен. Запрашивать мнения у комитета, ставшего во время конфликта между Интернационалом и образовавшимся внутри его частным обществом на сторону последнего, было бы более чем излишним, с чем Гаагский с'езд вполне и согласился» (Зорге — «Письма», СПБ, 1907 г., стр. 77—78). Извиняемся за плохой русский перевод (так, к сожалению, переведена вся книга в этом издании).

[2] Попытки Гильома доказать, что Бакунин путал «Alianza» с Альянсом (между которыми якобы не было ничего общего) и в своих письмах сам не знал, о чем говорил, производят впечатление больного бреда и заставляют просто пожимать плечами при виде этих усилий отрицать очевидные факты. Неттлау в этом вопросе предпочитает держаться нейтралитета и бормотать что-то невразумительное.

Письмо к Мораго (Паоло) от 21 мая 1871 года [1] начинается так: «Дорогой брат, я вправе называть Вас этим именем, во-первых, как один из самых старых братьев-основателей Альянса, а, во-вторых, как самый интимный друг, как настоящий брат того, кого мы называем Кристофом (конспиративная кличка Фанелли. — *Ю. С.)*, и который, посланный нами, выехал в конце октября 1868 года из Женевы в Испанию и был действительно первым основателем как Интернационала, так и Альянса, сначала в Мадриде, а затем в Барселоне».

Указав на то, что неблагоприятные слухи распространяются о нем «реакционной шайкой» Маркса, а потому не заслуживают никакого доверия в глазах истинного революционера, Бакунин продолжает: «Поэтому я буду говорить со всем доверием и со всем авторитетом брата. Мы получили весьма печальное известие: Альянс в Мадриде,

---

[1] Оно теперь опубликовано (в немецком переводе) в «Gesammelte Werke», т. III, стр. 101—108. Мы переводили с оригинального французского текста.

Кстати, для характеристики системы анархистского укрывательства. По поводу этого письма Гильом (т. II, стр. 293) замечает: «Это письмо главным образом показывает, как плохо информировали Бакунина его барселонские друзья относительно того, что происходило в Испании. Он не отдавал себе совершенно отчета в действительном характере Alianza, местной организации, отнюдь не связанной с какой-либо тайной интернациональной организацией. Обращаясь к Мораго, которому, это следует отметить, он пишет впервые, он напоминает, как в письме к Лоренцо, о Фанелли; он говорит своему корреспонденту о том Альянсе 1868 года, от имени которого Фанелли совершил пропагандистскую поездку в Испанию и основал секцию Интернационала в Мадриде; и в интересном месте, которое можно прочесть у Неттлау, но которое я должен (!) отказаться воспроизвести здесь, он излагает свой взгляд на организацию, каковою должно было бы быть Интернациональное Братство». Более того, Гильом пытался убедить в «ошибке» Бакунина и самого Неттлау, который слишком неосторожно разоблачал секретную кухню Альянса опубликованием найденных им рукописей Бакунина и других альянсистов. Он написал Неттлау письмо, в котором уверял его, что Бакунин смешивал испанскую Alianza с Интернациональным Братством, к которому принадлежал Сентиньон. «Бакунин, — писал Максу Неттлау Гильом, — обращается, повидимому, к Мораго как к интернациональному брату (каковым тот не был [а кстати, откуда Гильом, якобы никогда не участвовавший в тайном Альянсе и Братстве, об этом знает?]) и, отдаваясь своему воображению, рисует ему картину организации, существовавшей только теоретически в голове Бакунина, в виде мечты, любовно лелеемой, химеры, образовавшейся в облаках дыма от его папиросок». Конечно, такой идеальной организацией, какою Бакунин рисует ее Мораго, Альянс никогда не был, но это не мешало ему существовать. Приемы Гильома напоминают приемы того католического священника, кото-

равно как и в Барселоне, распускается и частью уже распущен. Мы считаем этот роспуск великим несчастьем с точки зрения революционной солидарности всех стран, а те, кто был причиною этого роспуска и разглашения тайн Альянса, даже самого его существования, которое всегда должно оставаться тайным и невидимым и которого никто из нас не вправе выдавать, не покрывая себя позором и не нарушая высшей обязанности, соблюдать которую мы взаимно обязались, — те являются тяжкими преступниками».

Бакунин настаивает на восстановлении тайной организации с удалением из нее всех ненадежных элементов.

«Но не для того, чтобы выражать бесплодные сожаления, я пишу Вам это письмо, дорогой брат, а для того, чтобы сказать Вам, что на-

---

рый написал брошюру, доказывавшую, что Наполеон I никогда не существовал, а что легенда о нем представляет просто астральный миф; но почтенный кюре шутил, а Гильом писал свою историю Интернационала «всерьез и надолго». Даже Неттлау не соглашается с оригинальной теорией Гильома, сводящего весь «роман» об Альянсе к полету бакунинской фантазии. Приведя в своей статье об Испании (стр. 289) эту цитату из письма к нему Гильома, Неттлау прибавляет: «Я не думаю, чтобы Бакунин действительно ошибался. Он видел, что дела Alianza основательно подорваны, и старался побудить к восстановлению Alianza блестящим изображением Альянса, того, чем он мог бы и должен был бы быть, для каковой цели обращение к Мораго, шедшему, как казалось, слишком самобытным путем (Сарагоса, организационный вопрос), равно как призыв ко всем членам Alianza в совокупности, представлялись ему целесообразными. То, что он ссылается на Фанелли и старый Интернациональный Альянс, показывает только, что помимо того между ним и столь известными испанцами, которым он писал (Мораго, Лоренцо...), не существовало никаких отношений. Он, думается мне, понимал Alianza не иначе, как частные связи активных деятелей (militants) в юрской секции, о которых он знал, не будучи знаком с отдельными личностями, как в Испании. Он ошибался только в оценке лиц и отношений, напрягая усилия в то время, когда примирение было уже невозможно. Впрочем, его г л а в н а я ц е л ь заключалась в восстановлении общества, и этой цели он добился». Темна вода во облацех! Если точка зрения Гильома имеет достоинство ясности (голословное и полное отрицание), то у Неттлау вообще не разберешь, что он собственно хочет сказать. С одной стороны, Альянс существовал, а с другой — это было якобы «частное» отношение каких-то лиц. С одной стороны, Бакунин не ошибался, смотря на Alianza как на испанский отдел своего Интернационального Альянса, а с другой... не поймешь, что с другой. Одним словом, с одной стороны, нельзя не признаться, а с другой — нельзя не сознаться. А между тем документы говорят совершенно недвусмысленным языком, и ни запирательству Гильома, ни словесной эквилибристике Неттлау не удастся замазать их истинный смысл.

стоящие виновники, те, кто предал Альянс по злостности и по непростительной слабости, должны быть навсегда удалены из него, но что добрые, энергичные, умные, преданные, ревностные, свободные от личных интересов, те, кто стремится не к собственной славе, а к торжеству революции, те, кто способен потопить свою индивидуальность в коллективной мысли и коллективной деятельности, кто проникнут страстностью, вплоть до готовности итти на смерть, и в то же время обладает сдержанностью, те должны восстановить Альянс, поставив себе высшим законом: впредь не допускать в его состав никого, кроме людей вполне серьезных, как с точки зрения ума, так и революционной страсти, но особенно с точки зрения испытанного характера».

Бакунин готов даже рассматривать роспуск альянсистских групп как счастливое событие, так как это даст возможность в будущем очистить их от неустойчивых элементов. Для этого он рекомендует впредь применять к кандидатам в группы или секции Альянса испытанное правило единогласного избрания. Вместе с тем он советует не принимать в члены Альянса людей тщеславных и честолюбивых. «Мы, — говорит он, — поставили себе за правило не допускать в наше святая святых, в наш интимный круг и в общее Братство ни одного честолюбца, ни одного тщеславного человека, как бы близки ни были их мысли и их страстные стремления с нашими, как бы умны и образованы они ни были, и как бы ни была велика польза, которую должны были бы принести нам их связи и их влияние в обществе» [1].

Далее следует уже цитированное нами выше (том третий) место о задачах тайного Альянса, как могучего незримого коллектива, призванного руководить социальной революцией, как главного штаба народного восстания, о взаимоотношениях Альянса и Интернационала и т. д. [2].

Затем идет общее письмо к испанским альянсистам, точную дату которого установить трудно и которое могло быть написано и в апреле — мае 1872 года [3]. Часть этого письма, характеризующая цели тайного Альянса, мы также цитировали в третьем томе (стр. 99—102).

---

[1] Наши читатели, знающие из предыдущего изложения, как легко Бакунин принимал в свои тайные общества первых встречных, сумеют оценить всю основательность этого горделивого заявления.

[2] Конец письма до нас пока не дошел. Вообще большинство писем в Испанию, повидимому, погибло (кроме письма к Ф. Мора, напечатанного в брошюре об Альянсе). Те, которые найдены Неттлау, известны нам в набросках и черновиках, обыкновенно неполных.

[3] Неттлау полагает, что это письмо относится к июню 1872 года. Но, по нашему мнению, он ошибается. Дата письма устанавливается письмом

«Братья, — начинает Бакунин, — я старый и интимный друг, могу сказать, брат Кристофа (т.-е. Фанелли. — *Ю. С.)*, друга и брата, которого, конечно, не забыли многие из вас. Вместе с ним я был одним из первых основателей А[льянса]. На этом двояком основании я обращаюсь к вам, братья по А[льянсу]. Злосчастная склока, вызванная борьбой самолюбий, которые, как видно, пожертвовали нашею великою целью, торжеством мировой социальной революции, в угоду своему тщеславию и личному честолюбию, в конце концов привела к роспуску мадридского Альянса. Я не берусь никого судить, но во имя наших принципов, равно как от имени всех наших братьев, я должен сказать, что тяжкая вина ложится на тех, кто способствовал этому роспуску, на тех, кто разгласил тайну Альянса, хранить которую все мы обязались своею честью».

Дальше Бакунин доказывает, что Альянс имеет право на существование на-ряду с Интернационалом, являясь тайной боевой организацией, призванной возглавить восстание пролетариата против сплоченных сил буржуазии (это место мы привели в III томе). И в отрывке, представляющем, повидимому, конец этого письма, Бакунин убеждает своих последователей восстановить распущенную было тайную организацию Альянса, особенно важную в момент, когда Испания переживает революционные события.

«Вот в чем заключается идея, цель и конституция Альянса, — говорит он. — Это общество братьев, солидарных вплоть до смерти и не имеющих другой цели, кроме торжества нашей революции. Мы должны быть чрезвычайно терпимы и в то же время чрезвычайно искренни и всегда правдивы во взаимных отношениях. Мы преисполнены недостатков, слабостей, увы, часто, слишком часто, глупостей. Но все это ничего не значит, если только мы останемся верны друг другу на почве нашей программы, если мы усвоим хорошую привычку взаим-

---

Бакунина к Ралли от 28 мая 1872 г., где сказано: «послал 10 (т.-е. Гильому) окончание моего испанского письма» (Сборник «О Минувшем», стр. 304), а в комментариях Ралли (стр. 307) поясняется, что Бакунин говорит здесь «о своем длиннейшем письме к испанцам; письмо это, написанное Владимиром Августовичем Гольстейном под диктовку Бакунина, было привезено в Невшатель (Лермонтовым. — *Ю. С.)* и сдано Гильому, который должен был переслать его Алерини в Барселону». Равным образом трудно установить, составляют ли два известных отрывка послания к испанцам части одного письма или двух. Неттлау предполагает, что небольшой отрывок представляет конец первого большого наброска. Оба эти отрывка опубликованы Неттлау в III томе «Gesammelte Werke», стр. 108—118 и 118—119. Мы и здесь переводим с оригинального французского текста.

но дополнять друг друга в нашей общей идейной и практической работе.

«Так ли вы организованы? Повидимому, нет, судя по тому, что вы сочли возможным распустить свою организацию и разойтись. Настоящий Альянс нерасторжим. Братья! И какой момент избрали вы для закрытия общества? Момент, когда пролетариат всей Европы стоит перед вопросом жизни и смерти. Разве же это не измена революции?

«Революция бурлит в Испании, и накануне великой борьбы вы распустили свой Союз! И по каким соображениям? Не вследствие принципиальных расхождений, а для того, чтобы дать удовлетворение личному тщеславию и честолюбию.

«Как бы мало вас ни было, вы будете сильны не сами по себе, а торжеством революции. Разделившись, вы будете носиться как безвольные и бессильные обломки по прихоти событий. Ибо, запомните хорошенько, время личных побед прошло. Наше время — это эпоха великих народных коллективов, которые увлекут все и захлестнут все индивидуальности, какими бы сильными они себя ни воображали и ни были.

«Во имя всех наших братьев, во имя социальной революции, во имя нашей религии, нашей страсти, во имя вас самих, вашей чести, вашей совести, вашего долга я заклинаю тех из вас, кто не солгал сам себе и другим, добиваясь вступления в Альянс в качестве братьев, восстановить среди вас истинный Альянс, забыв и простив друг другу старые грехи и все прежние ошибки и потопив все свои мелкие личные страсти в великой революционной страсти, в вашей общей мысли и общей работе.

«М. Бакунин,

«Член-основатель Альянса».

Бакунину нетрудно было убедить испанских альянсистов, так как они и без того не спешили с роспуском своих групп. Неизвестно вообще, распущены ли были какие-либо секции Альянса кроме мадридской, барселонской и кадикской (да и то, говоря о мадридской, мы имеем в виду ту, в которую входил Меса, а, повидимому, существовала и другая, более законспирированная, в которой участвовал Мораго). Надо полагать, что после бакунинских увещаний испанцы восстановили распущенные группы и вообще укрепили всю организацию испанского Альянса, так что ко времени Гаагского конгресса (выборы на который в Испании, несомненно, проходили под руководством Альянса) мы находим испанскую организацию Интернационала почти целиком в руках

Альянса, а испанских альянсистов готовыми войти в новый тайный Альянс, реорганизованный после раскола Международного Товарищества Рабочих (см. ниже).

Но зато существование тайного Альянса перестало быть секретом для врагов Бакунина. Пребывание Лафарга в Испании разоблачило этот секрет. Уже 22 апреля, т.-е. вскоре после Сарагосского конгресса, во время которого Лафарг окончательно убедился в существовании тайного общества внутри Интернационала и собрал о нем новые сведения, Энгельс сообщает Куно, что «в Испании Alliance de la Dém. Soc. спокойно продолжала существовать в н у т р и Интернационала как т а й н о е о б щ е с т в о под руководством Бакунина, — тайное общество, направленное не против правительства, а против массы рабочих!». И, прибавляет он, у него есть полное основание предполагать, что то же самое происходит в Италии. Сообщив Куно в письме от 10 июня, что у Генерального Совета имеются теперь доказательства существования в Испании тайного общества Alianza, и что по этому поводу на конгрессе Интернационала предстоит «жаркая схватка», Энгельс в письме от 5 июля говорит: «На чем бравый старый мошенник (Бакунин) сломит себе шею, так это на сохранении «Альянса» в в и д е т а й н о г о о б щ е с т в а, по крайней мере в Испании. Не только мы имеем доказательства этому в руках, но даже в Мадриде и пр. это дело теперь совершенно раскрылось, так что об отрицании и речи быть не может. Этот рубаха-парень, повсюду выставлявший себя в качестве преданнейшего бойца за Интернационал, организовал втихомолку этот заговор, для того чтобы захватить общее руководство и с помощью своих посвященных братьев-иезуитов водить за нос широкую массу рабочих как стадо баранов! Если бы это стали терпеть, я бы ни одного дня не остался в Интернационале. Быть бакунинским бараном — этого еще недоставало! То, что мы узнали об этом и угрожаем ему разоблачением на конгрессе, было для него жесточайшим ударом».

Наконец, 4 августа 1872 года Энгельс пишет Куно: «Посылаю Вам номер «Emancipacion» и циркуляр Лафарга (зятя Маркса) по-испански и прошу Вас хорошо с ними ознакомиться [1]. Из этого Вы увидите, что

---

[1] К этому месту Б. Николаевский, опубликовавший эти письма в «Die Gesellschaft» (1925, ноябрь), делает следующее примечание: «Письмо Лафарга: «Aux citoyens redacteurs du Bulletin» 17 мая 1872». Это же без всякой критики повторяет за ним и В. Полонский в «Печати и Революции», 1926, книга 3, стр. 63. А между тем Энгельс ясно говорит не о письме, а о ц и р к у л я р е, и не на французском, а на и с п а н с к о м языке. Да, наконец, зачем бы он стал в августе посылать Куно письмо Лафарга от мая? Дело ясно: Энгельс

нужно было Бакунину: тайное общество внутри Интернационала, чтобы через него забрать его в свои руки. К счастью, план этот таким образом разоблачен и притом своевременно. На этой истории Б[акунин] сломит себе шею. Во вторник Генеральный Совет выпускает по этому поводу обращение, которое вместе с тем является обвинением по адресу испан[ского] федерального совета, в котором сидят 5 членов Альянса».

24 июля 1872 года Энгельс в качестве секретаря для Испании обратился к испанскому федеральному комитету с письмом, в котором говорилось: «Граждане, у нас в руках имеются доказательства того, что внутри Интернационала и именно в Испании существует тайное общество, называемое Альянсом Социалистической Демократии. Это общество, центр которого находится в Швейцарии, ставит себе специальной задачей руководить в смысле своих особых тенденций нашим великим Товариществом и направлять его к целям, неизвестным подавляющему большинству интернационалистов. Сверх того мы знаем через севильскую «La Razon», что, по крайней мере, три члена вашего совета принадлежат к Альянсу...

«Если характер и организация этого общества противоречили бы духу и букве наших статутов, даже если бы оно было публичным и открытым, то его тайное существование внутри Интернационала, в нарушение данного слова [1], представляет настоящую измену по отношению к нашему Товариществу. Интернационал знает один только род членов с одинаковыми правами и обязанностями для всех; Альянс делит их на два разряда, посвященных и непосвященных, при чем последние подлежат руководству первых посредством организации, о самом существовании которой они даже не знают. Интернационал требует от своих сторонников признания истины, морали и справедливости в качестве основы их поведения; Альянс же в качестве первейшего долга возлагает на своих адептов обязанность обманывать непосвященных интернационалистов относительно существования тайного общества, относительно мотивов и самой цели своих слов и действий.

«Генеральный Совет в своем циркуляре [2] уже об'явил, что он предложит ближайшему конгрессу произвести расследование об этом Альянсе, настоящем заговоре против Интернационала... Он решил поло-

---

говорит об известной брошюре Лафарга «A los Internationales de la Region Española», выпущенной им в Мадриде 27 июня 1872 года. Ларчик просто открывался (для людей, знакомых с литературой о Бакунине).

[1] Характерно, что и Неттлау (стр. 683), и Гильом (т. II, стр. 308) пропускают весь этот абзац. Еще бы, знает кошка чье мясо с'ела!

[2] Циркуляр от 5 марта 1872 г. («Les Scissions» и пр.).

жить конец этим скрытым происка́м и для этого он требует от вас для составления записки об Альянсе, которую он должен представить Гаагскому конгрессу: 1) списка всех членов Альянса в Испании с указанием функций, выполняемых ими в Интернационале; 2) производства вами расследования о характере и деятельности Альянса, равно как об его организации и разветвлениях внутри Испании; 3) экземпляра вашего конфиденциального циркуляра от 7 июля 1872 [1].

«Кроме того он требует от вас: 4) об'яснения, как вы примиряете ваши обязанности по отношению к Интернационалу с присутствием в вашей среде, по крайней мере, трех заведомых членов Альянса Социалистической Демократии.

«В случае неполучения от вас с обратной почтой категорического и удовлетворительного ответа Генеральный Совет будет вынужден гласно заявить, что вы нарушили дух и букву общих статутов и предали Интернационал в интересах тайного общества, не только ему чуждого, но и враждебного».

Прижатые к стене альянсисты, разумеется, не спешили с ответом. Тогда Энгельс предложил подкомиссии Генерального Совета временно приостановить деятельность испанского федерального комитета. Так и надо было поступить. Но благодаря вмешательству Юнга, уже подготовлявшего свой переход в оппозицию, предложение Энгельса не прошло.

Только в начале августа федеральный комитет ответил «уклончивым письмом, в котором он, однако, признавал существование Альянса», как говорит брошюра об Альянсе (стр. 39), дерзким и лживым, как видно по его содержанию. Вот что, между прочим, говорил федеральный комитет, т.-е. Альянс, уже решившийся на раскол: «Мы всегда готовы отчитаться перед теми, кто избрал нас, но только перед ними, ибо они одни вправе судить нас, если мы не выполнили порученного нам мандата. Поэтому ваша угроза об'явить нас предателями, если мы не ответим

---

[1] Речь идет о тайном циркуляре испанского федерального комитета, который, желая обеспечить Альянсу исключительное представительство на Гаагском конгрессе и рассчитывая на большинство в свою пользу, предлагал избрать делегатов коллективным голосованием всей испанской федерации. Таким образом меньшинство, стоявшее на позиции Генерального Совета, лишалось представительства, но издержки на посылку делегации возлагались на всех членов федерации поголовно. Гильом, так горько жалующийся на «конфиденциальные сообщения» Генерального Совета, рассылавшиеся в с е м секциям Интернационала, не находит, конечно, в своем сердце ни капли негодования по адресу «конфиденциальных» действий и циркуляров альянсистов, направленных против Интернационала в целом.

вам с обратной почтой, нисколько нас не тревожит. Мы уверены, что исполнили свой долг... Вы требуете от нас с обратной почтой «списка всех членов Альянса в Испании с указанием функций, выполняемых ими в Интернационале». Разные соображения мешают нам удовлетворить это требование и должны были бы удержать вас от обращения к нам с подобными вопросами. Первое это — соображение достоинства: вы требуете от нас не более не менее, как услуги, которой глава государства потребовал бы от своего департамента полиции (!). Вдобавок мы не располагаем требуемыми вами сведениями по той простой причине, что наш совет не обязан знать ни числа и имен всех тех, кто, принадлежа к нашему Товариществу, участвует в то же время в других обществах, ни функций, которые они выполняют в нашем Товариществе, функций, которые, если они ими облечены, являются результатом заслуженного ими доверия [1]... Мы повторим вам то, что мы сказали в другом нашем циркуляре от 30 июля [2], а именно, что ни один член нашего совета не принадлежит ни к какой другой организации, кроме признанных нашей испанской областной федерацией, и мы вправе назвать жалкими клеветниками тех, кто стал бы утверждать противное» [3].

Последнее утверждение, в котором Неттлау (стр. 683) готов усмотреть «новое доказательство роспуска Альянса», в сущности представляет простую игру слов. Авторы ответа заявляют, что они не принадлежат к организациям, не признанным испанской федерацией, но секции Альянса в эту категорию не входили, ибо они испанской федерацией, в подавляющем большинстве бакунистской, очень даже были «признаны». Да и сам Неттлау — правда, не в толстой книге, а в статье, написанной 12 лет спустя (цит. ст. об Испании, стр. 289 и 291) — признает, что Бакунину удалось еще в июне убедить испанцев в необходимости восстановить тайный Альянс, при чем остается под вопросом, были ли действительно распущены его группы, кроме трех вышеназванных. Самый тон ответа (как и других документов тогдашнего

---

[1] Центральный Комитет не должен знать ни числа, ни имен, ни функций членов своей организации! Если это не просто увиливание, то весьма характерно для анархистского образа мыслей.

[2] Речь идет о циркуляре федерального комитета ко всем испанским секциям, который направлен был против «Эмансипации», продолжавшей разоблачать тайный Альянс. В ответ на произведенный комитетом опрос целый ряд федераций признал, что альянсисты оказали в Испании большие услуги Интернационалу. Да, но какому?!

[3] Письмо Энгельса и ответ на него были опубликованы федеральным Комитетом в барселонской «Federacion» и перепечатаны в № 15—16 «Бюллетеня Юрской Федерации» от 15 авг. — 1 сент. 1872 г.

испанского Интернационала) показывал, что Альянс в Испании силен, как никогда, и настроен самым боевым образом. Это показали и выборы делегатов на Гаагский конгресс, которые прошли по указке Альянса и при помощи «конфиденциальных (privées) циркуляров». На общий счет были избраны и посланы в Гаагу четыре ярые альянсиста: Фарга Пелисер, Алерини, Мораго и Марселау, завзятые анархисты и «братья», из них трое старых корреспондентов и «интимных» друзей Бакунина.

Дело яснее ясного. А события после Гаагского конгресса должны были бросить еще более яркий свет на роль Альянса в Испании.

Глава третья.

РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ ПРОПАГАНДА.

1. Основание русского отдела тайного Альянса.

После разрыва с Нечаевым Бакунин на время отошел от русских дел. Но он не оставлял своей мысли организовать при благоприятных условиях русский отдел своего Альянса. Не хватало только людей. Единственным активным человеком среди русской эмиграции, тяготевшим к Бакунину, был А. Росс (М. П. Сажин); Огарев, Жуковский и Зайцев, при всем их дружеском отношении к Бакунину, в этом отношении не шли в счет. Но с весны 1872 года дело начало изменяться к лучшему. За границей начали появляться новые русские эмигранты, и Бакунин получил, наконец, возможность приступить к осуществлению своего давнишнего плана.

Группа участников «Полунинской истории», В. Гольстейн, В. Смирнов и А. Эльсниц, арестованных в 1869 году и исключенных за студенческую демонстрацию из Московского университета, летом 1871 года уехали за границу для продолжения медицинского образования в Цюрихе. Они враждебно относились к Нечаеву и его методам работы и по этой причине в первое время даже не старались сблизиться с Бакуниным, не зная о перемене его отношения к Нечаеву. Из них Смирнов раньше других выказал склонность к революционной работе, сошелся с Россом и познакомился с Бакуниным, которого он вместе с Россом в сентябре 1871 года посетил в Локарно. Но бакунистом он не сделался, а впоследствии стал, напротив, одним из ярых врагов бакунизма и вместе с Лавровым издавал журнал «Вперед».

В. Гольстейн познакомился с Бакуниным раньше Эльсница и Ралли (последний только весною 1872 года очутился за границей). 11 марта 1872 года дневник Бакунина отмечает посещение его Гольстейном и его женой. Находясь в итальянском городке Арона, куда Ралли поехал лечиться от нажитого в Петропавловской крепости ревматизма, он и Эльсниц, проживавший с ним, получили от Гольстейна из

Локарно приглашение посетить Бакунина. 22 апреля оба они прибыли в Локарно [1].

«Бакунина, — рассказывает Ралли (цит. ст., стр. 287), — мы застали живущим настоящим отшельником; семья его в это время уже не жила с ним, отделившись окончательно (?) от него [2]; средств к существованию у него не было никаких, и жил он на средства своих самых интимных друзей, жил более нежели скромно, употребляя большую часть своего архискудного бюджета на франкировку обширной своей корреспонденции».

Знакомство Бакунина с Ралли, называвшимся тогда Рулевым, чуть было не испортилось с самого начала. Дело в том, что Бакунин, узнав о прежней связи Ралли с Нечаевым, в резкой форме предложил ему выбирать между знакомством с ним и Нечаевым: настолько враждебно он относился тогда к Нечаеву, обманувшему все его надежды и вдобавок его скомпрометировавшему [3]. Ралли, в действительности не одобрявший нечаевских приемов, счел себя, однако, оскорбленным таким ультиматумом и собрался уехать из Локарно, о чем и сообщил своим друзьям. «Утром на другой день, — рассказывает он, — когда я еще находился в постели, в комнату мою ввалилась колоссальная фигура Бакунина, сопровождаемая моими двумя товарищами, — и тут произошло между нами обстоятельное об'яснение, в результате которого я остался и не уехал, а, напротив, вступил в союз нового сформировавшегося кружка анархистов-бакунинцев».

В дневнике Бакунина отмечено: «26 (апреля 1872 г.): об'яснение между Гольстейном, Эльсницем и Ралли; 27: союз заключен; 1 апреля: читал программу и устав [4] с русскими; 3: последний вечер с русскими; составил словарь (т.-е. условный); 4: все мои русские уехали».

---

[1] У Ралли (сборник «О Минувшем», стр. 287) здесь путаница. То он говорит, что познакомился с Бакуниным «в конце 1872 г.», то ниже указывает, что впервые посетил Бакунина «в середине апреля». Дневник Бакунина приводит точную дату: 22 апреля 1872 года.

[2] На самом деле жена его с детьми гостила в то время в Ментоне у кн. Оболенской.

[3] Сажин рассказывает, что летом 1871 года Бакунин и ему пред'явил подобное же требование. В большом письме к Сажину Бакунин заявлял, что, «связываясь с Нечаевым, тем самым прерываешь связь со мною, и твоя честность и порядочность революционера обязывают тебя прямо и откровенно написать мне об этом». Сажин предпочел порвать с Нечаевым (М. П. Сажин — «Воспоминания», 1925, стр. 71).

[4] Повидимому, программу и устав тайного Альянса и Интернационального Братства, которые и стали программой и уставом вновь сформирован-

С этого времени у Бакунина начинается оживленная переписка с новыми русскими приятелями, а также с Россом и Озеровым, перебравшимся в Цюрих. Повидимому, около того же времени у Бакунина завязываются новые связи с славянами: поляками, сербами и т. д. Дневник его отмечает 16 мая визит серба М. Эрвачанина, а 8 июня составление «польской программы», вероятно, проекта упоминаемой ниже программы «Польского Социально-Демократического Товарищества» в Цюрихе. Бакунин стоял за сближение русских революционеров с этой польской группой, которую он надеялся привлечь на сторону анархической программы.

Вместе с Ралли, Эльсницем и Гольстейном Бакунин составил тайное общество «Русское Братство», которое он рассматривал как русский отдел тайного Альянса или Интернационального Братства (Ралли называет эту группу то «кружком», то «русским национальным комитетом Интернационального Союза», т.-е. Альянса) [1]. Кроме перечисленных лиц в группу входил старый приятель Бакунина Росс (Сажин), который, впрочем, был крайне недоволен скороспелым решением Бакунина и так и не сумел установить с новыми сторонниками Бакунина товарищеских отношений [2]. Впоследствии Бакунин привлек к этому кружку прибывшего на время из России Ф. Н. Лермонтова (позже судился по «Большому Процессу» и умер в 1878 году в тюрьме).

Вернувшись в Цюрих и столковавшись с Россом, группа приступила к работе. На собранные ею средства она приобрела типографию для печатания анархической литературы по плану Бакунина (типография при-

---

ной русской анархической группы (см. дальше). Относительно впечатления от этой программы Ралли говорит: «Я был увлечен еще и практической стороной программы, предложенной Бакуниным и не признававшей не только маккиавелизма и обмана в деятельности революционеров, но, напротив, ставившей непременным условием самую кристальную чистоту как в частной, так и в публичной жизни каждого революционера». Как мы знаем, программы братств рисовали самые идеальные отношения между их членами.

[1] Этим самым они механически вводились в тайный Альянс и Интернациональное Братство. «Вступив в национальный комитет русской национальной демократии (явная описка; должно быть: «в русский национальный комитет Союза Социалистической Демократии». — *Ю. С.),* мы трое — я, Ал. Эльсниц и Вл. Гольстейн, — считались Михаилом Александровичем принадлежащими к его союзу интернациональных братьев, связующим звеном с организацией которых должен нам был служить наш товарищ Росс» (цит. ст., стр. 319).

[2] Сообщение Неттлау (биография Бакунина, стр. 691, и цит. статья о русском движении в «Архиве» Грюнберга, т. V, стр. 408). К сожалению, сам Сажин в своих «Воспоминаниях» обходит этот период полным молчанием.

ступила, впрочем, к работе только весною 1873 года) [1]. Не имея в то время никаких связей в России, группа занялась работою среди проживавшей тогда в Цюрихе русской учащейся молодежи, которой в то время собралось там довольно много (особенно женщин, доступ которым в русские университеты был закрыт) [2]. Ей удалось привлечь на свою сторону некоторых представителей этой молодежи, среди которых выделялись две юные анархистки, Н. Н. Смецкая и С. Н. Лаврова, родственница Кропоткиных. Кроме того кружком была организована в Цюрихе русская библиотека, скоро сделавшаяся центром для проживавшей там русской молодежи.

Однако вскоре среди членов группы начались трения. Повидимому, в них отчасти виноват был сам Бакунин. Вот что рассказывает по этому поводу Ралли: «Наш национальный комитет русский, — говорит он, — состоял из меня, доктора Эльсница, доктора Гольстейна, Бакунина и Росса; в программе нашей был... специальный параграф, требовавший «совершенной взаимной прозрачности отношений» [3]; относительно этой прозрачности самым строгим требователем всегда был сам автор программы, нас связывавшей, М. А., боявшийся всегда конспирации в недрах своего Союза (!), но вечно сам конспирировавший то с одним против других, то с другими против одного. Конспирации эти, однако, были всегда шиты белыми нитками и потому, в конце концов, узнавались именно теми, против которых велись. Понятное дело, что в результате оказывался разлад, и организация расползалась врозь. Будучи знаком с Россом немного раньше, нежели познакомился с нами, будучи человеком крайне не практичным

---

[1] Именно в этой типографии, впоследствии перенесенной в Лондон, были напечатаны «Государственность и Анархия», «Анархия по Прудону», написанная Гильомом и переведенная на русский язык Зайцевым, «Историческое развитие Интернационала» и пр.

[2] По словам В. Н. Фигнер («Студенческие годы», М., 1924, стр. 26), всех славянских студентов и студенток в Цюрихе насчитывалось тогда не менее 300 человек. В этой книге В. Фигнер дано интересное описание житья-бытья русской цюрихской колонии того времени.

[3] Судя по тому, что этот пункт встречается в программе-уставе интернациональных братьев (§ 10), приводимой ниже Ралли (цит. ст., стр. 315), выходит, что ее-то Ралли и называет «нашей», иначе говоря, что особой программы русского отдела не существовало, и что в Локарно Бакунин читал с Ралли и другими общую программу Альянса и Братства. Это же подтверждается и содержанием программы «Русского Братства», впоследствии частично опубликованной под заглавием «К русским революционерам» и в основном совпадающей с другими вариантами программы Интернационального Братства (см. ниже).

в жизни, М. А. ценил очень высоко это качество в других, а Росс был в его глазах человек практический, настоящий русский умный мещанин. Перед здравым смыслом с холодным расчетом этой «обстоятельной» натуры революционный темперамент и широкая славянская натура Бакунина пасовали» (стр. 307—308). И дальше Ралли дает понять, что советы этого «практика» не всегда обеспечивали «широту концепций» и «чистоту средств».

Бакунин не мог не заметить, что отношения между членами русского национального комитета оставляют желать лучшего. В письме к Ралли от 28 мая 1872 года он, настаивая на скорейшем принятии в комитет Лермонтова, «в дельности, преданности и полезности которого он убедился», пишет по поводу начавшихся сразу трений в Русском Братстве:

«Каковы теперь ваши отношения к 3 (Россу)? Кроме двух писем, написанных им еще прежде от'езда 8-го (Лермонтова) ко мне, я ничего не получал от него. Никогда ни словом, ни даже намеком (он) не заикнулся насчет своих отношений к 15-му (Русское Братство). Во втором письме (он) просил меня только, чтобы я предупредил его, когда выеду из Локарно, желая встретить меня и переговорить со мной с глаза на глаз, прежде моего приезда в Цюрих, на что я, разумеется, в ответе своем согласился, но на этот ответ (от 11 мая) не получил ответа. Прошу вас, друзья, скажите мне без всякой церемонии, ложной деликатности и утайки всю суть ваших отношений с 3 (Россом), а также ваше теперешнее мнение о нем; мнение, может быть, и ошибочное, но не бойтесь ошибаться передо мною: если ошибетесь, потом сами узнаете ошибку и сознаетесь в ней перед ним же самим, если мы окончательно с ним сойдемся, — от меня же он ничего и никогда не узнает. В этом, надеюсь, вы уверены. Я искренно люблю 3, но люблю и ценю наш 79 (комитет славянской секции?) выше его».

И дальше: «Письмо твое, друг 7 (Ралли), дышит как будто унынием, а, впрочем, уже не прошел ли для нас медовый месяц нашего 79-го и не начался ли Katzenjammer, пора разочарования? Не возникло ли между вами семя, зародыш недоразумения и взаимного недоверия? Надеюсь, хочу верить, что нет, а если, к несчастью, да или полу-да или сотая часть да, друзья мои, спешите братским, честным об'яснением задавить между вами этот поганый зародыш, вырвать его так, как доктор Арелли вырвал из подошвы моей самый корень мозоли. Дня через два или три буду ходить. А вы, надеюсь, не перестали ходить».

Но дела в «Русском Братстве» шли все хуже, несмотря на увещания Бакунина, который, впрочем, сам разжигал взаимные недоразумения своим предпочтением Росса. Как только приступлено было к работе по набору в типографии (при чем Ралли выполнял функции наборщика), трения усилились вследствие того, что Росс счел нужным «взять на себя роль маленького начальника, назначенного ad hoc». По словам Ралли, он, Гольстейн и Эльсниц в умственном отношении стояли гораздо выше своего сотоварища, а между тем командная и чуть ли не редакторская роль досталась именно ему (в частности влиянию Росса Ралли приписывает неудачный характер составленного Эльсницем и Гольстейном сборника «Историческое развитие Интернационала»). Чтобы рассеять накопившиеся недоразумения, Ралли решил с'ездить к Бакунину в Локарно, о чем предупредил его коротким письмецом, на которое Бакунин отвечал 2 июля.

«Мой милый друг, получил сегодня твое письмо и, как видишь, сегодня же отвечаю тебе. Прежде всего скажу тебе, что я рад тебя видеть всегда, но стоит ли тратить деньги, так как я сам собираюсь к вам, где надеюсь благополучно покончить все ваши недоразумения? После честного, прямого об'яснения, на котором я настою, уверен, что ты перейдешь на нашу сторону и — говорю прямо — на сторону моего второго друга Росса, так как ты действительно требуешь дела. Я теперь прекрасно помню характеристику твоей личности, сделанную мне ужасным Нечаевым, ton faible (твоею слабостью), между нами будь сказано, и одного не пойму, как мог ты Нечаеву за его энергию и преданность делу столько простить, а Россу, не в упрек будь сказано тебе, не прощаешь его замашек, положим, и не товарищеских. Конечно, мы отвергаем всякую политику сделок и уступок, которые не имели бы прямой и непосредственной целью торжество нашего дела, но разве, если того требует дело, мы не должны и этим поступиться? Обдумай и реши. Я верил нашему обязательству, что каждый из нас должен быть священен для всех других, более священен, чем родной брат, но ведь, с другой стороны, для каждого из нас не должно быть ни дела, ни интереса, ни обязанностей более священных, чем служение нашему обществу. Вот это именно и оправдывает Росса, так как будь он и приказчик от революции, как ты его обозвал, все же он считается прав перед нами, так как и ошибки его происходят от того, что он слишком узко смотрит на дело, поднять же его до нас, если уж мы и впрямь стоим выше и видим дальше, наша обязанность. Затем я должен тебе в конце концов сказать, что он о тебе лично самого хорошего мнения и даже любит тебя, поскольку может любить его сухая натура; он дорожит

тобой и верит в тебя, а если не относится так же к нашим друзьям, так ведь, может быть, они виноваты, а не он, отдающий себя весь делу».

Ответ этот произвел на Ралли крайне тяжелое впечатление, так как он усмотрел в нем предвзятое отношение Бакунина к различным членам Братства.

Через два дня после отправки своего ответа Ралли, Бакунин действительно приехал в Цюрих. Произошло это следующим образом.

После получения 1 ноября 1871 года известия о смерти своего второго брата, жена Бакунина решила с'ездить в Россию к родителям. Разрешение от русского правительства она получила [1]. Возможно, что при этом Бакунин надеялся как-нибудь снова напомнить о себе братьям. Во всяком случае при тогдашнем материальном положении Бакунина жизнь с семьей представлялась для него невозможной. 30 июня 1872 года Антония с детьми выехала из Локарно. Бакунин провожал их до Базеля, где 3 июля они расстались. В дневнике Бакунина под этим числом записано: «Разлука; насколько? на год? навсегда?». На следующий день, получив деньги на дорогу от Росса, он приехал в Цюрих, где был встречен Гольстейном, Ралли и Эрвачаниным, у которого на первое время и остановился. По рассказу Ралли, Бакунин поселился на квартире, снятой несколькими русскими студентками, которые отвели ему лучшую из своих комнат с пианино. По вечерам на этом пианино часто игрались любимые пьесы Бакунина — увертюра из «Тангейзера» и патетическая симфония Бетховена. При этом, увлекшись музыкой, Бакунин начинал напевать ту песенку, которую он в 1849 году сочинил в австрийской тюрьме и которая изображала Прометея, прикованного к скале и терзаемого орлом мстительного Зевса.

В Цюрихе Бакунин на этот раз водворился надолго. Он прожил здесь до октября 1872 года.

Одна беспартийная русская студентка, проживавшая в то время в Цюрихе, оставила нам описание Бакунина, приходившего обедать в столовую при том отеле, в котором она жила. Приводим некоторые характерные выдержки из ее дневника [2].

...«Дверь широко распахнулась, и в ней показалась громадная фигура Михаила Александровича Бакунина. Все мгновенно замолкли; глаза всех невольно устремились на Бакунина. Но Михаилу Александровичу обращать на себя внимание было делом столь привычным, что он,

---

[1] Несмотря на то, что при выезде за границу в 1863 году с нее взята была подписка о невозвращении в Россию (см. том II, стр. 24).

[2] «М. А. Бакунин в Швейцарии». Из дневника Е. Ель («Северный Вестник», 1898, апрель, стр. 175—176).

не смущаясь вызывающими взглядами, своей ровной, легкой и свободной походкой прошел через всю комнату к своему месту. Так как внимание всех присутствующих сосредоточивалось на нем, то за ним прошла незамеченною вся его многочисленная свита, состоявшая из французов, испанцев, русских и сербов...

«Бакунин уселся так близко от меня, что я, несмотря на свою близорукость, могла хорошо рассмотреть его огромную голову с львиной гривой густых волос, благообразное, хотя и неправильное, чисто русское лицо с неопределенным носом и широкими скулами, с грубым румянцем пожилого человека; ему, сколько мне известно, пятьдесят девять лет [1], но он смотрит моложе; серые глаза его в одно и то же время как-то наивны и зорки; они выражают попеременно и добродушие, и русское себе на уме. Одет он в какую-то неопределенного покроя серую пару, пожелтевшую от времени. Однако он нисколько не имеет вида человека дурно одетого, вполне оправдывая пословицу: человек красит платье...

«Обращаясь то к одному, то к другому из присутствующих, он говорил то по-немецки, то по-итальянски, то по-французски, то по-испански, нисколько не стесняясь, но, в конце концов, русская речь взяла перевес... Он был сегодня в ударе, вспоминал свою молодость, Москву, дружбу с Белинским; все слушали его свободную, прекрасную речь; не только за его столом царствовало восторженное, несколько подобострастное молчание, и за нашим все молчали, внутренно досадуя на себя, что нет смелости заговорить. После обеда Бакунин не собирался тотчас уходить, спросил у кого-то папиросу и обратился ко мне с просьбою разрешить ему курить. Это возмутило всех его дам, они закричали было: «Вот еще!». Но он остановил их жестом своей мощной руки и прибавил: «Кажется, я не вас спрашиваю». На столе стояло легкое швейцарское вино, было жарко и хотелось пить, одна из дам налила себе полный стакан вина; Бакунин поморщился и сказал: «Положительно не могу видеть, когда женщина пьет вино», и этим подал повод к обмену мыслей о женских правах. Права эти он признавал, но... ему не нравилось, когда женщины пьют вино и курят».

Дальше в дневнике за август автор записывает: «Бакунин каждый день по нескольку раз проходит мимо моих окон в огромной стружковой шляпе с большими полями, украшенной красной лентой; ему постоянно сопутствует толпа зевак всех наций за исключением швейцарцев. Я вспоминаю басню Крылова: «По улицам слона водили». Люди занос-

---

[1] На самом деле Бакунину было тогда 58 лет.

чивые и высокомерные пресмыкаются перед Бакуниным. Особенно же ему услуживают дамы, хотя все они с ним на ты и зовут его запросто стариком. Дамы готовят своему старику яичницу на спиртовой машинке, его обшивают и занимают для него деньги направо и налево. Говорят, Бакунину нужно много денег, потому что он очень легко раздает их нуждающимся. Эмигрант Л[авров] как-то стушевался по приезде Бакунина и как бы потонул в его лучах. «За Бакуниным, — говорит он, — такие революционные традиции». Мадам Н. (вероятно, Н. А. Тучкова-Огарева. — *Ю. С.*) очень сердится на Бакунина за то, что он к ней не заходит. По ее мнению, Бакунин многим обязан Герцену; к тому же его так любит Лиза; последняя действительно глубоко оскорблена таким невниманием к себе Михаила Александровича или, как называл его Герцен, «большой Лизы».

А после от'езда Бакунина из Цюриха автор дневника замечает: «Бакунин уехал к себе в Локарно, но следы его пребывания в Цюрихе еще чувствуются; в среде русской эмиграции заметны волнения, как после парохода; она разделилась на две партии — приверженцев Бакунина и последователей Л[аврова]. Обе партии сильно враждуют» (об этом ниже).

Публичных выступлений Бакунин не делал: он предпочитал беседы с глазу на глаз. Поэтому его воздействие на русских студентов оставалось тайной для тех, кто непосредственно с ним не был связан, в частности для Веры Фигнер. Последняя в своих воспоминаниях («Студенческие годы», стр. 48—49) пишет: «Говоря вообще, влияний личных на молодежь в Цюрихе было мало. Это покажется странным на-ряду с такими именами, как Бакунин, Лавров. И все-таки это так: влияние идей— вот что было могущественно. С Петром Лавровичем (Лавровым) все были далеки, кроме Смирнова, Идельсон, которые жили с ним на одной квартире, студента-медика Гинзбурга, довольно долго жившего в Цюрихе, и Подолинского, которого Лавров не раз упоминает в своих воспоминаниях. К личности Лаврова относились с почтительностью, но при этом не было ни теплоты, ни горячности. Другое дело Бакунин. Его, как неукротимого борца-революционера, а не мыслителя, лелеяли мы в своей душе. Он, а никто другой, возбуждал энтузиазм, и в общем можно сказать, что все мы, вплоть до Фричей [1], набиравших первый том «Вперед», были анти-государственниками в смысле бакунинском и увлекались поэзией разрушения в его листках и брошюрах. Под влиянием его статей

[1] Прозвище русских студенток, об'единившихся вокруг С. Бардиной и получивших это шуточное название от имени хозяйки-швейцарки, у которой некоторые из них жили.

мы верили в творческие силы народных масс, которые, стряхнув могучим порывом гнет государственного деспотизма, создадут самопроизвольно на развалинах старого строя новые справедливые формы жизни, идеал которых инстинктивно живет в душе народа. Расстояние отделяло нас от всемирного бунтаря и разрушителя: он жил в Локарно, куда к нему из Цюриха наезжали только близкие приверженцы и ученики из ранней русской колонии. Иногда, впрочем, приезжал в Цюрих и он сам: ведь были у него друзья—бремершлюссельцы [1], а в руках Росса, Ралли и К°—была типография для печатания его произведений. Но все это было за спиной широкой публики, было скрыто тщательной конспирацией от ее глаз. Сначала история со старой библиотекой, с бремершлюссельцами, оставшимися верными ей, а потом вскоре последовавшее избиение Смирнова, бывшего на нашей стороне, Соколовым, явившимся на квартиру Смирнова для об'яснений по поводу книги Соколова «Отщепенцы» с двумя спутниками-бремершлюссельцами (Святловским и Ралли), не только положили непроходимую пропасть между враждующими лагерями, но и совершенно отрезали нас от личного общения с тем, кто был тогда для нас наиболее желанным учителем. Как величавая тень, проходил он где-то поблизости от нас в Цюрихе. Его колоссальную фигуру с львиной головой я видела лишь однажды мельком на улице. Но не беда: любовь и удивление к нему не переставали жить в нас. Так в истории русской революционной колонии в Цюрихе случилось, что бакунисты по идеям и темпераменту группировались около Лаврова, а не около Бакунина, и помогали изданию «Вперед», а не работали в типографии, печатавшей произведения Бакунина» [2].

В этот же или, скорее, в следующий приезд Бакунина в Цюрих с ним познакомился С. Ф. Ковалик, который через год сделался одним из главных деятелей знаменитого «хождения в народ» (1874 г.). О том, что Ковалик был в Цюрихе в 1873 году, рассказывает и Фигнер (стр. 61) [3].

---

[1] Часть русской колонии в Цюрихе, получившей эту кличку по дому, в котором они проживали (в большинстве сторонники Бакунина).

[2] О столкновениях между лавристами и бакунистами мы говорим ниже.

[3] Там же В. Фигнер сообщает, что в Цюрих приезжал тогда и Каблиц, известный теоретик народничества, писавший под псевдонимом «Юзоз». Находился ли он там во время пребывания в этом городе Бакунина и встречался ли с ним, мы не знаем. Ковалик в своих цитируемых ниже воспоминаниях о поездке Каблица за границу не говорит. Каблиц, первоначально принадлежавший к кружку Ковалика, по возвращении последнего из-за границы выступил оттуда и основал свой кружок, известный под именем «вспышкопускателей» за придавание преувеличенного значения мелким крестьянским бунтам.

О встрече Ковалика с Бакуниным рассказывает и И. Попов в некрологической заметке «Сергей Филиппович Ковалик», напечатанной в № 4/25 «Каторги и ссылки» за 1926 год. По этому поводу там говорится: «К 1871 году относится знакомство С. Ф. (Ковалика) с Ф. Н. Лермонтовым и некоторыми чайковцами, и определяется его революционное направление несколько анархического характера... В 1873 году М. П. Сажин вызывает Ковалика в Швейцарию. В Цюрихе С. Ф. знакомится с М. А. Бакуниным, П. Н. Ткачевым, П. Л. Лавровым, М. П. Сажиным и др. Они обсуждают положение дел в России, намечают характер революционной деятельности, после чего С. Ф. возвращается в Россию» (стр. 220) [1].

О своих встречах с Бакуниным Ковалик в общих чертах рассказал в своих воспоминаниях, напечатанных за подписью «Старик» в «Былом» 1906 года [2]. Вот что он там писал:

«Один из бывших чайковцев Феофан Никандрович Лермонтов, вышедший из кружка по каким-то недоразумениям, задумал составить свой собственный кружок. Предварительно он с'ездил за границу, где виделся с Бакуниным и уговорился распространять в России анархические идеи и устроить анархическую организацию. Проживая на квартире Сергея Филипповича Ковалика, он открыл ему свои планы. Ковалик, склонный и ранее к анархизму, отправился, в свою очередь, к Бакунину и получил те же инструкции, что и Лермонтов [3]. Независимо от них Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич имел, в свою очередь, свидание с Бакуниным и решился принять участие в организации анархической партии.

«На свиданиях с Бакуниным решено было не оглашать его прикосновенности к русскому революционному делу [4]. Руководители русской анархической партии должны были действовать от своего имени, а Бакунин — оставаться негласным центром, подобно тому, как это было устроено в Италии и Испании. Кроме того будущие организаторы анархической партии находили нужным в конспиративных целях не посвящать пока членов устраиваемых ими кружков в идею общей анархической организации и установить ее фактически путем взаимных сно-

---

[1] Ввиду раскола между бакунистами и лавристами сомнительно, чтобы анархист Ковалик обсуждал вопрос о революционной работе в России с Лавровым. Сам он об этом ничего не говорит.

[2] Старик — «Движение семидесятых годов по большому процессу (193-х)», «Былое», 1906, октябрь, ноябрь, декабрь.

[3] О вызове его за границу Сажиным Ковалик ничего не говорит.

[4] Не было ли это решение результатом уроков «нечаевщины»?

шений глав кружков или наиболее авторитетных лиц. Этот способ оправдывался также и настроением молодежи, стремившейся к полной индивидуальной самостоятельности и унаследовавшей от времени господства радикальских кружков боязнь генеральства. Вместе с генеральством молодежь боялась также и дисциплины, необходимой во всякой правильной организации...[1]. План анархической организации рушился вместе с крушением кружков, члены которых засажены были в тюрьмы» (в 1874 году).

Этот рассказ Ковалика показывает, что Бакунин мечтал о создании крупной анархистской организации и в России. Непосредственно этот план не удался, но через пару лет идеи бакунизма начинают брать верх среди русских революционеров, а в 1876 году образуется «Земля и Воля», в общем стоявшая на бакунистской позиции.

2. Попытка создания польской секции Альянса.

В Цюрихе Бакунин тряхнул стариной и пытался повести пропаганду среди славян, на этот раз в анархическом духе, впрочем, не отводя уже славянству главного или даже особенно заметного места в своей деятельности. В частности он пытался расширить незадолго до того основанную славянскую секцию (о ней см. в следующем параграфе).

Еще раньше, проживая в Локарно, Бакунин старался снова связаться с поляками. Ему казалось, что среди польской эмиграции появились элементы, свободные от исключительного национализма и, наученные горьким опытом последнего восстания, готовые присоединиться к общему движению социалистического пролетариата, направленному против всех видов угнетения и эксплоатации. В мае 1872 года, в значительной мере под влиянием группы новых русских приверженцев Бакунина (т.-е. Ралли и К°), в Цюрихе образовалось «Польское социально-демократическое Товарищество», в которое из «Русского Братства» вошли Ралли, Эльсниц и Гольстейн[2]. Росс высказывался против этой затеи, и последствия показали, что в данном случае он был прав.

Активным участником этого общества и его секретарем был Адольф Стемпковский, бывший во время восстания в Польше жандармом-вешателем, а впоследствии, в эмиграции, ставший полицейским

---

[1] Ясно, что под «господством радикальских кружков» нужно понимать организационные приемы Нечаева, которые действительно надолго поселили в молодежи недоверие к централизации и дисциплине.

[2] «Это общество, — говорит Ралли (цит. ст., стр. 295), — также было составлено нами, и в него вошли из нашего кружка я, А. Эльсниц и В. Гольстейн».

шпионом, позже выдавшим русскому правительству Нечаева. Возможно, что именно для отыскания следов скрывавшегося Нечаева Стемпковский напялил на себя социалистическую личину и стремился войти в сношения с русскими революционерами, группировавшимися вокруг Бакунина. Последние приняли всерьез этот поворот в настроениях части польской эмиграции, а оповещенный ими Бакунин приступил к составлению программы нового полыского общества.

Программа состояла из 9 пунктов и излагала основные принципы Альянса, отрицающие государственность во всех ее формах, в том числе и самых демократических, и рекомендующие замену ее вольным союзом рабочих общин путем всеобщего восстания, социальной революции. «Противники всякой государственной власти, — гласил пункт 7-й, — мы не признаем также никаких исторических или политических прав. Для нас Польша существует только там, где народ сознает себя и хочет быть польским, и кончается там, где тот же народ, не желая принадлежать к польскому союзу, примыкает к вольному союзу другой национальности». Далее программа протягивает братскую руку солидарности всем народам великого славянского племени, стонущим под игом московского, немецкого и турецкого правительств, а также всем другим народам, борющимся за освобождение [1].

Вместе с этой программой Бакунин написал статью, которая служила как бы расширенным комментарием к этой программе и должна была появиться в первом номере предполагавшегося к изданию журнала «Gmina» («Община»), органа этого польского общества [2]. Бакунин, не придумав заглавия для этой статьи, написал на ней: «назовите, как хотите». Переданная Драгоманову Замфиром Ралли, сохранившим ее оригинал, она была напечатана им в переписке Бакунина (женевское издание, стр. 332—338).

«Панская Польша погибла безвозвратно! — так начинается эта статья. — Народная, хлопская, чернорабочая Польша должна воскрес-

---

[1] Программа эта была отпечатана отдельным листком по-польски и французски и перепечатана в № 13 «Бюллетеня Юрской Федерации» от 27 июля 1872 года. Кстати, программа озаглавлена: «Программа польского социально-революционного (а не социально-демократического) общества». Бакунин в это время уже предпочитал и в названии Альянса заменять слова «démocrate-socialiste» словами «socialiste-révolutionnaire».

[2]) Драгоманов (в «Письмах» Бакунина, стр. 338) и Ралли (цит. ст., стр. 295) называют этот проектировавшийся журнал «Gmina», тогда как согласно программе польского общества (см. Неттлау, прим. 3168) и письму Токаржевича (брошюра об Альянсе, стр. 29) он должен был называться «Wolność».

нуть... Нет, Польша не згинела. Но только освободиться может она не шляхетским восстанием, а хлопскою революциею, поголовным восстанием всего чернорабочего люда». Все прежние героические восстания польской шляхты кончались неудачно потому, что народная масса не принимала в них участия. Равнодушие же этой массы об'яснялось тем, что «шляхетская воля для народа всегда была и до сих пор остается еще рабством». И так будет до тех пор, пока в силе сохранится современный порядок, основанный на эксплоатации большинства меньшинством. Только программа Международного Товарищества Рабочих отвечает интересам трудящихся масс, в том числе и польских. Спасение только во всемирном союзе рабочих всех стран, в братстве угнетенных народов. На этот путь должны стать также «хлопы и работники Польши, ради собственного спасения, ради освобождения милой отчизны». Для этого польские рабочие в Цюрихе основали польскую секцию Интернационала. И дальше следует программа этой секции и ее журнала.

Эта программа несколько отличается от той, которая была опубликована по-польски и французски. В ней 7 пунктов вместо 9; они более пространны, чем в польском тексте, и содержат новый (7-й) пункт, которого не было в польском варианте. Трудно сказать, какая версия хронологически является более ранней, и об'ясняется ли разница между ними тем, что поляки внесли некоторые поправки в первоначальный бакунинский текст, каковым в таком случае следовало бы признать русскую версию, данную в статье. Мы думаем, что на самом деле версия программы, данная в статье, является более поздней, и что Бакунин просто несколько переделал свой первоначальный текст, опубликованный по-польски и французски, не меняя ничего по существу, но иначе переставив отдельные пункты и внеся дополнительный пункт о панславизме. Вот этот новый пункт:

«7. Но мы такие же враги московского панславизма, как и берлинского и венского пангерманизма. Наша последняя цель — не тесный славянский союз, а всемирный союз всех людей, всех народов, освобожденных раз навсегда от всяких панов, панования и панства. Именем общечеловеческих прав для освобождения чернорабочего утесненного люда всех стран мы протягиваем братскую руку революционным социалистам Европы и Америки и хотим заключить с ними могучий союз не на словах только, а на деле».

Нас не может удивить то обстоятельство, что Бакунин счел нужным дополнить программу этим пунктом. Ведь предшествующий (6-й) пункт говорит о союзе всех угнетенных славянских народов и, без

дополнения о вражде к панславизму, мог бы возродить старые толки о бакунинских панславистских уклонах. А он по горькому опыту уже знал, как опасно оставлять в этом вопросе место для каких-нибудь недоразумений. Мы помним, что аналогичную оговорку насчет панславизма Бакунин счел нужным вставить еще в 1870 году в программу предполагавшейся им к основанию первой русской секции Интернационала. Совершенно естественно, что он считал необходимым специально подчеркнуть свое отрицательное отношение к панславизму в программе, предназначенной для п о л я к о в, которые с особенным отвращением относились ко всему, что хоть отдаленно напоминало им ненавистный казенный панславизм.

Насколько Бакунин дорожил сближением с поляками, да еще такими, которые, казалось, готовы были стать на позицию интернационализма, видно из цитированного выше письма его к Ралли, в котором первая часть целиком посвящена этому вопросу. Вот что там говорит Бакунин:

«Начинаю разговор с дела, о котором ты пишешь: не в укор будь сказано 3 (Росс), я считаю вступление ваше в 154 (польское общество) чрезвычайно полезным и важным. Эти люди оказывают вам доверие, ищут вас, не ожидая того, чтобы вы их искали [1]; мне кажется, что было бы непростительно, если бы вы, руководствуясь какими бы то ни было высшими политическими соображениями и хитросплетениями, отказались принять братски протянутую руку. К тому же, поступив таким образом, т.-е. сойдясь с ними, вы ничем не рискуете. Вы, разумеется, не откажетесь перед ними от своей собственной программы, выражающей верно ваши заветные убеждения. Эти убеждения вы выскажете им скромно, умно, понемногу, но твердо и вполне, по крайней мере главные основы вашей программы, единственные, на основании которых вы вправе и можете серьезно сходиться с людьми; и только в таком случае, мне кажется, вы должны отказаться от участия в 154, когда найдете в началах и целях, к которым они зовут, к о р е н н о е противоречие с вашими убеждениями. А польза вашего участия в 154 для меня несомненна. Оно может, — если только люди, его составляющие, серьезные, честные люди, или даже если только немногие между ними таковы, что наше схождение с ними возможно, — оно может быть действительно началом для нашего 121 (национального комитета) 101 (Интернационального Братства). А это чрезвычайно важно. Во что бы то

---

[1] Мы уже знаем, для какой цели шпион Стемпковский «искал» русских революционеров бакунинского толка.

ни стало старайтесь уничтожить в корне всякое 141 (марксистское) влияние и преимущественно влияние 155 (Грейлиха, влиятельного социал-демократа в Цюрихе) и ему подобных в 154. Итак, основываясь, впрочем, на всем, что ты мне писал, уговариваю вас вступить немедленно в 154 и, начав свою тихомолвную и осторожную пропаганду против всякого интимного сближения его с 141 (марксистами), 123 (эмигрант Турский, бланкист, член польского общества), 97 (Адольф Стемпковский), не доводить однакож сейчас же до полного и явного разрыва с ним. Пусть прежде 155 (Грейлих), 76 (Генеральный Совет Интернационала) признает его, если это только возможно. Таково, по крайней мере, мое мнение, а вы, видящие дело полнее и ближе, решите сами, возможно ли это или нет» [1].

Итак, ясно, что Бакунин дорожил цюрихским польским обществом (кроме, разумеется, общих интересов Альянса) по двум специальным мотивам: во-первых, он считал его некоторой базой для худосочной славянской секции; а, во-вторых, он надеялся, что польскому обществу удастся добиться своего приема в Интернационал и таким образом усилить представительство Альянса на предстоявшем Гаагском конгрессе (в своих комментариях к этому письму Ралли определенно указывает на это). Вот почему для Бакунина важно было не допустить марксистского влияния на это общество, о чем он и говорит специально в цитируемом месте письма.

Но старания Бакунина не увенчались успехом. Правда, статья и программа Бакунина, прочитанные на польском собрании, были выслушаны «с большим энтузиазмом», как говорит Ралли, но вотирование их было отложено до следующего заседания по настояниям Стемпковского, игравшего двойственную роль. На втором заседании программа была принята и тут же переведена для напечатания на польском языке.

«Хотя эту программу дословно приняли поляки, — рассказывает Ралли, — хотя при этом были и аплодисменты, и энтузиазм, однако, выходя из собрания, мы трое, инициаторы, были абсолютно подавлены обнаружившеюся неподготовкою присутствовавших поляков к сознательному принятию таковой программы... Собранный нами польский

---

[1] Расшифровка условных обозначений этого письма, даваемая З. Ралли, вряд ли во всех отношениях точна. Так, напр., сомнительно, чтобы 97 означало А. Стемпковского, который был секретарем польского общества, а следовательно, нельзя было удерживать это общество от сближения с ним. Далее, 121 означает, вероятно, не просто национальный комитет, а славянский национальный комитет Братства и т. д.

элемент абсолютно не был социалистическим... все они сохранили целиком свою веру в старый идеал польских демократов. Конечно, предполагалось при помощи рефератов, лекций и будущего журнала «Gmina» прежде всего само общество поднять до социализма. Это, однако, не удалось, так как вскоре в Цюрих прибыл старый польский эмигрант Токаржевич, который, как и следовало ожидать, приобрел непосредственное влияние на своих соотечественников». Этот человек, по словам Ралли, повел с ним разговоры в самом пошлом националистическом и шляхетском духе и стал действовать на польское общество в смысле отклонения бакунинской программы, отрицавшей «историческое право».

По этому поводу Драгоманов («Письма» Бакунина, стр. 338) правильно замечает: «Редакция («Gminy») не сочла возможным напечатать эту статью. Причиной тому был, конечно, 5-й пункт программы [1], в котором решительно отрицались «исторические права» поляков на непольские земли старого польского государства (państwa), Литву, Белоруссию и Украину. Такое отрицание крайне тяжело для поляка самых демократических мнений, так как оно ставит его в бесповоротный разрыв с польским обществом. Это последнее готово терпеть самые крайние социально-революционные мнения, видя в них увлечение и надеясь, что они направятся прежде всего на отделение Польши (исторической) от иностранных держав. Но отрицание Польши исторической и ограничение Польши только пределами этнографическими польского крестьянства есть в глазах польского общества непростительная ересь».

Поворот в настроении цюрихского «польского общества» принудил Ралли, Эльсница и Гольстейна заявить о своем выходе из него, потребовав при этом возвращения сделанного ими взноса на будущий журнал в размере 60 франков. Тогда Бакунин составил письмо «Братьям польского общества», которое было подписано тремя вышеупомянутыми его последователями [2].

«Глубоко преданные началам, высказанным в нашей общей программе, — говорилось в этом письме, — мы с радостью приняли приглашение и вступили в ваше общество, надеясь, что, строго следуя этим началам, мы можем принести хоть малую пользу великому, святому, ныне единому делу народного освобождения, как в вашей стране,

---

[1] В русской версии Бакунина; в польском тексте это пункт 7-й (см. выше).

[2] Оно опубликовано у Драгоманова («Письма», стр. 338—340) и более точно у Ралли (цит. ст., стр. 297—298).

так и в нашей. Мы руководствовались убеждением, что, служа усердно и честно по мере сил своих свободе польской, мы служим вместе с тем и русской свободе. Вся наша вера опиралась именно на этой программе, которая, с одной стороны, обеспечивает народные, рабочие массы от всякого нового политического угнетения, равно как и от всякой экономической эксплоатации, с другой стороны — связывает все народы, не только славянские, но и все другие, во всемирном революционном стремлении к свободе».

Но ввиду того, что общество под влиянием Токаржевича решило подвергнуть раз принятую программу новому пересмотру и коренному изменению, авторы письма заявляют о своем выходе из него, не желая следовать враждебному их убеждениям направлению [1].

Письмо это не произвело на членов общества, по свидетельству Ралли, никакого впечатления. Впрочем, оно скоро распалось, а года через два некоторые бывшие его члены через посредство А. Стемпковского вошли в сношения с агентом III Отделения Перетцом и на доставленные им средства устроили в Золотурне (Швейцария) фабрику фальшивых русских кредитных билетов, были арестованы и приговорены к тюремному заключению (в том числе и Перетц, который, как водится, заблаговременно удрал).

Так неудачно закончилась последняя попытка Бакунина связаться с поляками. Нужно отметить, что анархические идеи в Польше и после того никогда не пользовались успехом, а социалистические группировки (кроме марксистских) всегда были более или менее окрашены националистическим цветом.

---

[1] С этой историей связан следующий инцидент. В брошюре об Альянсе напечатано (стр. 29) следующее извлечение из письма Токаржевича, редактора польской газеты «Wolność» в Цюрихе (повидимому, заглавие «Gmina» было тем временем изменено на «Wolność», что довольно естественно ввиду изменения программы): «В № 13 юрского «Бюллетеня» напечатана «программа польского социалистического общества в Цюрихе», которое через 3 дня начнет выпускать свою газету «Wolność». Мы уполномочиваем вас заявить через три дня по получении этого письма Генеральному Совету Интернационала, что эта программа представляет ф а л ь с и ф и к а ц и ю». По этому поводу брошюра иронически говорит о честности приемов, употребляемых «Бюллетенем». Возможно, что «Бюллетень» просто запоздал с опубликованием польской программы, первоначально принятой и даже напечатанной польским обществом, не зная о произошедшем там позже перевороте; поэтому говорить о «фальсификации», как делает Токаржевич, нельзя. Разумеется, новая программа общества уже не была бакунистской.

3. Славянская секция Альянса.

(«СЛАВЕНСКИЙ ЗАВЕС»)

Ко времени пребывания Бакунина в Цюрихе относится и другая попытка, а именно создание славянской секции Интернационала, точнее сказать — Альянса. Это был последний рецидив былых славянских симпатий Бакунина.

Мы знаем, что после польского восстания Бакунин сильно охладел к славянскому вопросу. На довольно долгое время славяне как-то вышли из его поля зрения. После неудачного опыта с Нечаевым он распространил свое скептическое отношение и на русских: внимание его привлекали в это время преимущественно романские народы, от которых он ждал инициативы в деле мировой революции. Но встреча с новыми русскими эмигрантами пробудила в нем его старые славянские интересы, которые окончательно в нем никогда не угасали, хотя бы потому, что — на-ряду с романцами — славяне были главным козырем в его борьбе с ненавистным пангерманизмом.

Эти же новые русские знакомые (Ралли и К°) связали его с славянами. Вероятно, они же свели его с некоторыми славянами, еще когда он пребывал в Локарно. По крайней мере, в дневнике его отмечено под 13—16 мая 1872 года посещение его сербом М. Эрвачаниным. Письмо его к Ралли от 28 мая 1872 года говорит о славянской секции, как о чем-то уже существующем [1]. Но окончательно она была организована лишь после переезда Бакунина в Цюрих.

---

[1] Это письмо возбуждает некоторые сомнения. Возможно, что Ралли неточно его расшифровывает (даже в том виде, как оно приводится в его воспоминаниях в сборнике «О Минувшем», не говоря уже о той менее точной расшифровке, какая дана у Драгоманова). В 4-м пункте этого письма Бакунин предлагает не спешить с разрушением 78, при чем Ралли поясняет, что под этой цифрой разумеется славянская секция в Цюрихе; выходит, что она в мае не только уже существовала, но и готова была распуститься. В пункте 5 письма говорится даже об отклонении Генеральным Советом «30 и 205, 196», что расшифровывается Ралли как «Бакунин и программа и статуты славянской секции». Когда же она была основана, если успела к маю уже подать свой устав в Генеральный Совет и получить отказ? Здесь какая-то явная путаница. В дневнике Бакунина ясно указано, что секция была основана в его присутствии и на его квартире 7 июля 1872 года. Можно было бы допустить, что письмо от 28 мая относится не к 1872, а к 1873 году, но этому противоречит его содержание, в частности указание на хорошие отношения с польским обществом, разрыв с которым произошел в июне 1872 года.

Ясно одно: предприятие это подготовлялось с весны 1872 года компанией Ралли, которая для этого сближалась в Цюрихе, с одной стороны, с поляками, устроившими, впрочем, свое отдельное общество (см. выше), а с другой — с сербскими и другими славянскими студентами, проживавшими в этом городе. Многочисленные русские студенты и студентки, учившиеся в цюрихских высших школах, служили естественной связью между этими славянами и бакунистами [1].

Для Бакунина появление нового альянсистского отряда было тем приятнее, что он рассчитывал умножить им свои силы для предстоявшей решительной схватки с Марксом на Гаагском конгрессе и после раскола в Интернационале, неизбежность которого он тогда уже предвидел. В «Государственности и Анархии», которую он в это время если еще не начал писать, то, несомненно, уже обдумывал (мы знаем, что он задумал ее еще в конце 60-х годов), Бакунин посвящает много места надеждам, возлагавшимся им на славянскую молодежь, которая должна была воспринять анархические идеи и послужить противовесом идеям государственного социализма.

Славянским рабочим, говорит Бакунин [2], предстоит выбор между двумя путями: или пойти за своей буржуазией, или по примеру немецких рабочих создать свою партию, стремящуюся хотя и к государству, но зато, по крайней мере, народному. И если бы не было другого пути, то он, Бакунин, посоветовал бы им избрать второй путь, как наименьшее из двух зол. «Но, — продолжает он, — существует третий, прямой и спасительный выход — образование и союзная организация рабочих фабричных и земледельческих ассоциаций на основании программы Интернационала, разумеется, не той программы, которая под

---

[1] Судя по дневнику Бакунина, из русских (кроме названных выше) с ним встречались в Цюрихе следующие лица: Росс, Эльсниц и его сестра Оттилия, Ралли, Гольстейн, Лаврова, Смецкая, Симонович, Турский (бланкист), С. Подолинский, Александров, Смирнов, Луканина, Окунькова, Хардина (впоследствии жена Ралли), Потоцкая, Пономарев, Трофимов, Богуславская, Ваховская (впоследствии в России член анархического кружка Ф. Н. Лермонтова), Озеров, С. Бардина, О. Любатович, Бутурлин, Линев, Идельсон (впоследствии жена Вал. Смирнова), Александрова, Фронштейн, Южакевич. Этот список, разумеется, неполон. Очень многие студенты и студентки, которые с ним встречались, но которые в тот момент не обращали на себя его внимания, не были им отмечены в дневнике. Кажется, к этому числу относятся Е. Южакова и др. В. Н. Фигнер видела Бакунина один только раз, но не была с ним лично знакома. Многие из названных лиц сыграли впоследствии видную роль в истории русского революционного движения.

[2] «Государственность и Анархия», Петр., 1919, стр. 130 и сл.

именем Интернационала проповедуется партиею, почти исключительно патриотическою и политическою, социальных демократов Германии, но той, которая теперь признается всеми вольными федерациями Интернационального Общества Рабочих, а именно работниками итальянскими, испанскими, юрскими, французскими, бельгийскими, английскими и отчасти американскими, не признается же в сущности одними немцами», — иначе говоря, программы Альянса [1]. «Мы убеждены, — заключает Бакунин, — что этот выход — единственный выход как для чехов, так и для всех других славянских народов, ищущих своего полного освобождения от всякого ига, немецкого и не-немецкого; вне его остается только обман, для бесчестных и честолюбивых вожаков и предводителей партий — почести да карманная прибыль, а для чернорабочих масс — рабство».

С этими мыслями Бакунин приступил в Цюрихе к работе по сгруппированию славянских студентов в анархическую секцию.

«В этом периоде времени, — рассказывает Ралли (цит. ст., стр. 295), — кружок наш основал славянскую секцию Интернационала среди студентов сербов и болгар, находившихся в Цюрихе; секция эта носила сербское название «Славенский Завес» и была включена в Юрскую федерацию Международного Общества Рабочих; ни один поляк однако не был членом этой секции, так как поляки... составляли отдельное общество». Но несколькими страницами ниже Ралли поясняет, что славянская секция была организована после разрыва с поляками, чем естественно и об'ясняется отсутствие последних в этой секции. «Бросив поляков [2], находившихся в Цюрихе (после разрыва, описанного нами выше в § 2 этой главы. — *Ю. С.*), мы принялись за сербов, кроатов и болгар, учившихся в этом городе, нашли и даже залучили

---

[1] К этому месту у Бакунина (стр. 131) сделано следующее примечание: «В Цюрихе образовалась славянская секция, вошедшая в состав Юрской федерации; мы горячо рекомендуем всем славянам программу этой секции, которую помещаем в конце книги (см. прил. Б)». Но тщетно читатель стал бы искать этого приложения (равно как и приложения А): издательство «Голос Труда», выпустившее эту книгу в крайне неряшливом виде, о приложениях забыло и их не дало, хотя в заграничном издании они имеются. Как увидим, программа эта составлена самим Бакуниным.

[2] Разрыв с поляками произошел в и ю н е 1872 года. Как же после этого понимать те места письма Бакунина к Ралли от 28 м а я 1872 г., в которых согласно расшифровке Ралли говорится о славянской секции, как о чем-то уже существующем и даже подлежащем разрушению? Очевидно, Ралли со временем забыл условные обозначения этого письма и неверно расшифровал их.

к себе нескольких жестянников из славян, ходивших по Швейцарии с своими жестяными изделиями. Набралось их всех вместе человек 20, не более; большинство были молодые люди, говорившие порядочно по немецки и учившиеся в цюрихском университете; нашли между ними фамилию Машо Эрвачанина, брата его, умершего в чахотке, Таса Стояновича из Валево, Стенича, убитого потом на баррикаде в Крагуеваце, и т. д.» (стр. 299).

Прибыв в Цюрих 4 июня 1872 г., Бакунин сразу начал собирать вокруг себя славян, каких только мог раздобыть — русских, украинцев, отдельных поляков (Стемпковский), сербов, стараясь сводить их между собою. И уже 7-го, т.-е. через 3 дня, он отмечает в своем дневнике: «основание славянской секции». Из сербов, с которыми он тогда встречался, дневник называет следующих: Эрвачанин, Кожич, Маркович, Филипович, Данич, Стоянович, Иованович, Миятович. Дневник не называет Пашича [1], но последний был в это время в Цюрихе и познакомился с Бакуниным. Маркович, о котором говорит дневник, это Светозар Маркович [2], один из пионеров сербского социализма, который никогда не был сторонником бакунинских идей (равно как и близкий тогда к Марковичу Пашич). Бакунин считал его партизаном Маркса; это тоже верно лишь отчасти: Маркович коммунистом не был, он был народником, и если временно склонялся к идеям социал-демократии, то в конце концов основал в Сербии мелкобуржуазную ради-

---

[1] Никола Пашич, в последние годы глава сербской реакции и ожесточенный враг Советской Республики. Умер в декабре 1926 года (в некрологах, помещенных в наших газетах, его ошибочно называли бывшим последователем Бакунина).

[2] Маркович, Светозар (1846—1875) — сын мелкого чиновника; по окончании высшей школы в Белграде по техническому отделению, в 1866 году переехал в Петербург, где поступил в Институт Путей Сообщения; последователь Чернышевского, сблизился с русскими и сербскими радикалами; в 1869 г. уехал из России ввиду сгустившейся, в связи с студенческими волнениями, полицейской атмосферы; в Цюрихе поступил в Политехникум; когда образовалась русская секция Интернационала (см. выше), был избран ее агентом-корреспондентом для всех сербских земель и был сотрудником «Народного Дела» (его статья о Сербии в №№ 2 и 3 от 7 и 31 мая 1870 г.); в Цюрихе сгруппировал вокруг себя кружок радикальных сербов, в число которых входил и Никола Пашич; в июле 1870 г. вернулся в Белград, но в 1872 г. снова приехал в Цюрих на конгресс сербских социалистов; в марте 1873 г. возвратился в Сербию, где начал издавать первую социалистическую газету на Балканах «Раденик» («Работник»). См. В. Викторов-Топоров — «Светозар Маркович» в «Голосе Минувшего», 1913, № 3.

кальную партию, сначала революционно настроенную, а затем ставшую партией правительственной и в лице Пашича дошедшую до крайней степени политического падения. Бакунин вначале надеялся привлечь Марковича на свою сторону, но скоро убедился в невозможности этого. 29 июля он записывает в своем дневнике: «решающая дискуссия: Кожич, Стоянович, Маркович, Филип[ович]»; 30-го: «Кожич принят в славянские братья» и тут же: «последнее об'яснение с Марковичем». На Марковиче приходилось поставить крест.

Более того, Маркович боролся с влияним Бакунина на сербскую молодежь. Со стороны человека, стоявшего близко к русской секции Интернационала и к группе «Народного Дела», ведшей с Бакуниным решительную полемику, это было вполне естественно. Из двух боровшихся тогда в Цюрихе русских групп, бакунистской и лавристской, Маркович оказывал явное предпочтение второй (впоследствии он даже стал корреспондентом лавровского «Вперед» из Сербии). Во второй свой приезд в Цюрих для участия в с'езде сербских социалистов Маркович определенно выступал против идей Бакунина и подчеркивал свою идейную солидарность с Лавровым. «Еще до открытия конгресса сербских социалистов, — говорит Викторов-Топоров (цит. ст., стр. 42),— выяснилось, что громадное число делегатов, если и не принадлежит к секции Славянских Братьев, то симпатизирует ее широкому революционному размаху. Ввиду этого Светозар Маркович старался употребить все свое влияние на то, чтобы не допустить на конгрессе до окончательной выработки программы сербской социалистической партии. По его мнению, более подходящим местом для обсуждения этого вопроса была бы Сербия. Впрочем, независимо от стараний Марковича, конгресс не дал положительных результатов. Раздоры, которые были вызваны этим конгрессом или, вернее, столкновением бакунинского мировоззерцания с ортодоксальным социализмом, сделали невыносимой и без того тяжелую жизнь сербской эмиграции, и в марте 1873 года Маркович вернулся в Сербию» [1].

---

[1] Неттлау в своей статье «Бакунин и русское революционное движение» («Архив» Грюнберга, т. V, стр. 412), приведя сообщение об этом конгрессе из книги проф. И. Скерлича о Светозаре Марковиче (Белград, 1910), высказывает мнение, что рассказ Скерлича о сербском социалистическом с'езде, на котором Бакунин якобы предложил программу балканско-дунайской федерации, относится к цюрихским совещаниям Бакунина с сербами. Вряд ли это так; очевидно, какой-то с'езд был; но выступал ли на нем Бакунин, неизвестно: в дневнике его на этот счет не содержится указаний. Но что Бакунин является одним из отцов идеи балканской социалистической федерации, это бесспорно.

Но другие сербы примкнули к Бакунину и вошли в славянскую секцию вместе с русскими (чехов Бакунину так и не удалось найти). Для этой славянской секции Бакунин написал программу [1] на французском языке для опубликования ее в «Бюллетене Юрской Федерации» [2].

Программа заявляла, что славянская секция, вполне признавая статуты Интернационала, принятые на первом конгрессе (сентябрь 1866, Женева) [3], задается специальной целью пропаганды принципов революционного социализма и организации народных сил в славянских землях (§ 1). Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, т.-е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, т.-е. (их освобождения) при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организоваться в огромное мнимо-народное государство (§ 2). Далее программа заявляла, что секция принимает анархическую революционную программу, которая одна представляет все условия действительного и полного освобождения народных масс, тем более, что для славянских народов в особенности уничтожение государства есть вопрос жизни и смерти и в то же время единственный способ примирения с народами чуждых рас, напр., турецкой, мадьярской или немецкой (§ 3).

Повидимому, желая заранее отпарировать возможные нападки и заподозривания противников, секция заявляет, что, стремясь к освобождению славянских народов, она вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный из чувства национального народам других рас. Напротив, она будет стремиться к тому, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Интернационал призван осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства (§ 10).

---

[1] Написана она была, повидимому, п о с л е основания секции; возможно, что именно к ней относится указание дневника под 5 августа 1872 г.: «писал о р г а н и з а ц и ю для сербов». А 14 августа в дневнике помечено: «программа и устав славянской секции»; 15-го: «устав закончен».

[2] Она была по-русски напечатана в приложении Б к «Государственности и Анархии», в «Письмах» Бакунина в издании Драгоманова (стр. 499—501) и в статье Ралли в сборнике «О Минувшем» (стр. 299—301).

[3] После этого смешно было итти в Генеральный Совет с просьбою о своем допущении в Интернационал. Секция, определенно заявлявшая, что она не признает постановлений конгрессов (кроме первого), в том числе и постановлений Базельского конгресса, совершала вопиющее нарушение организационной дисциплины и открыто примыкала к анархической оппозиции.

Остальные пункты программы излагают уже известные нам программные и организационные воззрения Альянса, а последний (14-й) пункт ее гласит: «Так как юрская федерация громко провозгласила эти принципы, и так как она искренно проводит их на практике, то славянская секция вступила в ее среду» [1].

По словам Ралли, большинство членов секции совершенно не сознавало, для чего понадобилось ее основание, и еще меньше понимало изложенные в ней принципы; только человек 6—7 (русских?) были более или менее сознательными ее членами [2]. Когда на это указывали Бакунину, он утешал своих друзей тем доводом, что при помощи этих молодых людей возможно будет все-таки завязать связи в Сербии и Австрии, где сформируются уже секции более сознательные и более пригодные для пропаганды анархических идей. Когда, после возвращения Бакунина в Локарно, Ралли изложил ему свои соображения насчет непригодности славянской секции, Бакунин отвечал ему 17 декабря 1872 г.: «Может быть, ты и прав, хотя я видел наших сербов и вовсе не нахожу, что они так уж из рук вон плохи. Но положим, что ты и прав; так ведь других пока у нас нет, а на нет и суда нет. В наших горных секциях есть такие, что, по словам Гильома, кроме одного нашего человека, хоть шаром покати, не на кого положиться, а в Женеве и того хуже стало. Секция славянская необходима нам, хотя и такая плохая, какая есть, так как она может стать ядром для славянского нашего дела; нельзя не воспользоваться тем материалом, который собрался под рукою в Цюрихе, а потом разве лучше было бы, если бы все эти сербы пошли за Светозаром Марковичем к немецким государственникам? (разрядка моя). Об этом следовало подумать, и мы дело сделали, что образовали хотя бы и такую секцию. Сербы наши, конечно, не станут хватать звезды с неба, но они хорошие малые, лишь бы трусами

---

[1] Несколько оригинально звучит пункт 8 программы, заявляющий, что секция «имеет полнейшее уважение к положительным наукам, она требует для пролетариата научного образования, равного для всех, без различия полов, но, враг всякого правительства, она с негодованием отвергает правительство ученых, как самое надменное и вредное». Это должно было рассеять недоразумения, вызванные прокламациями нечаевского периода; кроме того, теперь Бакунин обращался к студентам, приехавшим учиться и в большинстве подпавшим под влияние Лаврова, как раз и полемизировавшего с взглядами бакунистов на значение науки.

[2] Это не помешало им выступать в программе и на с'ездах (юрской федерации в Сент-Имье) в качестве строгих критиков Генерального Совета и старого Интернационала!

не оказались. Вот на этом их следует испробовать, а что они не усвоили нашей программы, не тверды в принципах, об этом, милый мой рыцарь, не печалься: много ли таких и среди нас, подумай. Не малодушествуй же и лишнюю щепетильность брось».

Бакунин рассуждал, как настоящий вождь, по принципу: «и веревочка пригодится!». Тем более, что славянская секция нужна была ему и для представительства «славянского пролетариата», дескать разделяющего анти-авторитарные принципы, перед своими сторонниками из других наций. Бакунин очень много возился с сербами во время своего пребывания в Цюрихе, некоторых из них посвятил даже в высокое звание «братьев», повидимому, основал даже, на-ряду с «Русским Братством», «Славянское Братство», т.-е. славянский отдел союза Интернациональных Братьев [1], устраивал совместные собрания русских и сербских студентов, возил тех и других на с'езд Юрской федерации в Лашодефоне 18 августа (см. выше), впоследствии с некоторыми из них переписывался из Локарно (с Миятовичем, Кожичем, Даничем). Но затея эта была мертворожденною. Секция просуществовала до конца лета 1873 года и затем незаметно растаяла после разрыва, происшедшего между Бакуниным и компанией Ралли [2]. Это, между прочим, доказывало, что самостоятельной жизни славянская секция не имела, а жила только волею и участием группы русских революционеров. За время своего существования она не успела многого сделать. Ралли (в «Письмах» Бакунина, изд. Драгоманова, стр. 503) перечисляет следующие деяния секции: она послала двух делегатов на конгресс бакунистов в Сент-Имье [3], отправила в Сербию несколько книг, выпущенных бакунистской типографией («Государственность и Анар-

---

[1] По крайней мере, в дневнике под 25 июля отмечено: «первое собрание русского общества, затем славянские братья»; относительно Кожича, как мы уже говорили, под 30 июля специально указано, что он принят в «славянские братья».

[2] После разрыва с Бакуниным Эльсниц 28 августа 1873 года писал Ралли: «Мы решили насчет славянской секции так. Не посылаем ни сантима более того, чем следует нам троим как членам, т.-е. 75 (сантимов), посылаем их старику (Бакунину), заявив ему же о выходе из секции. Об'являть о том, что секция уже не существует (курсив мой), было бы нелепо, потому что на это Бакунин заявит, что неправда, что вышли из нее только три члена. Ну их к чорту, пускай продолжают комедию».

[3] Понимать надо: не на интернациональный конгресс в Сент-Имье, а на с'езд Юрской федерации, состоявшийся в том же городке до того (см. ниже). На этом с'езде славянская секция была представлена двумя делегатами: Ралли и Гольстейном. На следующем с'езде Юрской федерации в Невшателе 27 апреля 1873 года секция была представлена одним Гольстейном.

хия», «Анархия по Прудону» и пр.); наконец, члены ее, вопреки воле Бакунина, приняли участие в попытке освобождения Нечаева на цюрихском вокзале при увозе его для выдачи русскому правительству [1]. В общественном движении Сербии влияние ее не сказалось ничем, и поскольку балканский социализм обязан своим развитием русскому влиянию, оно пришло впоследствии от марксистов (группы «Освобождение Труда»), а не от анархистов.

4. Развал «Русского Братства».

Для связности изложения мы расскажем здесь о распадении русского отдела Альянса, хотя при этом нам придется забежать несколько вперед.

Отношения внутри «Русского Братства» портились все сильнее и сильнее. Личное присутствие Бакунина в Цюрихе сдерживало разрыв, но после его от'езда в Локарно (осенью 1872 г.) дело пошло хуже. По рассказу Ралли, Росс, опираясь на свою близость к Бакунину, разыгрывал роль маленького диктатора. Бакунин готов был поддержать его, указывая на то, что Росс и Ралли все отдали для дела, тогда как Гольстейн и Эльсниц, продолжавшие свое медицинское образование, отдались делу наполовину (последствия показали, что в этом пункте Бакунин был отчасти прав, так как, в отличие от Ралли, Эльсниц и Гольстейн скоро отошли от активного участия в революции). Взаимные недоразумения в небольшой группе дошли до того, что в начале 1873 года Ралли написал Бакунину длинное письмо, в котором указывал на неизбежность разрыва.

Бакунин ответил ему замечательным письмом от 23 января 1873 г., которое заслуживает быть приведенным целиком. «Мой милый Руль, — писал Бакунин, — помни всегда, что в революции три четверти фантазии и только одна четверть действительности или, другими словами, так как вижу отсюда, что ты уже насупился, читая эти первые строки, — жизнь всегда, мой друг, шире доктрины; жизнь никогда нельзя уложить в какую-нибудь доктрину, будь она даже столь всеоб'емлюща, как наша анархия. Ты в особенности способен очень мало понимать истинную справедливость этого афоризма, а между тем все-

---

[1] В нападении на конвой участвовало человек 20, среди них 4 серба. Закованный Нечаев кричал: «Спасите меня, я еще могу быть полезен». На момент его удалось отбить, но в конце концов жандармы снова его схватили, и он был увезен на баварскую границу и выдан русскому правительству. Бакунин противодействовал проекту освобождения Нечаева вооруженной рукой, находя, что он не стоит жертв!

гда готов пожертвовать жизнью доктрине, потому что веришь и увлекаешься фантазиями. От этого недостатка, конечно, не избавит тебя мое признание, но помни, друг мой, что успехи твои поэтому всегда будут неполны, и пуританский ригоризм твоих принципов будет причиной не только твоего разрыва с Россом, но и потери тех немногих людей, с которыми можно дело делать; от тебя и твоих требований сбегут люди здоровые, которые хотят жизни и инстинктивно отворачиваются от абстрактных принципов; эти люди пройдут мимо тебя и станут искать в другом месте более грешного революционного дела. Конечно, без принципов и убеждений нельзя жить и работать, но не нужно забывать того, что они имеют только относительное значение и могут быть применены в известных пределах. На принципах выезжают только наивные люди, которые потому и погибают самым бесплодным образом для живого дела; они, друг мой, и есть то мясо живое, которое раздавливает тяжелая колесница истории. Мы же должны быть трезвыми революционерами, а потому и не должны принадлежать к этой категории людей.

«Итак, не рви с Россом, потому что он очень дорожит тобою и всегда указывает мне на тебя как на силу; если он и не смотрит так на твоих и моих друзей, то он может ошибаться, и наша обязанность урезонить его и во-время остановить. Я с своей стороны очень дорожу здравым холодным смыслом Э[льсница] и люблю Г[ольстейна] за его сердце и ум, но нужно, чтобы ты хорошо помнил, что именно ты нас и связываешь всех своим товарищеским духом и своею готовностью, закусив удила, мчаться вперед. Твоя горячность есть недостаток, но на то у нас и имеется здравый ум Э. и практичность Росса. Все это я тебе пишу потому, чтобы ты ясно понял, какую громадную ошибку сделаем мы, расторгнув нашу четверку; беда в том, однако, что холодный, сухой по натуре Росс не может переварить моего сердечного и умницу Г. Они два полюса, взаимно отталкивающиеся, а между тем мы положительно не имеем права удалить из нашего святая святых ни одного из нас. Вот почему я хочу, чтобы ты приехал ко мне, где мы и должны решить это большое для нас дело. Итак, жду тебя одного, переговорим с глазу на глаз [1].

---

[1] Ралли в этой статье не упоминает еще об одном письме на ту же тему, которое Бакунин написал ему 1 февраля 1873 г. (оно приведено у Неттлау, стр. 763). В этом письме Бакунин говорит, что за периодом первого знакомства наступает второй период изучения друг друга на практике; в это время неизбежны недоразумения, но их нужно преодолеть, и тогда они приведут к еще более интимному сближению. Бакунин убеждает своих юных друзей быть во взаимных отношениях истинными братьями.

Получив такое приглашение, Ралли двинулся в Локарно. «Бакунина, — рассказывает он, — я застал живущим в нижнем этаже дома, занимаемого семьей Вар. Зайцева. Небольшая комната М. А., по его обыкновению, неубранная, неметенная по целым неделям, вмещала кроме кровати большой стол и два-три стула; у изголовья кровати стоял деревянный табурет, служивший вместо низкого столика; на табурете много табаку, спички да заплывший огарок стеариновой свечки, воткнутый в старый остаток вышедшей из употребления чернильницы». Как видно, Бакунин до конца дней своих жил как старый студент [1].

Ралли не знал, что у Бакунина уже заготовлено решение, принятое, повидимому, по соглашению с Россом и его приятелем, приехавшим из России, Ф. Н. Лермонтовым, одним из немногочисленных тогда [2] в самой России определенных анархистов [3]. После долгих переговоров Бакунин в «самой безапелляционной» форме об'явил Ралли с в о е решение [4]: «р у с с к а я в е т в ь нашего Интернационального Братства впредь будет состоять из него, Феофана Никандровича Лермонтова, Росса и

---

[1] Отнюдь не делая из этого никаких особенных выводов, мы считаем все-таки нужным привести следующие слова Ралли, показывающие, что в анархическом Братстве действительные отношения несколько разнились от того идеала, который Бакунин рисовал своим корреспондентам для обличения «генеральства» и «диктаторства» Маркса. «Поцеловались, поздоровались, — пишет Ралли. — Стал, конечно р а п о р т о в а т ь п о н а ч а л ь с т в у о всех тех событиях, происшедших в нашем революционном муравейнике, которые заставили меня переехать Альпийский хребет и я в и т ь с я, к а к л и с т п е р е д т р а в о й, п е р е д г р о з н ы е о ч и н а ш е г о н а ч а л ь н и к а». Это, конечно, шутливый рассказ, но под ним скрываются реальные взаимоотношения.

[2] Анархизм берет перевес в движении с середины 70-х годов (1875 — 1876), с основанием «Земли и Воли».

[3] Судя по цитированному выше письму Бакунина к Ралли от 28 мая 1872 года, вопрос о приеме Лермонтова в «Русское Братство» ставился уже весною 1872 года. Между тем в письме от 23 января 1873 года Бакунин говорит о «четверке» (Росс, Ралли, Эльсниц, Гольстейн). Значит ли это, что Лермонтов не был принят в Русское Братство? Сомнительно, ибо тогда Бакунин не мог бы предлагать его в сверх-комитет. Не вышло ли у Ралли ошибки в том смысле, что тот текст письма от 28 мая 1872 г., который он дал в переписке Бакунина, изданной Драгомановым, и в своей статье в сборнике «О Минувшем», на самом деле механически составлен из д в у х разных писем, из коих одно относится к весне 1872, а другое к 1873 году? Хронология и расшифровка этого письма, как мы уже выше указывали, возбуждают некоторые сомнения.

[4] Т а к делалось в царстве «полной автономии» секций и личностей и «вольной федерации снизу вверх»! В царстве коммунистической «диктатуры» столь «генеральский» образ действий был невозможен.

меня (т.-е. Ралли); что же касается моих товарищей Э. и Г., то они, за их увлечение наукой и, главное, за их Gemüthlichkeit (т.-е. мягкотелость. — *Ю. С.),* переходят на второй план. Из четырех вышеупомянутых лиц Ф. Лермонтов должен обосноваться в России, Росс остается представителем и заправилой за границей нашей ветви, я же назначаюсь некоторым образом курьером между Бакуниным и Лермонтовым, с одной стороны, и Россом — с другой. На первых порах, однако, прикомандировываюсь продолжать быть связующим звеном всех элементов в Цюрихе» (цит. ст., стр. 335) [1].

Относительно братских, товарищеских отношений, полной «прозрачности» между членами тайной организации, «о всех этих романтических и сентиментальных взаимных отношениях на этот раз не было более речи. Напротив, М. А. откровенно на этот раз перешел целиком на сторону таких отношений революционера к товарищам, которые мне прекрасно были известны из старой нечаевской программы» (остальную часть этого абзаца мы привели в третьем томе, там, где говорили об отношении Бакунина к нечаевскому делу, стр. 477).

Ралли выехал 9 марта [2] из Локарно, чтобы сообщить своим товарищам решение Бакунина, которое не нравилось ему, а тем менее могло понравиться Эльсницу и Гольстейну. Поздравляя Ралли с освобождением

---

[1] Совершенно очевидно, что разговор шел о русском отделе Альянса и что намечалась реформа именно Русского Братства. Между тем из рассказа Ралли об этих событиях, напечатанного в изданной Драгомановым переписке Бакунина (стр. 502), можно сделать вывод, будто речь шла о преобразовании дирекции славянской секции. Вот что там рассказывает Ралли: «Относительно комитета славянского (?) союза могу сказать следующее. Он составился перво-наперво из пяти человек: Бакунин, Эльсниц, Вл. Гольстейн, я и Росс. Потом Бакунин призвал меня одного к себе в Локарно и здесь решил, что комитет будет состоять из трех: его, Росса и Лермонтова, я же буду связывающим членом комитета секретного с комитетом несекретным, который составился из 9 человек. Не любя Росса, которого я прозвал «ярославским лабазником от революции», я приехал обратно в Цюрих и передал решение товарищам Эльсницу и Гольстейну, а старику написал, что с Россом у меня дело не ладится. С этого у нас начались уже взаимные пререкания, кончившиеся потом разрывом». Совершенно ясно, что в этот рассказ Ралли вкралась неточность, и что разговор шел не о «славянском союзе» (т.-е. славянской секции), а о русском отделе Альянса (он же: «русский национальный комитет Интернационального Братства»).

[2] В своих воспоминаниях (сб. «О Минувшем», стр. 336) Ралли говорит, что прожил у Бакунина неделю-другую, при чем точно не указывает времени своей поездки в Локарно. Между тем в письме Бакунина к А. Фохту от 14 марта сказано, что Ралли прибыл в Локарно 7 марта и уехал оттуда

из-под случайного ареста и рекомендовав ему поместить об этом заметку в «Бюллетене Юрской Федерации» (что и было сделано), Бакунин в письме от 17 марта снова возвращается к вопросу о разногласиях в группе и взывает к преданности своих молодых товарищей, убеждая их забыть мелочные недоразумения. «Ну, а теперь, друг мой, наш долг крепко сомкнуться и единодушно работать, поклясться друг другу в верности общему делу революции и работать, работать сообща, покуда сил станет. Иначе мы не братья одного великого дела, а только своих тесных кружковых интересов и своих личных страстей, чуждых революции, а потому уже и преступных, ибо ныне, что не служит нашему общему делу, то преступно. Я лично верю в тебя, потому что ты прямолинейный человек, а такие нам люди нужны, хотя они, как и ты, с норовом».

Однако эти дружеские увещания не в состоянии были разрядить все более сгущавшуюся в кружке атмосферу. Открытие работ в типографии, вместо того чтобы привести к смягчению недоразумений, напротив способствовало их обострению вследствие нетоварищеского [1] поведения Росса, желавшего играть в кружке роль начальника. К августу 1873 года они дошли до того, что Росс, подозревая, что товарищи отнимут у него управление типографией, задумал захватить ее в свои руки. Забрав ключ от типографии, он отказался отдать его, об'явив, что работы больше производиться не будут. Пылкий Ралли лично отправился тогда на квартиру Росса за ключом, готовый на самые решительные действия. Росс не посмел удержать ключа, и Ралли возвратился победителем. Этот инцидент убедил товарищей в необходимости порвать с Россом. Но взять типографию исключительно в свое ведение большинство кружка не решилось, опасаясь вызвать этим приостановку ее работы [2].

Это произошло в начале августа. Эльсниц от имени тройки обратился к Бакунину с письмом, в котором заявлял о невозможности и нежелании иметь впредь что-либо общее с Россом [3]. Бакунин понял это

9-го. По дороге он был 11 марта арестован в Берне по доносу Стемпковского, на которого якобы готовил покушение, и просидел несколько дней в тюрьме. В связи с этим арестом Бакунин и написал письмо к Фохту, прося его о заступничестве. Письмо приводится у Неттлау (стр. 776).

[1] Так рассказывает об этом Ралли; сам Росс (Сажин) в своих воспоминаниях, к сожалению, обходит этот инцидент молчанием.

[2] Кружок был, конечно, шире «Русского Братства». К нему примыкали Попов и артиллерийский офицер Я., работавшие в типографии как наборщики, несколько женщин (Хардина, Луканина, Трофимова, Обухова, Донскова) и пр. Потоцкая и С. Лаврова об'явили себя солидарными с Россом.

[3] Лермонтов отошел, повидимому, от кружка еще раньше. Какая нездоровая атмосфера царила вообще в этом «Братстве», видно из того письма,

как предложение выбирать между последним и ими тремя. Несколько дней спустя (16 августа) Бакунин дал ответ, который можно было предвидеть заранее. Бакунин отказывался расстаться с Россом, который в течение их трехлетней дружбы и деловой связи дал ему много доказательств личной симпатии и преданности делу. Старый революционер выражает надежду, что отделившаяся группа, преследующая ту же цель, останется с прежними товарищами в союзнических отношениях. Он делает последнюю попытку сохранить связь с тройкой, предлагая ей впредь сноситься по делам лично с ним без посредничества неприемлемого для нее Росса. Во всяком случае он надеется сохранить с ними лично дружеские отношения, даже если деловой связи между ними не установится.

Пересылая ответ Бакунина Ралли, уехавшему тем временем в Женеву, Эльсниц выражал изумление по поводу мягкого тона бакунинского письма. Зная его самоуверенность и нетерпимость ко всякому противоречию, он ожидал потока ругательств и был потому приятно разочарован. Но по существу письмо приятелям не могло понравиться. Эльсниц ответил Бакунину, что они никогда и не думали ставить ему такой альтернативы: они или Росс; они прекрасно знали, что с Россом он не порвет. Что касается предложения вести с ним сношения непосредственно, то на этот вопрос нельзя ответить без предварительного опроса всех членов группы (это место, поясняет Эльсниц в письме к Ралли, особенно не понравится Бакунину: «как, — скажет старик, — какой-нибудь По[пов] или Я. будут тоже решать»!). Сказать, что программа у них одна и та же, вперед нельзя, так как неизвестно, не попадет ли будущая организация (Росса и Бакунина) под влияние лондонского Комитета [1]. Наконец, что касается личного уважения, то он, Эльсниц, разу-

---

которое прислал Лермонтов бывшим товарищам из России (оно сохранилось у Ралли и сообщено им Неттлау, который изложил его в примечании 3162 к биографии Бакунина). В этом письме Лермонтов заявляет, что порывает всякие отношения с Россом, как изменником революции и анархии, честолюбцем и себялюбцем; с тройкой, которую считает неспособной к товарищеской работе и родственной по духу Россу; со «стариком», связанным с ними, хотя личное уважение к нему сохраняет за его п р о ш л о е; его нынешнюю измену принципам анархии и коллективизма на практике он об'ясняет влиянием людей вроде Росса. Таков его окончательный вывод из совместной работы с ними. Письмо, впрочем, не совсем нормальное и свидетельствующее о крайней степени озлобления его автора.

[1] Если здесь говорится о Генеральном Совете, то это просто ехидная выходка насчет Росса; если же имеется в виду группа Лаврова, то это намек на недостаточно отрицательное отношение Росса к проектам Лаврова относительно «Вперед» (см. ниже)

меется, попрежнему питает это чувство к Бакунину, кроме последней истории (т.-е. конфликта с Россом) [1].

Ралли рассказывает, что был еще коллективный ответ группы; он был полон самого теплого чувства лично к Бакунину, но содержал категорический отказ от деловой связи с ним ввиду решительного расхождения с его друзьями в методе работы и в отношениях к людям. «После этого нашего коллективного письма М. А. не настаивал более».

Бакунин понял, что дело безнадежно, и что молодежь взбунтовалась не на шутку. 29 августа он ответил Эльсницу коротенькой запиской, которая, возможно, была ответом именно на коллективное письмо, упоминаемое Ралли. В записке Бакунин, заявив: «пусть будет по-вашему», предлагал в данный момент не решать ничего, а предоставить дальнейшему ходу событий выяснение характера будущих взаимоотношений, снова повторяя, что твердо верит в личные отношения свои и тройки и надеется, что благодаря им со временем восстановятся и отношения деловые [2]. И, усыпив внимание своих вчерашних друзей,

---

[1] Письмо это напечатано в сборнике «О Минувшем», стр. 344.

[2] Сажин (Росс) в своих «Воспоминаниях» (стр. 97) говорит, что разрыв произошел в конце июля 1873 года. Мы видим, что это неверно, и что разрыв произошел в конце августа. Характерно, что Сажин обходит весь этот эпизод и вообще всю историю «Русского Братства» полным молчанием. Единственная поправка, которую он делает к воспоминаниям Ралли (в журнале «Минувшие Годы», 1908, № 10; о статье в сборнике «О Минувшем» он совершенно не упоминает), сводится к тому, что книга «Анархия по Прудону» написана не Зайцевым, а Гильомом, Зайцев же только перевел ее на русский язык. Это, впрочем, было известно исследователям и раньше.

Только в статье «Первое знакомство с М. А. Бакуниным» («Из воспоминаний»), напечатанной в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год (стр. 13), Сажин заговаривает об этой истории, но в самой неопределенной форме, стараясь придать ей характер мелкого случайного эпизода. Рассказав о том, как Бакунин испытывал людей, Сажин продолжает: «Я помню такой случай с русскими, в котором я принимал косвенное (?) участие. В Цюрихском университете в мое время была группа русских студентов из трех человек, тесно связанных друг с другом. Это были хорошие люди, с прекрасными намерениями и желаниями, все — будущие врачи, однако, к сожалению, как мне казалось, это были будущие культурные люди, но по натуре не революционеры. Я поддерживал с ними дружеские, товарищеские (!) отношения, но не втягивал их в революционное дело. Бакунин знал их заочно с моих слов. В каникулярное время они отправились походить по Швейцарии, посетили Бакунина, познакомились с ним и выразили свое горячее желание работать с ним. Бакунин пошел им навстречу, заключив с ними союз с программой старого бывшего «Альянса», дал им небольшой шифр для переписки, словом, все, как он когда-то делал прежде (?). И вот дело тянулось чуть не год, а когда представилось настоящее (?) дело, то скоро

а отныне врагов (середины неистовый бунтарь не знал), Бакунин в тот же день и, быть может, тем же пером пишет письмо А. Фохту, дискредитирующее тройку. 14 марта Бакунин просил этого Фохта похлопотать за Ралли, с которым он, Бакунин, дескать вполне солидарен. Теперь же он спешит ему сообщить, что вынужден сделать прямо противоположное заявление, а именно, что отныне не существует никакой солидарности между ним, Бакуниным, и Ралли и его друзьями, Э. и Г., и другими русскими из их компании; он стоит в стороне и относится совершенно отрицательно ко всему, что они делают или будут делать, говорят или будут говорить, печатают или будут печатать [1].

Новая группа из 5 человек (Ралли, Гольстейн, Эльсниц, Попов и Я.) решила приступить к самостоятельному издательству. Об ее настроении в первое время дает некоторое представление письмо Гольстейна, считавшегося, повидимому, главной литературной силой новой группы, к Ралли от 10 сентября 1873 года. «Подумай, дружище, — говорит он, — что ведь мы поднимаем знамя раскола в бакунинской партии во имя

обнаружились дефекты (какие? — *Ю. С.*). Бакунин скоро почувствовал, что из союза проку не выйдет, и поэтому ждал только случая, чтобы прекратить безобидно все отношения. Случай представился, и он им воспользовался».

Вот и все, что Сажин после долгого молчания счел нужным поведать публике о «Русском Братстве». Умолчания и тенденциозность в его рассказе бросаются в глаза. Отметим только пару мелочей. Из трех названных Сажиным «студентов» один, по крайней мере, а именно Ралли, имел тогда революционный стаж не меньше сажинского, просидев два года в Петропавловской крепости и затем бежав из ссылки. Далее, Бакунин заключил с ними союз не на основе программы старого бывшего Альянса (который, наперекор укрывательским тенденциям Сажина, в то время процветал более, чем когда-либо), но на основе специальной программы «Русского Братства», которое было русским национальным комитетом тайного Альянса, якобы в рассматриваемый момент не существовавшего. И не напрасно Сажин, успевший теперь все перезабыть, т о г д а вместе с Бакуниным протестовал против опубликования этой программы, как против «измены». Наконец, инициатива раскола вовсе не исходила целиком от Бакунина, как рассказывает с запозданием Сажин, имевший ко всему этому якобы только «косвенное» отношение. То, что мы на основе документов, в том числе писем Бакунина, сообщаем в тексте, резко противоречит туманному изложению Сажина, который в этом инциденте был слишком заинтересованным лицом.

[1] Н е т т л а у, стр. 777. — Зачем понадобилось посвящать в разрыв между интимными друзьями совершенно постороннего мирного профессора, решительно непонятно. Об'яснение содержится, может быть, в последних строках письма, где Бакунин просит Фохта сейчас этого письма не показывать никому, а сохранить его, дабы в случае необходимости он мог сослаться на его свидетельство. Не боялся ли он, что друзья выкинут какую-нибудь рискованную с точки зрения буржуазных законов штуку?

истинно-революционных и человечных притязаний и вследствие этого занимаем такое же положение, в каком находился Бакунин и его приверженцы, делая революцию против Маркса и К°. Бакунин и его партия должны были бороться против врага, несравненно сильнейшего их: у Маркса без сомнения было в распоряжении в сто раз больше знаний, денежных средств и людей. Несмотря на все это, бакунисты одержали победу только силою одних принципов справедливости, солидарностью, энергией и верностью этим принципам. Точно так же и мы. У старика с Россом есть в распоряжении некоторые, хотя и небольшие литературные силы, есть хоть какие-нибудь средства денежные, данные нами, и есть накопленное продолжительным упражнением уменье к практической деятельности, есть связи. У нас ничего этого почти нет, и тем не менее мы можем иметь успех полный, если только (будем) твердо держаться наших принципов».

Старая типография и библиотека остались в руках Росса [1]. Решив основать новую типографию, группа, принявшая название «Революционной общины русских анархистов», не дождавшись ее открытия, выпустила в сентябре 1873 года брошюру «К русским революционерам. № 1. Сентябрь 1873 года». По этому поводу Ралли (цит. ст., стр. 345) говорит: «По предложению В. Г[ольстейна] мы решили напечатать брошюру чисто принципиального характера и предпослать ее новой нашей деятельности. Брошюру эту написал В. Г[ольстейн], и мы озаглавили ее «К русским революционерам». Набрана она была нами в типографии, управляемой (Лазарем) Гольденбергом. Текст этой брошюры вовсе не есть программа Alliance'a, как претендовал Росс, ставя нам в обвинение, что де мы напечатали тайную программу интернациональных братьев; она просто-напросто составлена из изречений, которые наиболее часто повторялись тогда среди итальянских, испанских и французских бакунистов, вмещая в себе всю разрушительную сторону бакунинского credo» (цит. ст. в сборнике «О Минувшем», стр. 345).

Так говорил Ралли через 30 слишком лет после описываемых событий. Но послушаем другого члена группы, указание которого дано

[1] «Типография наша, оставленная нами Бакунину, — рассказывает Ралли, — была тотчас же по нашему удалению запакована, дальнейшее печатание книги «Государственность и Анархия» закончилось уже в типографии Трусова в Женеве; шрифты и машины не послужили более русскому свободному слову вплоть до того времени, когда в 1876 году их опять привез мне Сергей Кравчинский для пополнения нашей типографии «Работника», «Общины» и «Громады». Да и тогда этот шрифт так и остался без всякого употребления, потому что не оказалось в нем надобности» (стр. 346).

по свежим следам. В октябре 1873 года Эльсниц написал Гильому письмо, в котором излагал причины раскола в «Русском Братстве». По поводу этой брошюры он писал следующее: «Располагая программой основанного Бакуниным Русского Братства, членами которого мы были, программой, написанной Бакуниным и содержавшей весьма удачное изложение анархистских принципов, мы решили напечатать ее в виде брошюры, предварительно вычеркнув из нее все, что в той или иной мере относилось к организации Русского Братства, так что в брошюре нет ничего кроме чисто анархистских и коллективистских принципов, сводки того, что ежедневно печатается в антиавторитарных социалистических газетах» [1].

Стоит взглянуть на эту брошюру, чтобы убедиться в правоте обеих сторон. Ралли и Эльсниц правы, когда говорят, что брошюра представляет сводку ходячих анархистских фраз того времени. Но верно также указание Бакунина и Росса, что в значительной части брошюра представляет перепечатку программы интернациональных братьев в переделке для «Русского Братства» (в чем, впрочем, сознается и Эльсниц). Оригинальны, может быть, первые десять-двадцать строк введения, хотя и они представляют перепев обычных бакунинских противопоставлений мира «фрачного, дворянско-чиновного и мещанского» «непочатому миру крестьянскому», да еще, пожалуй, отдельные фразы последней (пятой) главы, трактующие о подлежащих уничтожению тщеславных и честолюбивых личностях и хотя тоже представляющие повторение известных нам бакунинских фраз, но содержащие пару замаскированных выпадов против врагов группы (вероятно, Сажина и отчасти Бакунина, к которому мог относиться намек насчет «гения»). Все остальное — конечно, перифраз программы «Русского Братства», которая в свою очередь представляла перифраз известной нам старой-престарой программы Интернационального Братства. Стоит взглянуть на первые же строки первой главы («У нас нет отечества. Наше отечество — всемирная революция» и т. д.), чтобы убедиться в этом [2]. К такому же выводу приходит и Неттлау (стр. 778) в результате сопоставления брошюры и программы «Интернационального Братства» (того печатного текста, который он считает единственно подлинной его программой). Об этом же мы говорили в первой части третьего тома нашей работы.

---

[1] Nettlau, стр. 777; Гильом, т. III, стр. 142.

[2] Брошюра перепечатана в изданных Драгомановым «Письмах» Бакунина, стр. 504—511. Но совершенно напрасно Драгоманов пытается установить какие-то «значительные различия» между взглядами этой брошюры и писаниями и декларациями Бакунина.

Бакунин был глубоко возмущен выпуском этой брошюры, который он называл «изменой». Почему? Трудно понять. Чисто обывательское об'яснение Гильома («неделикатный поступок по отношению к тому, чьи идеи они себе таким образом присваивали вместе с чисто индивидуальным выражением, которое он этим идеям дал») не выдерживает критики с альянсистской точки зрения, ибо Бакунин сам неоднократно высказывал ту мысль, что идея, раз высказанная, становится общим достоянием, да и вообще личных идей, мол, не бывает, так как они представляют продукт коллективного творчества. По мнению Неттлау, Бакунин не боялся за Альянс, существование которого он к тому времени, дескать, уже признал в «Государственности и Анархии» и в «Историческом развитии Интернационала», а опасался смуты (?) среди товарищей, которую могло вызвать опубликование тайной программы. При этом Неттлау (стр. 778—779) напоминает, что брошюра вышла п о с л е выхода в свет брошюры Генерального Совета об Альянсе. Вот здесь-то, по нашему мнению, и зарыта собака.

Начать с того, что «Историческое развитие Интернационала», правда, вышло в свет в конце августа 1873 г., т.-е. за несколько дней до брошюры «К русским революционерам», но «Государственность и Анархия» вышла п о з ж е (в конце года), ибо в то время была напечатана только ее половина, да и закончил-то ее Бакунин только в августе. Это первая неточность Неттлау. Но дело даже не в этом. В этих книгах Бакунин якобы признал существование Альянса. Но к а к признал? В этом весь вопрос. Для прошлого времени — да! Насчет же тайного существования Альянса внутри Интернационала с 1869 по 1872 год мы не найдем в указанных книгах н и с л о в а. Как мы уже не раз указывали выше, Бакунин и его последователи избрали систему голословного отрицания существования тайного Альянса внутри Интернационала за указанный период, а Гильомом полностью и Максом Неттлау отчасти эта система проводится до наших дней. На Гаагском конгрессе бакунисты держались той же тактики. Поэтому опубликование в брошюре «К русским революционерам» программы тайного анархического общества, в основном совпадавшей с программою, опубликованною в разоблачительной брошюре об Альянсе, выпущенной незадолго до того, не могло, разумеется, понравиться Бакунину и его друзьям, поскольку способно было доставить лишнее оружие врагам Бакунина и п о д т в е р д и т ь с у щ е с т в о в а н и е т а й н о г о А л ь я н с а. Только этим и можно об'яснить гнев Бакунина.

С другой стороны, негодование Бакунина и Росса могло быть в значительной степени напускным. Оно давало им возможность припереть

к стене оппозицию и вырвать у нее более благоприятные для себя условия при ликвидации общего предприятия. Об этом свидетельствует письмо Гольстейна к Ралли от 2 октября 1873 года (сб. «О Минувшем», стр. 341—343). Оказывается, что после выпуска инкриминируемой брошюры «старик нас считает изменниками (sic!), потому что мы опубликовали тайную программу Alliance'a», а потому он с Россом пред'явили группе следующие требования: деньги, должные группе (2.000) [1], будут отданы под расписку о том, что все долги с Бакунина получены сполна, ибо, по словам Росса, «ходят всюду слухи, что наша связь с стариком стоила нам много денег, и что в этом результат нашей связи с ним» (вечный проклятый вопрос!). Затем Бакунин и Росс требовали от оппозиционной группы уплаты ею всех долгов по библиотеке и женской кассе в Цюрихе (все эти долги вместе составляли 88 франков!), возвращения всех библиотечных книг и документов, снабженных подписями Бакунина и членов группы, как то: программы «Славянского Братства» [2] и т. п. (от этого Ралли отказался). Возмущенный этими требованиями, Гольстейн сначала предполагал отказаться от всяких денег и уплатить долг самим. «Это, — пишет он, — единственное средство прекратить нечаевщину и ответить достойно на мерзость людей, окруживших старика, и дать ему ту нравственную плюху (!), которую он вполне заслужил... В самом деле, рассуди, что будет, если мы пошлем расписку, исполнив все требования, и получим эти деньги. Нам по нечаевски наплюют в рожу; скажут, что мы мерзавцы, с которых пришлось взять расписку, ее будут показывать, как показывает бедный Нечаев расписку, подписанную Матреной, и т. д.».

Бакунин избрал Гильома посредником по этому делу и передал ему упомянутые 1.990 франков. Дело затянулось ввиду отказа группы выдать заявление о неимении претензий к Бакунину и Россу, так как,

---

[1] По указанию Гильома (т. III, стр. 142), эти деньги в сумме 1.990 фр. были в разное время перебраны Бакуниным у членов группы (повидимому, на свои личные потребности). Ралли (цит. ст., стр. 341) говорит, что они были заняты у одной чужой русской дамы для Кафиеро. Слова эти надо понимать в том смысле, что Кафиеро гарантировал возвращение этой суммы, занятой для Бакунина. Так в конце концов и произошло. Деньги дал Кафиеро, и они были возвращены Гольстейном упомянутой даме.

[2] Есть ли это программа славянской секции или была еще и какая-то программа «Славянского Братства»? Что таковое существовало, видно из отдельных указаний бакунинского дневника, приведенных нами на страницах 227 и 230. Если и была программа этого Братства, то вряд ли она многим отличалась от аналогичных продуктов бакунинского творчества, нам уже знакомых.

судя по цитированному письму Эльсница к Гильому (от октября 1873 г.), группа требовала также возвращения ей «типографии и продукта ее работы (книги «Историческое развитие Интернационала»), остающихся без пользы в руках мистификатора» (т.-е. Росса) [1]. Инцидент [2] закончился только в июле 1874 г., когда группа выдала расписку (без первоначально требовавшегося от нее заявления), а Гильом отослал Ралли 1.990 франков. Но это случилось уже после разрыва Бакунина с Россом (см. ниже в главе о «Баронате»), и невольно вспоминаются слова Ралли, которыми он заканчивает описание раскола в русском отделе Альянса: «Даже теперь... тяжело отряхать пыль с этих исписанных листочков бумаги, где читаешь столько горечи, обиды и досады людей, которые, если бы не разорвали в то время с Бакуниным, наверное сумели бы сделать ему смерть не столь одинокой, его последние годы не столь обидно ничтожными по своей душевной пустоте. И всему этому виноват был сам Бакунин, не умевший выбирать среди людей друзей своих» (стр. 340).

Анархическая группа, к которой впоследствии примкнул старый приятель Бакунина Н. Жуковский, издавала в Женеве газету и журнал «Работник», выпустила ряд книг и брошюр, как-то: «Парижская Коммуна», 248 стр., 1874 (написана Ралли); «Сытые и Голодные», 530 стр., 1875 (история трудящихся в анархическом освещении, любопытная тем, что о Бакунине там совершенно не упоминается); «Записка министра юстиции гр. Палена. Успехи революционной пропаганды в России», 1875, и т. д. У группы были некоторые связи в России, особенно на юге и в центральной области, что отчасти обнаружилось на процессах 50-ти и 193-х. В общем она просуществовала до 1876—1877 года.

Бакунинская же группа (Росс и Бакунин) осталась совершенно изолированной. Если разрыв с Нечаевым оторвал Бакунина на пару лет

---

[1] Словечко «мистификатор» в применении к Россу останавливает на себе внимание потому, что брошюра «К русским революционерам» имеет своим мотто слова: «Лжецы, мистификаторы, прочь с дороги!!!», т.-е. относящиеся, быть может, именно к нему.

[2] По этому поводу существует еще одно письмо Бакунина к Ралли от 18 октября 1873 г. (Неттлау, стр. 779). Бакунин уговаривает Ралли закончить спор в приличных формах, доказывает ему правоту («законность») выставленных им требований и выражает сожаление по поводу того, что публичное выступление группы (повидимому, брошюра «К русским революционерам») вырыло между нею и им пропасть. Есть вещи, прибавляет Бакунин, которые с нашей точки зрения непонятны и еще менее того допустимы; члены группы теперь этого не понимают; современем они это, вероятно, поймут.

от русского революционного движения, то разрыв с группой Ралли окончательно оторвал Бакунина от России. Отныне связи его с нею ограничиваются случайными личными встречами и посещениями (Ковалика, Дебагорио-Мокриевича, Степняка-Кравчинского). Но с русским движением, как с таковым, связи у Бакунина отныне порываются навсегда.

Теперь у Бакунина оставалась еще последняя карта — Италия. Скоро мы увидим, что бита была и она. Какой-то злой рок преследовал начинания этого человека.

5. Бакунин и Лавров.

Случайным и мимолетным эпизодом в русской деятельности Бакунина являются его отношения к П. Лаврову [1].

Познакомился Бакунин с Лавровым (заочно), видимо, через Росса, который знавал Лаврова еще в вологодской ссылке. Именно Россу принадлежала мысль о приглашении Лаврова к сотрудничеству в том русском журнале, который он задумал издавать в 1870 году под редакцией Бакунина, в результате чего и явилось цитированное нами выше письмо Бакунина к Лаврову от 15 июля 1870 года. Как мы знаем, Лавров тогда отклонил сделанное ему предложение ввиду принципиальных разногласий с Бакуниным.

В марте 1872 года группа лиц, среди которых были как приезжие из России, так и представители эмиграции, В. Смирнов и Сергей Подолинский, задумали издавать за границею русский журнал, редакцию которого они предложили Лаврову [2]. Тогда Лавров составил проект программы «Вперед» в либерально-умеренном духе, воображая, что обращение к нему исходило от группы русских радикальных литераторов. Это кстати показывало, что у самого Лаврова не было в тот момент определенных социально-политических воззрений. К осени

---

[1] Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) — ученый, писатель и политический деятель. Идеалист и гуманитарный демократ, был в 1866 г. арестован после Каракозовского покушения, сослан в 1867 г. в Вологодскую губ., откуда с помощью Лопатина бежал в 1870 г. С 1873 г. по 1876 г. издавал журнал, а затем газету «Вперед». В начале 80-х годов примкнул к народовольцам, не вполне разделяя их взгляды, и был одним из редакторов «Вестника Народной Воли». Пытался об'единить идеализм с материализмом, народничество с марксизмом. Умер в Париже.

[2] Подробно перипетии с изданием «Вперед» изложены в книге Туна, в «Народниках-пропагандистах» П. Лаврова (мы цитируем по изданию «Колоса», Лен., 1925), в «Воспоминаниях» Сажина и пр.

1872 года Лавров убедился, что его умеренная программа не может рассчитывать на успех среди тогдашней революционной молодежи, и изменил свой проект в более радикальном духе.

«Тогда, — рассказывает Лавров [1], — сделана была попытка, сойдясь с русскими бакунистами на почве социалистических принципов и устроив на почве этих принципов с ними modus vivendi, издавать за границей русский орган, имеющий в виду «подготовлять» социальную революцию в России в интеллигенции и в народе. Попытка эта была сделана в новой предложенной программе (т.-е. второй. — *Ю. С.*). Но и эта попытка оказалась неудачною. Бакунисты требовали в журнале более решительного влияния, чем то, на которое считал возможным согласиться редактор. Принципиальные начала сообща не были обсуждены вовсе. Но возникли две враждебные фракции».

Далее, рассказывая о своем приезде в Цюрих в конце 1872 г., Лавров говорит: «Оставалось определить вполне точно отношения редакции «Вперед» к бакунистам, крепко державшим в руках знамя, выставленное их знаменитым представителем. Действовать с ними вполне заодно было, повидимому, невозможно. Я не мог допустить, по моим соображениям о трудности руководства изданием, никакого решительного вмешательства с их стороны в редакционное дело и предвидел, что распадение произойдет на почве организации администрации журнала. Но я считал очень важным показать, что в принципиальном отношении нет причины враждебности существовать между нами (!). Второй проект программы «Вперед» был написан именно в тех видах, чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность и установить между двумя фракциями мирный modus vivendi».

Лавров наивно воображал, что парой словесных уступок можно было загладить глубокую принципиальную пропасть между ним и Бакуниным. Но если на это можно было еще рассчитывать по отношению к таким людям, как Росс, которого больше интересовали практические дела, чем теоретические рассуждения, то это было безнадежным делом по отношению к Бакунину, который в этом отношении вовсе не склонен был итти на компромиссы. Лавров, видимо, просто рассчитывал отбить от Бакунина Росса и других молодых его последователей, предложив им второстепенное участие в живом и интересном предприятии. Поэтому Лавров предложил начать с обсуждения проекта программы, не касаясь пока вопроса о составе редакции, на что бакунисты естественно не хотели согласиться.

---

[1] «Народники-пропагандисты», стр. 49 и сл.

Переговоры с бакунистами начались, повидимому, еще до приезда Лаврова в Цюрих, даже до выработки второй программы издания. Сажин в своих «Воспоминаниях» (стр. 37) рассказывает, что по этому вопросу он вел с Лавровым разговор во время розысков нечаевского архива в Париже (значит, в конце августа 1872 года). По рассказу Сажина выходит, что инициатива переговоров о возможной совместной работе принадлежала бакунистам. Лавров, по словам Сажина, заявил, что дело с журналом находится еще в стадии переговоров, но бакунистов этот вопрос вряд ли может интересовать ввиду того, что они с ним расходились во взглядах. «Я прекрасно знаю вашу программу, — сказал будто бы [1] Лавров, — вы хотите в России устроить «пугачевщину». Вы кроме того отрицаете государство. Мы будем с вами воевать. Я еду специально в Цюрих для издания журнала. Я считаю необходимым спасти русскую молодежь от вашего губительного влияния. Вы проповедуете ей революцию в то время, когда она должна еще работать научно и учиться. С вами война будет не на живот, а на смерть».

Сомнительно, чтобы Лавров вел разговор в таком тоне, ибо он как раз хотел договориться с бакунистами, в частности с тем же Россом [2], что он и попытался сделать по своем приезде в Цюрих.

Но есть основание предполагать, что Лавров делал какие-то попытки договориться с бакунистами еще раньше, т.-е. не только до своего приезда в Цюрих в конце 1872 года, но и до свидания с Россом в Париже

---

[1] Я говорю «будто-бы», во-первых, потому, что рассказ Сажина расходится с рассказами о том же факте Лаврова и Ралли (см. ниже), а, во-вторых, ввиду общего враждебно предвзятого тона, с каким Сажин вообще говорит о Лаврове. Это тем более странно, что как раз Сажина группа Ралли обвиняла в оппортунистической готовности столковаться с Лавровым, и дальнейшее изложение отчасти подтверждает это указание.

[2] «В конце 1872 года, — рассказывает Лавров (цит. соч., стр. 53), — я поехал в Цюрих с решимостью посмотреть своими глазами на те группы (все примыкавшие более или менее к бакунистскому движению), которые могли дать материал для редакционного и для технического персонала «Вперед», и на месте оценить возможность соединиться в общее литературное дело с теми личными силами, которые присутствовали среди бакунистов... В среде бакунистов Цюриха существовал раскол, едва прикрываемый внешними приличными отношениями (значит, трения в «Русском Братстве» не были для Лаврова секретом! — *Ю. С.*), и несколько весьма замечательных личностей (мужчин и женщин), на которых мне указывали уже письменно (один знакомый еще из ссылки в Тотьму), обещали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками». Знакомый по ссылке был, очевидно, Росс, который, значит, состоял с Лавровым в переписке (и не враждебной).

осенью того же года. Насколько можно разобраться в неточных указаниях на эти события (ни Лавров, ни Росс, ни Ралли не приводят определенных дат), Лавров вел в Цюрихе переговоры с бакунистами на почве в т о р о г о проекта программы. Между тем у нас имеются указания, что еще в м а е 1872 года Бакунин отвергал сотрудничество с Лавровым на основании п е р в о г о проекта его программы. Это указание дает нам Ралли, к сожалению, по своему обыкновению безбожно путающий при этом факты и даты. Вот что он рассказывает (сборник «О Минувшем», стр. 290 и сл.).

«В это-то время (?) приехал из Парижа в Цюрих Петр Лаврович Лавров... Вскоре (?) через посредство Росса было предложено М. А. Бакунину вступить в состав (?!) образовавшейся редакции нового журнала, которому дано было название «Вперед». Предложение это (?) было послано Бакунину в Локарно вместе с копией программы нового журнала (судя по рассказу, речь идет о п е р в о й программе.—*Ю. С.*). Программа, написанная целиком Петром Лавровичем, требовала широкой культурной подготовки молодежи перед началом какой-либо пропаганды среди народа; программа указывала на ту пользу, которую может принести народу хорошо юридически подготовленный прокурор, судебный следователь и т. д., а в заключении программы говорилось, что вообще на всяком поприще общественной жизни возможно послужить делу народа. Такая программа, разумеется, не могла быть принята Бакуниным, и он целиком отверг ее. Вследствие категорического отказа со стороны Бакунина Петр Лаврович заявил, что переделает ее, сообразуясь с тем новым течением, которое уже довольно определенно выяснилось среди одной части русской молодежи».

И далее Ралли приводит письмо Бакунина к своим цюрихским товарищам от 29 мая (ясно: 1872 года), при чем поясняет, что отзыв Бакунина относится именно к п е р в о й программе Лаврова. Вот это письмо Бакунина:

«Друзья мои, получил и прочел присланную мне программу; воля ваша, ее принять никак невозможно, так как я не могу представить себе, как это мы будем вместе работать и с молодым администратором, и даже с прокурором, и с прочими людьми, носящими кокарду [1]. Ведь это зна-

---

[1] По поводу враждебного отношения к людям с «кокардой» М. Сажин приводит интересный рассказ. «Однажды, — пишет он («Первое знакомство с М. А. Бакуниным», «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 5/26, стр. 13), — живя в Петербурге уже после каторги в Сибири, я встретился в одном доме с профессором уголовного права Фойницким. Он рассказал о своей попытке познакомиться с Бакуниным следующее. Фойницкий вместе с другим

чит итти рука в руку с чиновниками, которых народ ненавидит неравне с дворянами; таким же образом в программе говорится слишком много о необходимости серьезной научной подготовки, необходимой для революционера. Что ж это, неужели мы задумали устроить за границей университет? Дело хорошее, спору нет, но только это не наше дело, пусть его и устраивает полковник Лавров, а я пока что займусь революционным делом, которое не к лицу доктринерам. Я ничего не отвечал Петру Лаврову на его любезное приглашение потому, что если бы ответил, то написал бы, что удивляюсь эластичности его ума, а он бы обиделся, и вышло бы нехорошо. Полагаю поэтому, что у нас с ним ничего не выйдет, во всяком же случае прошу вас, друзья, напишите мне все подробности ваших переговоров, чтобы я знал все, что нужно знать. Пусть также Росс напишет толком относительно Женевы, а также пришлите мне два фунта табаку. У меня теперь гостит Фанелли» [1].

О каком «любезном приглашении» Лаврова, оставленном без ответа, говорит здесь Бакунин, неясно. Было ли оно письменное или устно переданное через Росса, каково было его содержание, мы не знаем. Сам

профессором уголовного права Киевского Университета Кистяковским были где-то в Швейцарии и решили с'ездить в Локарно, чтобы познакомиться с Бакуниным. Приехав в Локарно, узнали, что Бакунин ежедневно около 12 часов дня бывает в таком-то кафе, где читает итальянские и французские газеты, получаемые здесь. Пришли в кафе и тотчас же увидели лицо, читающее газету, в котором узнали Бакунина, подошли к нему, отрекомендовались как профессора уголовного права. Бакунин довольно неприветливо спросил их, что им нужно. «Нам очень интересно познакомиться с вами и побеседовать». «А мне это совершенно неинтересно; что же может быть общего между вами, юристами, защитниками государства, а следовательно всяческого насилия, и мною, решительным противником его. Решительно ничего». После этого Б. отвернулся от них и стал продолжать чтение газет. А они вынуждены были удалиться». Это, конечно, весьма возможно; но, как мы знаем, вообще Бакунин охотно сходился со всякими людьми.

[1] Последнее указание могло бы способствовать уточнению даты письма. К сожалению, те отрывки из дневника Бакунина, которые до сих пор опубликованы Неттлау и Гильомом, не дают этой возможности. Нам уже известно, что Фанелли приехал с Кафиеро в Локарно 18 мая 1872 г., но 22-го в дневнике отмечено, что Фанелли в этот день уехал и вернулся в Локарно только 18 июня. Таким образом 25 мая он не мог гостить у Бакунина. Остается допустить, что или: 1) Ралли неверно указывает дату письма, и что оно относится не к 25, а к 20—21 мая, или 2) что Бакунин, зная, что Фанелли уехал на время, считал его посещение как бы непрерывающимся. Во всяком случае письмо не может относиться к 1873 году, ибо уже в декабре 1872 года переговоры относительно «Впереда» были закончены.

Лавров не упоминает о нем ни словом. Во всяком случае совершенно невероятно, чтобы Лавров приглашал Бакунина в редакторы, как пишет Ралли. Впрочем, в дальнейшем рассказе Ралли сам опровергает свою начальную версию. По его словам, отзыв Бакунина о первой программе Лаврова был сообщен Лаврову и Смирнову. «Вследствие этого Лавров решил (когда?) написать другую программу для журнала, и вскоре новая программа была читана (кем?) и отослана Бакунину [1]; с этой второй программой, однако, было послано и письмо, написанное Россом, в котором последний старался убедить Бакунина, что из-за программы, хотя и неподходящей, не следует все же отказываться от участия в журнале, если только в редакции его возможно приобрести преобладающее значение. Этот пункт, однако, вскоре был окончательно выяснен, так как Валериан Смирнов совместно с Лавровым заявили, что редакция нового журнала уже составлена, и что участие Бакунина в журнале предполагается в качестве сотрудника. Вместо ответа относительно второй программы, из которой были выкинуты П. Л[авровым] и «молодой администратор», и «прокурор», вскоре получилось известие из Локарно, что М. А. решил приехать сам в Цюрих, а потому необходимо послать ему деньги, что и было исполнено».

Здесь Ралли снова невольно сбивает читателя с толку. «Вскоре» от Бакунина такого письма получиться не могло, потому что он только недавно вернулся из Цюриха в Локарно, а потому туда (в Цюрих) в это время (т.-е. в ноябре 1872 г., когда происходили описываемые события) и не думал собираться. Приезд этот состоялся только в апреле 1873 года, п о с л е окончательного разрыва переговоров о «Впереде». Мы поэтому предполагаем, что и передаваемый дальше (стр. 292) Ралли разговор Бакунина с Лавровым относительно программы «Вперед» и «эластичности ума» Лаврова тоже представляет продукт фантазии,

---

[1] Мучительно иметь дело с такими документами, как воспоминания Ралли, Сажина и т. п. Почти никогда нельзя понять, о каком событии там говорится, где и когда оно происходило, при чем часто в них перепутаны места, даты и факты. Ралли говорит, что вторая программа была готова «вскоре» после майского письма Бакунина. Между тем Лавров приехал в Цюрих только в ноябре, и именно 28 ноября Бакунин (как видно из его дневника) получил письмо Росса, о котором говорится у Ралли. И в таком духе составлена значительная часть этих воспоминаний. Еще одно обстоятельство: Ралли утверждает, что Лавров изменил свою программу под влиянием критики Бакунина; Сажин же («Воспоминания», стр. 39) уверяет, что это изменение произведено было согласно его, Сажина, указаниям. Возможно то и другое, ибо с указаниями Сажина Лавров мог считаться как с выражением мнений бакунинского кружка и, пожалуй самого Бакунина.

если не самого рассказчика, то тогдашней цюрихской русской колонии [1].

По более точному рассказу Сажина дело обстояло гораздо проще. Лавров, приехав в Цюрих, вступил с Сажиным в переговоры об условиях, на которых бакунисты согласились бы принять участие в проектируемом журнале. Сажин указал ему, что, вступая в переговоры с ним, он одновременно обращается и к Бакунину, с которым он, Сажин, тесно связан (у него сказано даже не совсем по анархистски: «от которого я всецело завишу», стр. 39). Лавров ответил, что он, обращаясь к Сажину, именно и имел в виду всю группу и в частности ничего не имеет против сотрудничества Бакунина, взгляд на которое он теперь изменил. Лавров внес в свою программу некоторые поправки согласно указаниям Сажина, продолжая с последним переговоры. Во время одной из бесед он предложил Сажину всю техническую часть издания и даже «совместное редактирование журнала» (последнее как-то мало вероятно). На этот раз предложение Лаврова заставило Сажина серьезно призадуматься. Связей в России у бакунистской группы тогда не было, а тут «в мои руки перешли бы все адреса и связи с Россией при распространении самого журнала. К этому присоединилось еще совместное редактирование, что опять-таки давало возможность не следовать строго программе, выработанной Лавровым». Словом, Сажина Лавров было завоевал, и тот заявил ему, что лично согласен принять его предложение, но предварительно должен посоветоваться с Бакуниным. Большинство членов бакунистского кружка, по признанию Сажина, отнеслось к его решению отрицательно.

И вот Сажин отправился в Локарно, куда и прибыл 9 декабря. Бакунин уже до того был осведомлен о переговорах Сажина с Лавровым. Еще 28 ноября он получил от Сажина относившееся к этому вопросу «важное письмо» и по поводу него совещался с Зайцевым. 29 ноября Бакунин отправил Сажину письмо и телеграмму, а также написал большое письмо цюрихским друзьям, т.-е. Ралли и К°, которые с своей стороны тоже, повидимому, держали его в курсе событий. Бакунин отнесся к совместной работе с Лавровым отрицательно [2]. Он показал Сажину

---

[1] Неттлау, который при описании этих событий в своей биографии Бакунина принужден был пользоваться недостаточным и малонадежным материалом вроде личных бесед с Ралли и другими, допустил в этом месте тоже много неточностей (стр. 697—698).

[2] Как относилась тогда к предприятию Лаврова радикально настроенная публика, видно из письма бурнопламенного нигилиста и «отщепенца» Н. Соколова (бывшего сотрудника Писарева и Зайцева по «Русскому Слову», незадолго до того примкнувшего к бакунистам) к Огареву от 2 января 1873 года. «Ты спрашиваешь меня, что делается в Цюрихе? На этот вопрос

старое письмо Лаврова от 1870 года (см. выше) и высказал сомнение в возможности иметь что-либо общее с его журналом. Но Росс не хотел так легко отказаться от плывшей в руки добычи. Как раз в то время у Бакунина происходило какое-то совещание с французскими, швейцарскими и итальянскими альянсистами. Вопрос об участии в журнале был передан на обсуждение этого совещания, при чем некоторые из иностранцев поддержали мнение Росса. В конце концов Бакунин, хотя и с неудовольствием, согласился с тем, что попытку сделать не мешает. Совещание приняло резолюцию, согласно которой участие Росса (значит, не всей русской бакунистской группы) в журнале «Вперед» обусловливалось совместным редактированием журнала с Лавровым и с передачей в руки Росса заведывания всей перепиской и рассылкой журнала.

Что Росс не понял предложения Лаврова и принял свои мечтания за действительность, обнаружилось на собрании представителей обеих сторон на квартире Лаврова, которое должно было обсудить вопрос об участии бакунистов в журнале. Со стороны Лаврова на собрании присутствовали Смирнов и Подолинский, а из бакунистов Росс, Ралли и Эльсниц. Лавров, как и следовало ожидать, категорически заявил, что делить с кем-либо редактирование журнала он и не собирается, после чего бакунисты удалились, и началась фракционная борьба между «лавристами» и «бакунистами» [1].

скажу тебе вот что: со дня моего приезда произошел у нас раскол в среде русской молодежи. Вина, разумеется, не моя, а господина Лаврова, некоего философа, приехавшего в Цюрих из Парижа с намерением основать журнал. Написал этот Лавров программу журнала и написал ее в таком отвратительном духе, что Бакунину, Зайцеву, мне и лучшей здешней молодежи стало тошно, и мы решились отделиться, отщепиться от Лаврова и его клики. Представь себе, что в программе Лаврова революция об'явлена злом, и проповедуется легальность!.. Как ты думаешь, правы мы или нет в своем отщепенстве?». (Письмо это напечатано у Драгоманова в переписке Бакунина, стр. 344.)

[1] Ралли, по словам Сажина присутствовавший на этом собрании, рассказывает следующую небылицу (ст. в сборнике «О Минувшем», стр. 292): «На собрании, обсуждавшем вопрос о редакции нового журнала, произошел окончательный разрыв между Лавровым и Бакуниным по поводу программы. «Удивляюсь, П. Л., эластичности вашего ума, способного в продолжение двух недель дать две программы; признаюсь, я не способен на такую умственную гимнастику. Желаю полного успеха вашему журналу», — заявил М. А. (сидевший в это время в Локарно! — *Ю. С.*) Лаврову». Эту легенду повторил М. Неттлау в своей биографии Бакунина. Собрание это происходило в середине декабря 1872 г., тогда как увиделся Бакунин с Лавровым впервые в апреле 1873 года. Слова об «эластичности ума» просто заимствованы из письма Бакунина к Ралли от 25 мая 1872 года.

Бакунин, пославший тем временем друзьям в Цюрих несколько новых посланий, с видимым удовлетворением отметил у себя в дневнике под 19 декабря: «Хорошее письмо от Росса, разрыв с Лавровым». Так закончилась эта история, исход которой был, впрочем, заранее ясен [1].

Первый конфликт между враждебными фракциями вспыхнул по поводу библиотеки, основанной в Цюрихе кружком бакунистов (см. выше). Организована она была далеко не на основе анархистских принципов «автономии» и «снизу вверх», а напротив на самых что ни на есть диктаторских и аристократических началах. Только учредители библиотеки и те, кого они допускали в число действительных членов, имели право распоряжаться библиотекой; масса подписчиков оставалась в разряде простого управляемого избранными быдла [2]. Разумеется, с такой «вольной федерацией» помимо всякого «авторитета» и «власти» молодежь мириться не хотела. Библиотека была центром общественной жизни русской колонии в Цюрихе, и этот центр упорно хотело сохранять в своих руках меньшинство, на словах распинавшееся за всякие свободы и вольности. Среди «лавристов», бывших в большинстве, началась агитация в пользу изменения устава библиотеки. К бесправному читательскому плебсу, который бакунистскими автономистами лишен был всех прав состояния, присоединились два члена-основателя библиотеки, Смирнов и Идельсон, а также Лавров. В начале 1873 года в бакунистской цитадели «Бремершлюссе» состоялось годичное собрание членов библиотеки, на котором «лавристы» предложили изменить устав в более демократическом духе. Когда бакунисты отклонили это предложение, большинство участников собрания удалилось с него. Под-

---

[1] Около того же времени произошел другой инцидент, закончившийся разрывом Бакунина с одним из старых преданных ему друзей, Озеровым. Мать Зайцева распространила дошедший до Бакунина слух, что в Цюрихе затевается русская газета под редакцией Озерова и Соколова. Озеров находил, что Бакунин ведет излишнюю полемику, например, против Маркса. Такое заявление со стороны старого соратника Бакунина было чем-то неслыханным, и Бакунин отмечает в своем дневнике: «Измена Озерова и кого еще?». Бакунин немедленно привел в движение землю и небо: Росс с'ездил в Женеву к Соколову и убедил его отказаться от этого предприятия. В результате Озеров разошелся с Бакуниным и уехал во Флоренцию к сыну Герцена. Подробно эта история изложена у Неттлау (стр. 762—764).

[2] «Надо сказать откровенно, — пишет теперь Сажин, — что библиотека попросту была ширмой, под которой здесь группировались исключительно сторонники Бакунина» (их было человек 30). Остальных, подозреваемых в несогласии с Бакуниным, иначе говоря, «государственников», попросту забаллотировывали («Воспоминания», стр. 42).

писчики, отказавшись вернуть забранные в библиотеке книги, основали свою собственную библиотеку, и с этого времени обе стороны стали друг против друга как два враждебных лагеря. Бакунисты, своей бестактностью восстановившие против себя молодежь, очутились в ничтожном меньшинстве: по их собственному признанию, отношение между обеими частями колонии было 100:20.

Бакунин, сидя в Локарно, внимательно следил за всеми этими дрязгами и старался поддержать дух в своих приверженцах. 6 февраля 1873 года он написал Ралли письмо, в котором поздравлял своих друзей с победой. Да, говорил он, то, что другие могут счесть поражением, он, Бакунин, считает победой, ибо положение выяснилось. Из кого состоит лагерь противников? Из сброда, в котором перемешаны жиды (гм!), азиаты (?) и русская сволочь, в том числе немало шпионов [1] и таких подозрительных личностей, как Щербаков, который вдобавок имеет бесстыдство быть брюнетом и походить на еврея [2]. Что касается ученого Лаврова, то, прочитав программу этого литератора, он, Бакунин, счел его ослом; теперь же он считает его еще и свиньей: его одного достаточно было, чтобы из этой цюрихской партии сделать сброд сволочи. Через месяц вся эта пестрая компания рассыплется в прах. Поэтому он советует друзьям держаться твердо и сплоченно, тем более, что право (!) на их стороне; библиотека принадлежит им, и они вправе были временно ее закрыть, чтобы эта сволочь не могла ее разворовать. Противники должны будут притти с повинной головою, ибо собственной библиотеки у них нет, а Лавров им своей, конечно, не предоставит (Бакунин и здесь ошибся: Лавров, хотя и на время, отдал свою библиотеку оппозиционерам). И дальше Бакунин дает друзьям ряд практических советов, как держаться, как вносить разложение в стан врагов, как вербовать там приверженцев и пр. Он рекомендует им проявлять при этом величайшую сдержанность и уверенное спокойствие. Победа им обеспечена, ибо хотя у врагов 105 человек, а у них только 20, но это двадцать спевшихся, солидарных людей, знающих, чего они хотят.

---

[1] Письмо это, не опубликованное Ралли, приведено в выдержках у Неттлау (стр. 763—764). Гильом, по свойственной ему манере умолчания, ограничивается насчет этого письма елейной фразой: «Бакунин рекомендовал своим молодым друзьям благоразумие и умеренность» (т. III, стр. 80). А кто держится на этот счет другого мнения, тот, надо думать, марксистский клеветник и интриган!

[2] Щербаков, эмигрант по делу Казанского заговора 1863 года, был давней антипатией Бакунина, как подозревавшийся некогда в принадлежности к утинскому «курятнику». Но в иудействе он, несмотря на темный цвет волос, повинен не был.

Но бакунисты не последовали осторожным советам своего учителя, что, впрочем, и неудивительно ввиду той характеристики, которую Бакунин дал их противникам. Последней каплей, переполнившей чашу, было столкновение между Н. Соколовым и секретарем Лаврова Смирновым, который подвергся со стороны Соколова дикому насилию.

В 1872 году на средства, собранные по подписке, была отпечатана вторым изданием (первое вышло еще в России, было конфисковано и вызвало преследования против автора) книга Соколова «Отщепенцы», быстро разошедшаяся. Смирнов, внесший на это издание известную сумму, получил за это определенное количество экземпляров, часть которых у него осталась. Когда весною 1873 года понадобилось послать эту книгу в Россию, то Соколов решил отправиться к Смирнову и потребовать, чтобы тот выдал ему сохранившиеся у него экземпляры [1]. Это происходило уже после разрыва обеих фракций, и ясно было, что ничего хорошего из этой встречи выйти не может. Бакунисты отлично это понимали, но позволили Соколову пойти к Смирнову, дав ему в свидетели Ралли и д-ра Святловского. Как и следовало ожидать, разговор сразу принял острый характер. Смирнов будто бы плюнул в лицо Соколову [2], а тот схватил его за горло, повалил на пол и избил до крови. Это произошло 7 апреля 1873 года.

После этого в цюрихской колонии поднялось настоящее столпотворение. Молодежь бросила занятия и принялась митинговать, при чем озлобление против бакунистов было необычайное. «Русская колония, — говорит Ралли, — усмотрела в скандале насилие со стороны бакунинцев [3] и, надо признать, имела на это некоторое право, так как Смирнов

---

[1] Так рассказывает Сажин (стр. 44), и мы ему в данном случае верим больше, чем Ралли, память которого слишком часто ему изменяет. По рассказу Ралли, «Соколов, узнав о появлении своей книги (к тому времени уже разошедшейся! — *Ю. С.*), потребовал в качестве автора, не помню, какое количество экземпляров от издателей, в чем ему было отказано» (стр. 293). Выходит, что Соколов был вправе требовать этих книг. На самом деле ничего подобного не было. Впрочем, Ралли сам принимал какое-то участие в избиении Смирнова (хотя бы в качестве спокойного наблюдателя), и потому ему выгодно представить Смирнова в виде виновной стороны.

[2] О плевке Смирнова говорит Сажин. Но очевидец Ралли выражается на этот счет несколько иначе: «Оба вели себя крайне заносчиво, расплевались, разругались, и дело дошло до оскорбления действием». Соколов был вдобавок горьким и запойным пьяницей. Надо полагать, что он и на сей раз был в подпитии, судя по указанию Сажина, что «Соколов любил выпивать».

[3] Надо сказать, что бакунисты в силу своей «беспардонности» и боевого духа склонны были к насилиям над противниками. Незадолго

был хотя и большой задира, однако человек тщедушный, слабый физически, между тем как подполковник Соколов был здоровенный детина». Колония большинством голосов постановила потребовать изгнания из Цюриха Ралли, Соколова и Святловского (Сажин сообщает, что требовали изгнания только Соколова и его, Сажина, как подозреваемого зачинщика всего скандала), о чем каждому из них сообщено было особой делегацией. Когда же приговоренные к остракизму отказались подчиниться этому вердикту, тогда часть колонии (часть «лавристов», говорит Сажин) обратилась к цюрихскому министру полиции с просьбою выслать этих лиц из города, на что тот предложил им обратиться в суд. «Лавристы» угрожали побить бакунистских лидеров, но угрозы своей в исполнение не привели [1].

Бакунисты оказались совершенно изолированными. Отказавшись войти в переговоры с большинством колонии по вопросу о библиотеке, они на основании буржуазного «юридического» права, которое вообще Бакуниным охаивалось, но в данном случае отстаивалось, удержали за собой библиотеку, но молодежь, возмущенная их образом действий, образовала вокруг нее пустоту, бойкотировала ее, и библиотеку вскоре пришлось за ненадобностью продать Элпидину в Женеву. Безобразная драка, устроенная Соколовым при несомненном попустительстве его товарищей, окончательно испортила положение бакунистов в Цюрихе. Чтобы несколько поднять их шансы, Сажин пригласил в Цюрих Бакунина. Сам Сажин в своих «Воспоминаниях» умалчивает о своей инициативе и даже изображает приезд Бакунина в таких выражениях, что его можно счесть случайным. Но Гильом, очень хорошо знавший про все эти дела, прямо говорит, что «в надежде разрядить настроение» Росс (т.-е. Сажин) поспешил в Локарно за Бакуниным, которого и привез с собою» (т. III, стр. 80). То же сообщает и Неттлау (стр. 765).

Этот приезд Бакунина в Цюрих состоялся, вероятно, в апреле 1873 года. По словам Сажина, Бакунин «отказывался верить, чтобы Лавров был способен заниматься подобными пустяками, которые совершенно напрасно волнуют молодежь, отвлекая ее от серьезной рабо-

---

до того они учинили нападение на Н. Утина в связи с его кампанией против Бакунина. Правда, Утина за это не любили и «лавристы» (см. «Народники-пропагандисты», стр. 55), но до кулачных расправ они не доходили.

[1] Муж Веры Фигнер, А. Филиппов, недавно умерший Кулябко-Корецкий, А. Кропоткин (брат П. Кропоткина, впоследствии погибший в Сибири) были на стороне противников бакунинской группы. — Об обращении к швейцарской полиции рассказывают Сажин и Ралли; но если такой факт и имел место (другие источники о нем не упоминают), то ясно, что оно не могло исходить от революционной части колонии (в том числе и «лавристов»).

ты», — это после цитированного нами выше письма от 6 февраля 1873 года с подробными наставлениями насчет цюрихской склоки!! Здесь мы видим проявление той же готтентотской морали, которую анархисты применяли в борьбе с Генеральным Советом, когда, пуская в ход диктаторские приемы и клевету, истошно вопили о «генеральстве» и «клеветничестве» своих противников.

На сей раз инициативу примирения приходилось взять на себя бакунистам, поставившим себя в невозможное положение [1]. На другой день после своего приезда (в половине апреля 1873 года) Бакунин отправился к проживавшему на квартире избитого Смирнова Лаврову с целью убедить его ликвидировать весь разлад, выяснить взаимные отношения и постараться не волновать молодежь проявлениями вражды с обеих сторон. Это была, насколько мы знаем, единственная встреча Бакунина с Лавровым (остальные рассказы об их встречах принадлежат к области легенд).

«Передать в точности их беседу,— говорит Сажин (стр. 46—47),— не представляется возможным. Известно только, что на замечания Бакунина о том, что борьба враждующих сторон приняла невозможные формы, и что это недопустимо, Лавров указывал, что не он этому причина. «Я не хотел вражды и борьбы, — говорил Лавров Бакунину. — Я даже предлагал вашим сторонникам соглашение и сотрудничество в журнале»... «Но помилуйте, Петр Лаврович, — возражал Бакунин, — разве возможно работать в одном журнале при тех расхождениях во взглядах, какие имеются у вас и моих последователей?» — «Почему же? — горячился Лавров. — Ведь я предлагал Россу сделать известные уступки и вовсе не проявлял непримиримости». — «О да, — отвечал Михаил Александрович, — мне слишком хорошо известна эластичность вашей мысли. Именно это обстоятельство в вашем прошлом и не давало уверенности моим представителям в вашей дальнейшей устойчивости» [2]. Этот намек на неопределенность взглядов Лаврова, на его либерализм в прошлом, на непрерывную эволюцию в настоящем страшно раздражил Лаврова. Надо сказать, что при этой встрече Бакунин вообще не скупился на целый ряд едких и ядовитых замечаний, подчеркивающих бесформенность общественных воззрений Петра Лавровича. Свидание

---

[1] Кстати, виновник драки Соколов вскоре после того в пьяном виде сломал себе ногу, а по выздоровлении в мае добровольно оставил Цюрих, после чего с бакунистами уже совместно не работал.

[2] Итак, вот к какому моменту относятся слова Бакунина об «эластичности ума» Лаврова, если они вообще были произнесены в личной их беседе (а не просто в письме к Ралли).

это никаких реальных результатов не дало. Раздраженный и задетый, что называется, за живое, Лавров отказался взять на себя инициативу ликвидирования происходящей распри между враждующими партиями, заявив, что его последователям не в чем делать уступок в происходящей борьбе, и что виновной стороной в данном случае являются исключительно сторонники Бакунина. Посещением Бакунина Лавров остался, повидимому, очень недоволен. Во всяком случае он не ответил на визит Бакунина, который некоторое время жил в Цюрихе, и не сделал ни одной попытки еще раз повидаться с Михаилом Александровичем» [1].

Вскоре после этого свидания Лавров на одном собрании цюрихской молодежи коснулся своей встречи с Бакуниным. Отдавая должное его уму, таланту и революционным заслугам, Лавров вместе с тем заявил, что Бакунин составил себе о цюрихских событиях неверное представление со слов своих последователей, которым он слишком доверяет. «Свидание Бакунина с Лавровым, — заключает Сажин, — было последней попыткой примирить враждующие стороны. После этого обе стороны резко обособились и замкнулись в свои отдельные колонии, не имея между собой никакой связи или сношений».

Здесь мы имеем, очевидно, рассказ самого Бакунина об этом свидании и должны отнестись к нему столь же критически, как и к рассказу его о базельском «суде чести». Рассказ явно тенденциозен и прикрашен в пользу Бакунина. Но в нем слишком много несообразностей, бросающихся в глаза. Совершенно очевидно, что Бакунин не мог разговаривать с Лавровым в таком агрессивно-насмешливом тоне, как это изображает Сажин, чувствующий слабость бакунистской позиции и желающий прикрасить своего героя. Ведь в данном случае Бакунин явно являлся в качестве просителя, в качестве представителя стороны, сознавшей свою вину и предлагавшей ликвидировать конфликт, возникший главным образом по ее вине. Стал ли бы Бакунин при таких условиях брать издевательский тон по отношению к своему собеседнику? Мы думаем, поэтому, что слова об «эластичности ума» произносились насчет Лаврова в частных беседах бакунинского кружка, может быть,

---

[1] В этой выдержке мы намеренно подчеркнули пару выражений: «м о и последователи», «м о и представители». Излагая в таком духе речь Бакунина, Сажин не усматривает в них ничего особенного, а между тем насколько они противоречат всему, что Бакунин любил рассказывать в своих частных письмах, где, как, напр., в письмах к Лоренцо, он возмущался разговорами об «его» партии, «его» сторонниках, «его» теории и называл это гнусной клеветой «жидовской марксистской клики», ибо в мире анархической автономии нет личностей, а только коллектив, и т. п.

и самим Бакуниным [1], но вряд ли были употреблены во время этого апрельского свидания, которое состоялось по инициативе Бакунина и Сажина, желавшего разрядить сгустившуюся по вине бакунистов атмосферу.

Гильом рассказывает об этом свидании со слов присутствовавшей на нем С. Гольдсмит (жены И. Гольдсмита, издателя журнала «Знание») очень немногословно (т. III, стр. 80—81). «Во время разговора Лавров, бывший весьма ученым математиком и обладавший энциклопедическим образованием, употреблял такой слог, который столь простому и безыскусственному Бакунину показался окрашенным каким-то научным шарлатанством. Когда четыре месяца спустя я в сентябре 1873 года встретился с ним в Берне и спросил, какое впечатление произвел на него Лавров, он ответил мне: «Слушая его, я думал: какой нудный человек!».

Наконец, со слов Ралли, совершенно перепутавшего все даты и события, Неттлау, введенный им в заблуждение, рассказывает о н е с к о л ь к и х свиданиях Бакунина с Лавровым (стр. 697 и сл.). Мы заимствуем из этого путаного рассказа одну только деталь, которая может быть верной, но относится, разумеется, к единственному их свиданию в апреле 1873 года. Бакунин заявил, что раз он уже в Цюрихе, то должен из вежливости познакомиться с Лавровым. На следующий день они встретились (умалчивается о том, что Бакунин отправился к Лаврову). Лавров оказал Бакунину самый дружеский прием, обнял его и сказал, что давно уже желал познакомиться с ним [2].

Сам Лавров рассказывает об этом инциденте весьма сжато и скупо. Соколов «немедленно вошел в ряды бакунистов, стал одним из самых резких порицателей Лассаля и Маркса и вскоре безобразным фактом кулачной расправы с секретарем редакции «Вперед» (при содействии или попущении нескольких крупных бакунистов) вызвал такое возмущение в русской цюрихской колонии (совершенно помимо политического направления тех или других лиц), что на русском собрании колонии огромным большинством постановлено было требовать от кружка бакунистов, чтобы они удалились из Цюриха (конечно, это постановление ограничилось м о р а л ь н ы м действием). Приезд в Цюрих Бакунина на

---

[1] Как мы знаем, он употребил их действительно в письме к Ралли (см. выше).

[2] Остальное — фантазия рассказчика. Бакунин будто бы пожелал увидеть лавровскую программу (первую!!, т.-е. составленную до осени 1872 г.) и, прочитав ее, саркастически пожелал Лаврову полного успеха, но прибавил, что он и его друзья ничего общего с нею иметь не могут, и т. д. Столь же фантастичен рассказ Ралли о свидании между ними осенью 1872 г. (см. выше)

помощь своим сторонникам оказался безуспешным. Вражда фракций получила такой острый характер, что вызвала целый ряд печальных явлений, отчасти трагикомических. Они послужили точкой исхода и таким позднейшим эпизодам (в конце 1873 и в начале 1874 года), которые мало-по-малу исказили идейный характер русского цюрихского движения, позволили появиться среди колонии группам, не имеющим ничего общего с политическими и социальными задачами русского общества (вроде группы «негодницы»), и окончательно к весне 1874 года (после раз'езда изгнанных [1] студенток и перехода в марте типографии и редакции «Вперед» в Лондон) отняли у Цюриха всякое серьезное влияние на русское движение» («Народники-пропагандисты» стр. 67—68).

Описанные столкновения привели к изоляции бакунистской группы и помешали ей вербовать новых сторонников среди русской революционной молодежи. А скоро разразился конфликт и в самом «Русском Братстве», закончившийся, как мы знаем, его распадом, а вместе с тем и распадом славянской секции. Бакунин снова оказался отрезанным от русского движения и вернулся к своему скептицизму относительно судеб революции в России [2].

---

[1] Т.-е. отозванных известным приказом русского правительства от марта 1873 года.

[2] О скептическом отношении Бакунина к русским революционерам рассказывает в своих неопубликованных мемуарах, цитируемых Неттлау (стр. 695 и прим. 3719—12), Н. Соколов, посетивший Бакунина в Локарно в январе—марте 1873 года. По словам Соколова, Бакунин давно уже ничего не ждал от России и все надежды возлагал на итальянцев и испанцев. Нечаева он ненавидел и переносил эту ненависть и на других русских эмигрантов, даже искренне любивших его. Он любил только Росса, который умел угодить ему, но и его он скоро начал называть «революционным торгашем». «Что прикажете делать с этими мокрицами, — говорил Бакунин, — с этими дохляками?». Про себя Бакунин говорил, что он устал и просит лишь, чтобы его оставили в покое. Соколов, по его словам, уехал из Локарно в таком настроении, в каком возвращаются с похорон.

Вл. Дебогорий-Мокриевич, посетивший Бакунина летом 1873 г., рассказывает в своих «Воспоминаниях» (Пет., 1906, стр. 94 и сл.), что Бакунин весьма иронически отзывался о русских революционерах, говорил об их стадности, неконспиративности и т. п. «Теперь они все анархисты. На анархию мода пошла. А пройдет несколько лет — и, может быть, ни одного анархиста среди них не будет». Бакунин угадал верно: к началу 80-х годов мода на анархизм в России действительно прошла.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РАСКОЛ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

Глава первая.

ГААГСКИЙ КОНГРЕСС.

1. Состав конгресса.

Гаагский конгресс Интернационала, происходивший с 2 по 7 сентября 1872 г., должен был разрешить накопившиеся за три года недоразумения, подвести итог пройденной стадии международного рабочего движения и наметить основные линии его дальнейшего пути. Что на этом конгрессе должно было произойти решительное столкновение между обеими боровшимися в Интернационале партиями, было для всех очевидно. И потому та и другая сторона одинаково сознавали его значение и готовились к нему, мобилизуя все свои силы для предстоявшей схватки.

Мы уже знаем, как проводили эту подготовку бакунисты. Разумеется, не дремала и противная сторона. Генеральный Совет (и Маркс в первую голову) тоже принимал меры к тому, чтобы добиться возможно более широкого представительства сочувствовавших ему элементов. В письме от 21 июня 1872 года к Зорге, игравшему видную роль в интернационалистической организации Соединенных Штатов [1], Маркс, указывая, что «дело идет о жизни и смерти Интернационала», настаивал на личном присутствии Зорге и еще каких-нибудь видных представителей американского движения, допуская для остальных секций, не могущих послать своих делегатов, присылку делегатских полномочий. Еще определеннее выражается Маркс в письме к д-ру Кугельману от 29 июля

---

[1] «Письма к Ф. А. Зорге и др.», Спб., 1907, стр. 65. В предисловии и приложении дана характеристика Зорге и его роли в истории рабочего движения.

1872 года, настаивая на сильном представительстве Германии, социал-демократическая партия которой до тех пор, надо сказать, обнаруживала глубокое безразличие к делам Интернационала. Маркс собирался лично уйти из Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы предаться своей научной работе, сильно пострадавшей от его активного участия в делах Интернационала, и в частности заняться окончанием «Капитала», но предварительно он хотел застраховать свое детище от всякого рода авантюристических элементов, протягивавших к нему свои руки. «На международном конгрессе в Гааге, — пишет он Кугельману, — дело идет о жизни или смерти Интернационала, и, прежде чем уйти, я хочу, по крайней мере, предохранить его от разлагающих элементов». И он просит Кугельмана озаботиться через Гепнера, который ввиду ареста В. Либкнехта редактировал тогда «Volksstaat», добытием для себя делегатского мандата [1].

На конгрессе присутствовало 65 делегатов, в том числе 21 член Генерального Совета. Из Германии прибыло десять делегатов; из Франции — три; из Бельгии — девять; из Голландии — четыре; из Швейцарии — четыре, в том числе два юрца (Гильом и Швицгебель); из Испании — пять, в том числе четыре альянсиста; из Соединенных Штатов — три; Венгрия, Богемия, Дания, Австралия прислали по одному делегату. Но так как мандаты от различных стран имели и лица, проживавшие вне этих стран, то в общем итоге германские секции представлены были тринадцатью делегатами (не считая немецкой секции в Лондоне); французские — одиннадцатью делегатами (опять-таки, не считая французской секции в Лондоне); швейцарские — шестью делегатами; датские — двумя; англичане — четырьмя; американские — семью делегатами; две ирландские секции (в Дублине и Лондоне) — одним делегатом; остальные — как указано выше. Ввиду такого состава Гаагский конгресс оказался одним из самых «международных». Отсутствовали только итальянцы. С другой стороны, Гаагский конгресс был един-

---

[1] По поводу мер, принимавшихся Марксом к тому, чтобы обеспечить за сторонниками Генерального Совета достаточное представительство на с'езде, анархисты подняли большой шум, крича о «подтасовке» Гаагского конгресса. Начали это анархические газеты во главе с «Бюллетенем Юрской Федерации», затем «Записка Юрской Федерации» (1873 г.) и продолжают до сих пор анархистские историки во главе с Неттлау и Гильомом. Впрочем, это обычная песенка побежденных. Правда, политическая кухня неизбежно связана с известными отрицательными чертами, но в данном случае анархисты меньше всего имеют право на лицемерные вопли и жалобы. Чья бы корова мычала, а ихняя бы молчала, ибо в деле «подготовки» настроения они могли дать Марксу и К° сто очков вперед.

ственным, на котором присутствовал сам Маркс; был на нем и Энгельс. Бакунин на конгресс не явился, предпочитая выждать его результатов в Швейцарии.

Борьба вокруг признания мандатов шла ожесточенная; и это было понятно. В течение трех суток велись прения по этому вопросу. Юрцы возражали и против германских мандатов, ссылаясь на то, что германские секции, ввиду местного законодательства, официально не признавали своей принадлежности к Интернационалу; и против одиннадцати французских мандатов, которые, вследствие царившего тогда во Франции белого террора, на самом конгрессе не обсуждались, а рассматривались только в мандатной комиссии; и против привезенных Зорге американских мандатов и т. д. В конце концов все мандаты были утверждены, кроме двух: одной американской секции, ни разу не платившей взносов и по всему своему направлению имевшей мало общего с Интернационалом, и мандата Жуковского от женевской секции «соц.-рев. пропаганды и действия», который так и не был рассмотрен до конца конгресса [1].

Конгресс с самого начала разбился на большинство и меньшинство. Первое, насчитывавшее сорок голосов, состояло из шестнадцати членов Генерального Совета; десяти германских делегатов; шести французских; двух швейцарских; двух американских; одного испанского (Лафарга); одного чешского; одного датского; одного венгерского делегата. Меньшинство, насчитывавшее двадцать четыре голоса, состояло из четырех испанских и двух швейцарских альянсистов; семи бельгийцев; четырех голландцев; четырех англичан, перешедших в оппозицию (в том числе Эккариуса и Хельса); одного австрийского, одного француза,

---

[1] Возражения анархистов по поводу состава конгресса см. у Неттлау, стр. 704 и сл.; у Гильома, т. II, стр. 324 и сл.; в «Записке Юрской Федерации», стр. 258 и сл. Характерно, что, указывая на несоответствующее уставу положение германских секций, анархисты закрывают глаза на такой, из ряду вон выходящий, факт, что испанские секции систематически не платили полагающихся по уставу членских взносов; когда мандатная комиссия на этом основании выразила сомнение по поводу признания четырех мандатов, представленных испанскими альянсистами, они поспешили внести причитающиеся с испанской федерации взносы на самом конгрессе. А когда эта четверка пыталась оспорить испанский мандат Лафарга от «Новой Мадридской Федерации», то, как сообщает в своих рукописных заметках о конгрессе Н. Жуковский (они опубликованы у Неттлау), Энгельс воскликнул: «Здесь поднимается вопрос об Альянсе, ибо выступавшие сейчас испанские делегаты участвуют в этом тайном обществе. Эта шайка должна быть изгнана из рядов Интернационала».

представлявшего бельгийскую секцию (упоминавшегося выше В. Сирилла); одного американца [1].

И большинство, и меньшинство были достаточно пестры по своему составу. Меньшинство далеко не было сплошь бакунистским: таковым можно было признать только представительство Испании (кроме Лафарга) и Юры. Англичане, входившие в состав меньшинства, были просто путаники и из вражды к Марксу голосовали с анархистами, с которыми радикально расходились по политическим вопросам. Голландские делегаты, а отчасти и бельгийские, соглашаясь с бакунистами по ряду вопросов, все же, особенно первые, не были последовательными анархистами, что они доказали через пару-другую лет, порвав с анархическим Интернационалом. Но все они были одушевлены общим стремлением бороться с централизацией интернационального руководства, к которому медленно, но верно шел Генеральный Совет.

Полного единодушия и единогласия не было и среди большинства, где перемешаны были коммунисты, социал-демократы, бланкисты и т. д. Это большинство Гаагского конгресса об'единялось двумя моментами: сознанием необходимости для пролетариата политической борьбы с буржуазией, вплоть до завоевания политической власти (хотя отдельные части большинства понимали эту борьбу совершенно различно), и стремлением укрепить организацию Интернационала, застраховав ее от разлагающего влияния анархистской пропаганды, добивавшейся полной автономии секций.

Если брать Интернационал в строгом смысле этого слова, то за меньшинством конгресса стояло в тот момент больше сил, чем за большинством. Французские секции, поддерживавшие Генеральный Совет, были слабы и умирали; германская социал-демократия, хотя и бывшая в то время самой сильной рабочей организацией, очень мало интересовалась делами Интернационала и не была для него действительной опорой; в других странах, поддерживавших Генеральный Совет, движение

---

[1] Что среди членов конгресса были люди случайные и даже подозрительные, это, к сожалению, справедливо. Анархисты особенно подчеркивают тот факт, что среди членов большинства были такие люди, как один избирательный агент торийской партии М. Барри, французы Сварм (настоящая фамилия Дантрег), впоследствии разоблаченный как полицейский агент, и Вальтер (настоящая фамилия Ван-Эдегем), позже (в 1873 году) весьма некрасиво державший себя на процессе Интернационала в Тулузе. Но и среди членов меньшинства был, например, такой господин, как В. Сирилл, впоследствии тоже разоблаченный как агент полиции. Это, конечно, печально, но ничего не доказывает.

только начиналось; Англия шла своими особыми путями и скоро перестала существовать для обоих крыльев Интернационала. В большинстве стран рабочее движение в ближайший исторический период должно было пойти по германскому образцу, т.-е. по пути создания национальных рабочих партий, что на первое время неизбежно вело к ослаблению интернациональных связей. И Гаагский конгресс фактически оказался последним конгрессом старого Интернационала, который хотел служить международным центром рабочего класса при отсутствии местных рабочих партий [1].

С этой точки зрения меньшинство находилось в более выгодном положении, ибо примыкавшие к нему элементы лучше выражали пройденную стадию движения, т.-е. интернационального об'единения несложившегося в национальном масштабе рабочего движения отдельных стран. На его стороне стояло несколько федераций Интернационала, как испанская, непредставленная в Гааге итальянская, юрская, бельгийская, которые, заменяя отсутствовавшие в этих странах рабочие партии и даже мешая их образованию, больше отвечали прежней форме свободного, неопределенного, неоформленного об'единения. Вдобавок, выражая стремления стран с неустановившимся политическим равновесием, они были настроены более романтически, проникнуты более подвижным и боевым духом и в течение известного периода времени могли сосредоточить на себе симпатии всех революционных элементов, ожидавших скорого пришествия справедливости и не мирившихся с медленным накоплением сил.

Для проницательных наблюдателей ясно было, что если Интернационалу при создавшихся условиях и суждено было на несколько лет продлить свое существование, то это могло произойти скорее под бакунистским, чем под марксистским знаменем. Надо думать, что Маркс хорошо это понимал. Он готов был сделать попытку спасти Интернационал от гибели, очистив его от разлагающих элементов и перенеся его центр в более здоровую атмосферу, на новую почву, где бы тот мог найти новые питательные соки. Но еще важнее было для него, во-первых, уберечь знамя старого Интернационала от использования такими элементами, которые, по его убеждению, способны были только его скомпрометировать, а, во-вторых, оставить грядущему движению, которое должно было возродиться на более высокой ступени, политическое завещание, основанное на всем опыте предыдущих лет. Именно таковы и были по существу постановления Гаагского конгресса.

---

[1] Конгресс 1873 года в Женеве не был уже собственно международным с'ездом в настоящем смысле этого слова.

2. Вопрос о политической борьбе и о Генеральном Совете.

Мы уже знаем, что лозунгом анархической оппозиции было уничтожение Генерального Совета или, в крайнем случае, низведение его до роли какого-то ненужного почтового ящика. Разумеется, не все те элементы, которые поддерживали это предложение, знали о том, что смысл его заключается в расчистке почвы для перехода идейно-политического руководства Интернационалом в руки тайного общества Бакунина. Но противная сторона очень хорошо отдавала себе в этом отчет.

Бельгийский делегат Герман (он же и член Генерального Совета), излагая точку зрения бельгийцев, доказывал, что Генеральный Совет не должен быть центром политического и идейного руководства и пользоваться какими-либо распорядительными функциями. Гильом изложил точку зрения — по его словам, юрской федерации, в действительности — Бакунина и тайного Альянса. Он отрицал за Генеральным Советом право на руководство в области как экономической, так и политической борьбы; но, не делая прямого вывода, естественно вытекавшего из этой точки зрения, он не требовал полного уничтожения этого учреждения, а предлагал лишь ограничить его роль функциями корреспондентско-статистического бюро. В таком же духе высказался и испанский делегат Мораго, заявляя, что испанская федерация, проникнутая духом «свободы», никогда не подчинится «тирании» Генерального Совета.

Им возражали Лафарг и Зорге. Лафарг правильно заметил, что Генеральный Совет есть единственный живой центр Интернационала, что последний в сущности существует в его лице и через него, и что с упразднением Генерального Совета исчезнет и Интернационал. Про Генеральный Совет можно было бы сказать словами Вольтера о боге: «если бы его не было, его нужно было бы придумать». А Зорге, опровергая заявление Гильома, будто Генеральный Совет не играл никакой роли в борьбе пролетариата, сослался на деятельность Генерального Совета во время забастовок. Международному рабочему движению необходим руководящий главный штаб: таковым и является Генеральный Совет. Опыт показал, что Интернационалу необходима бо́льшая централизация, чем до сих пор, а потому власть Генерального Совета необходимо не сократить, а увеличить [1].

---

[1] Анархисты много издевались по поводу сказанных Зорге слов, что Интернационалу нужна голова и притом голова с большим мозгом, при чем все посмотрели на Маркса. Если Зорге и выразился так, то это была совершенная правда. Другой такой головы в Интернационале не было.

В прениях выступал и Маркс, указывавший на чисто моральный характер власти Генерального Совета, но с тем большей энергией отстаивавший необходимость предоставления ему возможности обеспечить действительное единство движения.

В результате огромным большинством был изменен § 2 устава. Новой редакцией этой статьи Генеральному Совету вменялось в обязанность приводить в исполнение постановления с'ездов и следить за строгим соблюдением принципов, общего устава и регламента Интернационала во всех странах. Почти таким же большинством принята была новая редакция § 6, направленная к борьбе с разлагающими Интернационал тенденциями. Генеральному Совету предоставлено было право приостанавливать до ближайшего конгресса деятельность не только отдельных секций, но и целых федеральных комитетов и национальных федераций, с тем, чтобы при закрытии секции предварительно запрашивалось мнение соответствующего федерального комитета, при закрытии федерального комитета секциям данной страны предлагалось избрать в месячный срок новый федеральный комитет, а при закрытии целой федерации об этом уведомлялись все остальные федерации и, по требованию большинства их, в месячный срок созывалась чрезвычайная конференция, окончательно решающая спорный вопрос.

Вряд ли можно было рассчитывать на то, чтобы эти меры способны были подействовать на те элементы, которые явно стремились к расколу и (как, например, определенно альянсистские группы) обречены были на исключение из Интернационала. Ясно, что инициаторы этих мер имели в виду подействовать на колеблющихся и удержать их от явных актов нарушения интернациональной дисциплины. Как показали последствия, центробежные силы к этому моменту настолько усилились, что эти меры не только не предохранили Интернационал от развала, но, напротив, способствовали ему и ускорили его. Но одно время можно было, казалось, надеяться, что с их помощью удастся сохранить единство главных частей Интернационала, с отсечением наиболее зараженных, и что организация будет в большинстве прочно закреплена. Но уже следующее постановление конгресса показало, что инициаторы этих мер сами не надеялись при создавшихся условиях сохранить Интернационал в старом виде, как бы сознавая, что в прежней форме он отжил свое время и отныне призван уступить место новым формам рабочего движения.

Предвидя тяжелые времена, полосу смуты, возрождения старых социалистических школ, словом, все отрицательные явления, связанные с эпохой реакции, наступившей тогда в Европе, считаясь, наконец, с зарождением оппозиции в самой Англии, которая до тех пор была

опорою Генерального Совета, Маркс и его друзья решили перенести местопребывание Генерального Совета из Лондона в другое место. На континенте Европы ему угрожала анархистская или прудонистская опасность; в Лондоне Генеральному Совету угрожал захват бланкистами; ввиду этого постановлено было перевести его в Соединенные Штаты, где рабочее движение только начиналось, и где его развитию рассчитывали дать таким образом сильный толчок. И, по настоянию Маркса и его товарищей, решено было перенести Генеральный Совет в Нью-Йорк, чтобы таким путем обезопасить его от захвата какой-либо социалистической сектой. Часть анархистов, которым такая ссылка Генерального Совета за океан очень улыбалась, и которые считали ее равносильной его упразднению (увы, они оказались правы), голосовали вместе с сторонниками Маркса за это предложение, которое прошло большинством голосов против яростно сопротивлявшихся ему бланкистов. Это постановление в сущности знаменовало конец старого Интернационала.

Но перед тем, как сойти со сцены, он хотел оставить международному пролетариату завещание по основному вопросу рабочего движения, вызывавшему столько споров и в сущности послужившему толчком к расколу первого международного сплочения трудящихся, а именно по вопросу о политической борьбе.

Опыт Парижской Коммуны, из которого бакунисты умудрились, впрочем, сделать анархические выводы, убедил даже многих из прежних абстенционистов-прудонистов, вроде Лонге, в необходимости политической борьбы и создания рабочей партии, руководящей движением своего класса. Поэтому вопрос был в значительной степени предрешен. Вдобавок, обе точки зрения успели уже с достаточной ясностью выявиться в газетной полемике, предшествовавшей с'езду. Таким образом дебаты по этому вопросу на Гаагском конгрессе не были ни особенно продолжительными, ни особенно глубокими. От анархистов выступал один только Гильом, развивавший уже известную нам систему бакунистских взглядов на политику. Гепнер от германских социал-демократов, Вайян от имени французских бланкистов и бывший прудонист Лонге доказывали необходимость политической борьбы для пролетариата. Вайян говорил о захвате рабочими политической власти и об установлении диктатуры пролетариата, а Лонге указывал на то, что судьба Парижской Коммуны была бы иною, если бы французский пролетариат к тому времени организован был в политическую партию, руководящую его борьбой.

Опять-таки огромным большинством (29 голосов против 5, при 9 воздержавшихся) принята была резолюция, внесенная несколькими членами конгресса, предложившими включить в устав Интернационала резо-

люцию Лондонской конференции по этому вопросу в несколько измененной редакции. Эта резолюция заявляла, что в своей борьбе против коллективной силы имущих классов пролетариат может выступать как класс, только организовав свою собственную политическую партию, противоположную всем старым партиям имущих классов. Создание такой рабочей партии необходимо для обеспечения победы социальной революции и ее конечной цели — уничтожения классового деления общества. Уже достигнутое об'единение рабочих сил в области экономической борьбы должно также послужить рычагом в борьбе с политической властью эксплоататоров. А так как политическое господство является в руках имущих классов средством к увековечению своего экономического господства, то перед пролетариатом выдвигается великая задача завоевания политической власти в интересах своего экономического освобождения.

Таким образом бакунисты потерпели решительное поражение по обоим основным вопросам, стоявшим в порядке дня с'езда, т.-е. по вопросу политическому и по вопросу организационному. Но их ждал и третий удар по вопросу об Альянсе, впрочем, тесно связанному с обоими предыдущими.

3. Вопрос об Альянсе.

Как мы знаем, Лондонская конференция 1871 года думала, что принятою ею резолюциею вопрос об Альянсе исчерпан. Но как раз события, имевшие место после этой конференции и в связи с нею, показали, что внутри Интернационала продолжает действовать тайное общество, руководящее выступлениями оппозиции против Генерального Совета и угрожающее Интернационалу гибелью. Из Испании получены были доказательства существования этого общества, а из Швейцарии доставлены были документы, доказывавшие, что его программа радикально отличается от программы Интернационала, и свидетельствовавшие о его стремлении наложить руку на Интернационал и направить все международное рабочее движение по анархическому пути. Естественно, что вопрос об этом тайном обществе неизбежно должен был стать на обсуждение Гаагского конгресса.

Анархисты много кричат об «интриге» Маркса, направленной лично против Бакунина. Но мы спрашиваем: допустили ли бы они сами, чтобы внутри их Союза действовало другое тайное общество, прикрывающееся фирмой этого Союза, работающее тайком от него и преследующее цели, прямо противоположные его целям? Прекрасно понимая, что на этот вопрос может быть дан один только ответ, и притом определенно отрицательный, анархисты избрали другой путь: они начали оспаривать са-

мый факт существования тайного Альянса после 1868 и до сентября 1872 года [1]. На протяжении второго, третьего и четвертого томов этой работы мы показали, что и эта последняя попытка анархистов опорочить постановление Гаагского конгресса по вопросу об Альянсе является покушением с негодными средствами. В значительной степени основываясь на материале, доставленном самими анархистами, в том числе и самим Бакуниным, мы, кажется, с достаточной ясностью доказали, что тайный Альянс продолжал существовать внутри Интернационала все время с момента вступления Бакунина и его друзей в Интернационал, более того, что он получил широкое развитие именно в рамках Интернационала, прикрываясь его знаменем, используя его лозунги и влияние, оставаясь все время заговором против Интернационала. Элементарное чувство самосохранения побуждало Генеральный Совет энергично бороться с работою этого тайного общества, тем более, что его программа и организационные планы способны были только принести вред рабочему движению и скомпрометировать успех социальной революции.

Для рассмотрения вопроса об Альянсе Гаагский конгресс по предложению Генерального Совета избрал специальную комиссию из пяти членов: немца Куно, работавшего одно время в Милане, где он участвовал в секции Интернационала, французов Люкена (псевдоним), Вишара и Вальтера (Ван-Эдегем) и бельгийца Роша Спленгара, представлявшего в комиссии оппозицию. Председателем комиссии избран был Куно.

Комиссия имела несколько заседаний, во время которых она рассмотрела представленные ей документы и опросила свидетелей. Документы были, повидимому, те, которые целиком или в извлечениях напечатаны в брошюре об Альянсе и нам уже известны: это — программа и устав тайного Альянса и Интернационального Братства; письмо Бакунина к Ф. Мора; заявление Хозе Меса от 1 сентября 1872 года о письме Бакунина к Мораго, адресованное Гаагскому конгрессу; циркуляр альянсистской группы в Валенсии от 30 января 1872 года; письмо Рафара, т.-е. Рафаеля Фарга Пелисера, от 24 февраля 1872 года в мадридскую группу Альянса; письмо Алерини от имени барселонской группы Альянса к Бастелика и другим; циркуляр севильской группы Альянса от 25 октября 1871 года; конфиденциальный циркуляр испанского федерального

---

[1] Д. Рязанов в своей книге «Маркс и Энгельс», изд. «Моск. Раб.», 1923, стр. 213—214, по этому поводу правильно замечает: «Защитники Бакунина должны дать ясный ответ: существовала ли действительно такая тайная организация или нет, позволил себе Бакунин надуть Генеральный Совет или нет, уверяя, что он распустил свое общество?». Мы уже знаем, какой «ясный» ответ дают на этот вопрос анархисты.

комитета относительно выборов на Гаагский конгресс; брошюра Лафарга «К интернационалистам Испании» от 27 июня 1872 года; письмо Энгельса испанскому федеральному комитету от 24 июля 1872 года и ответ федерального комитета от начала августа; письмо Кафиеро; ответ Кармелло Палладино от имени неаполитанской секции Генеральному Совету от июля 1871 года; швейцарские, испанские и итальянские газеты, упоминавшиеся нами выше в разных местах; резолюции с'ездов испанских, итальянских и пр. Как видим, документов было не так уже мало, и если они не давали возможности проникнуть во все тайны закулисной альянсистской кухни, то во всяком случае с достаточной ясностью свидетельствовали о том, что тайное общество в недрах Интернационала существует и действует.

Кроме того, комиссия допросила ряд свидетелей: со стороны Генерального Совета — Маркса, Энгельса, Врублевского, Э. Дюпона, Серрайе и Сварма (д'Антрег), а со стороны оппозиции — Гильома, Швицгебеля, Н. Жуковского, Алерини, Мораго, Марселау и Фарга Пелисера. В высшей степени замечательно, что анархисты позволили себе давать в комиссии заведомо ложные показания, то отрицая существование тайного Альянса, то уверяя, что его уже не существует, то отвергая свою личную к нему принадлежность. Ни один из них не имел мужества открыто признаться перед товарищами по Интернационалу в своей действительной работе. Этим они только показали, что рассматривали Интернационал не как свою организацию, а как нечто постороннее и чуждое, в лучшем случае как орудие, которое при нужде можно использовать в интересах Альянса [1].

При этом они сделали все от них зависящее, чтобы сбить комиссию и конгресс с толку, запутать их сложностью бакунинских организационных построений и многочисленностью тайных организаций, и в этом отношении, как показывают выводы комиссии, они в значительной мере преуспели.

«Я, — рассказывает Гильом (т. II, стр. 344), — с своей стороны отказался явиться в комиссию. Я никогда не был членом Альянса Социалистической Демократии, общества, основанного во время Бернского

---

[1] Еще при обсуждении доклада мандатной комиссии испанцы начали применять эту тактику. Когда Маркс предложил отложить утверждение мандатов четырех испанских альянсистов до обсуждения вопроса об Альянсе, Марселау позволил себе заявить, что теперь речь идет, мол, не об Альянсе, «который оказал Интернационалу крупные услуги, но уже не существует (!)», а о праве 17.000 испанских рабочих на представительство (заметки Жуковского у Неттлау, стр. 711).

конгресса Бакуниным, Реклю и их друзьями; я отказался основать в Локле группу этого (курсив мой) Альянса; далее я отказался записаться в члены женевской секции Альянса; и все это я всегда об'являл во всеуслышание. Что же касается вопроса о том, участвовал ли я или продолжаю участвовать в каком-либо тайном обществе, то я ни за кем не признавал права задавать мне такой вопрос; вопрос, который вдобавок смешно задавать человеку, так как обязанностью члена тайной организации является на него не отвечать. На Лашодефонском конгрессе 4 апреля 1870 года я заявил: «Каждый член Интернационала имеет полное право присоединяться к любому (!) тайному обществу, хотя бы к франк-масонству; расследование о тайном обществе было бы просто доносом полиции». И я продолжал и теперь держаться того же мнения. Однако так как испанские делегаты, а также Жуковский и Швицгебель, согласившиеся явиться на следствие, настаивали и на моей явке, убеждая меня, что не следует подавать вида, будто я уклоняюсь, то я согласился в субботу после полудня побеседовать с членами комиссии, но на том непременном условии, чтобы наше собеседование носило характер исключительно частного разговора, а отнюдь не допроса» [1].

Что говорил Гильом членам комиссии на этом «частном собеседовании», неизвестно; но судя по тому, что он позволил себе опубликовать в печати через 35 лет, мы вправе думать, что он дурачил их самым бессовестным образом. В самом деле, что говорит Гильом в приведенном выше отрывке? Он уверяет, что никогда не участвовал в Альянсе. Но в каком? Ясно, что он имеет в виду открытый Альянс. Действительно в нем он не участвовал; действительно, основать группу этого Альянса в Локле он отказался; действительно, он протестовал против того, что его записали в члены женевской секции Альянса. Но ведь все это самое развязное и наивное заметание следов. Не об этом Альянсе шла речь в комиссии Гаагского конгресса. Речь шла о тайном Альянсе, который существовал с 1865 года и сохранил свое существование после роспуска открытого Альянса весною 1869 года. В этом Альянсе Гильом участвовал; группы этого Альянса он, по его собственному признанию (не в комиссии Гаагского конгресса, а в книге «Интернационал» через 35 лет!), основал не только в Локле, но и в нескольких других местах; в совещаниях этого Альянса он неоднократно участвовал, по его делам ездил (например, в Лион в конце 1869 года), тайные словари его развозил, по его указаниям сносился с альянси-

---

[1] См. также заметку Гильома «К истории исключения Бакунина из Интернационала» в «Минувших Годах», 1908, апрель, стр. 69—78.

стами других стран (Франции, Испании, Италии, России), его политикой руководил в качестве члена Центрального Бюро и члена швейцарского национального комитета (свидетельства А. Ришара и З. Ралли) и т. д. и т. п. Это раз.

Но еще замечательнее взгляд Гильома на права и обязанности члена Интернационала. По его мнению, каждый член Интернационала вправе без ведома Интернационала участвовать в «любом» тайном обществе, хотя бы чисто буржуазном (как франк-масонство) или даже в таком, которое, подобно Альянсу, ставит себе цели, противные целям Интернационала! Никто, в том числе и Интернационал, это международное об'единение пролетарского авангарда, не вправе по этому поводу задавать никому, в том числе и своему члену, вопроса относительно участия в «любом» тайном обществе, а всякая попытка расследовать такое участие приравнивается к полицейскому доносу!! С такими взглядами на интернациональную дисциплину можно только служить невольно делу буржуазии при наилучших суб'ективных намерениях, ибо ничего, кроме полного растления и дезорганизации, такие взгляды принести не могут [1].

Гильом уверяет, что на основании представленных членам комиссии документов они не могли притти к определенному решению. Они колебались, и только после показания Маркса их колебания прекратились

К чему могло относиться это показание Маркса, Гильом не знает. Возможно, что оно касалось не вопроса об Альянсе вообще, а того «личного факта», который специально вменялся в вину Бакунину, т.-е. инцидента с переводом «Капитала» (см. том III этой работы, стр. 496 — 498). В письме к Ник.—ону от 12 декабря 1872 года Маркс рассказывает, что в заседании следственной комиссии по делу Альянса он прочитал письмо (Нечаева от имени Русского «Бюро») к Любавину, содержавшее угрозы по адресу издателя в случае требования им с Бакунина возвращения аванса под невыполненный перевод «Капитала».

На последнем заседании конгресса докладчик следственной комиссии по делу Альянса и секретарь ее, Люкен, огласил следующий краткий доклад:

«Так как у комиссии не было времени для представления вам более полного доклада, она может представить вам только оценку, основанную на сообщенных ей документах и на выслушанных ею показаниях. Выслушав показания граждан Энгельса, Карла Маркса, Врублевского, Дю-

[1] А кстати, ведь тайный Альянс категорически воспрещал с в о и м членам принимать участие в д р у г и х тайных обществах без ведома национального или центрального комитета. О своем мнении н а с е й с ч е т Гильом умалчивает.

пона, Серрайе и Сварма со стороны Товарищества и граждан Гильома, Швицгебеля, Жуковского, Алерини, Мораго, Марселау, Фарга Пелисера, обвиняемых в участии в тайном обществе «Альянс», нижеподписавшиеся заявляют:

«1) что тайный Альянс, основанный со статутами, совершенно противоречащими статутам Международного Товарищества Рабочих, существовал, но его существование в настоящее время недостаточно доказано;

«2) что проект статутов и письма [1] за подписью «Бакунин» доказывают, что этот гражданин пытался, а может быть, и успел основать в Европе общество под названием Альянс, имеющее статуты, с точки зрения социальной и политической, совершенно противоречащие статутам Международного Товарищества Рабочих;

«3) что гражданин Бакунин пустил в ход нечестные средства с целью присвоить себе целиком или частью чужое имущество, что составляет акт мошенничества; что сверх того, для уклонения от выполнения принятых им на себя обязательств, он или его агенты прибегли к угрозам.

«На этом основании члены комиссии предлагают конгрессу: 1) исключить гражданина Бакунина из Международного Товарищества Рабочих; 2) исключить также граждан Гильома и Швицгебеля, уличенных в том, что они и в настоящее время принимают участие в обществе, называемом Альянс; 3) (пропускаем пункт о Малоне, Буске и Маршане); 4) что касается граждан Мораго, Фарга Пелисера, Марселау, Алерини и Жуковского, то комиссия, считаясь с их формальным заявлением, что они уже не состоят членами общества Альянс, предлагает конгрессу дело о них прекратить» [2].

---

[1] Доклад говорит о письмах. Какие еще письма Бакунина, кроме письма к Ф. Мора, были в распоряжении комиссии, мы не знаем. Возможно, что речь идет о выписках из письма к Мораго, цитируемого в брошюре об Альянсе.

[2] Позже в письме, датированном 18 сентября и напечатанном в «Бюллетене Юрской Федерации» от 15 октября 1872 г., испанские делегаты оспаривали эти слова доклада и заявляли, что «они всегда считали за честь свое участие в пропаганде Альянса». Но это они сделали уже п о с л е того, как откололись от Интернационала и получили, вероятно, порядочный реприманд от Бакунина за свое поведение в Гааге. Во всяком случае на самом конгрессе они не возражали против доклада и своим молчанием подтвердили правильность его утверждений. Указание Гильома на то, что они, мол, плохо расслышали эти слова, не выдерживает критики. Если бы это и было так, то тот же Гильом указал бы им на эти слова и предложил бы им тут же протестовать. Просто на конгрессе они заколебались, а потом спохватились. Жуковский же мог искренно сделать такое заявление, так как с закрытием женевской секции он формально членом Альянса в тот момент не был.

В заключение комиссия предлагала опубликовать документы, положенные ею в основу своего решения, что и было сделано в следующем году в брошюре об Альянсе.

При поименном голосовании Бакунин был исключен из Интернационала 27 голосами против 7 при 8 воздержавшихся; Гильом — 25 голосами против 9 при 9 воздержавшихся; за исключение же Швицгебеля большинства не нашлось [1].

Этого постановления анархисты Гаагскому конгрессу до сих пор не могут простить. Оно состоит из двух частей: 1) общей и 2) личной по отношению к Бакунину. Относительно общей части теперь не может быть двух мнений. Тайный Альянс, вопреки тогдашним и нынешним уверениям анархистов, существовал, и Интернационал обязан был принять решительные меры против людей, конспирировавших в его рядах против него. То обстоятельство, что между первым и вторым пунктом заключений комиссии существует некоторое кажущееся противоречие, об'ясняется, как мы уже указывали в третьем томе этой работы, тем, что альянсисты по мере сил старались запутать и сбить с толку следственную комиссию, а также тем, что члены комиссии отнеслись к своей задаче с большой осторожностью и добросовестностью. Пользуясь недостаточной и разрозненной информацией, не зная истории Альянса, не располагая данными, которые могли бы связать имевшиеся в ее распоряжении документы в единое и стройное целое (что теперь нам гораздо легче сделать), комиссия бродила в потемках, ощупью распутывала сложный узел альянсистской конспирации и потому предпочла прибегнуть к неопределенным выражениям.

Впрочем, если внимательно вдуматься в содержание первого и второго заключения комиссии, то мы, собственно говоря, не найдем в них того противоречия, которое в них открывают Гильом и Неттлау. В самом деле, пункт первый говорит о том, что тайный Альянс существовал, но не доказано, что он продолжает существовать. Почему? Потому, что уставы явно относились к более ранней эпохе, примерно, к 1869 году; более поздних уставов в распоряжении комиссии не было. Правда, испанский Альянс существовал еще весною 1872 года, но на с'езде и в комис-

---

[1] Зорге («Письма», стр. 69) говорит, что «Швицгебель спасся благодаря своему слезливому обращению к с'езду». Гильом (т. II, стр. 348) называет эти слова Зорге «ложью». Но что Швицгебель произнес речь, взывавшую к милости конгресса, подтверждается и приводимым ниже письмом Маркса от 20 октября 1872 года. Повидимому, в неопубликованных до сих пор протоколах Гаагского конгресса, на которые Маркс ссылается, эта речь зафиксирована.

сии испанские делегаты заявляли, что он уже более не существует. Они-то говорили неправду, но можно ли обвинять комиссию в том, что она поколебалась перед столь определенными заверениями людей, которых она рассматривала как товарищей? И не анархистам бы торжествовать по поводу того, что альянсисты своей неправдой сбили комиссию с толку.

Далее, первый пункт констатирует, что, по крайней мере, в течение известного времени тайный Альянс существовал, а второй говорит, что Бакунин пытался, а быть может, и успел основать в Европе тайное общество под названием Альянс. Ну, разве же это не вопиющее противоречие: «существовал» и «пытался, а может быть, и успел»? И Гильом торжественно уличает комиссию в том, что она не связала концов с концами. Но это противоречие только видимое. Комиссия на основании представленных ей документов и выслушанных ею показаний пришла к твердому убеждению, что тайный Альянс в продолжении известного периода существовал. Но на основании этих документов она не решалась с такою же уверенностью утверждать, что основал-то его *именно* Бакунин, а никто другой. Что Бакунин также работал в этом направлении, комиссия видела из документов, подписанных его именем; но она не решалась *лично ему и только ему* приписать основание Альянса. Вот что говорит пункт второй, а вовсе не то, что хочет вычитать из него Гильом, т.-е. сомнение в существовании Альянса вообще. *Такого* сомнения у комиссии не было (об этом свидетельствует пункт первый). Сомнение ее касалось *только* инициативной и решающей роли *Бакунина*. При таком толковании заключения комиссии, а оно кажется нам совершенно естественным и единственно правильным, исчезает всякое противоречие между первым и вторым его пунктами.

Добросовестные анархисты не оспаривают правильности и основательности общей части постановления Гаагского конгресса относительно Альянса. В этом отношении в высшей степени характерно признание Ралли (статья в сборнике «О Минувшем», стр. 321 и сл.). Приведя, правда, несовсем точно, новую редакцию §§ 2 и 6 устава Интернационала, направленную к упрочению его единства и к борьбе с разлагающими влияниями, Ралли замечает: «Это решение конгресса (о дисциплине! — *Ю. С.)* предрешило распадение Международного Общества на две части. Федералисты, на стороне которых была вся Италия, Испания, Юра и часть Франции вместе с Бельгией и Голландией, конечно, не приняли такого решения, хотя руководителям тогдашнего общества и прекрасно было известно, что решение, принятое *явно* на Гаагском конгрессе, федералистами практиковалось давно уже *тайно*. Бакунинская организация была абсолютно централистическая, центральный постоянный

комитет и центральное бюро этого комитета, состоявшие из трех-пяти человек, был тот же Генеральный Совет, если даже не более. Во всем этом вопросе дело сводилось просто-напросто к борьбе за преобладающее значение двух личностей (?) — Бакунина и Маркса, начало вражды которых относится ко временам более ранним. Если бы Карл Маркс не увлекся и не пожелал окончательно раздавить своего противника, если бы на Гаагском конгрессе марксисты ограничились лишь разрешением вопроса о полномочиях Генерального Совета (в подлиннике по ошибке: «конгресса». — *Ю. С.)* и об исключении из Интернационала Союза интернациональных братьев, которые свили себе гнездо в недрах его под маскою Альянса, — справедливость была бы на его стороне [1]. Но, не удовольствовавшись этим, Карл Маркс совершил пре-

[1] Маркс, повидимому, ставил вопрос именно так: он требовал исключения Альянса как организации. Об этом можно судить по его письму от 20 октября 1872 года, напечатанному в № 86 «Volksstaat'a» от 26 октября 1872 года. По поводу помещенной в № 84 «Volksstaat'a» статьи о Гаагском конгрессе, в которой сказано было, будто Маркс внес предложение об исключении Швицгебеля, Маркс пишет: «Это предложение внес не я, а назначенная конгрессом следственная комиссия. Я предлагал конгрессу исключить «Альянс» и назначить для этой цели следственную комиссию. Перед этой комиссией я, подобно другим, выступал в качестве свидетеля обвинения. Я был вызван туда только к концу следствия, в последний момент и как раз во время заседания конгресса. До того один член комиссии добивался частной встречи со мной для выяснения чисто фактических вопросов. Я отклонил эту встречу, для того чтобы не давать хотя бы видимости личного воздействия на комиссию.

«Во время моего показания я ни одним словом не упомянул ни о Швицгебеле, ни об его руководителе Гильоме. Я назвал только одного из участвовавших на конгрессе альянсистов, выразив при этом свое убеждение, что он не состоит членом «тайного» Альянса или во всяком случае давно из него удален.

«На последнем заседании конгресса я голосовал за исключение Швицгебеля, так как доказательства его принадлежности к «тайному» Альянсу были такие же, как и относительно Гильома. При таких обстоятельствах трогательная покаянная речь Швицгебеля не могла на меня подействовать. Кстати, господин Гильом заведомо лжет — что, впрочем, каждый член «тайного» общества обязан делать — в «Бюллетене Юрской Федерации», когда он утверждает, что Швицгебель об'явил себя с ним солидарным. Наоборот. Гильом широковещательно заявил, что Швицгебель стоит и падает вместе с ним, но Швицгебель остался глух к этому отчаянному призыву. Его покаянная речь ни словом не упоминает о Гильоме, и именно эта покаянная речь повлияла на большинство. В качестве члена комиссии, которой поручено опубликовать отчет о работах конгресса, я, разумеется, должен был внимательно просмотреть официальные с'ездовские протоколы»,

ступление, оклеветав Бакунина тут же на конгрессе» [1]. И далее Ралли переходит к «личному факту» Бакунина.

Итак, Ралли, сам участник тайного Альянса, признает, что в этом пункте решение Гаагского конгресса правильно и бесспорно. Думаем, что после всего, сказанного нами в последних трех томах этой работы о деятельности тайного бакунинского общества, больше прибавлять к этому ничего не стоит. Вопрос ясен. Более спорным является вопрос о пресловутом «личном факте».

Писатели самых различных направлений, не только анархисты и «беспартийные», но и марксисты разных оттенков, — ревизионист Э. Бернштейн, левый Ф. Меринг, блюститель марксистской ортодоксии Д. Рязанов, — согласны в том, что можно было свободно обойтись без этого личного ошельмования Бакунина, который при всех своих недостатках был все же крупной революционной фигурой с огромными политическими заслугами. В своей биографии Маркса (стр. 397) Меринг, правда, вообще отнесшийся к этому вопросу с некоторой поверхностностью, замечает: «Имело бы хоть какой-нибудь (?) смысл, если бы Бакунина исключили из политических соображений [2], только в силу морального убеждения, что он неисправимый интриган, и хотя бы его происки и нельзя было доказать черно на бело. Но позорить Бакунина за то, что он будто бы не делал различия между «моим» и «твоим», было совершенно непростительно. К сожалению, часть вины за это падала на Маркса».

Ралли пишет по этому поводу (цит. ст. стр. 323): «Обвинение Мих. Алекс. в простом мошенничестве Карл Маркс основал на ложном (?) доносе Н. Утина и других... Во всем этом деле Мих. Алекс. не был ничем повинен; Сергей Геннадиевич Нечаев от лица своего воображаемого комитета обещал ему ликвидировать дело с издателем, возвратив задаток. Нечаев этого не сделал, а Бакунин был убежден, что дело покончено самым корректным образом (гм!). Несчастье это, как и подобные ему дела, случались в жизни Бакунина благодаря его всегдашнему увлечению людьми с характером, энергичными, но с этической стороны не безукоризненными, а потому и совершающими иногда поступки некорректные.

---

[1] Ниже Ралли снова замечает: «Если бы в решении Гаагского конгресса не существовало этого безнравственного 3-го параграфа (насчет Бакунина лично. — *Ю. С.*), все решение комиссии относительно Alliance de la démocratie socialiste могло бы выдержать критику истории» (стр. 323).

[2] Именно по политическим соображениям (т.-е. за работу в Альянсе) его и исключили, что доказывает исключение Гильома, которого ведь ни в каких «личных фактах» не обвиняли. Личное обвинение Бакунина было добавлено для его окончательной компрометации и по причинам, о которых мы говорим ниже.

Я убежден, что Карл Маркс знал это (что? — *Ю. С.*), но, охваченный партийной борьбой, увлекся и оклеветал своего личного врага».

Почему Маркс в 1872 году должен был знать, какие отношения существовали в р а з н о е в р е м я между Бакуниным и Нечаевым, почему он должен был считать Бакунина совершенно непричастным к оригинальному способу «ликвидации» дела с издателем, остается тайною Ралли, как его же тайною остается данное якобы Нечаевым обещание «возвратить задаток» издателю (откуда Ралли это знает?). Напротив, из переписки Маркса с Ник. — оном мы знаем, что Маркс искренно считал Бакунина соучастником угрожающего письма к Любавину, и нужно признаться, что в то время это могло казаться бесспорным, а спорным, по совести сказать, остается и до сих пор [1]. Но совсем другой вопрос, нужно ли было в интересах дела осложнять политическое разногласие позорящим обвинением личного характера.

Эритье в своих статьях о юрской федерации («Berliner Volks-Tribüne» от 24 декабря 1872 г.) говорит по этому поводу: «Исключение Бакунина и некоторых его друзей (одного Гильома. — *Ю. С.)* из Интернационала можно самым естественным образом об'яснить как политическую необходимость для большинства, состоявшего из сторонников Генерального Совета. Бакунин никогда не стал бы подчиняться решениям конгрессов вообще, а Гаагского в особенности. Он остался бы в Интернационале только для того, чтобы с ним бороться и мешать ему следовать по своему твердо намеченному пути. С политической точки зрения было

---

[1] Гильом («L'Internationale», т. I, стр. 261—262, и в заметке «К истории исключения Бакунина из Интернационала», «Минувшие Годы», 1908, апрель, стр. 72—73) сообщает по поводу инцидента с переводом «Капитала» несколько фактов, точность которых мы лишены возможности проверить ввиду того, что Гильом не указывает источника своей осведомленности. По его словам, когда Нечаев убедил Бакунина бросить перевод «Капитала» для того, чтобы исключительно предаться русской пропаганде (хотя, по правде сказать, нельзя понять, почему невозможно было совместить обе эти работы), он обещал найти кого-нибудь, кто за остальную часть условленной платы взялся бы закончить перевод вместо Бакунина. Жуковский, узнав об этом, предложил вместе с несколькими другими товарищами взяться за окончание перевода с условием, что Бакунин его просмотрит; но предложение это не было принято (кем, — Гильом не говорит). «Полагаясь на обещание Нечаева устроить это дело, Бакунин занялся исключительно русской пропагандой и не хотел больше слышать о переводе» (!). Нечаев, как мы знаем, «устроил это дело» по-своему, послав Любавину на бланке революционного комитета письмо с угрозами. «Об этом истинно «революционном» поступке Бакунин узнал из письма Любавина, в котором тот жаловался, называя такой образ действий мошенничеством. Бакунин тотчас же написал Нечаеву

предпочтительно такого противника удалить. Но если это об'яснимо, то остается еще нечто, что уже не так легко об'яснить или что и не станешь стараться себе выяснить, не испытывая некоторого возмущения, некоторого отвращения перед политической ненавистью, ослепляющею людей и толкающею их на недостойные поступки. Я лично не могу отделаться от мысли, что следственная комиссия Гаагского конгресса действовала более чем легкомысленно. Она, быть может, бессознательно совершила дурной поступок, дав увлечь себя на то, чтобы заподозрить честь Бакунина и бросить ему обвинение в краже, составленное в духе суда исправительной полиции. Для меня Бакунин характерен своими неразумными идеями, причинившими много вреда социалистическому движению; но лично он был тем не менее великим и благородным характером, полным революционного героизма, того вида героизма, который связан с своего рода безумием, но все же остается героизмом. У него был неразумный взгляд на мировую революцию, но факт тот, что из верности этому взгляду он вел в полном смысле слова жизнь мученика. Поэтому такого человека нельзя оскорблять; можно самым решительным образом бороться с его идеями, но этого довольно».

Рязанов также признает, что можно было ограничиться исключением Бакунина по политическим мотивам, не примешивая сюда личного вопроса, но он правильно указывает на то, что обвинители Бакунина не видели в нем вопроса чисто персонального: ведь угрозы-то издателю были написаны на бланке р е в о л ю ц и о н н о й о р г а н и з а ц и и, которую многие вдобавок путали с Интернационалом. «Я, — говорит Ря-

---

два письма с протестом: оба эти письма Бакунина видел после ареста Нечаева в Цюрихе в 1872 году Росс, который ездил из Цюриха в Париж, чтобы сжечь бумаги, оставленные там Нечаевым в чемодане».

На сие мы заметим: 1) Росс в своих «Воспоминаниях», написанных для русской публики, ничего не говорит об этих протестующих письмах Бакунина; 2) Бакунину надлежало протестовать против поступка Нечаева не только в письмах к последнему; 3) напрасно в свое время об отрицательном отношении Бакунина к поступку Нечаева не было сообщено интернационалистическим кругам, в частности Генеральному Совету; 4) странно, что Гильом не был осведомлен о протесте Бакунина в свое время, ибо он мог бы тогда заявить об этом Гаагскому конгрессу; 5) жаль, что Росс предал огню и такие документы, как эти два письма, реабилитировавшие Бакунина, особенно после Гаагского конгресса, осудившего Бакунина за приемы, допущенные им или его агентами в связи с злосчастным переводом; в результате мы и до сих пор не можем с уверенностью судить, существовали ли эти письма, и каково было их действительное содержание; 6) и, наконец, откуда было знать обо всем этом Марксу и тем, кто судил Бакунина в Гааге?

занов («Маркс и Энгельс», стр. 225 и сл.), — лично тоже думаю, что было достаточно оснований исключить Бакунина только по одним политическим причинам. Но смешно превращать эту печальную историю, в которой Бакунин является жертвой только своей бесхарактерности, в повод для страшных обвинений против Маркса». Еще более смешно, говорит Рязанов, когда дело изображают так, будто Бакунина обвиняли только в том, что он не отработал взятого у издателя аванса — беда, которая случается со многими литераторами. Речь шла вовсе не об этом. «Там, где Бакунин и его приятели видели если и легкомысленный, то все же простительный проступок, от которого пострадал только издатель, там члены комиссии, имевшие в распоряжении все документы, видели преступное злоупотребление именем революционной рабочей организации, которую все ставили в связь с Интернационалом, для своих личных целей, для того, чтобы освободиться от выполнения своего денежного обязательства».

Как бы там ни было, но было бы лучше, если бы это обстоятельство не примешалось к чисто политическому спору и, с одной стороны, не привело бы к ошельмованию старого революционера, а с другой — не дало бы возможности противникам извращать смысл с'ездовского постановления.

Глава вторая.

АЛЬЯНС КОНСТИТУИРУЕТСЯ В КАЧЕСТВЕ ОСОБОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. На самом Гаагском конгрессе.

С первого же дня конгресса члены меньшинства начали устраивать частные фракционные заседания для выработки общей линии поведения. На этих собраниях присутствовали все делегаты оппозиции. Предвидя исход конгресса и заранее решившись не подчиняться его постановлениям, они занялись обсуждением общей декларации, которая должна была выяснить их тактику по отношению к Интернационалу и к Генеральному Совету. Это казалось сначала трудно осуществимой задачей ввиду того, что члены меньшинства, согласные по вопросу об автономии секций и федераций, расходились по многим другим вопросам и в частности по вопросу о политической борьбе. Но после постановления конгресса относительно перенесения местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк, которое воспринято было оппозицией как признак слабости большинства, как фактический отказ его от борьбы (отчасти оно так и было), дело пошло глаже. На следующий же день выработана была общая декларация, которая была подписана всеми членами оппозиции, кроме англичан, уже выехавших из Гааги, но до своего от'езда одобривших ее основные положения, а также двух голландских делегатов, равным образом успевших оставить Гаагу. Известие о том, что бланкисты, до тех пор поддерживавшие большинство, но раз'яренные постановлением о перенесении Генерального Совета в Нью-Йорк, с протестом покинули конгресс, придало бодрости членам оппозиции, которые отныне начали смотреть на себя как на единственных представителей и продолжателей Интернационала.

На последнем заседании конгресса, перед голосованием по докладу следственной комиссии об Альянсе; Виктор Дав огласил следующую декларацию меньшинства:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства Гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, ввиду принятия решений, представляющихся нам противоречащими принципам, признанным представляемыми нами странами, но желая избежать всякого раскола в рядах Международного Товарищества Рабочих, делаем следующее заявление, которое мы предлагаем на утверждение делегировавших нас секций:

«1) Мы будем продолжать поддерживать с Генеральным Советом наши административные отношения, касающиеся уплаты членских взносов, корреспонденции и статистики труда.

«2) Представленные нами федерации установят непосредственные постоянные сношения со всеми регулярно организованными ветвями Интернационала.

«3) В случае вмешательства Генерального Совета во внутренние дела какой-либо федерации, представленные нижеподписавшимися, федерации солидарно обязуются отстаивать свою автономию, поскольку эти федерации не станут на путь, прямо противоречащий общим статутам Интернационала, одобренным на Женевском конгрессе.

«4) Мы приглашаем все федерации и секции начать отныне же подготовления к тому, чтобы к ближайшему общему конгрессу принципы федеративной автономии в качестве основы организации труда восторжествовали в рядах Интернационала.

«5) Мы громогласно отвергаем всякую связь с так называемым Всемирным Федералистским Советом в Лондоне [1] или какой-либо иной подобной организацией, чуждой Интернационалу».

Под этим документом стояли подписи: Алерини, Фарга Пелисера, Мораго, Марселау, делегатов испанской федерации; Брисме, Кунена, Флюза, ван-ден-Абеле, Эбергардта, бельгийских делегатов; Швицгебеля, Гильома, юрских делегатов; Дава, Герарда, голландских делегатов; Сова, американского делегата.

Члены большинства выслушали чтение этого документа в полном молчании. Это было об'явление раскола. Авторы документа не только заявляли о полном игнорировании ими постановлений Гаагского конгресса, но и всех предыдущих кроме Женевского. Фактически перед старым Интернационалом выступал вновь организованный «анти-

---

[1] Этот мифический «совет» образован был некоторыми членами французской эмигрантской группы в Лондоне, в частности пресловутым Везинье, и пытался выступать в качестве соперника Генерального Совета Интернационала. Оппозиция опасалась смешения ее с этой скандальной организацией.

авторитарный», «автономистский» Интернационал в качестве второй соперничающей организации, отвергающей единство действий и всякую дисциплину. Надлежало только выждать, захотят ли федерации, от имени которых говорили авторы декларации, солидаризироваться с нею и проводить на практике те разлагающие принципы, которые были в ней возвещены.

Гильом, игравший в Гааге роль лидера бакунистского крыла, энергично работал над подготовкой нового анархического Интернационала. 8 сентября в Амстердаме происходил митинг, которым закончился Гаагский конгресс и на котором выступал Маркс [1]. Гильом со своими товарищами Алерини, Фарга Пелисером и Кафиеро не пошли на этот митинг, а вместо того устроили совещание относительно создания нового Интернационала. «Нам, — рассказывает Гильом (т. II, стр. 353), — хотелось побеседовать друг с другом без помехи. Фарга с 1869 года был для меня товарищем, принятым в нашу самую интимную среду [2]: практический ум, спокойный характер, занятый прежде всего вопросами рабочей организации, он представлял в испанском Интернационале здравый смысл и умеренность. Алерини я до тех пор знал только по рассказам Бастелика и Бакунина; но он сразу внушил мне симпатию и доверие; чем более я с ним знакомился, тем сильнее любил его пылкое сердце, его прямоту, его простое мужество без фраз. Кафиеро, славный малый и с душой на распашку, был честным революционером, полным самоотречения и энтузиазма. Думая о прошлом и будущем, мы спрашивали себя, как следовало бы реорганизовать Интернационал и установить между федерациями связь, до тех пор существовавшую лишь в крайне несовершенном виде. Во Франции Варлена уже не было; Ришар изменил; Бастелика, казалось, собирался отойти от борьбы. В Испании Сентиньон пал духом. Не следовало ли попытаться восстановить интернациональное соглашение с вновь появившимися элементами [3]? Алерини уверял, что найдутся французы, способные заменить умерших и изменников. В Испании стихийное создание Alianza показывало, насколько испанские социалисты склонны были понимать и практиковать согласованную работу; а теперь речь шла лишь о том, чтобы дополнить то, что было только попыткой в рамках национальной федерации, интернациональным сговором наиболее активных и наиболее достойных дове-

---

[1] Речь Маркса на этом митинге приведена в моей книге «Первый Интернационал», 3-е изд., стр. 279 и сл.

[2] Т.-е. в тайное Интернациональное Братство.

[3] Ясно, что речь идет здесь об Альянсе или подобной ему организации.

рия людей [1]. В Италии между людьми, незадолго до того организовавшими в этой стране Интернационал, существовала уже тесная интимная связь; а через посредство Бакунина, которому движение обязано было первым толчком, они вошли или скоро должны были войти в сношения с деятелями Юры, Франции и Испании. Мы сошлись на том, что надлежало воспользоваться случаем, представлявшимся нам с'ездом, который был созван на 15 сентября в Сент-Имье, и на который должны были отправиться испанские, равно как и итальянские делегаты; эта встреча подавала нам надежды на то, что удастся добиться между всеми нами, боровшимися за осуществление тех же идей, соглашения, призванного заменить до тех пер разрозненные усилия коллективной деятельности».

После этого интимного совещания членов Интернационального Братства участники его отправились на частное товарищеское собрание меньшинства, на котором были представлены, по словам Гильома, «почти все федерации Интернационала: американцы, англичане, ирландцы, голландцы, бельгийцы, русские, французы, итальянцы, испанцы, юрцы». А затем, после товарищеской вечеринки, они двинулись в Цюрих, где их поджидал Бакунин.

Свой рассказ о Гаагском конгрессе Гильом заключает многознаменательными словами: «На Гаагском конгрессе производилось расследование о мнимом (!) тайном Альянсе. Теперь, при добровольном содействии известного числа итальянцев, испанцев, русских, французов и юрцев, должна была создаться реальная организация, глубоко отличная от той, которая существовала лишь в видениях Маркса и Энгельса, организация, которая, будучи целиком основана на свободном соглашении и братской дружбе, должна была в ряде местностей связать друг с другом федерации Интернационала узами тесной солидарности» [2].

Смысл и этих слов, и этих действий совершенно ясен. Разоблаченный Альянс решил пойти на раскол. С одной стороны, закрепляя свою организацию, он, с другой, пошел на откол ряда федераций от старого Интернационала, чтобы об'единить их в особый «анти-

---

[1] Здесь Гильом снова напускает туману, пытаясь внушить читателю мысль, будто в других странах отделов Альянса не существовало, или что они не были друг с другом связаны (если не понимать это место как скрытый намек на то, что Бакунин, сосредоточив все дело в своих руках, способствовал ослаблению международных связей альянсистов).

[2] Это место (как, впрочем, и другие) совершенно искажено в сокращенном русском переводе «Интернационала» Гильома, т. I—II, стр. 316, изданном в 1922 г. «Голосом Труда». Пользоваться этим переводом, состоящим из произвольных выдержек и переполненным грубейшими ошибками, совершенно невозможно.

авторитарный» Интернационал с анархической программой и тактикой. Не преуспев в своем намерении захватить Интернационал в целом, бакунисты решили создать свою собственную международную организацию, которой, впрочем, недолго суждено было просуществовать.

2. В Цюрихе с Бакуниным.

Бакунин заранее предвидел, чем кончится конгресс в Гааге. Он был слишком умен для того, чтобы не понимать, что никакая уважающая себя организация не потерпит существования внутри нее тайного общества, стремящегося тайком от большинства ее членов подчинить ее своей программе и тактике. Поэтому он не мог не понимать, что он и, вероятно, группа его друзей, уличенных в прикосновенности к Альянсу, будут из Интернационала исключены. Для него важно было только обставить это исключение так, чтобы, во-первых, альянсисты фигурировали по возможности в виде невинной жертвы, а, во-вторых, чтобы бой был дан на почве таких лозунгов («автономия», «свобода» и т. п.), которые способны были привлечь на сторону Альянса колеблющиеся элементы. Того и другого ему в значительной мере удалось добиться благодаря тактичности и ловкому поведению его тогдашнего лейтенанта Гильома, сумевшего в Гааге за кулисами сгруппировать все оппозиционные элементы для общего выступления.

Весьма возможно, что Гильом и другие альянсисты действовали в Гааге по прямым директивам Бакунина. По крайней мере, в дневнике Бакунина за 29 августа указано, что в этот день он написал письмо для юрских и испанских делегатов, которое должен был передать Кафиеро, отправившийся на Гаагский конгресс в качестве «корреспондента» (30 августа Кафиеро нагнал Гильома и Швицгебеля в Базеле, откуда они вместе и уехали в Гаагу). Замечательно, что Гильом в своем подробном рассказе о Гаагском конгрессе не упоминает об этом письме Бакунина: это обстоятельство только подтверждает наше предположение о том, что письмо это содержало директивы, проведенные Гильомом и товарищами на конгрессе.

О ходе конгресса Бакунин, кроме газет, узнавал из писем Кафиеро. В дневнике отмечено получение писем от Кафиеро 3, 6, 8 и 10 сентября; в экстренных случаях Бакунину посылались и телеграммы: так, известие о перенесении Генерального Совета в Нью-Йорк сообщено было ему телеграммой, полученной им в тот же день (9 сентября).

Результаты Гаагского конгресса, с одной стороны, для Бакунина крайне неприятные, с другой — были приняты им как вода на его мель-

ницу. Отныне он окончательно развязывался с старым Интернационалом и с Генеральным Советом и мог свободно предаться укреплению своего Альянса без опасения, что за это кто-либо станет привлекать его к ответу. Тем более, что, по его глубокому убеждению, главные силы Интернационала должны были пойти за ним. Гаагский конгресс он ценил очень низко. «Не должны ли мы для чести и даже для блага Интернационала, — восклицал он в письме в брюссельскую «Liberté» от 5 октября 1872 г.,— поскорее провозгласить во всеуслышание, что этот злополучный Гаагский конгресс не только не был выражением стремлений всего европейского пролетариата, но и был на деле, несмотря на все попытки окружить его видимостью регулярности ничем иным, как печальным продуктом лжи, интриги и возмутительного злоупотребления доверием и властью, которыми, к несчастью, слишком долго облекался покойный Генеральный Совет? В действительности это был не конгресс Интернационала, а с'езд Генерального Совета, марксистские и бланкистские члены которого, составлявшие сами по себе около трети общего числа делегатов и тащившие на буксире, с одной стороны, хорошо дисциплинированный батальон немцев, а с другой — нескольких заблудших французов, собрались в Гаагу не для обсуждения действительных условий освобождения пролетариата, а для установления своего господства в Интернационале» [1].

Признавая главным грехом Гаагского конгресса постановление о политической борьбе и завоевании власти пролетариатом, Бакунин уверенно заявляет: «Не подлежит сомнению, что ни итальянцы, ни испанцы, ни юрцы, ни французы, ни бельгийцы, ни голландцы, ни славянские народы, эти исторические враги пангерманизма, ни даже пролетариат Англии и Америки никогда не подчинятся политическим тенденциям, которые в настоящее время навязывает германскому пролетариату честолюбие его вождей» (стр. 348).

Все это Бакунину было известно заранее, и он с открытыми глазами шел навстречу расколу. Предоставив своим друзьям поехать в Гаагу, сам он занялся в это время другим делом. Дневник Бакунина показывает нам, ч е м он занимался в течение недели Гаагского конгресса. И эти краткие, сухие, немногословные отметки дневника более характерны,

---

[1] «Oeuvres», т. IV, стр. 351—352. — В этом, в свое время ненапечатанном письме Бакунин говорит о чем угодно, но не о выдвинутых против него конкретных обвинениях. Об Альянсе он вообще не упоминает, а по поводу «личного факта» замечает: «С этого времени (с весны 1870 г.) начали сочинять пресловутую клевету, основанную на моих прежних отношениях с несчастным Нечаевым, отношениях, о которых мне еще нельзя говорить

чем длинные речи и цветистые периоды, на которые Бакунин был такой мастер.

Итак, 30 августа: «Армандо (Кафиеро) уехал в Гаагу; я писал конституцию Р. Р. (т.-е. интернациональных братьев. — *Ю. С.*);... 2 сентября: вечером писал конституцию; 3 сентября: (писал) устав У (т.-е. Альянса. — *Ю. С.*); 4-го (писал) устав Альянса; 5-го: писал устав Альянса; приехали Беппе (Фанелли), затем Джакомо (по предположению М. Неттлау, Набруцци. — *Ю. С.*); вечером собрание у меня, присутствовал также Марко (т.-е. В. Пецца. — *Ю. С.*); 6-го: обсуждение и чтение проекта устава...; 7-го: прибыл Малатеста; 8-го... перед обедом итальянское собрание у меня; вечером итальянцы у меня; 9-го: с 1½ до 6 часов чтение и обсуждение устава; с 9 до 1 часу (ночи) практическая организация; 10-го:... завтра приезжают все (т.-е. делегаты с Гаагского конгресса. — *Ю. С.*); бурный вечер; телеграмма к Коста (т.-е. вызов его в Цюрих. — *Ю. С.*)».

Теперь ясно, чем в это время занимался Бакунин. Пока там, в Гааге, прели и обсуждали разные вопросы и в частности спорили насчет существования Альянса, он, преспокойно решив, что с старым Интернационалом дело покончено, засел за переработку устава этого «мифического», по словам Гильома, Альянса (сиречь Интернационального Братства), вызвал к себе наиболее активных итальянских альянсистов и вместе с ними подготовлял конференцию «несуществующего» Альянса, обсуждал его новую конституцию и вырабатывал порядок дня первого конгресса нового анархического Интернационала в Сент-Имье. Это настолько ясно, что даже Неттлау (статья об Италии, стр. 327) замечает: «Т а к провел Бакунин неделю Гаагского конгресса, вырабатывая для А л ь я н с а, который там собирались уничтожить, новый устав и т. д., дабы приспобить его к свежим силам, в том числе итальянцам, испанцам, русским, вошедшим теперь с ним в теснейший контакт». Вот это ясные слова, не похожие на обыкновенное уклончивое бормотание Неттлау!

11 сентября в Цюрих прибыли Кафиеро, Швицгебель, Мораго, Фарга Пелисер, Марселау, Алерини (дневник Бакунина отмечает: «в воздухе беспокойство и недоверие»; повидимому, делегаты принесли с Гаагского конгресса чувство тревоги, но в кругу своих альянсистов

и которыми воспользовались марксисты из следственной комиссии, для того, чтобы продиктовать марксистскому конгрессу в Гааге загодя заготовленное постановление о моем исключении» (стр. 362). — Об истории с Любавиным Бакунин нигде не упоминает, так что мы не имеем, к сожалению, е г о рассказа об этом инциденте.

они быстро оправились). 12-го прибыл вызванный телеграммой А. Коста, и конференция Интернационального Братства (Альянса-тож), этой «несуществующей», «фантастической», придуманной Марксом организации, собралась, наконец, в более или менее полном составе. Отсутствовал Гильом, задержанный делами в Невшателе, но его сочувствие было заранее обеспечено.

Мы, к сожалению, не знаем и, может быть, никогда не узнаем, что именно происходило на этой конференции Альянса. Приходится пока ограничиться скупыми сообщениями дневника. 12-го утром и вечером происходило обсуждение нового устава Альянса, приспособленного к новой обстановке. Это, вероятно, тот сжатый устав, который сообщен Ралли и напечатан нами в третьем томе на стр. 82—83. 13-го устав был, наконец, утвержден, и дневник отмечает: «принят; братский поцелуй и торжественное рукопожатие». Вечером того же дня реорганизованный Альянс, этот скрытый руководящий комитет грядущего анархического Интернационала, обсуждал порядок дня и характер резолюций предстоявшего в Сент-Имье международного конгресса оппозиционных федераций. Сюда привлечены были и «славяне», т.-е. некоторые члены славянской секции, о которой мы выше говорили (надо полагать, «Русского Братства»). 14-го после обеда все, в том числе и француз Каме (лионец) и 9 русских (Ралли, Гольстейн, Потоцкая, Хардина, Ваховская, Луканина, С. Бардина, Ольга Любатович и Александрова) выехали в Лашодефон, где встретили Эльсница, Бутурлина (знакомого Бакунина, но не альянсиста) и Пэнди. А на следующий день все двинулись в Сент-Имье.

«Таким образом из членов итальянского Интернационала, — говорит Неттлау, — с 5 сентября Фанелли, Набруцци и Пецца, с 7-го Малатеста, с 11-го Кафиеро, с 12-го Коста имели вплоть до 23 сентября ежедневные беседы и совещания с Бакуниным, Альянс получил новую форму, новую жизнь (курсив мой)[1], а отношения Бакунина к итальянскому Интернационалу... с этого момента сделались теснее, чем когда-либо прежде» (статья об Италии, стр. 328). Отчасти это можно сказать и об Испании.

---

[1] В биографии Бакунина, написанной раньше, Неттлау (стр. 726) говорит, что в Цюрихе был реорганизован тайный Альянс или, по словам Малатесты, основан второй тайный Альянс. Слово тут не важно. Если угодно, можно называть этот реорганизованный Альянс «новым», хотя нового в нем было только то, что заведены были новые клички: так, Фанелли из Беппе и Кристофа превратился в Луизу, Набруцци из Рубиконе в Джакомо и т. п.

А очевидец и участник описываемых событий Ралли рассказывает (статья в сборнике «О Минувшем», стр. 324—325): «Получивши полный отчет относительно всего, что произошло на Гаагском конгрессе, М. А. р е ш и л [1] немедленно сорганизовать новый общий конгресс Международного Общества (!!), благо делегаты федеральной (т.-е. анархистской. — *Ю. С.*) части этого общества были тут под рукой. Было решено не раз'езжаться, а, пользуясь тем обстоятельством, что была осень, созвать экстраординарный конгресс юрской федерации, после которого и открыть тут же общий конгресс из всех делегатов как юрской федерации Швейцарии, так и всех делегатов меньшинства, бывших на Гаагском конгрессе. Тотчас по принятии этого решения член ц е н т р а л ь н о г о б ю р о интернациональных братьев Джемс Гильом [2] написал письмо ко всем секциям юрской федерации, но в ответ на это письмо от многих секций был получен ответ, что в такое короткое время, до 15 сентября, секциям невозможно послать делегатов. Несмотря на это, было решено открыть конгресс с тем количеством секционных представителей, каковое соберется к 15 сентября в Сент-Имье. И вот мы все вместе с М. А. двинулись по железной дороге в горы».

Явно, что кое в чем Ралли здесь по своему обыкновению путает. Так, международный конгресс в Сент-Имье было решено созвать к 15 сентября еще д о Гаагского конгресса. Но это не важно. Мы привели красочное описание Ралли главным образом ввиду его невольного разоблачения относительно Гильома. Оказывается, что этот человек, до конца жизни всячески пытавшийся одурачить общественное мнение насчет тайного Альянса, был даже одним из членов его Центрального Бюро! Вряд ли можно сомневаться в том, что он же был и членом швейцарского национального комитета тайного Альянса. Относительно его друга А. Швицгебеля неугомонный разоблачитель Ралли (ibid., стр. 325) утверждает это совершенно определенно [3]. Ввиду той роли, какую

---

[1] Курсив мой. — Снова отмечаю это выражение, несколько странное в устах анархиста. Ведь в это время происходила конференция Альянса и решала-то как будто она; но характерна роль Бакунина в организации, вопившей против «генеральства» марксистов!

[2] Тот самый Гильом, который вообще ничего не знает про тайный Альянс! Как тут не сказать: on n'est trahi que par les siens!

[3] Гильом, издавший книжку сочинений своего друга Швицгебеля, так никогда и не узнал, что этот близкий друг его участвовал в тайном Альянсе! Или же он просто не захотел о том поведать миру в силу усвоенного им правила отрицать до конца? Увы, боимся, что последнее вернее. — С другой стороны, характерно, что Швицгебель, игравший такую видную роль в тайном бакунинском обществе, счел возможным отрицать

Гильом играл в Юре, трудно сомневаться в том, что и он был членом этого комитета и, пожалуй, даже наиболее влиятельным. Во всяком случае Бакунин, указывая своим заграничным альянсистским корреспондентам адрес, по которому надо писать, называл и Гильома на-ряду с Швицгебелем.

3. В Сент-Имье.

Перед открытием международного анархистского конгресса в Сент-Имье состоялся чрезвычайный с'езд Юрской федерации, созванный наскоро и потому неполный. Среди 16 делегатов конгресса было трое русских: Бакунин от секции в Сонвилье и Ралли («Рулев») и Гольстейн от славянской секции в Цюрихе. Публика состояла главным образом из русских студентов и особенно студенток, как бакунистов, так и лавристов. Этот юрский с'езд принял две резолюции: первая из них, составленная Бакуниным и Гильомом, отвергала резолюции Гаагского конгресса как несправедливые, неуместные и выходящие за пределы с'ездовской компетенции, не признавала власти Генерального Совета, заявляла о готовности безотлагательно заняться установлением свободного федеративного договора между всеми желающими федерациями и провозглашала великий принцип солидарности между рабочими всех стран[1]. Вторая резолюция протестовала против исключения Бакунина и Гильома из Интернационала, подчеркивала их заслуги перед социалистическим движением и их личную честность и заявляла, что попрежнему считает их членами Интернационала и Юрской федерации.

Через час после закрытия короткой сессии юрского с'езда в том же помещении открылся международный конгресс бакунистов, продолжавшийся 15—16 сентября. На нем представлены были Испания — Мораго, Фарга Пелисером, Алерини и Марселау; Италия — Бакуниным, Кафиеро, Костою, Малатеста, Фанелли и Набруцци; юрцы — Швицгебелем и Гильомом; неизвестно какие французские секции — Пэнди и Каме; американские секции 3 и 22 — беглецом Коммуны Лефрансе. Споров на этом конгрессе по существу не было. Если о чем и спорили, так только о том, рвать ли с Генеральным Советом сразу (к этому склонялись итальянцы и Лефрансе) или же предоставить ему инициативу раскола. Последнее мнение взяло верх. Единогласно был принят ряд резолюций,

---

свое участие в нем на конгрессе в Гааге и таким образом спастись от угрожавшего ему исключения из Интернационала (см. выше).

[1] Старая мысль Бакунина, повторяемая им в статьях и письмах, гласящая, что экономическая солидарность рабочих всех стран сохраняется при всем различии их философских и политических взглядов.

составленных при деятельном участии Бакунина [1] и фактически санкционировавших раскол и основание нового Интернационала.

Первая резолюция исходила из того положения, что автономия и независимость рабочих федераций и секций составляет основное условие освобождения рабочих. На этом основании резолюция не признает за конгрессами никакой законодательной и распорядительной власти, отводя им только ту роль, что на них встречаются и сопоставляются различные взгляды и методы, чем создается почва для их согласования и об'единения. Навязывание большинством конгресса своего мнения меньшинству недопустимо. Исходя из такого дезорганизаторского воззрения, резолюция категорически отвергает все постановления Гаагского конгресса (почему только Гаагского?) и не признает за новым Генеральным Советом никакой власти. А для охраны федераций от властных притязаний Генерального Совета, равно как «для спасения и дальнейшего укрепления единства Интернационала», делегаты конгресса набросали основы проекта дружественного договора солидарности и взаимозащиты между представленными на с'езде федерациями.

Вторая резолюция посвящена обоснованию этого договора солидарности. Повторив обычные бакунистские положения о попытке авторитарной партии немецкого коммунизма навязать свою программу и господство своих вождей Интернационалу, отметив, что новый Генеральный Совет облечен еще более широкими полномочиями, чем прежний, делегаты заявляют, что испанские, итальянские, французские, юрские и американские федерации и секции, равно как все те, кои пожелают присоединиться к этому договору, будут поддерживать между собою регулярные и непосредственные сношения и переписку независимо от какого-либо правительственного (!) контроля. В случае покушения на свободу одной из этих федераций или секций со стороны большинства какого-нибудь конгресса или созданного этим большинством Генерального Совета или правительства (!) все другие федерации и секции об'явят себя вполне солидарными с атакованной организацией. Авторы договора во всеуслышание заявляют, что заключение его имеет главной целью

---

[1] Нетлау (стр. 726) тоже признает, что, судя по содержанию и стилю, эти резолюции большей частью или целиком принадлежат Бакунину; Ралли (сб. «О Минувшем», стр. 330) говорит это определенно о третьей резолюции. С своей стороны, Гильом (т. III, стр. 10) пишет: «Резолюции, принятые конгрессом в Сент-Имье, естественно были предварительно выработаны и обсуждены в Цюрихе 13 сентября (т.-е. на конференции Альянса. — *Ю. С.*); в их редакции замечается несколько выражений, в которых нетрудно узнать руку Бакунина».

спасение великого единства Интернационала, которому угрожает честолюбие авторитарной партии.

Третья резолюция касалась основного вопроса разногласий между коммунистами и анархистами, а именно вопроса о политической деятельности пролетариата. По словам Ралли, она была составлена Бакуниным. И нужно признаться, что он выполнил свою задачу с известной ловкостью. Он прекрасно понимал, что для придания силы вновь организуемому анти-авторитарному Интернационалу необходимо привлечь к нему, помимо чисто анархических элементов, и других представителей оппозиции Генеральному Совету, как признававших необходимость политической борьбы (англичане), так и колеблющихся в этом вопросе (бельгийцы, голландцы и пр.). Поэтому он благоразумно избегал сразу навязывать всем свой анархический символ веры, оставляя свободное место и для сторонников других воззрений. Резолюция гласила:

«Принимая во внимание,

«что попытка навязать пролетариату единообразную политическую тактику или программу, равно как единый путь, способный привести его к полному социальному освобождению, представляет столь же абсурдное, как и реакционное притязание;

«что никто не вправе лишать автономные федерации и секции бесспорного права самостоятельно устанавливать и применять политическую тактику, которую они признают наилучшей, и что всякая подобная попытка фатально приведет нас к самому возмутительному догматизму;

«что стремления пролетариата не могут иметь другой цели, кроме установления совершенно свободных экономических организаций и федераций, основанных на всеобщем труде и равенстве и абсолютно независимых от всякого политического правительства, и что эта организация и эта федерация могут быть лишь результатом самочинного действия самого пролетариата, ремесленных союзов и автономных коммун;

«принимая во внимание, что всякая политическая организация может быть только организацией господства в пользу одного класса и к невыгоде масс, и что пролетариат, если бы он вздумал захватить власть, сам сделался бы господствующим и эксплоатирующим классом, —

«конгресс, собравшийся в Сент-Имье, заявляет:

«1) что разрушение всякой политической власти составляет первую обязанность пролетариата;

«2) что всякое образование якобы временной революционной политической власти для осуществления этого разрушения не может быть ничем иным, как лишним обманом, и окажется столь же опасным для пролетариата, как и все ныне существующие правительства;

«3) что, отвергая все компромиссы для достижения социальной революции, пролетариат всех стран должен установить солидарность революционного действия в стороне от всякой буржуазной политики».

Итак, с одной стороны, довольно отчетливо выразив свой анархический идеал, резолюция вместе с тем предоставляла отдельным федерациям и секциям право самостоятельно определять и применять ту политическую тактику, которую они признают наиболее целесообразной и для себя подходящей [1].

Четвертая резолюция трактует об организации «сопротивления труда», т.-е. об экономической борьбе пролетариата. Она доказывает невозможность улучшения положения рабочих при капиталистическом строе. Признавая стачки важным орудием борьбы, она не питает никаких иллюзий насчет их экономических результатов. Забастовки резолюция рассматривает как средство, углубляющее раскол между пролетариатом и буржуазией, способствующее организации рабочих и подготовляющее пролетариат к решительному революционному выступлению, которое должно положить конец современному порядку (это приблизительно те взгляды, которые изложены Бакуниным в брошюре «Всесветный Союз», см. том III этой работы, стр. 288 — 292).

Так как новая организация решила обходиться без центрального органа вроде Генерального Совета, то конгресс поручил выработку

---

[1] Насколько у бакунистов дипломатичность в этом пункте преобладала над принципиальностью, видно из ответа, который А. Швицгебель, секретарь Юрской федерации, дал 17 ноября 1872 года на письмо Джона Хельса, секретаря новоиспеченного (оппозиционного Марксу) английского федерального комитета, датированное 6 ноября и заявлявшее, что англичане стоят за политическую борьбу и считают необходимым захват политической власти в интересах социального освобождения. «Никогда, — пишет А. Швицгебель, — нам не придет в голову порицать английских рабочих за то, что они следуют отличной (от швейцарской) тактике: вы одни можете судить о том, что полезно и целесообразно делать у вас, и, как вы очень правильно это заметили, если бы мы были на вашем месте, то, подчиняясь влиянию среды, в которой вы живете, вашей специфической индустриальной обстановки, ваших исторических традиций, принужденные бороться, кроме банкиров и фабрикантов, с старым феодальным землевладением и всеми средневековыми учреждениями, еще тяготеющими над вами, мы бы, вероятно, тоже изменили свои мысли». Итак, все дело в наличии помещиков и «средневековых» учреждений? Но где же в Европе (кроме, быть может, Швейцарии, да и то!) их не было? И разве Бакунин не приспособил свою теорию как раз к странам, где существовало и даже господствовало крупное дворянское землевладение? Все это лицемерие: важно было собрать всю антимарксистскую оппозицию под свое знамя, и открыть все виляния.

плана всемирной профессиональной организации и общего плана статистики труда специальной комиссии из состава итальянской федерации, а Швицгебелю («вместо секретаря») поручено было скрепить своей подписью все акты конгресса и разослать их всем федерациям Интернационала. Наивные приемы страуса, но притом вполне дезорганизаторские!

Новый анархический Интернационал был основан.

Глава третья.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ПУБЛИЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКУНИНА.

1. Кампания против старого Интернационала.

После конгресса в Сент-Имье Бакунин с друзьями проехал в Невшатель, куда прибыл вечером 16 сентября. В этот вечер у него состоялось совещание с своим верным ад'ютантом Гильомом, который в бакунистской организации играл роль канцлера и тонкого дипломата. Что Гильом примкнул к новому тайному Альянсу, подобно тому как он участвовал в прежнем, это само собою разумеется [1].

На следующий день, как указывает дневник Бакунина, состоялось заседание союза интернациональных братьев, с участием Гильома, принадлежность которого к тайному Альянсу на сей раз определенно устанавливается самим Бакуниным. Впрочем, теперь уличать в этом Гильома уже не имеет смысла, так как он в своей книге дает понять, что речь будто бы идет о «новом» тайном обществе, созданном только в сентябре 1872 года в Цюрихе. О чем говорилось на этом заседании «братьев», словоохотливый Гильом, разумеется, умалчивает [2]. Отчасти

---

[1] «Я, — говорит он (т. III, стр. 10), — не присутствовал на цюрихских собраниях, где осуществлен был проект международного сговора, о котором мы беседовали 8 сентября в Амстердаме; сговора, условия которого Бакунин, верный своим формалистским привычкам, пожелал зафиксировать в писаном уставе. Я, относясь, подобно моим юрским товарищам, безразлично к формальностям (в чем Бакунин часто нас упрекал), ничуть не интересовался этой стороной вопроса. И не помню, читал ли я или нет упомянутый устав; но я был счастлив при мысли, что заключено прочное соглашение для пропаганды и действия». Несмотря на уклончивый стиль, все ясно.

[2] Повидимому, именно здесь испанских делегатов Гаагского конгресса заставили написать то письмо в газету «Liberté», в котором они оспаривали заявление следственной комиссии о том, что они в комиссии отреклись от принадлежности к Альянсу (см. выше). Письмо было написано 17 сентября и датировано «Невшатель, 18 сентября 1872»; оно, вероятно, было средакти-

завесу над этой тайной приоткрывает Ралли, который, повидимому, также присутствовал на этом собрании. «После всех этих конгрессов,— рассказывает он (ст. в сборнике «О Минувшем», стр. 333), — мы гурьбой отправились в Невшатель, где произошел интимный совет, касавшийся дальнейшего образа действий интернациональных братьев в среде Интернационала. Было принято решение выработать для будущего общего конгресса пакт всеобщей организации и требовать уничтожения Генерального Совета».

Судя по этим словам, Бакунин и его друзья в тот момент допускали еще мысль о возможности общего конгресса Интернационала. Впрочем, вряд ли они могли серьезно рассчитывать на это и долго сохранять свою иллюзию. Ведь все их действия были не только явной провокацией раскола, но и прямым его констатированием. Генеральный Совет не мог при всем желании нарушать постановления Гаагского конгресса, обязывавшие его следить за строгим выполнением с'ездовских решений; следовательно, он принужден был наложить запрет на все федерации, не выполняющие этих решений. Юрцы подали пример такого неподчинения, которому последовал весь международный конгресс бакунистов в Сент-Имье. За ним должны были вскоре состояться аналогичные выступления других национальных конгрессов. А при таких условиях общий конгресс становился очевидно невозможным.

Но, может быть, участники заседания думали об общем конгрессе не в строгом смысле слова, т.-е. с участием федераций и групп, оставшихся верными Генеральному Совету, а о конгрессе одних оппозиционных федераций, но только более широком, чем конгресс в Сент-Имье? Это более правдоподобно. Такой конгресс и состоялся в следующем году в Женеве. Но так как к созданному им новому автономистскому Интер-

---

ровано на происходившем в этот день совещании интернациональных братьев, возможно, не без участия Бакунина. В этом же письме содержался несколько запоздалый протест испанских делегатов против исключения Бакунина и Гильома. «Пользуемся случаем, — говорится там, — чтобы энергически протестовать, как мы, впрочем, сделали это (?) и на конгрессе в Гааге, не только против инквизиторских заключений комиссии, которая низко, иезуитски, в исполненном противоречий постановлении пускается на диффамацию почтенных, интеллигентных товарищей, известных рабочему миру своею преданностью делу и в настоящее время уважаемых нами более, чем когда-либо, но и против присвоенного себе этою комиссиею смехотворного права предложить заранее подобранному большинству исключение этих товарищей из Интернационала». Это письмо было перепечатано и в «Бюллетене Юрской Федерации» от 15 октября 1872 г., и в третьем томе Гильома, стр. 11—12.

националу примкнули не только чисто анархические организации, то естественно, что тайное общество, как его понимал Бакунин, должно было и впредь играть свою прежнюю роль, направляя и тайком руководя такой аморфной организацией, как новый Интернационал, хотя казалось бы, что с уходом от марксистов нужда в таком тайном обществе уже миновала. Но это значило бы не понимать психологии Бакунина, который считал нужным конспирировать даже в конспирации и в одном тайном обществе иметь еще более тайное, вплоть до самой узкой верхушки.

Затем Бакунин с испанскими, итальянскими и русскими альянсистами двинулся в Цюрих, куда и прибыл 18 сентября. Здесь у него состоялось еще несколько свиданий с представителями отдельных наций, с которыми он вырабатывал общую политику, устанавливал систему корреспонденции и пр. Дневник его отмечает какое-то разногласие с Марселау, обнаружившим «доктринерский платонизм», но разногласие это было скоро улажено, и 22 сентября испанцы уехали, установив полное согласие с учителем. На следующий день уехали и итальянцы: Пецца, Фанелли, Набруцци, Кафиеро и Малатеста. После этого начались собрания русских «братьев», которые продолжались, судя по дневнику, с 24 по 26 сентября, и на которые телеграммой вызван был Росс, повидимому, ввиду начавшихся уже в «Русском Братстве» недоразумений (см. выше). Результатом этих совещаний было между прочим письмо русских в брюссельскую газету «La Liberté», протестовавшее против оклеветания Бакунина. Судя по тому, что оно было выработано тут же, как отмечает дневник от 25 сентября, можно предположить, что в составлении его Бакунин принимал личное участие. Датировано оно 4 октября, вероятно, потому, что некоторое время ушло на сбор подписей. Вот это письмо.

«С негодованием прочли мы в № 37 вашей газеты текст невероятного доклада, представленного Гаагскому конгрессу следственной комиссией об Альянсе.

«В этом докладе, внушенном, очевидно, ненавистью и желанием отделаться во что бы то ни стало от неудобного противника, решились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Бакунину обвинение в мошенничестве и шантаже. Большинство этого конгресса сделалось соучастником величайшей низости, постановив исключить человека, вся жизнь которого была посвящена на служение великому делу пролетариата, и который искупил это преступление восемью годами заключения в разных немецких и русских крепостях и четырехлетней ссылкой в Сибирь.

«После своего побега из Сибири в 1861 году он был встречен клеветою марксистов (?), которые с этого момента не переставали поносить его в немецких социал-демократических газетах. Вы, без сомнения, читали нелепые, смехотворные рассказы, которые за последние три года распространяются против него в Volksstaat. А теперь незавидную честь послужить орудием низменной мести приберегли для международного конгресса рабочих, задолго подготовленного в этих целях самим г. Марксом.

«Мы не считаем ни нужным, ни удобным оспаривать здесь мнимые факты, на которых признано было возможным обосновать странное обвинение, выдвинутое против нашего соотечественника и друга. Эти факты прекрасно нам известны, известны в мельчайших деталях, и мы сочтем своим долгом восстановить их в истинном свете, как только мы получим возможность это сделать. В данный момент этого не допускает несчастное положение другого соотечественника, который не есть наш друг, но которого преследование русского правительства делает для нас священным (т.-е. Нечаева. — *Ю. С.*).

«Г. Маркс, ловкость которого мы, впрочем, не думаем оспаривать, в данном случае ошибся в расчете. Честные сердца во всех странах несомненно почувствуют только негодование и отвращение при виде такой грубой интриги и такого явного нарушения самых простых требований справедливости. Что касается России, то можем уверить г. Маркса в том, что его старания будут там напрасны. Бакунин там слишком уважаем и известен, чтобы клевета могла достигнуть его. В лучшем случае она встретит благоприятный прием в полицейской печати или в рядах того пресловутого русского Интернационала, которым г. Маркс может хвастать [1], но который тем не менее совершенно неизвестен в нашей стране. Мы великодушно уступаем ему этот успех».

Подписали: Николай Огарев. — Варфоломей Зайцев. — Владимир Озеров. — Арман Росс. — Владимир Гольстейн. — Замфир Ралли. — Александр Эльсниц. — Валерьян Смирнов.

Бакунин продолжал поддерживать самые энергичные сношения с юрцами, итальянцами, испанцами, русскими эмигрантами (о которых мы выше говорили), с частью французов, бельгийцев и т. д. Особенно близкие связи установились у него с итальянцами, которые часто приезжали к нему в Локарно и устраивали совместные конференции, на которые иногда привлекались и альянсисты других стран. Так, Кафиеро прожил в Локарно с 4 по 11 ноября 1872 г.; 21-го приехал туда же

---

[1] Намек на «Русскую секцию» Утина и К°.

Фанелли. В декабре новое совещание: 23-го прибыли Кафиеро и Палладино, а 25-го Фанелли, у которого произошла какая-то ссора с Бакунинным; 28-го он уехал, а 30 декабря прибыли Киарини и Орсоне, два романьольца из Фаэнцы, тут же посвященные верховным первосвященником в «братья».

Ралли, наблюдавший эту близость Бакунина с итальянцами, сообщает по этому поводу (цит. ст., стр. 347 — 348): «С этого именно времени (т.-е. с Гаагского конгресса. — *Ю. С.)* Бакунин стал для итальянских социалистов настоящим апостолом нового учения, и от Милана и Болоньи до Неаполя он был известен под именем Santo Maestro (святой учитель. — *Ю. С.)*. Итальянская молодежь, нервный и увлекающийся итальянский рабочий, которые когда-то шли умирать под знаменами Гарибальди, вкусив от плода, созревшего впродолжении двадцати лет национальной независимости, познали, наконец, всю горечь обманутых иллюзий и стали толпами переходить в ряды социалистов-революционеров... Главные деятели этого движения в Италии были ученики и прозелиты Михаила Александровича... Все эти основатели социализма и анархического Интернационала в Италии были прозелитами Santo Maestro, который жил в Локарно и оттуда рассылал свои длинные письма. Среди тогдашних итальянских главарей не было, однако, ни одного рабочего: все это были или студенты, или сыновья купцов, или же люди со средствами, рантьеры, как, например, Кафиеро. В конце 1873 года впервые среди итальянских бакунистов стали появляться и люди из рабочей среды... Они не бывали в Локарно».

Не менее оживленные сношения Бакунин поддерживал тогда с испанцами. Дневник его свидетельствует об этом совершенно определенно. 2 и 3 ноября он пишет письмо Фарга Пелисеру и через него же большое коллективное послание всем испанским «братьям»; 3-го же он пишет письма Мораго и Марселау [1]. 6, 7 и 8 ноября он (под псевдонимом Гуго) составляет второе циркулярное послание к «братьям»; 13-го заканчивает новые шифры для Франции, Испании и Португалии; 16-го пишет Алерини, от которого получил письмо 11-го; 17-го, 18-го, 19-го и 20-го пишет коллективное письмо Алерини (повидимому, для испанских «братьев»); 4 декабря он начинает новое письмо к испанцам; 7-го и 8-го он пишет Марселау; 8-го он получает письма от Алерини и Фарга Пелисера [2]; 15-го и 16-го он пишет и отсылает испанцам коллективное

---

[1] Перед этим Бакунин, начиная с 24 октября, отправил «большие коллективные письма» другим национальным группам Альянса.

[2] Интересно, что получаемые из Испании письма Бакунин отсылал Гильому, с которым вел переписку, и который был его ад'ютантом по сно-

письмо «с советами» ввиду предстоявшего в Кордове с'езда испанской федерации; оно отсылается заказным порядком на имя Фарга Пелисера; 17-го—19-го составляется коллективное послание в Барселону, которое продолжается до 23-го (дальнейшая судьба этого обширного послания неизвестна). Испанцы были особенно дороги Бакунину ввиду развивавшихся в их стране революционных событий, и одно время он даже думал, что Испания подаст сигнал к той революции, которую он так неудачно пытался начать в сентябре 1870 года в Лионе (см. дальше) [1].

С помощью группы французов, связанных с альянсистами Юры и Испании, Бакунин пытался возродить французский отдел Альянса. Из этих французов известны Пэнди, Каме, Брусс, Алерини, Жюль Гэд и т. д. Весною 1873 года трое из них, проживавшие тогда в Барселоне, Алерини, Брусс и Каме, организовали там «Комитет социально-революционной пропаганды южной Франции». Этот комитет, в котором главную роль играл Поль Брусс, тогда ярый анархист, а впоследствии основатель «поссибилистской» (соглашательской) партии во Франции, опубликовал в апреле 1873 года анархическую программу, а с июня начал издавать газету «Революционная Солидарность» (до сентября вышло 10 номеров), в которой одним из наиболее талантливых и вместе с тем самых резких сотрудников был не кто иной, как будущий основатель марксистской французской «Рабочей Партии» Жюль Гэд. О надеждах, которые Бакунин связывал с этой молодой инициативной группой, некоторое понятие дает письмо его к Пэнди от 11 января 1873 года.

«Ты не удивишься тому, — писал Бакунин, — что у меня явилось желание поговорить с тобой. Я был так доволен, так счастлив, что в Сент-Имье мы оказались с тобой в полном согласии. Мы, а в особенности я, имеем так мало французских друзей. Ты, Алерини, Каме — вот и вся наша группа. Да, не следует еще забывать милейшего Элизе Реклю, который навестил меня 3 — 4 недели тому назад, и с которым мы все лучше и лучше понимаем друг друга. Это примерный человек, такой чистый, благородный, простой и скромный, так мало думающий о себе самом. У него, быть может, нет желательного чорта в теле, но это

шениям с цвейцарцами, французами, бельгийцами, голландцами, англичанами и пр., меньше знавшими Бакунина. Возможно, что в Центральном Бюро тайного Альянса Гильом заведывал иностранным отделом.

[1] Приезжали ли к Бакунину испанцы в Локарно, как сообщает Соколов в своих неизданных воспоминаниях, цитируемых Неттлау, неизвестно, но в сентябре 1873 года он после женевского анархического конгресса повидался в Берне с приехавшими туда испанскими делегатами Фарга Пелисером, Виньясом, Алерини и П. Бруссом, работавшим тогда в Испании.

вопрос темперамента, а самая красивая девушка не может дать больше, чем имеет. Это ценный, вполне надежный, весьма серьезный, весьма искренний друг и целиком наш. Совсем недавно он послал мне два новых манифеста гг. Альбера Ришара и К°. Посылаю их вам. Прочти их: они занятны. Вы получите их из Оснвилье. А знаешь ли ты, кто фигурирует теперь в компании Ришара? Бастелика собственной персоной и его приятель Паликс. Все они собрались теперь в Милане, препорученные заботам наших итальянских друзей... Что касается итальянцев, мой дорогой, то у них дела идут прекрасно. Во время праздников у меня побывало несколько друзей, и все сведения, ими доставленные, носят вполне обнадеживающий характер. А как идут дела во Франции? Пока существует теперешнее положение вещей, вы, по-моему, должны создать из Юрской федерации временный центр всего интернационально-революционного движения в южной Франции; ты же, мой дорогой друг, сохранивший столь заслуженное влияние в своей стране, можешь в значительной степени этому поспособствовать. Твоим соотечественникам сильно мешает то, что они разучились конспирировать; а при теперешнем режиме во Франции без конспирации нельзя ничего организовать. Я буду тебе весьма обязан, если ты сообщишь мне некоторые точные сведения о движении, которое там ныне происходит. В общем прими за правило время от времени писать нам. Нас так мало, и, лишь сплотившись и взаимно поддерживая друг друга, мы сможем что-либо сделать. Надеюсь, что ты мне скоро напишешь, и в этой надежде жму твою руку».

Результаты этой напряженной работы Бакунина и его помощников не замедлили сказаться (разумеется, здесь действовали и другие факторы, способствовавшие тогда развитию центробежных сил в Интернационале).

Когда новый Генеральный Совет, за подписью его секретаря Зорге, 8 ноября предложил Юрской федерации втечение 40 дней взять обратно свои раскольнические постановления, принятые на чрезвычайном с'езде в Сент-Имье, юрцы 8 декабря обратились ко всем федерациям Интернационала с призывом о помощи. Сочувственные отклики не замедлили воспоследовать. Первыми отозвались, конечно, пылкие итальянцы, которые, за подписью А. Косты, заверили юрцев в своей полной солидарности.

25 — 26 декабря 1872 года состоялся конгресс бельгийской федерации в Брюсселе. Он об'явил недействительными (!) резолюции, принятые в Гааге, и постановил примкнуть к анти-авторитарному пакту.

С 25 по 30 декабря происходил в Кордове с'езд самой сильной федерации Интернационала — испанской, тот самый с'езд, в связи с которым Бакунин посылал свои «советы» испанским «братьям». Советы учителя были услышаны, как этого и следовало ожидать, и конгресс единогласно (кроме делегата от Гренады, имевшего императивный мандат, но лично перешедшего во время конгресса на сторону анархистов) одобрил выработанный в Сент-Имье проект анти-авторитарного пакта. Заодно он, верный анархическому евангелию, превратил испанский федеральный комитет в простую комиссию по переписке.

Далее, 26 января состоялся с'езд британской оппозиции в Лондоне, об'явивший себя конгрессом британской федерации[1]. Этот конгресс тоже отверг гаагские резолюции и присоединился к бакунистскому Зондербунду, хотя на словах и высказывался против его анархистских принципов. Присоединение британских сецессионистов особенно радовало анархистов, так как среди диссидентов находились люди, которые с самого начала работали в Генеральном Совете рука об руку с Марксом, как Эккариус, Хельс, Юнг и пр.

А когда 5 января 1873 года Генеральный Совет, выждав 60 дней, постановил приостановить деятельность Юрской федерации до ближайшего общего конгресса, то на этот раз, кроме названных выше федераций, с юрцами солидаризировалась и голландская федерация (кроме одной утрехтской секции). После этого Генеральному Совету не оставалось ничего другого, как об'явить, что все федерации и секции, отвергающие гаагские постановления и игнорирующие Генеральный Совет, этим самым ставят себя вне рядов Интернационала. Таким образом раскол был завершен, и некогда единый Интернационал, суливший столь прекрасные надежды мировому пролетариату, но подорванный внутренней борьбой, распался на две организации, просуществовавшие одна до июля 1876 года, а другая, анархическая, до конца 1877 года, но уже не пользовавшиеся прежним влиянием и не имевшие никакой силы.

Теперь Бакунин мог со своим анти-авторитарным Интернационалом, горделиво заявлявшим, что он сгруппировал в своих рядах все живые силы международного рабочего движения, попытаться свободно осуществить всесветную социальную ликвидацию. Увы, судьба готовила ему только ряд новых разочарований, окончательно доканавших старого неугомонного бунтаря.

---

[1] В британской федерации произошел раскол, при чем диссиденты, враждебные Марксу и Генеральному Совету, скоро добились большинства, но просуществовали недолго.

2. Жизнь в Локарно и новое разочарование Бакунина.

Живописное описание тогдашней жизни Бакунина в Локарно оставил Н. Соколов в своих записках, приводимых в извлечении у Неттлау (стр. 753 и сл.). Соколов, как мы уже рассказывали в главе о «Русском Братстве», прожил с Бакуниным в Локарно с 17 января по 10 марта 1873 года. Бакунин жил тогда в Таверне «Albergo del gallo» у итальянца Джакомо Фанчола.

В Локарно Соколов приехал в 4 часа утра. Несмотря на поздний час, Бакунин еще не спал, а лежал, растянувшись на кровати и пуская густые клубы табачного дыма. В комнате царил величайший беспорядок. Пол был усеян золой и окурками. Камин дымил. На столе и расставленных как попало стульях валялись книги и газеты. Старый позеленевший самовар стоял посреди комнаты, а стаканы и блюдца под кроватью.

Бакунин встретил Соколова радушно. Он велел растопить камин и приготовить чай. «Извини, братец, — сказал он гостю, — я совсем расхворался. Врач прописал мне стрихнин от болей в пояснице. Вот флакон с этой гадостью. Как ты думаешь, помогут мне эти пилюли?». Соколов ответил: «Давайте, я брошу их в огонь, и вам станет легче. Не стыдно ли, что Вы дожили до седых волос и все еще верите в медицину?». «Ты прав, — сказал Бакунин. — По-моему, всякая болезнь должна итти своим путем и выйти из тела. Ну, рассказывай, что у вас там делается, а, кстати, привез ли ты деньги?». Соколов вручил ему пять двадцатифранковых монет. «Да что они с ума сошли? Что я сделаю с сотней франков? Завтра утром я должен заплатить хозяину гостиницы, Джакомо, 600 франков. Он не дает мне покою. Последние две недели у меня жили итальянцы, которых я натурально кормил. Завтра я им (цюрихчанам) напишу злое письмо. Теперь, дружище, ступай спать... А завтра в полдень жду тебя к обеду, тогда и Зайцев придет» [1].

В девять часов утра Бакунин разбудил не успевшего отдохнуть Соколова, к которому явилась местная полиция для проверки его вида. О сне нечего было больше и думать. Когда Соколов хотел заказать Джакомо завтрак, Бакунин воскликнул: «Ты зачем сюда явился? Командовать? Здесь я хозяин, а не он. Ты утешай его только словами: «coraggio, speranza, perseveranza» (мужество, надежда, выдержка)! Ступай, умойся и через полчаса приходи в столовую. Мы там подзакусим».

К 11 часам в небольшой столовой был приготовлен завтрак по вкусу Бакунина. Стол был накрыт на три прибора; рядом с бакунинским при-

---

[1] Зайцев был старым товарищем Соколова по журналу «Русское Слово».

бором лежала груда писем. Бакунин спустился сверху своей тяжелой поступью и обнял Соколова. «Ну, присаживайся, братец! Через полчаса придет Зайцев, и при нем ты расскажешь, что у вас там делается нового. Скажи мне только, сговорился ли Росс с Лавровым или нет?». И на ответ Соколова, что не сговорился, Бакунин заметил: «Ну, я так и думал, хотя Росс по своей натуре мог пойти на такое дело. Но об этом мы потолкуем после. Теперь ешь. А я пока почитаю письма».

Завтрак был чисто итальянский, если не считать бифштекса, без которого Бакунин не мог обходиться. Врачи рекомендовали ему для борьбы с мучившим его ожирением следовать системе д-ра Бантинга и избегать мучных и жирных блюд. Но Бакунин умудрялся сочетать эту систему с прямо противоположной, так что, например, поевши постного мяса, он поедал в огромном количестве risotto и макароны — все с маслом, а также пил водку и разные ликеры.

— «Ну, братец, прочел письма. А как тебе нравится наша кухня? Знаешь, я ее сам придумал. Здесь имеются все продукты севера и юга, frittura, макароны и всякая такая штука. Сырых фруктов мне есть нельзя, я варю их в жжонке. Ты попробуешь ее послезавтра, когда ко мне придут оба Беллерио. Я познакомлю тебя с ними. Это прекрасные люди, местные домовладельцы; они живут со своим отцом, старым гарибальдийцем [1]. Жаль, что ты не попал сюда двумя днями раньше. Ты нашел бы здесь целую кучу итальянцев и испанцев, на подбор славных ребят. Я потратился с ними, вместе гуляли, а теперь, после завтрака, сделаю то, что обещал: выругаю цюрихчан, а особенно Росса за то, что они мне прислали всего сто франков, когда мне надобны шестьсот... Ну-с, ешь еще и требуй, чего пожелаешь. Хочешь сыру, вина? И смотри, не смей больше заказывать что-либо для меня и себя без моего ведома. Джакомо уже это знает».

Затем Бакунин принялся готовить кофе по своему способу, с переливанием из одной посуды в другую, по каким-то неизвестным законам физики. Аппарат шумел, пыхтел и издавал разнообразные звуки, что чрезвычайно занимало экспериментатора, который с своей стороны пыхтел и сопел за работой. Кофе получался от этих усилий весьма скверный, но горе тому гостю, который посмел бы пуститься в критику или хотя бы мимикой показать, что он не находит напитка восхитительным: на него обрушился бы град отборных ругательств.

---

[1] Здесь Соколов, кажется, ошибся. Беллерио было двое: отец (Карло) и сын (Эмилио).

— «Вот тебе чашка. Пей. Хочешь с ромом или без? Я пью безо всего. Ну, как тебе нравится вкус? Пивал ли ты где-нибудь такой кофе? Нет, даже в лучших отелях Ниццы не приготовят подобного. Это, брат, мой секрет. А Зайцев не идет! Надо послать за ним. А теперь я познакомлю тебя с моим распределением дня, и ты будешь знать, как себя вести. Знай же раз навсегда, что к 11 часам утра, как сегодня, я приглашаю тебя к столу. В 12½ часов мы с Зайцевым и другими отправляемся в разные кафе читать газеты, пить пунш, болтать и гулять до 4 часов. Затем я до 8 часов вечера ложусь спать. Пью чай или зельтерскую воду и отправляюсь куда-нибудь до 10 часов. После того, впродолжении всей ночи, как вчера, я, не раздеваясь, пишу письма. Вот и весь мой день, братец. Как видишь, я веду правильный образ жизни [1]. Я окружен шпионами, но это им ничего не дает, ибо у нас все концы хорошо спрятаны. Джакомо — человек надежный, а ты, гляди, живи смирно, не болтай лишнего по кафе: я знаю, что ты забулдыга и болтун. Ну-с, Зайцева все нет как нет, пойдем к нему. Нас будет трое. Ты какого роста?».— «8½ вершков», — ответил Соколов. — «Во мне 12½ вершков, а в Зайцеве — 6 [2]. Сейчас услышишь, как ребята, завидев меня, начинают кричать: «evvive Michele!».

В этот момент в столовой появился Джакомо. Бакунин и Соколов, как было условлено, принялись кричать: «coraggio, speranza, perseveranza!». Приходилось, видимо, такими штуками утешать хозяина, которому аккуратно не платили...

Только что он ушел, явился Зайцев. Увидев Соколова, своего старого соратника по «Русскому Слову», он бросился в его об'ятия и расцеловался с ним. «Идем, идем!» — прервал их излияния Бакунин и повел их в свое кафе. По дороге один из мальчишек, ходивших за ними и сопровождавших их криками, вскричал: evvive Michele! (да здравствует Мишель!).

В кафе за стаканами с пуншем начались разговоры, большей частью о Цюрихе и проектировавшемся журнале. Соколов рассказывал о том, как Лавров встретил Росса (Сажина) и без обиняков заявил ему, что редактором «Вперед» будет он (Лавров) один, а секретарем — В. Смирнов. «Это означает разрыв», — заметил Бакунин. «Верно, — сказал Зайцев, — я знаю этого философа давно; с ним нам никогда не сойтись». Дальше Бакунин заговорил о типографии, устраиваемой кружком Ралли

---

[1] Мы знаем, что такой «правильный» образ жизни Бакунин вел всегда.

[2] Неттлау, не знающий, что по-русски этот счет ведется сверх двух аршин, чрезвычайно изумлен этим малым ростом и ставит здесь «sic».

для печатания русских книг. «Ты ведь последователь Прудона, — сказал Бакунин Соколову,—ты должен написать в его защиту брошюру против марксовой «Нищеты философии». Ты знаешь немецкий язык, я дам тебе все материалы, напомни мне завтра об этом. Вместе соберем материалы, а чего нехватит, выпишем» [1].

Так они проболтали до 5 часов вечера. Затем отправились к Зайцеву обедать, закупив по дороге провизию.

Зайцев жил с женою и дочерью на берегу озера Лаго Маджоре, и Соколов ежедневно ходил к нему по нескольку раз в день, несмотря на большое расстояние. Так он прожил в Локарно около шести недель.

Соколов познакомился в Локарно с некоторыми итальянскими и испанскими приятелями Бакунина. В особенности его интересовала широкая, оригинальная и неукротимая натура последнего. Этот деспот, называвший себя анархистом, по словам наблюдавшего его Соколова, не терпел ни с чьей стороны противоречия или противодействия. Так как Соколов, тоже человек несдержанный, позволял себе не преклоняться перед «стариком», подшучивать над ним и знал его прошлую жизнь, в частности сибирскую, то Бакунин его недолюбливал. Между ними происходили, например, такие разговоры. «Ну, чего ты скалишь зубы, животное? — говаривал Бакунин. — Скажи мне и сверни мне папироску!» — «А ты, Ирод, — отвечал Соколов, — ведь ты мастодонт, тюлень, как тебя земля до сих пор носит!». — «Чорт побери всех вас вместе и каждого в отдельности, — продолжал Бакунин, — всех русских! Я признаю только моих итальянских и испанских друзей. Вы — рабы и останетесь рабами с вашим царем. Недавно я прогнал Нечаева, ибо он вбил себе в голову называться революционером и задумал охотиться здесь на буржуев, убивать и грабить на большой дороге. Но я предупредил всех друзей оставить этого проходимца без огня и воды, и они так с ним и поступили».

Зайцев всегда присутствовал при этих разговорах. В то время он начал уже под диктовку Бакунина записывать его биографию, которую, как говорят, довел до 1848 года. Дважды он писал при Соколове. Куда девалась эта рукопись, неизвестно.

Замечательно, что Бакунин любил знать о других мельчайшие подробности (эту черту мы знаем за ним уже в юности), но избегал гово-

---

[1] Этот план выполнен не был, но скоро после того Гильом (тоже, видимо, по настоянию Бакунина) написал книгу «Анархия по Прудону», которая в русском переводе Зайцева была выпущена русской типографией в 1874 году.

рить о самом себе [1]. Эту черту замечали за ним все, но каждый об'яснял ее по-своему. Теперь-то мы знаем, в чем тут было дело.

Бакунин был уже тогда очень плох здоровьем [2]. Он, очевидно, страдал и физически, и морально. Особенно раздражало его, по словам Соколова, «злостное преследование» со стороны Маркса, который не переставал его «травить» и осыпать «клеветой». О скептическом отношении Бакунина к русским мы говорили уже выше.

За этою несколько чудаковатою внешностью (описание которой, впрочем, производит комичное впечатление в устах такого чудака, каким был сам пресловутый автор «Отщепенцев», Соколов) скрывалась незаметная для поверхностных наблюдателей энергичная революционная работа, охватывавшая несколько стран и распространявшая свое влияние на значительную часть Европы. Правда, революционный пыл Бакунина уже догорал; пессимизм все более и более овладевал им; но пока существовала хоть малейшая надежда на возможность социально-революционных выступлений, старый боец не хотел сдаваться и напрягал последние усилия к тому, чтобы из вспыхивавших то там, то сям отдельных искр раздуть мировой пожар «социальной ликвидации».

Летом 1873 года Бакунин оживился при известиях о событиях в Испании. В этой стране организация Интернационала была особенно сильна (на конгрессе в Кордове представлено было около 25.000 членов). Вдобавок она находилась под неограниченным влиянием Альянса, который в Испании сумел в еще большей мере овладеть рабочим движением, чем даже в Италии, где еще слишком сильны и свежи были традиции мацинизма и гарибальдизма. Мы помним, что еще в сентябре 1870 года Бакунин включал Испанию в число тех стран, которые должны были

---

[1] Надо полагать, что это характерное указание Соколова относится в особенности к разговорам Бакунина с русскими. Последние знали кое-что из его прошлой жизни, и Бакунин всегда мог опасаться, чтобы они не узнали чего-либо такого, что он особенно тщательно старался скрыть (например, жизнь в русских крепостях, т.-е. «Исповедь», прошение о помиловании, покаянные письма из крепости и Сибири и т. п.).

[2] В письме к Ралли от 1 февраля 1873 г. (к сожалению, в своих воспоминаниях, напечатанных по-русски, Ралли его не приводит, и мы берем его из Неттлау, прим. 3665) Бакунин сообщает, что не может приехать в Цюрих по нездоровью. Его сердечная болезнь, осложнившаяся катарром, особенно разыгралась в эту зиму. Три недели он провел почти без сна. Как только он засыпал, у него прекращалось дыхание. Лечился он тем, что два дня «гулял», т.-е. напивался — раз с Соколовым и Зайцевым, а другой раз с обоими Беллерио, швейцарцем Мейером и опять с Соколовым и Зайцевым; вернувшись домой, он принял несколько капель nux vomica. Впрочем, этого метода лечения он больше не повторял.

принять активное участие в задуманной им тогда анархической революции. События 1873 года внушили ему мысль, что вожделенный момент приближается, что на этот раз сигнал к социальной революции подан будет Испанией, и что эта революция пойдет под знаменем Альянса.

9 февраля 1873 года король Амедей отрекся от престола, а 11 февраля в Испании провозглашена была республика. Президентом сделался Кастеляр. Но партийные конфликты не утихали. Началась ожесточенная борьба между умеренными и крайними республиканцами-федералистами. 10 апреля было избрано Учредительное собрание, которое 8 июня об'явило Испанию федеративной республикой. Но «непримиримые», находя, что в деле автономии отдельных местностей и кантонов правительство Пи-и-Маргаля не идет достаточно далеко, начали вооруженное восстание в различных пунктах страны. За ними в некоторых местах потащились на буксире и бакунисты.

Собственной политики испанский Альянс не имел никакой, так что даже там, где власть случайно, по воле событий, попадала в его руки, он не знал, что с нею делать. Во всяком случае нигде испанские бакунисты не пытались применить знаменитой анархической программы Альянса с упразднением государства, провозглашением всеобщего банкротства, разнузданием «дурных страстей», сожжением владельческих грамат, отменой частной наследственной собственности и т. д. Столь же мало они практиковали об'единение революционных коммун. Здесь их банкротство было еще более полным, чем в других странах.

С самого начала республики они постановили не вмешиваться в борьбу различных буржуазных клик и рекомендовали пролетариату воздержание от политической деятельности. И это в революционный период, когда решалась судьба страны! В результате рабочие массы пошли вразброд и голосовали за буржуазных крикунов из партии «непримиримых». Несмотря на тогдашнюю популярность Интернационала в Испании, испанские рабочие благодаря нелепой тактике анархистов почти не были представлены в Учредительном собрании.

Случайные выступления, вспыхивавшие в отдельных местах и лишенные плана, оставались разрозненными и умирали собственной смертью. Так, в Барселоне 20 июня в результате народной демонстрации группа социалистов во главе с бакунистом Виньясом овладела ратушей и учредила там «Комитет общественного спасения». Но через несколько дней, не зная, что делать, и, как водится, ссылаясь при этом на нежелание населения поддержать революционную попытку, инициаторы движения, вытолкнутые стихийной волной на поверхность, добровольно сошли со сцены.

Когда «непримиримые» начали восстание в ряде городов, Севилье, Гренаде, Малаге, Валенсии и пр., под лозунгом кантональной автономии, бакунисты, видя, что они остаются в стороне от революции, и не желая бороться за завоевание власти рабочими, каковое они считали величайшим грехом, все же решили хоть что-нибудь да сделать. И вот они решили провозгласить всеобщую стачку. Но всеобщая стачка, которая является в руках пролетариата могучим орудием борьбы, когда связана с ясно поставленной целью и не изолирована от других приемов классовой борьбы, особенно политической, превращается в бесполезную игру, когда она не ставит себе определенных задач и противополагается политической борьбе пролетариата. Так и вышло с всеобщей стачкой в Испании. Прежде всего (9 июля) она была провозглашена в Алькое, новом фабричном городе, где Альянс пользовался исключительным влиянием, и куда, как мы знаем, было даже перенесено местопребывание испанского федерального комитета, превращенного в безвластное «корреспондентское бюро». После того как мирная делегация рабочих к буржуазному мэру была обстреляна жандармами, началось восстание, которое закончилось тем, что рабочие овладели городом. Во главе движения стоял альянсист Северин Альбаррасин. Был учрежден «Комитет общественного спасения» — эвфемизм, под которым бакунисты скрывали временное революционное правительство, отвергаемое анархистской программой (ведь так же, как мы знаем, действовал и сам Бакунин в Лионе в сентябре 1870 года). Но так как альянсистское правительство не знало, что ему делать (а об осуществлении программы Альянса оно и не помышляло), то через пару дней, с подходом правительственных войск (тем временем во главе испанского правительства ввиду выхода в отставку Пи-и-Маргаля стал «унитарный» республиканец Сальмерон), «Комитет общественного спасения» сдал им власть, выговорив удовлетворение пустяковых экономических требований рабочих и обещание общей амнистии для участников выступления.

В другом городе, где движение поднято было тоже альянсистами, в Сан-Лукар де Баррамеда (недалеко от Кадикса), события развернулись приблизительно в той же форме. Здесь рабочие под руководством интернационалистов (бакунинского толка) прогнали буржуазную думу и заменили ее местным комитетом федерации Интернационала. Но и это альянсистское «правительство» вместо программы Альянса приняло ряд пустячных постановлений вроде разрушения церквей, обложения буржуазии контрибуцией в 25.000 дуро (около 50.000 рублей), обязательного предоставления капиталистами работы безработным и т. п. А 5 августа подошедший отряд правительственных войск вошел в город

без сопротивления и положил конец этой оригинальной «диктатуре пролетариата».

В других местах дело обстояло еще хуже: там альянсисты просто беспомощно плелись за буржуазными инсургентами, впрочем кроме Барселоны, где местные альянсисты сорвали вооруженное выступление провозглашением всеобщей стачки неведомо зачем и для чего. За исключением этого важнейшего промышленного центра, все остальные крупные города Испании (кроме столицы Мадрида) попали в руки «непримиримых» и присоединившихся к ним бакунистов. При этом никакой связи между отдельными очагами не было установлено, и сравнительно слабым правительственным силам удалось легко взять один город за другим и подавить движение. «Кантональное движение, — говорит доклад Новой Мадридской Федерации на женевском конгрессе Интернационала 1873 года, — было подавлено самым постыдным образом, почти без сопротивления; но, погибая, оно увлекло с собою в пропасть престиж и организацию Интернационала в Испании». И Энгельс был совершенно прав, когда свою статью «Бакунисты за работой» [1] закончил словами: «Бакунисты в Испании дали нам бесподобный пример того, как не следует делать революцию» [2].

Но в первый момент Бакуниным овладели старые надежды. Получив известие о происшествиях в Алькое и полагая, что они знаменуют начало широкого революционного движения, Бакунин решил лично поехать в Испанию, чтобы принять непосредственное участие в развертывавшихся событиях. Какие надежды он возлагал на испанскую революцию, видно отчасти из его известного мартовского письма 1872 года к Чельсо Черетти [3]. Здесь он между прочим говорит:

«В получаемых мною из различных мест этой страны письмах мне сообщают, что рабочие социалисты в Испании очень и очень серьезно организованы; и не только рабочие, но и андалузские крестьяне, среди которых социалистическая пропаганда велась с большим успехом, предполагают принять очень деятельное участие в готовящейся революции,

---

[1] Напечатана в «Volksstaat» 1873 года; неоднократно перепечатывалась в сборнике статей Энгельса по интернациональным вопросам. Ф. Энгельс — «Статьи 1871—1875 г.г.», изд. Союза Коммун Северной области, Петр., 1919, стр. 37.

[2] Этому не противоречит геройское поведение рабочих в отдельных боях. Так, в Севилье инсургенты, по признанию генерала Павиа, «дрались, как львы». Рядовые альянсисты сражались храбро, но, лишенные всякого руководства, ничего не могли поделать. В Валенсии так же храбро сражались рабочие — сторонники Генерального Совета.

[3] Напечатано в плохом переводе в сборнике «Наша Страна», Пет., 1907.

оказав на этот раз (?) поддержку политическим партиям, не смешиваясь, однако, с ними, и с очень определенным намерением придать этой революции открыто социалистический характер. Мы с беспокойством все ждем исхода предстоящих решительных событий. Весь юг Франции, до самого Парижа включительно, несмотря на все законы, вотированные версальскими аграриями, организуется, и эта организационная работа ведется под руководством наших союзников (т.-е. альянсистов.—Ю. С.)... Если революция восторжествует в Испании, это будет без сомнения громадной поддержкой для революции в Европе. Если она потерпит поражение, грозящая нам повсюду реакция станет еще более ужасной».

Задумав лично с'ездить в Испанию, он обратился с просьбою о средствах на дорогу к Карло Кафиеро, который в тот момент находился в Барлетте, куда он уехал реализовать полученное им наследство. В цитируемой ниже «Оправдательной Записке» Бакунин рассказывает, что Кафиеро по целому ряду соображений, а главное, из желания уберечь старого борца от риска и сохранить его для итальянских конспираций, отказал ему в потребных на поездку средствах. Тогда Бакунин обратился с просьбою о деньгах к Гильому, об'ясняя ему, что невозможность двинуться в Испанию приводит его в отчаяние. Гильом, по его словам, отнюдь не считал эту поездку Бакунина необходимой, но тем не менее сообщил ему, что может занять для этой цели 1.500 франков. Бакунин заявил, что этих денег ему мало, а юрцы поспешили сделать из этого неблагоприятные для Бакунина выводы, решив, что он постарел, устал и утратил прежний боевой дух [1].

Неттлау (стр. 758) передает сообщение Э. Малатесты, что Бакунин был крайне недоволен поведением испанских альянсистов, их бездеятельностью и нерешительностью. Он не замечал только, что все это вытекало из самой программы и тактики Альянса [2]. В «Оправдательной

---

[1] Личное сообщение Гильома автору этих строк (1913 г.). — А между тем Бакунин имел основание опасаться поездки в Испанию с недостаточными средствами, так как он прекрасно помнил, какие неприятные осложнения возникли на этой почве между ним и Фанелли в 1869 г.; у последнего во время его агитационной поездки по Испании (см. выше) не хватило денег, достать на месте он их не мог, — и в результате наступило временное охлаждение между ним и Бакуниным. А в 1873 г., когда Испания была взбудоражена революцией, рассчитывать на местные средства было бы еще более рискованно.

[2] Драгоманов («Письма», стр. 350) тоже сообщает об отрицательном отношении Бакунина к поведению испанских альянсистов. «Мы слышали, — говорит он, — что Бакунин вовсе не одобрял «воздержания» своих испанских друзей и в письмах к ним советовал участие в коммунистическом

Записке» он говорит о «жалком провале» испанской революции, который он приписывает «отсутствию энергии и революционной страсти как у вождей [1], так и у массы». И дальше он сознается, что события во Франции и в Испании нанесли всем его надеждам и чаяниям страшный удар: «Мы считали без масс [2], которые не хотели воодушевиться для собственного освобождения, а без этого народного воодушевления мы могли быть сколько угодно правы в теории, но мы были бессильны».

После Лионской попытки испанские события нанесли второй жестокий удар революционным верованиям Бакунина [3]. Скоро итальянские дела нанесли им окончательный удар, после которого старый боец не мог уже оправиться.

3. Отказ от публичной деятельности.

В начале сентября Бакунин выехал из Локарно в Берн к своему старому приятелю д-ру Адольфу Фохту. В Берне Бакунин провел весь сентябрь и часть октября 1873 года. Поездка эта была вызвана как личными, так и общественными мотивами.

Прежде всего Бакунин хотел посоветоваться с Фохтом насчет своего здоровья, которое уже в это время, как мы знаем, оставляло желать многого. Кроме того, решив по совету с товарищами принять швейцарское гражданство, Бакунин хотел через своих бернских друзей, в особенности через семью Фохтов, имевшую большие связи в официальных кругах, навести справки, даст ли ему швейцарская полиция возможность спокойно жить в Локарно, если он публично заявит, что впредь

(т.-е. кантоналистском.—*Ю. С.*) восстании, но друзья эти, очевидно, остались крепко верными § 4 бакунинского устава Alliance de la démocratie socialiste, отвергавшему всякое политическое действие, которое не будет иметь непосредственною и прямою целью торжество рабочего дела над капиталом»,— более верными, чем сам автор этого устава». Дело шло не об одном «воздержании», как думает Драгоманов, а об отсутствии программы пролетарской политики.

[1] В приводимом дальше разговоре с Дебогорий-Мокриевичем Бакунин отмечал тот факт, что испанские анархисты и не пытались применить программу Альянса (правда, там это передано в наивной форме: надо было, мол, начать с сожжения всех бумаг, документов и пр.).

[2] Так у Гильома (т. III, стр. 202; у Неттлау (стр. 758) сказано: «sur les masses», но это, вероятно, описка.

[3] Не забудем, что к этому же времени относится разрыв Бакунина с «Русским Братством», который также должен был болезненно на нем отразиться (см. выше).

отказывается от всякой революционной агитации. При этом он, разумеется, собирался также использовать влияние Фохтов и их друзей на швейцарские правящие сферы.

С другой стороны, Бакунин хотел быть поближе к Женеве, где в это время собрался конгресс анархического Интернационала. Этот конгресс, происходивший с 1 по 6 сентября 1873 г., состоял из представителей Англии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Голландии, Италии и Испании и (за исключением англичан) носил чисто анархический характер. Бакунин сам на конгрессе не участвовал и даже не считал удобным появляться в Женеве, чтобы избежать полицейского надзора и тенденциозных комментариев в буржуазной прессе, но он хотел повидать кое-каких делегатов с'езда, своих старых товарищей по Альянсу, а при случае завести и новые знакомства. Берн был в этом отношении удобным местом.

И действительно, после закрытия конгресса несколько испанских и французских делегатов — Фарга Пелисер, Виньяс, Алерини, Брусс и Пэнди — отправились в Берн для свидания и переговоров с Бакуниным. В середине сентября туда же для свидания с ним прибыли Гильом и В. Дав [1].

Во время пребывания Бакунина в Берне произошел окончательный разрыв его с русской группой Ралли, Эльсница и Гольстейна, о котором мы говорили выше.

Около середины сентября 1873 года появилась брошюра Генерального Совета «Альянс Социалистической Демократии». Энгельс, как видно из письма его к Зорге от 26 июля, думал, что брошюра эта сыграет роль бомбы и убьет Бакунина наповал. На самом деле в тот момент она такого действия не произвела. Во всяком случае она не подействовала на анархистов, которые предпочли ее замолчать. Энгельс думал (письмо к Зорге от 25 ноября), что это молчание об'ясняется их растерянностью перед содержащимися в брошюре разоблачениями насчет тайных происков Альянса. Отчасти, может быть, он и был прав, но в общем анархисты сделали вид, что относятся к ней с презрением ввиду ее «доносительного» и «клеветнического характера. Лично для Бакунина она несомненно была крайне неприятна. Но ему помогло то обстоятельство, что брошюра могла быть, а некоторыми и была истолкована как отрицание революционных методов борьбы вообще.

---

[1] Между прочим, за обедом у Фохтов, кроме Бакунина, Гильома и Дава, присутствовали: А. Рейхель со своим сыном Александром, впоследствии членом швейцарского федерального суда, и зять А. Фохта, Э. Мюллер, впоследствии бывший несколько раз президентом Швейцарского Союза.

Довольно показательным является отзыв о брошюре в лавровском журнале «Вперед» (№ 2, стр. 25 и сл.), который в общем скорее склонялся на сторону марксистского крыла Интернационала. Вот что там говорится:

«Это издание еще в большей мере, чем упомянутый выше мемуар Юрской федерации, носит на себе характер желчной полемики против личностей, стоящих в первых рядах федералистов, личностей, исключенных на Гаагском конгрессе из Интернационала. Это следовало из самой цели брошюры, а содержание ее оказалось полным частных фактов, которые не могли быть собраны иначе, как по слухам (?), и, следовательно, достоверность которых не могла быть неоспоримою для составителей... Брошюра появилась на французском языке, но ею немедленно воспользовались немецкие газеты. В Volksstaat (№№ 87, 88, 89, 90) появился ряд статей: «Бакунин-Калиостро». По поводу этого же помещена статья в Arbeiterwochenchronik. Наконец, венская Neue Freie Presse посвятила результатам этой брошюры два фельетона Карла Талера (14 и 15 октября) под названием «Красные иезуиты». Эти последние статьи, вышедшие из буржуазного лагеря, заслуживают особенного внимания... Может быть, авторы этой брошюры, как авторы всей подобной полемической литературы, имеют причину задуматься над некоторыми словами фельетона Талера. Он видит в брошюре попытку «Интернационала оградить себя от обвинения в тождестве с крайнею левою стороною социально-демократической партии», следовательно, защиту более умеренной политической программы... Талер видит даже в этой борьбе руководящих личностей Интернационала отражение национальной ненависти между немцами и русскими. Не знаем, как посмотрят на полученные результаты авторы брошюры. Большинство наших читателей, вероятно, разделит тяжелое чувство, с которым мы читали ее».

В это время, как удар грома с ясного неба, всех поразило письмо Бакунина, появившееся в буржуазной газете «Journal de Genève» от 25 сентября 1873 года в ответ на две статьи этой газеты от 14 и 19 сентября, в которых говорилось о русском революционере. Вот это письмо, в котором Бакунин во всеуслышание заявлял о своем решении прекратить политическую деятельность и уйти в частную жизнь.

«Милостивые государи,

«Не в моих привычках отвечать на газетные нападки и клеветы. Мне пришлось бы много возиться, если бы я захотел оспаривать весь вздор, который, начиная особенно с 1869 года, распространяется на мой счет.

«Среди самых ярых моих клеветников, на-ряду с агентами русского правительства, я ставлю естественно г. Маркса, главу немецких коммунистов, который, без сомнения, по причине своего тройного характера — коммуниста, немца и еврея — возненавидел меня, и который, хотя и заявляет, что столь же сильно ненавидит русское правительство, никогда не упускал случая, по крайней мере, по отношению ко мне, действовать в полной гармонии с ним. Чтобы очернить меня в глазах публики, г. Маркс не только прибегал к органам слишком угодливой прессы, но и пользовался интимной перепиской с комитетами, конференциями и даже конгрессами Интернационала, не поколебавшись обратить эту прекрасную и великую Ассоциацию, основанию которой он способствовал, в орудие своей личной мести.

«Вот и сейчас мне сообщают о выходе брошюры под заглавием: «Интернационал и Альянс» [1]. Как говорят, это доклад следственной комиссии, назначенной Гаагским конгрессом.

«Кто не знает теперь, что этот конгресс был просто марксистской подделкой, и что эта комиссия, в которой заседали два шпиона (Дантрег и Ван-Эддегем) [2], приняла резолюции, мотивировать которые она сама признала себя неспособной, требуя от конгресса вотума доверия; единственный честный член комиссии решительно протестовал против этих одновременно возмутительных и смехотворных заключений в докладе меньшинства.

«Недовольный неумелостью своих агентов, г. Маркс взял на себя труд самому составить новый доклад, который он публикует теперь за своей подписью и за подписью нескольких своих приближенных.

«Эта новая брошюра, как мне говорят, представляет форменный жандармский донос на общество, известное под названием Альянса. Увлеченный своей бешеной ненавистью, г. Маркс не побоялся заушить самого себя и выступить публично в роли полицейского доносчика и клеветника. Это его дело, и раз это ремесло ему нравится, пусть им занимается. И не для ответа ему я сделаю исключение из усвоенного мною правила молчания.

«Однако на этот раз я считаю нужным сделать это исключение для опровержения лжи или, говоря более парламентским языком, ошибок, вкравшихся на столбцы вашей газеты.

---

[1] Речь идет о брошюре «Alliance de la démocratie socialiste».

[2] Дантрег не был членом комиссии, но был членом Гаагского конгресса; шпионом он стал, видимо, позже. Ван-Эддегем был не шпионом, а предателем и безобразно вел себя на процессе 1873 года (во Франции).

«В № вашей газеты от 14 сентября, которого я не мог достать, вы, как мне сообщают, перепечатали корреспонденцию какого-то парижского листка, Liberté или Journal des Débats, в котором какой-то аноним развязно утверждает, что он слышал, как я признавал или даже хвастался тем, что был причиною всех революционных потрясений в Испании. Это просто-напросто глупо. С таким же основанием можно было бы сказать, что я вызвал все бури, которые в течение этого года опустошали океан и землю.

«Систематически клевеща на меня, эти господа в конце концов меня обожествят.

«Должен ли я уверять вас, что я никогда ничего подобного не говорил? Я даже уверен, что никогда не встречал этого господина, и приглашаю его назвать себя и указать день и место, где мы встречались.

«Но вы сами, господа, в № вашей газеты от 19-го приписываете мне произведения, к опубликованию которых я не причастен [1]. Поэтому я позволю себе обратиться к вам с просьбой, которую ваше чувство справедливости не позволит вам отклонить. В другой раз, когда вы вздумаете предоставить мне честь ваших нападок, обвиняйте меня только за те сочинения, которые подписаны моим именем.

«Сказать вам правду? Все это возбудило во мне глубокое отвращение к общественной деятельности. Она мне надоела, и, проведя всю жизнь в борьбе, я от нее устал. Мне уже перевалило за 60, и усилившаяся с возрастом болезнь сердца делает мое существование все более тяжелым. Пусть возьмутся за работу другие, более молодые; я же не чувствую в себе уже нужных сил, а может быть, и нужной веры, чтобы продолжать катить Сизифов камень против повсюду торжествующей реакции.

«Поэтому я ухожу с арены и прошу у моих дорогих современников только одного — забвения.

«Отныне я не нарушу ничьего покоя, пусть же и меня оставят в покое.

«Был ли я слишком высокого мнения о вашей справедливости, господа, выражая надежду, что вы не откажетесь напечатать это письмо?

«Михаил Бакунин».

А через несколько дней после того, перед от'ездом из Берна, Бакунин написал другое письмо к товарищам по Юрской федерации, в котором, ссылаясь на свое решение уйти в частную жизнь, просил принять

---

[1] Речь шла о брошюрах нечаевского периода, принадлежавших именно Бакунину.

его отставку как члена Интернационала. Письмо это было опубликовано в «Бюллетене Юрской Федерации» от 12 октября 1873 года. В нем говорилось:

«Дорогие товарищи,

«Я не могу и не должен оставить общественную деятельность, не обратившись к вам с прощальным словом признательности и симпатии

«За те приблизительно четыре с половиной года, что мы знаем друг друга, несмотря на все козни наших общих врагов и низкие клеветы, которые они распространяли на мой счет, вы сохранили ко мне уважение, дружбу и доверие. Вы даже не дали себя запугать прозвищем «бакунистов» [1], которое они вам бросали в лицо, предпочитая иметь вид несамостоятельных людей, чем остаться с уверенностью в том, что вы совершили несправедливость.

«Впрочем, вы всегда и в такой высокой мере сознавали независимость и полную самостоятельность своих мнений, стремлений и действий, а коварные намерения наших противников были столь прозрачны, что вы не могли не отнестись с глубочайшим презрением к их клеветническим и оскорбительным инсинуациям.

«Вы так и поступили, и именно потому, что у вас для этого хватило мужества и выдержки, вы за последнее время одержали такую полную победу над тщеславной интригой марксистов в интересах свободы пролетариата и всей будущности Интернационала.

«При мощной поддержке своих братьев из Италии, Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Америки, вы вернули великую Международную Ассоциацию Трудящихся на путь, с которого не удалось ее совлечь диктаторским замашкам г. Маркса.

«Оба только что состоявшиеся в Женеве конгресса [2] были торжественной, решительной демонстрацией правоты и вместе с тем мощи вашего дела.

«Ваш конгресс, конгресс свободы, об'единил делегатов всех главнейших федераций Европы, за исключением Германии; и он громко возвестил и широко установил или, скорее, подтвердил автономию и братскую солидарность трудящихся всех стран. Авторитарный или марксистский конгресс, составленный исключительно из германцев и швейцарских рабочих, которые, видно, прониклись отвращением к свободе, тщетно пытался склеить разбитую и отныне ставшую смехотворной диктатуру г. Маркса.

---

[1] Бакунин пишет «бакунинистов» (bacouninistes).

[2] В Женеве состоялись два конгресса обеих половин Интернационала.

«Рассыпав налево и направо много оскорблений, как бы для того, чтобы твердо констатировать свое женевско-германское большинство, они пришли к ублюдочному результату, уже не являющему собой интегрального авторитета, о котором мечтал г. Маркс, и еще менее представляющего собою свободу; они расстались, глубоко обескураженные и недовольные самими собою и другими. Этот конгресс был похоронами.

«Итак, ваша победа, победа свободы и Интернационала против авторитарной интриги, представляется полной. Вчера, когда она еще могла казаться неверной, — хотя я лично никогда в ней не сомневался, — вчера, говорю я, никто не вправе был покинуть наши ряды. Но сегодня, когда победа стала совершившимся фактом, каждому предоставлена свобода действовать согласно его личным взглядам.

«И я пользуюсь этим, дорогие товарищи, чтобы просить вас принять мою отставку как члена Юрской федерации и члена Интернационала.

«У меня есть на то целый ряд мотивов. Не думайте, что на это я решился, главным образом, вследствие личных неприятностей, постигших меня за последние годы. Я не говорю, что бы я был абсолютно ким нечувствителен[1]; но я нашел бы в себе достаточно сил для противодействия им, если бы думал, что мое дальнейшее участие в вашей работе могло бы быть хоть сколько-нибудь полезно для торжества пролетарского дела. Но в том-то и дело, что я этого не думаю.

«По своему происхождению и личному положению, но, конечно, не по своим симпатиям и стремлениям, я не кто иной, как буржуа, и, как таковой, я могу среди вас заниматься только пропагандой. Так вот, я убежден, что время длинных теоретических речей, печатных или устных, прошло. За последние 9 лет в недрах Интернационала было развито больше идей, чем их требовалось бы для спасения мира, если бы одни идеи могли его спасти, и пусть-ка кто-нибудь придумает еще какую-нибудь новую.

«Теперь настала пора не идей, а фактов и актов. В настоящее время прежде всего нужна организация сил пролетариата[2]. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата. Если бы я был молод, я бы вошел в рабочую среду и, разделяя трудовую

---

[1] Курсив мой. Ясно, что атаки марксистов больно его задевали, как мы выше и указывали.

[2] Курсив мой.

жизнь моих собратьев [1], я вместе с ними принял бы также участие в великом труде этой необходимой организации. Но ни мой возраст, ни состояние моего здоровья не позволяют мне сделать это. Напротив, они диктуют мне уединение и покой. Каждое усилие, каждая лишняя поездка становится для меня очень серьезным делом. Морально я чувствую себя еще достаточно сильным, но физически я сейчас же устаю и не чувствую в себе уже нужных сил для борьбы. Поэтому в лагере пролетариата я буду уже не помощником, а помехой.

«Вы видите, дорогие товарищи, что́ заставляет меня уйти в отставку. Живя далеко от вас и далеко от всего света, какую пользу смогу я принести Интернационалу вообще, Юрской федерации в частности? Ваша великая и прекрасная Ассоциация, отныне всецело боевая и всецело практическая, не должна терпеть в своей среде ни синекур, ни почетных мест.

«Итак, дорогие товарищи, я ухожу с чувством глубокой признательности к вам и симпатии к вашему великому, святому делу, — делу человечества. Я буду с братской тревогой следить за всеми вашими шагами и с наслаждением буду приветствовать всякий ваш новый успех.

«До смерти я буду ваш.

«Но на прощание позвольте дать вам последний братский совет. Друзья мои, международная реакция, центр которой теперь находится не в бедной Франции, шутовски посвященной Святому Сердцу, но в Германии, в Берлине, и которая в такой же степени представляется социализмом г. Маркса, как и дипломатиею г. Бисмарка, эта реакция, ставящая себе конечной целью пангерманизацию Европы, грозит теперь все поглотить и все извратить. Она об'явила беспощадную войну Интернационалу, ныне представленному исключительно автономными и свободными федерациями. Хотя вы входите в состав еще свободной республики, но вы обязаны, подобно пролетариям всех других стран, бороться с ней, так как она становится между вами и вашей конечной целью, освобождением пролетариата всего мира.

«Борьба, которую вам придется выдержать, будет ужасна. Но не падайте духом и знайте, что, несмотря на колоссальную материальную силу ваших противников, конечное торжество обеспечено вам, если только вы станете строго соблюдать следующие два условия: 1) держитесь твердо принципа великой и широкой народной свободы, без которой само равенство и сама солидарность были бы простым обманом; 2) орга-

---

[1] Так и делали его последователи в России в эпоху «хождения в народ».

низуйте все более международную практическую боевую солидарность рабочих всех ремесл и всех стран, и помните, что, будучи бесконечно слабыми как отдельные лица, местности или страны, вы обретете в этом всемирном коллективе колоссальную, непреодолимую силу.

«Прощайте. Ваш брат
«Михаил Бакунин».

Когда появились эти письма Бакунина, ближайшие его друзья сочли их простой военной хитростью; они думали, что Бакунин, выдавая себя за уставшего революционера, жаждущего покоя, выполняет план, условленный между ним и Кафиеро (см. ниже), для того, чтобы с большею безопасностью предаться итальянским революционным конспирациям. Но скоро им пришлось изменить свое мнение.

Вот что говорит по этому поводу Гильом (т. III, стр. 148): «В момент появления этих писем, все мы, друзья Бакунина, полагали, что фразы, в которых он об'являет себя уставшим, больным, жаждущим отдыха и покоя, предназначены были для замаскирования его действительных намерений и настроения: это, говорили мы себе, было осуществление плана, составленного им вместе с Кафиеро, плана, согласно которому Бакунин должен был принять вид «усталого и разочарованного» революционера, для того, чтобы получить возможность свободно заняться конспирацией. Но то, что произошло в течение следующих девяти месяцев, убедило меня в нашей ошибке: разочарование и усталость, о которых говорил Бакунин, были не только видимостью; он действительно устал и разочаровался в работе; и когда он писал в Journal de Genève: «Мне это надоело... Я не чувствую в себе уже нужных сил, а п о ж а л у й, и н у ж н о й в е р ы, чтобы продолжать катить Сизифов камень... Отныне я не нарушу ничьего покоя, пусть же и меня оставят в покое», он правильно выразил свою заветную мысль».

О впечатлении, произведенном заявлениями Бакунина на посторонюю публику, можно судить по следующим двум откликам: первый представляет заметку, появившуюся в № 2 лавровского журнала «Вперед» (стр. 60 — 64), а второй — дневник студентки Е. Ель, который мы уже цитировали («М. А. Бакунин в Швейцарии», «Сев. Вестник», 1898, апрель).

Вот что сказано было в журнале «Вперед»:

«Наш известный соотечественник и давнишний агитатор, сначала на политической почве, в последние годы на социальной, М. А. Бакунин, заявил публично, что он сходит со сцены общественной деятельности.

Насколько мы слышали, для довольно близких его товарищей по этой деятельности было совершенною неожиданностью появление в Journal de Genève 25 сентября письма М. А. Бакунина (дальше идут цитаты из этого письма).

«Конечно, телеграммы об этом письме, помещенном в одном из журналов, наиболее враждебных рабочему движению, появились во всех главных газетах, но, к общему удивлению, органы федералистов Интернационала молчали. Лишь 12 октября «Бюллетень» Юрской федерации напечатал прибавление, где поместил как предыдущее письмо, так и другое, обращенное уже к единомышленникам, и где выставлены уже совершенно иные поводы для поступка М. А. Бакунина (идут цитаты и из этого письма).

«Для лиц, которых могло бы беспокоить положение нашего известного агитатора в его годы и при том болезненном состоянии, о котором он пишет, сообщаем нашим читателям известие, которое мы имеем право считать верным на основании источников, из которых мы его имеем: будущее М. А. Бакунина в некоторой степени обеспечено его иностранными друзьями, купившими ему в собственность дом в Локарно, в котором он теперь живет» [1].

А вот что записала в своем дневнике Е. Ель, голос которой отражает настроения обывательской публики, лишь одним краем причастной к революции.

«Давно уже ничего не слышно было о Бакунине, и вдруг сегодня в газетах заявление, что Михаил Александрович оставляет свою политическую деятельность и отныне будет принадлежать исключительно своей семье; он просит забыть его и простить (?). Но ведь это очень и очень много. По поводу бакунинского заявления в Цюрихе идут толки. Последователи смущены. Кажется, так недавно этот гигант был среди них, полный энергии и жизни, и вдруг так неожиданно бросает свое стадо! Многие сторонники противной (повидимому, лавровской. — *Ю. С.*) партии не верят искренности заявления и видят в нем какой-то умысел (курсив мой). Много говорят также об особенностях семейной жизни Бакунина. Некоторые утверждают, что он женат на красивой и ловкой польке, которая содействовала его побегу из России: у них есть маленький сын. Вообще Бакунин служит предметом нескончаемых разговоров и разных предположений и догадок. Друзья Бакунина и те не могли понять, как он вздумал жениться. И ему ли уходить в семейную жизнь?».

---

[1] Итак, какие-то слухи о «Баронате» уже проникли тогда в публику.

Так или иначе, но этими двумя письмами публичная революционная деятельность Бакунина, начавшаяся в 1842 году статьей Жюля Элизара, закончилась. Тридцать лет слишком этот человек неутомимо стоял на посту, сражаясь в первых рядах бойцов за свободу, и теперь сходил со сцены. Но перед этим ему пришлось пережить еще один, быть может, самый жестокий удар, сваливший его окончательно. Мы имеем в виду инцидент с «Баронатой» и крах его надежд на итальянскую революцию.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НА ЗАКАТЕ.

Глава первая.

ИНЦИДЕНТ С «БАРОНАТОЙ».

1. Начало «Баронаты».

Теперь нам приходится рассказать о том плане, который был выработан Бакуниным совместно с Кафиеро и выполнение которого интимные друзья Бакунина усмотрели в его письмах, содержавших заявление об отказе от революционной деятельности и об уходе в частную жизнь. Именно к лету 1873 года относится начало инцидента с «Баронатой», который должен был отравить последние годы Бакунина и нанести окончательный удар его усталому и больному сердцу.

Кафиеро, который после смерти своего отца должен был получить крупное наследство, решил пожертвовать его на дело итальянской социальной революции. В первую голову он назначил тысяч 20 франков на приобретение в Локарно дома, собственником которого должен был номинально числиться Бакунин, и который служил бы притоном для итальянских революционеров. В этом доме предполагалось устроить тайную типографию и склад оружия для предполагавшихся боевых выступлений.

Бакунин охотно принял предложение Кафиеро. Старый революционер, одолеваемый физическими немощами и подавленный неудачей своих революционных предприятий, действительно устал [1] и думал воспользо-

[1] Гильом (т. III, стр. 96) прямо говорит: «В этом доме старый революционер, в то время уже подумывавший об отходе от активной работы (курсив мой), для виду вел бы буржуазное существование; считалось бы, что он получил из России от своих братьев причитавшуюся ему часть отцовского наследства».

ваться предложением своего горячего последователя и друга для того, чтобы устроить спокойный угол для себя и для своей семьи, не переставая при этом по мере последних сил служить революции. Хотя яд скептицизма уже проник в его сердце, и теперь он уже не питал прежних надежд на близкий взрыв социальной революции, тем не менее он не отказывался принять участие в новых революционных выступлениях, мечтая закончить свою долгую революционную карьеру смертью на баррикаде. «Умереть как Самсон» [1] — такова была его последняя мечта, мечта человека, который не чувствовал в себе уже сил для того, чтобы продолжать жить и бороться как библейский герой. Летом 1873 года, как мы знаем, Бакунин решил лично отправиться в Испанию, чтобы там с оружием в руках сражаться рука об руку со своими учениками. Рассчитывая сложить в Испании свою буйную голову, он взял с Кафиеро обещание позаботиться о его жене и детях в случае его смерти. Но денег на поездку Кафиеро Бакунину не дал, так как, по его мнению, присутствие старого бойца было нужно здесь на месте для итальянских дел.

Этот план был выработан зимою 1872 — 1873 года. Арест Кафиеро в Болонье в марте 1873 года задержал его осуществление. Но выпущенный в мае Кафиеро поспешил к себе на родину в Барлетту для реализации доставшегося ему состояния. Бакунину поручено было тем временем подыскать подходящий дом, при чем Кафиеро выдал ему доверенность на приобретение этого дома на свое, Бакунина, имя. Бакунин подыскал дом, расположенный по дороге из Локарно в Беллинцону на берегу озера Лаго Маджоре (недалеко от Локарно). Приобретение было неудачно, так как на приспособление помещения пришлось затратить крупные средства, в результате чего Кафиеро через год разорился, а это вызвало ссору его с Бакуниным, на которого молодежь возложила ответственность за неудачу всего дела.

Сажин в своем рассказе об этой истории связывает решение Кафиеро и Бакунина относительно приобретения «Баронаты» с намерением швейцарского правительства выслать Бакунина за пределы страны. Это решение, по словам Сажина, стало известно друзьям Бакунина летом 1873 года, и тогда якобы возникла мысль превратить Бакунина в собственника, чтобы избавить его от приставаний швейцарской полиции. Но Сажин, повидимому, ошибается. По указаниям Бакунина и Гильома план этот возник гораздо раньше, а именно зимой 1872 — 1873 года.

---

[1] Его собственное выражение в переписке с Огаревым.

Вот что сообщает Сажин [1]: «Летом 1873 года из Берна друзья Бакунина предупреждали его, что в федеральном правительстве под давлением иностранных держав обсуждается вопрос о переселении его во внутренние кантоны или даже прямо об изгнании его из Швейцарии. Вполне естественно, что это известие сильно встревожило Бакунина и всех нас, связанных с ним общей революционной деятельностью, а в особенности итальянцев, у которых тогда под его непосредственным влиянием шла кипучая работа в Интернационале. Вот в это-то время, между прочим, и под влиянием этих известий, зародилась мысль об известном письме Бакунина в Journal de Genéve, о приобретении какой-либо земельной собственности или о переселении его на остров Мальту.

«Первая мысль о переселении на Мальту явилась у самого Бакунина, который надеялся, что там ему возможно будет вполне спокойно заниматься революционной деятельностью, конечно, не среди жителей Мальты. Очень скоро от Мальты пришлось отказаться после того, как собраны были различные сведения о местных властях, местном обществе и т. д., которые все оказались чрезвычайно неблагоприятными для появления там Бакунина. Итальянцы (в особенности Кафиеро) энергично защищали мысль о приобретении имения, небольшой виллы, на имя Бакунина. Если он сделается собственником клочка земли, тогда со стороны властей он будет неуязвим, и его оставят в покое в Локарно. Между прочим из Берна тоже указывали на приобретение какой-либо, хотя бы незначительной, собственности, как на возможность избавиться в будущем от такого рода неприятностей. Кроме этого, итальянцы давно лелеяли мысль устроить на швейцарской территории поблизости итальянской границы склад оружия, типографию, убежище для лиц, преследуемых полицией. Теперь им представлялся прекрасный случай осуществить этот проект. Они почти не считались с тем, что сожительство Бакунина с типографией, складом и т. д. представляло некоторую опасность для первого. Должен при этом сказать, что мне с самого начала не нравился план сделать собственника из действующего анархиста-революционера Бакунина. На все мои возражения от меня требовали указать выход из создавшегося положения, тогда как иного выхода я не находил. Пом-

---

[1] В статье «Бакунин и его (?) вилла Бароната», напечатанной в «Голосе Минувшего», 1915, № 5 (а не 4, как он указывает в своей книге), за подписью А. Росс, и перепечатанной в «Воспоминаниях» Сажина, стр. 86 и сл. Нужно заметить, что статья эта была написана М. Сажиным в опровержение моей статьи «Последние годы М. Бакунина», напечатанной в той же книжке журнала, и в ней Сажин пытался оправдать свое поведение в инциденте с «Баронатой». Этим об'ясняется и тон, и содержание статьи Сажина.

нится, я указывал на то, что если крайняя необходимость заставляет прибегнуть к такому средству, то, по крайней мере, пусть он будет только номинальным собственником, не будет ею пользоваться, не будет там жить.

«Касались вопроса и о принятии Бакуниным швейцарского гражданства, но, конечно, это тотчас же пришлось признать невозможным. Оно потребовало бы много времени, много хлопот и много средств, а в конце концов очень легко мог получиться отрицательный результат.

«Итак, все говорило за приобретение собственности, но, конечно, окончательное решение этого вопроса принадлежало Бакунину и Кафиеро. Они оба решили его в положительном смысле, и с этого времени Кафиеро начал усиленно хлопотать об ускорении получения своего наследства. В конце сентября я приезжал к Бакунину в Локарно, и тогда уже ими подыскивалась небольшая вилла. Бакунин говорил мне, что он старается принять все меры к тому, чтобы его внешняя жизнь ничем не отличалась от жизни обыкновенного швейцарского обывателя».

Сам Бакунин в своем «Mémoire Justificatif» (Оправдательная записка), написанном 28 — 29 июля 1874 года, уже после ссоры с Кафиеро, в целях самооправдания, рассказывает о первом акте злополучного инцидента следующее [1].

«Эмилио (Беллерио) знает о начале Баронаты. Уже давно, осенью 1872 или зимою 1873 г., Кафиеро вдруг пришла мысль купить в Локарно дом с большим или меньшим участком земли, номинальным собственником коего был бы я, в котором я постоянно жил бы со своей семьей, и который вместе с тем служил бы для остановок, убежища и временного пребывания всех наших близких товарищей. В течение всей зимы 1872 — 1873 г. в наших личных беседах и в моей переписке с Кафиеро говорилось только об этом.

---

[1] Эту записку Бакунин послал из Шплюгена (см. ниже) своему молодому локарнскому приятелю Э. Беллерио, который должен был дать ее для прочтения Кафиеро и жене Бакунина, а затем уничтожить. В сентябре 1874 года Кафиеро передал этот документ на хранение Гильому, который вспомнил о желании Бакунина только через 24 года и в 1898 году сжег его вместе с рядом других документов по истории Альянса. Но, к счастью для исторической науки, Беллерио, без ведома Кафиеро, скопировал этот документ, который впоследствии (в 1899 г.) был найден в Неаполе Максом Неттлау и опубликован в различных местах его литографированной биографии Бакунина. Гильом использовал его, по Неттлау, в своей истории Интернационала, но сделал из него несколько тенденциозные выдержки (отчасти в целях самореабилитации, отчасти для замаскирования тайного общества Бакунина). На эту тенденциозность Гильома указывал и сам Неттлау.

«Летом 1873 г. испанская революция, казалось, должна была принять вполне победоносный характер. Мы сначала возымели было намерение послать туда одного из наших товарищей, а затем, по настоянию наших испанских друзей, я решил сам туда поехать. Но для этой поездки нам нужны были деньги, а единственным нашим источником был Кафиеро. Кафиеро же не мог их дать нам, так как еще не закончил своих дел с братьями. Я и один молодой друг (Малатеста.—*Ю. С.)* решили нажать на него; но так как было бесполезно и почти невозможно сделать это посредством письма, то молодой друг уехал к нему (в Барлетту. — *Ю. С.)*. Там его арестовали. Тогда мне поневоле пришлось списаться с Кафиеро, пользуясь условленным между нами условным языком. В одном из своих писем, отвечая на его энергичные возражения против моего от'езда, я доказал ему его неотложность и одновременно сообщил ему о моем решении выехать тотчас же по получении от него необходимой суммы. К этому я прибавил просьбу, чтобы он взял на себя заботы о моей жене и детях в случае, если в Испании я найду смерть. В те времена я питал безграничную веру в Кафиеро, которого сам любил от всей души. Со времени нашей первой встречи весною 1872 года он проявлял по отношению ко мне безмерную, почти сыновнюю нежность. Поэтому я полагал, что в таком крайнем случае я могу обращаться к нему с полной уверенностью. И действительно, я не ошибся в своих ожиданиях. Он ответил письмом, исполненным братской привязанности, и обещал взять на себя заботу о моей семье. Но вместе с тем он снова протестовал против моего от'езда и—как крайний довод—не послал мне нужных на дорогу денег, потому ли, что их не имел, или же потому, что решил на эту поездку денег мне не давать. Тогда он смотрел на меня как на драгоценное существо, которое абсолютно необходимо для нашего интимного кружка и которое, следовательно, нужно сохранить во что бы то ни стало, даже против его воли. Теперь он, кажется, дошел до того, что смотрит на меня, как на ненужную старую тряпку, которую следует выбросить вон. Он думает, что ошибся тогда, как ошибается и теперь. Я никогда не был драгоценен, как ему угодно было думать год тому назад, и не так бесполезен, как он думает теперь. Но оставим это [1].

---

[1] Жена Кафиеро в своих воспоминаниях («Карло Кафиеро», «Голос Минувшего», 1914, № 5, стр. 125) также говорит о дружбе Бакунина и его молодого прозелита. «Отношения М. А. Бакунина и Кафиеро были самые близкие и дружеские. Любя до поклонения Михаила Александровича, Кафиеро был безгранично предан ему, заменял для него сестру милосердия, няньку, ухаживал за ним как за ребенком. В то время Бакунин уже начал хворать, не мог без посторонней помощи вставать по утрам. Каждый день

«В августе 1873 года Кафиеро приехал, наконец, в Локарно, разделавшись со своими братьями, и привез мне деньги. Я не помню точно суммы, но он ее найдет записанной в большой книге счетов, которую я передал ему накануне своего выезда (из Баронаты в июле 1874 г.—*Ю. С.*). Все, что я знаю и чего он без сомнения не станет отрицать, так это то, что расходование этих денег обсуждалось нами обоими совместно до мельчайших подробностей. Между прочим, несколько тысяч франков из этой суммы (см. большую книгу) было ассигновано на первый взнос за Баронату, которую я незадолго до того приобрел не только с его согласия, но вследствие его настойчивейших требований. Сначала это показалось затратой всего лишь четырнадцати тысяч франков, затем эта сумма возросла еще на четыре тысячи франков вследствие промаха Киезы [1], прозевавшего два луговых участка, которые входили в состав поместья и без которых, по словам Гавирати [2] и по общему мнению, вся недвижимость не имела никакой цены.

«С этого-то момента и начинается история наших выдумок и фантастических предприятий. Ставшая нашей собственностью Бароната состояла тогда из старого дома, совершенно запущенного большого виноградника, небольшого огорода и конюшни без добавочной пристройки для сарая и верхней комнаты. Было совершенно очевидно, что в старом доме имеется слишком мало комнат для размещения всей моей семьи и всех близких друзей, которые должны были временно проживать вместе с нами. Для устранения этого недостатка было только два способа: или расширить старый дом, прибавив пару довольно больших комнат позади галлереи, или же выстроить новый дом. Я решительно высказался за первое средство: у меня было какое-то предчувствие, что постройка нового дома (пропущено несколько слов вроде: «повлечет за собою печальные последствия».—*Ю. С.*),... и мне казалось, что пристройка двух комнат вполне удовлетворила бы наши потребности. Но на это мне указали, во-первых, что дом сырой, а сырость, как говорил д-р Якоби, который с женою и с Зайцевыми сопровождали нас во время осмотра дома, была бы смертельна для моего драгоценного здоровья; а

по утрам слышался по всему дому громкий призыв: «Карло! Карло!» — и Кафиеро, где бы он ни был, чем бы он ни был занят, оставлял все и бежал на этот зов. И пока Карло не разотрет онемевшей руки или спины, боли в которой не давали Мих. Алекс. покоя, Бакунин не мог встать с постели. У Кафиеро у самого в то время уже начинались приступы сильной головной боли, но, несмотря на свои тяжкие страдания во время этих припадков, он никогда не отказывал в помощи больному Бакунину».

[1] Ремиджо Киеза — тессинский приятель Бакунина.

[2] Локарнский аптекарь, приятель Бакунина.

это драгоценное здоровье было тогда предметом особых забот Кафиеро, насколько можно было судить по его словам; теперь я не знаю, думал ли он то, что говорил, в чем тогда я был убежден, ибо только в самое последнее время я стал замечать, что нередко слова его сильно расходятся с его затаенными мыслями по отношению как ко мне, так и ко всем остальным людям. Кроме того, прибавляли — и это замечание исходило именно от Кафиеро, — что пристройка двух комнат не удовлетворила бы намеченных задач; и, наконец, что обе новые комнаты, совершенно лишенные солнца, были бы чрезвычайно нездоровыми.

«Итак, вопреки моему мнению, решено было строить новый дом. Поднялись на гору по такой крутой тропинке, что я не мог их сопровождать, и еще два месяца спустя я не знал, какое место выбрано для постройки нового дома. Острога (т.-е. Мрочковский. — *Ю. С.)* участвовал в этом и был приглашен Кафиеро набросать план нового здания. Острога набросал два плана: один значительно больший, согласно указаниям Кафиеро; другой поменьше—план нынешнего дома, с некоторыми изменениями и улучшениями, предложенными инженером Галли.

«Кафиеро со свойственным ему иногда упрямством в продолжение долгого времени стоял за большой дом. Для него прежде всего вопрос шел о сохранении моего драгоценного здоровья, и он просил д-ра Якоби указать ему основные условия гигиенической обстановки. В силу этих, тогда преобладавших, соображений мне отвели не одну, а обе большие и лучшие комнаты нижнего этажа между коридором и салоном, когда, наконец, решили ограничиться постройкой меньшего дома. Иначе обстояло дело с проектом большого дома. Кафиеро советовал даже Остроге устроить рядом с двумя лучшими, предназначавшимися для меня, комнатами, с одной стороны, обширную оранжерею, где я мог бы дышать напоенным запахом цветов воздухом, а с другой — ванную и пр., и пр.

«Кафиеро помнит, что доктор Якоби, верный фантастическим и софистическим привычкам своего ума, утверждал тогда, что медицинская наука располагает верными средствами продления человеческой жизни, если не навсегда, то во всяком случае на неопределенное время, хотя бы речь шла о таком больном старике, как я. Я не берусь утверждать, чтобы Кафиеро отнесся к его словам с полной верой, но он слушал его с большим вниманием и просил Якоби предписать мне потребный режим, а меня — подчиняться ему. Если Кафиеро этого не помнит, пусть обратится к прекрасной памяти Зайцева, в присутствии которого этот вопрос неоднократно ставился и самым серьезным образом обсуждался. Теперь, когда я убедился в присущем ему притворстве, о котором в то время я не мог и подозревать, я склонен допустить, что в душе он просто смеялся

над всеми нами. Но ничто, по крайней мере, насколько я знаю, не давало ему права или могло подсказать ему желание поступать таким образом. Все его слова и действия дышали полным доверием и внушали мне безграничную веру в его дружбу.

«Тогда-то Кафиеро впервые и с большой горячностью высказал ту мысль, которой он оставался упорно верен вплоть до своего возвращения из России. Он говорил, что отныне я должен воздерживаться от всяких активных революционных выступлений, что я должен предоставить это молодежи, оставаясь сам всегда деятельным и всегда скрытым и хорошо замаскированным центром перманентного интернационального заговора. Я все время оспаривал эту мысль не в отдельных ее частностях, в которых я с ним соглашался, а в ее основе, так как в случае моего согласия с нею она неизбежно должна была меня обречь на весьма незавидную и в особенности совершенно бесполезную роль какого-то Далай-Ламы, откармливаемого с огромными тратами на благо всего мира. Я соглашался с Кафиеро в том, что состояние моего здоровья, моя отяжелелость, болезнь сердца и связанная с нею окоченелость членов и движений делают меня мало способным к авантюристическим предприятиям, для которых прежде всего требуются физическая сила, гибкость и испытанная подвижность. Но я всегда отстаивал свой долг и свое право броситься во всякое революционное движение, которое примет более или менее общий, прочный и серьезный характер, и всегда чувствовал и думал, что наиболее желанным для меня концом была бы смерть посреди великой революционной бури.

«Впрочем, в то время наши разговоры приняли характер чисто академических рассуждений; обстоятельства были таковы, что о революционных экспедициях нечего было и помышлять. Испанская революция только что самым жалким образом провалилась благодаря отсутствию энергии и революционной страсти, как у вождей, так и у масс, а весь остальной мир был погружен в состояние самой мрачной реакции. Одна лишь Италия являла некоторые симптомы революционного пробуждения, но нужно было еще много поработать, чтобы из него создать народную силу. Поэтому я соглашался с Кафиеро, что не только я, но и все мы должны на время возможно тщательнее замаскироваться для того, чтобы получить возможность тем лучше работать тайно, а для этого не представлялось ничего лучшего, как принять по всей линии маску мирных и преданных материальным интересам буржуа.

«Соответственно этой новой системе и было условлено, что я, как постоянный центр общества, приму более, чем когда-либо, вид усталого и разочарованного революционера, потерявшего все иллюзии и вслед-

ствие этого со всей страстью погрузившегося в материальные интересы собственности и семьи. Это стало тем более необходимым, что весь наш кружок сделался не только об'ектом преследования и шпионажа со стороны всех правительств, но и предметом яростных нападок всех более или менее социалистически настроенных революционеров других партий, а в особенности я, ставший об'ектом доносов и низкой клеветы со стороны немцев и евреев из школы г. Маркса и К°.

«Итак, мне надлежало принять вид состоятельного буржуа, целиком поглощенного интересами семьи. Здесь имелось некоторое довольно серьезное неудобство, не ускользнувшее от нашего внимания. Все знали, что до тех пор я был очень беден и жил почти на грани нищеты. Как об'яснить публике столь чудесную и внезапную перемену в моем имущественном положении? Мы много обсуждали с Кафиеро этот вопрос и решили, что, во-первых, не обязаны давать отчет буржуазному миру, к которому питаем лишь ненависть и презрение; что я мог унаследовать или получить из России часть своего имущества путями, которые обязательно должны были оставаться в секрете (для избежания репрессий и конфискации со стороны русского правительства); а затем, если по этому поводу на нас посыплется клевета, то мы не только не должны об этом печалиться, но, напротив, должны лишь радоваться, ибо это поможет нам еще лучше сыграть свою игру.

«В результате этого решения я в один прекрасный день стал если не богатым, то зажиточным буржуа, не давая в том отчета никому, кроме самых интимных друзей. Для трех людей было сделано исключение в Локарно: для Эмилио Беллерио, Зайцева и Ремиджо Киеза—Зайцева, как личного и весьма преданного друга, а Киеза потому, что он был нам нужен во многих отношениях и действительно оказал нам много весьма ценных услуг, ни разу до тех пор не давая нам повода раскаяться в оказанном ему доверии. Кроме того об этом знали еще д-р Якоби и его жена, в качестве друзей, и супруги Острога, как очень старые члены Альянса и друзья. Но даже почтенный Паоло Гавирати, к которому я питаю такое глубокое уважение, и который столько раз доказал мне свою непоколебимую дружбу, даже он не был посвящен в нашу тайну, и вот по какой причине: было решено, что я буду всеми силами стараться получить швейцарское гражданство в Тессинском кантоне, а Гавирати больше всех других должен был содействовать мне в приобретении этого гражданства, чего бы он не стал делать, если бы только догадывался о том, что я продолжаю заниматься активной политикой, из опасения скомпрометировать свою дорогую Швейцарию вообще и Тессинский кантон в частности. Прибавлю, что ни разу Гавирати не задал мне даже

какого-либо бестактного вопроса, и что, несмотря на всякие слухи, попрежнему распускавшиеся на мой счет, никогда не обнаруживал ни малейшего недоверия, наконец, всегда и всеми способами помогал мне.

«В результате всех этих совместно принятых решений я месяц спустя опубликовал два письма, в которых заявлял, что вследствие болезни и старости оставляю всякую политическую деятельность и ухожу в частную жизнь (курсив мой).

«И вот я устроился в качестве буржуа-собственника. Чтобы придать мне еще больше вид такового, Кафиеро пожелал, чтобы я обзавелся лошадью и экипажем; он сам приобрел старую Пину и чрезвычайно ветхую и подержанную коляску, взамен которой он купил затем новую. Он же пришел к тому заключению, что я должен приобрести еще вторую лошадь, телегу и лодку. Он собирался даже лично поехать в Милан или Варезе для покупки коляски и телеги, пока не нашел той и другой в Беллинцоне. Кафиеро соблаговолит припомнить, что я не переставал протестовать против всех этих покупок и в конце концов уступал только после долгого сопротивления. Вдобавок Эмилио и он сам знают, что я лично очень редко пользовался коляской и еще реже лодкой, в которой катался только один раз. Что касается коляски, то хотя она и была необходима ввиду отдаленности Баронаты от Локарно, но, садясь в нее, я всегда испытывал неприятное чувство стыда, мне всегда казалось, что я похож на ворону из басни, щеголяющую в павлиньих перьях, и в продолжение долгого времени я категорически запрещал запрягать в коляску пару лошадей, но я принужден был сдаться, так как новая лошадь не хотела итти без Пины. Я настаиваю на всех этих мелких подробностях прежде всего потому, что они обошлись довольно дорого и вместе с тем свидетельствуют о нежных заботах Кафиеро о моем материальном благополучии. В большинстве случаев эта заботливость выражалась в применении ко мне мягкого насилия. Иначе обстояло дело, когда он вздумал навязать мне систему д-ра Бантинга. Он хотел не только, чтобы я обедал отдельно, но и чтобы для меня приобреталась особая провизия и готовился особый стол. Когда Якоби заявил, что бордо будет для меня полезно, он хотел непременно выписать запас этого вина, и я с большим трудом его от этого отговорил. Он припомнит также, как, возвратившись однажды из Милана с одним старым приятелем, служившим некогда в качестве метр-д'отеля в богатом доме какого-то маркиза, он привез исключительно для меня массу превосходных вещей. Но я никогда не кончу, если стану говорить обо всем. В заключение прибавлю лишь сле-

дующее: лично я весьма мало пользовался материальным благосостоянием, которым он непременно хотел меня окружить. Я ел и пил не больше и не меньше, чем у Джакомо, и тем, кто меня знает, хорошо известно, что я весьма нетребователен и неприхотлив в пище, и что, если у меня есть табак и чай, я доволен.

«Единственный личный расход был произведен мною самим в Берне в сентябре 1873 года. Я там заново оделся. Кафиеро найдет в большой книге мои бернские расходы, довольно значительные. Прибавлю на всякий случай, что шил на себя не только я один, но со мною и три друга, и что если я заказал себе полный комплект белья и платья, то сделал это опять-таки по настоятельному и притом вполне последовательному указанию Кафиеро, сказавшему мне, что раз решено, что я должен фигурировать в виде буржуа, то мне следует во всех отношениях придать себе подобающую внешность. Наконец, он и все мои друзья очень хорошо знают, что я очень мало пользовался этим новым платьем, что я одевал его только в тех редких случаях, когда ездил в Локарно, а дома всегда предпочитал носить мою милую старую одежду, более или менее рваную, грязную и поношенную».

В другом месте этого документа Бакунин признает, что, связавшись с Баронатой, он совершил крупный промах, чреватый последствиями.

«Здесь я должен признать и точно указать мою ошибку. Я совершил одну, и она заключалась в том, что я без обиняков принял братское предложение Кафиеро. Отвергнув его, я сохранил бы мою жизнь незапятнанной до конца и теперь имел бы право свободно располагать ею сообразно моим собственным убеждениям и склонностям [1].

«В сущности я должен признать, что, приняв это предложение, я совершил измену по отношению к самому себе, по отношению к своему прошлому и, чтобы употребить подходящее выражение, низость, которую я теперь искупаю. А теперь я об'ясню те соображения, которые заставили меня принять его, и которые до известной степени могут послужить мне оправданием.

«Во-первых, я действительно устал и разочаровался (курсив мой). Французские и испанские события нанесли ужасный удар всем нашим надеждам и ожиданиям. Мы считали без масс, которые не захотели воодушевиться для своего собственного освобождения, а без этого воодушевления мы, оставаясь теоретически правыми, были бессильны.

---

[1] Намек на участие в Болонской экспедиции, в которую Бакунин оказался вовлеченным против своей воли (см. ниже).

«Второй мотив заключается в следующем: единственная работа, которая нам оставалась, была подпольная, хорошо замаскированная работа. Было абсолютно необходимо, чтобы мы приняли мирный буржуазный вид. Вдобавок швейцарское федеральное правительство, побуждаемое итальянским правительством, а следовательно, и тессинские кантональные власти непременно хотели интернировать меня во внутренних областях Швейцарии. Мне стоило огромных усилий оставаться в Локарно. Предложение Кафиеро открывало к этому возможность.

«Наконец, третьим и, я сказал бы, самым сильным мотивом была моя тревога о будущности моей семьи и мое горячее желание доставить ей угол и, по крайней мере до известной степени, обеспечить ее будущность.

«Итак, чтобы больше к этому не возвращаться, я расскажу, что произошло между мною и Кафиеро по вопросу о моей семье. Он торопил меня вызвать ее возможно скорее, предлагая все необходимые для поездки деньги. Вместе с тем он предложил мне написать Антонии, что отныне она больше не должна беспокоиться о будущности своих детей, ибо эта будущность совершенно обеспечена. В октябре (1873 г.) я сначала послал Антонии 2.000 франков с обещанием выслать еще 2.000 фр. месяца через два-три. Но эти 2.000 фр., посланные через Острогу, казалось, пропали; несколько месяцев прошло, а она их не получала. Антония и особенно ее отец писали мне отчаянные письма. Я поделился этим с Кафиеро, который предложил немедленно выслать им еще 4.000 фр., что я и сделал в конце марта. Тем временем она получила первые 2.000 фр. А затем, когда Карло несколько раз спросил меня, написал ли я Антонии, что будущность детей обеспечена, я ответил, что я этого еще не сделал и ждал, чтобы он мне снова это повторил, так как не хотел тешить ее несбыточными надеждами. Карло упрекнул меня в том, что я этого не сделал до тех пор, и просил меня сделать это безотлагательно. Тогда я и написал Антонии в указанном смысле.

«Нужно ли говорить, что во всех этих делах, предприятиях и обещаниях Карло был воодушевлен самыми чистыми братскими намерениями, и что именно величием своей братской души он заставил меня слепо принять все его предложения? Была еще одна причина для их принятия: Кафиеро считал себя гораздо более богатым, чем был на самом деле. Он оценивал свое состояние в 400.000 или даже 450.000 франков. Быть может, он и реализовал бы эту сумму, если бы не счел нужным ускорить ликвидацию своего имущества...

«Вторая ошибка, совершенная мною, а отчасти также и Кафиеро, заключалась в том, что я взял на себя заведывание всеми этими предприя-

тиями. Все мои друзья знают, что я очень плохой хозяин, и что особенно вначале я ничего не смыслил в делах. Если бы на моем месте находился человек опытный и практичный, он наверное сделал бы все, что мы сделали, затратив на это половину израсходованных нами средств. Но где было взять такого человека? Мы с Кафиеро искали его, но не нашли».

Из собственных слов Бакунина мы видим, что он, принимая предложение Кафиеро, руководствовался мотивами как личного комфорта, так и общественного интереса. При его преклонном возрасте и болезненном состоянии это было вполне понятно. Более того, заявления Кафиеро, как мы увидим из дальнейшего, он понял в том смысле, что если он и не будет единственным собственником виллы, то во всяком случае будет ее совладельцем наравне с Кафиеро и сможет спокойно прожить в ней до скончания дней своих [1]. Но именно эта сторона вопроса и возмутила молодых его последователей, когда они убедились, что Бакунин связывает с Баронатой некоторые свои личные удобства, а в особенности удобства своей семьи, совершенно чуждой революционным делам. На этой почве и произошел впоследствии тяжелый конфликт, чуть было не доведший Бакунина до самоубийства.

В августе 1873 года Бакунина посетил Вл. Дебагорий-Мокриевич, совершавший тогда свою первую заграничную поездку. В своих воспоминаниях Дебагорий-Мокриевич оставил нам интересное описание тогдашней жизни Бакунина, хлопотавшего по переустройству Баронаты.

«Бакунин был необычайно высок и массивен, хотя его полнота была очевидно болезненная. Его лицо было обрюзглое, под светло-серыми или голубыми глазами висели мешки. Огромная голова заканчивалась большим лбом, по сторонам которого торчали вьющиеся клоками редкие полуседые волосы. Он одевался, сопел и от времени до времени уставлял на меня свои светлые глаза. Я чувствовал на себе этот взгляд, и мне было неловко тем более, что совершалось это молча. Я слыхал раньше, что Бакунин составлял мнение о людях по первому впечатлению, и теперь чего доброго он изучал мою физиономию. Изредка он перебрасывался с Р(оссом) короткими фразами. Он сильно шепелявил, так как у него недоставало многих зубов. Но вот он согнулся, чтобы обуть ноги, и в эту минуту я услыхал, как его дыхание сперлось. Когда он выпрямился, то засопел страшно тяжело — он задыхался, его обрюзглое лицо посинело. Все это указывало на то, что болезнь, сведшая его три года спустя в могилу, уже была развита в сильной степени. Когда Бакунин

---

[1] Так, он приглашал к себе в гости на долгое время семью Фохтов и семью Рейхелей; но они не приехали.

оделся, мы вместе вышли в сад в беседку, куда подан был завтрак. Здесь к нам подошли двое итальянцев, одному из которых он меня отрекомендовал. То был Кафиеро, ближайший друг Бакунина, известный тем, что отдал свое состояние, достигавшее весьма значительной цифры, на итальянские революционные дела. Он молча уселся возле нас и принялся курить трубку. Между тем пришел почтальон с кучей газет и писем, и Бакунин занялся их просматриванием. Затем появился Зайцев, бывший сотрудник журнала «Русское Слово», живший тогда в одном доме с Бакуниным, и вскоре между ними завязался общий разговор о Барселонском восстании [1]...

«По отношению к русским у него звучала скептическая нота. Над немцами он любил посмеяться, особенно когда заходила речь о некоторых восстаниях 48-го года. Немец и революция были в его представлении два друга друга исключающие понятия. Все свои надежды Бакунин возлагал на романские племена и в частности на итальянцев, посвящая все время и энергию на конспирации среди них. Поэтому Локарно, построенное на берегах озера Лаго-Маджоре, находящегося на границе Швейцарии и Италии, представляло из себя как нельзя более удобный пункт для Бакунина, которому в'езд в Италию, как и во Францию, был запрещен; Локарно играло роль революционного центра, куда с'езжались итальянские заговорщики для тайных совещаний с Бакуниным. План Бакунина состоял в том, чтобы организовать заговор из смелых людей, готовых на самопожертвование, которые в определенный срок должны были собраться в известное место, с тем, чтобы начать вооруженное восстание. Предполагалось дело начать с нападения на местные правительственные учреждения и затем перейти к «ликвидации» существующего строя, т.-е. конфискации земельной собственности, фабрик и т. п. Однако Бакунин далеко не льстил себя надеждой на непременный успех. «Мы должны беспрестанно делать попытки восстания, — говорил он. — Пусть нас разобьют один, два раза, наконец, десять и двадцать раз, но если на двадцать первый народ поддержит, и восстание сделается всеобщим, — жертвы окупятся». Весь вопрос, таким образом, сводился к тому, чтобы выбить, так сказать, народную массу из ее индиферентного состояния и заставить ее вступить в открытую борьбу со своими притеснителями. Бакунин являлся сторонником активного революционного дела и не удовлетворялся одной пропагандой слова, находя ее бессильным средством для того, чтобы революционизировать массы...

---

[1] Содержание этого разговора мы передали в томе III, стр. 266—267. Собственно, в Барселоне восстания не было, а была об'явлена всеобщая стачка.

«Устройство притона с секретными выходами и складом сильно занимало Бакунина. Он тоже допускал возможность обысков. Очевидно, Бакунин или вообще мало доверял швейцарской свободе, или, быть может, имел в виду такие дела, которые не могли быть терпимы ни в одной стране.

« — Быть может, и вам, русским, — говорил он, — понадобится держать за границею свою строго конспиративную типографию для печатания летучих листков, — можно будет ее тоже поместить здесь». Потом он переменил тон и резко добавил: «Впрочем, какие же конспираторы русские? Пойдут болтать — скомпрометируют, пожалуй, и наше итальянское дело».

«Мне было очень неприятно слышать этот упрек, и я принялся что-то — не помню уж что именно — говорить в защиту нас, русских, но еще неприятнее сделалось, когда Бакунин, возражая мне, в заключение вдруг воскликнул: «Да что русские!.. Всегда они отличались стадными свойствами. Теперь они все анархисты. На анархию мода пошла. А пройдет несколько лет, и, может быть, ни одного анархиста среди них не будет»...

«Но вот, наконец, я стал собираться в дорогу. Помню, накануне моего от'езда Бакунин высчитал по путеводителю количество денег, необходимых для моего путешествия, и потребовал, чтобы я показал ему мой кошелек. Напрасно я старался убедить его, что денег у меня достаточно, и я в них не нуждаюсь. Он все-таки настоял на своем: кошелек свой я должен был в конце концов ему показать. До требуемого количества нехватало тридцати с небольшим франков.

« — Я остановлюсь в Богемии. Там у меня есть приятели, у которых я могу взять денег, сколько мне понадобится, — об'яснил я ему.

« — Ну-ну, рассказывай, — возразил Бакунин. Он вытащил из стола небольшую деревянную коробочку, отворил ее, сопя отсчитал тридцать с лишним франков и передал мне.

«Мне было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужден был их взять.

« — Хорошо, по приезде в Россию я вышлю, — проговорил я.

«Но Бакунин сопел и, глядя на меня, улыбался.

« — Кому, мне вышлешь? — спросил, наконец, он; потом добавил: — это я даю тебе не свои деньги.

« — Кому же их переслать в таком случае?

« — Большой же ты собственник! Да отдай их на русские дела, если уж хочешь непременно отдать» [1].

[1] Вл. Дебагорий-Мокриевич — «Воспоминания», Спб., 1906, стр. 94—102.

2. Кризис «Баронаты».

Предприятие, в котором Кафиеро играл роль банкира, Бакунин роль главного распорядителя, а Л. Набруцци — бухгалтера, не могло не обанкротиться рано или поздно — и скорее рано, чем поздно.

Со свойственными его широкой натуре замашками Бакунин, получив возможность распоряжаться сравнительно крупными средствами, начал швырять их направо и налево, придумывая вместе с Кафиеро разные фантастические планы новых сооружений, дорог, пруда, дома и т. п. Жили обитатели Баронаты довольно скромно, питались в достаточной мере скверно (картофелем, бобами и т. п.), а денег на содержание дома уходила уйма. Инженеры и подрядчики, видя, с кем они имеют дело, надували новоявленных «буржуа-собственников» самым бессовестным образом, производили работы плохо, сильно выходили из первоначальных смет и т. д. Наивного Бакунина кто-то убедил, что в Баронате можно наладить плодовое и огородное хозяйство, в частности разводить спаржу, так что имение скоро начнет приносить даже доход, и он этому верил, пытаясь убедить в этом столь же практичного Кафиеро. Все хозяйство Баронаты можно было характеризовать двумя словами: хаос и расточительность.

«Когда в октябре прошлого (1873) года, — рассказывает Бакунин в своей «Оправдательной Записке», — я вернулся из Берна в Баронату, то застал последнюю в состоянии полнейшего хаоса. Я нашел водворившееся там святое семейство Набруцци [1], его самого, мать его и одну девицу, которую очень трудно определить; сверх того, двух испанцев, одного из моих лучших итальянских друзей (А. Косту. — *Ю. С.)* и Фанелли. Текущие расходы, благодаря хозяйничанию святого семейства, были громадны. Я содрогнулся.

«Приглашение Набруцци с матерью, его — в качестве управляющего, а ее — в качестве управительницы Баронаты, мотивированное разными чуждыми последней основаниями, хорошо известными Кафиеро, было решено нами обоими. Это был крайне неудачный выбор, не потому, чтобы Набруцци был плохим человеком, — напротив, это прекрасный парень и вернейший друг, но вместе с тем совершенно неспособный управлять и заведывать чем бы то ни было. Управление Набруцци и его матери стоило нам слишком больших денег. Кафиеро знает все мои усилия, все резкие сцены, которые я устраивал, чтобы уменьшить расходы. Ничего не помогло. Набруцци довольствовался тем, что пре-

---

[1] Л. Набруцци — итальянский альянсист.

красным почерком выводил счета без малейшей критики и контроля. Наконец, мы удалили г-жу Набруцци и девицу. Мы изменили в доме распорядок. Старый метр-д'отель маркиза, наш друг[1], взял на себя управление. Заведена была другая система, но это нисколько не отразилось на экономии. Кафиеро знает все это, знает про мое отчаяние, и только после от'езда старого Пеццы мне удалось при помощи г-жи Зайцевой навести некоторую экономию. В конечном счете в течение этой зимы мы истратили на одно содержание дома больше, чем Антонии хватило бы на год или даже на полтора года. Была ли то моя вина? Конечно, нет. Я не упускал ни одного дня без протеста, часто без крика, Кафиеро это хорошо знает; но все это было бесполезно, так как я сам в этом ничего не смыслил. К тому же в доме жило и кормилось множество народа, не было никакого порядка, царило всеобщее мотовство. Тот сравнительно гораздо более высокий порядок, который застала Антония, был все, что я сумел сделать».

Все работы, выполненные до середины января 1874 г., оказались негодными. Расходы по производству насаждений вместо 3.000 фр. составили 5.000; проведение дороги вместо 3.000 обошлось в 6.000 фр.; на один камень для дома ушло 14.000 фр. вместо первоначально намеченных 7.000, и все прочее в такой же пропорции. Первые 50.000 франков были израсходованы довольно быстро, и в феврале 1874 года Бакунин принужден был заявить Кафиеро, что для окончания работ требуется еще 50.000 франков.

«Я видел все это, — пишет Бакунин, — не мог этому помешать и провел много ночей без сна. Весною мы говорили об этом с Карлом (Кафиеро) и должны были сознаться, что, ничего не понимая в этих делах, мы дали вовлечь себя в предприятия, размеров коих мы не сумели учесть, и если бы пришлось начинать все сначала, мы бы не пустились на них и взамен придумали бы что-нибудь другое, но теперь, прибавил он, остановиться уже нельзя, приходится итти до конца. Когда Кафиеро привез мне (первые) 50.000 фр., он спросил меня, хватит ли их до июня. Я ответил, что хватит до июля и даже дольше».

В июне 1874 года Кафиеро с'ездил в Россию, откуда полиция не выпускала его жену, русскую, Олимпиаду Кутузову. Обвенчавшись там с нею и тем, как итальянский подданный, освободив ее из-под власти русского царя, он в начале июля возвратился вместе с нею в Локарно.

Здесь-то и разразился кризис, которому, как водится, поспособствовали дорогие друзья из породы длинноязыких «товарищей». Дело

---

[1] Отец незадолго до того умершего итальянского альянсиста В. Пецца.

кончилось так, как и можно было ожидать. Начались сплетни и пересуды. Нашлись добрые люди, которые стали поговаривать на ту тему, что Бакунин, мол, эксплоатирует неопытность и доверчивость благородного Кафиеро для своих личных целей. В число этих людей входили и супруги Мрочковские [1], старые приятели Бакунина, принадлежавшие к первым членам его тайного Интернационального Братства, знавшие хорошо его слабости, бесхозяйственность, широкий размах и привычку пожить на чужой счет. К врагам Бакунина присоединился и другой его, более молодой, приятель М. Сажин (Росс), приехавший в июне 1874 года в Баронату и быстро убедившийся в царившем вокруг него беспорядочном расточительстве.

«Бакунина, — рассказывает Сажин («Воспоминания», стр. 88 и след.), — я нашел совершенно таким же, каким видел его в наши последнее свидание в предыдущем году. Жил он точно так же, как и прежде: занимал одну комнату, в которой в углу стояла большая кровать с мочальным матрацом, посредине комнаты — большой простой белый стол, заваленный газетами, книгами, бумагами и табаком, 4 — 5 стульев, простые белые полки с книгами, комод для белья, да на стене висели пара платья, пальто и шляпа. Было так же бедно и грязновато, как и прежде. В доме жила одна прислуга, простая крестьянская женщина, стряпуха, довольно уже пожилая; она убирала комнаты и стряпала обед. Весь режим его жизни остался прежний: вставал он около 10 ч., ложился в 3 —4 часа утра и по вечерам спал 1 — 1½ часа перед чаем; утром пил кофе и ел яичницу или просто яйца, за обедом всегда было два блюда (мясо и овощи), а вечером чай с хлебом. Никакого вина он не пил, а ел много. Это и понятно, потому что для такого колосса много нужно было материала. Ведь он был буквально головою выше всякого человека среднего роста; для него ничего нельзя было достать готового, все нужно было делать на заказ: белье, платье, обувь, шляпу, кровать».

Осмотрев работы, Сажин убедился в их беспорядочности и неправильности. Когда под'ехали супрути Кафиеро, Сажин из разговоров с Бакуниным и Кафиеро убедился, что ни тот, ни другой не следили за работами и не подсчитывали расходов, а когда Сажин подвел приблизительные итоги, то оба они были немало удивлены крупным размером произведенных расходов [2].

---

[1] Мрочковский, женатый на кн. З. Оболенской, имел в это время фотографию в Ментоне, под фамилией Острога.

[2] По словам Бакунина (в письме к Беллерио от 4 сентября 1874 г.), все расходы по Баронате, вопреки раздутым счетам Росса, составили всего 62.000 франков.

«Во время наших общих разговоров я впервые узнал, — говорит Сажин, — что скоро приедет из России семья Бакунина, поселится в «Баронате», и что новый дом строится для нее, так что первоначальная цель покупки «Баронаты» изменилась (?). Тогда же [1] я узнал, что наследство Кафиеро не такое большое, как предполагалось раньше, и едва ли превысит сто тысяч франков, а на наши деньги тридцать тысяч рублей. Бакунин и Кафиеро в этих разговорах иногда винили и упрекали друг друга в разных промахах и ошибках и подчас с некоторым раздражением».

Во время обсуждения положения после возвращения Кафиеро из России Бакунин между прочим сообщил ему, что в его отсутствие прикупил соседний участок с лесом для округления Баронаты и повышения ее ценности. Впоследствии говорили, что владелец участка Ромерио содрал с Бакунина слишком высокую цену. Но Кафиеро, если верить «Оправдательной Записке», одобрил приобретение Бакунина. Во время этих же бесед Бакунин, очевидно, ввиду ожидавшегося приезда семьи, поднял вопрос об оформлении его взаимоотношений с Кафиеро. Быть может, он уже почувствовал, что положение его становится непрочным.

«Я уже сказал, — пишет Бакунин, — что всегда смотрел на Кафиеро как на главного, если не единственного хозяина Баронаты. Согласно справедливости, она принадлежала ему целиком, согласно братству он должен был владеть ею, по меньшей мере, наполовину, совместно со мною. По возвращении его из России я в присутствии друга Росса предложил ему узаконить формальным актом это товарищество или это совладение. Он ответил, что если я считаю это нужным, он возражать не станет, и предложил мне обдумать наилучший способ осуществления этого проекта в продолжение тех нескольких дней, которые он собирался провести в Барлетте. Я сообщил ему также о приобретении, сделанном мною во время его отсутствия, и он нашел, по крайней мере, так он мне заявил в присутствии того же Росса, что я сделал выгодное дело. Наконец, я ему сказал, что для окончания работ, организации хозяйства Баронаты и обеспечения семьи в течение двух лет, в продолжение которых Бароната ничего не будет приносить или будет приносить очень мало, необходимо, по крайней мере, еще 50.000 франков. Он сказал, что именно потому и направляется в Барлетту, чтобы окончательно ликвидировать свои дела. Он вернулся как раз в вечер прибытия Антонии со всей семьей».

---

[1] Вряд ли Сажин мог узнать об этом сейчас же по возвращении Кафиеро из России. Только с'ездив в Барлетту, Кафиеро убедился в том, что преувеличивал размеры полученного им наследства.

Но за это время картина радикально изменилась. Кафиеро, ликвидировав остатки наследства, должен был с горечью убедиться в том, что у него остались гроши, и что почти все его состояние (оказавшееся вовсе не таким большим, как он раньше предполагал) ухлопано на Баронату. Неудивительно, что он вернулся в Локарно в таком настроении, при котором охотно стал прислушиваться к разным сплетням насчет Бакунина. Роковую роль сыграл во всей этой истории прежний приятель Бакунина Сажин (Росс) [1].

Получив от мужа радостные письма, посланные по настоянию Кафиеро, Антония с тремя детьми, отцом и матерью двинулась из Красноярска в Локарно, где Бакунин собирался приготовить ей «рай». Мать ее осталась в Варшаве, зато к ней присоединилась одна из ее сестер, Софья Лозовская, сопровождавшая ее до Милана. Гамбуцци, действительный отец детей Антонии, выехал им навстречу в Вену. 13 июля 1874 года Антония с детьми и стариком-отцом прибыла в Локарно, где была торжественно встречена Бакуниным, устроившим в ознаменование приезда семьи иллюминацию и фейерверк.

Бакунин, еще не зная, что Росс составил себе крайне отрицательное мнение относительно Баронаты и положения в ней Бакунина, просил его выехать навстречу Антонии. Росс встретил семью Бакунина недалеко от Милана и привез ее в Локарно. Повидимому, уже тогда он решил выжить ее и вместе с нею Бакунина из Баронаты.

«Жена Бакунина, — пишет он в своих «Воспоминаниях» (стр. 51),— никакого участия в революционных делах не принимала, и он не посвящал ее в эти дела. Нельзя сказать, чтоб она к ним была совершенно индиферентна, нет, она была скорее враждебна к ним, и только под влиянием его постоянно себя сдерживала. Все мы хорошо это знали, знали также и то, что детей у Бакунина не было, что настоящим отцом детей был Гамбуцци, неаполитанский адвокат, с которым она после смерти Бакунина повенчалась... Для нас она была совершенно чужим человеком. И вот этот-то чужой человек внезапно врывается в нашу среду и заявляет нам, что «Бароната» со всем, что в ней есть, принадле-

---

[1] В своей статье, перепечатанной в «Воспоминаниях», Сажин пытается доказать, что после инцидента с Баронатой он остался в прежних дружеских отношениях с Бакуниным. Это неверно. Ведь пытался же сначала Росс отрицать даже получение им письма от Бакунина, датированного 21 октября 1874 г., но затем принужден был признать его подлинность (стр. 95). Это признание он сделал в примечании, относящемся к 1925 году; всю же статью, написанную в 1914 году, он оставил без изменения (хотя одно уже это признание заставляло его пересмотреть всю статью).

жит ей, что она — хозяйка, а все остальные — пришлые, посторонние люди, и что она терпит их присутствие здесь только из уважения и снисхождения к своему старому мужу Бакунину. Действительно, через несколько дней по приезде она сделала такое заявление Кафиеро, потребовав от него очистить комнату, которую он занимал со своей женою, так как она ей нужна.

«После такого инцидента перед нами тотчас же встал вопрос, что же дальше будет с «Баронатою», уж не говоря о предполагаемом устройстве в ней типотрафии, склада и пр., необходимость которых особенно остро чувствовалась в данный момент [1]. При обсуждении создавшегося положения и ввиду скорого от'езда Бакунина в Болонью все мы трое, т.-е. Бакунин, Кафиеро и я, решили: во-1-х, Бакунин, по возможности без всякой огласки, подпишет нотариальный акт, что «Бароната» в действительности принадлежит Кафиеро, во-2-х, Бакунин будет в ней жить так же, как и раньше, и, в-3-х, итальянцы для своих нужд будут в ней устраивать все необходимое для их дел».

Этот рассказ Сажина, явно пытающегося смягчить грубость удаления Бакунина из Баронаты, а заодно и затушевать свою собственную роль в этом прискорбном инциденте, возбуждает величайшие сомнения со стороны соответствия действительности. По словам Сажина выходит так, будто разрыв произошел «через несколько дней» вследствие того что Антония повела себя как полная хозяйка и даже хотела выселить действительного собственника поместья из его комнаты. Но спрашивается, когда же это Антония успела заявить Сажину все то, что он передает якобы с ее слов (что хозяйка — она, что остальные — посторонние и т. д.)? Ведь приехала она только 13 июля; в тот же вечер прибыл Кафиеро; н а с л е д у ю щ е е ж е у т р о у него произошло первое об'яснение с Бакуниным (при чем об Антонии и ее претензиях не упоминалось, а, как сейчас увидим, говорилось о совершенно других вещах), а уже утром 15-го произошел разрыв — и вовсе не потому, что Антония будто бы хотела выселить Кафиеро из его комнаты. Во-первых, Антония вправе была тогда считать себя хозяйкой Бароната, ибо такая мысль внушена была ей Бакуниным по предложению самого Кафиеро [2];

---

[1] В Италии готовилось революционное выступление, которое вскоре и произошло в Болонье (см. дальше).

[2] «Как мы помним, — говорит Гильом (т. III, стр. 199), — письма Бакунина, с к о т о р ы м К а ф и е р о в э т о м п у н к т е п о л н о с т ь ю б ы л с о г л а с е н (курсив мой), убедили его жену в том, что он получил от братьев свою долю наследства, и что Бароната была куплена им на деньги, полученные из этого источника».

а, во-вторых, Кафиеро вовсе и не жил в это время в Баронате, так что Антония и не могла предлагать ему очистить комнату. «На этот раз (по возвращении из России. — *Ю. С.*), — говорит Гильом (т. III, стр. 198), — они (Кафиеро и его жена) не поселились в Баронате, предназначенной для ожидавшейся г-жи Бакуниной и ее семьи (курсив мой); Карло и Олимпия наняли комнату по соседству». Таким образом рассказ Сажина совершенно неточен, а освещение, даваемое им фактам, более чем тенденциозно.

Сам Бакунин в «Оправдательной Записке» рассказывает о разрыве так:

«На следующее утро Антония передала мне слухи, распускаемые некоторыми личностями, называть которых я считаю ненужным, насчет Карло Кафиеро и особенно на мой счет. Говорили, что я эксплоатирую доверчивость и неопытность Кафиеро, что я злоупотребляю его благородной дружбой, что я его разорил и пр., и пр. Я немедленно сообщил об этом Кафиеро, опять-таки в присутствии Росса. Он имел чрезвычайно взволнованный вид и обещал мне об'ясниться с клеветниками [1].

«Он вернулся на следующий день, но совершенно преображенным. Он заявил мне, что об'яснений требовать не приходится, так как по существу говорят правду. Итак, правдой было то, что я злостно эксплоатировал дружбу Кафиеро. Это было для меня не очень-то лестно, но признаюсь, что в первый момент я не сделал этого вывода, настолько мне казалось невозможным, чтобы Кафиеро хотя бы на минуту мог остановиться на этой мысли. С жаром и горечью он заявил мне, что мы совершили великое, непростительное безумие, в котором он, впрочем, признавал себя столь же виновным, как и меня, что он не требует обратно ничего из сумм, затраченных на Баронату, но твердо решил отныне более не тратить на нее ни одного гроша и не отдавать ей ни единой мысли, ни малейшей частицы своей энергии, ибо все это должно принадлежать революции.

---

[1] В дневнике Бакунина под 14 июля записано: «Антония сообщает мне о клеветнических на мой счет сплетнях супругов Острога (Мрочковских) перед Гамбуцци (повидимому, Гамбуцци ей об этом и рассказал. — *Ю. С.*). Я передаю об этом Кафиеро в присутствии Росса. Кафиеро, по крайней мере наружно, возмущенный, обещает мне поговорить сначала с Липой (т.-е. Олимпиадой, его женой. — *Ю. С.*), а затем с Зайцевыми». Гильом (т. III, стр. 199) сообщает, что О. Кутузова и Зайцевы разделяли точку зрения Росса, который, значит, уже успел настроить и их. Это не мешает Гильому ниже (стр. 238 и 301) уверять, что до 1907 года (?!) жена Кафиеро ничего о ссоре не знала.

«Признаюсь, эта речь поразила меня и словно ударила обухом по голове. Во-первых, меня глубоко обидел горький, оскорбительный и подозрительный тон, каким все это было сказано. Кафиеро, очевидно, стал глубоко несправедливым по отношению ко мне, и я сразу же почувствовал, что его расположение и братская приязнь ко мне внезапно перешли в глубокую ненависть, плохо скрываемую и полную оскорбительных подозрений. Если бы он мне сказал, что оба мы наделали больших ошибок, и что оба мы должны постараться всеми силами их исправить, я бы это понял и чистосердечно на это пошел бы. Но нет, он от меня отгораживался, и притом в форме крайне для меня оскорбительной [1].

«С другой стороны я признаю, что был совершенно подавлен тем новым положением, которое этою беседою создавалось для всех нас и в особенности для моей бедной семьи. Основываясь на моих письмах, Антония приехала совершенно спокойная, радостная, не только с детьми, но и с своим милым отцом, добрым, наивным старцем, жившим лишь интересами своих детей, понесшим жестокую утрату в лице двух своих сыновей, крайне чувствительным настолько, что малейшая новая беда, которая свалилась бы на него или на его детей, грозила довести его до болезни, а может быть, и до могилы. Я видел их всех спокойными, счастливыми, пригласившими сюда сестру и мать, и с ужасом думал об отчаянии, которое охватит Антонию и ее отца при первой вести об ожидающей их катастрофе. Я был этим совершенно подавлен. Революционная абстрактность Кафиеро этого не поймет, но ты, Эмилио, и ты, Антония, — вы это поймете. Я настолько был охвачен этой страшной для меня навязчивой идеей, что пренебрег или гораздо слабее почувствовал прямое оскорбление, заключавшееся в словах Кафиеро. Если бы я был один, то при первом же его слове я оставил бы ему эту проклятую Баронату, со всем, что в ней находится, и не унизился бы до того, чтобы обратиться к нему хотя бы с одним словом. Но мысль о том отчаянии и о той пропасти, в которые я вверг бы Антонию и ее отца, лишила меня мужества. Вместо того, чтобы думать о моей чести, незаслуженно оскорбленной тем, от кого я меньше всего мог ожидать такого оскорбления, я начал думать о том, чтобы спасти не себя, конечно, а своих близких. Что касается меня, то я принял решение: я р е ш и л у м е р е т ь. Но прежде, чем умереть, я считал своим долгом обеспечить их судьбу.

---

[1] В дневнике Бакунина под 15 июля записано: «Сегодня утром он вернулся и в присутствии Росса, сбросив дружескую маску, разразился крайне оскорбительной для меня тирадой».

«Все эти дни, начиная с 15-го (июля 1874 года), были для меня настоящим адом. Денно и нощно я думал над тем, как спасти своих, и в конце концов нашел способ, который не требовал почти никаких новых жертв со стороны Кафиеро или требовал очень небольших жертв, без всякого ущерба для революции. Но для того, чтобы осуществить этот способ, необходимо было столковаться с ним. Однако это стало невозможным, ибо, помимо его неспособности сразу схватить какую-нибудь мысль и обычного упрямства, с которым он цеплялся за владеющую им в данную минуту идею, им овладело обидное ко мне недоверие, сквозившее в каждом его слове, жесте и взгляде, что меня совершенно парализовало. После многих тщетных усилий я, наконец, принял крайнее решение, которое мне надлежало принять с первого же момента. Я составил акт, по которому оставлял ему Баронату со всем к ней относящимся, включая коров и больных лошадей. Но я имел еще слабость принять от него обещание обеспечить тем или иным способом участь моей семьи после моей смерти, которая, надеюсь, не заставит себя долго ждать.

«Более того, в день моего от'езда я утром написал ему письмо, в котором напоминал ему о торжественных обязательствах, взятых им на себя передо мною относительно моей семьи, и указал ему даже средство спасти Баронату, прося его сделать это, если он находит это возможным. Я хотел лично вручить ему это письмо при прощании. Вдруг он явился. И тогда у нас произошел разговор, во время которого он произнес слова, смертельно меня оскорбившие, но вскоре после того, в присутствии Эмилио и Росса, у нас произошел другой разговор, нанесший мне последний удар. Кафиеро резко порвал все узы, связывавшие меня с ним. Но, несмотря на то, я передал Эмилио письмо с тем, чтобы он вручил его Кафиеро сейчас же после моего от'езда. Пусть остающиеся у меня друзья решат, совершил ли я этим поступком великое дело самоотречения и любви или же низость».

Итак, дело происходило не совсем так просто и гладко, как изображает это Сажин. В дневнике, которому Бакунин поверял свои тайны и действительные чувства, говорится: «15-го, среда — 25-го, суббота. — Душевные муки. Кафиеро все более злобится. Росс все больше разоблачается как Родэн (тип иезуита из романа Сю «Вечный Жид». — *Ю. С.*), наружно проявляя ко мне большую дружбу, но в действительности делая все возможное для того, чтобы снискать благоволение Кафиеро. Вечером 25-го я составил акт об уступке Баронаты Карлу. Эмилио Беллерио и Ремиджо Киеза, адвокат (присутствовали). Я решил выехать в Болонью».

В Болонью Бакунин ехал для того, чтобы принять участие в вооруженном выступлении, задуманном его друзьями. Там он думал сложить свою голову. Выехал он из Локарно 27 июля в сопровождении Росса, которого в тот момент уже не считал своим другом [1]. В дневнике Бакунина мы находим следующую запись: «26-го, воскресенье. — Горестные и тайные сборы. 27-го, понедельник. — Последнее об'яснение с Карло, сначала наедине, а затем в присутствии Эмилио и Росса. Они окончательно сбрасывают маску и обнаруживают крайне враждебное ко мне отношение. Прежняя приязнь превратилась в сильнейшую неприязнь».

28 июля Бакунин прибыл в Шплюген, где оставался два дня. Здесь-то он и написал свой «Mémoire justificatif», озаглавленный так: «Оправдательная записка, которую я пишу главным образом для моей бедной Антонии. Я прошу Эмилио сначала прочесть ее, затем дать ее на прочтение Кафиеро, который, если сочтет это нужным, может дать ее прочесть своей жене, и только после того, как он ее прочтет и прибавит свои замечания, если признает это необходимым, дать ее прочесть Антонии, но совместно уничтожить ее, так как она содержит политические факты, которые никогда не должны выйти из круга самых интимных друзей». Пересылая этот документ Э. Беллерио, Бакунин сопроводил его письмом, в котором просил не показывать его Антонии ранее 4—5 августа. До того она должна была думать, что он поехал в Цюрих для свидания с русскими друзьями.

Из Шплюгена же Бакунин написал короткую записку Гильому [2]. В ней он прощался с ним и сообщал, что едет в Италию для участия в выступлении, из которого не надеется выйти живым. Гильома эта записка глубоко поразила, так как на основании полученного им от Бакунина весною письма (об этом см. дальше) он решил, что Бакунин окончательно разочаровался в революции и никогда не примет больше непосредственного участия в активной борьбе. О том, что произошло в Баронате, Гильом в тот момент не имел никакого понятия. Скоро Росс просветил его на этот счет.

Приводим конец «Оправдательной Записки», из которого видно тогдашнее настроение Бакунина.

«В течение всей ночи из Локарно в Беллинцону и из Беллинцоны я, разумеется, не смыкал глаз и думал о Кафиеро. Результат всех

---

[1] Росс провожал его до Вероны; отсюда Бакунин, как он отмечает в своем дневнике, «послал его к чорту». — Само собою разумеется, что за оценки и резкие выражения Бакунина мы, как и Неттлау, не отвечаем.

[2] Вероятно, были еще письма, но пока они нам неизвестны.

этих мыслей был таков: я больше ничего не должен принимать от Кафиеро, даже забот о моей семье после моей смерти. Я не должен, не хочу больше обманывать Антонию, а ее достоинство и гордость подскажут ей, как ей надлежит поступить. Удар, который она получит, будет ужасен, но я рассчитываю на ее энергию и героическую силу ее характера, которые, надеюсь, поддержат ее. К тому же я сделал все, что мог, чтобы обеспечить, по крайней мере частично, судьбу ее семейства. Я написал письмо, последнее прости моим братьям, которые, впрочем, никогда не отрицали моего права на долю в общем имении и которые всегда меня просили прислать к ним для реализации этой доли человека, облеченного моим полным доверием и всеми необходимыми полномочиями. До настоящего времени я не находил такого человека. Теперь, в прилагаемых при сем письмах, я даю эти полномочия Софии (Лозовской), сестре Антонии. Я не мог бы передать их в лучшие руки. Она так же решительна, как и сообразительна, а ее преданность Антонии безгранична.

«А теперь, друзья мои, мне остается только умереть. Прощайте!

«Эмилио, старый и верный друг мой, спасибо тебе за твою дружбу ко мне и за все, что ты сделаешь для моих близких после моей смерти. Прошу тебя, помоги Антонии переехать, что ей придется, думаю, сделать безотлагательно, если только она не сочтет нужным остаться еще на несколько дней, чтобы уберечь отца от слишком резкого потрясения. Ссуди ей 500, если нужно, 1.500 франков, тебе их вернут и скоро, уверяю тебя.

«Что касается 2.100 франков от г. Феликса Руска, то передай их Кафиеро, как только они будут тебе возвращены.

«Антония, не проклинай меня, прости меня. Я умру, благословляя тебя и наших дорогих детей».

«М. Б.»

Так кончается этот замечательный человеческий документ. До того дошел Бакунин на старости лет, что молодые друзья, вчера еще носившие его на руках, от него отвернулись, признали его физическим и моральным банкротом и, не довольствуясь тем, что вышвырнули его на улицу как выжатый лимон, хотели вдобавок его еще опорочить и наложить на него позорное клеймо. А между тем, если он и был виновен в минутной слабости, за которую ему пришлось заплатить такой дорогой ценой, то, во-первых, его проступок (если таковой действительно существовал) был ничтожен по сравнению с его заслугами, а, во-вторых, ведь он был вовлечен в эту злополучную историю молодым приятелем, желавшим обеспечить его старость, а на деле отравившим ее.

Демократия и революция безжалостно пожирают своих детей при малейшей слабости с их стороны, а сплошь и рядом придумывают несуществующую вину, чтобы оправдать свою неосновательную расправу, в которой после раскаиваются сами. И если мы спросим себя, в чем собственно заключалось преступление Бакунина, за которое ему пришлось подвергнуться такой душевной пытке и понести такую жестокую кару, то по совести мы не в состоянии будем дать на этот вопрос более или менее вразумительного ответа. По отношению к старому революционеру, поседевшему в боях, молодежь выказала такое отсутствие чуткости и деликатности, такую сердечную черствость и такую несправедливость, что об'яснить их можно только ее «революционной абстрактностью», о которой говорит сам Бакунин, и нервным состоянием людей, поставивших себе трудно достижимую цель, борющихся с сильным врагом и готовых во всякий момент рискнуть своей головой (это применимо к Кафиеро; другие действовали, может быть, по менее похвальным мотивам). Во всяком случае те самые итальянцы, которые некогда поднесли Бакунину адрес с надписью: «Тому, которого сильнее всего обидели в Интернационале», кого они называли, по словам Ралли, «святым учителем», обидели его особенно сильно и больно, и притом без серьезных оснований.

Кафиеро, прочитав «Оправдательную Записку» Бакунина, был возмущен тем, что в ней говорится о вещах, которые должны были остаться тайною узкого круга революционеров, и отказался показать ее Антонии. Но выселить ее все-таки надо было. Однако ни Кафиеро, ни Беллерио не хотели взять на себя щекотливое поручение заявить ей о необходимости выехать из Баронаты. И замечательно, что Росс, который был в Баронате случайным гостем и, казалось бы, меньше всего призван был к этому, взял это поручение на себя [1]. Вот как он сам рассказывает о тягостной сцене его разговора с женой Бакунина (об'яснение произошло 6 августа):

«Общий наш приятель, швейцарец Беллерио, бывший в курсе всего дела с «Баронатою», устроил мне свидание с женою Бакунина. Это свидание, по ее желанию, состоялось где-то в частном саду и в присутствии Беллерио [2]. Так как последний не понимал по-русски, то разговор сначала шел по-французски, и я кратко рассказал ей о цели поездки Бакунина в Болонью, затем перешел к вопросу о «Баронате», что она куплена на средства Кафиеро с известною целью, что Бакунин — только

[1] Почему он это сделал, он в своих «Воспоминаниях» не об'ясняет.

[2] Гильом со слов Росса же говорит, что свидание состоялось в саду Беллерио (т. III, стр. 209).

номинальный собственник и т. д.[1]. Все это она выслушала довольно спокойно, как бы все знала или не придавала никакого значения, но как только я упомянул о существовании нотариального акта, утверждающего Кафиеро собственником «Баронаты», картина моментально переменилась: она быстро перешла на русский язык и обрушилась на меня с градом упреков, что я — нигилист, не верю ни в бога, ни в чорта, отрицаю семью, собственность и т. д., и т. д., что у меня один идол революция, что ради нее я лишаю ее «Баронаты», что все это я устраиваю, что она не желает жить с такими людьми под одной крышей и немедленно выедет из «Баронаты». Никаких моих возражений и об'яснений она не допускала и не желала слушать. На мое замечание, что Бакунин, вернувшись из Италии, снова поселится в «Баронате», (она) ответила, что она ни под каким видом жить там не будет. И действительно, спустя 2—3 дня она с детьми выехала из «Баронаты», направляясь в Неаполь».

Нам уже не раз приходилось указывать на неточность, тенденциозность и крайний суб'ективизм воспоминаний М. Сажина. Эти недостатки его манеры сказались и в приведенном рассказе. Из него трудно понять, о чем собственно он разговаривал с Антонией. Выходит, что инициатива выезда из Баронаты принадлежала *ей*, что *она* решилась покинуть Баронату из-за ненависти к революционерам, что только в приверженности к революции она и обвиняла Сажина, что он, напротив, «возражал» ей и уговаривал ее остаться в Баронате, уверяя, что Бакунин сам туда вернется[2]. Все это неверно с начала до конца. Даже, если бы у нас не было других источников, для нас было бы ясно, что разговор между Сажиным и Антонией носил не тот характер, какой он ему приписывал в 1914 г. (и повторил в 1925 г.). Для читателя, умеющего читать между строк, ясно, что Сажин взял на себя поручение заявить Бакуниной о необходимости выехать из Баронаты, что именно такой смысл имела его ссылка на юридические права Кафиеро, что это требование и возмутило Антонию, которая упрекнула Сажина в двуличии, в роли, которую он, выдававший себя

---

[1] Если все это было Антонии действительно рассказано, то совершенно непонятно, почему Кафиеро отказался показать ей рукопись Бакунина. Ведь конкретно он об итальянских делах там ничего не говорит, а то, что там говорится в общей форме о революционных задачах кружка, было ей рассказано Россом.

[2] Кстати, последнее утверждение он повторяет в своей статье несколько раз; но ему решительно противоречат как факты, так и заявления самого Бакунина (да и самое поручение, действительно взятое на себя Сажиным, как сейчас увидим).

за друга ее мужа, сыграл в его разрыве с Кафиеро и в его опорочении.

Что это так, видно из другого рассказа того же Сажина, который он сделал в *1904 году* и который приведен у Гильома (т. III, стр. 209). Там прямо сказано, что «ни Кафиеро, ни Беллерио не хотели взять на себя заявить ей (Антонии), что она должна оставить Баронату (курсив мой): эту тягостную миссию должен был (?!) взять на себя Росс». И дальше в кавычках приводится рассказ Росса (т.-е. Сажина), повидимому, занесенный им самим на бумагу или записанный с его слов [1]. И в этом рассказе словами самого Сажина говорится: «Росс категорически заявил ей, что она должна оставить Баронату. Она пришла в ярость и ответила, что Бароната принадлежит ей. Росс возразил, что она может шуметь и ругаться, что для него это безразлично, но что Бароната принадлежит революции, а не семье Бакуниных. Тогда она начала обвинять его в том, что он хочет забрать Баронату себе и Кафиеро; но и это обвинение на него не подействовало, так как лично он не был в деле заинтересован. Наконец, видя, что Росс твердо стоит на своем, г-жа Бакунина решилась уехать» (курсив мой).

Дело ясно. Сначала в оскорбительной форме выдворили Бакунина, а затем в столь же обидной форме его семью («деликатность» и «мягкость» Росса в молодости известны хотя бы по воспоминаниям Ралли и по отзывам самого Бакунина). 9 августа Антония с детьми и отцом выехала в Арону, куда немедленно вызвала сестру С. Лозовскую из Варшавы. Узнав об отчаянном положении сестры, та сейчас же пустилась в путь и 20-го прибыла в Арону. Но они не знали, где Бакунин и что с ним. Только 22-го им стало известно, что он находится в Шплюгене в состоянии, близком к самоубийству. И на следующий день Лозовская отправилась туда вместе с Беллерио, чтобы свидеться и поговорить с ним.

---

[1] Сажин в своей статье 1914 года (перепечатанной в «Воспоминаниях») не счел нужным опровергать своего рассказа 1904 года в том виде, как его привел Гильом в 1909 году; следовательно, он его подтвердил.

Глава вторая

ПОСЛЕДНЕЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ БАКУНИНА.

1. Подготовка выступления.

Как мы уже указывали, неудача испанской революции нанесла Бакунину сильнейший удар. С этого момента он возложил последнюю надежду на Италию; но надежда эта уже на была особенно глубокой и сильной.

Несмотря на полицейские преследования, социалистическое движение в Италии росло. Основывались профессиональные союзы, создавались новые секции Интернационала, созывались областные с'езды, открывались новые газеты. Движение в значительной мере развивалось под влиянием анархистов, проявлявших усиленную энергию и полных юной веры в близкое торжество. Правда, как показали события, движение было не особенно глубоким и захватывало лишь верхушку революционной интеллигенции и отчасти рабочих, не задевая крестьянства, но ввиду того, что страна переживала еще последние содрогания недавней национальной борьбы, а новый режим буржуазной монархии не успел еще окончательно упрочиться, оставалось место для некоторых — последних для того исторического периода — надежд на возможность крутого поворота в развитии страны.

Под влиянием этих надежд, с одной стороны, под влиянием разделявшихся большинством итальянских социалистов взглядов Альянса — с другой, руководители итальянского Интернационала, побуждаемые к тому правительственными преследованиями, решили оставить мирный путь медленного накопления сил путем пропаганды и открытой организационной работы и перенести центр тяжести на усиление и расширение своей тайной альянсистской организации. Они начали подготовлять вооруженное выступление с целью низвержения монархии и провозглашения социальной революции. Идейным центром этого плана было Локарно; сюда приезжали главные вожди движения для совещания с Баку-

ниным, который, несомненно, был духовным отцом этого революционного плана. Как мы знаем, для выполнения этого плана и была приобретена «Бароната», а также сделаны Бакуниным уже известные нам заявления об его отказе от дальнейшего участия в каких-либо революционных предприятиях.

Каково было в это время действительное настроение Бакунина, трудно установить. Во всяком случае из имеющихся в нашем распоряжении документов можно заключить, что если в отдельные моменты он готов был предаться увлечениям былого революционного оптимизма, то в другие минуты он поддавался глубокому отчаянию и терял веру в успех революции.

Насколько яд разочарования проник в сердце Бакунина, видно из следующего эпизода, передаваемого Гильомом [1]. Весною 1874 года, в марте или апреле, Гильом, отправляясь на урок, получил на улице письмо от своего старого учителя и друга. Но, впрочем, предоставим лучше слово самому Гильому, так как в пересказе его сообщение теряет значительную долю своей силы. «Ввиду того, что письма от Бакунина стали получаться редко, я с некоторым волнением спрашивал себя, о чем бы это он мог мне сообщать. С глубоким изумлением читал я, не веря своим глазам. Сначала он повторил то, о чем не раз уже писал, а именно, что отныне он удаляется на покой; он сообщал, что скоро к нему приедет жена. Он прибавлял, что время революционной борьбы прошло, и что Европа вступила в период реакции, конца которой современному поколению не придется, вероятно, увидеть. И он приглашал меня последовать своему примеру, «помириться с буржуазией» и постараться снова получить место в министерстве народного просвещения. Не стоит, говорил он, упрямо стремиться к невозможному: нужно взглянуть прямо в глаза действительности и признать, что в данное время народные массы не хотят социализма. «А если какой-нибудь пьянчужка (!) с (юрских) гор вздумает по этому поводу обвинять тебя в измене, то за тебя будет голос твоей совести и уважение твоих друзей» (я могу поручиться за буквальную точность этой фразы, которую я запомнил дословно, так как я ее часто перечитывал и повторял). В заключение он говорил, что счел своим долгом дать мне этот совет, благоразумие которого я позже должен буду признать [2].

---

[1] L'Internationale, т. III, стр. 186—187.

[2] К сожалению, письмо это не сохранилось, и потому точную его дату и действительное его содержание нельзя установить (см. об этом ниже). Оно было сожжено в 1898 году вместе со многими другими бумагами

«Письмо это подавило меня: «Итак, — говорил я себе, — вот до чего дошел Мишель!». Я шел вдоль озера; небо было пасмурно и печально, дул пронизывающий ветер, природа имела унылый вид, и холод сжимал мое сердце. Не знаю, как я дал свой урок. Через несколько часов мне удалось, однако, притти в себя, но я надолго сохранил болезненное потрясение от полученного удара. И когда я узнал в сентябре про развязку баронатских дел, я был не так поражен ею, как был бы без этого письма.

«Впоследствии я иначе отнесся к этому письму Бакунина. Я понял, что, разочарованный и усталый, он поступил как честный человек, поделившись со мною своею новою оценкою положения, и я почувствовал признательность к этому энтузиасту, который без колебаний жертвовал собою для дела человечества и который теперь хотел предостеречь молодого человека от необдуманных увлечений».

Если припомнить, что Гильом был в то время одним из самых любимых учеников и последователей Бакунина, который посвящал его даже в свои интимные дела, то мы должны будем признать, что в этом письме отразилось настроение Бакунина в некоторые моменты этого печального периода его жизни, но в какие именно, неизвестно.

Однако это унылое настроение временами, повидимому, снова уступало место взрывам старой революционной страсти. Юные итальянские последователи Бакунина, среди которых главную роль играл тогда полный энергии и энтузиазма двадцатилетний студент Андреа Коста (впоследствии, в 80-х годах, основатель умеренной социал-демократической партии), переоценивавшие свои действительные силы под влиянием овладевшей ими революционной горячки, убедили и Бакунина в том, что шансы итальянской революции весьма велики, и что все дело лишь за энергической инициативой. Убедить его в этом было тем легче, что все эти рассуждения и сообщения шли навстречу тому, что он сам всегда проповедывал и доказывал. Словом, Бакунин поддался вере в возможность успешного революционно-социалистического выступления в Италии. Вдобавок здесь действовали и специфические мотивы психологического характера, отмеченные в статье Малона относительно этого движения («L'Internationale» в журнале «La Nouvelle Revue», 1884, номер от 15 февраля). Напомнив о поведении испанских альянсистов во время «кантональной» революции 1873 года, поведении, которое, как мы знаем, осуждалось самим Бакуниным, Малон продолжает: «Марксист-

---

Гильома во время опасной болезни последнего, от которой он не надеялся оправиться. Но до того Гильом давал его читать нескольким товарищам, в том числе и Кропоткину (в 1877 г.).

ская пресса решительно порицала это воздержание, столь гибельное для социалистической революции в Испании и столь резко расходившееся с их прежними заявлениями. Бакунин понял, что анархисты не могут оставаться под ударом этого морального поражения; с другой стороны, итальянские интернационалисты, состоявшие в большинстве из молодежи, в особенности настаивали на выступлении, на той «пропаганде фактами», которую им столько раз обещали. Из Локарно, где Бакунин водворился со своим итальянско-русским генеральным штабом, организован был заговор» и т. д. Приведенная нами выше «Оправдательная Записка» отчасти подтверждает эту связь между неудачей испанской революции и планом революции в Италии. Но вместе с тем она показывает, что Бакунин считал тогда (летом 1873 г.) момент неблагоприятным для активных выступлений и признавал необходимым известный период планомерной подготовки восстания. Через год, к лету 1874 года, его юные друзья, и в первую голову А. Коста, сочли момент уже вполне назревшим и убедили в том же Бакунина. Впрочем, как мы увидим, личное участие Бакунина в намеченном ими выступлении явилось в значительной мере вынужденным...

Выше мы привели сообщение Гильома, свидетельствующее о том, что весною 1874 года Бакунин как бы действительно отрекся от всяких революционных предприятий и смотрел на судьбы революционного движения весьма мрачно. У нас нет оснований полностью отводить показание Гильома, хотя мы знаем, что в своем рассказе о последних годах жизни Бакунина он старается оправдать собственное жестокое поведение и поведение своих тогдашних друзей по отношению к их старому учителю, а потому силится убедить читателей, что с лета 1873 года Бакунин действительно разочаровался в революции и собирался сделаться рядовым обывателем. Но у нас имеется другой документ, относящийся к тому же периоду, т.-е. к весне 1874 года, когда Гильом, по его словам, получил от Бакунина чуть ли не ренегатское письмо, и этот документ говорит о чем-то другом.

Мы имеем в виду опубликованное М. Неттлау (стр. 787) письмо Бакунина к проф. А. Фохту от 4 апреля 1874 года с надписью «конфиденциально», которое показывает, что в это время Бакунин работал не только для итальянской, но и для испанской революции. Вот что писал Бакунин А. Фохту после того, как публично отрекся от всякого участия в революционных предприятиях, для того чтобы сбить с толку полицию:

«Тебя я не хочу обманывать. Я вовсе не так невинен, как представляюсь, но я настолько хорошо принял свои меры, что если бы перевернули даже весь мир, то было бы абсолютно невозможно найти и пред-

ставить хотя бы тень улики против меня. Приблизительно недели три тому назад я узнал обо всех обвинениях, выдвинутых против меня итальянской полицией. Они совершенно смешны и только доказывают, что они ничего не знают. Они не найдут ни одного слова, написанного моей рукой, ни одной посылки, отправленной мною из этого кантона в Италию, и я ничего так не желаю, как того, чтобы ко мне явились с обыском. Этот обыск может только наглядно доказать мою полную невинность... Это письмо предназначено для тебя одного. При сем прилагаю письма в Испанию, уже запечатанные и с наклеенными марками. Прошу тебя опустить их собственной рукой в какой-нибудь почтовый ящик в Берне».

Представляется совершенно непонятным, каким образом Бакунин мог написать стоявшему совершенно в стороне от всяких революционных дел обывателю такое письмо, явно свидетельствовавшее о продолжении им революционной работы, и в т о ж е в р е м я написать своему близкому другу, посвященному в его революционные предприятия и игравшему видную роль в его подпольной работе, письмо, содержавшее советы порвать с революционной деятельностью и оскорбления по адресу тех, кто стал бы ее продолжать. Мы склоняемся поэтому к предположению, что письмо, на память приводимое Гильомом, относится, быть может, не к весне 1874 года, а к более позднему периоду, т.-е. к моменту разрыва с Кафиеро, примерно к июлю 1874 года.

Как бы там ни было, весною 1874 года Бакунин, повидимому, не относился абсолютно скептически к радужным надеждам своих юных итальянских сторонников. Последние же гнали на всех парах, подготовляя выступление. К концу 1873 года открытая деятельность итальянской федерации Интернационала почти совершенно замирает, а сама федерация как бы сходит со сцены. Вместо нее появляется тайная организация «Итальянский комитет социальной революции», за которым скрывается итальянский национальный комитет тайного Альянса.

Комитет приступил к изданию секретных бюллетеней, которые печатались в Швейцарии и контрабандным путем доставлялись для рассылки в Италию. Во главе этого дела стоял Коста, проживавший осенью 1873 года в Баронате (вместе с Кафиеро и Фанелли) у Бакунина. Первый номер «Бюллетеня итальянского комитета социальной революции» вышел в январе 1874 г., а второй в марте того же года [1]. Оба они написаны были А. Костою (вряд ли без совещания с Бакуниным). В первом

[1] Целиком или в извлечениях эти бюллетени приводятся у Неттлау (стр. 797—798), у Гильома (т. III, стр. 169—170) и у Анджолини — «История социализма в Италии», ч. 1, Спб., 1907, стр. 152 и сл.

номере заявлялось, что «мирная пропаганда революционных идей отжила свое время; на смену ей должна притти громкая, торжественная пропаганда восстания и баррикад. Все средства будут пущены в ход для начатия борьбы между народными массами и привилегированными классами». Второй номер бюллетеня, озаглавленный «Манифест итальянского комитета социальной революции», обращался к итальянскому пролетариату с энергичным призывом. В нем говорилось: «Пусть неимущие, ограбленные, угнетенные соберутся к нам со всех сторон не для того, чтобы препираться о разных отвлеченных формулах, а для того, чтобы установить свои силы, об'единить их и двинуться вперед. Народ устал от слов,—пора перейти к борьбе. Долой господ, докторов, адвокатов, президентов, консулов, диктаторов! Мы не презренное стадо, нуждающееся в пастухе, который стал бы нас пестовать для того, чтобы лучше стричь. Об'единимся же, братья! Сегодня тирания угнетает нас всех; завтра же, если вы этого захотите, мы запоем победный гимн над проклятой могилой». Далее следует резкая критика гарибальдиевского мирного «социализма», после которой манифест восклицает: «Скорее же за дело! Ниспровергнем этот мир, который нас давит, разрушим это общество, которое нас отвергает, отомстим за весь позор, оскорбления, низости и мерзости, нами перенесенные. Вперед, пролетарии Италии, энергичные и решительные, как наши отцы, рабы Спартака, «товарищи» Ландо [1], вперед на великую борьбу за наше освобождение!».

Нужно сказать, что ситуация в Италии была в тот момент действительно напряженной. В 1873 году страну постиг сильный неурожай; цены на жизненные припасы сильно поднялись, а заработная плата упала. В результате к лету 1874 года по всей стране прокатилась волна беспорядков, особенно многочисленных в средней Италии: в одном июле их были десятки. Одновременно произошел ряд забастовок рабочих, вызванных падением заработной платы. Наконец, заволновалось и крестьянство, недовольное ростом налогов и особенно налогом на помол. Было вполне естественно, что «Комитет социальной революции» решил воспользоваться создавшейся ситуацией для революционной попытки. Не только среди интернационалистов, но даже среди буржуазных демократов, маццинистов и гарибальдийцев происходило брожение, и начало подготовляться выступление с целью низвержения монархии и провозглашения республики.

---

[1] Микеле Ландо, чесальщик шерсти, стоявший во главе восстания «ciompi» (т.-е. «товарищей») Флоренции, лишенных прав ремесленников, во время революции 1378 года (это место пропущено в русском переводе книги Анджолини).

Впоследствии, на Бернском конгрессе анархического Интернационала (в октябре 1876 года), один из активных участников описываемого движения, Э. Малатеста, в следующих словах об'яснял те мотивы, в силу которых итальянские бакунисты решили вмешаться в стихийные волнения, вызванные тяжелым экономическим положением трудящихся масс: «Весною 1874 года, — говорил он в своем докладе конгрессу, — в различных пунктах Италии имело место глубокое брожение, вызванное падением заработной платы и непомерным вздорожанием предметов потребления. В значительном ряде местностей лавки были взяты приступом и разграблены. Интернационалу приходилось или целиком отвергнуть эти народные действия, или об'явить себя солидарным с ними: принято было последнее решение. Интернационал не мог действовать иначе: во-первых, потому, что если бы он дезавуировал эти акты, совершенные народом, то потерял бы всех практических сторонников революции, а, во-вторых, потому, что революция заключается не столько в словах, сколько в делах, и каждый раз, когда вспыхивает стихийное движение народа, каждый раз, когда рабочие восстают в защиту своих прав и своего достоинства, всякий социалист-революционер обязан солидаризироваться с происходящим движением».

И не Бакунину было возражать против таких соображений.

До сих пор не совсем ясно, какова была программа задуманного итальянскими бакунистами восстания, и какие цели они себе при этом ставили. Вероятно, они надеялись повести движение по пути социальной ликвидации, согласно программе Альянса. Восстание должно было вспыхнуть по возможности в один и тот же день в августе 1874 года, преимущественно в Романье, Тоскане, Неаполе и Сицилии, при чем неясно, рассчитывали ли инициаторы движения поднять сначала деревни, а затем города, или наоборот (последнее более вероятно, судя по тому, что центром и исходным пунктом восстания избрана была Болонья). На средства, доставленные Кафиеро, начали закупаться оружие, взрывчатые вещества и т. п., которые доставлялись в намеченные пункты и должны были раздаваться в момент восстания инсургентам. Предполагалось, что последних будет чуть ли не 30.000; в одной Болонье Коста рассчитывал собрать 3.000 человек, готовых к бою с оружием в руках.

По предположению, что инициаторы восстания надеялись сразу придать ему социальный и даже анархический характер, противоречит их попытка привлечь к движению буржуазных республиканцев, мацциницистов и гарибальдийцев. Из них первые особенно враждебно относились к Интернационалу, и если бы они согласились принять участие в восстании, то это могло произойти лишь в надежде придать ему ха-

рактер обычного буржуазного республиканского движения, отнюдь не направленного против самого принципа частной собственности или государства вообще. То обстоятельство, что часть буржуазных демократов склонилась к участию в движении, наводит на предположение, что те интернационалисты, которые вели с ними переговоры, представили им свой план далеко не в анархистском виде и убедили их в том, что речь идет о движении, направленном только против монархии. Правда, это не совсем согласуется с программою и принципами Альянса, но, как мы знаем, при нужде Бакунин и его товарищи обнаруживали известный оппортунизм. Тем более, что они, наверное, надеялись одурачить своих буржуазно-демократических союзников и, раз начав успешное восстание, в дальнейшем перевести его на высшую ступень и повести его к анархической социальной ликвидации. С своей стороны, буржуазные республиканцы — и с гораздо большим основанием — рассчитывали использовать анархистов для с в о и х целей [1].

Среди альянсистов мнения по этому вопросу разделились. Коста, бывший в тот момент крайним из крайних и слишком преувеличивавший силы итальянского Интернационала, решительно стоял за самостоятельное выступление и категорически высказывался против всякого соглашения с другими партиями. Напротив, другие, как бывший гарибальдиец Челъсо Черетти и, повидимому, сам Бакунин, признавали целесообразным соглашение с буржуазными республиканцами для придания движению более широкого размаха и для повышения шансов на успех. Но этим самым они заранее отказывались от чисто социалистического характера предполагавшегося выступления и признавали, что оно получит характер восстания против монархии в интересах республики, другими словами, вопреки своим принципиальным декларациям, готовы были принять участие в буржуазно-политическом движении, не ставившем себе «прямой и непосредственной целью торжество рабочего дела над капиталом».

До сих пор не установлено, согласились ли мацциниcты к а к о р г а н и з а ц и я принять участие в задуманном бакунистами выступлении. Известно, что вожди их, как преемник Маццини, Аурелио Саффи, и

---

[1] См. Анджолини, ч. 1, стр. 158: «Высказывались такие взгляды: осуществление социальной республики может об'единить республиканцев с интернационалистами; и те, и другие должны итти рука об руку, так как интернационалисты, желая большего, должны в том числе желать и меньшего, так как, далее, гражданское и политическое равенство, представляющее conditio sine qua non республиканской партии, есть уже шаг к тому равенству, к достижению которого направлены усилия Интернационала».

Фортис, высказывались против совместных действий с социалистами. Но среди маццинистской молодежи, принадлежавшей к левому крылу республиканской партии, были элементы, склонявшиеся к об'единенным выступлениям. Отдельные маццинисты определенно обещали принять участие в восстании. Но партия в целом высказаться не успела. 2 августа 1874 года вожди маццинистской партии в числе 28 человек собрались на вилле Руффи вблизи города Римини для обсуждения этого вопроса, но были все арестованы полицией. На допросах они отрицали выставленное против них полицией обвинение в намерении совместно выступить с социалистами, указывая на свое враждебное отношение к Интернационалу, и вскоре были освобождены.

Попытки привлечь гарибальдийцев были более удачны. Правда, Гарибальди, который был маццинистами сильно восстановлен против Бакунина, и которого с трудом удалось убедить в честности последнего, сначала категорически отклонил сделанное ему предложение. Но позже он дал себя убедить в необходимости совместного выступления с бакунистами и пытался даже в таком смысле воздействовать на более передовых маццинистов, из которых ему удалось, повидимому, склонить на свою сторону Вальцаниа (тот и взялся на собрании в вилле Руффи отстаивать эту точку зрения перед маццинистской партией). Но и Гарибальди был завоеван лишь в том смысле, что обещал примкнуть к движению, если ему удастся принять серьезные размеры. В общем же он избрал выжидательную тактику [1].

2. Бакунин в Болонье.

Подготовка Болонской попытки совпала с кризисом Баронаты и с разрывом между Бакуниным и Кафиеро. Таким образом участие старого борца в восстании, которое должно было увенчать его долголетнюю революционную деятельность, состоялось в условиях, психологически чрезвычайно для него тяжелых.

«Одновременно с тем, — рассказывает Сажин (цит. соч., стр. 91), — как я возился с архитектором и ликвидацией работ по перестройкам, шли усиленным темпом приготовления к Болонскому делу. К нам часто наезжали Коста, Малатеста и другие итальянцы. Бакунин, конечно, принимал самое горячее участие во всем этом деле. В первый же день

[1] Гарибальди был тогда накануне своего примирения с монархией. Возможно, что неудача Болонской попытки дала ему в этом отношении последний толчок. В начале 1875 года Гарибальди, избранный в депутаты, принес присягу на верность монархии и сделал визит королю.

моего приезда в «Баронату», говоря о нем, он сказал мне о своем решении ехать в Болонью и принять там самое активное участие. Это нисколько меня не удивило, потому что Бакунин во всяком серьезном деле всегда шел в переднем ряду, да еще первым; было бы удивительно, если бы он уклонился от этой поездки. Я сам начал постепенно втягиваться в это дело, исполняя отдельные поручения. Так, однажды, получив от Кафиеро процентных бумаг на двадцать тысяч франков, нужно было их продать и полученные деньги передать Коста... Тогда впервые в каменных работах вместо пороха стали употреблять динамит для взрывов породы. Нас это очень заинтересовало, и я взялся достать несколько патронов динамита, произвести с ними кое-какие опыты, чтобы познакомиться с его действием. Впоследствии, как известно, жена Кафиеро доставаемый динамит перевозила в Италию» [1].

И здесь дело происходило не так просто и гладко, как рассказывает Сажин, игнорирующий факты, отчасти ему известные по личному опыту, отчасти опубликованные до того, как он написал свою цитируемую апологетическую статью, а отчасти сообщенные ему Гильомом в 1904 году, т.-е. за 10 лет до написания им этих олимпийски спокойных строк. В действительности Бакунин переживал в этот момент тяжелую трагедию, в которой повинен был и сам Сажин, быть может, по этой именно причине старающийся набросить стыдливый флер на события того времени.

Некоторые участники или современники восстания, цитируемые М. Неттлау (стр. 801), указывают на то, что оно было ускорено разорением Кафиеро, который поддерживал подготовку его своими средствами, и у которого к июлю 1874 года остались лишь жалкие крохи его состояния. Бакунин, чувствуя себя одним из виновников плачевного экономического положения, в котором очутился Кафиеро, считал себя морально обязанным принять личное участие в восстании, тем более, что он был его духовным отцом. Положение, в которое его поставили — Кафиеро и Росс (Сажин), неожиданно и грубо выбросившие его из Баронаты, повергло его в состояние отчаяния и побуждало его искать смерти [2]. Болонская попытка, казалось, давала ему возможность умереть почетною смертью бойца, о которой он всегда мечтал, и самая смерть эта могла послужить делу революции, которое так дорого было ему

---

[1] Этот динамит пустить в ход не пришлось, и он был впоследствии потоплен в реке.

[2] Об этом, как мы знаем, определенно говорит его «Оправдательная Записка», составленная на пути в Болонью, где он надеялся найти желанную смерть.

всегда и при всех обстоятельствах. «Сама смерть Бакунина на улице Болоньи, — пишет Драгоманов, повидимому, со слов А. Баулер («Письма», стр. 349), — действительно утомленного и жизнью, и болезнью, которая и свела его в могилу, должна была послужить возбуждению революционного духа в болонцах».

Все это так, и при нормальных условиях в решении Бакунина принять участие в движении, в значительной мере по его совету и плану предпринятому, не было бы ничего удивительного. Но в рассматриваемый момент положение было именно ненормальным. Не только сам Бакунин внезапно потерял друзей и был буквально выброшен на улицу, но эта же участь грозила и его семье, которая только что прибыла в Локарно по его вызову, которой на основании обещаний Кафиеро гарантирована была спокойная жизнь, и которой теперь предстояло столь же безжалостно быть вышвырнутой вон (что и произошло через несколько дней). При таких условиях положение и настроение Бакунина, вдобавок в то время сильно страдавшего от болезни, радикально изменились. И обстоятельства сложились далеко не так просто, как изображает Сажин.

В ряде документов, как-то: в «Оправдательной Записке», в дневнике, в письме к Э. Беллерио от 9 октября 1874 г. (о нем ниже), в письме к самому Сажину от 21 октября 1874 г. (существование которого последний одно время пытался начисто отрицать) — рассеян ряд замечаний Бакунина, намекающих на то, что поехать в Болонью его з а с т а в и л и против его воли, и заставили именно Росс (Сажин) с Кафиеро [1].

Неттлау, вовсе не относящийся враждебно к Кафиеро и Россу, все же на основании анализа этих документов, а также устных сообщений замешанных в дело лиц приходит к следующему выводу. Кафиеро, убедившись в своем тяжелом экономическом положении и, под влиянием внушений своей жены, а особенно Росса, пришедший к заключению, что Бакунин его эксплоатировал и разорил в интересах личного удобства, как своего, так и своей семьи, высказал это Бакунину в грубой и оскорбительной форме. «При этом, — продолжает Неттлау, — тою или другою стороною впервые была высказана мысль, что Бакунин должен поехать в Болонью и дать себя там убить. Высказал ли это первым Бакунин, или же эта мысль была подсказана Россом или кем-либо иным, неизвестно... Результаты были в том и другом случае одинаковы. Кафиеро и Росс ухватились за эти слова и в известной мере спрово-

[1] Замечательно, что ни тот, ни другой лично не приняли участия в этой попытке вооруженного восстания, хотя они были тогда молодыми людьми; Бакунин же был умирающим стариком.

цировали (по словам Э. Б[еллерио]) Бакунина действительно туда отправиться... Сам он отправлялся неохотно. Эмилио Беллерио он прямо сказал: «Мне совсем не хочется ехать; сообщи им это, но так, чтобы они не могли догадаться, что ты говоришь им это по моему внушению». Беллерио ломал себе голову, чтобы подыскать подходящую форму для выполнения этого поручения, но ничего не придумал. Бакунин чувствовал себя постаревшим, физически немощным, он двигался и дышал с трудом, но гордость не позволяла ему приводить подобные мотивы, и он чувствовал, что приносится в жертву Россом, а под влиянием последнего также Кафиеро, прежде столь о нем заботившимся, «как старая тряпка, ни к чему негодная и выбрасываемая вон» (выражение его «Оправдательной Записки»). Вот в каком состоянии духа он, повидимому, выехал в Болонью».

Это же подтверждается и письмом Бакунина к Э. Беллерио от 12 мая 1875 года из Лугано, где сказано, что «Кафиеро по соглашению с Россом решил было меня похоронить».

Гильом (т. III, стр. 201), рассказав о приезде Косты в Баронату незадолго до выступления (вероятно, в первой половине июля), продолжает: «Малатеста тоже приехал в Баронату. Это происходило в разгар кризиса, в тот момент, когда Бакучин решил поехать для участия в восстании и искать смерти на баррикаде [1]. Росс припоминает о том, как он прогуливался с Малатестою по дороге в Беллинцону и рассказывал ему обо всем (?), что произошло. Малатеста, вполне одобривший решение Кафиеро (какое? — *Ю. С.),* нашел совершенно естественным желание Бакунина присоединиться к итальянским революционерам и разделить их участь».

Умолчания Гильома бросаются в глаза. Что именно рассказывал Росс Малатесте, неизвестно; вряд ли он сообщил ему о решении его и Кафиеро выдворить Бакунина и семью его из Баронаты; еще более сомнительно, чтобы он поведал ему о давлении, которое он и Кафиеро оказали на Бакунина с целью побудить его отправиться в Болонью. С таким решением Кафиеро (почему одного Кафиеро?) Малатеста вряд ли бы вполне согласился. Очевидно, речь идет здесь о другом решении Кафиеро, а именно — не тратиться впредь на Баронату, а отдать привезенные им из Барлетты деньги на подготовку восстания. Это другое дело; но тогда надо было определенно об этом сказать, а не отделываться

---

[1] Гильом тоже тщательно обходит версию о давлении на Бакунина, основываясь на рассказах Сажина и игнорируя документы, на основании которых пришел к своему выводу Неттлау. Из дальнейшего станет понятно, почему Гильом так поступает.

неясными фразами. Во всяком случае из рассказа Гильома вытекает одно: Росс, продолжая свою политику, пытался восстановить против Бакунина и Малатесту. Ниже мы увидим дальнейшие проявления той же тактики с юрцами.

Дальше Гильом, все с той же целью взвалить всю ответственность на Бакунина и выгородить его молодых товарищей, продолжает: «Однако, об'явив свое решение отправиться в Болонью, решение, принятое в первый момент отчаяния, Бакунин спохватился. Обдумав дело, он предпочел не уезжать, а остаться с Антонией [1] — разумеется, не из малодушия [2], а по той причине, что он не одобрял задуманного предприятия. Однако он не посмел прямо открыться в этом Кафиеро или Россу; но он заявил Беллерио о своем нежелании ехать и поручил ему сообщить об этом Кафиеро. Беллерио от этого воздержался, и Бакунин, связанный своим первым заявлением (откуда Гильом все это знает, непонятно. — *Ю. С.)* и не считавший возможным изменить свое поведение, увидел себя вынужденным поехать в Болонью против своей воли».

Так Гильом переделывает по-своему рассказ Неттлау, на который он тут же, впрочем, ссылается, и который даже приводит в примечании, опустив по своему обыкновению те места, которые противоречат его произвольному построению. Примечание это любопытно, между прочим, следующим: в нем Гильом определенно сообщает, что в 1904 году, при свидании с Сажиным, он прочитал ему соответственную выдержку из Неттлау (приведенную нами выше), на что Сажин ему ответил: «Если бы Мишель заявил, что не желает ехать в Болонью, а хочет остаться в Локарно [3], его друзья (а кто тогда был его другом? — *Ю. С.*) признали бы это решение законным и отнюдь не настаивали бы на его поездке (значит, все-таки настаивали? — *Ю. С.)*. Раз, по словам

---

[1] Эта возмутительная выходка Гильома насчет «Антонии», не основывается ни на каком документе и представляет просто сплетню, вероятно, идущую из того же источника, его информировавшего.

[2] В устах «героического» Гильома, который, несмотря на свою тогдашнюю молодость, не принял непосредственного участия ни в одном активном выступлении, а вскоре после того сделался мирнейшим обывателем и чиновником французской буржуазной республики, эта величавая снисходительность к Бакунину звучит особенно пикантно.

[3] Заметьте: в Локарно, а не в Баронате. Гильому, который знал, как Росс с Кафиеро выставили Бакунина и его семью из Баронаты, нельзя было втирать очки; это только русскому читателю можно рассказывать сказки о том, что после разрыва с Кафиеро Бакунин должен был якобы остаться в Баронате!

Неттлау, он поручил Беллерио сказать им об этом, жаль, что тот этого не сделал». Еще более жаль, что Сажин, как оказывается, прекрасно знающий о словах Неттлау еще с 1904 года, не счел нужным упомянуть об этом инциденте в статье, написанной в 1914 г. и перепечатанной без изменений в 1925 г., и обойти его полным молчанием.

Что Бакунин с самого начала смотрел на свою поездку как на вынужденную и ему навязанную, и притом навязанную ему в связи с кризисом Баронаты, с приписываемой ему виной в разорении Кафиеро, видно из того места его «Оправдательной Записки» (написанной по горячим следам, по дороге в Болонью), где он признается в допущенной им ошибке. Там он приходит к выводу, что ему с самого начала не следовало принимать братского предложения Кафиеро, и замечает: «Отвергнув его, я сохранил бы мою жизнь незапятнанной до конца и теперь имел бы право свободно располагать ею сообразно моим собственным убеждениям и склонностям». Это значит, поясняет Гильом, цитируя это место, «что он не был бы морально вынужден присоединиться к экспедиции, неудачу которой он предвидел и в которой принял участие против своего желания». Это — половина правды. Не в том дело, что Бакунин предвидел неудачу Болонской попытки (об этом мы можем только гадать), а в том, что его заставили туда поехать, что его безжалостно посылали на убой—неведомо во имя чего и под скандальным предлогом, будто бы он должен был чуть ли не смертью искупить такое тяжкое преступление, как разорение своего приятеля, во всяком случае совершенное с ведома последнего, по неопытности и без корыстной цели!

27 июля Бакунин в сопровождении Росса выехал из Локарно в Шплюген [1], где, как мы знаем, написал свою «Оправдательную Записку». 29-го он выехал в Италию и 30-го прибыл в Верону. Здесь, возмущенный какими-то действиями Росса, он отослал его от себя [2]. В тот же день в 10 часов вечера Бакунин прибыл в Болонью, где сначала остановился у Берарди. В тот же вечер у него состоялось свидание с А. Костой. 31-го он переехал на другую квартиру, где отметился в качестве богатого рантье, Тамбурини, больного и глухого. На этой квартире он прожил до 5 августа. Встречался он в это время с Берарди,

---

[1] Как и в 1870 году перед от'ездом в Лион, так и теперь Бакунин оставил у проф. А. Фохта свое завещание. Содержание его, к сожалению, неизвестно.

[2] Дневник Бакунина отмечает: «30-го, четверг... Канальские действия Росса. Посылаю его к чорту».

Костою (продолжавшим свои раз'езды по стране), Франческо Пецци, Франческо Натта, Филиппом Маццотти [1], Фаджоли. 5 августа получено было известие о нашествии полиции на квартиру участницы движения А. Витали, вследствие чего Бакунин немедленно послал записку с предупреждением Олимпиаде Кафиеро. А через несколько времени пришла весть об аресте главного организатора всего дела, А. Косты, схваченного полицией случайно на улице, после чего Бакунин немедленно, в 2 часа ночи, переменил квартиру [2]. Но, повидимому, полиция, до которой доходили только случайные слухи о готовящемся восстании, была плохо осведомлена. Она не только не подозревала присутствия Бакунина в городе, но не имела понятия и о совещаниях заговорщиков, происходивших на его квартире.

Арест Косты побудил заговорщиков безотлагательно приступить к делу. 6 и 7 августа на квартире Бакунина состоялись совещания (на первом было 5 человек, на втором 8), на которых был выработан и принят план действий. Этот план состоял приблизительно в следующем: восстание должно было начаться в Болонье, а оттуда распространиться сначала на Романью, а затем на Мархию и Тоскану. Одна колонна болонских повстанцев, подкрепленная 3.000 романьольских интернационалистов, должна была, двинувшись с Прати ди Капрара, войти в Болонью через ворота Сан-Феличе; другая колонна, выйдя из Сан-Микеле-ин-Боско, должна была пробраться в арсенал, ворота которого должны были открыть ей два унтер-офицера (впоследствии бежавшие в Швейцарию), захватить хранившееся там оружие и амуницию, а оттуда итти к церкви св. Анунциаты (превращенной в пиротехническую мастерскую), чтобы забрать все сложенные там ружья. В нескольких пунктах города были уже заготовлены материалы для постройки баррикад. Сотня республиканцев обещала примкнуть к движению — не как партия, а индивидуально.

7 августа в городе распространен был в значительном числе экземпляров № 3 «Бюллетеня Итальянского комитета социальной революции», датированный августом 1874 года и, возможно, принадлежавший перу Бакунина (это допускает и Неттлау). Он призывал народ к оружию, приглашая его слить все разрозненные вспышки в единую революцию.

---

[1] Позже этот Маццотти жил с Бакуниным в Лугано.

[2] Он переехал к Сильвио Фр. на улице Рено. Здесь они решили, в случае ареста, оказать полиции вооруженное сопротивление (у них было два револьвера), при чем Бакунин решил последней пулей убить себя. Вообще во время этой поездки он все время думал о смерти и, видимо, не рассчитывал или не хотел выйти живым из этой передряги.

«Довольно слов, пора взяться за дело. То, что вы делаете в отдельных местах, нужно делать повсюду; то, что начато вами, нужно довести до конца. Речь идет не о сделках с хозяевами для получения более дешевого хлеба, а о получении нами всего продукта нашего труда. Мы должны бороться не на жизнь, а на смерть за уничтожение всяких привилегий, за полное освобождение человеческого рода. Предатели все те, кто старается обмануть вас громкими фразами и пугает вас фантастическими ужасами; предатели и пособники реакции все те, кто использует народный энтузиазм во имя порядка и блага отечества.

«Революция нас об'единяет. Разногласия, прошедшие и еще предстоящие, исчезнут при под'еме всех народных сил. Останется лишь великое единство — народ, который не может ни исчезнуть, ни раздробиться, а против него — все об'единенные силы реакции. Необходимо поэтому решить: или с народом, или против народа, ибо никаких других партий нет. В этот торжественный момент мы взываем ко всем вашим силам и призываем всех вас, трудящиеся деревни и города, сплотиться в единый великий союз и ни на что больше не полагаться...

«Будущее в ваших руках, вы можете выбрать между свободой и рабством.

«Друзья, братья, если вы таковы, какими вы должны быть, если растление не проникло в вас, если в ваших жилах течет не вода, а кровь, если у вас в груди бьются не заячьи сердца, если вы любите свободу, если вы ненавидите рабство, если, наконец, вы мужчины, то вперед... и с нами!».

Дальше идет обращение к солдатам не стрелять в своих братьев, а обратить свое оружие против врагов народа.

«Это — наше последнее слово, и скоро за ним последуют дела.

«Горячо приветствуем тебя, заря нашего избавления».

Но надежды инициаторов движения были жестоко обмануты.

Прежде всего они пропустили удобный момент. В июле частичные вспышки были еще многочисленны, и если бы восстание началось тогда, оно, быть может, увлекло бы более широкие массы, хотя сомнительно, чтобы и в этом случае оно могло увенчаться более или менее длительным успехом. Выступая в августе, заговорщики уже опоздали. Но главная причина неудачи заключалась в плохой организации дела, в неопытности его инициаторов, в отсутствии связанных с массою вождей, в переоценке сил, которыми в действительности движение могло располагать. Это был типичный заговор оторванной от масс кучки идеалистов, и потому он ограничился разрозненными выступлениями небольших групп, почти нигде не приведя к серьзным действиям.

Прежде всего вместо обещанных тысяч инсургентов на место явились десятки людей, готовых поставить на карту свою голову, но лишенных руководства, не знавших, что делать, плохо вооруженных и потому быстро павших духом. Так, первая колонна, которая должна была собраться на Капрарской равнине (почему-то в не города), состояла всего из 50—60 человек и тщетно ждала присоединения трех тысяч романьольских интернационалистов, которые не явились. В общем собралась группа человек в полтораста; ждали до глубокой ночи в поле, но больше никто не приходил. О припасах никто не позаботился; ружья были заряжающимися с дула, а пули к ним оказались слишком большими и не входили в ствол. В конце концов большинство побросало оружие (многие со слезами) и разошлось, и только небольшая кучка двинулась в горы. Другая группа (по-итальянски «банда»), интернационалистов Имолы, в количестве около 150 человек, двинулась было к городу, но по дороге была окружена войсками, вызванными предупрежденным префектом, и частью была арестована, частью разбежалась, при чем одна немногочисленная группа ушла в горы, но на пути тоже была рассеяна.

Так неудачно закончилась попытка восстания, сделанная в Болонье в ночь с 7 на 8 августа. В других местностях, включенных в общий план, события шли не лучше. В главном городе Тосканы, во Флоренции, на которую заговорщики возлагали большие надежды, с 9 по 18 августа делались некоторые попытки поднять восстание, но они были расстроены арестами и индифферентизмом массы, к которой заговорщики не сумели подойти. Та же самая неудача постигла заговорщиков в Ливорно. В Мархии собрались было кой-какие банды, но и здесь движение умерло естественной смертью. Ничего не вышло и из приготовлений, делавшихся в Калабрии и Сицилии. И только в Апулии, где во главе движения стал энергичный Малатеста, сделана была слабая попытка возбудить восстание для поддержки Болоньи.

Здесь, около Кастель дель Монтэ (в 20 километрах от Барлетты), составилась 9 августа маленькая банда, которая, оставшись совершенно изолированной и не будучи никем поддержанной, принуждена была скоро разойтись. «В Кастель дель Монтэ, — рассказывает Малатеста, — обещали явиться несколько сот заговорщиков. Я отправляюсь туда, но вместо всех тех, кто поклялся там быть, нас оказалось только шестеро. Пустое! Распаковываем ящик с оружием; он полон старых пистонных ружей. Это ничего не значит: мы вооружаемся и об'являем войну итальянской армии. Мы несколько дней толкаемся по деревням, стараясь увлечь за собою крестьян, но не встречаем отклика. На второй день мы сталкиваемся с восемью карабинерами, которые стреляют в нас, во-

ображая, что нас очень много. Три дня спустя мы замечаем, что со всех сторон окружены солдатами. Нам оставалось только одно: мы закапываем ружья и решаем разойтись. Я зарываюсь в воз с сеном, и таким путем мне удается уйти из опасной зоны». Малатеста направился в Неаполь, но по дороге был арестован.

Неудача восстания нанесла сильный удар итальянским анархистам [1]. Но особенно тяжел был этот удар для Бакунина, который поставил здесь свою последнюю карту, который увидел крушение своей теории и в то же время со страхом взирал на открывающуюся перед ним мрачную перспективу унылой старости в нищете и болезнях. Ночь с 7 на 8 августа была для Бакунина ужасной. Всю эту ночь он провел один в ожидании товарищей, которые должны были явиться за ним в случае успеха движения, чтобы торжественно отвести его в префектуру, если бы ее удалось захватить. Но часы проходили, и никто не являлся. Бакунин начал догадываться об ужасной истине, и мысль о самоубийстве снова овладела им. Он не хотел пережить лишнего поражения, после которого он уже не надеялся, как прежде, на новый взрыв революции. А если мы припомним, что̀ ждало его в личной жизни после разрыва с молодыми последователями, то неудивительно, что утомленный старый борец пришел к такому решению, подсказанному ему отчаянием и разочарованием.

В дневнике Бакунина под 7 августа мы читаем: «Неудача. Страшная ночь с 7-го на 8-е. Револьвер. Смерть под рукой. Приходят один за другим Л., Сильвио, Берарди, Нья... Оставался один с 3 до 4 (часов). В 4 смерть. В 3 ч. 40 м. утра является Сильвио» (Сильвио Фр., на квартире которого жил тогда Бакунин). «8-го, суббота. В 3 ч. 40 м. утра является Сильвио и не дает мне умереть. Ложимся спать. Сильвио

[1] На Брюссельском конгрессе анти-авторитарного Интернационала в сентябре 1874 года было оглашено характерное послание итальянского «Комитета социальной революции», в котором между прочим заявлялось: «Италия не будет представлена на этом конгрессе, потому что в Италии Интернационал открыто более не существует, и ни одна группа нашей тайной организации не намерена терять какого-либо из своих членов, который сможет завтра с оружием в руках оказать немало других услуг нашему делу. Да, открытый Интернационал в Италии уже не существует. И этим счастливым (!) результатом мы всецело обязаны нашему правительству. Итальянские массы, склонные преимущественно к конспирации, вначале встретили Интернационал не без сильного недоверия. Это недоверие относилось не к принципам нашего великого Товарищества, но к его системе открытой или легальной организации... Однако истина и справедливость нашего принципа, в конце концов, восторжествовали над этим недоверием,

уходит». Вечером Бакунин перебрался на другую квартиру. Итак, Бакунин решил ждать до 4-х часов ночи и, если никто не принесет лучших вестей, покончить свои счеты с жизнью, уже не представлявшей для него ничего привлекательного. Сильвио Фр., за два дня полюбивший Бакунина «как родного отца», насилу удержал его от рокового решения, убедив его, что дело еще не окончательно проиграно, что есть еще надежды на новые выступления и т. д. Но душевное состояние Бакунина было ужасно: он был мрачен, молчал, был разочарован и убит, и видно было, что этот человек покончил свои счеты со всем (по словам Ф. Натта, который тогда мог наблюдать Бакунина).

9 августа он отправил в Локарно Сильвио, который повез туда письма к г-же Кафиеро с требованием денег, без которых Бакунин остался в Болонье, и к Э. Беллерио. Последнее письмо гласило:

«Рекомендую тебе этого друга, который оказал и продолжает оказывать мне ценные услуги в моем крайне критическом положении. Он заслуживает полного доверия. Своди его возможно скорее к м-ме Шарль (Липка) [1]. Если ее там уже нет, пусть Росс прочтет тебе письмо. Если и его уже там нет, то в крайнем случае передай письмо Зайцеву под строжайшим секретом, и пусть он тебе его переведет.

«Друг мой, брат мой, я со страхом спрашиваю тебя, что с Антонией и с отцом. Скажи ей, что самой жестокой из переживаемых мною мук является сознание того, что я покинул ее в таком тяжелом положении. Но у меня не было выбора; прочитав мое большое письмо [2], ты сам скажешь, что я поступил так, как должен был поступить.

«Преданный тебе до гроба.

«М. Б.

и Интернационал начал получать все большее распространение, но вместе с тем его организация приняла форму, совершенно отличную от той, какую он усвоил в других странах. Эта организация превратила итальянский Интернационал в широкий заговор, организуемый у всех на глазах. И одного этого простого определения достаточно для того, чтобы показать всю нелепость подобной системы». Отсюда — вывод о предпочтительности подпольной организации во что бы то ни стало. Но итальянские интернационалисты, уйдя в подполье и оторвавшись от масс, превратились в бессильную секту. В апреле 1877 года они сделали новую попытку «пропаганды действием», так называемую «Беневентскую попытку», закончившуюся еще более неудачно, чем Болонская. После нее итальянский Интернационал бакунистского толка окончательно сошел на-нет.

[1] Т.-е. Олимпиаде Кафиеро-Кутузовой.

[2] Речь идет, повидимому, об «Оправдательной Записке».

«Крепко поцелуй от моего имени твою милую Антуанетту, мою приятельницу. Если еще не очень поздно, сделай так, чтобы никто не знал, что я нахожусь в Италии».

11 августа Бакунин получил письмо от Росса («попрежнему канальское», как отмечает дневник), который от имени Кафиеро вызывал его в Шплюген. Было решено, что поедут Бакунин и Ф. Натта, который играл тогда видную роль среди флорентинских интернационалистов. Повидимому, имелись еще кое-какие надежды на возобновление движения в Тоскане, и на эту тему, вероятно, решено было переговорить с Кафиеро (может быть, нужны были деньги на это предприятие). Если это так, то данную поездку Бакунина, как верно замечает Неттлау, нельзя рассматривать как простое бегство. Повидимому, Бакунин надеялся еще вернуться в Италию для участия в новой революционной попытке (как можно судить по письму его к Беллерио от 18 августа).

12-го Бакунин, побрившись и переодевшись в костюм деревенского священника (для полноты сходства он надел большие очки и шел, опираясь на палку и держа в руках корзину с яйцами), выехал из Болоньи. Сопровождавший его нескомпрометированный товарищ взял ему в кассе билет, а сам Бакунин через буфет прошел беспрепятственно в вагон [1]. В Модене к нему присоединился Ф. Натта, вместе с которым он и прибыл 14 августа в Шплюген.

Революционная карьера Бакунина была закончена.

3. На переломе.

Прибыв в Шплюген с Фр. Натта, Бакунин немедленно телеграфировал Зайцеву с просьбою предупредить Кафиеро о том, что они приехали и ждут его для переговоров, предлагая ему одновременно привезти с собою деньги и адреса, которых они у него просили. Это показывает, что речь шла о каких-то новых революционных предприятиях в Италии, в возможности которых итальянские анархисты сумели на короткое время убедить Бакунина. На следующий день, 15 августа, Бакунин написал о том же Беллерио, присовокупив, что если приезд Кафиеро

---

[1] Все остальные росказни насчет от'езда Бакунина из Болоньи, в том числе и рассказ Драгоманова (стр. 349) о крестьянине, вывезшем Бакунина из города в возе сена, представляют просто легенды (в возе с сеном выбрался Малатеста).

абсолютно невозможен, то пусть он в таком случае пришлет хотя бы Росса [1].

Не получая никакого ответа на письма и телеграммы, Бакунин начал нервничать. 16 августа он снова пишет Беллерио. В этом письме он говорит, что для своих личных дел он не стал бы вызывать Кафиеро, а приглашал его безотлагательно прибыть в Шплюген «для дел более важных, чем мои собственные». Систематическое молчание локарнцев начинает казаться Бакунину слишком странным. «Или все вы умерли, — пишет он, — или с вами приключилось большое несчастье, или же здесь имеется какая-то интрига и гораздо больше злой воли, чем я даже предполагал». При этом приложено было новое письмо к Кафиеро, которое надлежало передать Кафиеро или, в случае его отсутствия, Россу.

18 августа следует еще письмо к Беллерио.

«С отчаяния, что никто не приезжает, я, как ты видишь, развлекаюсь писанием писем, а это становится тем более необходимым, что телеграф или спился, или сбесился. Итак, вот еще одно письмо, которое я прошу тебя передать Кафиеро или удержать в своих руках до его возвращения, если он уже выехал. Если он выехал надолго, ты можешь передать его Россу.

«А теперь, мой дорогой друг, ради бога, сообщи мне известия об Антонии и обо всех моих. В каком они положении? Как их здоровье? Где они живут? Что они намерены делать? Когда они ждут сестру Софью? Так как я твердо р е ш и л в е р н у т ь с я т у д а, о т к у д а я п р и е х а л, то я обо всем пишу только тебе одному, моему единственному другу в Локарно».

Подчеркнутые слова этого письма показывают, что в тот момент Бакунин, несмотря на свое глубокое разочарование и тяжелое настроение, еще не вполне отказался от всякой революционной деятельности. Это же подтверждают и заметки дневника. Под 14 августа мы читаем: «Беседуем (с Наттою) и составляем шифр». Дальше: «14 — 21-го. Пятница. Тщетно ждем Кафиеро. Сговариваемся обо всех вопросах. Вырабатываем полный план работы, устанавливаем шифр и знаки». Итак, даже в такой трагический для него момент Бакунин обретает в своей усталой и разбитой душе новый прилив энергии и намечает план дальнейшей революционной работы. Увы, это были последние искры священного огня, который так долго и ярко горел в его груди, и которому суждено было скоро угаснуть.

---

[1] Обращаться непосредственно к Кафиеро и Россу Бакунин не хотел

Кафиеро так и не приехал и не ответил; вместо него 21-го явился Росс. В дневнике Бакунина записано: «Наконец, 21-го в 10 часов приезжает Росс, остервенелый и фальшивый как каналья. Натта после обеда уезжает в Локарно [1]. Я остаюсь наедине с г-ном Россом. — 22-го, суббота. Письмо от Эмилио и Антуанетты (жена Э. Беллирио. — *Ю. С.*). Телеграмма от Эмилио. Росс крайне раздосадован. Он уезжает после обеда. Я снова один».

По словам Гильома, Росс от имени Кафиеро, на основании полученных последним сведений, передал Бакунину, что в Италии больше делать нечего. Вряд ли у Кафиеро были более свежие новости, чем у Бакунина, прибывшего только что из Италии, тогда как Кафиеро и Росс преспокойно оставались в это время в Локарно. Понять слова Кафиеро, переданные Бакунину Россом, можно было только в том смысле, что Кафиеро и Росс желают окончательно устранить Бакунина от итальянских дел. Во всяком случае Бакунин мог истолковать их только в таком смысле. А это могло подсказать ему и другую мысль, а именно, что Кафиеро и Росс постараются в интересах самореабилитации оклеветать его и перед анархистами других стран, для того чтобы совершенно отрезать его от революции (как мы сейчас увидим, так и случилось) [2].

Это, повидимому, послужило последним толчком, заставившим Бакунина отныне оставить всякую мысль о дальнейшей революционной работе. И действительно, как отмечает и Неттлау, именно в эти дни, после посещения Росса, у Бакунина окончательно созревает решение отказаться от революционной деятельности и уйти в частную жизнь. В Шплюген он приехал хотя и с разбитой душой, но еще с готовностью и в дальнейшем служить по мере сил революционному делу. Здесь, убедившись, что и поездка в Болонью не примирила с ним молодых друзей, понимая, что при их противодействии ему, старому, больному, лишенному средств, трудно будет

---

[1] Это показывает, что Кафиеро не хотел видеться именно с Бакуниным, а Натту он пригласил к себе в Баронату. Новое жестокое оскорбление для Бакунина.

[2] Более того, повидимому, они хотели выжить его вообще из Европы; во всяком случае они обрадовались мысли Бакунина уехать в Америку, о чем он сообщил Россу в Шплюгене. Что это так, видно из нижеприводимого письма Бакунина к Беллерио от 27 августа 1874 года. В этом письме Бакунин, уведомляя Беллерио о своем отказе от мысли эмигрировать за океан, просит не сообщать об этом Кафиеро, ибо иначе Росс помешает ему приехать в Сиерру, где Бакунин и Кафиеро должны были встретиться (см. дальше).

что-либо делать, он понял, что дальнейшая борьба невозможна. Свидание с юрцами, состоявшееся через несколько дней, окончательно убедило его в невозможности для него дальнейшего участия в революции не только на правах руководителя, но и на правах рядового работника, с чем, впрочем, ему вообще трудно было бы примириться.

Со свойственной его «Воспоминаниям» об'ективностью и точностью Сажин рассказывает об этом свидании так (стр. 93): «Бакунин остановился в Шплюгене, откуда телеграммой вызвал меня к себе [1]. При свидании с ним я рассказал ему все в подробностях, что произошло в его отсутствие, включая и мой разговор в саду с его женою [2], с которою он еще не виделся после поездки в Италию, а переписка между ними, повидимому, только началась, потому что Бакунин тогда выражал намерение вернуться в Баронату» [3]. О своих отношениях к жене и детям Бакунин прежде упоминал чрезвычайно редко, да и то мимоходом, вскользь, так что я, зная, что дети не его, всегда представлял его себе бессемейным, и поэтому в Шплюгене мне удивительно было слышать от него, что для него теперь чуть не самый важный вопрос удержать «Антосю» (т.-е. жену) от поездки в Неаполь, где она предполагала остаться жить [4].

«Здесь же впервые Бакунин сказал мне, что отныне он решительно отстраняется от всяких революционных дел, что он стар, устал, болен, что теперь он вполне искренно решил уйти в частную жизнь, что, конечно, он никогда не откажется быть нашим советником, делиться с нами своей опытностью, своими знаниями, но что для активной деятельности у него нет больше ни сил, ни энергии [5]. С этого момента я уверовал, что Бакунин действительно вполне уходит в частную жизнь, и мы остаемся одни без него (!!). Никаких разговоров о разрыве с ним, конечно, не было, да и не могло быть (!), потому что как он, так и мы оставались тем же, чем были и раньше, и все дело состояло

---

[1] Как мы знаем, он вызывал Кафиеро и соглашался на приезд Росса лишь в случае «абсолютной невозможности» поездки Кафиеро.

[2] Если он и рассказал Бакунину про этот разговор, то наверное в таком виде, в каком он изложен в его «Воспоминаниях», а не в том, в каком он происходил в действительности (см. выше).

[3] После всего вышесказанного читатель сам оценит точность этого сообщения М. Сажина.

[4] В Неаполе проживал ее действительный муж, К. Гамбуцци.

[5] О том, что он от имени Кафиеро привез Бакунину «совет» не возвращаться в Италию, как, несомненно с его слов, сообщает Гильом (т. III, стр. 207), Сажин не упоминает ни одним звуком.

в том, что один из нас по причинам, вполне уважительным, отстает от дела [1].

«Вернувшись из Шплюгена в «Баронату», я рассказал Кафиеро все до мельчайших подробностей, затем по его просьбе произвел все расчеты по постройкам и после этого я считал покончен̈ным весь этот эпизод с «Баронатою». С Бакуниным переписка прервалась (?), и все, что с ним происходило с этого времени, для меня было совершенно неизвестно (!?). Обо всех его переживаниях, планах, надеждах я узнал много лет спустя после его смерти».

Как увидим ниже, и переписка не прервалась, и новые свидания Сажина с Бакуниным состоялись (и не раз!!). Повидимому, за давностью лет М. Сажин все перезабыл. Но неужели он ничего про себя не читал у Неттлау и Гильома, которым давал сведения? Впрочем, о дальнейшей переписке и свиданиях с Бакуниным он сам рассказывает через пару страниц.

23 августа в Шплюген приехали Э. Беллерио и Софья Лозовская. Бакунин заявил им, что он решил окончательно отказаться от всякой общественной деятельности и уехать в Америку, чтобы там натурализоваться (шла ли речь о постоянном переселении в Америку или о временной поездке туда, неясно). По всей вероятности, во время этого свидания обсуждался и вопрос об обращении Бакунина к братьям, вернее, вопрос о конкретных формах реализации той части наследства, которую братья соглашались выделить Бакунину. Лозовская взяла на себя поручение лично с'ездить в Россию, чтобы там на месте двинуть этот вопрос вперед. Таким образом, решившись на склоне дней устроиться по-обывательски, Бакунин почувствовал под ногами некоторую материальную опору, так как он твердо верил, что рано или поздно братья выделят ему известную долю общего имения. Но он знал, что так скоро это не сделается, и потому перед ним вставал вопрос о переходном периоде, в течение которого жить с семьей все-таки надо было. И здесь он пошел на новый компромисс со своей совестью: он решил обратиться к Кафиеро за ссудой. Правда, после всего, что между ними произошло, ему не совсем приятно было апеллировать к помощи бывшего друга, но он, повидимому, полагал, что имеет на это известное право ввиду крутого разрыва, на который пошел Кафиеро (по убеждению Бакунина, без достаточных оснований), и ввиду тех обещаний, которые тот надавал ему до этого внезапного разрыва. Для этого ему нужно

[1] Просто диву даешься, читая эти заявления. Мы положительно отказываемся разрешить эту психологическую загадку, заключающуюся в столь противоречащих фактам словах Сажина.

было свидеться с Кафиеро, и, надо полагать, во время свидания с Россом в Шплюгене Бакунин предложил Кафиеро встретиться с ним для окончательного выяснения их взаимоотношений.

25 августа дневник отмечает получение «канальского письма от г-на Росса с приложением 200 франков» [1]. Судя по тому, что Бакунин на следующий же день выехал из Шплюгена в Сиерру, письмо Росса уведомляло его о том, что Кафиеро согласился на свидание с ним в Сиерре. Почему в Сиерре, а не в Шплюгене? — спрашивает Гильом (т. III, стр 209), и отвечает: «Без сомнения потому, что проездом в Сиерру Кафиеро мог заехать в Невшатель и поставить нас (т.-е. юрцев. — *Ю. С.)* в известность о том, что произошло». Так оно и было.

1 сентября Кафиеро и Росс, теперь не отстававший от него ни на шаг, прибыли в Невшатель. Там они по-своему рассказали Гильому и вызванному из Сонвилье Швицгебелю [2] про события в Баронате. Замечательно, как легко эти последователи Бакунина поспешили осудить своего учителя, даже не выслушав его (правда, Кафиеро дал им для прочтения «Оправдательную Записку» Бакунина, которую и оставил Гильому на сохранение; но сомнительно, чтобы они успели ее прочитать до рассказа). Это отчасти показывает, что прочной привязанности к себе Бакунин не умел возбуждать в людях.

Даже по прошествии тридцати слишком лет Гильом, хотя и в смягченной форме, осуждает Бакунина и полностью взваливает на него вину за конфликт по поводу Баронаты. Ссылаясь на заявление Бакунина в «Оправдательной Записке», что одним из главных мотивов, побудивших его принять предложение Кафиеро, была его тревога за будущность своей семьи и желание хотя бы отчасти обеспечить ее судьбу, Гильом замечает (т. III, стр. 203): «Нужно запомнить это добровольное сознание, что желание обеспечить будущность Антонии Каятковской и ее детей было «самым сильным из мотивов», побудивших Бакунина совершить то, что он называет «изменою по отношению к самому себе и к своему прошлому». Эта слабость старика к молодой женщине, которая была для нас чужой, и которая ничуть не сочувствовала дорогим для

---

[1] В тот же день Бакунин получил еще 200 фр. от Беллерио «за счет г-жи Лозовской».

[2] Не забудем, что Гильом был членом Центрального Бюро союза Интернациональных Братьев, а Швицгебель — членом швейцарского национального комитета тайного Альянса; кроме того Гильом был лидером Юрской федерации, а Швицгебель — ее секретарем. Таким образом, восстановив их обоих против Бакунина, Кафиеро и Росс отрезали Бакунина от юрских анархистов. Удар был рассчитан хорошо.

нас идеям [1], глубоко возмутила нас, юрцев, когда в сентябре 1874 года нам было сообщено то, что произошло в Баронате. Но можно ли с неумолимой суровостью осуждать добродушного человека, провинившегося в необдуманной и чрезмерной доброте?» [2].

Выслушав заинтересованное и тенденциозное сообщение обоих друзей, самозванный суд чести изрек свой нелицеприятный приговор. Обвинительный вердикт, вынесенный заочно (и это, оказывается, не новость), излагается Гильомом (т. III, стр. 209) в следующих выражениях: «мы, Швицгебель и я, об'явили Кафиеро и Росса [3] правыми; приходилось признать, что Бакунин уже не тот человек, каким он был прежде, и что, говоря о своей старости, усталости, разочаровании и утомлении, он высказал печальную истину». Итак, юрцы тоже поставили на Бакунине крест, и с этим напутствием Кафиеро и Росс поехали в Сиерру [4].

Бакунин через Хур, Ольтен и Берн прибыл 27 августа в Фрейбург, где остановился на 2 дня. Здесь он написал ряд писем Беллерио, жене и Кафиеро. Письмо к Беллерио от 27 августа сохранилось. В нем говорится:

«При сем прилагаю большое письмо к Антонии, которое прошу немедленно ей переслать, но для большей верности ценным или заказным пакетом. Еще раз благодарю тебя за твою добрую и верную дружбу.

---

[1] К этому месту Гильом делает следующее примечание: «Особенно возмутило нас одно выражение, переданное нам Кафиеро. Во время работ по устройству и украшению Баронаты Бакунин несколько раз заявлял, что он готовит «рай для Антонии». Повидимому, сплетники и доносчики, равно как строгие судьи, раздувающие всякие пустяки, существовали во все времена.

[2] Жаль, что это золотое правило грозный судия не припомнил в то время, когда выносил свой суровый приговор отсутствовавшему Бакунину.

[3] Эти слова снова и снова подтверждают, что в истории с Баронатой и в разрыве Кафиеро с Бакуниным Росс играл активную, чтобы не сказать, решающую роль. Это же лишний раз показывает, как осторожно следует относиться к его воспоминаниям, где все это замазано и обойдено молчанием.

[4] Сажин, с обычной «точностью», рассказывает об этом так (стр. 93—94): «Кафиеро и я признали безусловно необходимым лично рассказать Гильому о всем происшедшем в «Баронате», и поэтому (?) мы оба отправились к нему в Невшатель. Здесь Кафиеро в моем присутствии изложил ему обо всем весьма подробно и детально, и я только кое-где дополнял или указывал на пропуски в его рассказе. Хорошо помню, что он не щадил себя и признавал свою ошибку (о самобичевании Кафиеро Гильом не говорит ничего. — *Ю. С.*). Гильом с своей стороны сообщил юрцам о нашем посещении его и нашем рассказе». Итак, сплетня пошла гулять по всей Юре, что и требовалось доказать. О том, что посещение обоими друзьями Гильома состоялось на пути их в Сиерру, Сажин умалчивает, равно как умалчивает и о свидании в Сиерре вообще.

В таких-то вот обстоятельствах и научаются отличать искренних друзей от фальшивых. Уведомляю тебя о получении 200 франков, которые ты мне прислал за счет Софьи.

«После вашего от'езда я долго размышлял и принял твердое решение. В Америку я не поеду. Я хотел поехать туда с единственной целью добиться там натурализации и раздобыть настоящий паспорт. Но мне не нужен будет паспорт с того момента, как я откажусь от всяких политических предприятий и выступлений, а это-то я твердо решил сделать. Мне надоела политика и революционные предприятия. Последняя моя экспедиция окончательно отбила у меня к ним охоту, а я достаточно стар, чтобы иметь право на отставку. Об этом решении, смею тебя уверить, твердо принятом, я прошу тебя впредь до нового уведомления не говорить ни слова никому, в особенности же Кафиеро и компании, даже не Кармело Палладино, если он еще находится в Локарно.

«Кафиеро должен лично навестить меня в Сиерре, а вскоре, если я должен этому верить, то и Росс. Надеюсь, что он прибудет один, и тогда у меня будет случай сказать ему все. До тех пор они должны воображать, что я остаюсь при своем американском проекте — иначе г. Росс помешал бы ему приехать. Как я и угадал, Росс не прибыл в Шплюген, но он мне написал письмо.

«Надеюсь, что Антония последовала вашим добрым советам и уже оставила Арону и вообще Италию, чтобы поселиться или в Бриссаго, или в каком-либо другом пункте швейцарской территории.

«А теперь, мой дорогой, вот тебе поручение:

«Прошу тебя: 1° сохранить у себя большой пакет, содержащий мои писания: там нет запретных писем — одни мои неизданные философские и политические сочинения. Сначала я хотел вручить их Россу, но так как Росс должен скоро уехать, вероятно в Англию, то лучше, чтобы этот пакет оставался у тебя [1].

«[2°]. Нужно, чтобы ты снова передал Антонии второй пакет, содержащий интимные письма, не политические. Кажется, Антония, не зная его содержания, передала его Россу. Поэтому я прошу тебя истребовать его у Росса или Кафиеро» [2].

---

[1] Этот пакет сохранился у Беллерио и впоследствии он был использован М. Неттлау в написанной им биографии Бакунина. (Неттлау, примечание 3754.)

[2] Второй пакет содержал, кроме того, личные документы Бакунина, а также документы, связанные с его ходатайством о натурализации в Тессинском кантоне; он, к сожалению, пропал; возможно, что он, как подозревал Бакунин, был сожжен Кафиеро.

30 августа Бакунин прибыл в Сиерру, где стал дожидаться Кафиеро. Для тогдашнего его настроения характерен следующий мелкий факт, отмеченный им самим в дневнике: 31 августа он с'ездил в курорт Саксон, славившийся своим игорным домом, и попытал там счастья; в результате он только проиграл 100 франков из своих скудных средств. Думал ли он, в случае выигрыша, избавиться от необходимости обращаться с просьбами к Кафиеро, что было для него крайне неприятно? Кто знает! Но ему и здесь не повезло.

Из Сиерры Бакунин написал два письма Кафиеро. 2 сентября последний, наконец, приехал с Сажиным. В дневнике Бакунина мы читаем: «2-го, среда. Послал Кафиеро заказное письмо. Неожиданно приезжают Кафиеро и Росс из Невшателя, где они виделись с Джемсом (Гильомом) и Адэмаром (Швицгебелем) и, наверно, основательно меня оклеветали. Кафиеро холоден и натянут. Росс болен или притворяется таковым. Разговор чисто политический. Я заставляю Кафиеро рассказать мне в подробностях все, что они наметили. Я прошу ссудить мне 5.000 франков, на что выражено согласие, и уступить мне мебель, белье и пр. в виде ссуды на два года из 6%. — 3-го, четверг. Кафиеро оставляет мне 300 франков. Они уезжают до обеда; мы холодны как лед, между нами все кончено. Вечером писал Антонии и Эмилю».

Вот что писал Бакунин своему молодому приятелю.

«Кафиеро и Росс посетили меня вчера и сегодня уехали. Мы ликвидировали все дела. Я заявил им, что не поеду ни в Америку, ни в другое место, а останусь в Швейцарии, приняв бесповоротное решение окончательно удалиться от политической жизни и деятельности, как явной, так и тайной, и отдаться отныне исключительно семейной жизни и личным делам. Чтобы осуществить эту перемену, я, решительно отклонив, как и следовало, предложенную мне пенсию, попросил у него заимообразно пять тысяч франков с уплатою в два года и из 6%. Он весьма любезно согласился на это, но попросил лишь, чтобы вексель был подписан не мною и не моей женой, а ее сестрой, г-жей Софьей Лозовской, что Софья не откажется сделать, и я принял это условие, будучи уверен, что мы уплатим этот долг до истечения двухлетнего срока. Эта уверенность основана на следующих данных:

«1) Прежде всего, как только я устроюсь, я начну писать свои мемуары. В течение двадцати лет меня со всех сторон побуждали к этому, обещая издателей и значительный заработок. До сих пор я этого не делал, будучи занят совершенно другими делами. Теперь же, когда у меня будет много свободного времени, и я буду чувствовать, что боевая и активная часть моей жизни решительно закончена, я займусь тем, чем

занимаются все старики, я стану писать свои мемуары, а так как я пишу быстро, то стоит мне только за них приняться, и я рассчитываю закончить их до истечения года и имею основания рассчитывать, что они наверное дадут мне несколько тысяч франков.

«2) Я произведу такой нажим на своих братьев, какого еще не производил до сих пор, и не пройдет года, как я заставлю их выделить мне законную долю из нашего общего наследства, что даст мне минимум от сорока до пятидесяти тысяч франков [1].

«3) Наконец, в худшем случае, я рассчитываю на помощь Софьи, которая, как кажется, всерьез собирается разбогатеть [2].

«Прямо невероятно, чтобы с такими тремя тетивами на своем луке я не мог выпустить хорошую стрелу. Кроме того, я условился с Кафиеро, что куплю у него также заимообразно на два года из тех же 6% всю мебель, утварь и белье Баронаты, в которых мы нуждаемся, и что тебя с твоей милой женой, госпожей Антуанеттой, попросят оценить их по обычной стоимости вещей новых, но уже бывших в употреблении. Словом, я заплачу самую высокую цену, какую смогут предложить другие. Таким образом мы сможем снять маленький домик без обстановки, что составит нам большую экономию. Я серьезно думаю устроиться в Лугано или неподалеку от Лугано, если, конечно, Антония на это согласится. Чтобы сделать это совершенно спокойно, я, как только получу ответ от Антонии на мое большое письмо, посланное тебе из Фрейбурга, кажется 29 августа, с просьбой передать его ей, и как только получу вещи, высланные мне из Локарно, поеду в Берн, где при посредстве своего друга Адольфа Фохта снова войду в сношения с г. Шенком и другими высшими федеральными властями — и теперь, когда я всерьез откажусь от всякой революционной агитации, я думаю, что мне нетрудно будет получить от них все гарантии моего спокойствия в дальнейшем. Это отнимет у меня несколько дней, после чего, если все пойдет хорошо, и опять-таки если Антония одобрит мои проекты, я через Сен-Готард или через Беллинцону прямо выеду в Лугано, где я должен буду встретиться или с Антонией, или с Софьей, чтобы вместе поехать домой.

«Теперь я не знаю, где они находятся. Прибыли ли они в Бриссаго или все еще остаются в Ароне? Я надеюсь, что завтра или послезавтра получу от них и от тебя письма, которые раз'яснят мне эти пункты.

---

[1] Увы, как увидим, и здесь Бакунин жестоко ошибся.

[2] Такая надежда связывалась с какими-то золотыми приисками в Сибири.

«Я послал Гавирати письмо с Кафиеро и надеюсь, что гнев этого превосходного друга несколько смягчится. Передай от меня привет всем своим: они знают, что я никогда их не позабуду. Целую тебя и с нетерпением жду твоего письма.

«Преданный тебе

«М. Бак.

«Кстати, я узнал от Кафиеро, что Бароната в действительности обошлась всего в 62.000 франков. Росс, который все раздул и извратил, говорил мне о 72.000 франков».

Одно время Бакунин натолкнулся на сопротивление с такой стороны, с какой он, казалось бы, не мог его ожидать. А именно Антония, для которой вопрос о материальном обеспечении стоял, повидимому, на первом плане, не обнаруживала никакого желания вернуться к старому мужу, финансовое положение которого было весьма неопределенным. Приходилось долго убеждать и уламывать ее самоё и ее родных. Ответ Антонии и ее сестры, С. Лозовской, на «большое письмо», посланное Бакуниным жене, пришел 5 сентября, но содержание его было крайне неблагоприятное (зато хорошее отношение к Бакунину проявил в это время фактический муж Антонии, К. Гамбуцци). Вечером того же дня Бакунин написал обеим сестрам решительное письмо, от ответа на которое должна была зависеть его участь. В дневнике за этот день отмечено: «решительный кризис». Одинокий, больной старик, покинутый всеми, политическими единомышленникам и родными, чувствуя вокруг себя ужасающую пустоту, снова начинает подумывать о самоубийстве. 7 сентября он спрашивает себя: «Что я буду делать, где я буду и чего пожелаю через 10 дней, в четверг 17-го?». Повидимому, он решил ждать до истечения этого срока и в случае отрицательного ответа жены покончить с собой. Характерно, что в тот самый день, в который он занес в дневник эти строки, он отправляется на вокзал и покупает там роман под заглавием «З а в т р а я с е б я у б ь ю». В течение ближайших дней он читает только романы. 12 сентября приходит наконец долгожданный ответ, но он не удовлетворяет Бакунина: письма от сестер «странны, неоткровенны», а С. Лозовская отказывается даже дать свою подпись под векселем, которую требовал Кафиеро, о чем последний сейчас же узнал через Росса. В дело вмешался (быть может, по просьбе Бакунина) и Эмилио Беллерио, написавший 21 сентября письмо Антонии, в котором выражал сожаление по поводу уклонения г-жи Бакуниной от совместной жизни с мужем. Беллерио сожалеет об этом, ибо знает, как «горячо Мишель желал соединиться с своей семьей», и высказывает опасение,

как бы поведение Антонии не заставило Бакунина снова сблизиться с Кафиеро. Далее Беллерио выражает сожаление по поводу того, что Бакунин «поддерживает постоянные сношения с г. Россом, который несомненно является весьма почтенным человеком, но с которым Мишель должен был бы прекратить все отношения, если ему дорого сохранение своего достоинства» [1].

С 13 по 17 сентября Бакунин пишет большое письмо Антонии, в котором пытается рассеять все ее опасения и заставить ее вернуться к нему. Повидимому, на сей раз ему это удается.

Но перед тем, как окончательно уйти в частную жизнь, Бакунин захотел еще раз об'ясниться со своими бывшими товарищами.

Бакунин оставался в Сиерре до 23 сентября, переписываясь с своей женой. В то же время он поддерживал деловые сношения с Россом, который занял при Кафиеро место чего-то вроде управляющего или поверенного, и с которым поэтому приходилось вести переговоры по поводу займа, уступки мебели и утвари и т. д. (так, дневник отмечает получение письма от Росса 9 сентября, свидание с Россом 11 сентября). Этим и воспользовался Бакунин. Когда С. Лозовская отказалась подписать вексель, Бакунин 15 сентября написал письмо Россу, предлагая ему новую встречу в Невшателе, на которой кроме их обоих присутствовали бы Кафиеро и Гильом. В таком же смысле он послал телеграмму Кафиеро. Тот и другой согласились на предложенное свидание, которое должно было состояться в двадцатых числах сентября. Оно состоялось 25 сентября.

Мы имеем два описания этой знаменательной встречи, с которою Бакунин, вероятно, связывал еще кое-какие надежды если не на возобновление политических связей с прежними товарищами, то на возможность своей реабилитации в глазах своих юрских последователей. Оба описания принадлежат участникам совещания: Россу (Сажину) и Гильому.

Вот что рассказывает Сажин (стр. 94): «Бакунин дал нам знать, что он хочет видеться со всеми нами. Встреча произошла в Невшателе в присутствии Гильома, Кафиеро, меня, Швицгебеля и Шпихигера [2]; она была тяжела и для Бакунина, и для всех нас. Кривить душою, лицемерить, лгать никто из нас не решился бы. Сам Бакунин всегда требовал от нас

---

[1] Кстати, это показывает, что о роли Росса в инциденте с Баронатой и пр. знали даже посторонние люди, а это обстоятельство опять-таки бросает странную тень на точность его воспоминаний.

[2] Деятельный член Юрской федерации; вероятно, член швейцарского национального комитета тайного Альянса.

полнейшей откровенности, правдивости (!) во взаимных отношениях: как бы ни была горька правда (а «что есть истина»? — *Ю. С.)*, но ее всегда следует высказывать откровенно и прямо, — говаривал он. Так он вел себя с нами и того же требовал от нас. Представляю себе на один момент, что мы сфальшивили бы перед ним, скрыли бы наше мнение о его поведении с «Баронатой». Он первый бы обнаружил эту фальшь, первый возмутился бы нашим недостойным поведением. Я бывал свидетелем, когда он давал в подобных случаях жестокие головомойки. Он никогда не уклонялся от высказывания всей правды прямо в глаза, того же требовал всегда и от нас. В конце концов, Бакунин и сам признал свои ошибки и как раз именно те ошибки, на которые мы ему указывали».

Как видит читатель, это собственно не описание встречи, а многословная попытка обойти рассказ о ней. Здесь очень много громких слов о правде и правдивости, но о чем говорилось во время этого свидания, мы от Сажина так и не узнаем. Из его рассказа можно только догадываться, что говорилось об инциденте с Баронатой, и что юные друзья не щадили старого учителя, взваливая на него ответственность за совершенные там промахи [1]. Гильом в своем описании меньше говорит о высоких материях и возвышенной морали, меньше распространяется о своей правдивости, но дает несколько больше материала для суждения о содержании имевшей место беседы. Правда, и он излагает точку зрения одной стороны, обвинительной, но мы от него хоть кое-что да узнаем.

Упомянув о том, что Бакунин в ожидании предстоявшей встречи 19 и 20 сентября писал в Сиерре какую-то «русскую брошюру» [2], Гильом продолжает (т. III, стр. 237): «23 сентября Бакунин «складывает свои пожитки» и выезжает из Сиерры в Саксон; 24-го он ночует в Ивердоне, а 25-го в три часа пополудни приезжает в Невшатель. Кафиеро и Росс находились здесь уже с предыдущего дня и сообщили мне обо всем, что произошло со времени нашей последней встречи [3]. Мы постановили (до встречи с Бакуниным! — *Ю. С.)* просто принять к сведению решение

---

[1] После такого обстоятельного и правдивого рассказа М. Сажина нас уже не удивят его заключительные строки: «Это наше последнее общее свидание с ним не изменило моего отношения к Бакунину, и я продолжал относиться к нему так же, как после встречи в Шплюгене». Словом, ничего особенного, дескать, не произошло. Знает ли только Сажин, как Бакунин к нему относился?

[2] Повидимому, устроив благополучно дело с семьей, Бакунин вновь обрел душевный покой и принялся за литературную работу.

[3] Как видим, «обработка» юрцев продолжалась.

Бакунина «окончательно удалиться от политической жизни и деятельности, как явной, так и тайной» (выражения из его письма к Беллерио от 3 сентября). Все трое мы имели с ним первое свидание в небольшой гостинице подле вокзала [1]; затем, оставив его одного, мы отправились в Конвер, где встретили Швицгебеля и Шпихигера: на этом собрании Кафиеро и Росс, которые 1 сентября уже рассказали Адэмару и мне историю Баронаты, сообщили нам новые подробности об этом деле, равно как о событиях в Болонье и о том, что за ними воспоследовало [2]. Единодушное впечатление сводилось к тому, что Бакунин, которого мы прежде так любили и любим еще, проявил в делах Баронаты (как видим, о Болонье здесь не говорится. — *Ю. С.)* недобросовестность и слабость, которые мы вынуждены осудить, и мы полностью одобрили тот образ действий, какой должны были применить Кафиеро и Росс [3]. Вечером мы, т.-е. Кафиеро, Росс и я, возвратились в Невшатель в сопровождении Шпихигера. Мы пошли к Бакунину в небольшую комнату отеля, где он нас поджидал; и здесь, говоря от имени всех, я сказал ему то, что мне поручено было ему заявить (что именно? Об этом Гильом снова умалчивает. — *Ю. С.)*. В своем дневнике он отметил, что я был «холоден и сух» [4]: в действительности волнение настолько сжимало мое горло,

---

[1] К этому месту Гильом делает следующее характерное примечание: «На меня произвел тяжелое впечатление не только его холодный и натянутый вид, но и изменение его физиономии, вызванное тем, что борода его, сбритая в Болонье 12 августа, не успела еще отрасти». Уж когда нос человека не нравится, дело пропащее!

Кстати, о чем говорилось во время этой первой встречи, не сообщает и Гильом.

[2] Эта неопределенная фраза интересна в двух отношениях: во-первых, она показывает, что Кафиеро и Росс (ничуть, видите ли, не изменивший своего отношения к Бакунину!) упорно и систематически вели свою кампанию против старого учителя, и притом за глаза от него; а, во-вторых, что какие-то сплетни распространялись тогда и насчет действий Бакунина в Болонье (мы не знаем только, в чем они заключались). Судя по следующей фразе Гильома, эти болонские сплетни остальных участников собрания не убедили.

[3] Такая резолюция, порочащая старого учителя, принята его учениками, даже не выслушавшими обвиняемого! И эти господа смеют еще говорить о некрасивых действиях Маркса по отношению к Бакунину!!!

[4] К этому месту у Гильома сделано примечание: «Этот дневник содержит по адресу Кафиеро и Росса оскорбительные выражения, написанные в первый момент раздражения. Я их не привожу: Кафиеро о них не знал, а Росс, которому я их прочитал в 1904 году, имеет слишком благородное сердце для того, чтобы не забыть их». Можно не сомневаться в благородстве Гильома и Росса, но зачем по истечении нескольких десятилетий скры-

что я почти потерял голос, и напряжение, с которым я пытался осилить это волнение, наверное придавало мне вид безчувственности; Кафиеро и Росс не говорили ни слова, а Шпихитер тихо плакал в уголке. «Шпихитер один показал, что у него есть сердце», читаем мы в дневнике. Сделанное мною категорическое заявление о нашей солидарности с Кафиеро и Россом сразу отняло у Бакунина всякую надежду на возможность изменить наше отношение к делу. Во время этого последнего свидания речь шла также о деньгах: мы предложили нашему старому другу обеспечить ему ежемесячную ренту в 300 франков [1], выразив надежду, что он будет продолжать писать; но он отказался принять что бы то ни было [2]. С своей стороны, он просил Кафиеро ссудить ему 3.000 франков (а уже не 5.000) по векселю, который будет контрассигнован не г-жей Лозовской, отказавшейся дать свою подпись, а Бе́ллерио или другим платежеспособным лицом, и Кафиеро обещал это сделать [3]. Затем мы с грустью расстались».

Таковы эти два рассказа, которые умалчивают о самом существенном, набрасывают флер на содержание разговоров, имевших место во время последней встречи Бакунина с его молодыми друзьями, но во всяком случае дают нам возможность составить себе приблизительное представление об этом свидании. Ясно одно: Бакунин, зная, что против него ведется интрига, главным действующим лицом которой является Росс (об этом Бакунин говорит неоднократно, в частности в приводимом ниже письме к самому Россу), что Кафиеро временно подпал под полное влияние Росса, что оба они пытаются всячески оклеветать его перед товарищами, в частности перед юрцами, — добивается свидания, чтобы

вать от публики столь ценный исторический документ? Это непростительно, тем более, что таким путем затыкается рот подсудимому, которого обвинили, не выслушав, и которому даже после смерти не дают возможности снять с себя бремя клеветы. С этим дневником дело обстоит так: Неттлау, когда писал биографию Бакунина, имел в своем распоряжении только ту часть дневника, которая начинается с 13 июля и доведена до 6 сентября 1874 года; Гильом же, когда писал свою историю Интернационала, пользовался уже продолжением дневника с 7 сентября по 13 октября. Но в то время, как Неттлау в своей работе приводит первую часть дневника почти полностью, Гильом в своей книге дает вторую часть лишь в тенденциозно сокращенных выдержках. Вероятно, полностью она приведена в «Supplément» Неттлау, которое, к сожалению, до сих пор никому недоступно. Несколько пропущенных Гильомом слов опубликовано впервые у Драгоманова (стр. 349) со слов А. Баулер (Вебер), которой сам Бакунин прочитал их из своего дневника.

[1] Сто франков давали итальянцы, сто — русские и сто — юрцы.

[2] Раньше Бакунин уже отклонил аналогичное предложение Кафиеро.

[3] Насколько известно, это не было сделано.

об'ясниться со своими обвинителями лицом к лицу и оправдаться перед товарищами, которых они успели ввести в заблуждение и восстановить против него. Но это не входит в расчеты Росса и Кафиеро и примкнувшего к ним черствого и ограниченного доктринера Гильома [1].

Поэтому они предварительно собираются втроем и, не выслушав об'яснений Бакунина, намечают план действий и заранее вырабатывают постановление. Далее они спешат навстречу Швицгебелю и Шпихигеру, перехватывают их на промежуточной станции по дороге в Невшатель, устраивают с ними новое собрание, на котором Кафиеро и Росс повторяют старые обвинения против Бакунина и выдвигают новые — все в отсутствии обвиняемого. Обработав в надлежащем духе Швицгебеля и Шпихигера, компания выносит решение, в котором, не выслушав одной стороны, терпеливо поджидающей их в маленькой комнате отеля, полностью одобряет действия другой. И с этим готовым решением они являются к Бакунину, которому Гильом от имени всех заявляет об этом решении, не предложив даже обвиняемому представить свои об'яснения. Возможно, что Гильом при выполнении им самим возложенного на себя «поручения» и волновался до потери голоса, но можно представить себе, что́ чувствовал Бакунин, которого его верные товарищи

---

[1] Гильом имел против Бакунина особый зуб — и как раз в связи с Баронатой. Об этом он с свойственным ему отсутствием чувства юмора рассказывает в III томе «Интернационала» (стр. 183—185). Юрцы, которые при всем своем «революционаризме» были насквозь мелкими буржуа, основали в Локле кооперативную граверную мастерскую, которой Кафиеро обещал денежную поддержку. В августе 1873 года он дал им некоторые средства, но на вторичную просьбу о помощи отказал, заявив в январе 1874 г., что «его средства предназначены на иную цель, а не на создание новых буржуа». Полагая, что это решение подсказано ему Бакуниным, юрцы послали Гильома и Пэнди в Локарно, чтобы убедить Бакунина и Кафиеро в ошибочности их точки зрения. Но когда они прибыли в Беллинцону, там встретил их Набруцци и предупредил, чтобы они не ездили в Баронату, так как это, мол, неудобно по полицейским соображениям. Пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться домой. И Гильом затаил обиду против Бакунина, которому он приписывал инициативу этого отказа, и притом по мотивам далеко не принципиальным. «Позже, — говорит он, — я должен был поставить себе вопрос: Кафиеро ли пришла в голову эта мысль захлопнуть перед нами дверь Баронаты, чтобы избавить себя от скучной обязанности ответить нам новым отказом, или же Набруцци был послан нам навстречу Бакуниным, который сделал это для того, чтобы не допустить нашего свидания с Кафиеро,—свидания, которого он мог опасаться по двум соображениям: потому, что оно могло, быть может, побудить Кафиеро уделить кооперативной мастерской часть денег, предназначенных на работы в Баронате (курсив мой), а главным

шельмовали в лицо, не давая ему возможности оправдаться [1]. Это приемы настоящей инквизиции.

После этого свидания Бакунин занес в свой дневник: «Против предвзятого мнения, являющегося результатом задолго подготовлявшегося заговора, ничего не поделаешь». Он был глубоко прав, ибо это был форменный заговор. И дальше: «Виделся с друзьями. Д. (Джемс Гильом), как всегда, холоден и сух. К[афиеро] как всегда глуп... [2]. Полный разрыв».

Это был действительно полный разрыв. С Россом и Кафиеро, как мы увидим, кое-какие, хотя уже не прежние дружеские, отношения у Бакунина позже восстановились; с юрцами же отношения у него никогда уже не возобновлялись [3].

Что юрцы поспешили сообщить о происшедшем испанским и французским альянсистам (Гильом, т. III, стр. 238), это само собою разумеется. Надо было и Бакунина добить, и себя оправдать.

26 сентября Бакунин выехал в Берн, где оставался 9 дней. Здесь он виделся с А. Фохтом, который нашел у него глухоту и обещал выслать ему специальную машинку, а также с членом федерального совета Шенком, который пригласил его к себе на дачу на берегу Биеньского озера (очевидно, это знакомство связано было с хлопотами о натурализации или о получении разрешения на жительство). 5 октября он выехал из Берна и 7-го утром прибыл в Лугано, где был встречен стари-

---

образом потому, что оно могло бы открыть нам из того, что делалось на этой вилле, такие факты, о которых мы не должны были знать, и которые стали нам известны лишь девять месяцев спустя? Этот пункт так и остался для меня неясным». Так как «факты» стали известны Гильому через Кафиеро и Росса, а Кафиеро в этом инциденте сам был замешан, то можно подозревать, что это глубокое психологическое об'яснение принадлежит тоже тем, кто в то время всячески старался Бакунина «закопать».

[1] Хорошо еще, что у Бакунина хватило характера отказаться от субсидии, предложенной такими товарищами!

[2] Что сказано о Россе, мы не знаем, но, судя по словам Гильома и по характеристике его в дневнике, сказано не очень-то ласково.

[3] Для характеристики бесчувственности Гильома приведем следующий показательный факт. В письме к Э. Реклю от 1 августа 1876 года Артур Арну, живший с Бакуниным в Лугано, говорил: «Гр. Гильом ссылается на свою дружбу к Мишелю и дружбу Мишеля к нему. Я сейчас не хочу касаться этого вопроса». Речь шла о следующем: по смерти Бакунина Гильом потребовал от его вдовы передачи ему бумаг покойного на том основании, что «Мишель определенно завещал мне (когда? — *Ю. С.*) все свои бумаги, неоднократно повторив это заявление перед свидетелями, на которых я могу сослаться». Г-жа Бакунина решительно отклонила это притязание Гильома, сославшись на разрыв Бакунина с ним в Невшателе (Неттлау, прим. 3762).

ком Квятковским, Антонией и С. Лозовской. В дневнике его записано: «Среда, 7-го. Прибыл в Лугано в 2½ часа ночи. Встречен папашей Ксаверием. Антония и Софья ждали меня с чаем, Карлуччо и Бомба [1] также. Великолепная комната, горячая и искренняя приязнь. После обеда [был] с Ксаверием в Лугано. Вечером вист, преферанс».

Итак, Бакунин, после всех ужасных переживаний последних месяцев, прибыл, наконец, в тихую пристань. Здесь он несколько перевел дух, но, увы, не надолго.

---

[1] Карлуччо — старший сын Антонии, Бомба («пышка») — кличка второго ребенка, девочки, любимицы Бакунина; была еще младшая девочка.

Глава третья.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ.

1. Первые шаги в Лугано.

Попав в семейную обстановку, очнувшись несколько от того кошмара последних месяцев, в который ввергли его как собственное легкомыслие, так и бессердечие товарищей, Бакунин начал понемногу приходить в себя, хотя в первое время от всего пережитого в сердце его оставался еще горький осадок. Воспоминание об унижениях, которым его подвергли те, кого он прежде так любил, кого он, можно сказать, создал и воспитал, на чьи заботы и преданность он недавно еще так рассчитывал в своих мечтаниях о спокойной старости, эти воспоминания давили его душу тяжелым бременем и отравляли безмятежность наступившей в его жизни передышки. С другой стороны, его мучило сознание компромиссов, на которые он вынужден был пойти вследствие своего безвыходного материального положения, — компромиссов с людьми, которые нанесли ему столь тяжкое и, по его мнению, столь незаслуженное оскорбление.

Это настроение сквозит в письме от 9 октября 1874 г., написанном Бакуниным через 2 дня после своего водворения в Лутано своему верному другу, хотя и не социалисту, молодому Э. Беллерио. Оно начинается цитатою из Беранже:

Me revoilà, peuple fidèle,
Qui m'avez donné mon congé!
Pardon, si la goutte cruelle
M'ôte le peu d'esprit que j'ai!

Дальше там говорится:

«Наконец-то я снова очутился в кругу своих после одиссеи, столь же плачевной, как и мучительной, которая продолжалась около трех месяцев, и в которую я попал прежде всего благодаря собственной глупости, а затем благодаря скотскому тупоумию Кафиеро, вдохновляемому, с одной стороны, скрытно тщеславной злостностью и изрядно бессмыслен-

ным фанатизмом его супруги, а, с другой стороны, глубокою низостью г. Росса, его нынешнего друга, которому, как я это хорошо предвидел, все-таки удалось вытянуть у него не пять, а десять тысяч франков для своих дальнейших предприятий.

«Друг мой, ты должен был судить меня очень строго втечение всего времени, прошедшего от нашего свидания в Шплюгене. Ты без сомнения ничего не понял в моих кажущихся колебаниях. Ты должен считаться с трудным, чтобы не сказать, невозможным положением, в котором я находился, и понять которое ты мог только наполовину, так как тебе недоставало многих элементов для того, чтобы ты мог судить о нем в целом. Ни разу в моей жизни я не проходил фазиса, столь усеянного препятствиями, помехами и противодействиями всякого рода, как тот, из которого я едва только теперь начинаю выходить, и мне понадобилось много хладнокровия, много наружного спокойствия, а также терпения, сначала для того, чтобы понять и изучить его со всех сторон, а затем для того, чтобы выпутаться из сети низких интриг, которыми меня так мягко опутала дружба этого милейшего г. Росса.

«Я расскажу тебе все подробности устно при нашей первой встрече и надеюсь, что мы скоро встретимся. А пока прошу тебя выслать мне все мои бумаги по прежнему адресу, по адресу милейшего батюшки г. Ксаверия Квятковского, до востребования, Лугано.

«А, кстати, не мог ли бы ты прислать мне рекомендательные письма к Батальини [1] или к другим лицам в Лугано, а также адрес лучшего луганского врача, который вообще всегда полезно знать, когда живешь с семьей? Твой отец наверное не откажется написать для меня несколько таких писем. Я прошу их также у Гавирати, но не знаю, как он сейчас настроен по отношению ко мне. Я писал ему через Кафиеро, и Кафиеро мне сказал, что он был очень доволен моим письмом, — но я не питаю уже никакого доверия к словам этого бедняги Кафиеро, который за последнее время дал мне много доказательств своей недобросовестности. Скажи мне, пожалуйста, всю правду о нынешнем отношении ко мне Гавирати. Мне не приходится рекомендовать тебе величайшую сдержанность по отношению к Кафиеро во всем, что я могу тебе писать или говорить».

Отголосок обиды слышен и в известном письме к Россу, сыгравшему такую роковую роль в разрыве Бакунина с прежними друзьями. Росс собирался в это время в Россию, о чем письменно уведомил Баку-

---

[1] Луганский адвокат.

нина [1]. Повидимому, Росс в своем письме позволил себе говорить о своей дружбе к Бакунину. И этим вызваны первые строки бакунинского ответного письма к Россу от 21 октября 1874 года, т.-е. написанного в то время, когда рана еще не закрылась, и когда воспоминание о пережитом было еще слишком живо [2]. Ответ Бакунина проникнут величественным спокойствием и гласит:

«Получил твое письмо. О дружбе, Росс, мы говорить не станем. После всего, что ты против меня сделал, — а мне теперь все, даже до малейшей подробности, стало известно, — называть друг друга друзьями было бы с твоей, точно так же как и с моей стороны возмутительно ложно. Ты сделал все, что только мог, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моим другом [3]. И если тебе [это] не удалось, то вина не твоя.

«Дальновидный и умный Кафиеро был только твоих рук делом, ты — его внушителем. Хочу верить, что ты обманывал себя самого, принимая внушение нетерпеливого и, право, сильного честолюбия за ревность к делу. Несомненно, — ты сам, по крайней мере, перед собою сознайся, — что ты действовал против меня как самый злой враг. И, несмотря на это, я продолжаю верить в твою преданность русскому

---

[1] В действительности Росс уехал в Россию только в марте 1876 года и скоро был там арестован. Гильом сообщает, что Росс в ноябре 1874 года ездил в Россию (т. III, стр. 256). Странно, что сам Росс в своей автобиографии (стр. 15) об этом не упоминает, но в свое время он Бакунину о своем намерении писал (см. ниже письмо Бакунина к Беллерио от 9 декабря).

[2] Правда, в своей статье «Бакунин и его вилла Бароната» Росс (Сажин) пытался отрицать как свое письмо к Бакунину (мы его не знаем, но что оно существовало, ясно из ответа Бакунина), так и получение им письма от Бакунина («Воспоминания», стр. 95—96). Но впоследствии (примечание к стр. 95) он был вынужден признать, что в этом пункте ему изменила память, и что не только письмо Бакунина существовало, но был и ответ Росса на него. Это письмо Бакунина впервые было опубликовано Драгомановым (стр. 351), который сопроводил его следующими комментариями: «С копии, переданной самим Бакуниным А. В. В[ебер], (т.-е. Баулер. — *Ю. С.*) Мы видели еще одну копию. Видно, что Бакунин распространял это письмо в известном кругу». Здесь Драгоманов ошибся или был введен в заблуждение. Бакунин этого письма никому, в том числе и г-же Вебер, не сообщал. Разбирая его бумаги после его смерти, А. Вебер нашла среди них черновик этого письма и сняла с него копию с разрешения Антонии Бакуниной (так, по крайней мере, А. Вебер говорила впоследствии Гильому). Вторая копия, которую видел Драгоманов, исходила тоже от г-жи Вебер, так что распространяла это письмо она, а не Бакунин.

[3] Мы знаем, что Бакунин имел полное право так говорить.

делу и в твою способность служить делу; и потому на этом поле я всегда готов подать тебе руку.

«Ты готовишься теперь совершить решительный шаг, от направления и исхода которого будет зависеть вся будущность твоей жизни и, главное, твоей революционной деятельности. Позволь мне, старику, сказать тебе несколько истинных слов, вероятно, последних.

«В сношениях с людьми новыми, с которыми ты найдешь возможным и полезным связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя скупая природа позволит. Пойми же ты, наконец, что на иезуитском мошенничестве ничего живого, крепкого не построишь, что революционная деятельность ради самого успеха своего дела должна искать опоры не в подлых и низких страстях, и что без высшего, разумеется, человеческого идеала никакая революция не восторжествует. В этом направлении и смысле желаю тебе самого искреннего успеха».

Это письмо написано в сравнительно незлобивом тоне потому, что Бакунин считал в тот момент Росса человеком обреченным, так как тот сообщил ему о своем намерении нелегально поехать в Россию. Но позже, когда Росс снова пытался сблизиться с Бакуниным, последний отнесся к его попыткам резко отрицательно, как мы увидим ниже из писем Бакунина к Беллерио.

Бакунин поселился сначала на вилле Галли, нижний этаж которой был занят его семьей, прибывшей в Лугано до него. Он быстро приспособился к новой обстановке, завел новых приятелей, в том числе бывшего члена Парижской Коммуны Артура Арну, мацциниста профессора И. Педерцолли, известных ему прежде Л. Набруцци, Ф. Маццоти и нескольких рабочих итальянцев, в том числе особенно преданного ему сапожника-интернационалиста Сантандреа. Он вел в Лугано свой обычный образ жизни, который сам находил «регулярным», строил проекты и не переставал надеяться на улучшение своего материального положения, рассчитывая получить от братьев значительную сумму. Но в ожидании будущих благ приходилось перебиваться займами, а так как Бакунин никогда не был расчетливым человеком и стеснять себя не привык, то скоро он и в Лугано попал в безвыходное положение.

Педерцолли говорил о Бакунине (по словам М. Неттлау), что это «одновременно дитя, дикарь и мудрец». Жена тоже называла его ребенком. «Мишель все тот же, — писала она 10 ноября 1874 года, — по временам он принимает вид серьезного человека, но остается неисправимым ребенком». 20 ноября, по старому стилю 8 ноября, т.-е. в день Михаила архангела, решено было устроить большой праздник для

ознаменования дня ангела Бакунина. Было приглашено много гостей, в числе которых были Карло и Эмилио Беллерио (отец и сын), специально приехавшие из Локарно. По словам письма А. Бакуниной, муж ее «царским гостеприимством» хотел показать, что «он нисколько не чувствует отсутствия Баронаты». Но так как при всей этой пышности денег у Бакунина все-таки не было, и он продолжал носиться с мыслью о займе у Кафиеро, то Э. Беллерио в частной беседе с Антонией обещал отговорить Бакунина от этого намерения и об'яснить ему, что после инцидента с Баронатой заем у Кафиеро был бы противен его достоинству, ибо «Михаил Бакунин так наивен, что иногда к нему приходится относиться как к ребенку».

Однако отговорить Бакунина от его проекта оказалось не так-то просто, и Беллерио принужден был обещать Бакунину по возвращении в Локарно передать письмо Бакунина к Кафиеро и попытаться занять у последнего тысячу франков. Беллерио не спешил выполнить свою неприятную миссию, и Бакунин 2 и 6 декабря торопит его. Тогда Беллерио письмом от 7 декабря пытается выяснить Бакунину неудобства его проекта. Он, дескать, отправился в Баронату, но нашел там такую обстановку, что не решился даже передать Кафиеро письмо Бакунина. Кафиеро, мол, стал совершенным чудаком и ведет эксцентрический образ жизни, осуждаемый даже старым Пеццою [1]. Главное же то, что он всецело подпал под влияние Росса и своей жены, которые враждебно относятся к Бакунину. Поэтому Беллерио считает нужным сделать заем в другом месте и обещает устроить его через своего шурина, адвоката Ф. Руску.

На это Бакунин ответил письмом к Беллерио от 9 декабря 1874 года, в котором выяснял свой взгляд на дело, сводившийся к тому, что Кафиеро, давая ему ссуду, не совершил бы этим акта благотворительности, а выполнил бы свою прямую обязанность.

«Ты — настоящий друг, — писал Бакунин,— и это для меня великое утешение, серьезная поддержка, тогда как среди тех, кого я называл моими лучшими друзьями, я нашел столько фальшивых друзей, при чем одни оказались глупцами, а другие — пройдохами. Что касается дела с займом, то я тут целиком полагаюсь на тебя — делай то, что сможешь, и получше, поскольку сможешь, — только, друг мой, мне абсолютно нужна тысяча франков и, если бы это было возможно, даже 1.200 франков. Поэтому постарайся достать для меня побольше в меру возможного.

---

[1] Кафиеро старался в это время «опроститься» и жить жизнью обыкновенного крестьянина; он сам выполнял все хозяйственные работы, косил траву, собирал хворост, доил коров и т. п.

«Теперь, что касается Кафиеро, то я думаю, что ты смотришь на дело с неправильной точки зрения. Речь вовсе не идет об одолжении с его стороны, а об акте строгой справедливости. Ибо после того, как он неожиданно поставил меня в невозможное положение, бросил меня в Болонье без денег, вызвал меня в Шплюген и совершил во время моего пребывания там по отношению ко мне, по соглашению с Россом и под его прямым влиянием, множество в полном смысле слова свинских поступков, о которых ты сам еще не знаешь, — он, по меньшей мере, должен был — не посредством дара, а путем займа — дать мне возможность выбраться из ужасного тупика. И он определенно дал мне такое обещание и заявил в присутствии других бывших моих друзей в Невшателе, что когда я найду поручителя, тебя или другого, который обеспечит уплату в определенный срок, — ты видишь, что речь идет не о дружбе, — он ссудит мне по векселю, подписанному мною и визированному тобою или другим платежеспособным лицом, не тысячу, а три тысячи франков. Это было покончено дело — и я почти сержусь за то, что ты отказался напомнить ему об его обещании, передавая ему мое письмо. Я бы даже просил тебя, если ты его не порвал, передать ему это письмо или в собственные руки, или же переслав его ему вместе с своей собственной запиской. Это не может тебя компрометировать, так как ты будешь только посредником и простым свидетелем в этом деле... А я был бы этому рад во всяком случае. Если он согласится, то это сильно упростит вопрос как для тебя, так и для меня. Если откажет, я приму к сведению этот отказ, это нарушение данного слова... и прибавлю этот новый опыт ко многим прежним. Вот мое настроение, милый друг. А затем поступай, как ты сам сочтешь возможным и нужным. Я всецело полагаюсь на твое решение. Во всяком случае я прибавлю, что я почти уверен, что смогу уплатить ту сумму, которую ты займешь для меня у Кафиеро или у кого-либо другого, до ноября 1875 года.

«Ты сообщаешь мне о неприятных переменах в манерах и жизни этого несчастного оригинала... [1].

«Ты говоришь, что Росс мой враг. Так знай же, что Росс вовсе не держится такого мнения. Хочешь доказательства? Так знай же, что только сегодня я получил от него письмо. Он, кажется, вернулся из России — если он вообще там побывал, по крайней мере, он это пишет [2]. Вот точный перевод его письма:

---

[1] Следующие строки, содержащие резкие отзывы Бакунина о Кафиеро, выпущены Неттлау «из уважения к Бакунину».

[2] Курсив мой (ср. то, что мы выше говорили о поездке Росса в Россию).

«6 декабря 1874 года.
«Цюрих.

«Вчера я возвратился из моего путешествия страшно усталый и больной. Но вот что я здесь узнал. Говорят, что ты болен и даже при смерти. Ответь мне хотя бы одним словом, если тебя это не утомит. Как только я получу от тебя хотя бы одно слово, я напишу тебе длинное письмо. Я имею столько тебе сказать.

«Получил твое письмо, полное упреков [1]. Должен тебе сказать, что не считаю себя виновным. Все зависит от точки зрения, на которую человек становится; но обо всем этом мы поговорим позже. Пожалуйста, подай поскорее о себе весточку.

«Целую тебя.
«А. Р—сс».

«Первой мыслью моей было не отвечать. Но затем, поразмыслив, вот что я ему ответил:

«9 декабря 1874 года.
«Лугано.

«Я не был болен, напротив, чувствую себя лучше, чем когда-либо, благодаря моей спокойной и тихой жизни в Лугано, вдали от всех гнусных интриг и гнусных интриганов. Работаю по мере сил и делаю все, что возможно делать при нынешних обстоятельствах, как общих, так и личных.

«М. Бак.»

«Посмотрим, хватит ли у него нахальства мне писать. Я почти уверен, что хватит, и тем хуже для него. Мне нужен реванш, и я его получу» [2].

Несмотря на выраженное Бакуниным сомнение, Росс решился ему написать. Из письма к Беллерио от 19 декабря видно, что Бакунин

---

[1] Повидимому, речь идет о приведенном выше письме от 21 октября 1874 г., получение которого Росс сначала (в 1914 году) отрицал (см. выше).

[2] А в «Воспоминаниях» Сажина (Росса) после процитированных нами выше строк о том, что после инцидента с Баронатой и свидания в Невшателе отношения с Бакуниным у него не изменились, прибавлено (стр. 34): «Благодаря этому я без особого труда (!) возобновил с ним сношения после перерыва в 4—5 месяцев». Вот и извольте понять здесь что-нибудь! О письме Бакунина от 9 декабря, равно как и о своем ответе на него, Сажин, разумеется, не упоминает, хотя, если ему самому снова изменила память, он мог найти приведенное в тексте письмо к Беллерио и у Неттлау (стр. 820), и у Гильома (т. III, стр. 255—256).

получил от Росса большое письмо. К сожалению, содержание его до сих пор неизвестно, хотя Неттлау видел его после того, как закончил биографию Бакунина. По сообщению, сделанному самим Россом Гильому в 1904 году [1], письмо это, написанное 18 декабря 1874 года на 12 страницах, подробно об'ясняло его поведение с июля по сентябрь 1874 года. После этой попытки самооправдания, как рассказывал Макс Неттлау Гильому, следовал ряд вопросов. Так, Росс спрашивал Бакунина, как обстоит дело с его мемуарами и с какой-то брошюрой об организации, которую Бакунин начал еще раньше писать. А дальше Росс предлагал Бакунину послать ему денег. Ответил ли Бакунин на это письмо, неизвестно (Гильом, т. III, стр. 257).

Материальное положение Бакунина все ухудшалось. Лозовская, уехавшая в Россию вести переговоры с братьями Бакунина, оставила немного денег, но этого было мало. Местные источники кредита были тоже скоро исчерпаны, и Бакунин не переставал осаждать Беллерио просьбами о займах. 17 декабря Беллерио сообщил ему, что Кафиеро, не отрицая своего обещания ссудить Бакунину 3.000 франков, в настоящее время не может его исполнить, так как не располагает в данный момент средствами. Тогда Бакунин пишет ему 19 декабря, чтобы он раздобыл для него хотя бы 500 — 600 фр., так как ему, между прочим, нужно к концу месяца уплатить в Берне долг в 400 фр., за которые поручился А. Фохт, а перед последним он «ни за что на свете не хотел бы оказаться неаккуратным». И Бакунин продолжает: «Через несколько месяцев я этим летом окончательно выберусь из тупика, в котором нахожусь еще сейчас. Тогда я вздохну полной грудью. Таковы мои надежды, не иллюзорные, а вполне основательные. А до тех пор терпение». И он выражает надежду, что в марте Лозовская в качестве первой доли капитала, причитающегося ему от братьев, привезет довольно значительную сумму, не говоря уже об ее собственных делах, которые идут великолепно.

На это письмо Беллерио долго не отвечал, и 10 января 1875 года Бакунин писал ему:

---

[1] Совершенно непонятно, почему М. Сажин, сделавший ряд интересных сообщений Неттлау и Гильому, не делится ими с русской публикой и в своих «Воспоминаниях» или полностью о них умалчивает, или излагает в совершенно другом виде (как мы выше могли убедиться). И об этом большом письме в его «Воспоминаниях» ничего не говорится. Это, впрочем, понятно: пришлось бы признать, что перед Бакуниным надо было в чем-то оправдываться, а это угрожало бы сломать всю конструкцию Сажина.

«При других обстоятельствах гордость не позволила бы мне писать тебе после презрительного молчания, которым ты ответил на мое последнее письмо.

«Но, с одной стороны, нужда, которую я испытываю в настоящий момент, настолько сильна, а с другой стороны — моя вера в твою преданную и серьезную дружбу, несмотря на все твои выходки, настолько велика, что я снова обращаюсь к тебе с полным доверием.

«Мне нужны, но абсолютно нужны 200 франков не для меня одного, а для содержания всей семьи. Это вопрос крова, пропитания и отопления — значит, вопрос жизни или истощения, болезни, если не смерти, как видишь. А мы рассчитываем получить какую-нибудь сумму не раньше, чем через месяц. Впрочем, я прошу у тебя эту сумму лишь на двухмесячный срок, а если он покажется тебе слишком длинным, то хотя бы даже на месячный. Будущее обеспечено, так как С[офья], которая теперь находится у моих братьев в деревне, недавно писала нам, что она вполне и даже легко столковалась с ними, что в течение этого лета я получу здесь свой капитал. Она ничего не говорит о цифре, которая может быть выяснена лишь после вычисления моей доли в нашей общей собственности. Вместе с тем она пишет нам, что, желая успокоить мое нетерпение, мои братья скоро вышлют мне довольно значительную сумму, а это показывает, что, по меньшей мере, в месячный срок я в состоянии буду уплатить свой долг, если ты соблаговолишь ссудить меня просимыми двумя стами франков.

«Что бы ты ни решил, прошу тебя и думаю, что вправе требовать от тебя немедленного и определенного ответа: да или нет.

«Кроме того прошу тебя не показывать этого письма и не говорить об этом деле никому кроме твоего отца и твоей жены, от которых я не хочу иметь секретов».

Это отчаянное письмо подействовало, и просимые деньги были высланы Бакунину стариком К. Беллерио. 14 января 1875 года Бакунин пишет молодому Беллерио:

«Пожалуйста, поблагодари хорошенько от моего имени твоего доброго и почтенного отца за новое доказательство дружбы, которое он мне дал. Что касается тебя, то тебя я даже не благодарю — настолько все, что ты делаешь для меня, свойственно твоей доброй, благородной природе. Одним словом, вы оба оказали мне огромную услугу. Теперь я совершенно спокоен, тем более, что известия из России превосходны, так что скоро я могу воскликнуть: все к лучшему в этом лучшем из возможных миров, если бы не было папы, Виктора-Эммануила с компанией в Италии, Мак-Магона и $^{9}/_{10}$ Национального Собрания в Версале,

Бисмарка и Мольтке в Берлине, русского императора в Петербурге, Альфонса, Изабеллы, Карлоса, Павии, Серрано и другой торжествующей сволочи в Испании.

«Да, мой друг, наша эпоха, это эпоха всеобщего торжества сволочи.

«Долго ли это продлится? Не так долго, как это длилось некогда, но это затянется еще на несколько лет, и придется вооружиться терпением».

2. Настроение и умственные интересы.

Мало кто, кроме небольшой группы членов Интернационального Братства, знал о действительных причинах оставления Бакуниным Локарно и об обстановке, при которой он отошел от общественной работы. Сам он никому об этом не говорил. Даже от старого друга Огарева, впрочем, к этому времени совершенно опустившегося и впавшего в старческую дряхлость, он скрыл действительные обстоятельства своего ухода в частную жизнь. Примерно через месяц после своего водворения в Лутано Бакунин написал Огареву письмо, в котором, с надлежащими умолчаниями, рассказал своему другу о своем решении, настроении и планах. Вот это письмо, датированное 11 ноября 1874 года [1].

«Ну, старый дорогой друг, далеко ты уехал [2]. Успокой меня, напиши, что Герцены тебя в этом отдалении не позабудут и не оставят тебя без средств, в нищете и в тесноте, невыносимых для старого и к тому ж больного человека. Это первый вопрос, а второй: нашел ли ты в Лондоне русское общество или хоть русского человека, с которым бы ты мог промолвить несколько искренних слов о русских делах, которые без сомнения теперь, как и всегда, интересуют тебя более, чем какие другие дела на свете? Правда, что в Лондоне живет Лавров со всею партиею, но когда ты узнаешь его и их всех поближе, вряд ли ты найдешь удобным вступить с ними в искренние отношения. А кстати, читал ли ты мою последнюю безымянную брошюру «Анархия и Государство»? [3]. Если не читал, напиши: я тебе ее вышлю.

«Но, главное, еще раз прошу, напиши, с кем и как ты живешь, с кем встречаешься, с кем проводишь дни. Боюсь, английское общество

---

[1] Это последнее из писем Бакунина к Огареву, напечатанных в драгомановском издании бакунинской переписки (стр. 346—348). Перед этим напечатана еще коротенькая записка от 15 января 1873 года и уже цитированное нами в III томе письмо от 2 ноября 1872 года по поводу ареста Нечаева. Были ли за этот период и другие письма, неизвестно.

[2] Огарев переехал в Лондон.

[3] Так у Драгоманова. Описка ли это его или Бакунина, неизвестно.

твоей супруги (без попа), которой прошу от меня поклониться, не слишком для тебя интересно, и что ты теперь, в Лондоне, более, чем когда и где-нибудь, чувствуешь себя одиноким, а в наши годы такое чувство нелегко. Одно утешение—близость смерти: отзвонил да и с колокольни вон (курсив мой).

«Я также, мой старый друг, удалился, и на этот раз удалился решительно и окончательно, от всякой практической деятельности, от всякой связи для практических предприятий. Во-первых, потому, что настоящее время для таких предприятий решительно неудобно; бисмаркианизм, т.-е. военщина, полиция и финансовая монополия, совокупленные в одну систему, носящую имя новейшего государства, торжествуют повсюду. Может быть, пройдет десять или пятнадцать лет, в продолжение которых это могущественное и ученое отрицание всего человеческого будет торжествовать. Не говорю, чтобы в настоящее время нечего было делать; но это новое дело требует нового метода, а, главное, свежих, молодых сил,— и я чувствую, что я для новой борьбы не гожусь, а потому и подал в отставку, не ожидая, чтобы какой-нибудь дерзкий Жильблаз мне сказал: «Pas d'homélies, Monsieur!» [1]. Здоровье мое становится все плоше и плоше, так что к новым революционным попыткам и передрягам я стал решительно неспособен. Вследствие всего этого я удалился в семейство, которое вернулось из Сибири, и все мы вместе живем не в Локарно, а в Лугане.

«Ты, вероятно, слыхал не раз в продолжение прошедшего года, что я купил возле Локарно значительную собственность, и, вероятно, вместе со многими спрашивал себя, откуда я взял деньги, чтобы приобресть ее. Вот тебе решение этой задачи: я никогда не был собственником, а только prête-nom [2] для моего богатого приятеля Кафиеро. Решено было, что я буду именным собственником для того, чтобы сделаться здесь гражданином, что нам казалось необходимым, потому что гражданина выгнать из Тессинского кантона нельзя, а мое пребывание в этом кантоне было признано необходимым. Таким образом я прослыл за собственника-буржуа и не только не огорчался, что меня стали признавать за такого, но старался даже, чтоб эта новая слава моя как можно более распространилась. Чем буржуазнее я казался, тем полезнее и вернее была моя анонимная деятельность.

«Но теперь, отказавшись окончательно и безвозвратно от такого рода деятельности, я не имею более никакой нужды маскироваться,

---

[1] «Без поучений, сударь!».
[2] Подставным лицом.

вследствие чего и передал павлиньи перья, т.-е. собственность, настоящему собственнику, моему приятелю Кафиеро, а сам удалился и живу с семейством в Лутане. Понимаешь? Ну, если понял, то держи это про себя и никому не повторяй мною здесь сказанного.

«Живу я, впрочем, не сложа руки, но работаю много. Во-первых, пишу свои мемуары, а, во-вторых, готовясь написать, если сил станет, последнее полное слово о своих заветнейших убеждениях, читаю много. Теперь у меня три настольных книги: Kolb's «Kulturgeschichte der Menschheit», «Autobiography» Стюарта Милля и Schopenhauer.

«Читал ли ты Autobiography? Если не читал, так непременно прочти: книга в высшей степени интересная и поучительная. Да напиши ты мне, что ты сам читаешь, и, если стоит, рекомендуй мне. Довольно учить, будем, друг, на старости лет опять учиться: это веселее»...

Такое же настроение скептической усталости проглядывает и в письме Бакунина к Элизе Реклю от 15 февраля 1875 года[1].

«Мой дорогой друг, — пишет Бакунин, — горячо благодарю тебя за твои хорошие слова. Я никогда не сомневался в твоей дружбе, это чувство всегда взаимно, и я сужу о твоем по моему.

«Да, ты прав, революция временно вошла в свое русло, мы возвращаемся в период эволюции, т.-е. в период подземных, невидимых и часто даже незаметных революций. Происходящая в настоящее время эволюция крайне опасна, если не для человечества, то, по крайней мере, для некоторых наций. Это последнее воплощение упадочного класса, ставящего свою последнюю карту под охраною военной диктатуры, — мак - магоновско - бонапартистской во Франции, бисмарковской — в остальной Европе.

«Я согласен с тобою, что время революции прошло не по причине ужасных катастроф, свидетелями которых мы были, и страшных поражений, более или менее виновными жертвами которых мы оказались, но потому, что я, к моему великому отчаянию, констатировал и каждый день снова констатирую, что в массах решительно нет революционной мысли, надежды и страсти; а когда их нет, то можно хлопотать сколько угодно, а толку никакого не будет. Я преклоняюсь перед героическим терпением и настойчивостью юрцев и бельгийцев, этих последних моги-

[1] Сохранились только 4 страницы этого письма, найденные и опубликованные М. Неттлау (стр. 822—823) и перепечатанные Гильомом (т. III, стр. 284—285). Конец письма не сохранился, и неизвестно даже, было ли оно закончено и послано.

кан покойного Интернационала[1], которые наперекор всем затруднениям, неудачам и препятствиям, посреди всеобщего индифферентизма, упорно плывут против течения, продолжая спокойно делать то, что делали до катастроф, когда движение шло вверх, и малейшее усилие создавало силу.

«Эта работа тем похвальнее, что они не пожнут ее плодов, но они могут быть уверены, что труд их не пропадет напрасно, — ничто не пропадает в этом мире, — и капли воды, при всем их ничтожном размере, образуют все-таки океан.

«Что же касается меня, мой дорогой, то я стал слишком стар, слишком болен и, должен ли я тебе это сказать, во многих отношениях слишком разочаровался, чтобы чувствовать в себе желание и силу участвовать в этом деле. Я окончательно отказался от борьбы и проведу остаток дней моих в созерцании — не праздном, а, напротив, умственно очень действенном, которое, как я надеюсь, даст что-нибудь полезное.

«Одна из страстей, владеющих мною в данное время, это колоссальная любознательность. Раз вынужденный признать, что зло восторжествовало, и что я не в силах помешать этому, я принялся изучать его эволюцию и развитие с почти научною, совершенно о б ' е к т и в н о ю страстью.

«Какие актеры и какая сцена! В глубине и господствуя над всей ситуацией, император Вильгельм и Бисмарк во главе великого лакейского народа; против них папа со своими иезуитами, вся римско-католическая церковь, богатая миллиардами, господствующая над значительной частью мира с помощью женщин, благодаря невежеству масс и несравненному искусству своих бесчисленных приверженцев, имеющих повсюду глаза и руки.

«Третий актер: французская цивилизация, воплощенная в Мак-Магоне, Дюпанлу и Бройле, кующих цепи для великого павшего народа. Вокруг всего этого Испания, Италия, Австрия, Россия — каждая со своею соответствующею случаю гримасою, а вдалеке Англия, не могущая решиться снова сделаться чем-нибудь, а еще дальше образцовая республика Американских Соединенных Штатов, уже кокетничающая с военною диктатурой.

---

[1] Гильом (т. III, стр. 284) удивляется этому выражению Бакунина «feu l'Internationale», тогда как он, дескать, «знал, что она (Международная Ассоциация) была в то время более живой, чем когда-либо». Но в том-то и дело, что Бакунин был умнее своих последователей и прекрасно понимал, что анти-авторитарный Интернационал был мертворожденной затеей и простою тенью прежнего Интернационала.

«Бедное человечество!

«Совершенно очевидно, что выйти из этой клоаки оно сможет только с помощью колоссальной социальной революции. Но как совершится эта революция? Никогда международная реакция в Европе не была так грозно вооружена против всякого народного движения. Она возвела репрессию в ранг новой науки, которую систематически преподают в военных школах поручикам всех стран. А что у нас есть для нападения на эту неприступную крепость? Дезорганизованные массы. Но как их организовать, когда они даже не воодушевлены, как следует, стремлением к собственному спасению, когда они не знают, чего должны хотеть, и не хотят того, что только одно может их спасти? [1].

«Остается пропаганда в том виде, как ее ведут юрцы и бельгийцы. Конечно, это кое-что, но этого слишком мало: несколько капель воды в океане, и если бы не было другого средства спасения, человечество успело бы десять раз сгнить раньше, чем спастись.

«Остается другая надежда: всемирная война. Эти колоссальные военные государства рано или поздно должны будут уничтожить и пожрать друг друга. Но какая перспектива!». (Здесь рукопись обрывается.)

Письма к Огареву и Реклю, а также приведенное в предыдущем параграфе письмо к Беллерио от 14 января 1875 г., равно как прежние писания Бакунина, начиная с 1870 года, как-то: письма к А. Ришару и Эскиросу, приведенные нами в первой части этого тома, «Письма к французу о современном кризисе», первый выпуск «Кнуто-Германской Империи» и т. д., показывают нам основную причину разочарования Бакунина в судьбах революции и овладевшего им пессимистического настроения. Национальные движения первых двух третей XIX века, от которых Бакунин ждал начала социальной ликвидации, на самом деле привели к созданию крупных централизованных буржуазных государств с уклоном, который мы теперь назвали бы «империалистическим». Получилось то, что Бакунин об'единял под именем «бисмаркианства», которое он в письме к Огареву характеризует как сплочение милитаризма, полицейщины и монополии в новейшее государство. Сначала Бакунин

---

[1] Степняк-Кравчинский, посетивший Бакунина в Лугано через несколько месяцев, рассказывал в 1894 году Максу Неттлау (прим. 3780), что нашел Бакунина в состоянии уныния; по его словам, народы показали, что они еще не созрели для революции; но и после революции дела пойдут не так, как нам бы хотелось; идеальный строй наступит далеко не сразу. А. И. Педерцолли передает характерное изречение Бакунина, относящееся к луганскому периоду: «Я пришел к тому убеждению, что если бы во всем мире существовало только три человека, то двое из них сговорились бы для того, чтобы угнетать третьего».

надеялся остановить этот исторический процесс революционным вмешательством сознательного и инициативного меньшинства, организованного в тайное общество и опирающегося на «варваров современной цивилизации», на пролетариат и руководимое им революционное крестьянство. Отсюда систематические попытки подготовки и провозглашения непосредственного социального переворота, начинающиеся теоретически с 1865 года, с момента создания тайного Альянса, а практически — с конца 1869 года, когда Бакунин с помощью Интернационального Братства начал подготовлять социально-революционное восстание в юго-западной Европе. Но одна его карта была бита за другой. Попытки восстания во Франции (Лион и пр.), в Испании, в Италии не только закончились неудачей, но даже не сумели (кроме Парижской Коммуны, к которой Альянс не имел отношения) расшевелить и увлечь за инициативными группами более или менее заметных масс трудящегося населения. Не отдавая себе отчета в революционизирующем значении бурного капиталистического развития, совершавшегося на его глазах, и возложив главные надежды на присущие массам революционно-социалистические инстинкты, Бакунин признал всю тогдашнюю эволюцию сплошной реакцией, которой суждено безвозбранно царить в продолжение долгих лет (50 лет в письмах к Ришару, «Письмах к французу» и «Кнуто-Германской Империи», 10 — 15 лет в письме к Огареву). Наступило всеобщее господство «сволочи», вооруженной до зубов, которой противостоят дезорганизованные массы, лишенные революционной воли и страсти. Наступил, словом период эволюции, пришедший на смену революционной полосе, период «органический», к которому Бакунин чувствовал себя неприспособленным, который требовал новых методов, новых сил, и для борьбы с которым он признавал себя негодным, тем более, что годы и болезни давали себя живо знать особенно теперь, когда революционная горячка прошла. Систематической революционной пропаганде Бакунин никогда не придавал особенного значения, для непосредственных боевых выступлений не было почвы, организации и упражнения пролетарских сил на всех поприщах борьбы с капиталом, в том числе в политической области, он не признавал — и потому ближайшие перспективы представлялись ему слишком мрачными. Единственная надежда, которая у него еще оставалась, была м и р о в а я в о й н а, которая, по словам его в письме к Реклю, неизбежно должна была наступить в результате соперничества новых империалистических государств [1]. Но и эта перспектива казалась ему слишком мрачной.

---

[1] В этом отношении он оказался прав.

Единственным исходом при таком настроении была для него «отставка» (которая, как мы знаем, была насильственно ускорена «дорогими товарищами» и дана ему в оскорбительной форме, о чем он в письмах к Огареву и Реклю естественно умалчивал). Но Бакунин не хотел, чтобы эта отставка протекала для него целиком в пассивном бездействии. Реклю он писал в общей форме, что собирается провести остаток своих дней в созерцании, но не праздном, а идейно весьма активном, результатом какового должны были явиться новые литературные работы. В письме к Огареву Бакунин отчасти расшифровывает это неопределенное указание. Сообщив, что теперь он много читает (то же он говорит в письме к Реклю, где сообщает, что со страстью взялся за изучение эволюции восторжествовавшего зла), Бакунин прибавляет, что он, во-первых, пишет свои мемуары, а, во-вторых, готовится написать, если хватит сил, «последнее полное слово о своих заветнейших убеждениях».

Прежде всего скажем несколько слов насчет того, что̀ читал в это время Бакунин. В письме к Огареву он называет три свои «настольные» книги: компилятивную книгу статистика Кольба «История человеческой культуры», «Автобиографию» левого либерала Джона Стюарта Милля (автора некогда популярных у нас «Начал политической экономии», особенно с примечаниями Н. Чернышевского) и неназванное сочинение или сочинения идеалистического философа-пессимиста Шопенгауэра (быть может, речь идет о его известной книге «Мир как воля и представление»). Надо признаться, что для революционного социалиста, считавшего себя последовательным материалистом, такие «настольные» книги способны вызвать только удивление и лишний раз подтвердить отсутствие у Бакунина определенного, насквозь продуманного и до конца проведенного мировоззрения. В письме к А. Фохту от 9 октября 1874 года упоминается еще «памфлет Лассаля против Шульце-Делича», т.-е. «Господин Бастиа Шульце-Делич», который Бакунин рекомендует Фохту прочесть, как интересную и живо написанную книгу. В письме к нему же от 2 октября 1875 года он просит прислать ему «Капитал» Маркса. Но эти две книги он мог прочесть и раньше. Из воспоминаний Арну и других мы знаем, что особенно много Бакунин читал в это время книг по естествознанию, в частности по химии и сельскому хозяйству, что связано было с его тогдашними хозяйственными планами. Но из тех отрывочных указаний, которые имеются у нас по этому поводу, трудно вывести какое-либо определенное заключение о направлении умственных интересов Бакунина в этот период. Единственный вывод, который из них можно было бы с некоторым риском сделать, это тот, что особенной системы в его занятиях не замечалось.

Что касается его собственных произведений, о которых Бакунин отчасти упоминает в письме к Огареву, то нам известно о них очень мало. Мемуаров своих он так и не написал. Мы знаем уже, что о намерении написать их он говорил неоднократно, начиная с 1862 года: в брошюре «Русским, польским и т. д. друзьям», в письме в редакцию «The Working Man» от 12 марта 1862 года, в неоднократных разговорах с Огаревым и Герценом (который еще в 1869 году настаивал на составлении Бакуниным своих мемуаров и брался найти для них издателя), в письмах к родным после второго посещения им Стокгольма в 1864 году, в письмах из Италии 1864 — 1865 г.г., в брошюре «Последнее слово о г. Людовике Мерославском» 1868 года и т. д. Мысль о составлении мемуаров снова овладевает Бакуниным после кризиса Баронаты. В письме к Э. Беллерио из Сиерры от 4 сентября 1874 года Бакунин определенно заявляет, что намеревается писать свои воспоминания [1]. О том же он говорит и в своем письме к Рейхелям от 25 октября 1874 года из Лугано. А в письме к Огареву от 14 ноября того же года он уже говорит об этом не как о намерении, а как о факте («пишу свои мемуары»).

Приступал ли когда-нибудь Бакунин к этой работе? Мы имеем целый ряд показаний, говорящих в пользу такого предположения. В письмах из Неаполя 1865 года (см. т. II, стр. 313) он определенно говорит о том, что пишет свои воспоминания — возможно, по заказу шведских издателей [2]. Письмо к Огареву также свидетельствует о том, что Бакунин, преодолев свое отвращение (о котором говорится в цитированных во II томе нашей работы воспоминаниях Грюна и во многих письмах самого Бакунина), начал писать о самом себе. Об этом же во время жизни Бакунина в Лугано упорно циркулировали слухи в близких к нему кругах. В берлинском «Новом Социал-Демократе» от 16 июля 1875 года сообщается, со слов какого-то корреспондента этой газеты, что Бакунин пишет свои мемуары. Гильом в письме к Э. Беллерио от 9 октября 1876 года сообщает дошедший до него слух, что Бакунин в Лугано начал писать свои воспоминания, но оговаривается, что за

[1] Значит ли это, что до тех пор он этой работы не начинал, как думает Неттлау (прим. 3760)? Такой вывод был бы не совсем основателен, как мы показываем ниже.

[2] В книге Густава Струве «Zwölf Streite der Revolution», Berlin, 1867, стр. 180, говорится, что Бакунин летом 1866 года жил в Стокгольме и писал свои мемуары. Указание насчет Стокгольма, конечно, неверно, но оно свидетельствует о том, что слухи о писании Бакуниным своих воспоминаний связывались со Швецией, а, как мы знаем, шведские издатели действительно предлагали ему выпустить его мемуары.

точность слуха не ручается. В некрологе Бакунина, принадлежащем тому же Гильому и помещенном в «Бюллетене Юрской Федерации» от 9 июля 1876 года, также сказано, что по слухам Бакунин в последние годы занят был писанием мемуаров, но насколько это соответствует действительности, неизвестно. Наконец, Малон в своей цитированной выше статье «L'Internationale» (в «La Nouvelle Revue», 1884, 15 февраля), неизвестно на основании каких фактов или источников, также сообщает, что Бакунин в последнее время начал писать свои мемуары (Малон в 1876 году лично встречался в Лугано с Бакуниным).

Этим указаниям как будто противоречит передаваемое Драгомановым (стр. 349) сообщение А. В. Вебер-Баулер, там, впрочем, неназванной, о том, что в последние дни своей жизни Бакунин «собирался диктовать свои записки». Во всяком случае здесь не сказано, что он собирался диктовать их с самого начала: ведь это могло быть и продолжением уже начатой прежде работы [1].

Была ли она действительно когда-либо начата? На этот вопрос трудно ответить с полной уверенностью. Указания самого Бакунина могут быть поняты в таком смысле, что он несколько раз приступал к этой работе (в Неаполе, а затем в Лугано), но, видимо, не пошел в ней далеко. Существует рассказ, будто Бакунин в 1873 году начал диктовать свои записки В. Зайцеву (и его свояченице О. Кутузовой, будущей жене Кафиеро), и что они были уже доведены до 1848 года. Но до сих пор не удалось открыть никаких следов ни записей Зайцева, ни соответствующих рукописей самого Бакунина, если только они существовали. И вопрос до сих пор остается нерешенным [2].

---

[1] Сама Вебер (Баулер, «Былое», 1907, июль, стр. 79) рассказывает об этом следующее: «М. А. задумал диктовать мне свои мемуары или, вернее, поручить мне их составлять. Решено было, что он будет систематически рассказывать мне свою жизнь, а я буду дома составлять каждый его рассказ и потом читать ему написанное. Но к работе мы не приступали. Как истинно русские люди, мы оба собирались... Я, по его предписанию, ежедневно переписывала и перечитывала «Pensées» («Мысли») Паскаля. Мемуары должны были быть написаны по-французски, и Паскаля следовало мне изучить для усовершенствования в этом языке. М. А. говорил, что это самый лучший французский стиль, что язык Паскаля ему по сердцу и ближе всего подходит к его складу ума».

[2] Тот отрывок, найденный и опубликованный Неттлау в журнале «Société Nouvelle» за сентябрь 1896 г., который мы отчасти использовали в I томе этой работы, вряд ли может быть признан за начало этих мемуаров. Это скорее письмо к какому-то другу, судя по обращениям «мой дорогой», «чтобы дать тебе слабое представление» и т. п.

Но в письме к Огареву Бакунин говорит еще о другом своем литературном проекте, о «последнем полном слове о своих заветнейших убеждениях». Что следует понимать под этими словами, трудно решить. Идет ли здесь речь о второй части «Государственности и Анархии» [1]? Или же, вернее, о новой обработке давно уже занимавшей Бакунина темы, а именно о том «Исповедании веры русского демократа-социалиста», которое он так неудачно начал октябрьским письмом 1869 года в «Réveil» (см. в III томе этой работы о полемике с Гессом), и которое мечтал довести до конца? Или же, наконец, Бакунин имел в виду ту материалистическую и атеистическую этику, о которой он говорил Рейхелю в последние минуты? На этот вопрос мы, вероятно, никогда не получим ответа.

Неутомимый искатель бакунинских манускриптов, М. Неттлау, за рассматриваемый период нашел их очень мало [2]. Повидимому, за время, которое Бакунин прожил в Лугано, он много не написал: не было стимула ввиду оторванности от жизни и отсутствия практического дела, с которым обыкновенно связано было творчество Бакунина, да и настроение и обстановка не располагали к писанию [3].

Небольшая французская рукопись, озаглавленная «Революционный социализм в России» и содержащая всего 4 страницы, должна была, повидимому, служить предисловием к известной «Записке гр. Палена об успехах революционной пропаганды в России» [4]. На ту же тему составлена и другая, более длинная рукопись, содержащая 17 страниц и дающая своеобразную философию русской истории, развивавшейся, дескать, самобытным, отличным от Запада путем и приведшей к отрицанию государства. Здесь мы имеем обычную для Бакунина идеализацию

---

[1] На эту мысль наводит указание Сажина (стр. 94), которое мы приводим в следующем параграфе.

[2] Значит ли это, что их больше не существовало? На этот вопрос трудно ответить с уверенностью, однако это возможно.

[3] Однако А. В. Баулер говорит (стр. 76), что Бакунин (весною 1876 г.) «писал много и ежедневно». К сожалению, она не указывает, что именно он писал. — Неттлау (прим. 3786) со слов Маццотти также передает, что Бакунин до последних дней много писал, но не заботился о рукописях, которыми часто играли дети.

[4] «Записка» была впоследствии издана группою «Работника», но ввиду тогдашнего враждебного отношения этой группы (Ралли и его товарищи, Жуковский и пр.) к Бакунину, сомнительно, чтобы она заказала ему это предисловие. Возможно, что он начал писать без определенной цели просто потому, что ему в руки попала одна копия паленовской «Записки». Судя по французскому языку, эта рукопись предназначалась не для русской публики.

«славянской расы», проникнутой федералистическими, коммунистическими (общинными) и социалистическими принципами. Судя по содержанию этой работы, она писалась не для русской, а для европейской публики [1].

Возможно, что к этому же времени относится и рукопись «Куда идти и что делать?», которую мы цитировали в третьем томе этой работы (стр. 161—162, прим.). Она написана в связи с «хождением в народ». Есть ли это та «русская брошюра», которую Бакунин писал в Сиерре, или другая, писанная позже, трудно решить с положительностью. Рукопись приветствует решение молодежи пойти в народ и ставит себе целью выяснить задачи революционной деятельности в народе. «Это уже не фантазия, — говорит Бакунин, — не детская игра и не дешевое византийское резонерство, не теоретическое рассуждение, а действительный факт, и к тому ж такой значительный факт, что его можно назвать историческим. Это, по крайней мере, начало действия практического, первый решительный шаг к настоящему революционному делу». Дальше Бакунин ставит вопрос: «Как идти в народ? Как с ним сойтиться, как приобрести его доверие и что делать в его среде?». На эти вопросы автор, увлекшись по обыкновению побочными отступлениями (в частности, резкой критикой лавристского направления), не успел дать ответа, и рукопись, в настоящем виде имеющая размер около печатного листа, осталась незаконченной.

Наконец, от этого периода уцелел еще отрывок одной рукописи (стр. 5 — 16), говорящий о Франции, но рукопись в целом была, возможно, посвящена вопросу о клерикализме, которым Бакунин в последнее время особенно интересовался. Рукопись проникнута обычным анархистским духом бакунинских писаний, но в ней чувствуется что-то новое, какой-то небывало мягкий тон по отношению к буржуазным республиканцам, ведущим берьбу с иезуитски-монархической реакцией. Период органической эволюции, в который, по мнению Бакунина, вступило человечество, отразился, видимо, на настроении самого Бакунина.

Сначала Бакунин развивает свою постоянную мысль о том, что всякое государство, в том числе и демократическое, основано на эксплоатации и порабощении масс. А далее он переходит к довольно благожелательной характеристике французских буржуазных демократов. По словам Бакунина, Франция после стольких тяжелых испытаний напрягает последние усилия для своего превращения в чисто демокра-

---

[1] Кстати, не есть ли это та «русская брошюра», которую, по словам Гильома, Бакунин писал в сентябре 1874 года в Сиерре? (См. выше.)

тическое республиканское государство. Республиканская партия, наученная пережитыми катастрофами, проявляет небывалую сдержанность и благоразумие; вдобавок, она одна сохранила свою репутацию и честь после разгула реакционных страстей в Версальском Собрании. Правда, она приняла участие в разгроме героического парижского пролетариата, но с тех пор она постаралась изгладить память о своем предательстве, а великодушный народ простил ей ее преступление. «Таким образом мы, по всей вероятности, скоро увидим во Франции установление серьезной республики, сначала умеренной, а затем, без сомнения, все более радикальной. Будет сделана попытка организовать демократическое государство на весьма широких демократических основах. Но жизненно ли, возможно ли такое государство? В этом весь вопрос. Это было бы возможно, если бы на-ряду или, точнее, за политическим вопросом не существовало вечного экономического вопроса».

К сожалению, Неттлау почему-то ограничивается приведенными выдержками из этой рукописи (возможно, последней литературной работы Бакунина), так что мы лишены возможности точнее характеризовать ее содержание и дух. Но возможно, что сравнительно благожелательный тон Бакунина по отношению к буржуазным демократам об'ясняется тем исключительным значением, какое он в последнее время придавал монархическо-клерикальной реакции, в которой видел главного врага своих идеалов и за борьбу с которою готов был многое простить даже своим политическим антиподам (вроде Бисмарка, за его «культуркампф»). Повидимому, период органической эволюции повлиял на Бакунина в том смысле, что он, оставаясь в основном верен своим старым взглядам, внес в них некоторые частичные поправки и готов был уже не рассматривать весь мир, кроме союза Интернациональных Братьев, как сплошную реакционную массу. Что при этом Бакунин, по свойственной ему порывистости и склонности к увлечениям, впадал временами в противоположную крайность, представляется при известном нам идейном его облике довольно естественным.

В этом отношении довольно характерно его письмо к А. Рейхелю от 19 октября 1875 года.

«А ты, мой старый друг, что поделываешь? Как ты сочетаешь свой внутренний мир, свою святость с зачумленной атмосферой повсюду торжествующей реакции и с тяжелыми условиями жизни в обществе? Что касается меня, я сделался совершенным пустынником и снова стараюсь схватить мое старое Я путем тихого созерцания. Удастся ли мне это, не знаю. В одном я только должен тебе признаться: оторванный

от всякой действительной жизни, я рискую сделаться бисмаркианцем — и, однако, я попрежнему от всего сердца ненавижу не самого Бисмарка — он последовательный парень, — а бисмаркизм, но еще больше я ненавижу снова повсюду побеждающий или кажущийся победоносным католицизм и клерикализм (курсив мой). Это позор для человечества, позор для всего, что в нас есть разумного, нравственного, человеческого; я бы очень мало интересовался попами, если бы их деятельность ограничивалась мороченьем старых ослов. Но во Франции, Италии, Испании, Бельгии, а также в некоторых швейцарских кантонах, как, например, в Тессинском, они захватывают в свои тяжелые руки все воспитание молодежи, будущности, а это настоящее несчастье, ибо они не только набивают ложью сердца и головы молодежи, — нет, они систематически и основательно развращают, так сказать, органическую природу и всю естественную деятельность и развитие обоих. Они создают лжецов и рабов. И хотя я очень хорошо знаю, что Бисмарк воюет с религией доброго боженьки только для того, чтобы поставить на ее место попрежнему ненавистную для меня религию государства и государственного холопства, я должен все-таки признать, что если бы теперь в Европе не было бисмарковской политики, то все мы скоро были бы пожраны попами. Теперь мне снова кажется полезным и необходимым воскресить старый заглохший клич энциклопедистов: «écrasons l'infâme» [1], и, как в мою добрую старую фанатическую пору, когда я любил говаривать: «Что вы мне толкуете о беспартийности? Оставим беспартийность господу богу!», так и теперь я снова начинаю очень мало беспокоиться об абстрактной справедливости: все, что сокрушает поповство и попов, мне приятно и желательно. Таким образом я становлюсь под знамя Тейшера [2] и таким образом я для данного момента волей-неволей стал даже бисмаркианцем».

Какую важность придавал Бакунин борьбе с клерикализмом, и как глубоко он ненавидел попов и все к ним сопричастное, видно из следующего инцидента (письмо к Э. Беллерио от 4 октября 1875 года). Узнав о том, что его тессинский приятель Ремиджо Киеза «уже перешел или, по крайней мере, собирается перейти с оружием и багажем в черный лагерь реакции», Бакунин «ему откровенно заявил, что если это произойдет, то я поступил бы вразрез со всем моим прошлым, если бы не порвал с ним всех отношений, и прибавил, что, вероятно, все его серьезные друзья, начиная с Беллерио, сделают то же самое». Сообщая, что,

---

[1] «Раздавим гадину», т.-е. католическую церковь, религиозный фанатизм (лозунг Вольтера).

[2] Протестантский деятель в Берне.

как недвусмысленно заявил ему Киеза, он и его родные будут на ближайших выборах голосовать за клерикалов, Бакунин советует старику Беллерио выполнить свой моральный долг и удержать Киезу «на краю пропасти».

Вопрос этот настолько занимал его, что он возвращается к нему в письме от 29 октября 1875 года. Снова заявив, что в случае, если Киеза останется «при своем скверном намерении голосовать за попов» (на тессинских кантональных выборах), то это причинило бы ему, Бакунину, много горя, так как он его сильно любил и «не без большой сердечной боли вынужден был бы с ним окончательно расстаться», Бакунин продолжает: «Вопрос о попах — это не просто тессинский или даже швейцарский вопрос, — это вопрос мировой, который в настоящий момент господствует над всеми остальными. Дело дошло до того, что я, такой ожесточенный ненавистник не Бисмарка, но его системы, его влияния и его стремлений в Европе, стал до известной степени бисмаркианцем. Собственно нет, я только иду рядом с Бисмарком, продолжая оставаться самим собой, и повторяю старый боевой клич энциклопедистов: «écrasons l'infâme!».

А в письме от 24 декабря 1875 года к Беллерио Бакунин рассказывает, как он издевается в кафе над своими приятелями из числа тессинских радикалов, потерпевших «вполне заслуженное поражение» от клерикалов. Его возмущает их дряблость и нерешительность.

«Им приходится смириться, — пишет он. — Что особенно печально для радикалов, так это то, что причина их беды лежит в большей степени внутри, чем вне их. Это полная прострация, деморализация, отсутствие воли и мысли. Сейчас среди них господствует мирное настроение баранов. Их будут стричь. Думаю, что у вас в Локарно дело обстоит еще хуже. Великий Ромерио сокрушен после того, как в продолжение всей своей жизни сокрушал других. А что поделывает наш дорогой бедняжка Паоло Гавирати? Зато Ремиджо торжествует. Я только предсказываю ему, и притом в недалеком будущем, мало завидную участь: положение человека между двух стульев, севшего задом на землю. Тогда он поймет, но слишком поздно, что он не только совершил подлость, низость, но, как сказал бы Талейран, нечто худшее, а именно — глупость... По крайней мере, во Франции мы имели маленькое утешение. Бюффе и Бройль были побиты... Наконец-то! В остальном мире все идет к лучшему — к вящей славе божьей. А Дюпанлу произведен в сенаторы»...

Единственное утешение посреди всеобщего разгула реакции Бакунин усматривает во Франции, где вожди ультрамонтанства и защитники

пресловутого «морального порядка» потерпели поражение. После этого можно признать вполне отвечающими действительности слова, которые Малон в цитированной выше статье влагает в уста Бакунина при известии о результатах парламентских выборов во Франции 1876 года, когда монархисты-клерикалы потерпели поражение, правда, от умеренных республиканцев. «Весь его былой политический пыл, — говорит Малон, — сосредоточился на заботе о борьбе, которую вели тогда французские республиканцы против людей 24 и 16 мая. Я видел, как этот бывший [1] анархист ликовал от радости при известии о великой избирательной победе республиканцев 23 февраля 1876 года. «Мировая свобода спасена!— восклицал он,—и снова спасена великой Францией!».

Нет, конечно, никаких оснований утверждать, будто Бакунин на склоне дней отказался от своего общего анархистского мировоззрения. По существу он остался ему верен до конца, как показывают хотя бы воспоминания А. В. Вебер-Баулер, знавшей Бакунина в последние месяцы его жизни [2]. Но так как тактические взгляды Бакунина были рассчитаны на близость социальной революции, то неудивительно, что с того момента, как он признал ее невозможной в ближайшем будущем и убедился в наступлении сравнительно долгого периода органической эволюции, он внес в свои тактические построения некоторые частичные поправки. Что по временам эти поправки принимали несколько оппортунистический вид, об'ясняется характером анархического мировоззрения, во многих пунктах стоящего близко к буржуазному либерализму, крайнее заострение которого анархизм и представляет.

3. Жизнь в Лугано.

Живописную картину старого льва на покое оставил нам бывший член Коммуны Артур Арну, писавший под псевдонимом A. Matthey [3]. Повидимому, Арну, и раньше живший в Лутано, поселился там с весны 1875 года и часто встречался с Бакуниным.

Сначала Арну дает описание внешности Бакунина.

---

[1] Неттлау возмущен этим словом «бывший» и ставит после него в скобках негодующее «sic». Возможно, что «бывший» слишком сильно сказано, но ясно, что это отношение Бакунина к борьбе партий во Франции никак не укладывается в рамки программы Альянса.

[2] А. Баулер — «М. А. Бакунин накануне смерти», «Былое», 1907, июль, стр. 62—87.

[3] A. Matthey — «Michel Bakounine» в парижском журнале «La Nouvelle Revue» от 1 августа 1891 года, стр. 588—603.

«Это был гигант, огромный, могучий и тяжелый, который с трудом прошел бы, не согнувшись, в дверь обыкновенной квартиры. На нем была мягкая серая фетровая шляпа, которую при мне он ни разу не поднял и не снял... Все в нем было пропорционально, бюст, члены, и все в колоссальных размерах, так что, когда он подвигался своей спокойной, размеренной, твердой и скорее медлительной поступью, шаги его были так широки, что спутник его принужден был почти бежать, чтобы от него не отставать. Огромная голова, покрытая целым лесом длинных всклокоченных волос, не знавших гребенки, и борода, обрамлявшая нижнюю часть лица и часть щек, удачно дополняли общий монументальный вид. У него была калмыцкая внешность с приплюснутыми, широкими чертами и выдающимися скулами. Лоб был высокий, глаза, небольшие, но сверкающие и подвижные, быстро меняли выражение, вспыхивали огнем и грозовыми молниями и выражали дикую суровость. Рот имел иронические или угрожающее выражение, но временами освещался женской улыбкой. Он шагал прямо, но опустив голову, подобно всем людям слишком высокого роста... Зимой и летом он носил все тот же костюм, никогда не сменявшийся и состоявший из тяжелых стоптанных сапог, в голенища которых опущены были панталоны, поддерживавшиеся только нетуго затянутым ремнем, из серой развевающейся накидки необычной формы, без талии, застегнутой на одну верхнюю пуговицу. Бычью шею окутывал свободный, плохо повязанный кусок материи, из-за которого местами выглядывал ненакрахмаленный, поношенный воротник, просившийся в стирку. На голове знаменитая мягкая серая фетровая шляпа, имевшая такой вид, точно она никогда не была новой. Этих сапог, этих панталон, этой накидки, этого фуляра, этой шляпы Михаил Бакунин никогда не снимал, даже ночью, так как он спал нераздетый на доске, положенной на низкие козлы и покрытой тюфяком. Эти сапоги, эти панталоны и эта накидка хранили на себе следы грязи всех пережитых зим и пыли всех пережитых лет (а в общем это представляло нечто серьезное), точно также и запущенная борода часто могла служить обеденным меню прошедшей недели. И при всем том, смею вас уверить, внешность настоящего барина, и никто при виде его не помышлял о смехе или о критике. Однажды, когда к остальным отбросам, скопившимся на этой накидке, на которой записаны были события повседневной жизни, прибавилось немного извести, и какой-то итальянец (эти южане ничего не соображают и ничего не боятся!) заметил ему: «Бакунин, вам бы следовало почиститься!», — я никогда не забуду выражения дикой энергии и бешеного взгляда, с которым он ответил: «Я не желаю чиститься!». Итальянец не решился настаивать.

«При все том он был ласков как овечка и непреодолимый о б о л ь с т и т е л ь, если нуждался в вас. Часто он, когда не был печален и мрачен, проявлял тонкую и благодушную веселость; он обнаруживал хороший тон и хороший вкус, а также чисто французское остроумие, которое заставляло чувствовать в нем за версту настоящего барина и образованного человека. Этот мастодонт, о существовании у которого бивней можно было догадываться, не испытывая особого желания познакомиться с ними поближе, был утонченным интеллигентом, который знал на зубок своих любимых авторов, особенно французских, и вдруг начинал напевать арию из «Прекрасной Елены» или преподносил вам пассаж из Мейляка и Галеви, словцо Лабиша, либо каламбур любого из водевилистов 1830—1870 годов. Этот русский заимствовал многое от французов.

«Узнав о том, что я нахожусь в Лугано, он немедленно явился ко мне, протянул мне свою огромную руку, в которую я вложил свою не без некоторого опасения, и сказал мне: «Мы здесь единственные два иностранца, оба изгнанники. Мы будем братьями. Когда у вас будут деньги, вы дадите мне. Когда у меня будут, я дам вам». Однако у Бакунина никогда не было денег, что, впрочем, мало его смущало и не мешало ему много тратить».

Приведя ряд примеров, доказывающих уже известное нам легкомысленное отношение Бакунина к денежному вопросу, Арну продолжает: «Это была не лень, не расчет, не эксплоатация и не желание разорить вас. Нисколько. Если бы у него были деньги, он бы вам дал их, не считая, с самым искренним чувством, но беда в том, что у него их не было, а он в них нуждался».

Дальше Арну рассказывает о том образе жизни, который Бакунин вел в Лугано.

«Жизнь Бакунина в Лугано была очень регулярной. Он вставал около 8 часов, отправлялся на Театральную площадь и усаживался в кафе Террени. Здесь он прочитывал газеты, завтракал, принимал знакомых, писал письма. Около двух часов дня он уходил домой. В кафе он тратил на себя одного столько, сколько тратят вместе 20 тессинцев, отличающихся чисто итальянской трезвостью... Не имея денег или имея их очень мало, Бакунин никогда не платил по счету. Он сумел внушить содержательнице кафе неограниченное доверие... и даже занимал у нее деньги, так что в конце концов задолжал ей большую сумму». И Арну прибавляет, что, когда Бакунин слишком много задолжал хозяйке и не решался больше у нее просить, он отправился к содержательнице конкурировавшего кафе, в котором никогда не бы-

вал, и умудрился даже и у нее занять деньги [1]. «Выйдя из кафе, он заходил в кондитерскую насупротив, где набивал свои карманы пирожками для «детишек». В 2 часа он вторично садился за стол, на этот раз дома; затем в 4 часа он ложился, на его языке «ложился», т.-е. бросался в одежде и сапогах на тощий тюфячок, покрывавший поставленную на козлы доску. Он вставал между 8 и 9 часами и шел в гостиную, где Антония угощала чаем своих друзей. Здесь он вмешивался в разговор, раскрывал все чары своего ума и очаровывал слушателей в течение всего вечера своей разносторонней эрудицией тонкого знатока литературы, своими неожиданными замечаниями, самыми едкими выпадами против той или иной знаменитости; он говорил о своем пребывании во Франции во время революции 1848 года, еще полный того обольстительного впечатления, которое произвел на него Париж; он говорил также о Германии, которую хорошо знал и терпеть не мог; рассказывал о своем кругосветном путешествии после побега из Сибири, распространяясь при этом об Японии, которая его поразила и которую он сильно хвалил... Когда в 11 или 12 часов все расходились, Бакунин удалялся в свою комнату и работал всю остальную часть ночи; затем утром снова бросался на свою походную кровать на часок-другой».

Эта картинка, в общем совпадающая с тем, что мы знаем о Бакунине со слов других очевидцев, может быть дополнена сообщениями Тверитинова и А. Вебер (Баулер), познакомившейся с Бакуниным, примерно, год спустя.

А. Тверитинов посетил Бакунина в 1875 году, о чем рассказывает в своих уже цитированных нами воспоминаниях [2].

«На другой день по приезде в Лугано, — пишет он, — я отправился разыскивать дачу Бакунина, которую тотчас же и нашел: маленький домик, комнаты в четыре-пять, среди небольшого садика. В саду работала какая-то молодая женщина. Дома ли синьор Бакунин? — спросил я ее по-итальянски. «Пожалуйте, дома», — ответила она по-итальянски. То была, как оказалось, жена Бакунина.

«Я застал Бакунина в халате и в люстриновой фуражке на голове. Он лежал на кровати и что-то читал. Он казался тогда гораздо старше, чем он был изображен на последнем портрете, снятом у Ганди в Париже: волос на усах и бороде очень мало, на голове — почти нет,

---

[1] О том, что Бакунин при первой возможности возвращал занятые деньги (как свидетельствует, напр., Э. Беллерио), его критики обыкновенно умалчивают.

[2] Алексей Тверитинов — «Об об'явлении приговора Н. Г. Чернышевскому... и о многом другом», Спб., 1906, стр. 79—83.

лицо отекшее. Мне казалось неудобным, назойливым притти и сказать, что я пришел с вами познакомиться; я придумал предлог: узнать адрес Росса, который ему за год до этого времени отправил в Лугано мой перевод. Михаилу Александровичу это очень не понравилось, и он весьма строго и внушительно заметил мне, что о таких вещах не разговаривают. Росс, как я уже сказал, был эмигрант. Побыл таким образом у Бакунина минут десять и пошел опечаленный домой. Пошел я в свою гостиницу Панораму (Hôtel du Panorama) в местечко Рай (Paradiso). Рай этот находится на западном берегу озера в одной приблизительно версте от Лугано. Прошло дней пять-шесть, пока я решился во второй раз пойти к Бакунину. Может быть, думалось мне, он был болен и потому был так неприветлив со мною, или же он усомнился в том, что я «действительно то самое лицо». Может быть, он теперь поправился, может быть, он уже узнал, что я не шпион, а то самое лицо, за которое себя выдаю, — так рассуждал я по прошествии пяти дней после своего первого посещения Бакунина.

«Если и во второй раз примет сурово— больше не пойду,—решил я.

«Но когда я пришел во второй раз, встретил меня совсем другой человек. «Что ж это вы пропали?» — не здороваясь, сказал он, — а мы думали, не случилось ли с вами что-нибудь! И адреса своего не оставил!»...

«Я был очень рад такому приему и бывал потом у них почти ежедневно.

«Бакуниных на даче жило четверо: он, жена и его двое детей — мальчик и девочка лет семи-восьми. Дочь их — теперь известная в Италии натуралистка, а о сыне никаких сведений, кажется, в русскую печать не проникало [1].

«Почти тридцать лет прошло с тех пор, как я беседовал в Лугано с Бакуниным. Много, конечно, из наших бесед я перезабыл; потому я буду краток и говорить буду только то, что хорошо запомнил.

«Во-первых, о немцах. С самого появления Бакунина в 60-х годах в Европе Либкнехт и К° в своей газете настойчиво пропагандировали идею, что Бакунин — русский шпион (?). На Эйзенахском интернациональном конгрессе кто-то свел Бакунина с Либкнехтом, и состоялось выяснение недоразумения: Либкнехту доказали, что если Бакунин не разделяет их воззрения на Volksstaat (т.-е. народное государство. — *Ю. С.*), то это еще не значит, чтобы он был шпионом. Либкнехт

---

[1] «После того, как это было написано, в газетах было известие, что он утопился» (прим. Тверитинова).

в ближайшем номере «Volksstaat'a» обещал напечатать извинение. «И представьте, — закончил свой рассказ Бакунин, — продолжал печатать все в том же духе!» [1].

(Дальше идет уже приведенное нами в III томе место о том, что и у Маркса был в Интернационале тайный союз вроде Альянса.)

«Раз речь зашла о женевских общих знакомых.

« — Ну, что поделывает Жуковский, в кого он теперь влюблен?

« — В Лефрансэ, — ответил я.

« — Это его третья любовь с тех пор, как он приехал из России: то он был влюблен в Чернышевского, потом в Герцена, а вот теперь уже в Лефрансэ...

«Впрочем, может быть, я и ошибаюсь насчет имен...

« — Ну, а Жеманов?

« — Уехал в Аргентину.

« — Веревка, вервие простое! — продекламировал М. А.

«Очевидно, он невысокого мнения был об умственных способностях Жеманова.

« — Элпидин что поделывает? — И рассказал мне, как Элпидин защищал его от хохота публики на заседании Лиги Мира.

« — Ну, а секция пропаганды что поделывает?

« — Да рассуждают о том, что делать с лапландцами, готентотами и другими дикими народами, когда грянет социальная революция.

« — Ну, этого ни мои, ни даже ваши внуки не дождутся.

«Зашел затем разговор о Валер. Никол. Смирнове, которого, как я уже говорил, мне отрекомендовал А. С. Бутурлин как большого приятеля (?) Бакунина.

« — Был у меня Смирнов, — рассказывал мне Бакунин, — и уехал домой в Цюрих... (Дальше идет новая сплетня — *Ю. С.*)

«Были разговоры и о русской литературе.

«Зашла речь о Щедрине, о его рассказе «Он».

« — Какова смелость! — воскликнул М. А.

«Действительно, по сравнению с известным фельетоном Old Gentleman'a — смелость огромная [2].

---

[1] Как мы показали в III томе, все это сплошной вздор (не знаем, кто в нем больше повинен — Бакунин или Тверитинов). Встреча Бакунина с Либкнехтом состоялась не на Эйзенахском, а на Базельском конгрессе. В Эйзенахе был не интернациональный, а германский с'езд.

[2] Old Gentleman — псевдоним А. Амфитеатрова; имеется в виду фельетон последнего «Господа Обмановы» (т.-е. Романовы), напечатанный в начале 1902 года в газете «Россия» и повлекший за собою административную высылку Амфитеатрова в Сибирь.

«Щедрина хвалил за смелость человек, который в четырех государствах был приговорен к смерти... Такая похвала чего-нибудь да стоит!

«О Чернышевском не говорили; только говорил Бакунин, что он пропагандирует мой перевод среди своих знакомых итальянцев [1].

«Раз, рассказывая мне о давно прошедших временах, — о Пушкине, Лермонтове, Белинском, — Бакунин остановился, сделал паузу и затем сказал: «Вы меня слушаете, как будто перед Вами сидит человек с того света. А вот, не хотите ли, я Вас познакомлю с одним итальянцем, перед которым я — молодой человек? Он еще замечателен тем, что жил 12 лет в Москве; он был каменщиком и вместе с другими итальянцами отстраивал Москву после пожара.

«Пошли мы с этой целью в кафе, где бывал ежедневно в известный час искомый итальянец, и действительно нашли его там...

«Из всех знаменитостей, — заключает А. Тверитинов, — которых мне приходилось в жизни встречать, наиболее приятное впечатление у меня осталось от Бакунина. Обхождение его с обыкновенными смертными было самое простое. Ни чванства, как у Лаврова, ни грубости, как у Салтыкова, ни чрезмерной любезности, как у Тургенева, в нем не было».

А. В. Вебер, участница петербургского социалистического кружка, приехала в Лугано ранней весной 1876 г., не зная о том, что в этом городке живет Бакунин. Она узнала об этом от своего преподавателя итальянского языка И. Педерцолли, который и познакомил ее с Бакуниным, впрочем, сам не подозревая о ее социалистических взглядах и принимая ее за рядовую обывательницу. Бакунин же в первое время даже принял ее за шпионку. Но недоразумение скоро раз'яснилось, и Вебер сделалась очень близким преданным другом старого борца.

Вебер посетила Бакунина уже на его новой вилле, где он собирался завести доходное хозяйство (об этом ниже).

«Мы, — рассказывает А. Вебер (стр. 67 и сл.), — вошли в ворота и попали в отгороженное пространство, которое верно было когда-то садом. Теперь все было перерыто. Кое-где торчали деревья, в других местах виднелись гряды, всюду были кучи желто-бурой земли и ямы, налившиеся дождевой водой. Вдали какие-то люди копались в земле. Около них спиною к нам стоял гигант. Длинное пальто с пеле-

---

[1] Тверитинов издал за границей перевод примечаний Чернышевского к Миллю на французском языке.

риной падало прямыми складками почти до земли; из-под шляпы с широчайшими полями выбивались кудри седых волос. Что-то монументальное и гордое исходило от этой пышной фигуры, резко черневшей на рыжем фоне вырытой земли»...

Это был Бакунин.

«По довольно темной лестнице мы вошли в большую угловую комнату, светлую, заставленную, но неуютную. В одном углу ее помещалась резная кровать, покрытая большим шерстяным платком вместо одеяла; у двери стоял длинный стол, на котором был подан чай, и на нем же лежала груда табаку, стояла чернильница на развернутой газете, валялись обломки игрушек, куски шоколада[1]; другие столы и большая конторка тонули под бумагами, среди которых высовывались аптечные склянки. Полочка книг ютилась у стола. Книг было мало, зато всюду — на полу, на стульях, на кровати — разбросаны были газеты разных стран, форматов и политических оттенков. То была спальня, вместе с тем приемная, столовая и рабочий кабинет Михаила Александровича».

Заговорили о работах в саду. Бакунин рассказывал, что будет сеять огурцы и непременно укроп. Антония заметила, что в этом саду кроме ям ничего никогда не будет.

« — Ямы специально для лягушек, — сказал Бакунин. — До смерти люблю их кваканье. Удивительно музыкальное животное. Жили в русской деревне? Что может быть лучше русского летнего вечера, когда в прудах лягушки задают свой концерт?

«Он опустил голову; злой огонек потух в глазах, печаль подернула лицо и тенью легла вокруг губ».

Когда Педерцолли в разговоре заметил, что смерть страшна для всех, даже не верящих в ад, Бакунин встрепенулся.

— Смерть? Она мне улыбается, очень улыбается, — сказал он по-французски[2]. Затем, обращаясь к А. Вебер, он прибавил по-русски: «Знаете, у меня была сестра. Умирая, она сказала мне: «Ах, Мишель, как хорошо умирать! Так хорошо можно вытянуться»... Неправда ли, это самое лучшее, что можно сказать про смерть?».

---

[1] Шоколад Бакунин держал для детей Антонии, которых очень любил и с которыми играл.

[2] Арну рассказывает, что однажды Бакунин явился к ним веселый и радостный. На вопрос о причинах этого радостного настроения он ответил: «По дороге я выплюнул один из моих последних зубов!». — «И от этого вы сияете?». — «Еще одна частица моего я исчезла», — ответил он с гордым и верховным презрением к жизни и смерти.

«В этих словах, — продолжает Вебер (Баулер), — было столько простого, искреннего желания отдыха, покоя. Они прозвучали диссонансом самодовольной пошлости Педерцолли и суете, которою веяло от Антонии Ксаверьевны. Бакунин мешал ложечкой чай и весь точно осел на локти, лежавшие на столе.

«В моем представлении в ту минуту исчез великий революционер, неустанный борец, призывавший к разрушению. Передо мной очутился утомленный жизнью старик. Он мне казался таким одиноким, далеким от всего, что его окружало непосредственно».

По поводу отношения Бакунина к денежным делам А. Баулер говорит: «Многие упрекали его в неблаговидном отношении к деньгам, у меня же сложилось убеждение, что отношение его к денежным делам было легкомысленное, а не предосудительное. Не могу представить себе, чтобы он когда-либо вымогал деньги сознательно и притом лично для себя. Его потребности во время моего знакомства с ним были в буквальном смысле слова ничтожны, жизнь его была скудная до бедности, несмотря на владение виллой. Одет он был всегда в одно и то же весьма истасканное платье, ел едва достаточную пищу, даже постели у него удобной не было: на его узенькой железной кровати с трудом умещалось его громадное тело. Она была ему коротка, вся шаталась и скрипела при малейшем движении, а большой старый платок, служивший одеялом, покрывал его еле-еле [1]. Единственной его роскошью был табак и чай. Курил он целый день, не переставая, и целую ночь с небольшими перерывами сна, когда боли давали спать. Чай пил, пока курил. Табак покупался чуть не пудами и лежал грудами на всех столах. То был какой-то особенный, совсем черный и крупной резки табак, из которого Бакунин крутил запасы необыкновенно толстых папирос».

Жена Бакунина, за отсутствием у них прислуги, выполняла всю домашнюю работу и возилась с тремя детьми, так что для забот о муже у нее не оставалось времени. Ухаживали за ним итальянцы-рабочие, жившие в Лугано и очень его любившие.

Когда совершенно разорившийся Кафиеро принужден был покинуть Баронату и уехать в Милан на частную службу, его слуги, Филиппо Маццоти [2] и жена его Мариетта, переехали в Лугано, и здесь эти простые люди старались окружить Бакунина самыми трогательными заботами. Вокруг Бакунина сгруппировался небольшой кружок

---

[1] Зато на случай приезда Гамбуцци в доме была прекрасно убранная комната с удобной постелью и тонким бельем!

[2] Бакунин знал его по Болонской попытке (см. выше).

итальянских рабочих, с благоговением относившихся к старому усталому борцу и старавшихся оказывать ему всяческие услуги; и его хладеющая душа согревалась от огня, который он некогда сам зажег в них.

«Доктор, — рассказывает А. Баулер, — определил у Бакунина болезнь мочевого пузыря. Бакунину утром и вечером надо было делать какие-то втирания, прибирать его комнату, а иногда, когда у него бывали сильные боли, надо было помочь ему одеться и раздеться. Все это делали по очереди итальянские рабочие, жившие тогда в Лугано.

«Так велико было обаяние его удивительной личности до последнего часа его жизни, что в небольшой группе итальянских анархистов-изгнанников, простых сапожников, угольщиков и цирульников, Бакунин имел не только друзей, но и обожавших его сыновей. Ежедневно сапожник Андреа Сантандреа после тяжелой дневной работы приходил на виллу укладывать М. А. в постель и, сделав все нужные манипуляции, сидел с ним до глубокой ночи. Утром приходил Филиппо Маццоти. Были и другие сидельцы-добровольцы, но Бакунин не любил их услуг: малейшая неловкость раздражала его, хотя раздражение свое он ничем не выражал, кроме глухого стона, а бедный доброволец при этом львином стоне терял последний признак умелости. Все эти люди, едва жившие на свои ничтожные гроши, не только не получали никакой платы от Бакунина, но часто на собственные деньги покупали для него какие-нибудь нехитростные лакомства. И если бы М. А. вздумал отказаться принять от кого-нибудь из них услуги или подарок, я знаю, что он причинил бы им величайшее горе и оскорбление. Я никогда не видела ни раньше, ни позже такой восторженной, бескорыстной преданности. То было любовное романтическое чувство учеников к учителю, чувство, где преданность идее сливается с преданностью личности, несущей идею. Так, вероятно, некогда складывались отношения между великими художниками и их учениками, между основателями религий и их ближайшими последователями.

«Я помню, как иногда в воскресный день в комнату Бакунина приходили двое, трое и больше рабочих. Сантандреа сидел недвижимо и, положив локти на стол, а свою голову римского патриция на скрещенные руки, смотрел большими черными экстатическими глазами прямо в рот Бакунина. Маццоти, более экспансивный, живой и наивный, улыбался, поддакивал, качал головой, и с грустью поглядывал на меня, жалея, очевидно, что я не понимаю великих слов, не могу разделить его восторга [1]. А Бакунин, куря папироску за папироской,

---

[1] Так как Бакунин говорил с рабочими по-итальянски.

отпивал глотками чай из огромной чашки и говорил долго и много. Иногда кто-нибудь из других присутствовавших что-нибудь возражал, и тогда, перебивая друг друга или говоря зараз, Сантандреа и Маццоти принимались об'яснять и убеждать, а Бакунин слушал, одобрительно кивал головой или вставлял несколько слов. Вначале я не понимала даже общего смысла разговора, но, глядя на лица собеседников, мне казалось, что около меня происходит нечто необыкновенно важное и торжественное. Атмосфера этих бесед охватывала меня, создавала во мне — я бы хотела сказать, за неимением другого выражения — молитвенное настроение. Крепла вера, стушевывались сомнения. Значение личности Бакунина определялось для меня, фигура его росла. Я понимала, что сила его заключается в умении завладевать душами людей. Для меня не подлежало сомнению, что все эти люди, слушавшие его, были готовы на все по одному его слову. Он владел ими. Я могла перенести эти впечатления в другую обстановку, менее интимную, представить себе толпу и понимала, что влияние будет такое же. Только настроение энтузиазма, тихого и внутреннего здесь, станет неизмеримо сильнее, атмосфера сделается грознее от взаимного заражения в толпе.

«В чем собственно состояли чары Бакунина? Точно этого определить, думается мне, невозможно, потому что самое верное определение будет неясная формула: в о в с е м е г о с у щ е с т в е. Не силой убеждения он действовал, не мысль он будил своею мыслью, но поднимал всякое бунтующее сердце, будил стихийную злобу. Она охватывала красотой, становилась творческой и рисовала экзальтированной жажде справедливости и счастья исход, возможность достижения: «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust» [1], — повторял Бакунин до конца жизни. Не в этой ли формуле надо искать разгадку его обаяния?

«Наблюдая отношения М. А. к простым людям, я все более удивлялась ему. Часто в длинных беседах вдвоем, излагая свои философские взгляды и как бы ретроспективно развивая свое миросозерцание, он говорил о гегельянизме и оспаривал его посылку за посылкой. Я только с большим усилием мысли могла следовать за ходом его логики. Тогда он удивлял меня яркостью своей оригинальной мысли, смелостью выводов. Когда же я видела, с какой легкостью он входил в умственное общение с людьми еле грамотными, с людьми другого класса, другой

---

[1] «Страсть к разрушению есть творческая страсть» (слова из статьи Ж. Элизара).

расы, — удивление мое еще усиливалось. Ведь, несмотря на упрощенность жизни и обстановки, Бакунин оставался настоящим русским барином с головы до ног, а между тем стоял с рабочими на гораздо более равной ноге, чем какой-нибудь Малон, который, кажется, был французским крестьянином по рождению. В отношениях коммунаров, живших в Лугано, к рабочим мне все чувствовалось или заискивание, или снисходительство. У Бакунина выходила органически, без малейшего усилия простая дружба. Он мог кричать на Филиппо или на Андреа как на мальчишек, мог держать их под гипнозом своих идей и мог подолгу рассуждать с ними об их и своих ежедневных делах, выслушивать и сообщать партийные и городские сплетни, шутить, острить, хохотать их шуткам. Тогда меня это поражало, потому что противоречило моей теории, по которой выходило, что нельзя быть услышанным народом, не став в его ряды. Потом, думая об этом часто и много, я пришла к заключению, что именно его свойства настоящего русского барина и помогали ему в этих отношениях: в наших крепостных нравах на практике было много патриархально-демократического».

С интеллигентской публикой, жившей в то время в Лугано, Бакунин не был в таких близких отношениях. Кроме названных выше Артура Арну с женой и И. Педерцолли, Бакунин встречался в Лугано с французом Шарлем д'Арсесом, имевшим некоторое отношение к Коммуне, и его семьей, с итальянскими радикалами Батальини, Габрини и пр., с Гамбуцци, по временам наезжавшим в Лугано, с Б. Малоном [1] и его тогдашней женой, романисткой Андре Лео.

Виделся он с Малатестою, освобожденным из тюрьмы. Наезжали к нему и русские, как-то: Е. Н. Каткова, впоследствии жена Малона, Кравчинский, Росс. Но это были уже не прежние живые боевые связи, а простые встречи знакомых людей, в общем далеких друг от друга и по интересам, и по настроению. Бакунин попрежнему интересовался революционным движением в разных странах, внимательно следил за ним, но делал это чисто теоретически, без былой страсти и веры.

В августе 1875 года Малатеста, посетивший Бакунина в Лугано, нашел старого бойца «в состоянии разложения» [2]. Молодые револю-

---

[1] Малон, высланный в январе 1876 года из Италии, переехал в Швейцарию. Бакунин, порвавший с ним с 1869 года (см. том II этой работы), не любил его и, по словам Педерцолли, передаваемым Неттлау (прим. 3818), называл его «хитрым мужичком» (un paysan rusé).

[2] Неттлау, прим. 3815. Возможно, что Малатеста имел здесь в виду не моральное, а физическое состояние Бакунина, ибо непосредственно за этими словами следует указание на то, что Бакунин с трудом говорил и задыхался.

ционеры уже не узнавали в теперешнем Бакунине великого учителя, еще недавно вдохновлявшего их на бранные подвиги. Тем не менее Бакунин попрежнему производил сильное впечатление на людей, впервые с ним встречавшихся: такое впечатление он, например, произвел на Кравчинского, который по дороге в Герцеговину заехал к нему с Россом, чтобы познакомиться с первосвященником анархии, а также на молодую русскую революционерку А. В. Вебер (Баулер).

Кравчинский (Степняк) вместе с Россом посетил Бакунина в сентябре 1875 года. Они встретились в кафе, где Бакунин обычно принимал визитеров, при чем, по словам П. Кропоткина, слышавшего это от самого Степняка, «Бакунин произвел на Кравчинского сильное впечатление, и Кравчинский сохранил о нем глубокое и прекрасное воспоминание. В особенности поразил его огромный ум Бакунина». Как рассказывал Кравчинский в 1894 году Максу Неттлау (прим. 3814), он ожидал встретить в Бакунине очень увлекающегося человека, но нашел в нем необычайно умного, проницательного и остроумного собеседника, который удивительно метко и правильно судил обо всем, что не окружало его непосредственно. Относительно близко стоявших к нему лиц он часто обманывался. По отношению к Нечаеву он уже не чувствовал вражды; он все ему простил за то, что «намерения у него были хорошие».

В 1875 году Бакунин встретился и, повидимому, внешне даже примирился с обоими людьми, нанесшими ему за год до того такое жестокое оскорбление, т.-е. с Россом и Кафиеро. С Кафиеро он встретился в конце сентября 1875 года. Когда он впервые встретился с Россом после разрыва, трудно установить. Гильом (т. III, стр. 300) рассказывает, что эта первая встреча произошла в сентябре 1875 года (когда Росс посетил Бакунина вместе с Кравчинским). Между тем, по словам самого Сажина, они встретились гораздо раньше, а именно в начале 1875 года. Странно, что об этой ранней встрече ничего не знают ни Неттлау, ни Гильом. Не изменила ли и здесь Сажину память? [1]. Вот что он рассказывает (стр. 94 и сл.):

«В самом начале 1875 года меня сильно потянуло с'ездить в Лугано повидаться с Бакуниным, о котором я за последнее время не имел никаких сведений, кроме того только, что он с семьей живет в Лугано [2].

---

[1] О визите в Лугано вместе с Кравчинским Сажин говорит как об одном из последующих посещений Лугано.

[2] О каком «последнем времени» здесь может итти речь, если только 18 декабря 1874 года Росс написал Бакунину большое оправдательное письмо (см. выше, стр. 396), о котором, впрочем, умалчивает? Указание на отсут-

Кроме этого я знал, что он начал писать вторую часть его «Государственности и Анархии». В бытность мою в «Баронате» он показывал мне порядочную пачку исписанных листов, при чем говорил: нужно кое-что еще переделать, дополнить, но что он во что бы то ни стало окончит эту работу, так как, несомненно, это его последний труд. Это тоже побудило меня с'ездить к нему, узнать, в каком положении находится рукопись, и, смотря по обстоятельствам, взять ее для печати [1].

«Приехавши в Лугано, я, не желая встречаться с его женою, послал ему записку с извещением о своем приезде и о желании видеться с ним. Он тотчас же мне ответил, назначив местом свидания кафе, где он обычно ежедневно читал газеты и куда пришел вслед за запискою. Тогда я прожил с неделю в Лугано, виделся с ним ежедневно, проводя вместе по нескольку часов и постоянно в одном и том же кафе [2]. Он так же, как и прежде, всем живо интересовался, обо всем расспрашивал, при чем прибавил, что о себе ему нечего рассказывать, потому что он вне всяких дел, а личные его дела таковы, что они мало представляют интереса: очень они мелочны и однообразны. Первые встречи были довольно сухи, но потом эта сухость мало-по-малу исчезла, и после второго или третьего свидания я чувствовал себя с ним так же, как и в былые времена. Впоследствии я видался с ним много раз и с его стороны встречал много доказательств искреннего и сердечного отношения ко мне. Любопытно одно: за все время вплоть до моего от'езда в Россию в 1876 г. только один раз, да и то как-то случайно, он вспо-

---

ствие у него сведений о Бакунине за какое-то, повидимому, продолжительное время только подтверждает наше предположение, что эта поездка в Лугано никак не могла состояться «в самом начале 1875 года», т.-е. недели через две-три после отсылки большого письма. Повидимому, свидание относится к более позднему времени.

[1] Обращаем внимание на это единственное в литературе указание о том, что Бакунин уже в Локарно начал писать вторую часть «Государственности и Анархии». Такая рукопись до сих пор неизвестна. Не ошибся ли Сажин и здесь, и не говорил ли Бакунин о второй части «Кнуто-Германской Империи», которую он в письме к Огареву от 16 апреля 1871 года называет своей «первой и последней книгой», своим «духовным завещанием» (замечательно, что в письме к тому же Огареву от 11 ноября 1874 года он называет «Государственность и Анархию» брошюрой, а не книгой)? Вторую часть «Кнуто-Германской Империи» он действительно писал и в 1871, и в 1872 году, может быть, и позже (из этих отрывков он и извлек свою «Государственность и Анархию»).

[2] Гильом (т. III, стр. 321), опять-таки со слов Росса, рассказывает, что в отсутствие Антонии Росс раза два тайком побывал у Бакунина на вилле.

мнил о «Баронате» и при этом сказал, что весь этот эпизод очень печален для него, что он тогда сделал несколько крупных ошибок, которые вовлекли и нас в ошибки... но «не будем вспоминать старое», прервал он сам себя» [1].

Вторая часть «Государственности и Анархии» была, по словам М. Сажина, заброшена, написанные листы или пропали, или были автором уничтожены (?). На вопрос Росса о судьбе рукописи Бакунин ответил, что у него нет настроения писать, написанное же до тех пор для печати не годится. Во время одного из последующих свиданий Сажин снова попытался навести разговор на эту тему, но получил от Бакунина категорический ответ, что он не в состоянии писать и не испытывает к тому ни малейшего желания.

«Отправляясь в Герцеговину с намерением принять участие волонтером в восстании, — продолжает М. Сажин, — я по дороге заехал к нему (Бакунину). Вначале он был против поездки, но потом признал ее полезность, хотя и сопряженную с опасностью, узнавши, что благодаря моим письмам несколько человек приедут из России тоже «понюхать пороху» [2]. На возвратном пути из Герцеговины я был у него вместе с Кравчинским, которого познакомил с ним».

Посещения Бакунина Сажиным, по словам последнего, имевшие иногда место по вызову первого, продолжались до от'езда Сажина в Россию в марте 1876 года. Между прочим Бакунин оказал Сажину содействие в устройстве денежной стороны этой поездки. В последний раз Сажин был у Бакунина недели за две до своего от'езда в Россию.

Действительного сближения между ними после инцидента с Баронатою и последующих событий (свидание в Невшателе и пр.), конечно,

---

[1] После всего, сказанного нами по этому поводу выше, нет надобности снова останавливаться на приведенных в тексте заявлениях М. Сажина, старающегося всячески преуменьшить и замазать баронатский инцидент. Интересно все-таки, о каких «ошибках» Росса и Кафиеро говорил Бакунин в кафе. Сажин, тоже предпочитающий «не вспоминать старое», об этом умалчивает (не только в данном месте, но и вообще в своих «Воспоминаниях»).

[2] Бакунин относился отрицательно к тяге на Балканы, проявившейся в 1875 году в связи с восстанием в Герцеговине среди многих революционеров (в том числе и русских народников), особенно анархистов, почему-то вообразивших, что оно носит или может приобрести социалистический характер. Узнав, например, о том, что Малатеста в начале 1876 года собирается отправиться в Герцеговину, Бакунин через одного приятеля старался отговорить его от этого намерения, указывая, что применять свои силы революционерам следует у себя на родине (Нетллау, прим. 3815).

быть не могло. Бакунин был убежден, что Росс является главным виновником всей истории. Кафиеро, как мы знаем, он считал в известном смысле орудием Росса, действовавшим под влиянием последнего. Поэтому снова сблизиться с Кафиеро, хотя и не до степени былой интимной дружбы, для Бакунина было психологически легче. Видимо, так и произошло.

Еще в августе 1875 года Бакунин и Кафиеро обменивались суховатыми официальными деловыми записками на «вы». Повидимому, первый шаг сделан был здесь Бакуниным, желавшим получить в кредит мебель из Баронаты. Возможно (как думает и Гильом), что именно в связи с этим вопросом, договориться по которому можно было только в личной беседе, Бакунин решил сделать визит Кафиеро. Этому визиту мог предшествовать и обмен писем, о которых мы не знаем, или косвенное приглашение через Росса во время одного из посещений им Локарно. Гильом также предполагает, что поездка Бакунина к Кафиеро соответствовала скрытому желанию их обоих и могла быть подсказана Бакунину Малатестою или Россом, побывавшими у него незадолго до того. Как бы там ни было, но в конце сентября 1875 года Бакунин поехал из Лугано в Баронату. Здесь он был дружески принят Кафиеро и его женою (которая, по словам Гильома, впрочем, возбуждающим большое сомнение, в то время даже и не догадывалась об охлаждении, наступившем между обоими бывшими приятелями) и прожил там несколько дней. В течение этого времени друзья, по словам Гильома (т. III, стр. 301), помирились и даже снова перешли на «ты». По вопросу о мебели и пр. они быстро столковались. Бакунин, по возвращении в Лугано, оказал О. Кафиеро-Кутузовой помощь в деле получения ею паспорта на в'езд в Россию [1]. Письмом от 9 октября, начинающимся словами «Мой дорогой Мишель», Кафиеро сообщил, что паспорт «Липкою» получен, и что через два дня они уезжают из Баронаты (он собирался в Италию, а она в Россию). На следующий день Кафиеро и Олимпия написали каждый Бакунину прощальное письмо; письмо Олимпии, написанное в самом теплом тоне, начинается словами: «Дражайший батюшка, Михаил Александрович», а сам Кафиеро писал: «Мишель, мы получили твое последнее письмо. Почему я должен отказаться от встречи с г-жей Антонией? Напротив, я был бы очень рад, если бы мог быть ей полезен в Милане. Я напишу тебе, Мишель, как только прибуду туда. Обнимаю тебя, Мишель, обнимаю крепко, обнимаю еще раз».

[1] Бакунин прибег и здесь к помощи А. Фохта, о чем свидетельствует письмо его к Фохту от 2 октября 1875 года.

Кафиеро и жена его пошли пешком в Лугано, чтобы отдать Бакунину визит и попрощаться с ним. Их сопровождал Ф. Маццоти. По словам жены Кафиеро, отношения у них с Бакуниным были наилучшие. Маццоти рассказывал Неттлау, что расстались они совершенно по-дружески. Больше Кафиеро не пришлось свидеться с Бакуниным. Рассказывают, что Кафиеро принадлежал к числу тех немногих людей, которых Бакунин хотел повидать перед смертью. Повидимому, с Кафиеро, который был человеком прямым и искренним, хотя и склонным к бестактным поступкам, Бакунин действительно помирился [1].

4. Последний кризис.

Мы помним, что в момент отчаяния, вызванного разрывом с Кафиеро и оставлением Баронаты, Бакунин на пути в Болонью, откуда он не чаял вернуться живым, написал 28 июля 1874 года из Шплюгена прощальное письмо братьям, в котором заклинал их выделить, наконец, из отцовского наследства причитавшуюся ему долю, предназначенную на обеспечение его семьи [2]. Вместе с тем он уполномочил С. Лозовскую вести по этому вопросу переговоры с его родными. Это полномочие он подтвердил по приезде в Лугано. В конце ноября 1874 года С. Лозовская выехала в Россию. Через Петербург она прибыла в Премухино, где легко столковалась с братьями Бакунина [3]. Но, не располагая наличными деньгами, они предложили уступить старшему брату рощу, вырубка которой при благоприятных условиях могла дать порядочную сумму (Антония в одном письме определяла ее даже в 100.000 рублей, что показывает, какие радужные надежды питал тогда Бакунин). Однако, в ожидании этих благ, Бакунин сильно нуждался и принужден был пере-

---

[1] Впоследствии Кафиеро собирался написать биографию Бакунина, но за болезнью намерения своего не выполнил. Документы, которые ему удалось для этого собрать, в том числе многие рукописи Бакунина, пропали. В 1880 году Кафиеро посетил могилу Бакунина («нашего Мишеля», как он говорит в письме, напечатанном в «Supplément» к журналу «La Révolte» от 24 января 1891 года). В начале 80-х годов Кафиеро отказался от анархических предрассудков насчет политики и высказался за участие в политической и даже парламентской борьбе. Собирались даже выставить его кандидатуру. Но скоро его постиг тяжкий душевный недуг, подготовлявшийся уже давно.

[2] Письмо это не сохранилось в Премухинском архиве. А. Баулер (стр. 71) рассказывает, что в посмертных бумагах Бакунина она видела черновик большого письма его, озаглавленного «Мое последнее послание братьям».

[3] В марте 1875 года в Премухино приехал и Кс. Квятковский, проживший там некоторое время.

хватывать направо и налево нужные на прожитие суммы, как показывает его переписка с Беллерио, приведенная в конце § 1 этой главы. Еще в августе 1875 года он обращался к Беллерио с просьбою о ссуде 300 фр., и тот должен был отдать ему свои последние 60 франков. Бакунин сначала отказался их принять, но затем одумался и взял [1].

Когда от С. Лозовской пришло сообщение, что дело с выделом шестой части наследства пошло на лад, Бакунин увлекся новым планом.

Рассчитывая на скорое получение денег из России, он в феврале 1875 года приобрел в кредит недалеко от Лугано за 28.000 франков виллу Брессо с большим участком земли [2]. Бакунин вздумал на старости лет сделаться огородником и садоводом и со свойственной ему фантазией начал строить самые химерические планы. Он выписал себе множество книг об интенсивной культуре и производстве удобрения, под руководством какого-то профессора начал изучать химию, раздобыл множество самых разнообразных семян и приступил к делу. Прежде всего он вырубил на своем участке все тутовые деревья, дающие в той местности главный доход, и начал топить ими печи. Затем он выкопал несколько глубоких, выложенных камнем ям для производства интенсивного удобрения; насадил фруктовых деревьев, буквально одно на другом, а между этими деревьями посеял все свои семена. Все это было обильно полито «усовершенствованным» удобрением, и в результате все сгорело; даже трава перестала расти на несчастном участке. Этот опыт, не дешево обошедшийся Бакунину, занял у него целый год [3].

---

[1] Последнее известное нам обращение его к Беллерио относится к марту 1876 года и связано с поездкой Росса в Россию. По рассказу Гильома (т. III, стр. 320) Бакунину некогда была отдана на хранение сумма, принадлежавшая русской революционной кассе (быть может, кассе «Русского Братства»?). Когда Росс решил поехать в Россию, он обратился к Бакунину за этими деньгами, которых у того, разумеется, не оказалось. Тогда Бакунин пытался занять еще 2.000 франков у Гамбуцци, но тот не мог их для него достать. Для переговоров по этому вопросу Росс и приезжал в марте 1876 года в Лугано (сам Сажин об этом не упоминает), затем поехал в Рим к Кафиеро и оттуда возвратился в Лугано. Решено было обратиться к Беллерио, чтобы через него занять в Локарно 1.000—1.500 франков за двойным поручительством Бакунина и Кафиеро. Бакунин написал об этом Э. Беллерио 16 марта 1876 года (это последнее письмо Бакунина, дошедшее до нас; оно приведено у Неттлау, стр. 832). Дело, повидимому, благополучно устроилось.

[2] Эта вилла впоследствии была приобретена известным скульптором М. Антокольским.

[3] Об этой траги-комической эпопее рассказывает в цитированной выше статье А. Арну, быть может, сгустивший краски.

Бакунин рассчитывал на получение такой крупной суммы из России, что, предназначив 40.000 франков на уплату за виллу и за нужные в ней работы, собирался остаток положить в банк на проценты. Внеся в виде задатка за виллу 3.000 фр. [1], он обязался 1 апреля внести следующие 3.500 фр., а к 1 октября уплатить всю остальную сумму. Вследствие этого он в письме к братьям от 17 февраля — 1 марта 1875 года [2] начал торопить их с ликвидацией выделенного ему участка хотя бы эта ускоренная ликвидация связана была с некоторой потерей. «В сущности, — наивно писал он, — я все-таки выиграю, потому что, чем скорее я получу весь капитал, отложив известную сумму на покупку и устройство виллы, тем скорее возможно мне будет жить не с самого капитала, а с процентов на него».

Увлекшись, Бакунин приглашает всех родных приехать к нему в гости.

«Может быть, один из Вас, а может быть, и все, один за другим или с другим, решитесь сделать последнее путешествие к старому брату, перед его последним путешествием в гроб. Очень желал бы я встретиться хоть раз с Николаем и попробовать с ним последнее теоретическое и практическое взаимное об'яснение. Может быть, мы и столковались бы. И тебя, милую сестру Сашу, горячо желаю видеть. Ведь мы с тобою два последние могикана из самого первоначального премухинского мира, начиная с той поры, как мы бегали вокруг висящих ламп, и как я с Татьяною уходил на остров. Много, много воспоминаний возникло бы между нами при встрече, — неужели же мы никогда не встретимся? Да, я желаю видеть всех, всех с горячею братскою радостью обниму — приезжайте только. Теперь Вам будет это легко: в политическом отношении безопасно, так как я живу отныне вне всякой политики, а в финансовом также удобно. Вам будет стоить только дорога в Лугано и обратно, здесь же, в нашем доме, разумеется, не издержите ни копейки. А какие прогулки отсюда: Lago Maggiore, Lago di Como, Милан в двух шагах. Не только всех Вас, приглашаю незнакомых мне племянников и племянниц,— ceux que voudront venir, seront les bienvenus [3]. Но главным образом Вы все приезжайте — Павел и Алексей, да и ты, Николай, Вы мне поможете советом в устройстве дома, а главное сада и огорода, — я хочу устроить здесь маленькое царство небесное, знаешь, и климат, и почва,

---

[1] Эти 3.000 он занял с обязательством уплатить их 1 апреля, т.-е. через месяц.

[2] «Былое», 1925, № 3 (31), стр. 51 и сл.

[3] Все, кто захочет приехать, будут желанными гостями.

все удобно — будет масса фруктов, овощей и цветов, — воскресим память отца. Павел, знаком ли ты с Eucaliptus globulosus? Великолепное австралийское дерево и здесь растет не по дням, а по часам. А ты, Наташа, не сердись на меня за то, что я тебя прозвал министром финансов — приезжай только, обнимемся, и все будет ладно».

В письме к С. Лозовской от того же числа Бакунин об'ясняет причины своего скоропалительного решения. «Ты спросишь меня, — пишет он, — зачем я так поторопился? А по следующим трем причинам: 1-я) после долгого и тщательного искания мы убедились, что другой такой хорошей, во всех отношениях удобной и относительно дешевой виллы мы вблизи Лугано (а эта близость, как ты сама знаешь, составляет для нас необходимость) не найдем; 2-я) если бы ее не купили теперь, то потеряли бы ее наверное; и, наконец, 3-я) потому что с началом весны, через месяц или много через два, цены на виллы вообще здесь непременно и значительно повысятся, вследствие конкуренции покупателей, особливо миланских, привлекаемых ныне сюда установляющеюся железною дорогою; да и вообще кажется, что Лугано стало чрезвычайно привлекательным для иностранцев, не исключая и русских.

«По всем этим причинам, пораздумав и порассудив этот вопрос между собою, взвесив pro и contra и выслушав также и мнение нескольких дельных приятелей, мы, т.-е. Антося, Ксаверий и я, единодушно решили совершить salto mortale, а потому и сделали вышеозначенный заем и покупку. Последнюю сделали на мое собственное имя, так как это теперь не представляет более ни малейшего затруднения, неудобств или опасности. Ведь я громко и заведомо (для) всех, кого это интересовать может, решительно и безвозвратно отказался от всякой политической деятельности, от всякого вмешательства, прямого или косвенного, явного или тайного, в публичные дела, равно европейские, как и русские (курив мой). Значит, меня оставят в покое так же, как я всех оставляю в покое. Приобретение же собственности в здешнем кантоне на мое имя будет первым шагом для приобретения права гражданства, а это будет необходимо для нашего общего спокойствия и главным образом для детей, особенно же для Карлуги, который будет иметь отечество и крепкую почву для образования и жизни.

«Итак, друг Sophie, худо ли, хорошо (ли), умно или глупо, дело сделано, решительный шаг совершен, мы перекувырнулись из бездомных цыган в собствен-

ников, по крайней мере номинальных, и не имея, правда, еще ни копейки в кармане. Теперь надо действовать решительно, быстро, чтоб не попасть нам впросак и чтоб избегнуть больших неприятностей и потерь значительных».

Дальше Бакунин настаивает на необходимости новых займов и требует, чтобы Лозовская поехала в Премухино, не дожидаясь приглашения оттуда, и покончила там все формально-деловым образом. Обижаться на это братья не могут. «Если они обидятся, то будут несправедливы. Все предыдущие факты дают мне право, да заставляют меня так думать, говорить и действовать. Ты хочешь, чтоб я написал им горячее братское письмо, чтобы изгладить жестокое впечатление, произведенное на них моим первым посланием. Милый друг, ты даже не подозреваешь, с какою горечью и глубокою радостью я подал бы им братскую руку и попросил бы их простить мне оскорбительные сомнения и несправедливые упреки, если б мог только действительно убедиться, что они правы, я же был виноват. Между ими и мною, по крайней мере с моей стороны, не может быть вопроса о самолюбии. Я с восхищением уличил бы себя самого в дурачестве, в слепоте, даже в несправедливости, если бы только, не обольщая себя, мог бы в себе восстановить прежнюю глубокую веру в них. Ты не знаешь, да и знать не можешь, как драгоценна была для меня, долго, долго, почти до последних годов, премухинская святыня, и как упорно я верил в ненарушимость ее. Но на старости лет смешно быть мечтателем, и я должен был уступить и преклониться перед силою фактов. Не весело, правда, на старости лет, чувствовать вокруг себя холодную пустыню, не находя в себе более ни силы, ни охоты, ни достаточной страсти и веры, чтоб наполнить ее богами новыми. Но для меня, благодаря сохранившейся во мне страсти к правде, есть нечто еще более несносное, чем эта пустыня. Это призраки, самообольщения и ложные утешения всякого рода. Я ненавистник символов, фикций, иллюзий, хочу действительности, и пусть действительность эта бедна, но без обмана... В этом моя гордость, спасение моего достоинства. Вот почему, мой друг, несмотря на все мое горячее желание верить в братьев, я не поверю до тех пор, пока не буду убежден не словами, а фактами» [1].

Одновременно с заботами по вилле Бакунин хлопотал о получении от тессинского кантонального правительства права на постоянное жи-

---

[1] Эти строки представляют как бы предсмертную исповедь и вместе с тем напоминают письма молодого Бакунина к родным начала 40-х годов (см. том I, стр. 127—128).

тельство. Еще за три года до того ему удалось добиться от общины Аурессио своего принятия в граждане этой общины, но тогда друзья его отсоветовали ему доводить дело до конца, уверив его, что Большой Совет отклонит его ходатайство. Теперь же дело осложнилось тем, что Кафиеро сжег его бумаги. Но в конце концов, благодаря содействию адвоката Баталыни в Лугано и аптекаря Гавирати в Локарно, Бакунину удалось получить разрешение на жительство сроком на четыре года, как он сообщает в письме к Беллерио от 30 мая 1875 года. Как видно из того же письма, он ожидал приезда к нему младшего брата Алексея, который должен был прожить у него целый год (но Алексей не приехал).

Бакунин уже видел перед собою «раскрытыми ворота рая», как он писал 22 августа Беллерио [1], но скоро ему пришлось жестоко разочароваться. Продажа леса оказалась не столь выгодной, как Бакунин предполагал. Уже в письме к Беллерио от 29 октября Бакунин сообщает, что получит только $^2/_3$ той суммы, на которую первоначально рассчитывал по оценке братьев, да и то так, что только половина будет выплачена ему в два приема, в ноябре и феврале, а вторая половина — в разные сроки, в продолжение двух лет. Таким образом возникала опасность, что за виллу не удастся уплатить в срок [2]. Тем не менее Бакунин все еще надеется, что в феврале он сможет вздохнуть несколько более свободно.

Чем дальше, тем перспективы становятся все более мрачными. 27 ноября Бакунин просит Беллерио продлить срок векселя, выданного в обеспечение уплаты за обстановку из Баронаты, и об'ясняет причины своей просьбы.

«Судя по последнему письму С[офьи], мы получим наш капитал значительно уменьшенным вследствие неудачной продажи и рискующим еще более уменьшиться вследствие безостановочного падения русского рубля. Итак, говорю я, мы получим этот несчастный капитал страшно общипанным, и то не в один прием, а в три срока, с промежутком в три месяца каждый. А в частности в феврале нам предстоят крупные платежи. Ни за что на свете я не хотел бы оказаться неаккуратным в моих обязательствах по отношению к вам. И вот почему я прошу более продолжительной отсрочки... Все сговорилось против нас. Даже погода далеко нам не благоприятствует. Снег не будет особенно прият-

[1] Пока что, он снова занял 9 сентября 1875 года 3.400 фр. у Гамбуцци (в дополнение к прежним 2.200 фр.).

[2] А по договору она в таком случае возвращалась прежнему владельцу, при чем задаток пропадал.

ным спутником при перевозке мебели, но на войне, как на войне, и при всех неудачах не надо падать духом.

«Что сказать еще? Я болен. Все мои болезни сразу возвращаются ко мне с зимой и с заботами. Я всячески стараюсь с ними бороться и не ложиться в постель. А вы, как вы выносите угрожающее наступление зимы? Скверное время, как в физическом, так и в моральном отношении. Наглая и циничная реакция побеждает повсюду, разрушая и разбивая лучшие надежды. Наверно ни папа [1]), ни я не увидим даже зари возрождения. Ты же, мой славный, юный друг, не только ее увидишь, но и примешь активное участие в этом ренессансе истины, справедливости и красоты. А в ожидании и для нашего утешения, чтобы жизнь была для нас сносной, будем любить друг друга: это в сущности самое положительное и самое серьезное на свете. Все остальное лишь дым».

В декабре 1875 года Бакунин переехал, наконец, с семьей на виллу, которую в письме к Беллерио от 24 декабря горделиво или шутливо называет «виллою Бакунина». Но материальное положение его ухудшалось с каждым днем. 12 января 1876 года он писал: «Наше положение сделалось невозможным. У нас нет ни гроша на житье, и я принужден выклянчивать то тут, то там по 15—20 франков, которые я отдаю Антонии на ведение хозяйства». Через посредство Гамбуцци он пытался заложить свою виллу у одного неаполитанского банкира, но безуспешно.

Бакунину угрожало банкротство. В начале февраля 1876 года кредиторы Бакунина собрались на совещание и постановили дать ему три месяца срока для уплаты долгов. Наконец, в марте г-же Лозовской удалось продать лес, выделенный Бакунину братьями на его пай, и 25 марта он получил из Варшавы первую тысячу рублей из доставшегося ему наследства. С нетерпением ждал он приезда Лозовской, которая должна была привезти остальные деньги, вырученные за продажу леса. В начале мая она прибыла, наконец, в Лугано с отцом и с матерью, и тогда-то окончательно выяснилось, что надежды Бакунина на поправку материальных обстоятельств в последний раз жестоко разбиты: г-жа Лозовская привезла с собою всего 7.000 рублей. Этих денег не могло хватить на уплату всех долгов, и на семейном совете решено было предоставить виллу кредиторам, а самим уехать из Лугано.

Перед этим решительным шагом Бакунин сделал последнюю попытку войти в соглашение с своими кредиторами. Он через адвоката

---

[1] Старик Карло Беллерио.

предложил уплатить им 10.000 рублей (32.000 фр.), из которых он, впрочем, имел в своем распоряжении только две трети, если они выдадут ему расписку о неимении к нему никаких претензий. Но кредиторы отклонили эту сделку, и пришлось примириться с мыслью о необходимости от'езда из Лугано.

Постановлено было перебраться в Италию и поселиться в Неаполе, где предполагалось приобрести небольшой домик. Но так как не было уверенности, что итальянское правительство даст Бакунину возможность спокойно жить в этой стране, то решено было сделать соответствующий запрос. Тогда в Италии у власти стояло министерство «левых», а министром внутренних дел был Никотера, с которым Бакунин в свое время познакомился в Неаполе через Гамбуцци (по словам А. Баулер, вероятно, слыхавшей это от самого М. А., Никотера некогда принимал даже участие в бакунинских конспирациях). Баулер (стр. 83) рассказывает, что на обращении к Никотере настаивала Антония, но что сам Бакунин письма этого не написал, а согласился только на то, чтобы Антония поехала в Италию лично переговорить с Никотерой и заручиться его обещанием, что М. А. в Италии тревожить не будут [1]. В действительности, как сообщает Неттлау (стр. 836) со слов К. Гамбуцци, принимавшего деятельное участие в этих хлопотах, Бакунин сам написал письмо Никотере и получил от последнего любезный ответ с уверением, что никаких препятствий ему чинить не станут.

Итак, Бакунину на старости лет снова приходилось взять в руки страннический посох и пойти навстречу неведомой судьбе — на этот раз без всяких шансов и перспектив. Но теперь на выручку ему пришла смерть-освободительница, избавившая его от нового ряда мучений и унижений.

5. Болезнь и смерть.

Бакунин был болен уже давно. Он страдал одышкой (астмой), болезнью сердца, водянкой. За последнее время (с 1874 года) он стал глохнуть. Болезнь усилилась вследствие тяжелых душевных переживаний, вызванных инцидентом с Баронатой, разрывом с друзьями, провалом всех революционных начинаний и разочарованием в вещах и людях. Проявившаяся у него болезнь почек привела к недержанию

---

[1] «По существу, — говорит Баулер, — это (т.-е. непосредственное обращение Бакунина к Никотере) почти значило отказаться от прошлого (?). Так понимали этот поступок все почитатели Бакунина, итальянцы, бывшие тогда в Лугано». Они обвиняли Антонию в том, что она толкает старого революционера на компромиссы.

мочи, которое чрезвычайно мучило его. В последнее время у него стали пухнуть ноги, и он передвигался с трудом. Повидимому, запущенный склероз сосудов привел к тому, что в последние годы Бакунин начал забываться, не находил подходящих слов, путался и сбивался с мысли [1]. Словом, постепенно Бакунин превратился в развалину.

Лугано, с его сначала радужными надеждами и планами, а затем с все более выяснившимся крушением последних шансов, окончательно доканало больного старика.

Бакунин стоически выносил удары судьбы; он не жаловался, но сильно пал духом, становился все раздражительнее, а болезнь его все прогрессировала. Окружавшие его как будто не замечали, что дни его сочтены. По целым ночам Бакунин не смыкал глаз и, наконец, не в состоянии был уже даже ложиться в постель. «Всех обманывала его изумительная выносливость, — рассказывает Баулер. — Когда его терзала боль, он упорно молчал, и лишь по тяжелому дыханию можно было догадаться, что с ним. Изредка только из сжатых губ в такие минуты вырывалось нечто вроде стона. Когда боль проходила или затихала, он веселел, принимался острить, строить планы будущего; распекал, поощрял, учил — и писал, пыхтя и массивно сгорбив широкую спину... Не потому ли, что смерть уже коснулась его неслышным крылом, М. А. так много и так упорно говорил о прошлой жизни, о далеком юношестве, о давно невиданной русской природе. Он с любовью пересказывал незначительные эпизоды детских лет, вспоминал собаку Тюрка, чтение «Швейцарского Робинзона», часто и всегда с чувством любви вспоминал отца... Когда М. А. чувствовал себя усталым и был вследствие этого неразговорчив, он заставлял меня «рассказывать про деревню». Но его интересовали не характеристика людей или изменившиеся с его времени нравы, а главным образом картины русской природы. Иногда он спрашивал, точно сам вспоминал что-нибудь и хотел ярче вызвать в себе воспоминание: «А было у вас в деревне лесное болото?». Или говорил: «Расскажи-ка, какой у вас был фруктовый сад». Если мой набросок картинки русской природы мне удавался, М. А. через день-другой заставлял меня повторять рассказ: «Ну-ка, расскажи еще про заливные луга».

В незаконченном письме к проф. А. Фохту, найденному впоследствии в бумагах Бакунина, он сообщает, что сначала думал, что у него камни в мочевом пузыре, но это оказалось просто упорным воспале-

---

[1] Луганский врач нашел у него еще гипертрофию предстательной железы.

нием мочеиспускательного канала; он спрашивал своего друга, может ли тот указать ему средство хотя бы для ослабления боли, и прибавлял, что болезнь заставляет его вставать по ночам до двадцати раз, а это сильно его утомляет, действует на мозг, парализует все его движения и погружает его в состояние крайне неприятной спячки и отупения.

После таких бессонных ночей, рассказывает А. Баулер, Бакунин не находил удобного положения для своего тела, а между тем его клонило ко сну. Тогда он чувствовал облегчение, стоя положив туловище на стол; в таком положении он мог дремать, а Баулер читала ему вслух «как дьячок»; мерное бормотание усыпляло страдальца; он стоя дремал и несколько отдыхал.

Когда решено было оставить Лугано, ликвидировав там все дела, Бакунин, болезнь которого становилась все нестерпимее, задумал использовать создавшуюся передышку и с'ездить в Берн к Фохту, чтобы там подлечиться. Сознавал ли он в тот момент всю серьезность своего положения, неизвестно. Но, повидимому, он все же рассчитывал на то, что болезнь его может быть облегчена правильным лечением, и не ждал близкой смерти. Г-же Баулер он перед от'ездом сказал, что Фохт его вылечит, и тогда они все вместе поедут в Неаполь, где они будут писать его мемуары [1]. Но, с другой стороны, слова, сказанные им Марье Каспаровне Рейхель по приезде в Берн (см. ниже), показывают, что он отдавал себе отчет в опасности своего положения и не очень-то надеялся вновь стать на ноги.

Итак, Бакунин решил поехать в Берн. В это же время Антония должна была отправиться в Рим и подготовить там все для устройства нового местожительства. Но для того, чтобы Бакунин мог предпринять свою поездку, по тессинскому закону требовалось согласие кредиторов, которое и было получено 9 июня 1876 года. 13 июня Бакунин выехал из Лугано в сопровождении Сантандреа, и в тот же день жена его тронулась в Рим. На Бернском вокзале ждал его Фохт [2]. Бакунин сказал ему: «Я приехал в Берн для того, чтобы ты поставил меня на ноги или же закрыл мне глаза». Фохт немедленно отвез его в Маттенгофскую

---

[1] Баулер рассказывает, что Бакунин собирался оставить ей свои бумаги. «Дни шли, о бумагах не было и речи. Накануне от'езда Бакунина я застала в его комнате Антонию Ксаверьевну за перекладкой бумаг из стенного шкафа в чемодан. Все валилось зря вперемежку. М. А. сидел тут же, курил и совершенно равнодушно смотрел на варварское обращение с его рукописями». Так Баулер этих бумаг и не получила.

[2] Приводимые дальше подробности заимствованы из письма А. Рейхеля к К. Гамбуцци от 6—7 июля 1876 года. В извлечениях это письмо приводится у Гильома (т. IV, стр. 32 и сл.).

клинику, где больного поспешили навестить супруги Рейхели; г-же Рейхель Бакунин сказал по-русски: «Маша, я приехал сюда умереть».

Бакунин страдал параличом мочеиспускательного канала, хроническим воспалением почек и гипертрофией сердца, осложненной водянкою. Недержание мочи заставляло его в последнее время носить машинку, но последняя была недостаточно исправна, что причиняло ему и физические, и нравственные мучения. Фохт обещал ему дать после исследования зондом другую, лучшую машинку и прибавил: «Прежде всего, друг мой, тебя нужно заставить вести более упорядоченную жизнь». На что Бакунин ответил: «Ба! я всегда жил беспорядочно, и про меня скажут: он жил беспорядочно, но в порядке умер». Рейхель пригласил его к себе на чашку чаю, на что Бакунин охотно согласился. Большой любитель музыки — ведь это он сказал: «Все пройдет, и мир погибнет, а Девятая Симфония останется», — он попросил Рейхеля поиграть ему, но сильный приступ боли заставил его не дослушать музыки и вернуться в клинику, откуда он больше уже не выходил.

Исследование зондом произведено было на другой день 15 июня. Бакунин был очень доволен своей новой машинкой. Он попросил, чтобы ему принесли для чтения книгу Шопенгауэра «Мир как воля и представление». В разговоре с Рейхелем по этому поводу он заметил, что вся наша философия исходит из ложного основания, что она с самого начала берет человека как индивидуума, а не как часть коллектива, отсюда и вытекает большинство философских заблуждений, приводивших или к блаженству на небесах, или к пессимизму в духе Шопенгауэра и Гартмана. В это время Бакунин сохранял еще всю ясность ума. В среду 21-го он разговаривал еще довольно сознательно. На выраженное Рейхелем сожаление, что Бакунин так и не собрался написать свои воспоминания, он ответил: «Скажи-ка на милость, для кого я стал бы их писать? Не стоит разговаривать. Теперь все народы утратили революционный инстинкт. Все они слишком довольны своим положением, а страх потерять и то, что у них есть, делает их смирными и инертными. Нет, если я поправлюсь, то я, пожалуй, напишу этику, основанную на принципах коллективизма, без философских и религиозных фраз».

В четверг 22-го Рейхель застал его лежащим на диване; на вопрос, как он себя чувствует, Бакунин ответил: «Я обалдел». Начиналась уремия и ее разрушительное действие на мозг. Бакунин впал в какое-то оцепенение. В субботу он призвал к себе г-жу Рейхель и продиктовал ей по-русски письмо к своей семье. В этом письме он выражал надежду, что недели через две вернется в Лугано совершенно выздоровев-

шим. В этот день он находился в полном сознании. В понедельник 26-го вечером он беседовал с Рейхелем о музыке, спрашивал, сочинял ли Бетховен фуги, и сурово отозвался о характере и музыкальных произведениях своего бывшего сотоварища по дрезденскому восстанию, Вагнера. В среду 28-го Фохт убедился, что болезнь Бакунина неизлечима; в этот день у него прекратился стул и отделение мочи. Вместе с тем сонливость усилилась, и совершенно исчез аппетит. С этого дня он уже не вставал с постели и все более погружался в спячку. Когда Рейхель просил его выпить немного бульону, Бакунин ответил, не открывая глаз: «Мне уже ничего не нужно, моя песенка спета».

В четверг 29-го утром г-жа Рейхель предложила больному приготовить для него кашу. «Да, — ответил он, — свари мне кашу». Когда Рейхель хотел заставить его выпить немного бульону, Бакунин рассердился и сказал ему: «Подумайте, что вы делаете со мною, заставляя меня есть. Я знаю, чего хочу» [1]. А на вопрос Рейхеля: «Но каши-то ты поешь?». — «Да, — ответил он, — каша другое дело», и все это полным голосом. Когда через два часа Рейхель принес ему еду со словами: «Ну вот, Бакунин, каша», — он сейчас же громко ответил: «Маша!», и с'ел несколько ложек каши. Но положение его ухудшалось с каждой минутой, и он все более впадал в бессознательное состояние... В субботу 1 июля Рейхель и жена его навестили его утром, а затем должны были отлучиться. В одиннадцать часов был у него Фохт, а в 12 часов без 4 минут Бакунин испустил дух. Того, что называют агонией, у него почти не было.

Он умер одиноким, как жил одиноким в последние годы.

«Я не могу, — пишет Рейхель, — сказать иначе, как следующее: Бакунин умер, как и жил, цельным человеком. В продолжение всей своей жизни он выступал тем, чем был, без фраз и без притворства, и умер он также с полным сознанием самого себя и своего положения. В общем он казался мне утомленным жизнью. Он составил себе правильное суждение о современном мире и, сознавая, что ему нехватает нужного материала для свойственной ему деятельности, он без сожаления смежил свои очи. Возможно даже, что он хотел умереть, хотя у него никогда не вырывалось слова, указывающего на такое желание».

Как мы знаем, мысль о смерти, как о желанной освободительнице от всех страданий частного и общественного характера, за последние годы неоднократно являлась у Бакунина. И кто знает, от каких еще

---

[1] На основании того, что Бакунин отказывался от пищи, зная, что она ему вредна, создалась позже легенда, будто он уморил себя голодом.

новых мучений эта смерть избавила измученного жизнью человека, обманувшегося так жестоко в своих общественных и личных надеждах!

О болезни Бакунина и об его приезде в Берн мало кто и знал: за последнее время он уже успел быть основательно позабытым. Так быстро проходит человеческая слава! Даже Гильом узнал о пребывании Бакунина в Берне случайно из письма Брусса; большинство русских совсем об этом не знало.

Приводим из дневника русской студентки, нами уже цитированного выше [1], интересные выдержки, касающиеся последних дней великого борца. Это заметки обывательницы, но по-своему они характерны.

«Бакунин очень болен и приехал в Берн посоветоваться со своим другом, врачом Ф[охтом]. Болезнь страшная и, по мнению Ф[охта], неизлечимая. Я мельком видела Михаила Александровича у Р[ейхеля]. Ему трудно сидеть; он стоял, прислонившись спиной к круглой железной печке и слушал игру на фортепьяно своего неизменного друга Р[ейхеля], «точно в вечность вперивши туманную свой последний безжизненный взгляд». Четыре года тому назад я видела его в Цюрихе таким могучим, а теперь это была только тень богатыря!

«Жена Р[ейхеля], русская по своему происхождению, разыскивает с большим трудом в Берне гречневую крупу и варит Бакунину кашу, которая, как это ни удивительно, составляет единственную его пищу.

«Бакунину все хуже. Он не в состоянии ехать домой. Его бернские друзья уведомили об этом жену, но она ничего не отвечает и не едет. Ни Р[ейхель], ни Ф[охт] не в состоянии приютить у себя Бакунина, хотя и мы, и другие делают для него все, что могут. Страдания Бакунина, говорят, невыносимы, и он почти не может принимать пищу. Сегодня его перевезли в больницу. Русских в Берне хотя и много, но между ними нет последователей и последовательниц Бакунина; о нем как-то никто не думает и навещают его очень мало. Он не жалуется, но очень ценит малейшее внимание; со слезами на глазах рассказывал он Р[ейхелю], что наконец посетила его одна русская дама, такая умная и такая добрая!..

«Сегодня Бакунин скончался. Долго он умирал, но все же скорее умер, чем ожидали. В сумерки мы с мадам Р[ейхель] отправились на него взглянуть, и она захватила с собой большой венок, — дань простой человеческой дружбы. Покойницкая была слабо освещена, и Ба-

---

[1] Е. Ельц — «М. А. Бакунин в Швейцарии». «Северный Вестник», 1898, апрель, стр. 80 и сл.

кунин лежал один, почерневший и грязный, точно дуб, сраженный грозою. Сторож сказал: «сейчас принесут гроб, заказали очень большой». Р[ейхель] с искренним чувством положила к ногам его венок, роскошный по их средствам, и осталась в покойницкой в ожидании мужа и других бернских друзей покойного. Я же ушла и успела вернуться домой, меня позвали ужинать. И, как только мы уселись, один из швейцарцев торжественно произнес: «сегодня великого Бакунина не стало». И меня, знавшую, как швейцарцы всегда бранили Бакунина, удивило, что на этот раз никто не стал спорить; все как бы согласились с тем, что Бакунин представлял из себя великую силу. И один за другим сообщали друг другу случаи, когда им довелось видеть знаменитого Бакунина. Молодой итальянец с восторгом передавал, что и он раз видел Бакунина на улице в спину. Затем начали разбирать деятельность Бакунина, теоретическую и практическую, и удивлялись единогласно, что гора мышь родила! Ужин давно был с'еден, между тем никто не поднимался с места, и разговор, повидимому, становился все оживленнее и оживленнее. И здесь хозяйка, как и прежде в Цюрихе, была недовольна этой затянувшейся беседой и, когда я уходила, шепнула мне на ухо: «Ну, проговорят теперь до полуночи об этом Бакунине. Беспокойный человек был этот Бакунин. И зачем он жил и умер у нас в Швейцарии?».

Дальше автор дневника рассказывает о посещении в день похорон кладбища, где она стояла в стороне. «Я как нельзя лучше могла видеть могилу Бакунина; она была уже совсем готова; два могильщика стояли с заступами в руках и, воткнув их в землю, говорили между собою, что не часто приходится им рыть такие глубокие могилы, но эта вышла так глубока, что в ней, кажется, может успокоиться и знаменитый бунтарь. После этого замечания они оба замолкли и утрюмо смотрели в могилу до тех пор, пока не показались дроги с телом Бакунина. «В жизнь свою не видал такого большого гроба», — сказал один. «И устали же лошади,— заметил другой,— они все в мыле. А это кто же за ним? Все коммунары?». К о м м у н а р а м и в Швейцарии простой народ называет всех беспокойных людей, недовольных современным порядком вещей. За гробом Бакунина действительно шли приехавшие из Женевы члены Интернационала и его бернские друзья, в числе которых было три дамы, всего человек около тридцати. Из русских учащихся в Берне я не заметила никого в числе провожавших Бакунина. Я невольно сравнила эти скромные похороны с торжественными овациями в Цюрихе четыре года тому назад. Чему приписать такое охлаждение? Сами присутствующие, казалось, удивлялись своей малочислен-

ности. Одни громко высказывали свое негодование за такое невнимание к памяти Бакунина, другие оправдывали отсутствующих тем, что они не успели приехать к похоронам. В Берне стояла такая жара, что пришлось ускорить похороны Бакунина. И под этот негодующий ропот, смешанный с робким и снисходительным извинением, тело Бакунина тихо опустили в глубокую могилу и принялись закапывать.

«В это время интернациональные ораторы замолкли: они, очевидно, готовились произносить надгробные речи. Ясно было, чего можно от них ожидать. Я сочла неудобным слушать такие речи невидимкой, за розовым кустом, вышла из своей случайной засады и подошла к своей знакомой мадам Р[ейхель]; добрая женщина задумчиво смотрела вдаль, и на глазах у нее были слезы. Она крепко пожала мне руку, как будто в благодарность за то, что и я пришла отдать последний долг Бакунину. «А жена-то не приехала», — сказала она мне с горечью [1]. Ее муж, истинный друг Бакунина, стоял тут же, устремив к небу свой мечтательный взгляд. «Ну, как это хорошо, — говорил он, — что мы предаем земле нашего страдальца в такой чудный летний день, солнце светит так ярко, горы так хороши сегодня, птицы так и поют, розы благоухают, и, мне кажется, природа принимает Бакунина в свое недро вполне дружелюбно». Он замолк, потому что над могилой Бакунина уже выросла насыпь, и на нее вскочил какой-то бойкий вертлявый человечек, очевидно намереваясь говорить. Мы прослушали крикливую, напыщенную речь, посвященную историческому значению агитации Бакунина. Таким же характером отличались приблизительно и другие французские и немецкие речи и, по всей вероятности, таковы же были итальянские, которые я поняла очень мало. Между ораторами были и русские, но никто из них не сказал ни одного слова по-русски!

«Жена Бакунина приехала после похорон, оправдывая себя несвоевременным получением телеграммы. Она беспрестанно падала в истерику, и друзья Бакунина принуждены были за ней ухаживать.

«На другой день после похорон Бакунина явилась бернская полиция к доктору Ф[охту] собрать необходимые сведения о покойном. На вопрос о социальном положении Бакунина его друг затруднился сначала отвечать, а потом постарался выяснить полисмену, за какие идеи ратовал Бакунин. Полисмен слушал, пожимая плечами, и все допрашивал доктора: «да вы мне лучше скажите, чем и как он зарабатывал свой хлеб». На этот прямой вопрос нужно было прямо ответить: «он обладал

---

[1] А. Бакунина находилась в это время в Италии; повидимому, телеграммы до нее не доходили. Она приехала в Берн после похорон.

виллой в итальянской Швейцарии, подаренной ему одним почитателем (?)». Полисмен просиял, услышав это, поспешно записал в свою книжку: «Michel de Bakounine, rentier» (Мишель Бакунин, рантье) и удалился. Итак, вот мнение бернского полисмена о социальном положении Бакунина. Мог ли это предвидеть Бакунин?» [1].

Как подействовала смерть Бакунина на его сторонников, показывает корреспонденция из Берна под заглавием «Похороны М. А. Бакунина», напечатанная в № 37 газеты «Вперед» от 15 июля 1876 года. Приводим из нее следующие строки.

«Внезапно и совершенно неожиданно для всех здешних русских распространился за несколько дней до смерти Бакунина тревожный слух: Бакунин в Берне! Бакунин безнадежен! Бакунин умирает! Не верилось, не хотелось верить. Старые товарищи по делу, Брусс, живущий в Берне, ничего не знали. Случайно одна русская студентка из самых смирных [2] услышала это чуть ли не от профессора Рейхеля. В миг все заговорило: без различия партий, без различия мнений, все русские, которым было дорого движение последнего времени, все живые люди всех наций, живущие в Берне, бросились узнавать... В тот же день пошли письма, телеграммы во все стороны, и тогда лишь старые друзья в Женеве, в швейцарской Юре узнали тяжелую новость.

«Кого ни встретишь, один разговор у всех. Слышали? Знаете? Не видали ли? Но видеть было трудно. Уже в четверг, 29 июня, говорили, что Бакунин в беспамятстве. И никто из знакомых мне лиц не видал уже живым Михаила Александровича. В субботу 1 июля встречаю бледного **. Чувствую, что бледнею тоже. «Умер!». Кажется, два дня все готовились к этому известию, но приготовиться все не могли. Умер. Да, умер в небольшой больнице, почти одинокий. Насколько мне известно, едва ли кто из старых друзей был при его кончине.

«Хоть бы на мертвого взглянуть! Это оказалось легче. Так как в частной больнице покойников не оставляют, то тело Михаила Александровича было перенесено в госпиталь. Туда пошли некоторые студентки.

---

[1] Да мог ли он и предвидеть, что Фохт спутает Баронату с луганской виллой Бакунина, никем ему не «подаренной» (если только г-жа Ель верно передает слова Фохта, в чем мы несколько сомневаемся)? Впрочем, и в некрологе, помещенном в № 36 «Вперед», сказано, что Бакунин приехал в Берн из Локарно, «своего обычного местопребывания». Настолько о Бакунине забыли за последние годы!

[2] Это, повидимому, та самая, которая за подписью Е. Ель написала свои цитируемые здесь воспоминания «М. А. Бакунин в Швейцарии».

«Вот он, революционный гигант, перед которым трепетали повелители народов! Неутомимый агитатор, который до последних лет не мог жить, не борясь с шарлатанами власти на земле, с идолами власти на небе! Тот, одно присутствие которого на границе страны считалось опасностью! Он мало изменился. Отек лица сгладил морщины. Казалось, вот блеснет его взгляд; вот загремит его пламенная речь! Но около глаз и рта была уже кровавая пена. Тот, кого не раздавили темницы Саксонии, Австрии, России, кто из Сибири вернулся через 15 лет все таким же неукротимым борцом, был, наконец, сломан болезнью в мирном Берне...

«Вчера (т.-е. 3 июля) в 4 часа были назначены похороны. Неожиданность известия застала всех врасплох. Бернская секция Интернационала известила кого могла. Послано было юрцам и в Женеву. Если бы хотели известить все страны и местности, по которым Бакунин оставил след своей жизни, своего влияния, пришлось бы сзывать целый мир. Дрезден, Прага, Париж, Лион, Лондон, Стокгольм, Италия, Испания должны бы явиться на похороны того, кто вошел в их историю, не говоря уже о нашей родине, где столько друзей и вратов, столько хвалителей и порицателей было пробуждено к общественной жизни или вызвано к деятельности словом и делом, истинами и парадоксами этого всемирного агитатора.

«В действительности успела собраться небольшая кучка, человек в 50. Тут были старые друзья, подавленные горем. Тут были люди, делившие с Бакуниным опасности в разное время, в разных местностях. Была и молодежь, для которой это был учитель. Были люди, не разделявшие его мнений, стоявшие в противном лагере... Но в эту минуту... все это было неразличимо. Была лишь одна группа людей, которая хоронила историческую силу, представителя полувекового революционного движения» [1].

3 июля 1876 года социалисты, с'ехавшиеся с различных сторон Швейцарии, проводили в могилу Михаила Бакунина [2]. Среди провожавших прах Бакунина было и несколько русских, в том числе студенток. На могиле произнесены были речи А. Швицгебелем, Н. Жуковским, Джемсом Гильомом, не закончившим своей речи из-за душивших его рыданий, Элизе Реклю, тессинским студентом Карло Сальвиони, Полем Бруссом и, наконец, бернским рабочим Бетсином. Швицгебель огласил письма и телеграммы, полученные от друзей и секций Интернационала.

---

[1] Оба брата Реклю присутствовали на похоронах.

[2] Отчет о похоронах был помещен в «Бюллетене Юрской Федерации» от 9 июля 1876 года. Там же Гильом дал краткое жизнеописание покойного борца.

Жуковский сделал очерк жизни Бакунина, подчеркивая сочную свежесть и силу обновления, характеризовавшие того, кого один русский писатель назвал «вечною весною». Гильом напомнил о той клевете, которою реакция преследовала великого революционного инициатора, и об его заслугах перед социалистическим движением. Э. Реклю говорил о личных качествах Бакунина, о силе его ума и об его неутомимой деятельности. Сальвиони воздал должное противнику Маццини, великому атеистическому и антиавторитарному агитатору, провозвестнику народного социализма в Италии. Поль Брусс выступил от имени французской молодежи, усвоившей те идеи, самым красноречивым выразителем которых был Бакунин. Наконец Бетсин на немецком языке послал прощальный привет тому, чья жизнь была целиком посвящена святому делу пролетарского освобождения.

После похорон состоялось собрание в помещении Бернского социал-демократического ферейна. Там единогласно всеми присутствующими без различия национальностей высказано было пожелание, чтобы над гробом Михаила Бакунина были забыты все раздоры чисто личного характера, и чтобы на почве свободы создалось об'единение всех фракций социалистической партии Старого и Нового света [1].

---

[1] Эти сентиментальные разговоры о невозможном об'единении, которым готов был на словах подпевать В. Либкнехт, крайне не понравились Марксу; равным образом не понравилось ему и напечатание Лавровым хвалебной корреспонденции, в выдержках приведенной нами выше. В письме к Энгельсу, помещенному на стр. 379—380 четвертого тома «Briefwechsel» (не забудем, что речь идет о частном письме к ближайшему другу), Маркс говорит: «В последнем номере «Вперед» имеется приторно хвалебная статья о похоронах Бакунина, при чем главными действующими лицами являются Гильом, Брусс, оба Реклю и знаменитый Кафиеро (это ошибка: о Кафиеро в корреспонденции не говорится. — *Ю. С.*). Бакунин изображается там в виде революционного «гиганта». Тот же корреспондент обещает прислать следующее письмо о высказанных после похорон проектах об'единения обоих Интернационалов, т.-е. юрцев, требующих «вольной федерации» рабочих, и немцев, стремящихся к «народному государству». Для этой цели достаточно, мол, изменить статью 3 Устава согласно варианту, принятому на «конгрессе 1873 года» (гильомовском конгрессе). Либкнехт в краткой заметке «Volksstaat'a» (не знаю, читал ли ты ее уже) заявляет, что никто не может желать этого сильнее, чем мы (т.-е. он). Ему естественно нравится, что господин Гильом об'являет «народное государство» последним словом небакунистского Интернационала. Лавров, очевидно, считает ловким деловым ходом помещение бакунистских корреспонденций, долженствующее привлечь к его газете и эту фракцию».

Энгельс 25 июля 1876 года отвечает указанием на невозможность и бесплодность этих об'единительных попыток и говорит, что «если эти

Особенно сильное впечатление смерть Бакунина произвела среди итальянских революционеров, которые смотрели на Бакунина как на настоящего отца социализма в Италии. Многочисленные статьи в социалистических газетах, резолюции, вотированные итальянскими секциями Интернационала по поводу смерти Бакунина, приняли характер настоящей манифестации сознательных итальянских рабочих в память погибшего борца. Как живо итальянские социалисты почувствовали потерю Бакунина, видно из рассказа А. Баулер о том, как встретил известие об его смерти кружок рабочих, окружавших его в Лугано. «Когда я без всяких подготовлений, на пороге двери, сказала: «Michele e morto», я даже испугалась собственных слов — такое потрясающее впечатление они произвели. Плакали не одни бакунисты, плакали и швейцарцы, только слыхавшие о Бакунине от товарищей по мастерской. Сантандреа кинулся на земь, бил ногами по полу как ребенок и плакал навзрыд. Я увела его в квартиру Маццоти, где он долго не мог успокоиться. Да и трудно было успокаивать его людям, которые были почти в таком же состоянии. От этого дня у меня осталось смутное впечатление ужаса катаклизма. Рушились какие-то великие надежды, уходила из-под ног почва, и вместе с тем горе это экзальтировало надежды, укрепляло уверенность... Личность Бакунина выросла для нас в день получения известия об его кончине до сверхестественных размеров и подняла нас самих на более высокий уровень. Куда бы ни отнесли нас потом волны жизни, но у каждого из нас, сидевших тогда в бедной рабочей комнате, билось сердце гордого, свободолюбивого, независимого человека, ненавидящего всякий род стадного рабства. Как ни чужды были мы друг другу по расе, привычкам жизни, общественному положению — любовь к учителю, внушенные им идеи делали из нас настоящих братьев. Только впечатления кровной близости с этими простыми людьми остались неизгладимо в моей памяти, отношение к смерти М. А. его культурных друзей совершенно изгладилось».

Лавровский «Вперед» (№ 36 от 1 июля 1876 года) отозвался на смерть Бакунина следующим некрологом:

господа вздумают снова начать игру в Интернационал при нынешних обстоятельствах, то они могут свободно предаваться этой забаве без нас».

Кстати, письмо Маркса датировано 26 июня 1876 года. Это явная ошибка издателей. Номер «Вперед», на который Маркс ссылается, вышел 15 июля; следовательно, письмо Маркса относится ко второй половине июля (а не июня). Но и цифра 26 тоже неверна, так как ответ Энгельса датирован 25 июля. Если последняя дата точна, то письмо Маркса могло быть написано примерно 20 июля (и никак не позже 24-го).

«Михаил Александрович Бакунин записал свое имя в истории революционного периода слишком глубокими чертами, чтобы оно могло быть забыто или пройдено молчанием. Оценка его исторического значения принадлежит будущему. В настоящем его имя возбуждает еще слишком страстное отношение, чтобы допустить вполне верное суждение об его деятельности. Личность в высшей степени даровитая, имевшая чарующее действие на большинство лиц, с которыми он сближался, М. А. Бакунин играл всегда первую роль во всяком движении, в котором участвовал. Личность, в высшей степени увлекающаяся и увлекающая других, он слишком часто был окружен людьми, его недостойными и компрометировавшими его своею близостью. Он не раз менял свои программы и свое направление, пытался придать первым более ширины, последнему более целесообразности, и каждый раз предавался вполне той программе и тому направлению, которому принадлежал в данную минуту... Он всегда готов был положить свою жизнь за дело, которому служил... Я не буду говорить об его деятельности в Интернационале за последние годы: она хорошо памятна и друзьям, и врагам его; позволю себе надеяться, что он и тут с обычною страстностью своей натуры неуклонно стремился к тому, что ему казалось лучшим... Каково бы ни было различие во взглядах между нами, каковы бы ни были наши личные отношения, ни один русский социалист-революционер не может узнать о смерти Михаила Александровича без того, чтобы сказать: одна из самых крупных сил в рядах русского и всемирного рабочего социализма сошла со сцены в настоящую минуту».

Некоторые социал-демократические газеты, как например лиссабонский «Protesto», также поместили сочувственные заметки и статьи о Бакунине.

«Protesto», примыкавший к марксистскому течению, писал в № 49: «С сожалением мы отмечаем смерть Михаила Бакунина, игравшего одну из первых ролей в движении современного пролетариата. Над его могилою должна утихнуть борьба, которая в продолжение последних лет его жизни велась в рядах пролетарской партии, и, за исключением некоторых, несовсем обдуманных актов его общественной жизни, мы должны почувствовать боль от его смерти, как от смерти одного из самых энергичных революционных социалистов».

Даже некоторые буржуазные газеты сочувственно отозвались на известие о смерти Бакунина. Орган базельских демократов «Vorwärts» посвятил его памяти статью, в которой, между прочим, говорилось: «Бакунин, бывший атлетом в физическом отношении, был также гигантом духа. Однако, при всей его неукротимой энергии и сжигавшем его жаре,

ему нехватало практического чутья. С Бакуниным исчезла мощная личность, подобная которой редко попадается в истории. Если бы он поддался обольщениям своих собратьев по русской аристократии и поступил на государственную службу, то, судя по аналогичным примерам, он без сомнения достиг бы в своем отечестве столь же высокого положения, как то, какое Бисмарк занимает в Германии. Если бы он остался в рядах армии и вместо того, чтобы посвятить свои выдающиеся способности изучению философских и социальных вопросов, применил их к военным делам, то он, быть может, сделался бы русским Мольтке и закончил бы свои дни во славе и окруженный официальными почестями. Но он не искал почестей, а стремился к науке; он не желал славы, а жаждал истины. И с ним случилось то, что случается со всеми теми, кто не ищет своей личной выгоды, а хочет жить для человечества: он принужден был кочевать из страны в страну, гонимый и преследуемый сильными мира сего, как хищный зверь. Он не оставил прочных плодов своей деятельности, его учения неспособны были привести к их созреванию. Он пребудет в истории подобно старой гигантской сосне, которая наперекор бурям высится на вершине скалы, поражаемой молниями: это фигура импозантная, но не несущая с собою благословения».

К сожалению, некоторые органы, слишком живо еще помнившие о недавних схватках в рядах Интернационала и считавшие Бакунина главным виновником произошедшего раскола, не сумели на этот момент вполне освободиться от партийного духа и дать правильную об'ективную оценку этой великой исторической фигуре. Так, в цюрихской «Tagwacht» появилась статья, в которой говорилось: «Бакунин умер в Берне. Он пережил свою славу, и давно уже прошло то время, когда русская молодежь внимала его словам как глаголу пророка [1]. Бакунин причинил много вреда рабочему движению, пока ему не помешали продолжать эту работу. Изданная по постановлению Гаагского конгресса брошюра, разоблачив бакунистский заговор, нанесла смертельный удар старому интригану. Он опубликовал в «Journal de Genève» заявление, в котором сообщал, что окончательно отстраняется от политической жизни, и сдержал свое слово в продолжение последних трех лет [2]. Баку-

---

[1] Между тем почти вся русская революционная молодежь была тогда бакунистской, и как раз к этому времени идеи бунтарства в России окончательно вытеснили все другие направления.

[2] Это показывает, что в то время не понят был действительный смысл бакунинских писем в женевскую газету и в Юрскую федерацию, и что его итальянская работа осталась для посторонних совершенно неизвестной.

нин был законченным типом конспиратора; но в течение всей своей жизни он никогда в сущности не знал, чего он хочет, впадая из одного противоречия в другое и внося самую ужасную путаницу. Так, например, установив в своем тайном Альянсе настоящую деспотическую диктатуру в русском духе, он в то же время в рядах Интернационала напал, как на «авторитарную», на организацию, в которой совершенно не было элемента властности. Многие добрые социалисты, люди беспристрастные, считали Бакунина русским агентом; это подозрение — несомненно ошибочное — основывалось на том факте, что разрушительная деятельность Бакунина принесла революционному движению только вред, тогда как она была очень на руку реакции».

Таким образом, пожелание о том, чтобы над гробом Бакунина умолкли старые счеты, не осуществилось, по крайней мере, в тот момент. Слишком живо было еще воспоминание о междоусобной борьбе в рядах Международного Товарищества Рабочих. Да и сам Бакунин, человек боевого темперамента по преимуществу, не склонен был к ложному сентиментализму, и личность его очень мало располагала к идиллии. Тем более, что борьба между двумя течениями социально-революционной мысли со смертью Бакунина не прекратилась. Правда, анархический Интернационал, основанный его последователями, просуществовал недолго, и скоро большинство входивших в него элементов примкнуло к международной социал-демократии. Тем не менее осталось достаточно анархистов, которые, особенно в романских странах, сумели привлечь к себе новые силы и направить значительную, если не главную свою энергию на борьбу с социалистическими рабочими партиями. Отчасти духом бакунизма окрашено было движение так называемого «революционного синдикализма», как это не переставали настойчиво подчеркивать Гильом [1] и другие анархисты. Это обострение борьбы между анархистами и социалистами, несомненно, являлось одним из главных факторов, питавших неприязнь, хотя бы чисто теоретическую, к Михаилу Бакунину и мешавших отнестись к нему с надлежащей об'ективностью, дать ему правильную историческую оценку и определить значение его революционной деятельности. Коммунисты вели и будут еще вести борьбу со многими сторонами бакунинского наследия, поскольку анархизм не приближает, а отдаляет «победу рабочего класса над капиталом». Но тем не менее теперь настала пора воздать должное этой незаурядной исторической фигуре и признать, что в общем и целом

---

[1] В своей истории Интернационала (ср., напр., предисловие к четвертому тому) и в отдельных статьях.

ее недостатки далеко перевешивались ее достоинствами, и что в общей экономии мирового пролетарского движения привнесенные Бакуниным плюсы заставляют побледнеть его минусы. И никто не призван в такой степени к выполнению этого долга исторической справедливости, как русская коммунистическая партия, считающая в числе своих родоначальников не только Маркса, но в известном смысле и Бакунина [1].

Именно Бакунин был действительным отцом современного анархизма во всех его разновидностях (анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и пр.). С этой стороны, он сыграл в истории рабочего движения отрицательную роль. Но на-ряду с указанными отрицательными чертами его деятельности в нем было много положительного, много такого, что оставило свой след в истории социализма и до сих пор вызывает уважение к этому выдающемуся революционеру.

Правда, в области теории Бакунин, пытавшийся создать синтез между пролетарским учением Маркса и мелкобуржуазным учением Прудона, оказывается во многих отношениях беспомощным и пошедшим не вперед, а назад. Но даже здесь у него имеются некоторые плюсы. Беспощадная критика социал-демократического оппортунизма и парламентского кретинизма, которая дана была в свое время Бакуниным, оказалась во многих отношениях прозорливой и свидетельствует об его глубоком революционном чутье.

Бакунин проповедывал полный разрыв, материальный и психологический, с буржуазным миром. Он, как никто, возвеличил тип профессионального революционера, которого он сам был законченным образчиком. От такого революционера Бакунин требовал, чтобы он душою и телом предался делу трудящихся масс, чтобы он расторг все узы интереса, славы, личных привязанностей, родства и дружбы, которые связывали его со старым миром, обреченным на гибель, чтобы он об'явил этому миру вечную, неумолимую войну не на жизнь, а на смерть, чтобы он не знал другой мысли, другой страсти, кроме социальной революции, которая не оставит камня на камне в этом подлежащем радикальному уничтожению прогнившем буржуазном обществе. И сам он, выходец из привилегированной среды, из семьи бога-

---

[1] Вспоминая участие Бакунина, этого питомца немецкой философии, в борьбе за немецкую революцию на баррикадах Дрездена, Мишле когда-то писал:

«Когда Германия станет Германией, этому русскому будет там воздвигнут алтарь». Это случится только тогда, когда германский пролетариат возьмет власть в свои руки.

тых русских помещиков, поступил согласно своему правилу, отказался материально и идейно от старого мира и отдал все свои силы, всю свою жизнь делу подготовления мировой социальной революции, призванной освободить и, как он выражался, очеловечить человечество.

Бакунин был один из первых, указавших на значение союза пролетариата и крестьянства в интересах социальной революции. Разглядеть эту сторону вопроса ему было легче потому, что, будучи сам сыном экономически отсталой страны с преобладанием крестьянства и слабым развитием пролетариата, он преимущественно интересовался движением в таких же отсталых странах, например, Италии и Испании, с социалистами которых он имел наибольше связей. Он даже готов был преувеличивать роль крестьянства и преуменьшать в этом отношении роль рабочего класса. Наконец, до Бакунина никто из русских революционеров не ставил и не разрешал так радикально национального вопроса, как это сделал он. Этот вопрос, с которым он столкнулся с первых шагов своей политической деятельности, Бакунин всегда решал с точки зрения признания за каждым народом, независимо от его размеров и уровня развития, права на полное самоопределение, ничем не ограниченное, кроме добровольного усмотрения самого заинтересованного народа, точнее — его трудящихся масс.

Но еще важнее была не теория, а практика Бакунина. Здесь заслуги его еще более широки и бесспорны. Опять-таки и в практической деятельности Бакунина было немало промахов. Известны его построенные на ложных основах организационные попытки, вроде нечаевского дела, или плохо подготовленные и неудачно проведенные выступления, вроде лионского (в 1870 году), болонского (в 1874 году) и т. п. Известен, наконец, его главный грех — создание тайного общества внутри Интернационала, которое было одною из важнейших причин его раскола. И все же и в этих ошибках великого революционера беспристрастная история откроет положительные стороны, иногда же прямо прозорливое предвосхищение грядущего.

Задача тайного Альянса, по мысли Бакунина, сводилась к тому, чтобы в момент восстания пролетариата возглавить движение масс и направить его в сторону социальной революции, координируя разрозненные движения, внося в них единство и таким путем обеспечивая их успех. Недостатком Альянса было, во-первых, то, что программа его была анархической и потому нисколько не гарантировала удачу движения, а, во-вторых, то, что Альянс, будучи законспирирован не только от правительств, но и от масс, фактически был от них оторван и не

мог бы выполнить той задачи, которую возлагал на него его основатель. Однако в плане Бакунина заключалась верная и здоровая мысль, а именно, что массовое движение может рассчитывать на успех лишь в том случае, если оно координируется и об'единяется сплоченной организацией, выражающей интересы масс и пользующейся их доверием. Это было как бы предвидением грядущих форм пролетарской борьбы, которая во многом пошла не по пути, рекомендованному Бакуниным, но выдвинула ту же мысль о централизованном руководстве массовым движением со стороны генерального штаба, проникнутого единством мысли и воли, дающего направление этому движению и координацией его разрозненных проявлений обеспечивающего его благоприятный исход.

То же самое можно сказать о бакунинском бунтарстве. По его мнению, всякий бунт был полезен, и из ряда местных бунтов, пусть даже неудачных, в конце концов должна была проистечь победоносная народная революция. Тактика бунтарства связана была в уме Бакунина с изучением насущных потребностей и стремлений трудящихся масс и с агитацией на почве этих потребностей. Из этой именно тактики впоследствии родилось русское революционное «народничество» [1], а из него и русская социал-демократия, первые представители

---

[1] Вопрос о влиянии бакунинских идей на движение 70-х годов в России заслуживает специального рассмотрения. Для характеристики того влияния, которое фигура Бакунина оказывала на тогдашних русских революционеров, приведем выдержку из книги О. Аптекмана «Общество «Земля и Воля» в 70-х г.г.» (Петр., изд. «Колос», 1924, стр. 118), которая, несмотря на свой несколько приподнятый тон, изображает дело в довольно верных красках. «Личность Бакунина, — пишет Аптекман, — пользовалась особенным обаянием. Его бурное революционное прошлое, его многолетнее заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, его ссылка в Сибирь, бегство оттуда, его участие во французском коммунальном движении 1871 (?) года, наконец, энергичная деятельность его в «Международном Обществе Рабочих» — все это окружало личность Бакунина каким-то ореолом полу-сказочного, полу-мифического богатыря былинных времен. Он — современный Святогор, которого русская земля не может снести. Пылкая натура, волевой характер, страстная речь Бакунина действовали неотразимо. Он, революционер по темпераменту, действовал прежде всего на чувства молодежи, революционизировал ее настроение, пробуждал ее волю. Его глубокая, непримиримая ненависть к гнету государства, — всякого государства, а русского в особенности, — сделала из него революционера par excellence. Он глубоко верил в революционный путь и в революции видел высший разум (ultima ratio) освободительной борьбы. Таков был испытанный в боях ветеран революции Бакунин».

которой в лице группы «Освобождение Труда» все прошли бакунинскую школу и к марксизму пришли через бакунизм. Этим, а также уроками русской жизни, об'ясняется то, что русские социал-демократы сразу восприняли учение Маркса, как учение по существу босвое, революционное. И в истории развития русского революционного движения Бакунин сыграл таким образом важную роль.

Такую же роль он сыграл и в развитии революционного движения в Европе. В некоторых странах, как в Италии и Испании, основы революционного социализма и Интернационала заложены были именно Бакуниным и его последователями. В других, как во Франции, на Балканах и пр., он также способствовал развитию социалистического движения. Правда, впоследствии пришлось много

Несколько особняком стоит отзыв порвавшей с Бакуниным в 1873 году группы русских анархистов (Ралли и К⁰) о влиянии Бакунина, данный ею в брошюре «Записка министра юстиции графа Палена» об успехах революционной пропаганды в России (издание газеты «Работник», Женева, 1875, стр. 26 и сл.). Не забудем, что, кроме личных счетов, в этом отзыве играла роль и точка зрения анархической группы на значение личности в истории.

«Что касается Бакунина и предполагаемого его огромного влияния на русскую молодежь, — говорит брошюра, — то и тут автор записки опять ошибается (выше брошюра оспаривала взгляд автора «Записки» на крупную роль Лаврова. — *Ю. С.*) и видит вещи в сильно преувеличенном виде (ведь у страха глаза велики). Нисколько не желая умалять значение Бакунина, как личности сильной и как талантливого автора, нисколько не отрицая услуг, оказанных им революции, мы должны, однако, заметить, что влияние его на русское революционное движение всегда было слабо и незначительно. Бакунин преимущественно посвящал свои силы заграничной революционной деятельности в среде Интернационального Общества Рабочих; Россией он занимался мало. Точно так же и рукописи его, о которых с таким ужасом повествует граф Пален, более существуют в пылком воображении последнего, чем в действительности. Бакунин прежде всего был конспиратор, и охоты к литературной работе у него было мало; поэтому он вообще писал редко, а если и случалось ему писать, то больше на французском языке, на русском же, кроме цитируемой графом Паленом «Государственности и Анархии» да нескольких прокламаций (назовем для примера: «Романов, Пугачев или Пестель», «К офицерам русской армии» и пр.), никаких других его произведений не имеется. Эти прокламации (Бакунин, когда писал их, был еще «якобинцем» [слово «якобинец» здесь нужно понимать в смысле человека, не отрицающего абсолютно государственность. Но если это отчасти верно по отношению к первой из названных брошюр, то совершенно неверно по отношению ко второй: когда Бакунин писал ее, он был уже убежденным анархистом (1870 год). Правда, там защищался «якобинский», т.-е. заговорщический план централизованной организации, но Ба-

поработать над очисткою этого движения от завещанного Бакуниным анархизма, правда, с некоторыми остатками его нам приходится бороться и до сих пор, но все это не умаляет исторических заслуг Бакунина, как одного из пионеров международного революционного социализма.

Кроме того, вся жизнь Бакунина была образцом служения революционному делу. Правда, и здесь мы находим крупные ошибки, много отрицательных черт и промахов. Достаточно напомнить его «Исповедь» перед Николаем I, его роль в нечаевском деле, в Интернационале и т. п. Но, на-ряду с этими недостатками и ошибками, рисующими некоторую двойственность бакунинской натуры, ярко выделяются его положительные черты, зафиксированные историей и сделавшие его имя бессмертным.

Михаил Александрович Бакунин представляет одну из немногочисленных русских фигур, приобретших мировое значение и мировую известность. И об'ясняется это тем, что, при всем своем национальном своеобразии, при всех своих расовых симпатиях и антипатиях, любви

кунин делал это и в анархическом Альянсе. — *Ю. С.*]), по отсталости и ложности идей, в них проводимых, давно уже успели утратить всякое значение для русской революционной молодежи. Единственное сочинение Бакунина на русском языке, имеющее сколько-нибудь серьезное значение, это «Государственность и Анархия», но и оно отличается, как вообще все произведения Бакунина, более полемическими и популяризаторскими достоинствами, чем оригинальностью мысли. Дело в том, что Бакунин не создал никакой личной доктрины, особой революционной системы (здесь автор брошюры делает следующее примечание: «Да и слава богу! Личные доктрины и системы всегда бывают реакционны; им нет места в анархической революции, которая есть прежде всего дело коллективное»); свое анархическое направление он почерпнул целиком в среде Интернационального Общества Рабочих, а если у него и были свои личные, присущие ему одному воззрения, то они касались частностей и вещей второстепенных и, следовательно, ничего не представляли такого, чтоб стоило их обособлять и выделять под специальным названием «бакунинских идей». Что Бакунин имел известное влияние на некоторых русских революционеров, против этого, конечно, и мы спорить не станем, но он имел его не более других членов Интернационального Общества Рабочих, с которыми им приходилось сталкиваться, или сочинения и речи которых им удавалось читать. Бакунин никогда не был для русской молодежи тем полновластным диктатором, тем непогрешимым авторитетом, каким считает его граф Пален. Времена диктаторов теперь безвозвратно миновали; русская молодежь в них больше не нуждается, она сама знает, что ей нужно делать». В момент, когда писались эти строки, идеи Бакунина начинали торжествовать в русском революционном движении по всей линии.

к славянству и ненависти к немцам, Бакунин был настоящим интернационалистом, не на словах, а на деле, неустанным и активным деятелем международной революции. Страстный любитель свободы, как он сам называл себя, Бакунин всегда готов был поспешить туда, где велся бой за освобождение от гнета и эксплоатации, стать на сторону жертвы против мучителя, хотя бы этим мучителем было его собственное отечество (как, например, во время польского восстания 1863 года).

Бакунин был вечным борцом и протестантом, восприняв в свою душу нечто от Аввакума, Степана Разина и Пугачева, из которых два последние были его любимыми историческими героями.

Об'ективная история сумела подвести беспристрастный итог его плюсам и минусам. И в результате перед нами встает пленительная фигура вечного бунтаря во имя человеческого достоинства и свободы, который после каждой неудачи и промаха поднимается с новой силой и с юношеской свежестью бросается в бой против мира неправды и насилия. Об'явив этому миру войну с молодых лет, Бакунин остается до конца верен задаче, которую он себе поставил на заре своей жизни. И никто не умел так, как он, пробуждать в окружающих его «святое чувство бунта» и возбуждать в душе своих последователей непримиримую ненависть к торжествующему злу и готовность к героическому самопожертвованию во имя освобождения униженных и оскорбленных современным строем. Недаром он представлялся и друзьям, и врагам чем-то вроде легендарного «старца Горы», сидящего в неприступном месте и оттуда рассылающего по лицу всей земли своих эмиссаров для возхигания мирового пожара, в котором должен был без остатка сгореть обреченный на слом старый строй. Пусть в этом было преувеличение напуганного воображения обывателей, но остается верным, что вся хизнь Бакунина была своего рода героической эпопеей, которая до сих пор сохраняет свое величие и способна пробуждать в новых поколениях лучшие чувства и звать их к подражанию во имя неустанной борьбы с миром угнетения и эксплоатации.

Конец четвертого и последнего тома.

ДОПОЛНЕНИЯ.

К ПЕРВОМУ ТОМУ.

К стр. 51.

И. И. Панаев, познакомившийся с Бакуниным в 1839 году, в своих «Литературных воспоминаниях» (изд. третье, Спб., 1888, стр. 155 и сл.) пишет: «Бакунин был в своем кружке пропагандистом немецкой философии вообще и Гегеля в особенности. Ум в высшей степени спекулятивный, способный проникать во все философские тонкости и отвлечения, Бакунин владел при этом удивительной памятью и диалектическим даром. Перед силой его диалектики все склонялись невольно. Вооруженный ею, он самовластно действовал на свой кружок и безусловно царил над ним. Его атлетическая наружность, большая львиная голова с густыми и вьющимися волосами, взгляд смелый, пытливый и в то же время беспокойный — все это еще более придавало ему значения и весу. Он с каким-то ожесточением бросался на каждое новое лицо и сейчас же посвящал его в философские таинства... Белинский, уже освоившийся с философской терминологией, схватывал на лету намеки на мысли Гегеля, бросаемые Бакуниным, и развивал их впоследствии плодотворною силою своего ума в своих практических статьях... Над этим кружком невидимо царила еще тень Станкевича»... «Бакунин, как ни умен, но он не может заменить Станкевича», — говорил Белинский Панаеву.

О семействе Бакуниных Панаев говорит: «Развитию Белинского способствовало, кроме Станкевича и Бакунина, семейство последнего, в котором Станкевич и Белинский были приняты дружески. Это замечательное семейство, состоявшее из нескольких сестер и братьев, принадлежало к исключительным, небывалым явлениям русской жизни. Оно имело полу-философский, полу-мистический немецкий колорит.. Одна из сестер Бакунина под влиянием мистического экстаза доходила, говорят, иногда даже до видений. Бакунин имел, конечно, неограниченное влияние на своих сестер и братьев...

«На Белинского, никогда не бывавшего ни в каком женском обществе, такое семейство должно было произвести с самого начала сильное впечатление... Белинский, впрочем, кажется, недолго находился под этим обаянием... В то время, когда я с ним сошелся, он говорил о семействе Бакунина с большим уважением и с большою симпатиею, но уже ясно видел то болезненное направление, которому отдались сестры Бакунина».

К стр. 62.

«Увлекшись толкованиями Бакунина о гегелевской философии и знаменитою формулою, извлеченною из этой философии, что «все действительное разумно», Белинский проповедывал о примирении в жизни и искусстве, усиливаясь во что бы то ни стало против своей натуры сделаться консерватором, и с ожесточением ратовал за искусство для искусства. Он дошел до того (крайности были в его натуре), что всякий общественный протест против старого порядка казался ему преступлением, насилием; французская революция — делом нескольких экзальтированных людей, безумцев, осмелившихся посягнуть на разрушение государственного порядка, и смиренно преклонялся перед всяким произволом, исходившим свыше» (Панаев, стр. 197—198).

Написав свою знаменитую статью о «Бородинской годовщине» Ф. Н. Глинки, столь возмутившую своим сервилизмом Герцена, Белинский, показывая ее Панаеву, заявил: «Кажется, мне еще до сих пор не удавалось ничего написать так горячо, так решительно высказать наши убеждения. Я читал эту статейку Мишелю (Бакунину), и он пришел от нее в восторг, ну, а мнение его чего-нибудь да стоит!» (Панаев, стр. 205).

По словам Панаева (стр. 244 — 245), это настроение держалось в Бакунине довольно долго.

«Приезд Бакунина в Петербург зимою 1840 года, — пишет он, — очень обрадовал Белинского. Бакунин заходил к нам почти всякий день. Он был в это время проникнут ультраконсервативными воззрениями и теориями по Гегелю... Белинский слушал его с жадностью. Они вместе возводили эти (мелкие) явленьица в мировые события и с восторгом декламировали: «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России?» и т. д... Бакунин оставался в Петербурге, все время в таком настроении, до весны 1840 года».

К стр. 87.

О столкновении Бакунина с Катковым Панаев (стр. 248 — 249) ничего нового не сообщает.

С. Неведенский в своей книге «Катков и его время», Спб., 1888, стр. 60 — 63, рассказывает об этом конфликте главным образом со слов Белинского в его тогдашних письмах к друзьям, а именно в письме к В. Боткину от 12 — 16 августа 1840 г., к Ефремову от 23 августа 1840 г. и к Боткину от 4 октября 1840 г. (все эти письма в полном виде напечатаны во втором томе «Писем» Белинского, изданных под ред. Е. Ляцкого, Спб., 1914). Приведя из последнего письма Белинского оскорбительный отзыв о Бакунине как о трусе, Неведенский заключает: «Таким фиаско в среде своих друзей кончил этот колосс идеализма! Катков, как видно из всего приведенного выше, был нравственно прав в своем столкновении с ним».

К стр. 73 (примеч.).

Н. Бродский напечатал в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год интересную статью «Бакунин и Рудин», в которой пытается доказать, что образ Рудина представляет верный портрет молодого Бакунина. В связи с этим приводим выдержку из воспоминаний Чернышевского о Добролюбове, написанных в 1884 году для А. Пыпина, но в свое время последним не использованных полностью, а затем попавших в распоряжение Е. Ляцкого, который и включил эту выдержку в свою статью «Н. Г. Чернышевский; в редакции «Современника» («Современный Мир», 1911 г., № 11, стр. 178 — 181).

Вот что рассказывает Чернышевский:

«Вскоре после того, как «Рудин» был напечатан, В. П. Боткин приехал на несколько времени в Петербург. Он поселился жить, как обыкновенно делал в те годы, у Некрасова. Поэтому я постоянно виделся с ним в этот его приезд, как и в другие подобные... В один из очень длинных разговоров втроем, между Некрасовым, Боткиным и мною, случилось Боткину заговорить с Некрасовым о «Рудине». Я вставил в их беседу о нем какие-то маловажные слова, имевшие тот смысл, что портрет Бакунина, начерченный Тургеневым в лице Рудина, едва ли верен. По всей вероятности, сходство утрачено через то, что черты слишком изменены с намерением сделать их дурными (разрядка моя. — *Ю. С.*). Некрасов на это сказал: «Да, но еслиб вы видели, каково был изображен Бакунин в третьей или четвертой редакции романа, которую Тургенев хотел отдать в печать как окончательную! Только благодаря Василию Петровичу (Боткину) он понял, что обесславил бы себя, если бы напечатал роман в том виде. Тургенев переделал роман, выбрасывая слишком черное из того, что говорилось там о Рудине». Я попросил Боткина рассказать мне, как это было. Боткин

стал рассказывать. Тургенев начал писать с намерением изобразить Бакунина в блистательнейшем свете. Это должно было быть апофеозом. Он дописал или почти дописал в этом направлении, когда струсил. Ему вообразилось, что репутация его способности понимать людей пострадает, если он изобразит главное лицо своего романа только одними светлыми красками. Скажут: где же тут анализ, открывающий в человеческом сердце темные уголки? Без темных уголков никакое человеческое сердце не обходится; кто не нашел их, тот не умел глубоко заглянуть в него. Тургенев начал переделывать роман, стирал слишком светлые краски и вносил тени. Долго возился он, то стирая слишком много, то опять восстанавливая сияние ореола. В разных стадиях этой колеблющейся переделки он читал совершенствуемый роман тем из приятелей, эстетическому вкусу которых доверял: читал и Некрасову, и ему (Боткину), и Дружинину, и Коршу (Евгению Федоровичу), и Кетчеру, и не помню теперь еще кому-то. Каждый судил, разумеется, по-своему, и Тургенев уступал в чем-нибудь советам каждого. Но в общем переделка шла к тому, что темные краски делались все гуще и гуще. Этим, конечно, сглаживались несообразности остатков прежнего панегирика со вносимыми в него страницами пасквиля. И когда не осталось в романе ничего, кроме пасквиля, Тургенев увидел, что теперь роман хорош: все в нем связно и гармонично. Он об'явил приятелям, что вот роман, наконец, готов для печати, он прочтет им его, и начал читать. В собрании приятелей, на котором происходило чтение, был и Василий Петрович. Выслушав, он стал говорить Тургеневу, что напечатать роман в таком виде будет невыгодно для репутации автора. На этом месте рассказа Боткина Некрасов, ограничивавшийся прежде короткими и маловажными напоминаниями и замечаниями, сказал, что продолжать будет он, и продолжал, попросив Боткина слушать и поправлять, если он скажет что-нибудь не так. Действительно, самому Боткину было бы затруднительно продолжать рассказ с прежней подробностью и живостью, приходилось бы передавать негодующую речь, имевшую характер нотаций, какие читают взрослые, солидные люди зашалившимся школьникам. Боткин в те годы, когда я знал его, был человеком очень умеренных мнений, более склонявшимся на сторону осторожного консерватизма, нежели расположенным одобрять что-нибудь рискованное или эксцентрически-прогрессивное. Но он не забывал, что люди, с которыми был он дружен в молодости, были, в сущности, люди честные, и был возмущен с п л о ш н о ю к л е в е т о ю на одного из них (разрядка моя. — *Ю. С.*). Рудин был в этой окончательной редакции романа с первого слова и поступка до последнего — фанфарон, лицемер, мошенник, и только фанфарон, лжец и мошенник, боль-

ше ничего. Когда Боткин кончил свою оценку характера, какой дан Рудину в этой редакции, Тургенев был смущен до того, что оставался совершенно растерявшимся. Он, повидимому, сам не понимал, что такое вышло из его Рудина. Тут Боткин остановил Некрасова возражением, которое начиналось словами в таком роде: «извините, Некрасов, он понимал», и продолжалось беспощадным анализом некоторых сторон характера Тургенева. Боткин говорил с ядовитым негодованием. Когда он кончил, Некрасов не мог сказать ничего в защиту Тургенева и только убеждал Боткина судить снисходительнее о человеке, который если поступает иногда нехорошо, то лишь по слабости характера. После этого эпизода Боткин и Некрасов покончили рассказ об истории переделок романа. Боткин сказал тогда Тургеневу, что если он не хочет погубить свою репутацию, то должен вновь переделать «Рудина» или бросить его. В таком виде, как теперь, роман не может быть напечатан без позора для автора. Тургенев сказал, что переделает. И переделал. По мнению Боткина и Некрасова, роман, испытавший столько перипетий, вышел в том виде, как напечатан, мозаикой клочков противоположных тенденций, в особенности в характере Рудина (разрядка моя. — *Ю. С.*). На одних страницах или клочках страниц это человек сильного ума и возвышенного характера, а на других — человек дрянный. Кажется, и мне самому думалось тогда, что характер Рудина — путаница несообразностей. Не умею припомнить теперь ни того, думалось ли мне так тогда, ни того, так ли это на самом деле.

«Но выдержан ли или не выдержан в романе характер Рудина, во всяком случае это вовсе не портрет Бакунина (разрядка моя. — *Ю. С.*) и даже не карикатура на него, а совершенно непохожее на Бакунина лицо, подле которого сделаны кое-какие надписи, утверждающие, что это портрет Бакунина. Такими ярлычками нельзя не признать, например, того, что Рудин — оратор, и того, что он иногда забывает отдать приятелю какие-нибудь ничтожные деньги, взятые взаем. Вероятно, подобных заимствований из характера или биографии Бакунина очень много в романе, но я плохо помню его.

«В заключение истории переделок «Рудина» расскажу последнее, что случилось мне узнать о его судьбе. Не умею определить теперь через сколько времени после того, как он был в первый раз напечатан, Тургенев издал собрание своих сочинений. Попов, отдавая мне экземпляр этого издания, передал мне желание Тургенева, что если я буду писать что-нибудь об этом издании, то чтоб я не упоминал о прибавлении, которое он сделал к «Рудину»: роман теперь кончается тем, что Рудин участвует в одном из парижских народных восстаний..., сражается

геройски и умирает славною смертью борца за свободу. Если журналы выставят на вид этот эпилог, все издание может подвергнуться запрещению, и потому не надобно говорить о нем. Желание Тургенева, если только следует называть это желанием, а не заявлением справедливого авторского требования, которому честные люди обязаны повиноваться по внушению совести, конечно, было принято мною с полным одобрением; но из этого вышло, что мне, обязанному не писать об эпилоге, нет и надобности прочесть его (?), то я и оставил его непрочтенным; потому не знаю, хорош ли он в художественном отношении и может ли выгодный для репутации Рудина конец заставить простить ему те слабости или дурные качества, которые в целом длинном романе навязывал ему автор. Но важен ли сам по себе или маловажен этот эпилог, он заслуживает большого внимания, как факт, доказывающий стремление Тургенева загладить сделанную ошибку, когда достало у него характера и уменья».

Повидимому, эти сведения, сообщенные ему Боткиным и Некрасовым, Чернышевский имел в виду, когда давал свой отзыв о Рудине, воспользовавшись случайным поводом, а именно рецензией на книгу американского писателя Н. Готорна «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии», Спб. 1860 (напечатана в библиографическом отделе «Современника», 1860 г., июнь, и перепечатана в «Полном собрании сочинений» Н. Чернышевского, Спб. 1906, том VI, стр. 274 и сл.). Здесь Чернышевский, по цензурным условиям не называя ни Бакунина, ни Рудина, ни Тургенева, тем не менее довольно ясными намеками дал понять, о чем и о ком он говорит. Вот что в этой рецензии сказано по поводу «Рудина» и Бакунина:

«Иные люди могут иметь свой расчет, когда утаивают и искажают факты, как Готорн искажает греческие мифы; но какая надобность может заставить художника искажать психологическую истину в своих произведениях? Ведь ему от этого нет никакой выгоды, он тут поступает чисто по слепому предубеждению. Мы припомним один пример, не называя имен. Есть одна прекрасная повесть, героем которой, как по всему видно, следовало быть человеку, мало писавшему по-русски, но имевшему самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий, затмевавшему величайших ораторов блеском красноречия, — человеку, не бесславными чертами вписавшему свое имя в истории, сделавшемуся предметом эпических народных сказаний. Кажется, такой человек мог быть изображен, как человек серьезный. Автор повести, кажется, и хотел так сделать; но вдруг ему вздумалось: «а что же скажут мои литературные советники, люди такие рассудительные, умеющие так хорошо упрочивать свое состояние, если полу-

чили его в наследство, или, по крайней мере, с таким достоинством держать себя в кругу людей с состоянием, если сами не получили большого наследства? Человек, который так расстроил свои семейные отношения, что остался без всего при существовании значительного родового имения, который занимал деньги у богатых приятелей, чтобы раздавать их бедным приятелям, — нет, такой человек не может считаться серьезным по суду моих благоразумных советников». И вот автор стал переделывать избранный им тип, вместо портрета живого человека рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры. Разумеется, такое странное искажение не удалось, да и самому автору по временам, кажется, было совестно представлять пустым человеком исторического деятеля. Повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее шиллерова Дон-Кихота, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей...

«Неужели мы так просты, что думаем своими замечаниями исправить высоко стоящих в литературе людей, недостатки которых указываем? Нет, им поздно исправляться: в них уже слишком в'елась привычка фальшивости и пустословия... Пусть они (новые писатели. — *Ю. С.*) знают, что будут отвергнуты нами, если вздумают лгать и пустословить».

Кажется, ясно?

Стр. 124, строка 4 снизу.

Исправить опечатку. Сказано: «В доме»; надо читать: «Подле».

К стр. 138.

Судя по неопубликованному письму Бакунина к Отто Виганду от 8 января 1843 года из Базеля, он с Гервегом выехал из этого города в Цюрих 9 января, а значит прибыл туда 10 — 11 января. В № 2 «Летописей Марксизма» за 1926 год напечатано письмо Бакунина к А. Руге от 19 января 1843 года. В этом письме Бакунин, между прочим, дает восторженный отзыв о статье «Прирейнского жителя» о новой прусской цензурной инструкции. Эта статья, напечатанная в сборнике «Anecdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik», который вышел вначале 1843 г. в Швейцарии, принадлежала Карлу Марксу, о чем Бакунин тогда не знал.

К стр. 140.

Вопросу о разразившемся над Бакуниным денежном кризисе посвящено и письмо его к Руге от 11 марта 1843 г., напечатанное в № 2

«Летописей Марксизма» за 1926 год. В этом письме Бакунин впервые заговаривает о своем намерении сделаться рабочим — мысль, которая была ему, вероятно, подсказана не только материальной нуждой, но и общением с вейтлингианцами.

«Я вам еще хочу сказать, — пишет Бакунин, — что́ я собираюсь сделать в случае, если ожидаемые мною субсидии из России не придут; тогда мне останутся два выхода: или записаться в ряды chevaliers d'industrie и унизиться до попрошайничества, или же собственной работой зарабатывать себе на хлеб, — так как в Россию, даже если б мне обещали абсолютную безопасность, я не возвращусь. Еще меньше могу я примириться с позорной ролью какого-то паразита. Мне остается только работа в поте лица».

Но характерно, что добывание средств к существованию литературным трудом Бакунину не улыбается. «Может быть, — говорит он, — писательство было бы таким средством, но я должен вам признаться, дорогой Руге, что у меня какое-то отвращение от писательства как единственного средства к существованию; распространение мыслей и убеждений должно быть культом, и разве не возникает опасность принизить этот культ, если его сделать единственным средством существования?».

Сообщив о том, что Фоллен, желая притти ему на помощь, предложил ему написать за плату книгу о России, Бакунин приводит несколько возражений против этой мысли. Одно из них весьма любопытно.

«Я, — говорит он, — могу написать о России и высказать по поводу России самые горькие и печальные истины, не боясь при этом погрешить против своей родины. Но я не могу написать такую книгу из нужды: это противоречит моей любви к родине».

В этом отношении Бакунина к писанию для заработка можно усмотреть проявление чисто дворянской, барски-помещичьей психологии. Характерно, что и И. С. Тургенев даже в 50-е годы скрывал от своих великосветских знакомых, что получает гонорар за свои литературные произведения, давая понять, что дает их журналам безвозмездно! Об этом сообщает Головачова-Панаева в своей книге «Русские писатели и артисты». Впрочем, Бакунин и в дальнейшем проявлял нежелание или неспособность писать для заработка, что очень возмущало Герцена, который сам, однако, для заработка тоже не писал.

К стр. 142 (примеч. 1).

В издании Центрархива «Документы по истории литературы и общественности, выпуск второй. И. С. Тургенев», Москва, Гиз, 1923, стр. 153 — 154, напечатано письмо Татьяны Бакуниной к И. С. Турге-

неву от 13 июля 1843 года. Здесь по поводу долгов М. Бакунина говорится, между прочим, следующее:

«Пишу Вам, Тургенев, чтобы поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для Михаила, но прежде всего, чтобы успокоить Вас относительно того риска, которому Вы подверглись благодаря своему великодушию. Я знаю, нас могут обвинить в равнодушии и беззаботности по отношению к моему брату. Действительно, что мы сделали, чтобы вывести его из этого унизительного положения? Что мы сделали, чтобы предохранить от величайших неприятностей тех, которые имели доверие к нему и к нам? До сего момента — ничего, а между тем мы все испробовали. Никто не имеет права обвинять моих родителей: они делают, что могут; мы же заслуживаем упрека, на нас одних падает тень нечестности Михаила, но надо исправить это несчастье...

«Я прошу Вас еще об одной услуге, Тургенев. Напишите д-ру Руге, что мы ему в скором времени вышлем все, что Михаил должен ему и другим [1]... А пока я не прошу Вас вмешиваться в эту печальную историю, уверьте его только от нашего имени в том, что мы покроем долг Михаила... Скажите, бога ради, сколько Михаил должен Вам, — я должна это знать, — затем и г-же Языковой. Надеюсь, что через 2 года смогу уплатить долг... Два года это долго, может быть, даже поздно поправить то зло, которое себе причинил Михаил, но все же он будет свободен, и жалкие денежные интересы не будут более портить его отношений с людьми, — вот к чему я стремлюсь. А Вы, Тургенев, должны мне назвать сумму, которую Михаил должен Вам. Вы — не брат ему, может быть, и не друг в полном смысле этого слова, а потому не имеете права не ответить мне на этот вопрос».

К стр. 144 — 145.

Из письма к Руге от 19 января 1843 года видно, что Бакунин к этому времени уже успел ознакомиться с незадолго до того вышедшей главной работой В. Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы». Книга эта произвела на Бакунина сильнейшее впечатление (как, впрочем, и на других деятелей тогдашнего радикального лагеря, Фейербаха, Маркса и Энгельса). Не вполне соглашаясь с произвольными конструкциями второй части, Бакунин отмечает достоинства первой, критической части книги, которую называет «действительно замечательной». Интересно, что Бакунин обратил внимание на ее чисто пролетарский характер.

---

[1] К этому месту сборника Н. Бродский сделал следующее примечание: «15 июля 1843 года Тургенев выслал через контору Штиглица 1.000 руб. Руге, другую тысячу Михаилу Бакунину».

«Недавно, — пишет Бакунин, — вышло новое, п е р в о е коммунистическое немецкое произведение: оно принадлежит портному Вейтлингу («Гарантии свободы и гармонии» Вильгельма Вейтлинга. Декабрь 1842). Вейтлинг очень беден, и так как у него не было никаких средств, то он должен был сам, т.-е. с о б с т в е н н о р у ч н о напечатать свою книгу; это действительно замечательная книга. Правда, вторая часть, органическая, пострадала от слишком односторонней, произвольной конструкции, но первая часть, критика современных условий, написана живо и часто верно и глубоко; чувствуется, что это написано из практического сознания современности; даже теоретические конструкции интересны, так как они не являются продуктами посредственной образованной теории, но выражением новой практики, которая стремится подняться до сознания; когда читаешь эту книгу, то чувствуешь, что Вейтлинг излагает то, что он действительно чувствует, и то, что он, в качестве пролетария, думает и должен думать, — и это так интересно, даже можно сказать, самое интересное в наше время. Иногда он очень энергичен».

И далее Бакунин выражает желание непременно познакомиться с Вейтлингом лично. Вскоре через посредство Гервега это знакомство и состоялось. (Письмо напечатано в № 2 «Летописей Марксизма».)

К стр. 170 (прим. 2) и стр. 186 сл.

Как теперь выясняется, Бакунин впервые побывал в Париже уже в марте 1844 года; тогда же он и познакомился с Марксом. Об этом свидетельствует письмо А. Руге к Кехли из Парижа от 24 марта 1844 года (оно будет напечатано в № 3 «Летописей Марксизма»). Относящийся к интересующему нас вопросу отрывок письма гласит: «Вчера мы, немцы, русские и французы, собрались совместно на обед, чтобы поближе рассмотреть и обсудить наши дела: русские — Бакунин, Боткин, [Яков] Толстой (refugiés démocrates communistes), Маркс, Рибентроп, я и Бернайс, французы — Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шельхер. В общем мы прекрасно столковались».

Ввиду того, что это письмо написано Руге на другой же день после совещания, трудно допустить, чтобы он ошибался. Между тем Бакунин в письме к А. Беккеру, написанному после первой поездки в Париж, говорит, что «немецких коммунистов он не имел случая повидать». Остается допустить, что он в тот момент не считал Маркса коммунистом, а просто демократом. Самый состав совещания носит, действительно, слишком пестрый и сбивающий с толку характер. Замечательно, что Руге называет троих русских (из которых только первый был рево-

люционером, но далеко не коммунистом, второй — ровно ничем, хотя вертелся около Маркса, а третий — шпионом) эмигрантами, демократами и коммунистами, да еще приводит эти эпитеты по-французски, из чего можно заключить, что они сами себя так называли.

Итак, если письмо Руге подлинно и верно датировано, то отсюда явствует, что Бакунин поспешил побывать в Париже сейчас же после своего приезда в Брюссель, и что тогда же он впервые встретился с Марксом, равно как с другими названными в письме лицами, в том числе с П. Леру, с Луи Бланом и Феликсом Пиа.

К стр. 184 (прим. 2).

Речь идет здесь не о Мойсее Гессе, а об Эвербеке (как мы, впрочем, уже оговорили это в опечатках). По поводу конфликта Руге с Эвербеком, в искаженном виде переданного доктором Руге Бакунину, Меринг в своей «Истории германской социал-демократии» (Спб., 1906, том I, стр. 164) сообщает следующее: «Маркс охотно поддерживал сношения с Эвербеком из Данцига, который руководил тогда парижскими общинами «Союза Справедливых»; между тем, когда Эвербек попросил у Руге пару франков на напечатание сочинений Вейтлинга, прибавив безобидное замечание, что «на то и деньги у Руге», то отставной дрезденский городской гласный держал ему «гневную» речь, которую вдобавок нашел стóящей сохранения для потомства: он просит не вмешиваться в его частные дела, — сказал Руге, — он не для того уехал от немецкого полицейского надзора и цензуры, чтобы позволить Эвербеку контролировать его хозяйство, и так далее в том же стиле. При практическом соприкосновении с социализмом буржуа сбросил свою философскую оболочку; Руге начал смотреть на «прусских живодеров» более снисходительными глазами, чем на «гнусные еврейские души» коммунистов».

А Бакунин, поверив старому приятелю, стал невольно распространителем обывательской сплетни, что с ним, к сожалению, случалось и впоследствии.

К стр. 274 и сл.

В № 9 гильфердинговского журнала «Die Gesellschaft» за 1926 год напечатана статья Германа Венделя «Пражский славянский с'езд 1848 года». На основании фактов, приведенных в книгах чеха Тоболки «Slowansky sjezd v Praze 1848» (1903), львовского профессора Брыка «Славянський З'изд у Празі 1848 р. и украинська справа» (1920) и серба д-ра Милана Прелога «Славенска Ренесанса», Вендель доказывает, что пражский с'езд далеко не носил того сплошного

реакционного характера, который приписал ему Ф. Энгельс в своих известных статьях, направленных против Бакунина. Выпущенный с'ездом манифест к европейским народам осуждал политику национального угнетения, требовал превращения Австрии в союз равноправных народов, предлагал созыв общеевропейского конгресса для обсуждения международных вопросов и кончался лозунгом: «во имя свободы, равенства и братства всех народов».

Австрийская реакция действительно рассчитывала использовать с'езд как орудие контр-революции, но, убедившись, что надежды ее в этом отношении не оправдались, заняла по отношению к с'езду враждебную позицию еще до начала уличных боев в Праге. Благодаря принятым правительственными органами мерам (высылка депутатов и пр.) с'езд принужден был преждевременно закрыться, не доведя своих работ до конца.

К стр. 290 и след. и стр. 353.

Что источником клеветы на Бакунина были именно п о л ь с к и е круги, подтверждается также показанием Бакунина перед саксонской следственной комиссией 11 октября 1849 года («Пролетарская Революция», № 7/54 1926 г., стр. 198). Здесь Бакунин, рассказывая о своем знакомстве с поляками Крыжановским и Гельтманом, прибавляет: «С обоими я сблизился потому, что они мне заявили, что не разделяют в з г л я д а с в о и х с о о т е ч е с т в е н н и к о в н а м е н я, б у д т о я — р у с с к и й ш п и о н (курсив мой. — *Ю. С.*). Такой взгляд на меня возник на почве моего заявления, что я, как русский, намерен держаться нейтралитета в польских делах и не желаю высказываться ни в пользу польской аристократии, ни в пользу польской демократии». Мы не знаем, когда было сделано Бакуниным такое заявление, и сильно сомневаемся в том, чтобы именно оно послужило причиною подозрительного отношения польской эмиграции к Бакунину. Но для нас важно лишний раз констатировать тот факт, что подозрения против Бакунина шли как раз из польских кругов.

К стр. 325 и сл.

Статья Энгельса «Демократический панславизм» появилась в русском переводе в изданной «Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса» книге «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848 — 1850 г.г.)» (Госиздат, 1926, стр. 258 — 277). Это несколько пополненный третий том «Литературного наследия Маркса и Энгельса», опубликованный в свое время Ф. Мерингом. В цитированной выше статье Венделя о праж-

ском с'езде сказано: «Конечно, «Новая Рейнская Газета» и вместе с нею весь марксизм судили чересчур сурово о славянском движении 1848 года, так как оно не вытекало из стремлений к контр-революции и не питало симпатий к царизму, но в общем Энгельс был прав, когда третировал участников с'езда как фантазеров. Они действительно были фантазерами, ибо за ними не стояло ничего, кроме искусственно конструированной идеологии, не питаемой кровью реальности» (цит. ст., стр. 469).

Стр. 338 и 351.

Исправить опечатку. Сказано: «Славянская Лига»; надо читать: «Славянская Липа».

К стр. 352.

Второе воззвание Бакунина к славянам, напечатанное в свое время в № 49 «Dresdener Zeitung» за 1849 год и распространенное тогда же на чешском и немецком языках, опубликовано В. Полонским в томе XVII «Красного Архива» за 1926 год. Предостерегая славян «от имени русского народа» против войск русского царя, несущих рабство всем народам, Бакунин призывает славян восстать с оружием в руках против полчищ Николая I, союзника австрийского императора и дворянства: «Если вы это сделаете, вы спасены! Если вы это сделаете, вы спасете славянскую и европейскую свободу». И кончает Бакунин свое воззвание следующими словами: «С глубокой, несказанной болью я увидал себя вынужденным высказаться в моем обращении к вам против моих соотечественников, против русских войск. Я исполнил тем священный, но в то же время тяжелый долг... И еще раз с горестным и глубоким чувством обращаюсь к вам с увещанием: славяне, разбейте русскую армию! Огнем и мечом, всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами старайтесь уничтожить ее, пока в ее устах роковое имя Николая, пока она подчиняется русским генералам, ибо такая армия может принести вам только беду, рабство и разорение... Вставайте, славяне! Спасайте нашу славянскую свободу, спасайте свободу Европы!».

Стр. 355.

Исправить опечатку. Сказано: «Виттис»; надо читать: «Виттиг»

Стр. 370.

Допросы Бакунина в саксонской следственной комиссии с 11 августа 1849 года по 28 февраля 1850 года в существенных частях опубликованы В. Полонским в № 7/54 «Пролетарской революции» за 1926 год. Из них видно, с каким мужеством и достоинством Бакунин держался перед следователями Никаких показаний, способных повредить кому-

либо из участников движения, у него не удалось вырвать, несмотря на то, что ему пред'являлись «откровенные» показания некоторых подсудимых, привлеченных австрийским судом (напр., И. Фрича).

Вот некоторые из показаний Бакунина, заслуживающих быть приведенными.

На допросе 3 августа 1849 года он показал:

«Частью из частных писем, — ни авторов их, ни адресов я, однако, не назову, — частью из газет мне стало известно: 1) что в Праге была открыто проявлена симпатия к мадьярам на улице, публично раздавались клики Eljen Kosuth при проходе венгерского полка; 2) что финансовые затруднения Австрии дают повод ожидать государственного банкротства, всегда стоящего в связи с народными волнениями; 3) что рекрутский набор вызывает всеобщее недовольство в Богемии, и что в частности крестьяне считают себя обманутыми в отношении обещанной им отмены поземельных и иных налогов; 4) что мадьяры одерживают победы, а вступление русских войск должно вызвать всеобщее неудовольствие. Из этих данных я заключал о близком восстании в Чехии, тем более что предвиделось примирение между богемскими немцами и чехами».

Из допроса 11 октября 1849 года мы узнаем, что предполагалось продолжение Пражского славянского конгресса, но что Бакунин отказался участвовать в нем ввиду выявившегося реакционного направления его руководителей. «Как из газет уже известно, — показывает Бакунин по поводу отобранного у него при аресте письма Людвига Штура, в котором сказано было: «Тебя с нетерпением ожидали в Загребе», — в Аграме должно было произойти продолжение Пражского конгресса под руководством Елачича, и на него пригласили также и меня, но так как самое председательствование Елачича мне внушало уверенность, что там будут проводиться антипатичные для меня панславистские идеи (курсив мой. — *Ю. С.*), уверенность, которая нашла себе подтверждение в заявлениях нескольких юных славян на Пражском конгрессе, то я и не принял приглашения». А по поводу другого места инкриминируемого письма Штура, где было сказано: «Теперь мы уведомляем тебя, что на-днях мы отправимся из Вены для известного дела в Карпаты, куда мы ждем и тебя, согласно твоему обещанию», — Бакунин показал: «Как было сказано, я обещал Штуру приехать в Аграм и вместе с ним отправиться в Карпаты, дабы присутствовать при готовившемся тогда восстании словаков против мадьяр. Но так как я к этому времени уже потерял доверие к Елачичу, под водительством которого должно было произойти восстание, и самое восстание уже

утратило свою славянскую тенденцию и должно было преследовать скорее русские, реакционные интересы, то я и отказался от своего намерения отправиться в Карпаты и принять деятельное участие в тамошнем восстании, которое и обозначено в письме словами «известное дело».

К стр. 380.

О факте подачи Бакуниным прошения о помиловании после приговора саксонского суда упоминается в докладе аудитора Франца австрийскому военному суду, в котором сказано: «По приговору апеляционного суда в Дрездене (Бакунин) приговорен к смертной казни за государственную измену; этот приговор был утвержден королевским саксонским высшим апеляционным судом 6 апреля 1850 г., но, вследствие поданного прошения о помиловании, вынесенный смертный приговор был всемилостивейше заменен его величеством королем пожизненным заключением 2-й степени». Доклад Франца опубликован В. Полонским в № 3 «Красного Архива» за 1923 год и в «Материалах для биографии Бакунина», Госиздат, 1923, т. I, стр. 59 — 86.

К стр. 381.

Литографированная биография Бакунина, принадлежащая перу М. Неттлау, имеется в России не в двух экземплярах, как мы указали, а в т р е х (один — в Ленинграде и два — в Москве).

К стр. 389.

Из доклада аудитора Франца, представленного австрийскому военному суду 15 мая 1851 года и в копии сообщенного русскому правительству, было сделано извлечение для Николая I, цитируемое нами на страницах 389—390. Как копия доклада Франца, так и это извлечение («подробная выписка») содержатся во втором томе «Дела» о Бакунине, использованного нами для этой работы.

Приводим из доклада Франца наиболее интересные места.

Согласно показаниям Густава Стракка планы Бакунина клонились в общем к тому, чтобы вызвать революцию в Германии и Богемии одновременно, с тем, чтобы она распространилась через Польшу на Россию. «Бакунин никогда и никому не сообщал о своих сношениях с Россией согласно своему принципу никого не называть и не говорить ничего кроме самого необходимого. Однако он, вероятно, состоял в сношениях с Россией через Польшу, так как он с уверенностью расчитывал на то, что при распространении революции в Богемии, Германии и Польше

разразится революция также и в России. Бакунин сам говорил ему, что в России существуют великолепные предпосылки для революции, и как раз в социальном смысле». Адольф Стракка перевел второе воззвание Бакунина к славянам на чешский язык.

По показанию Иосифа Фрича «целью революции Бакунин называл ему восстановление Польши, разгром России и самостоятельность Богемии. Каким путем должны были быть достигнуты эти цели, какие должны быть введены формы правления, все это должно было зависеть от степени удачи в ходе революции и согласоваться с характером каждого народа; конечной же целью был союз всех свободных народов».

Должна ли была эта революция носить социалистический характер? «Подсудимый отрицает, что он, как было упомянуто в показаниях Карла Сабины, в данном случае побуждал или намеревался вводить социалистическую систему. Признает однако, что он говорил о применении социалистических мероприятий для организации движения; чтобы успешно организовать подобное движение, необходимы таковые мероприятия, поскольку для этого будет налицо практическая возможность их применения; например, уничтожение закладных на земельную собственность, что составляет весьма практическое средство благодаря тому, что оно облегчает положение землевладельцев, главным образом крестьян, и улучшает их материальное благосостояние. Подсудимый признает далее, что ему при этом много возражали, даже выражали недовольство». А согласно показания Э. Арнольда, «то, о чем главным образом говорил и чего желал Бакунин, были цели социализма, и он требовал, чтобы Арнольд склонял народ на сторону социализма в редактируемой им газете Obĉanske Nowiny». Наконец, по показанию Карла Сабины, Бакунин не придавал значения чисто политическим переворотам, а хотел придать революции социальный характер. «Что касается намерений Бакунина в случае успеха революции, то в его речах не было никаких намеков на то, чтобы дело шло о завоевании лучшей конституции или о чем-либо подобном; Бакунин определенно высказывался в том смысле, что не следует придавать значения ничьим словам о рейхстаге или о другой, лучшей конституции: это все глупости (курсив мой), словом, он желал только, чтобы дело поскорее началось, и не высказывался относительно своих целей. Но когда разговор перешел в область теорий, то он, Сабина, понял, что Бакунин желал провести в жизнь то, что говорилось с философской точки зрения о социальных отношениях».

Что касается в частности панславизма, то Бакунин показал, что на Пражском славянском конгрессе он стремился к об'единению славян для освобождения Польши, как ближайшей цели, а посредством нее — освобождения России, а также преследовал цель «противодействовать находящейся в Праге панславистской партии и убедить ее не расчитывать на русское правительство». «Относительно поднятого во время производства следствия вопроса о том, будто он ожидал поддержки революции из России, Бакунин заявил, что это—вздор, но признает, что он вообще старался вкоренить, особенно у чехов, ту мысль, будто в России находится очень много революционных элементов; он делал это для возбуждения мужества и чтобы в то же время противодействовать существовавшей и еще существующей партии, возлагающей свои панславистские надежды на царскую Россию. По вопросу о своих взглядах на революцию в России он указывает на свое «Воззвание к славянам», но заявляет, что он считал революцию в России делом очень отдаленного будущего, при чем он в настоящее время питает убеждение, что революции в России безусловно должно предшествовать освобождение Польши».

Интересны, наконец, применявшиеся тогда Бакуниным организационные приемы, впоследствии в несколько измененной форме практиковавшиеся им в тайном Альянсе и в «братствах».

Бакунин признал, что «он перед от'ездом Густава Стракка в Прагу (из Дрездена. — *Ю. С.*) дал ему несколько указаний относительно его поведения там, а именно поручил образовать в Праге комитет, который бы занялся приготовлениями к революции, т.-е. подготовил бы почву среди студентов, рабочих и вообще среди пролетариата (курсив мой. — *Ю. С.*), также среди обывателей (мещан, Bürger. — *Ю. С.*), и привлек их симпатии на сторону своих планов... Он... поручил Стракка формирование отдельных групп из двух или пяти человек, но заметил ему, чтобы он в качестве приезжего не слишком обращал на себя внимание в Праге, имел бы сношения только с Арнольдом и членами комитета и действовал в дальнейшем только через этих членов; ему же, Бакунину, он должен был от времени до времени сообщать о достигнутых успехах. Он признает, что вообще говорил всем, с кем имел сношения, чтобы они никогда особенно не выдвигались и не делали бы этого также из тщеславия там, где выдвигаются другие, а, наоборот, еще более выдвигали бы таких людей, ибо это — лучшее средство оставаться самому незаметным... Он дал Густаву Стракка список букв и слогов, необходимых для обозначения и корреспонденции находившихся в Праге лиц и для других сообщений». Наконец, как за-

ключительный штрих, переносящий нас в эпоху конца 60-х и начала 70-х годов, Бакунин, согласно показанию Г. Стракка, «вскоре затем вызвал его в Дрезден и там уговаривал его бросить университет и посвятить себя всецело пропаганде».

В заключение доклад характеризует Бакунина, как решительного революционера, человека дела, готового итти до конца. «По существу речи Бакунина сводились к тому, чтобы не медлить, а решительно приниматься за дело. Сабина рисует его как бы «выкованного из стали демагога», который, не зная препятствий, преследовал неуклонно свою цель, не считаясь ни с какими возражениями». И из всех данных следствия автор доклада делает вывод, «что Бакунин собственно был зачинщиком затевавшегося плана государственной измены, что он преследовал свою цель с неуклонной последовательностью, из убеждений, в высшей степени опасных и со вполне сознанным намерением; наконец, что он не только сам склонял многих других лиц к тому же преступлению, но и был причиной того, что благодаря его советам и указаниям большое количество в большинстве случаев молодых людей оказалось вовлеченным в преступные деяния... Важность и опасность его явствует также из имеющихся его писаний, характеризующих его, — скитавшегося втечение целого ряда лет по Европе, без родины и без определенных занятий, — как настоящего демагога по профессии».

Итак, уже в 1849 году Бакунин выступал перед миром реакции в качестве профессионального революционера, каким он и был с 1843 г.

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

К стр. 36 — 37.

Повидимому, связь с лондонским Фричем у Бакунина некоторое время продолжалась, но до сих пор не найдено документов, которые позволили бы судить об этой стороне деятельности Бакунина. В «Институте К. Маркса и Ф. Энгельса» имеется письмо Бакунина от 26 декабря 1862 года к Фричу, который, судя по письму, находился в это время в Париже. Бакунин, повидимому, связал Фрича с поляками, если, впрочем, тот и до него не был с ними связан. В этом письме Бакунин просит Фрича зайти к ген. Высоцкому, где для него находится письмо, пересланное Бакуниным через Миловича и содержащее письмо к Соколовскому (об этих лицах см. во второй части II тома). У Высоцкого же Фрич должен был взять написанную по-французски и переведенную на польский язык статью Бакунина против Л. Мерославского (см. том II, стр. 180 сл.), а также письмо в редакцию «Przegląd rzeczy polskich» и передать их Соколовскому с просьбою дать им дальнейший ход. Далее

Бакунин сообщает, что усердно работает над брошюрою, добрую часть конца которой обещает скоро выслать Фричу. Выразив надежду, что Фрич уже перевел на чешский язык присланные ему 29 страниц, Бакунин просит безотлагательно вернуть ему рукопись, которую его приятель-серб хочет перевести на сербский язык. Бакунин мечтает и о болгарском переводе, который должен был сделать его приятель-болгарин, тоже уехавший, видимо, в Париж. Из всего контекста вытекает, что упомянутое нами в тексте (том II, стр. 34 сл.) письмо к Фричу Бакунин намеревался превратить в брошюру и издать на нескольких славянских языках. Намерение это, насколько мы знаем, не было осуществлено. С другой стороны, из этого письма следует, что у Ничипоренки (стр. 34, прим. 2) был захвачен полицией не оригинал, а одна из копий бакунинской рукописи.

К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

К стр. 243 и сл.

В № 2 «Летописей Марксизма» за 1926 год напечатан конспект бакунинской «Государственности и Анархии», сделанный Марксом, по-видимому, в 1874 году, как отмечено в предисловии Д. Рязанова. В этом интересном конспекте имеются и примечания самого Маркса. Приводим наиболее существенные из них.

По поводу недоумений Бакунина, цитированных у нас на стр. 245—246, и его вопроса: «Если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать?» и т. д., Маркс отвечает: «Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие — средство для управления; если он сам еще остается классом, и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т.-е. существование классов, они должны быть насильственно устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» (стр. 93).

А по поводу слов Бакунина, что «крестьянская чернь... будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом», Маркс замечает:

«Это значит, что там, где крестьянин в массе своей является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве

батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится, и он сам перейдет на сторону революции; меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем; однако нельзя ставить крестьянина втупик, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор-капиталист вытесняет крестьянина, и настоящий земледелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет одни с ним интересы непосредственно, а не только посредственно; еще меньше следует укреплять дробную собственность тем, что участки увеличиваются просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина.

По поводу же содержащихся все в той же разбираемой фразе Бакунина слов о том, что диктатура пролетариата с национальной точки зрения выразится в порабощении славян немцами, Маркс восклицает: «Какой ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с известными историческими условиями экономического развития; последнее является ее предпосылкой. Поэтому она возможна только тогда, когда при капиталистическом производстве промышленный пролетариат занимает по меньшей мере значительное место в народной массе, и для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы победить, он должен быть по меньшей мере в состоянии сделать для крестьян mutatis mutandis [1] непосредственно хотя бы столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина. Хороша мысль, что господство народа включает в себе порабощение сельскохозяйственного труда! Но тут-то и проявляется затаенная мысль господина Бакунина. Он решительно ничего не смыслит в социальной революции, знает только ее политические фразы; экономические условия ее для него не существуют. Так как все существовавшие доселе экономические формы, развитые или неразвитые, вклю-

[1] Учитывая изменившуюся обстановку.

чают порабощение работника (будь то рабочий, крестьянин и т. д.), то он полагает, что при всех них одинаково возможна радикальная революция. Больше того, он хочет, чтобы европейская социальная революция, основанная на экономической базе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских сельскохозяйственных и пастушеских народов, чтобы она не возвышалась над этим уровнем, хотя он и видит, что мореходство создает различие между братьями, но только мореходство, ибо это — различие, известное всем политикам. Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции».

На вопрос: «Что означает пролетариат, возведенный в господствующее сословие?» — Маркс раз'ясняет: «Т.-е. пролетариат вместо того, чтобы в одиночку бороться против экономически привилегированных классов, приобрел достаточную мощь и сильную организацию, чтобы применять в борьбе против них общие средства принуждения. Однако он может применять в экономической области лишь средства, уничтожающие его собственные свойства наемного труда, его классовые особенности. Поэтому с его полной победой кончается также его господство, его классовый характер».

Но Бакунин имеет еще одно возражение против диктатуры пролетариата, которое он считает весьма существенным. Ведь не весь рабочий класс будет стоять у власти и участвовать в управлении; следовательно, народ будет попрежнему управляться выборными. На это Маркс отвечает: «Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз составляет исполнительный комитет? Неужели исчезает всякое разделение труда на заводе, а вместе с тем и различные функции, отсюда вытекающие? А при бакунинском образовании «снизу вверх» неужели все будут «наверху»? Тогда ведь не будет никакого «внизу». Неужели все члены общины будут сообща ведать общими интересами «области»? Тогда не будет никакого различия между общиной и «областью». В Германии насчитывается около 40 миллионов населения; неужели, стало быть, все сорок миллионов будут членами правительства? Конечно, ибо все дело начинается с общинного самоуправления». И наконец, на слова Бакунина: «Тогда не будет правительства» и т. д., Маркс замечает: «Это значит только: когда исчезнет классовое господство, и не будет государства в нынешнем политическом смысле слова».

Далее по поводу пугающего Бакунина «управления народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом», Маркс пишет: «Asine! (осел!). Демократическая чепуха и политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской

общине, в артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических условий, от экономической группировки избирателей, и с того момента, как функции эти перестают быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций, 2) распределение общих функций становится вопросом деловым, не дающим никакого господства, 3) выборы эти нисколько не носят нынешнего политического характера». На указание Бакунина, что выбранные рабочие, как только станут представителями или правителями народа, перестанут быть рабочими, Маркс отвечает: «Столь же мало, как ныне фабрикант перестает быть капиталистом потому, что он — гласный думы». И в заключение всей критики бакунинского построения Маркс замечает: «Если бы господин Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочим кооперативом, все его великолепные мечты пошли бы к чорту. Он должен был бы себя спросить: какую форму могут принять административные функции на основе этого рабочего государства, если ему угодно его так называть?».

Отмечая произвольную замену Бакуниным термина «сторонник научного социализма» термином «ученый социалист», Маркс правильно указывает, что слова «ученый социализм» никогда не употреблялись; термин же «научный социализм» употреблялись «только в противовес социализму утопическому, стремящемуся навязать народу новые бредни и выдумки, вместо того чтобы ограничивать область своего познания изучением социального движения самого народа» (при этом Маркс ссылается на свою книгу против Прудона «Нищета философии»).

Маркс готов признать, что некоторые возражения Бакунина применимы против «либкнехтовского народного государства, которое есть явный вздор», но не против положений «Коммунистического Манифеста», и продолжает: «Если обратить это против «Коммунистического Манифеста» и проч., это будет значить только: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому движется в политических формах, до известной степени тому присущих, он в это время еще не достиг своего окончательного строя и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут; отсюда г. Б. умозаключает, что пролетариату лучше ничего не предпринимать, а выжидать дня в с е о б щ е й л и к в и д а ц и и — страшного суда».

Наконец, по поводу похвальбы Бакунина, что именно анархисты своей полемикой против коммунистов довели их до сознания, что конечным идеалом общежития является свобода, анархия, организация снизу вверх и пр., Маркс насмешливо замечает, во-первых, что «Бакунин всего-

навсего перевел прудоновскую и штирнеровскую анархию на дикое татарское наречие», а, во-вторых, что его полемика «разумеется, появилась еще до моей книги против Прудона и до «Коммунистического Манифеста», и даже еще до Сен-Симона!».

Как мы видим, критика воззрений Бакунина, представленная нами в тексте нашей работы, во всем существенном вполне согласуется с замечаниями Маркса, к сожалению отрывочными и изложенными в эскизной форме (возможно, что они предназначались для будущей статьи). С другой стороны, эти замечания показывают, насколько современные коммунисты и в частности русские усвоили дух марксизма, и насколько политика нашей партии ВКП (б), проводимая ею в связи с Октябрьской революцией, полностью, вплоть до деталей отвечает воззрениям Карла Маркса, изумительно усвоенных Лениным, как показала вся его теоретическая и практическая деятельность.

К стр. 441.

Известно, что Достоевский в «Бесах», где он в издевательско-полицейском духе пытался представить дело нечаевцев, написал пародию на стихотворение Огарева, давши ей заглавие «Светлая личность». Но пропагандисты использовали это стихотворение Достоевского в своих целях, что заставило в 1874 году жандармов обратить на него запоздалое внимание. Об этом курьезном инциденте см. заметку Ю. Г. Оксмана «Судьба одной пародии Достоевского» в № 3 «Красного Архива» за 1923 г., стр. 301 — 303.

К стр. 444 и след.

Уже после того, как третий том был закончен печатанием, в наши руки попала еще одна прокламация из числа рассылавшихся Нечаевым. Она озаглавлена «Наша повесть (посвящено русским студентам)», подписана «Издатели Колокола», дает характеристику правительственной политики преимущественно в области школьного вопроса и кончается выражением уверенности в том, что «учащееся юношество во всяком случае естественно станет не со стороны полиции, а со стороны народа и наверно к народному вопросу не останется равнодушным». По всему содержанию этой листовки и по ее стилю видно, что она написана Н. Огаревым. За это говорит и то обстоятельство, что листовка представляет как бы сжатый конспект статей Огарева в герценовском «Колоколе», посвященных вопросу крестьянскому, судебному, земскому и т. д., и тот тяжелый, пересыпанный устарелыми речениями слог, которым обыкновенно писал Огарев. Наконец, за это говорит и подпись

листовки, которую употребить мог только Огарев (или Герцен, разумеется; но он к изданию прокламаций не имел отношения).

Листовке предпослан стихотворный заголовок. Это опять-таки в духе Огарева. Кстати, не подтверждает ли это обстоятельство высказанного нами (на стр. 453, прим. 2) предположения, что и стихотворные цитаты в № 1 «Народной Расправы» также принадлежат Огареву?

К стр. 488.

Тов. Г. Бакалов в статье «Русские друзья Христо Ботева», напечатанной в № 2 «Летописей Марксизма» за 1926 год (стр. 43—59), утверждает, что Нечаев был в Румынии два раза: первый — проездом в Москву в конце августа 1869 г., а второй — он прожил в Румынии около 10 месяцев (большую часть 1871 и часть 1872 года) под именами Ивана Ивановича и Гримарди Флореско. Во второй свой приезд он и «посвятил (Ботева) в рыцари революции». По словам Бакалова, именно в это время, «чтобы создать средства для революционной работы, Нечаев осуществляет так напугавшую Бакунина идею создания экспроприаторской четы и совершает вместе с Ботевым ряд экспроприаций в Браиле и Галаце» (источника этой информации Бакалов не указывает). В это время Нечаев, по словам Бакалова, ссылающегося на сообщение Ралли Е. Волкову (переданное последним на стр. 103 2-го издания своей книги о Христо Ботеве), бывал и в Бухаресте, где встречался с Л. Каравеловым, что видно из письма Нечаева к Бакунину, о котором Ралли рассказал Волкову.

Спрошенный нами по этому поводу М. П. Сажин выразил сомнение в этой вторичной поездке Нечаева на Балканы; во всяком случае, он о ней не помнит.

К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

К стр. 159.

Письмо Энгельса, вернее, официальное заявление его, как секретаря по итальянским делам при Генеральном Совете Интернационала, датировано 5 декабря 1871 г. и помещено в № 43 «La Roma del Popolo» от 21 декабря 1871 года. Оно представляет ответ на статью Маццини, напечатанную в № 38 «La Roma del Popolo». В этой статье Маццини, нападал, во-первых, на политический индифферентизм основателей французского Интернационала, а, во-вторых, на Бакунина за его речь на Бернском конгрессе Лиги Мира, в которой он требовал уравнения классов и личностей, отмены права наследования и пр. Энгельс явно воспользовался этой статьей Маццини для того, чтобы публично отгородиться от Ба-

кунина. Отведя пару-другую строк обвинению против первых французских интернационалистов, которое Энгельс напрасно об'явил «клеветническим», он затем переходит к Бакунину, которому и посвящена большая часть письма.

Приведя по «La Roma del Popolo» выдержку из речи Бакунина, Энгельс продолжает:

«Произнес ли гражданин Бакунин эти слова или нет, к нам это не имеет никакого отношения (non ci riguarda in nulla). Что же касается Генерального Совета, то необходимо констатировать следующее:

«1. Что эти слова, по указанию самого Маццини, были произнесены не на конгрессе Интернационала, а на с'езде буржуазной Лиги Мира и Свободы;

«2. Что конгресс Интернационала, собравшийся в Брюсселе в сентябре 1868 года, в особой резолюции высказался против упомянутого с'езда Лиги Мира и Свободы;

«3. Что гражданин Бакунин, когда он произносил эту речь, не был вовсе членом Интернационала [1];

«4. Что Генеральный Совет всегда оказывал сопротивление повторным попыткам заменить широкую программу Интернационала (сделавшую возможным допущение в его ряды приверженцев Бакунина) узкою и сектантскою программою Бакунина, принятие которой одним ударом исключило бы подавляющее большинство членов Интернационала;

«5. Что таким образом Интернационал не может ни в какой степени брать на себя ответственность за личные действия и заявления гражданина Бакунина»...

Маццини пытался в послесловии к этому письму опровергнуть заявления Энгельса, указывая между прочим на то, что женевская секция Альянса, об'явившая себя солидарной с программою Бакунина, была в июле 1869 года принята в Интернационал.

Конец.

---

[1] Здесь Энгельс ошибался: Бакунин был членом Интернационала с лета 1868 г. Но, повидимому, его вступление в женевскую секцию в июне или в июле 1868 года не получило широкой огласки, и его считали членом Интернационала только после выхода его из Лиги Мира и основания открытого Альянса, т.-е конца 1868 года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТОМАМ I — IV.

Составлен **Р. М. Брейнин.**

А.

Абеле ван ден, IV — 282.
Аввакум, IV — 455.
Авейде, Оскар, II — 87, 199.
Ага, см. Огарев, Н. П.
Агу д',баронесса (см. Стерн, Даниель).
Адельт, Е., I — 463.
Адлерберг, III — 454.
Адриан, IV — 164.
Адрианов, А. В., I — 487, 488, 495.
Аккола, Э., II — 373, 386.
Аксаков, Иван Сергеевич, II — 116, 136, 211, 263, 264, 325, 326.
Аксаков, Константин Сергеевич, I — 25, 32, 61, 62, 67, 72, 283. III — 454.
Александр I, император, I — 15.
Александр II, император, I—406, 407, 430, 432, 465—470, 474—480, 490—492, 497, 500, 501, 545. II — 39, 41, 43, 46, 54, 57, 66, 103, 108, 112, 113, 119, 149, 155, 157, 199, 203, 244, 245, 257, 259, 323. III — 262, 420, 428, 456, 494.
Александр III, император, I — 432.
Александров, Гр., II — 222.
Александров, IV — 224.
Александрова, IV — 224, 288.
Алексеев, В. П., II — 81.
Алексей Михайлович, царь, II—57, 82.
Алерини, III —28. IV — 19, 47, 107, 115, 150, 151, 164, 165, 198, 204, 269, 270, 273, 282, 283, 287, 290, 299, 300, 313.
Алибо, Луи, I — 400.
Альбаррасин, Северин, IV — 309.
Альбахес, IV — 107.
Альбер, I — 400. II — 373.
Альбертини, Николай Викентьевич, II — 68, 234.
Альфонс, IV — 398.
Амборский, Иван, II — 75.
Амедей Савойский, принц, III —89. IV — 16, 308.
Аметистов, Евлампий, III — 421—424.
Аметистов, Иван, III — 421, 423, 424.
Амфитеатров, А., IV — 417.
Анахарсис, I — 167.
Анахарсис, Клотц, I — 94, 167, 462.
Анджейкович, Юлий, I — 368.
Анджолини, А., II — 281, IV — 359.
Андреев, II — 377.
Андрие (прокурор), IV — 35, 36, 38, 49.
Андрущенко, II — 86.
Анкарсверд, граф, II — 255.
Анна Иоанновна, III — 206.
Анненков, Павел Васильевич, I — 25, 37, 51, 58, 195, 196, 202, 209, 221, 230, 231, 236, 237, 239, 249, 252, 264.
Антокольский, М., IV — 429.
Анфантен, Бартелеми-Проспер, I —172.
Аптекман, О., IV — 452.
Араго, Эммануель, I — 212, 305, 311. II — 27.
Араго, Этьен, I — 212.
Арелли, IV — 209.
Арсес д',Шарль, IV — 423.
Аристотель, II — 376.
Арним фон, Беттина, см. Брентано, Елизавета.
Аргольдт, Иван, II — 191.
Арнольд, доктор, I — 338, 347—353, 356. IV — 471.
Арну, Артур, IV — 146, 387, 392, 404, 412, 414, 419, 423, 429.
Арборе, см. Ралли, Замфир.
Асташев, I — 487, 488.
Астраков, Сергей Иванович, III — 440, 441.
Ауэрбах, Бертольд, I — 104.
Афанасьев, лейтенант, I — 557, 558.

Б.

Бабеф, Франсуа Эмиль (Гракх), I—94, 171, 172. III — 181, 370, 423.
Базаров, I — 208. II — 114.
Базилевский (Богучарский), В. Я., III—418.
Бакалов, Г., IV —478.
Бакст, Владимир Игнатьевич, II — 68, 282.
Бакунин, Александр Александрович, I — 15, 436—439, 464. II — 17, 18, 205, 215. IV — 430.
Бакунин, Алексей Александрович, I — 15, 52, 91, 129, 433, 464—466, 472, 482, 483. II — 20, 74. IV — 430, 433.
Бакунин, Александр Михайлович, I — 13, 15, 17, 19, 20, 27, 36, 159, 160, 433, 439, 447, 464.
Бакунин, Илья Александрович, I—438.
Бакунин, Карл Михайлович, IV—388, 416, 431
Бакунин, Николай Александрович, I — 15, 57, 131, 434—436, 445, 543—545, 548, 551, 552. II — 20, 74. IV — 430.
Бакунин, Павел Александрович, I—15, 16, 91, 96, 102, 103, 106, 109, 110, 121, 124, 128, 131—133, 137—139, 174, 175, 204, 260, 433, 434, 441, 446, 447, 465, 550. II — 8, 20, 312, 313, 355. III — 112, 450. IV — 430, 431.
Бакунина, Александра Александровна, I — 43, 44.
Бакунина, Анна, I — 436.
Бакунина, Антония Ксаверьевна, I—486, 487, 493—496, 552, 554, 556. II — 17—24, 51—53, 215, 223, 232, 255, 260, 266, 277, 286, 297, 299, 300, 318, 378. III — 410, 411, 415. IV — 59, 143, 144, 156, 175, 211, 324, 326, 334, 339, 341—345, 347—351, 364, 370, 372, 374, 376—382, 387, 388, 391—393, 415, 416, 419, 420, 425, 427, 428, 431, 434, 435, 437, 442.
Бакунина, Варвара Александровна, старшая, урожд. Муравьева, I —13, 160, 433, 435, 450, 464, 466—468, 471—473, 482, 484, 492. II — 261.
Бакунина, Варвара Александровна, младшая, I—17, 19, 35, 36, 40, 41, 87, 99, 102, 105, 106, 109, 127, 161, 433.
Бакунина, Варвара Михайловна, I — 18.
Бакунина, Евдокия Михайловна, I — 500.
Бакунина, Екатерина Михайловна, I — 464, 472, 473, 483, 488, 500.
Бакунина, Любовь Александровна, I — 25, 38, 41, 45, 434.
Бакунина, Наталья Семеновна, урожденная Корсакова, I — 550, 554. II — 8, 20—23, 74, 78, 80, 277, 278, 312. IV — 431.
Бакунина, Прасковья Михайловна, I — 488, 500.
Бакунина, Татьяна Александровна, I — 26, 27, 41, 43, 105, 130, 131, 134, 179, 422, 433, 435, 436, 441, 445, 446, 464, 465, 483. II — 437. IV — 430, 463.
Балашевич-Потоцкий, Юлиус-Александр Фабианович, II — 90, 135, 187—189.
Балашев, I — 174. IV — 1.
Бантинг, доктор, IV — 332.
Бардаков, I — 487.
Бардакова, I — 495.
Бардина, Софья, IV — 184, 213, 224, 288.
Барни, Жюль, II — 373, 378, 386, 413. IV — 22.
Барри, М., IV — 263.
Барсуков, Н., I — 558.
Бартелеми, III — 135.
Бартенев, Виктор, II — 433, 437, 441, 446. IV — 126.
Бартенева, II — 433.
Барятинский, I — 522.
Бастелика, IV — 19, 37—39, 42, 43, 47, 56, 78, 81, 112, 115, 135—137, 151, 154, 155, 269, 283, 301.
Бастид, Фредерик, I — 212.
Бастен, III — 374.
Баталыни, IV — 390, 423, 433.
Баулер, А. В., см. Вебер-Баулер, А. В.
Бах, М., I — 271.
Бахметьев, III — 442, 500, 538.
Бебель, Август, III — 108, 344, 379, 380. IV — 78, 136.
Бедуш, Жорж, II — 412, 413. III — 37. IV — 110, 111, 115.
Беер, Алексей Андреевич, I — 32.
Беер, Александра Андреевна, I—38—41, 57, 65, 85.
Беер, Наталья Андреевна, I — 29, 38, 40, 41, 65, 85, 87, 128.
Беер, I — 25, 106.
Безобразов, Николай Александрович, II — 69, 71, 296.
Бейдеман, М., I — 432.
Бейст фон, IV — 135.
Беккер, Август, I — 12, 140, 145, 146, 167, 168, 170, 174, 184, 204, 206. IV — 465.
Беккер, Иоганн-Филипп, I — 140. II — 328, 356, 373, 374, 384, 393, 396, 399, 418, 423, 426. III — 1, 2, 5, 7—9,

13, 14, 18, 23, 24, 44, 46, 61, 78, 80, 81, 107, 352, 354, 361, 370, 371, 379, 380, 406, 415. IV — 78, 80, 81, 124, 125, 130, 133.
Беклемишев, I — 506, 507, 513, 514, 516.
Бекман, II — 86.
Белинский, Виссарион Григорьевич, I — 14, 19, 26, 28, 31, 33, 37, 42, 45, 47, 51, 54, 55, 60, 64, 75, 91, 93, 95, 112, 121, 122, 207, 209, 529. II — 25, 110, 128. III — 149, 416. IV — 456—458.
Беллерио, Антуанетта, IV — 143, 371, 373, 380.
Беллерио, Карло, IV — 304, 307, 349, 393, 397, 411, 434.
Беллерио, Эмилио, III — 415. IV — 34, 43, 44, 52, 304, 307, 326, 331, 345—349, 351, 362—365, 370—373, 375, 377—379, 381, 382, 385, 389, 392, 393, 395—397, 402, 405, 410, 411, 415, 429, 433, 434.
Белоголовый, Николай Андреевич, доктор, I — 508—510, 529.
Белокриницкий, Павел, II — 61.
Бем, I — 319.
Бенардаки, Д. Е., I — 500, 501, 533, 541, 545.
Бенкендорф, А. Х., I — 159—162.
Беранже, Пьер-Жан, I — 174, 212.
Берарди, IV — 305, 369.
Берг, II — 61.
Берг, Н. В., писатель, II — 219, 231.
Березовский, II — 119. III — 463, 464.
Бернайс, I — 197, 203, IV — 465.
Бернацкий, Алоизий, I — 212.
Бернштейн, Г., I — 183, 197, 211.
Бернштейн, Э., I — 457. III — 43. IV — 277.
Бертани, Агостино, II — 288.
Бестужев, Николай Александрович, I — 182, 307.
Бетсин, IV — 444.
Беттина, см. Брентано, Елисавета.
Беттоли, Анджело, III — 413.
Бетховен, I — 16, 103, 124, 201. IV — 439.
Бзовский, I — 317 — 319.
Бибиков, I — 318.
Бибингтон, Джон, I — 319.
Бисли, профессор, IV — 46.
Бисмарк, Отто, II — 254. III — 129, 152, 153, 156, 239, 240, 344, 348, 380, 389. IV — 2, 9, 10, 47, 135, 319, 398, 401, 409, 410, 448.
Биццони, IV — 91, 155.
Бишоф, IV — 42.
Благосветлов, Григорий Евлампиевич, II — 86.
Блан, Гаспар, III — 89. IV — 3, 18, 19, 35, 37, 39, 47, 54—56, 114, 115, 118—120.
Блан, Луи, I — 171—173, 213, 245, 253. II — 10, 328, 373. III — 179, 180, 219, 423, 454. IV — 465, 466.
Блан, мадам, IV — 55.
Бланки, Огюст, II — 352, 448. III — 238, 369. IV — 61.
Бланш, II — 224, 226, 246.
Блинд, I — 196.
Блюм, Роберт, I — 366.
Блюммер, Леонид Петрович, II — 165.
Блюнчли, профессор, I—134, 136, 149, 157, 158, 162, 164. II—229.
Боборыкин, Петр Дмитриевич, II — 408.
Бобчинский, II — 239, 240.
Бовуар, IV — 38, 39.
Богучарский, Василий Яковлевич, I — 193. II — 7. III — 418, 422, 444.
Бокль, III — 150.
Боков, П. И., доктор, II — 86.
Больте, IV — 123.
Бонапарт, Жером, II — 179.
Бонольди, II — 178.
Боркгейм, Сигизмунд, I — 228—230, 331, 333, 404, 541, 542. II — 409. III — 8, 12, 13, 107, 329, 381, 383, 386—388, 390, 396, 400—409. IV—162.
Борн, Стефан, I — 265, 358, 365, 366.
Борнштедт фон, Адальберт, I — 235, 237, 265.
Боровой, А., I — 422—426.
Боррель, Энрико, IV — 99, 104, 108.
Боссак-Гаукэ, генерал, II — 270, 386.
Боссюэ, I — 20.
Ботев, Христо, III — 488. IV — 478.
Боткин, Василий Петрович, I — 33, 61, 62, 75, 78, 84, 85, 90, 93, 95, 121, 122, 202, 203. II — 10, 17, 18. IV — 458—461, 465.
Бочкарев, III — 422.
Бражевич, II — 182, 185.
Брайт, Джон, II — 370.
Брайтон, II — 47.
Бранденбург, генерал, I — 257.
Браницкий, Ксаверий, II — 216, 217, 241.
Браун, см. Слепцов, А.
Браунер, I — 272, 335.
Брауншвейгский, герцог, II — 231.
Бредло, III — 544, 545.
Брентано, Елизавета (Беттина фон Арним), I — 32, 139. II — 18.
Брисме, III — 371. IV — 282.
Бритто, II — 254, 255.

Бродский, Н. Л., II—117, 125. IV—458, 464.
Бройль, IV — 401, 411.
Брокгауз, II — 228, 229.
Броссэ, Франсуа, II — 418, 426. III—294, 352, 354, 367, 415. IV — 79, 82.
Брунцов, II — 236.
Брунбахер, Фриц, I — 167, 264, 417, 457. II — 304, 311. III — 50, 267. IV — 121.
Брусс, Поль, III — 189. IV — 121, 300, 313, 440, 444, 445.
Брут, I — 400.
Брык, IV — 460.
Будберг, Андрей Федорович, II — 136, 251.
Булевский, Людвиг, II — 131.
Бунаков, Н. Ф., II — 86.
Буонаротти, Филипп-Мишель, I—171, 172. II — 334, 349. III — 423, 426.
Бурберо, IV — 455, 456.
Бурцев, Владимир Львович, II — 65.
Буске, IV — 273.
Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич, см. Петрашевский, М. В.
Бутовский, II — 92.
Бутурлин, А. В., IV —224, 288, 417.
Бюло, II — 143.
Бюлов, I — 203.
Бюркли, II — 386.
Бюттнер, Гуго, II — 412.
Бюффе, IV — 411.
Бюхнер, А. Л., II —373, 376.
Бюхнер, Георг, I — 114, 146.

В.

Вагнер, Рихард, I — 17, 365. IV — 439.
Вайян, Эдуард, IV — 137, 267.
Валленштейн, II — 216.
Валлес, Ж., II —373.
Валуев, П. А., II —264.
Вальтер, см. Эддегем-ван.
Вальцания, IV — 360.
Варлен, Э., II — 397. III — 368, 370, 377, 378. IV — 18, 20, 78, 102, 111—112, 283.
Варнгаген фон-Энзе, I — 311. II —298.
Варнебольд, III — 403.
Варшавский, князь, I — 318.
Васильчиков, I — 514.
Ватке, Иоганн-Карл, I — 100.
Ваховская, IV — 224, 288.
Вебер-Баулер, А. В., I — 494. IV — 362, 385, 391, 406, 407, 412, 415, 418—421, 424, 435—437, 446.
Вебер, I — 319.
Вебер, Гиларий Антонович, I — 549, 556, 557.
Везинье, П., III — 140. IV — 282.
Вейль, II — 334.
Вейс, Гвидо, II — 377. III — 386, 407.
Вейтлинг, Вильгельм, I — 140, 143—148, 152—155, 157—159, 162—164, 168. III — 135, 261. IV — 464—466.
Велепольский, А., маркиз, II — 150, 151.
Венгеров, Семен Афанасьевич, I — 31, 56, 64.
Вендель, Герман, IV — 466, 467.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович, I — 28, 32.
Вердер, I — 98, 100, 101, 114, 121.
Вери, П., III — 352.
Верморель, III — 395, 458.
Веррейкен, II — 374. IV — 137.
Версиньи, II — 386.
Вертгейм, III — 379, 380.
Веселитский, Г., II — 68.
Ветошников, Павел Александрович, II — 49, 63.
Веттергоф, II — 249.
Виганд, Отто, IV — 462.
Виктор-Эммануил, III — 152. IV —11, 135, 397.
Викторов-Топоров, В., IV — 226, 227.
Виллис, Ромео, I — 319.
Виллих, Август, I — 196, 250.
Вильгельм I, I — 258. IV — 11, 146, 401.
Виндишгрец, Альфред - Фердинанд, князь, I — 257, 286, 288, 289, 316, 321, 331, 334.
Виноградская, П., III — 240. IV —125.
Виньяс, Гарсиа, IV — 101, 107, 108, 300, 308, 313.
Виссельгрен, Х., II — 223.
Витали, А., IV — 366.
Виттиг, доктор, I — 355, 357. IV—268.
Витязев, П., III — 32.
Вишар, IV — 269.
Воейкова, Мария, I — 22, 23, 38.
Волков, Е., III — 418, 488. IV — 478.
Волков, Ю. А., I — 542, 543.
Волконский, М. С., I — 558.
Воловский, Луи, I — 212.
Волховский, Феликс, III — 425.
Вольтер, Франсуа-Мари, I — 166. II—63, 119. III — 132, 166. IV — 265.
Вольф, Вильгельм, I — 196, 265, 457. II — 305. III — 106, 107.
Воронов, Н. И., II — 49, 130.
Ворцель, Станислав, I — 451, 454, 457. II — 13.
Вотье, Октав, III — 138.
Врангель, Н., барон, II — 377.
Вронченко, Федор Павлович, I — 319.
Врублевский, IV — 270, 272.

Вырубов, Григорий Николаевич, I — 47, 125, 493. II — 26, 27, 120, 121, 137, 317, 318, 329, 331, 347, 373, 376, 384, 391, 407, 408, 413, 420, 421. III — 143.
Высоцкий, Иосиф, I — 207. II — 191.

Г.

Габрини, IV — 423.
Габсбурги, I — 270.
Гавирати, Паоло, IV — 328, 331, 381, 390, 411, 433.
Галли, IV — 329.
Гамбаров, А. И., III — 418, 419, 423, 425, 426, 429, 432, 439, 446, 450, 452, 454, 455, 460, 463, 479, 480, 493, 498, 507, 508, 521, 522, 523.
Гамбетта, III — 206. IV — 25, 26, 29, 32, 35, 41, 60, 90, 150.
Гамбуцци, Карло, I — 494. II — 316, 321, 330, 335, 336, 368, 369, 371, 386, 426, 429, 434, 437, 443, 444. III — 225, 354, 367, 410—412, 415, 416, 526. IV—3, 23, 63, 78, 81, 87—91, 117, 143, 155—157, 187, 342, 344, 374, 381, 420, 423, 429, 433—435, 437.
Ганка, II — 35.
Гарибальди, Джузеппе, I — 547. II — 8, 34, 48, 49, 199, 277, 284—290, 295, 296, 314—316, 321, 328, 329, 335, 336, 352, 373, 376, 385. III — 94, 285, 334, 390, 391. IV — 46, 90, 94—96, 166—168, 172, 173, 299, 360.
Гарибальди, Менотти, II — 284.
Гарибальди, Риччиотти, II — 284.
Гарридо, Фернандо, II — 10, 308, 328, 330, 447. IV — 96, 99.
Гартман, Эдуард, IV — 438.
Гасфорд, I — 491, 492, 545.
Гаткевич, I — 557.
Гатцук, А. А., I — 122.
Гвалтерио, Марк, I — 226. II — 322, 324.
Ге, Н. Н., II —293, 298, 301.
Гебер, Жак-Ренэ, I — 94.
Гебрихт, I — 313.
Гегг, Арманд, II — 373, 386, 413. III — 374. IV — 22.
Гегель, Георг - Вильгельм - Фридрих, I — 26, 45—54, 56, 58, 59, 62, 76, 85, 96, 98, 100, 108, 113, 114, 121, 124, 166, 191, 199, 201, 208, 367. II — 317. III — 142—144, 153, 157, 169, 446. IV — 456, 457.
Гейбнер, Отто, I — 357, 361, 365, 378, 380, 381.
Гейнбергер, I — 352.
Гейне, Вильгельм, II — 2.
Гейне, Генрих, I — 48, 165, 183.
Гейнце, I — 358, 363, 364, 378.
Гекзамер, I — 336—338, 347.
Геккер, Фридрих-Карл, I — 196.
Гельтман, Виктор, I — 353, 355, 361, 362, 374, 378. IV — 467.
Генон, IV — 36, 42, 45.
Генрих IV, I — 400.
Гепнер, IV — 261, 267.
Герард, IV — 282.
Гервег, Георг, I — 125, 126, 129, 134—136, 138, 145, 147, 149, 159, 165, 174, 183, 185, 197, 203, 206, 213, 220, 234, 237, 239, 240, 247—250, 259—262, 264, 265, 303, 314—316, 340, 341, 359, 388, 529. II — 214, 312. III — 464. IV — 462, 465.
Гервег, Марсель, II — 312.
Гервег, Эмма, I — 96, 135, 136, 174, 240, 259, 417.
Герман, IV — 137, 263.
Герцен, Александр Александрович (Юниор), II—2, 3, 10, 93, 96, 127, 129, 130, 136—138, 141—144, 216, 227, 234, 243, 246, 247, 249—251, 300, 301. III — 442, 500, 501, 522. IV — 144, 252, 398, 405, 417.
Герцен, Александр Иванович, I — 16, 22, 28, 32, 37, 39, 47, 48, 50, 51, 53, 60, 62—64, 72—74, 76, 79, 88—94, 99, 100, 103, 107, 112, 114, 115, 120, 121, 124, 129, 136, 138, 151, 158, 181, 185, 186, 188, 195, 198, 200, 201, 204, 206—209, 215, 220, 226, 228, 231, 232, 241, 266, 274, 281—284, 294, 295, 299, 306—309, 328, 348, 358, 359, 364, 380, 381, 387, 390, 395, 398, 402, 406, 407, 409, 425, 435, 451—459, 464—466, 470, 493, 494, 502—506, 508—511, 516—518, 521, 522, 524, 526, 527, 529—531, 536, 537, 539, 541, 545, 547, 553, 556. II — 1—4, 7—15, 17—22, 25—27, 29, 30, 32, 34, 36—49, 55—66, 68—70, 73, 76, 77, 79, 81—83, 85—94, 97, 98, 100, 101, 103, 104, 106—110, 112, 114—147, 154—157, 162—164, 166, 168, 169, 175, 181, 183—187, 189, 191—194, 200, 201, 203, 204, 209, 211, 215—218, 222, 230—234, 238, 239, 241—243, 245—248, 250, 251, 262—265, 268—270, 272, 273, 277, 279, 283, 288, 292, 299, 301, 302, 309, 317, 319—321, 324—326, 328—330, 342, 343, 353, 354, 356, 357, 360, 366, 369, 373, 408, 409, 411. III — 6, 7, 10, 41, 45, 135, 137, 138, 143, 149, 150, 171, 179, 180, 182, 189, 260, 268, 269, 303, 307,

310, 311, 315, 316, 319, 320, 324—326, 328, 336, 377, 378, 383, 387, 393—396, 398—400, 403—405, 407, 409, 410, 413—415, 430, 433, 440—442, 444, 446, 448, 450, 451, 457, 484—486, 488, 499—504, 511, 522, 524, 527, 528, 533, 538, 539, 549. IV—13, 52, 53, 130, 144, 213, 457, 463.
Герцен, Елизавета (Лиза) (Огарева), II — 128. IV — 213.
Герцен, Наталия Александровна, младшая, II — 140, II — 442, 499, 500, 502—507, 522, 527, 528, 535—537, 542, 546, 549.
Герцен, Наталия Александровна, старшая, см. Огарева-Тучкова, Н. А.
Герцен, Ольга Александровна, III — 505.
Герцони, II — 284.
Гершензон, Михаил Осипович, II — 377.
Гесс, Моисей (Мориц), I — 174, 183, 228—230, 293, 333. III — 107, 328, 329, 343, 346—348, 371, 381, 385, 386, 388—396, 398, 400, 407. IV — 161, 162, 178, 407, 466.
Гессен, И., II — 4.
Гета, II — 418. III — 1, 24, 356, 412. IV — 72, 77.
Гете, Иоганн-Вольфганг, I — 32, 53, 55, 58, 59, 103. II — 140.
Гибихт, I — 388.
Гизо, Франсуа-Пьер, I — 225, 227, 229, 233, 241, 294, 296, 345, 374, 455.
Гиллер, Агатон, II — 177, 193, 196.
Гиллерме, IV — 39.
Гильом, Джемс, I — 7, 9, 10, 294, 295, 336, 364, 469. II — 5, 119, 121, 130, 279, 306, 318, 336, 375, 380, 382, 398—401, 429, 443, 448. III — 2, 12, 14, 16—18, 23, 24, 27—38, 41, 42, 46, 50—52, 55, 99, 108, 117, 144, 153, 165, 183, 201, 234, 243, 264, 288, 292, 345, 352, 354—356, 361—364, 367, 368, 371, 373, 376—378, 386, 392, 403, 410, 411, 415, 435, 509, 511, 518, 520, 546, 549. IV — 3, 4, 7, 8, 19, 22, 34, 38, 39, 43, 49, 58, 59, 64, 70, 71, 73—75, 77—79, 81—86, 93, 100, 102, 103, 111, 114, 115, 136, 143, 145—149, 153, 155, 156, 164, 165, 173, 176, 177, 183, 187—190, 192—196, 198, 201, 202, 208, 222, 237, 240, 241, 243, 248, 255, 258, 261, 265, 267, 270—278, 282—285, 287—291, 295, 296, 300, 311—313, 320, 323, 324, 326, 343, 344, 347, 349, 351, 353—356, 361, 363—365, 373, 374, 376, 377, 379, 382—387, 391, 395, 396, 400, 401, 405, 406, 408, 424, 427, 437, 440, 444, 445, 449.
Гинзбург, IV — 213.
Гинс, III — 368, 369, 376. IV — 77, 78, 121.
Гиппократ, III — 463.
Глазер, IV — 183.
Глинка, Федор Николаевич, IV — 457.
Гогель, Николай Васильевич, III — 423.
Гоголь, Николай Васильевич, I — 122, 123, 505. II — 220.
Годвин, Вильям, III — 132, 191, 201, 211.
Голицын, князь, II — 54.
Головачева-Панаева, Евдокия Яковлевна, I — 75, 209, 210. IV — 463.
Головин, Иван Гаврилович, I — 136, 162, 179, 180, 196, 197, 211, 242, 395, 402, 448—452, 454, 457—459, 461. II — 33.
Гольденберг, Лазарь, I—397. IV—239.
Гольдсмит, И., IV — 258.
Гольдсмит, С., IV — 258.
Гольстейн, Владимир Августович, II — 425. III — 29, 31, 59, 436, 477. IV — 198, 205—208, 210, 211, 216, 221, 224, 230—234, 238, 239, 242, 288, 290, 298, 313.
Гомис, Сельзо, IV — 106.
Гончар, Осип, II — 63.
Горохов, В. А., II — 359. III — 484. IV — 130.
Горчаков, князь, I — 450, 465, 472. II — 154, 257, 266. III — 428.
Гото, I — 100.
Готорн, Н., IV — 461.
Гофман, I — 32.
Грановский, Тимофей Николаевич, I — 33, 58, 61, 62, 96, 98, 207, 529. II — 110. III — 149, 150.
Грейлих, III — 391. IV — 220.
Грибоедов, Александр Сергеевич, I — 195.
Григорий VII, III — 195.
Гринвальд, генерал, II — 254.
Грильпарцер, I — 270.
Грослен, III — 367, 369. IV — 69.
Гросман-Рощин, И., I — 422.
Грюн, Карл, I — 199, 203. II — 373, 377, 386. IV — 405.
Грюнберг, II — 310, 396. III — 61, 78, 421. IV — 193, 207.
Губернатис, профессор, I — 65, 66. II — 294—296, 323, 421.
Гудсон, Джон- И., I — 319.
Гулевич, II — 86.
Гурьев, А. Д., граф, II — 39.
Гуттри, Александр, II — 219, 220.

Гэд, Жюль, II — 208. III — 219. IV — 83, 121, 143, 145, 300.
Гюго, Виктор, II — 373.

Д.

Дав, Виктор, I — 294, 457. III — 38. IV — 281, 282, 313.
Дальман, II — 246.
Дамон, IV — 110.
Даниловић, II — 26.
Даниельсон, Николай, III — 48, 496, 497. IV — 272, 278.
Данић, IV — 226, 230.
Дантон, Жорж-Жак, I — 253, 416. III — 98, 253. IV — 31.
Дантрег, см. Сварм.
Дауге, III — 41, 169.
Дашков, граф, I — 246, 249, 250, 252, 253, 255, 256, 266.
Дебогорий-Мокриевич, Владимир Карпович, III — 256, 262, 276, 489. IV — 59, 215, 244, 335, 337.
Дежак, Джозеф, III — 135—137, 139, 140, 166, 262.
Дейч, Лев Григорьевич, I — 424. II — 298.
Делеклюз, III — 219, 394, 395, 400. IV — 61.
Дембинский, Генрих, I — 320.
Демулен, Камилл, I — 253, 462.
Демонтович, Иосиф, II — 129, 131, 166, 169, 178, 216, 225, 231, 236, 237, 239—243, 246, 251, 253, 270, 302, 309.
Дентю, III — 394.
Депап, Цезарь, см. Пап, Цезарь де-Дерби, I — 455.
Дерер, С., III — 371.
Дестер, I — 336—338, 347.
Джинелли, Андреа, II — 298, 321.
Джонс, Эрнст, I — 461.
Дидро, Дени, III — 132, 149.
Добролюбов, Николай Александрович, I — 530. II — 78, 114, 115, 357, 360. III — 320. IV — 458.
Долгов, III — 488.
Долгоруков, П., князь, I — 464, 471, 472, 474, 475, 481, 497, 498, 501, 502, 545, 546. II — 78, 256. IV — 37.
Долгорукова, Е. А., княгиня, II — 19.
Дольфи, Джузеппе, II — 290, 291, 300, 373.
Доманико, Джованни, II — 281, 337. IV — 87.
Домбровский, Ярослав Викторович, II — 190. IV — 47.
Донадзу, Рубау, IV — 99, 100, 106.
Донскова, IV — 235.
Достоевский, Федор Михайлович, III — 260. IV — 478.
Драгоманов, Михаил Петрович, I—65, 117, 226, 231, 504, 511, 530, 537. II — 3, 66, 97, 100, 105, 109, 128, 130, 202, 236, 242, 244, 411, 433, 437. III — 40, 41, 326, 328, 396, 436, 441, 442, 444, 445, 474, 480, 499,—501, 503, 526, 540, 543, 546, 549. IV — 3, 56, 157, 217, 221, 223, 228, 230, 233, 234, 240, 251, 253, 311, 312, 362, 371, 385, 391, 398.
Драмис, II — 330, 424. IV — 87.
Дружинин, Александр Васильевич, IV — 459.
Дубельт, Леонтий Васильевич, I — 313, 324, 325, 367, 391, 393, 428, 463, 468. II — 262.
Дувинг, I — 554.
Дюваль, Теодор, II — 418. III — 1, 24, 239, 356, 412, 415. IV — 72, 77.
Дюгамель, генерал-майор, I — 318.
Дюпанлу, III — 391. IV — 401, 411.
Дюпон, Э., II — 374, 382. III — 108.
Дюпра, Паскаль, I — 213.
Дюмартре, Ф., IV — 114.
Дюрье, I — 212.
Дюфор, IV — 135.
Дюшатель, Шарль-Мари, граф, I—12, 226, 227, 233, 296, 306, 345.
Дьяков, Н. Н., I — 40, 41.
Дьякова, Варвара Александровна, см. Бакунина, Варвара Александровна, младшая.

Е.

Евгения, франц. императрица, IV—23.
Езерский, III — 420.
Екатерина II, императрица, I — 13. II — 244. III — 272.
Екатерина Павловна, великая княгиня, I — 15.
Елагин, Н. А., I — 433.
Елагины, I — 96.
Елачич, см. Иелачич.
Елизар, Жюль-Бакунин, Михаил.
Елена Павловна, великая княгиня, I — 472.
Елисеев, Григорий Захарович, II—86.
Ель, Е. IV — 211, 320, 321, 440, 443.
Ершов, А., II — 102.
Ефремов, I — 32, 140. IV — 458.

Ж.

Жакляр, Виктор, II — 412, 413, 426. IV — 35, 36.

Жан, IV — 47, 60.
Жебровский, II — 167.
Жданов, Семен Романович, II — 79.
Жеманов, Семен Яковлевич, II — 356, III — 421. IV — 126, 417.
Жеффруа, Г., III — 238.
Жирарден, Эмиль, I — 212.
Жорес, Жан, III — 261.
Жорж Занд, см. Занд, Жорж.
Жотран, I — 234.
Жук, см. Жуковский, Н. И.
Жуковский, генерал, II — 23.
Жуковская, Аделаида Степановна, II — 356.
Жуковский, Николай Иванович, II—19, 55, 93, 94, 356, 359, 360, 363, 364, 371, 386, 392, 395, 396, 412, 413, 418, 426, 427, 433, 435, 437, 441, 443, 446—448. III — 2, 18, 28, 29, 34, 42, 63, 117, 365, 415, 437, 502, 505, 544, 546. IV — 47, 57, 58, 77, 78, 80, 83, 85, 86, 126, 132, 143, 151, 154, 155, 165, 205, 243, 262, 270, 271, 273, 278, 407, 417, 444, 445.

З.

Забелло, Пармен Петрович, II — 293.
Забицкий, IV — 137.
Завалишин, Д. И., I —502, 511, 513, 515—521, 523.
Загорский, Ян, II — 316, 317, 331, 386, 388, 412, 418, 426. III — 1, 2. IV — 126.
Загоскин, Михаил Васильевич, I—504.
Зайлер, Себастьян, I — 145, 146.
Зайцев, Варфоломей Александрович, III — 276. IV — 144, 145, 155, 156, 205, 233, 237, 250, 251, 298, 303—307, 328, 329, 331, 336, 344, 370, 406.
Зайцева, IV — 338.
Закревский, Арсений Андреевич, I — 258.
Замойский, Андрей, II — 207.
Занд, Жорж, I — 138, 139, 151, 171, 174, 176, 213, 226, 289—292, 295, 298, 302, 304, 452. II — 11, 12.
Зайчневский, П. Г., II —81.
Засулич, Вера Ивановна, III — 418, 423, 428, 432, 443, 467, 491, 494.
Земминг, I — 365.
Зигмунд, Эмма, см. Гервег, Эмма.
Зиновьев, Г. Е., I —475.
Зольгер, Рейнгольд, I — 12, 147, 174, 175, 185, 186, 205, 206. II — 2, 3.
Зорге, Ф. А., III —41, 107, 169. IV—94, 161, 162, 194, 260, 262, 265, 274, 313.

И.

Иванов, III — 434, 464, 489—494, 500, 509, 517, 519.
Иванов-Разумник, I — 93.
Иглесиас, Пабло, IV — 108, 189.
Игнатьев, Николай Павлович, I—505, 506, 530—532, 540.
Идельсон, IV — 213, 224, 252.
Иекк, Густав, III — 21.
Иелачич, бан, I — 255, 311, 316, 338. IV — 469.
Иерт, II — 226.
Изабелла, королева, III — 354. IV—16, 398.
Извольский, П., I —540, 555.
Ильинский, Л., I — 422.
Иованович, II — 26. IV — 226.
Иречек, I — 287.
Ишутин, Николай Андреевич, III—421.

К.

Каблиц, IV — 214.
Кабэ, Этьен, I — 171—174, 184, 185. III — 179, 180, 454.
Кавалотти, IV — 90.
Кавелин, Константин Дмитриевич, I — 530, 553, 555. II — 41, 70, 81, 123, 129, 133, 147, 199.
Кавеньяк, Эжен, I — 213, 257.
Казимирский, I — 489, 491.
Кайданов, Иван Кузьмич, II — 27.
Калеха, И., IV — 189.
Калинка, Валериан, II — 235, 241, 242, 253.
Калура, Берти, II — 290. IV — 91.
Камэ, IV — 155, 288, 290, 300.
Каменев, Л. Б., I — 11, 186.
Кант, Фридрих-Эммануил, I — 26, 28, 33, 47, 50, 55. III — 148.
Кантагрель, II — 373.
Кантор, Р., II — 89. III — 428. IV—54.
Каплинский, II — 191.
Капоруссо, II — 330. III — 368. IV — 87—89.
Капп, Фридрих, II — 2.
Каравелов, Любен, III — 438, 462, 488. IV — 133, 479.
Каравелов, Петко, III — 438.
Каракозов, Дмитрий Владимирович, II — 112, 113, 293. III — 262, 420, 421, 463, 464, 482, 538.
Карамзин, Николай Михайлович, I — 34.
Кард, см. Цверцякевич, Иосиф.
Карелин, А., III — 443, 480.
Каренин, Владимир, II — 223, 224.
Карлейль, Томас, III — 423.

Карл XV, II — 223, 224.
Карлос, IV — 398.
Карпь, II — 288.
Картуш, II — 129.
Касаткин, Виктор Иванович, II — 239.
Каспри де, I — 557.
Кассо, III — 349.
Кастеляр, IV — 308.
Касьянов см. Аксаков, И. С.
Катков, Михаил Никифорович, I — 40, 78, 85—88, 90, 91, 93, 488, 514, 520, 532—542, 545. II — 52, 79, 116, 118, 134, 135, 174, 263, 265, 324, 325. III — 467. IV — 457, 458.
Каткова, Е. Н., IV — 423.
Каульбах, Вильгельм, I — 104.
Каутский, Карл, III — 249.
Кафиеро, Карло, I — 59. II — 298, III — 32, 144, 145, 309, 416. IV—89, 94, 145, 159, 163, 164, 174—177, 180, 181, 183, 242, 248, 270, 283, 285, 287, 288, 290, 297—299, 311, 320, 323—326, 338—351, 356, 360—365, 371, 391, 393, 394, 396, 399, 400, 420, 424, 426—429, 433, 445.
Кафиеро, Олимпиада, II — 298. IV — 145, 174, 327, 339, 340, 343, 344, 347, 366, 370, 390, 406, 427, 428.
Каховский, Петр Григорьевич, I—182.
Квадрио, Маурицио, IV — 90, 94.
Квантэн, Э. Ф., II — 129—131, 249, 250.
Квятковская, Антония Ксаверьевна, см. Бакунина, Антония Ксаверьевна.
Квятковская, Софья, см. Лозовская, Софья.
Квятковская, Юлия, IV — 180.
Квятковские, II — 51.
Квятковский, Ксаверий Васильевич, I — 484, 486, 487, 495, 501. II — 260. IV — 334, 342, 345, 348, 351, 370, 387, 390, 428—431, 434.
Келлер, Шарль, II — 412.
Кельсиев, Василий Иванович, II — 2, 3, 44—48, 55, 57—64, 76, 77, 84, 87, 96, 131, 164, 179, 191, 192, 234.
Кеннериц, I — 203.
Кератри, IV — 32.
Кердеруа, Эрнест, III — 135, 137—139.
Кесслер, I — 203.
Кетчер, Николай Христофорович, IV — 459.
Кехли, IV — 465.
Киарини, IV — 299.
Киеза, Ремиджо, IV — 156, 328, 331, 346, 410, 411.
Кинэ, Эдгар, I — 171, 213. II — 373.
Киреевские, I — 61, 62, 283.
Киреевский, I — 61, 62.
Кирилл, митрополит, II — 62.
Киселев, Николай, I — 225, 226, 228, 229, 294, 295, 345, 532. II — 322. III — 347.
Клапаред, Эдуард, I — 289.
Кларис, А., IV — 83, 143, 146, 174.
Клейнмихель, Петр Андреевич, I — 528.
Клотц, А., см. Анахарсис Клотц.
Клюзере, генерал, II — 397. III — 239. IV — 35, 42, 43, 45, 47, 50, 62.
Клюшников, Иван Петрович, I — 32.
Кляпка, генерал, II — 287.
Клячко, Юлиан, II — 100.
Кноббе, II — 262.
Княжевич, Александр Максимович, I — 500, 541.
Кобден, Ричард, I — 455. II — 47.
Коваленский, А. О., II — 317.
Коваленский, В. О., II — 317, 356.
Ковалик, Сергей Филиппович, IV — 214, 216.
Ковальский, II — 62.
Кованько, Михаил Михайлович, I — 23.
Кожич, IV — 226, 227, 230.
Козакевич, I — 558.
Козьмин, Б. П., I — 422. II — 81, 102. III — 418, 419, 476, 479.
Колачевский, III — 489.
Колетт, III — 390.
Коллен, III — 378.
Колышкин, III — 428.
Кольб, IV — 400, 404.
Комб, IV — 19, 55, 56, 115.
Комиссаров, III — 113.
Кон, III — 386. IV — 137, 158.
Конарский, Симон, граф, I — 231.
Консидеран, Виктор, I — 172, 213.
Константин Николаевич, великий князь, I — 525. II — 50, 53, 80, 207. III — 262.
Конт, Огюст, I — 47, 173. II — 317. III — 143, 144, 158, 180, 414.
Коппе, I — 313.
Кордова-и-Лопес, IV — 100, 106.
Корнелиус, Петр, I — 104.
Корнилов, Александр Алексеевич, I — 8, 11, 12, 30, 37, 40, 48, 98, 101, 105, 108, 111, 126, 134, 136, 141, 142, 174—176, 179, 182, 217, 422, 426, 442, 466, 483, 500.
Корнилова, Е., II — 436.
Корсаков, Михаил Семенович, I — 493, 500, 501, 507, 508, 515—517, 541, 543, 545, 552, 554—557. II — 23, 52, 54, 123.
Корсакова, Наталья Семеновна, см. Бакунина, Наталья Семеновна.
Корш, Евгений Федорович, I — 530. IV — 459.

Коссидьер, Марк, I — 241, 243, 245, 247. II — 27.
Коссиловский, II — 201, 205, 207.
Коссовский, Владислав, II — 87, 199.
Коста, Андреа, III—189. IV—181, 183, 287, 288, 290, 301, 338, 354—356, 358—361, 365, 366.
Косцельский, Иосиф, I — 293.
Котюхов, I — 556, 557.
Коуэль, Степней, см. Степней Коуэль.
Кошелев, Александр Иванович, II—172.
Кошут, Людвиг, I — 277, 346, 361, 455, 456. II — 292, 328.
Кравчинский-Степняк, Сергей, IV—239, 244, 402, 423, 424, 426.
Краевский, Андрей Александрович, I — 98. II — 324, 325.
Краллан, Вильям, I — 319.
Красноперов, Иван, II — 101, 102.
Красов, В. И., I — 32.
Кремер, II — 386.
Криге, Герман, I — 193, 238.
Кромвель, Оливер, I — 92.
Кромптон, I — 319.
Кропоткин, А. А., IV — 208, 255.
Кропоткин, П. А., II — 5, 199, 380, 381, 431. III — 92, 93, 383. IV — 208, 255, 354, 424.
Крыжановский, I — 353, 355, 361, 362, 374, 378. IV — 467.
Крылов, Иван Андреевич, I — 399. IV — 212.
Крюгер, III — 374.
Крюднер, I — 159.
Кубалов, Б., I — 487, 502, 545, 554. II — 52.
Кугельман, Л., I — 197, III — 107, 402, 403. IV — 130, 260, 261.
Кузен, Виктор, I — 54, 118.
Кузнецов, III — 475, 492.
Кукель, Болеслав Казимирович, I — 527. II — 48, 51—54.
Кукульевич, I — 272.
Куллери, доктор, III — 354, 356, 359. IV — 71.
Кульман, I — 146.
Кульчицкий, Л., III — 476.
Кулябко-Корецкий, IV — 255.
Кунен, IV — 137, 282.
Куно, I — 117. III — 28, 49, 86, 134. IV — 121, 123—125, 180, 181, 200, 269.
Курно, IV — 137.
Курочкин, Василий Степанович, II—86.
Курочкин, Николай Степанович, II—86, 293.
Кутузова, Олимпиада, см. Кафиеро, Олимпиада.
Кюльветер, I — 311.

Л.

Лаблаш, Луджи, I — 104.
Лавров, Петр Лаврович, II — 27, 86, 189. III — 32, 43, 47, 48, 161, 532. IV — 127—129, 213—215, 227, 229, 236, 244—254, 256—258, 304, 305, 398, 418, 445, 447, 453.
Лаврова, С. Н., IV — 208, 224, 235.
Лаговский, I — 432.
Ладендорф, II — 404, 407.
Лазар, Бернар, III — 145. IV — 8.
Лакруа, II — 143.
Лаланд, Жозеф-Жером, I — 75.
Лаллерстадт, доктор, II — 249.
Ламартин, Альфонс де, I — 253, 268, 294, 345, 384.
Ламберт (отель), II — 274.
Ламменэ, аббат, I — 102, 174, 212.
Ланге, Ф.-А., II — 386.
Лангевич, Мариан, II — 173, 191, 218.
Ланглуа, III — 369.
Ландо, Микеле, IV — 357.
Ландрен, II — 397.
Ланкевич, Валентин, II — 443, 448. IV — 34, 37, 49, 54—56, 126.
Лапинский, Теофил, II — 128, 131, 164, 178, 185, 186, 215, 218—220, 225, 228, 230—236, 238—244, 254, 263, 269, 288.
Лассаль, Фердинанд, I — 293. II—145, 352. III — 129, 152, 182, 220, 240, 244, 245, 278, 284, 285, 348, 350, 388, 392. IV — 125, 128, 404.
Лауниц, фон-дер, II — 64.
Лафарг, Поль, II — 279, III — 31, 41, 49, 52, 54, 57, 59, 60, 62, 107, 121. IV — 100, 101, 184—188, 190—192, 200, 201, 262, 263, 265, 270.
Лафонтен, Жан де, III — 214.
Лебедев, Н., II — 430, 431. IV — 91.
Леблан, А., IV — 61.
Левашев, граф, III — 475.
Левашева, Ольга, II — 356, 359, 446. IV — 133.
Левис, Марк, I — 319.
Ледрю-Роллен, Александр-Август, I—245, 375, 376. II — 328. III — 135, 395.
Ледуховский, граф, I — 268.
Лелевель, Иоахим, I — 162, 230—232, 234. II — 148.
Леметр, Ф., IV — 22.
Лемке, М., I — 195, 207, 208, 307, 380, 390, 464, 503, 504, 511, 547. II — 8, 34, 39, 46, 48, 53, 63, 65—67, 71, 79, 81, 85, 89, 93, 102, 127, 130, 135, 186, 187, 189, 190, 222, 238, 242, 283. III — 399, 442.
Лемонье, II — 413.

Ленин, Н. (Ульянов, В. И.), I — 458. III — 324. IV — 67, 478.
Лео, Андрэ, IV — 146, 423.
Леонов, Геронтий, I — 463.
Леонтьев, Павел Михайлович, II—79.
Лермонтов, Феофан Никандрович, IV — 198, 207, 209, 215, 224, 233—236, 418.
Леру, Пьер, I — 151, 171, 174. II — 373. IV — 465, 466.
Лессинг, Готгольд, I — 55.
Лесснер, Ф., II — 303. III — 107, 109, 370, 374.
Лефансе, IV — 36, 83, 150, 290, 417.
Лешдич, I — 391.
Либельт, Карл, I — 279.
Либкнехт, Вильгельм, I — 228, 229, 308, 532. III — 13, 107, 108, 344, 348, 371, 375, 379—387, 389, 390, 396, 397. IV — 78, 136, 261, 416, 417, 445.
Лизогуб, Дмитрий, III — 309, 423.
Лимановский, Б., I — 231. II — 173, 179, 188, 193, 197, 199, 203, 208, 220, 221.
Линдеггер, II — 426. III — 415.
Линев, Александр Логинович, II — 68. IV — 224.
Линтон, Вильям, I — 284, 328, II—10.
Линьяно, профессор, II — 323, 324.
Литвин, II — 165.
Литтре, II — 373.
Лихутин, Владимир, III — 489.
Лихутин, Иван, II — 489.
Лозовская, Софья Ксаверьевна, IV—80, 342, 348, 351, 372, 375, 378—382, 385, 388, 396, 397, 428, 429, 431, 434.
Локрафт, III — 370.
Ломбар, Мартен, доктор, III — 140.
Лонге, Шарль, III — 377. IV — 137, 267.
Лопатин, Герман, III — 32, 43, 44, 47, 92, 387, 409, 433, 434, 436, 496, 497, 523, 535. IV — 126, 244.
Лоренцо, Ансельмо, II — 384. III—36, 44, 112, 113, 369, 477. IV — 88, 99, 100, 103, 104, 108, 135—137, 153, 164, 165, 177, 189, 190, 193, 196, 197.
Лохнер, III — 107.
Лугинин, Владимир Федорович, II—29, 68—70, 72, 84, 85, 92, 205, 206. IV — 59, 61, 91, 144.
Луканина, IV — 224, 235, 288.
Лукка, Себастьяно ди, II — 316, 317, 330.
Лукасинский, I — 463.
Луи Бонапарт, см. Наполеон III.
Луи Филипп, I — 143, 400.
Льюис, Джордж-Гарри, II — 143.
Львов, Федор Николаевич, I — 500, 504—508, 511—514, 516.
Любавин, III — 43, 48, 411, 414, 496, 497, 535, 545. IV — 272, 278, 287.
Любатович, Ольга. IV — 224, 288.
Любимов, III — 428.
Люблинер, I — 234.
Людовик XIV, III — 338. IV — 30.
Людовик XV, I — 223.
Людовик XVI, I — 525.
Люкен, I — 269, 272.
Лютер, Мартин, I — 154. II — 115.
Лялин, П., II — 48, 63.
Ляцкий, Евгений Александрович, IV — 458.

М.

Маггалан, Сарро, IV — 101.
Магдзинский, I — 368.
Мазад, Шарль, II — 143.
Мазаниелло, Томазио, II — 41.
Мазуркевич, Леон, II — 239, 240.
Майер, Густав, I — 117, 293.
Маккавей, III — 400.
Макиавелли, III — 399, 542.
Мак-Магон, IV — 25, 397, 401.
Малатеста, Энрико, III — 224. IV—89, 175, 287, 290, 297, 311, 327, 358, 360, 363, 364, 368, 369, 371, 423, 426.
Малон, Бенуа, II — 308, 397, 437, 441, 445—448. III — 75, 117, 354. IV — 83, 110, 112, 143, 146, 150, 177, 273, 354, 406, 412, 423.
Малу, IV — 135.
Мандерстрем, граф, II — 257, 253, 255—257, 262.
Мандерштерн, генерал, I — 434.
Марат, Жан-Поль, I — 253.
Марешаль, Сильвен, III — 132.
Марио, Альберто, II — 292, 386.
Маркович, М. А. (Марко Вовчок), I — 72. II — 116.
Маркович, Светозар, IV — 226, 227.
Маркс, Карл, I — 8, 58, 76, 80, 114, 117, 144, 146, 152, 165—167, 171, 174, 178, 183, 186—198, 203, 207, 211, 213, 226, 228—230, 234—239, 250, 264, 265, 268—271, 280, 285, 289—294, 301—305, 308, 310, 326, 330—333, 348, 350, 358, 366, 370, 404, 451, 453—462, 532, 541, 542. II — 11—13, 15, 16, 121, 140, 143, 156, 184, 189, 208, 209, 214, 231, 232, 280, 282, 287, 291, 303—306, 308, 310, 311, 328, 352, 356, 357, 360, 365, 368, 371, 372, 374, 375,

384, 385, 387, 395, 399, 400, 402, 411, 414, 418, 432, 438, 439, 448. III — 5—8, 10—14, 20—23, 27, 28, 30, 36, 39, 41—48, 51, 57, 59, 63, 99, 105—109, 112—116, 119—121, 124, 141, 143, 150, 151, 153, 156, 164, 165, 169, 177, 178, 197, 214—220, 224, 235, 237, 238, 240—242, 245, 247, 249, 273, 277, 278, 288, 289, 293, 295, 299, 300, 335, 338, 341, 342, 344—346, 348—351, 354, 359, 369, 371, 372, 375, 377, 386, 388—392, 396—398, 400, 402, 403, 405, 406, 408, 409, 411, 414, 415, 433, 444, 496, 497, 503, 507, 512, 513, 533. IV — 7, 46—48, 59, 65, 66, 73, 77—79, 81, 83, 86, 88, 89, 94, 121, 123, 127, 130—132, 134, 135, 137, 146, 148, 149, 151, 158, 161, 162, 169, 172, 176—180, 184, 195, 200, 224, 226, 233, 239, 252, 258, 260—268, 270, 272, 274—278, 280, 283, 284, 288, 293, 298, 302, 307, 315, 317—319, 331, 384, 404, 417, 445, 446, 450, 453, 462, 464—467, 472, 474—478.
Маркс, Френсис, I — 449, 451, 453, 454, 458—460, 462. II — 13. III — 408.
Марра(ст), I — 210, 212, 215.
Марселау, III — 28. IV — 204, 270, 273, 282, 287, 290, 297, 299.
Марти, II — 386.
Мартин, Феликс, IV — 193.
Мартьянов, Петр Алексеевич, II — 39, 40, 58, 84, 127, 128, 131, 211, 234. III — 189.
Марчевский, В., II — 218.
Маттей, А., см. Арну, Артур.
Маттиани, граф, I — 214.
Маршан, IV — 273.
Маццини, Джузеппе, I — 102, 328, 451, 453, 455—457. II — 10, 12—14, 128, 191, 242, 277, 280—282, 284, 287, 288, 290, 295, 307, 315, 316, 321, 327—329, 331, 352, 386. III — 139, 145—148, 164, 225, 285, 288, 334, 350, 413, 488. IV — 7, 91—96, 143, 144, 155, 159, 160, 166—169, 172, 173, 175, 176, 359, 479, 480.
Маццони, II — 290, 429. IV — 87, 91, 155, 156.
Маццоти, Мариетта, IV — 420.
Маццоти, Филиппо, IV — 366, 392, 407, 420—423, 428, 446.
Маюров, I — 556.
Медведев, поручик, I — 484. II — 24.
Медем, граф, I — 318, 391.
Медокс, Р. М., I — 463.
Мезенцев, Н. В., III — 454, 508.
Мейендорф, Петр Казимирович, I—249, 312, 313, 318, 324.
Мейзенбуг, Мальвида, I — 435, 470. II — 137, 140.
Мейер, IV — 307.
Меллинэ, I — 234.
Мельгунов, С., I — 381.
Менгель, П. Ф., II — 222, 224, 227, 251.
Мережковский, I — 40.
Меринг, Франц, I — 197, 239, 264, 265. III — 243, 444. IV — 277, 466, 467.
Мерод, I — 234.
Мерон, Констан, III — 17, 362, 364, 365.
Мерославский, Людовик, I — 220. II — 47, 165, 172—189, 191, 197, 206, 207, 263. IV — 405, 473.
Мершейд, фон Тильзен, I — 488.
Мерюкан, I — 212, 217.
Меса, Хозе, IV — 108; 109, 186, 189, 191—193, 199, 269.
Местр де, I — 102.
Меттерних, Климент, I — 244. III—171, 272.
Мечников, Илья Ильич, II — 288.
Мечников, Лев Ильич, II — 286, 288—290, 292, 293, 296—298. IV — 126.
Милети, II — 330, 335, 429. IV — 87.
Милковский, Зигмунд (Т. Еж), II — 219.
Милль, Джон-Стюарт, II — 373. IV — 400, 404, 418.
Милович, Владимир, II — 177, 188, 191, 193, 194, 197, 208, 211, 218. IV — 473.
Милорадов, Олимпий, I — 274, 276, 283. II — 59, 60.
Милорадович, М. А., граф, II — 131, 215.
Мильде, I — 311.
Мильер, IV — 111.
Милютин, Б. А., I — 513.
Минутоли, Юлий, I — 249.
Минчиаки, К., II — 266.
Мирабо, I — 416.
Михайлов, Александр, II — 60.
Михайлов, II — 71.
Михайлов, М. И., II — 108, 123.
Михайловский, Н. К., II — 4, 58, 293. III — 129, 151.
Мицкевич, Адам, I — 20, 212, 219, 274. III — 325.
Мишле, Жюль, I — 91, 115, 171, 208, 213, 253, 266, 274, 306, 309, 360, 381, 387. III — 249. IV — 450.
Миятович, IV — 226, 230.
Модестов, В. И., II — 300, 301.
Моисей, III — 195.

Моллер, А., II — 313, 314.
Молориус, II — 251.
Мольтке, Карл, IV — 398.
Монталамбер, граф, I — 234.
Монтель, IV — 83, 94, 177.
Монтень, Мишель, I — 438.
Моншаль, III — 546. IV — 79.
Моор, Карл, III — 461, 464, 521.
Мора, Анхель, IV — 99, 104, 108.
Мора, Франциско, III — 30, 34, 35, 40, 49, 84, 303. IV — 99, 100, 104, 106, 108, 109, 164, 165, 175, 189, 190, 197, 269, 273.
Мораго, Томас-Гонзалес (Паоло), III — 28, 34, 35, 102, 415. IV — 78, 98—100, 104, 106, 108—110, 164, 165, 186, 187, 189, 190, 192, 193, 195, 196, 204, 270, 273, 282, 287, 290, 299.
Мори, аббат, III — 348.
Морчин, граф, I — 319.
Мосолов, Юрий, II — 80.
Моттерсхид, IV — 137.
Моцарт, I — 16, 103.
Мрочковский, Валериан (Острога), II — 316, 317, 320, 323, 329, 331—333, 351, 356, 358, 364, 386, 388, 408, 411, 412, 420, 426, 433, 435—437, 441, 443, 446, 448. III — 7, 44, 365, 415, 525, 534, 537, 540—542, 544—547, 550. IV — 23, 57, 81, 126, 175, 329, 331, 334, 340, 344.
Мрук, см. Мрочковский, В.
Муравьев, Александр Михайлович, I — 307.
Муравьев, Александр Николаевич, I — 38.
Муравьев, Александр Федорович, I — 13.
Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, I — 13, 21, 263, 398, 416, 495, 500—531, 534, 539—541, 546, 548, 549, 551, 553, 558. II — 38, 51, 52, 54, 72, 78, 282. III — 393, 394.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович, I — 13, 182.
Муравьев-Апостол, Матвей Иванович, I — 13.
Муравьев, Артамон Захарович, I — 13.
Муравьев-Виленский, Михаил Николаевич, I—13, 23, 527. II — 113, 169, 293, 299, 325, 379. III — 362, 455.
Муравьев, Никита Михайлович, I—13.
Муравьев, Николай Назарович, I—21.
Муравьев, Н. П. (Карский), I — 527.
Муравьев, Сергей, I — 21.
Муравьев, С. Н., I — 15.
Муравьева, Варвара Александровна, см. Бакунина, В. А., старшая.
Муравьева, Софья Александровна, I — 38, 39.
Муссон, I — 159.
Муханов, П. А., II — 225.
Мюллер-Стрюбинг, Герман, I — 102—104, 145.
Мюллер, Э., IV — 313.
Мюра, III — 369, 377.
Мюрберг, II — 225.

Н.

Набоков, И. А., I — 431, 434, 463.
Набруцци, Л. (Рубиконе), III — 34, 110, 375, 415. IV — 95, 122, 156, 159, 166, 169, 181, 287, 288, 290, 297, 338, 386, 392.
Набруцци, семья, IV — 338, 339.
Нагель, Владимир, II — 68.
Надеждин, Николай Иванович, I—25, 32, 43, 149.
Наке, Альфред, II — 383, 386—388, 391.
Налбандов, см. Налбандян, М. Л.
Налбандян, Михаил Лазаревич, II—18, 21—23, 48—51, 63, 126, 130.
Налепинский, I — 463.
Наперсток (Фингергут), II — 26.
Наполеон I, император, I — 75, 254, 375, 444. III — 338. IV — 196.
Наполеон III, I — 170, 172, 215, 369. II — 12, 191, 192, 271, 287, 314, 323, 373. III — 273. IV — 9, 11, 15, 23, 25, 32, 52, 118.
Натта, Франческо, IV — 336, 371—373.
Неведенский, С., I — 86. IV — 458.
Неверов, Януарий, I — 25, 26, 32, 104.
Неглинский, Леонард, см. Бакунин, Михаил Александрович.
Негрескул, М. Ф., III — 433, 490, 491.
Неймайер, III — 368, 374, 381. IV — 125.
Неклюдов, I — 506, 513, 514, 516.
Некрасов, Николай Алексеевич, IV — 458—461.
Нессельроде, министр, I — 53, 116.
Неттлау, Макс, I—7 — 9, 65, 102, 117, 149, 150, 287, 288, 294, 295, 310, 358, 381, 382, 422, 457, 459. II — 1, 283, 291, 304, 306, 308—313, 321, 323, 332, 336, 337, 343, 349, 352, 363, 364, 368, 369, 371, 372, 382—385, 389, 395, 396, 398, 418, 420, 422, 426—431, 433, 439, 443, 444. III — 2, 14, 19, 23, 27, 29, 31,

33, 34, 36—42, 44, 46, 50—52, 54—59, 61, 62—64, 68, 69, 72, 76, 99, 106, 107, 110, 132, 139, 140, 144, 145, 350, 351, 361, 373, 403, 408, 421, 424, 426, 436, 437, 443, 448, 451—453, 456, 458, 463, 465, 473, 479, 483, 491, 505, 522—525, 527, 540, 546. IV — 8, 23, 34, 47, 49, 59, 77, 82, 87, 90, 91, 95—97, 99, 100, 103—106, 109, 111, 117, 127, 153—155, 161, 163, 164, 166, 169, 173, 189, 193—198, 201, 203, 207, 227, 235, 236, 238, 240, 241, 243, 248, 251—253, 255, 258, 261, 262, 270, 274, 287, 288, 291, 300, 303, 305, 307, 311, 312, 326, 347, 355, 356, 362—365, 371, 385, 387, 392, 394—396, 400, 402, 406, 407, 409, 412, 423, 424, 426, 428, 429, 435, 470.
Нечаев, Сергей Геннадиевич, I — 416. II — 102, 141, 142, 347, 439. III — 29, 43, 47, 48, 85, 86, 94, 95, 111, 121, 129, 269, 319, 320, 385, 387, 409, 416—448, 450—458, 460, 461, 463—467, 473—481, 485—511, 514, 516—530, 533—543, 545—550. IV — 17, 38, 57, 77, 81, 103, 104, 115, 125, 126, 129, 130, 142, 205, 206, 210, 217, 223, 231, 242, 258, 272, 277—279, 286, 298, 306, 398, 424, 478, 479.
Никифоров, Л., III — 418, 424.
Николаев, Н. Н., III — 492.
Николаевский, Б. Н., II — 363. III — 49, 426.
Николай I, император, I — 48, 97, 108, 112, 132, 136, 149, 161, 162, 180—182, 196, 207, 213, 217, 218, 222, 223, 229, 231, 247, 248, 278, 292, 299, 302, 352, 355, 365, 371, 373, 375, 391—396, 398—405, 407—412, 418—423, 426—432, 434, 441, 448—450, 462, 464—466, 477, 519, 520. II — 5—13, 41, 57, 82, 108, 130, 149, 155, 244, 256, 258, 259. III — 138. IV — 454, 468, 470.
Николай — он, см. Даниельсон, Николай.
Николич-Сербоградский, III — 428.
Никотера, IV — 435.
Нилов, П. А., I — 20.
Ничипоренко, Андрей Иванович, II—8, 34. IV — 474.
Ноак, Людвиг, I — 117.
Ножин, Николай Дмитриевич, II—293. IV — 126.
Норденшельд, доктор, II — 247, 249.
Нордстрем, доктор, II — 247, 249, 253.
Носке, I — 258.
Нья, IV — 369.

О.

Обервиндер, IV — 125.
Оболенская, Зоя Сергеевна, княгиня, II — 316, 317, 320, 329, 331, 354, 356, 364, 433, 436, 446. III — 411, 518, 541, 542, 545. IV—57, 126, 155, 175, 206, 331, 340, 344.
Оболенский, А. В., князь, II — 317.
Обри, Э., IV — 20, 78, 115.
Обручев, Владимир Александрович, II — 84.
Обручев, Николай Николаевич, II — 85, 93, 190, 197.
Обухова, IV — 235.
Овчинников, Поликарп Петрович (епископ Пафнутий), II — 58—61, 68.
Огарев, Николай Платонович, I — 32, 60, 62, 73, 88—91, 112, 231, 398, 451, 465, 510, 537, 553. II — 1—4, 7, 10, 13, 14, 20, 29, 34, 37, 39, 44, 46, 47, 55, 57, 58, 62—69, 72, 73, 76, 85, 88—94, 98, 101, 103, 106—109, 116, 119, 120, 122, 125, 127—137, 139—144, 156, 162, 164—166, 175, 181, 185, 190, 195, 200, 201, 203, 204, 211, 215—218, 222, 233, 234, 242, 245—248, 262, 265, 268, 270, 277, 283, 282, 301, 313, 317, 321, 322, 329, 330, 342, 343, 353, 373, 384, 386, 392, 411. III — 41, 149, 179, 260, 315, 316, 320, 383, 393, 394, 399, 400, 407, 410, 411, 413—417, 430, 431, 433, 436, 437, 440—446, 450, 451, 453, 484—488, 495, 499—506, 519, 522, 524—528, 533, 535—539, 541, 542, 546—549. IV — 3, 5—8, 37, 39, 53, 54, 58—60, 62, 63, 80, 91, 143, 155—157, 205, 250, 298, 324, 398, 402—405, 407, 425, 478.
Огарева, Елизавета Александровна, см. Герцен, Лиза.
Огарева, Марья Львовна, I — 86.
Огарева-Тучкова, Наталья Александровна, I — 390, 395, 535. II—3, 106, 141. III — 442, 500, 503, 505, 522. IV — 144, 213, 398.
Оджер, II — 374, 386.
Одоевский, В. Ф., I — 32.
Озеров, Владимир, I — 317. III —394, 415, 502—504, 520, 535, 537, 546, 547, 549. IV — 34, 37, 53, 61—63, 78, 85, 126, 155, 207, 224, 252, 298.
Озеров, Петр Иванович, IV — 395.
Озерский, I — 495, 498.
Оксман, Ю. Г., IV — 478.
Окуньков, Николай, IV — 224.
Оленицын, II — 130.
Ольдекоп, I — 506, 507.

—он, Николай, см. Даниельсон, Николай.
Оннис, Бруско, IV — 73.
Орлеанский, герцог, I — 525.
Орлов, Алексей Григорьевич, кн., I — 318, 319, 324, 392, 394, 430, 431, 447.
Орлов, Алексей Федорович, кн., I—528.
Орлов, Владимир, IV — 423, 424.
Орлов, И., II — 102.
Орсоне, IV — 299.
Освальд, Николай, I — 117.
Оскар, принц шведский, II — 253, 255. IV — 164.
Острога, см. Мрочковский, В. и Оболенская, З. С.
Отверженный, Н., I — 422.
Оттендорф, I — 348, 350.
Отто, Ф., I —268, 365, 370—372, 379, 383, 388.
Оуэн, Роберт, III — 133, 423.
Охтенский, Иоанн, II — 61.

П.

Павел, апостол, III — 392.
Павиа, генерал, IV — 310, 398.
Павлов, М. Г., I — 32.
Падлевский, Сигизмунд, II — 87, 177, 191, 193, 196, 197, 199—201, 210.
Палацкий, Франц, I — 272, 274—276, 279, 317, 320, 338, 351. III — 330, 332.
Пален, граф, IV — 407, 453, 454.
Паликао, IV — 23, 25, 32.
Паликс, Луи, III — 368, 381. IV — 4, 5, 19, 35—37, 39, 45, 49, 54—57, 78, 114, 115, 120, 301.
Паллавичини, Тривульцио, III — 94.
Палладино, Кармелло, II — 316, 317. IV — 87, 89, 93, 155, 156, 163, 175, 270, 299, 378.
Пальмерстон, Генри, лорд, I — 455, 459.
Панаев, Иван Иванович, I — 75, 93, 529. IV — 456, 457.
Панин, В. Н., I — 162, 528.
Пап, Цезарь, де, II — 332, 333, 351, 374, 375, 397. III — 7, 11, 12, 354, 368, 371, 381. IV — 77, 78, 121, 129, 137.
Парратон, IV — 19, 34, 37, 42—44, 60, 114, 120.
Паррука, IV — 94, 155, 156.
Паскаль, Блез, IV — 406.
Паскевич, Иван Федорович, I — 318. II — 71.
Пассек, Т., III — 442, 499, 500.
Паули, И., IV — 189.
Пахес, В., IV — 189.
Пачини, IV — 20.
Пашич, Никола, IV — 226, 227.
Педжет, II — 236, 237.
Педерцолли, И., IV — 392, 402, 418—420, 423.
Педрацини, III — 413. IV — 175.
Пелисер, Фарга, Рафаэль, III — 28, 368, 371, 415. IV — 100—107, 151, 163—165, 204, 269, 270, 273, 282, 283, 287, 290, 299, 300, 313.
Пелисер, Хозе, IV — 100, 101, 106, 107.
Пельтан, Евгений, IV — 32.
Пепе, генерал, I — 214.
Перец, Григорий Григорьевич, II—46. IV — 222.
Перовская, Софья, III — 478, 479.
Перрашон, IV — 113.
Перре, Анри, II — 426. III — 23, 24, 46, 47, 239, 352, 354, 356, 367, 369, 412. IV — 69, 77, 137.
Перрон, Шарль, II — 398, 418, 420, 421, 423, 426, 435, 437, 441, 445, 446, 448. III — 1, 2, 18, 19, 22—24, 44, 58, 117, 183, 264, 288, 292, 352, 354, 357, 415. IV — 79—83, 97, 118.
Пескантини, I — 139, 140, 149.
Пескатори, Э., IV — 94, 155, 156.
Пестель, Павел Иванович, I — 182, 212, 307, 431.
Петр Великий, II — 1, 57, 82, 244. III — 311, 334.
Петр III, II — 82.
Петрашевский, Михаил Васильевич, I—500, 502, 504—508, 511—515, 526.
Петров, I — 32.
Петрович, II — 26.
Петровский, I — 555.
Петунников, А. Н., II — 317.
Пецца, В., III — 416. IV — 93, 155 160, 163, 165, 287, 288, 297, 339.
Пецца, IV — 393, 399.
Пецци, Франческо, IV — 366.
Пиа, Феликс, I — 213. IV — 61, 465, 466.
Пизакане, Карло, II — 281—283. III—134.
Пи и Маргаль, IV — 187, 308, 309.
Пилсудский, II — 165.
Пиотровский, Игнатий, II — 209.
Писарев, Дмитрий Иванович, II — 199. IV — 144, 250.
Питкевич, Иосиф, II — 134, 135.
Плох, барон, I — 203.
Плутарх, I — 20.
Победоносцев, К. П., II — 65.
Погодин, М. П., I — 62.
Погосский, Александр Фомич, II — 86, 283.

Подолинский, С., IV — 213, 224, 251.
Покровский, Михаил Николаевич, III — 418.
Полес, Стефан, II — 178, 237—241.
Полонский, Вяч., I — 61, 108, 136, 140, 149, 175, 179, 197, 200—202, 381, 424—426, 534. II — 219. IV — 200, 468, 470.
Полудинская, Мария Ивановна, I—40, 368.
Полторацкая, Екатерина Ивановна, I — 433.
Поляков, III — 411, 496.
Пономарев, IV — 224.
Попов, I — 123.
Попов, Иван, IV —215, 235, 236, 238, 460.
Портер, I — 455.
Постников (Роман), IV — 37, 38, 53, 54, 56—59.
Потанин, Григорий Николаевич, I — 488, 537. II — 108, 109.
Потапов, Александр Львович, II — 254.
Потебня, Андрей Афанасьевич, II—89, 94—96, 164, 179, 191, 192, 197, 209, 211, 216, 246. III — 513.
Потехин, Николай Антонович, II—49.
Потоцкая, IV — 224, 235, 288.
Прелог, Милан, IV — 466.
Пржиборовский, II — 194.
Прим, Хуан, II — 442.
Провансов, см. Слепцов, А.
Прудон, Пьер-Жозеф, I — 47, 144, 171, 173, 174, 186—193, 198—201, 203, 210, 213, 260, 315. II — 128, 154—156, 283, 312, 316, 334, 358, 389, 405. III — 133, 134, 141, 164, 178, 180, 181, 186, 187, 192, 194—196, 201, 202, 204, 208, 210, 213, 214, 219, 226, 236, 239, 248, 249, 253, 323, 414. IV — 67, 306, 449, 477, 478.
Прыжов, III — 461, 466, 489, 492, 507.
Пугачев, Емельян, I — 194. II — 9, 82. III — 260, 275, 313, 460. IV—455.
Пульский, Франц, II — 287, 292, 294.
Путятин, Евфимий Васильевич, адмирал, I — 518.
Пушкин, Александр Сергеевич, I—20, 57, 63, 195, 413. III — 470. IV — 418.
Пушкин, Б., II — 44.
Пущина, Е. И., I — 463.
Пфендер, III — 107.
Пыпин, А. Н., IV — 458.
Пэнди, Э., III — 377. IV — 288, 290, 300, 313, 386.
Пьетри, III — 86. IV — 32.

Р.

Равальяк, Франсуа, I — 400.
Радецкий, австрийский генерал, I—270, 330.
Разин, Степан, I —194. II — 111. III—260, 275, 313, 454, 457, 460, 513. IV — 455.
Разицкий, барон, II — 225.
Разуа, IV — 146.
Райнов, III — 462.
Ралли, Замфир, I — 123, 134, 199, 395, 469. II — 269, 270, 296, 327—330, 353, 356, 425, 429, 432. III—27, 29—32, 41, 42, 44, 51—62, 63, 71—78, 82, 111, 116, 331, 416, 418, 422—424, 431, 432, 436, 437, 467, 477, 478, 487, 498, 499, 504, 521, 523, 525. IV — 38, 45, 49, 130—132, 198, 205—211, 214, 216, 217, 220—225, 228—240, 242—244, 246, 247, 249—251, 253—256, 258, 272, 2[illegible] — 277, 288—292, 296, 298, 299, 306, 307, 313, 349, 407, 453, 478.
Рамкин, II — 412.
Ранвье, IV — 137.
Рангоцци, I — 226.
Ранке, Леопольд, I — 101.
Раппо, II — 136.
Распайль, Франсуа, II — 334. IV—110.
Распопов, жанд. офицер, I — 392, 393.
Рафаэль, I — 359.
Рей, Аристид, II — 308, 383, 412, 413, 426, 442, 447. III — 377, 393—395. IV — 97, 98, 110, 112.
Рейнгард, II — 239.
Рейхель, Адольф, I — 12, 17, 124, 125, 140, 145, 151, 168, 170, 184, 201, 205, 206, 208, 210, 213, 291, 303, 314, 345, 380—384, 386. II — 354. III — 518, 519. IV — 155, 313, 335, 409, 437—440.
Рейхель, Александр, IV — 313.
Рейхель, Мария Каспаровна, I — 124. II — 142, 354. IV — 335, 437—440, 442.
Рейхель, сестра, I — 381, 385.
Рейхенбах, Оскар, граф, I — 250, 311.
Реккель, Август, I — 338, 352, 355 356, 360, 380, 389.
Реклам, I — 369.
Реклю, Эли-Мишель, I — 59. II — 191, 328, 330, 331, 373, 401, 421, 426, 442. IV — 8, 97, 98, 110, 112, 271, 445.
Реклю, Элизе Жан-Жак, II — 308, 330, 331, 373, 412, 413, 447, 448. III — 117, 144, 145, 350, 354. IV — 97, 110, 112, 175, 271, 300, 387, 400—404, 444, 445.

Реми, II — 426. III — 13.
Ржевский, Владимир Казимирович, I — 87.
Рибентроп, I — 203. IV — 465.
Риболли, II — 413.
Ригер, I — 335. III — 330.
Рипман, III — 461.
Ритингаузен, III — 370, 374, 381.
Рихтер, Жан-Поль, I — 32.
Ричардс, А. Б., I — 454.
Ришар, Альбер, II — 295, 308, 309, 328, 374, 412, 413, 437, 438, 443—445, 447, 448. III — 26, 32, 34, 85, 89, 94, 95, 112, 261, 367, 368, 371, 386, 415, 435, 462, 463, 477, 508, 514. IV — 3, 17—21, 23, 31, 32, 34—40, 42—44, 47, 49, 69, 74, 78, 81, 103, 110—124, 272, 283, 301, 402, 403.
Робен, Поль, III — 38, 44, 63. IV — 76—78, 83, 86, 102, 123, 135, 141.
Робер Макер, I — 428.
Робер, Фриц, III — 363, 365, 368, 381. IV — 76—78.
Робеспьер, Максимилиан, I — 253. III — 98, 426.
Родзянко, I — 361.
Родригес, IV — 100.
Розенталь, Иосиф Антонович, I—503, 511, 514—516.
Ролен, III — 394.
Роман (см. Постников).
Ромашов, I — 463.
Ромерио, IV — 341.
Росс, Арман, см. Сажин, М. П.
Россини, I — 16, 103.
Ростковский, II — 191.
Ротшильд, барон, II — 354. III — 349, 400. IV — 162.
Роша, IV — 137, 158.
Рошфор, Анри, II — 119. III — 423. IV — 111, 112.
Руге, Арнольд, I — 16, 73, 102, 109, 110, 114—116, 119, 120, 123—126, 129, 140—142, 165, 166, 174, 183—185, 203—205, 258, 261, 266, 267, 367, 451, 454, 458. II — 2, 3, 15, 27, 33. III — 326. IV — 462—466.
Рудин, I — 65—67, 72. II — 117. IV — 458—461.
Русанов, Н. С., II — 79.
Руска, Ф., IV — 393.
Руссо, Жан-Жак., I — 151, 166, 167. II — 119. III — 148, 175, 426.
Руффо, кардинал, III — 272.
Рылеев, Кондратий Федорович, I—182, 212.
Рымаренко, II — 86, 199.
Рязанов, Давид Борисович, I — 117 195, 197, 207, 226, 228, 455, 456, 461. II — 91, 304. III — 12, 46, 61, 62, 78, 108, 381, 407, 430. IV—269, 277, 279, 280.
Рязанов, Н., см. Рязанов, Д. Б.

С.

Сабашников, I — 554.
Сабина, I—338, 349, 356, 389. IV—471, 473.
Сагаста, IV — 185.
Садомцев, II — 100.
Садык-паша, II — 63.
Сажин, Михаил Петрович, II — 332. III — 29, 32, 33, 39, 47, 353, 354 416, 436, 473, 474, 477, 479, 504, 507, 537, 538, 547. IV — 57, 63, 126, 129, 155—157, 205—210, 214, 215, 219, 224, 231—252, 254—258, 279, 298, 304, 305, 324, 325, 335, 340—347, 349—351, 360 — 365, 370—379, 381—387, 390—392, 394—396, 407, 423—427, 429, 479.
Сазонов, Николай Иванович, I — 40, 136, 174, 202, 207, 220, 231, 299, 368, 402. II — 91, 156, 195.
Салиас де Турнемир, Елизавета Васильевна, графиня, II—23, 72, 91.
Салиас, Евгений Андреевич, граф, II — 72, 270, 273, 283, 284, 293, 297, 303.
Салтыков-Щедрин, см. Щедрин-Салтыков.
Сальвиони, Карло, IV — 444, 445.
Сантандреа, Андреа, IV — 421—423, 437, 446.
Санхес, IV — 107.
Сарнецкий, II —289, 298.
Сатин, Н. М., II—19.
Саффи, Аурелио, II —10, 280, 282, 284. IV —359.
Сбышевский, граф, II—288.
Сварм (Дантрег), IV —263, 270, 273, 315.
Сватиков, С., III—418.
Святловский, доктор, IV—214, 254, 255.
Сей, I—103.
Семашко, епископ, I — 217, 218.
Семевский, Василий Иванович, I—502, 506, 511, 513, 516.
Сен-Жюст, Людовик-Антуан, I — 253. III — 98.
Сен-Симон, Клод-Анри, I — 151, 172, 191. III—179.
Сенегорта, Анхель, IV—99, 106.
Сентиньон, Гаспар, III—367, 370, 381, 414—416. IV—5, 19, 23, 57, 100—107, 115, 151, 155, 163—165, 195, 283.

Сераковский, С., II—30, 190.
Сервель, IV—44.
Серебренников, Владимир, III—499, 521, 528, 544—546.
Серебренников, Семен, III—499, 502—504, 521.
Серно-Соловьевич, Александр Александрович, I—306. II—85, 86, 115, 116, 356, 357. III—5, 6, 12, 13, 409, 421, 538. IV—126.
Серно-Соловьевич, Николай Александрович, II — 46, 65, 71, 85—87, 130, 190, 199.
Серрайе, IV—137, 270, 273.
Серрано, IV—398.
Сибиряков, IV—113.
Сиверс, Яков Ефимович, граф, II—254.
Сильвио, Фр., IV—366, 369, 370.
Симон, Жюль, II—373. IV—32.
Симанович, IV—229.
Сиприен, Робер, I—274.
Сирилл, Виктор, IV—155, 156, 263.
Сиряков, III—424.
Скерлич, И., IV—227.
Скинский, III—491.
Скирмунт, III—215.
Скржинецкий, генерал, I—234.
Слепцов, Александр Александрович, II—64, 85—93, 96, 98, 157, 167, 200, 209, 251, 252, 282, 283.
Сливицкий 2-й, II—191.
Служальский, II—130.
Случевский, Константин, II—68.
Сметс, Филипп-Карл, I—287.
Смецкая, П. П., IV—208, 224.
Смирнов, Валериан, III—538, IV—205, 213, 214, 224, 249, 251, 252, 254—256, 298, 305, 417.
Смит, Адам, I—103.
Сова, IV—282.
Соколов, Николай Васильевич, IV—214, 250, 252, 254—256, 258, 259, 303—307.
Соколовский, Марнас, II—206, IV—473.
Солдатенков, Козьма Терентьевич, II—58.
Сольман, II—222, 226.
Сориано, III—89. IV—101.
Сортирон, IV—90.
Сохновский, II—209.
Спасович, Владимир Данилович. III—475.
Спиноза, Барух, I—80. III—392.
Спешнев, П. Ф., I—500, 504, 507.
Спленгар, Рош, IV—269.
Стампа, Гаспар, IV—90, 94, 155, 156.
Станкевич, Александр Владимирович, III—149.
Станкевич, Николай Владимирович, I—19, 22, 24—26, 28, 29, 31—33, 38, 42—46, 50, 58, 61, 78, 79, 84, 85, 87, 89, 96, 98, 99, 104—106, 112, 150, 529. III—149, 150. IV—456.
Стеели, I—104.
Стемпковский, Адольф, IV—216, 217, 219, 220, 222, 226.
Степанов, типограф, I—82.
Степней, Коуэль, II—366. III—356.
Стенич, IV—226.
Степс, IV — 137.
Стерн, Даниель, I—203.
Сток, В., IV—8.
Сторожев, В. П., I—475.
Сторчевский, Иллиодор, I—115, 367.
Стоянович, Тасса, IV—226, 227.
Стракка, Адольф, I—338, 354, 356, 361, 389. IV—471.
Стракка, Густав, I—338, 354, 356, 361, 389. IV—470, 472, 473.
Строганов, Сергей Григорьевич, I—28.
Строев, С., I—32.
Струве, А., I—159, 161, 164, 196.
Стрюбинг-Мюллер, см. Миллер-Стрюбинг.
Субботин, Николай Иванович, II—58, 59, 63.
Сукачев, В. П., I—504.
Сумароков, С. Н., I—317.
Сутерланд, Генри, III—547, IV—80.
Сутерланд, Мери, IV—80.
Сухово-Кобылина, см. Салиас, де Турнемир, Е. В.
Сухозанет, Иван Онуфриевич, I—22.
Сэнь, IV—38, 39, 42.
Сю, Эжень, I — 171.

Т.

Таландье, Альфред, II — 308, 328, 330, 447. III—139, 425, 435, 523, 536, 540, 545, 547. IV—110.
Талейран, IV—411.
Талер, Карл, IV—314.
Тараканова, Анна Петровна, княжна, I—324.
Тверитинов, Алексей, III—109. IV—415, 417, 418.
Тейс, IV—137.
Тейшер, IV—410.
Телеки, граф, I—320, 346, 361.
Телль, Вильгельм, III—520.
Террени, IV—414.
Терцаги, IV—93, 94, 150, 155, 163, 181.
Тессини, Паоло, IV—155, 186.
Тестини, IV—160.

Тестю, Оскар, II — 421. III—33, 34, 37. IV—35, 43, 49, 56, 103, 111.
Тимашев, Александр Егорович, I—546.
Тит Ливий, I—20.
Тихомиров, Лев, III—418.
Ткачев, Петр Никитич, III—421, 423—425, 431, 447. IV—215.
Товянский, Андрей, I—212, 231.
Тоболка, IV—466.
Тодт, К., I—357, 361, 362.
Токаржевич, IV—221, 222.
Толен, II—375. III—369, 377.
Толстой, тверской губернатор, I—24.
Толстой, Д., III—420.
Толстой, Яков Николаевич, I—174, 195—197, 226, 228, 231, 299. IV—465.
Тотлебен, Эдуард Иванович, III—423.
Траверсе де, Николай Александрович, маркиз, II—48, 64.
Трейхлер, Яков, I—146, 148.
Трепов, Ф. Ф., III—454, 494.
Трофимов, IV—224.
Трофимова, IV—235.
Трубецкой, Н. П., князь, II—85.
Трусов, Антон Болеславович, II—356, 412, 433, 435, 437, 441, 446. IV—126, 239.
Тугендгольд, II—239, 240.
Тун, I—272, 335. III—438. IV—244.
Тур, Евгения, см. Салиас де Турнемир.
Туранский, I—287.
Тургенев, Иван Сергеевич, I—1, 16, 40, 52, 65, 66, 72, 73, 77, 98, 101, 103—107, 109, 124, 131, 133, 137, 140—142, 149, 204, 206, 231, 249, 530, 551. II—11, 17—19, 21—23, 41, 49—51, 66—73, 75, 92, 116, 117, 122—126, 130, 133, 138, 143, 146, 147. III—112, 334. IV—418, 458—461, 464.
Тургенев, Николай Иванович, I—212, 213, 299, 402.
Турский, IV—224.
Тучкова-Огарева, см. Огарева-Тучкова, Н. А., старшая.
Туччи, Альберто, II—316, 330, 412, 434, 437. III—354. IV—81, 89, 94.
Тхоржевский, Станислав, II—130, 131, 139, 140, 271, 272, 287, 302. III—410, 501. IV—54.
Тырков, А., I—432.
Тышкевич, граф, I—231, 234.
Тширнер, С. Е., I—357, 361, 364.
Тьер, Адольф, I—245. IV—25, 44, 120.
Тюфяев, II—130.

У.

Ульяна Андреевна, I—483.
Унковский, А. М., I—538. II—72.
Уркарт, Давид, I—453—456, 458—461. II—15, 305.
Ус, Василий, III—453.
Успенская, Александра Ивановна, III—418, 443, 467, 478, 492, 493.
Успенский, Петр Гаврилович, III—467, 468, 488, 489, 491—493.
Утин, Николай Исаакович, I—230, 459. II—86, 87, 96, 356, 357, 359, 363, 364, 392, 412, 420, 446. III — 31, 34, 41—48, 51, 52, 318, 331, 349—351, 386, 417, 432, 450, 475, 483, 503, 518, 530, 535. IV—69, 70, 72, 77—79, 81, 126, 129, 131—133, 137, 142, 158, 162, 178, 255, 277, 298.

Ф.

Фавр, Жюль, II — 334, 373, IV — 32, 135.
Фаджоли, IV — 366.
Фази, Джемс, II — 373, 384, 385.
Фанелли, Джузеппе, II — 282, 283, 310, 323, 324, 330, 335, 336, 351, 412, 426, 428, 429, 437, 442—444. III — 35, 89, 105, 117, 140, 225, 414, 416. IV — 3, 17, 23, 32, 78, 81, 87, 88, 90, 91, 97—99, 101, 107, 155, 156, 163, 164, 175, 176, 186, 187, 195, 198, 248, 287, 288, 290, 297, 299, 311, 338, 356.
Фанчоло, Джакомо, IV — 175, 303, 305, 333.
Фарга, Пабло, см. Лафарг, Поль.
Фарга Пелисер, см. Пелисер, Фарга.
Фауст, I — 547. II — 12. III — 341.
Фейербах, Людвиг, I — 113, 114, 144, 165—167, 178, 190, 204, 205, 237—239. IV — 464.
Феликс, II — 246, 247. IV — 465.
Фенин, II — 176.
Ферри, Жюль, IV — 32.
Фигнер, Вера Николаевна, I — 422. IV — 208, 213, 214, 224, 255.
Филипеус, I — 556.
Филипович, IV — 226, 227.
Филиппов, Александр, IV — 255.
Филипсон, Григорий Иванович, I—558.
Фихте, Иоганн-Готлиб, I — 28, 33—35, 37, 40, 47, 54, 55, 65.
Флеровский, IV — 131.
Флоке, III — 368, 377.
Флокон, Фердинанд, I — 213, 241, 242, 245—247, 267, 346.
Флуранс, II — 373. IV — 61, 112.
Флюз, IV — 137, 282.
Ф. М., см. Маркс, Френсис.
Фолькстрю, Э., II — 249, 302.
Фойницкий, IV — 247.

Фоллен, IV — 463.
Фонтана, IV — 164.
Фортуне, IV — 360.
Фохт, I—16, 435. II—1, 254, 270, 283.
Фохт, Адольф, I — 164. III — 518—520. IV — 34, 155, 234, 235, 238, 312, 313, 355, 365, 380, 387, 396, 404, 427, 438—440, 442, 443.
Фохт, Густав, I — 140, 145, 164. II — 137, 386, 389, 392, 394, 396, 398, 400—403, 413. III — 8.
Фохт, Карл, I — 73, 140, 164, 201, 454, 459, 470. II — 1, 287. III — 403, 415, 500, 505, 521.
Фохт, Луиза, I — 164, 167, 205, 206, 221. II — 283.
Фохт, Ф. Ф. В., I — 164, 174.
Фохт, Эмиль, I — 164. II — 332, 333.
Фохты, IV — 335.
Фоше, Леон, I — 212.
Франц, И., I — 388, 392. IV — 470.
Фребель, Карл, I — 135.
Фребель, Юлий, I — 135, 148, 149, 165, 174, 451.
Фрейлиграт, Фердинанд, I — 457.
Френкель, IV — 47, 137.
Фрибур, II — 406, 407. III — 369.
Фрич, Жозеф-Вацлав, I — 287, 288, 389. II — 26, 34, 277. IV — 469, 471, 473, 474.
Фрич, II — 36.
Фриша, Саверио, II — 316, 330, 336, 351, 412, 429, 437, 443, 444, 448. III — 225. IV — 87, 89—92, 155, 156, 163, 187.
Фролова, Е. П., I — 104.
Фронштейн, IV — 224.
Фурье, Шарль, I — 151, 172. III — 132, 179, 454.

Х.

Хальбо, Хуан, IV — 99, 100.
Хаммер, Христиан, II — 224.
Хардина, IV — 224, 235, 288.
Хассинг, Людмила, II — 298, 321.
Хельс, Джон, IV—137, 262, 293, 302.
Хенг, Фриц, II — 443, 448. III — 24, 363, 365, 367, 371, 412. IV—78, 79.
Хитрово, I — 556.
Хмелинский, Игнатий, II — 188, 211.
Хоецкий, Шарль-Эдмонд, II — 37.
Худяков, Иван Александрович, III — 421.

Ц.

Цамперини, II — 426.
Цверцякевич, Иосиф, II — 128, 130, 131, 178, 185, 188, 191, 202, 206, 219, 233—235, 238, 239, 242, 243.
Циммер, I — 356, 389.

Ч.

Чаадаев, Петр Яковлевич, I — 62.
Чарторыйский, Адам, I — 182, 211, 233, 246. II — 221, 235, 240, 241, 253.
Чарторыйский, Константин, II — 225.
Чемадуров, II — 412.
Черетти, Чельсо, III — 415. IV — 94, 155—157, 172, 174, 176, 310, 359.
Черкасский, Владимир Александрович, II — 118.
Черкезов, В., I—294, 295. III — 421, 422, 443, 474, 475, 494.
Чернецкий, Людвик, II — 139, 142, 321, 411. III — 501—503.
Чернышев, Александр Иванович, I—431, 470.
Чернышевский, Николай Гаврилович, I — 73, 146, 238, 530, 553. II — 30, 49, 78, 81, 82, 84—86, 103, 107, 108, 114, 115, 199, 357, 360. III—109, 143, 205, 206, 310, 316, 320, 400, 454, 482, 485. IV — 226, 404, 415, 417, 418, 458, 461.
Черняк, с.-р., I — 325.
Черняк, польский офицер, II — 101.
Чех, бургомистр, I — 206.
Чирнер, см. Тширнер.
Чубаров, III — 423.
Чудновский, С., III — 420.

Ш.

Шавре, Ф., IV — 114.
Шаганов, В., III — 206.
Шаллер, Д., I — 109.
Шальмель-Лакур, IV — 36, 43.
Шамболь, Франсуа, I — 212.
Шамшин, Иван Иванович, II — 79.
Шаппер, I — 196, 265.
Шарве, IV — 19, 35, 37, 39, 120.
Шассен, Л., II—373, 383, 386. III—377. IV — 110, 112.
Шатилов, Николай, II — 86.
Шатынский, I — 556.
Шафарик, Павел Иосифович, I — 272, 276. II — 35.
Шварценберг, Феликс, I — 391.
Швед, II — 257.
Швейцер, III — 386, 389.
Швицгебель, Адемар, II — 429. III—18, 30, 32, 365, 368, 415. IV — 20, 63, 71, 77, 78, 95, 143, 145, 154, 156, 158, 169, 261, 270, 271, 274, 276, 282, 283, 285, 289, 290, 292—294, 376, 377, 379, 382, 384, 386, 444.
Шеваль, IV — 38.
Шевро, IV — 32.
Шевырев, Степан Петрович, I — 62.

Шедо-Ферроти (бар. Фиркс), II — 134.
Шейдеман, I — 258.
Шекспир, Вильям, I — 104, 385.
Шелгунов, Н. В., II—190.
Шеллинг, Фридрих, I — 25, 33, 100, 101, 117, 121—123, 129.
Шельшер, Виктор, I — 213.
Шемале, III — 369, 377.
Шенк, IV — 380, 387.
Шенрок, Владимир Иванович, I—122.
Шестунов, I — 507, 513.
Шеттель, IV — 44, 120.
Шили, III — 107.
Шиллер, Иоган Фридрих, I — 32, 55, 57, 59, 64. III — 261.
Шилов, Алексей Алексеевич, II—113. III — 47, 445, 468, 469.
Шифф, Гуго, II — 94.
Шифф, Мориц, профессор, II — 94.
Шмидт, I — 28, 75.
Шмидт, Каспар, III — 133, 201.
Шмидт, Симон, I — 145, 146, 168.
Шоде, Густав, II — 316, 386, 404—406, 413.
Шометт, I — 94.
Шопенгауер, Артур, II — 294. IV — 400, 404, 438.
Шпир, III — 381.
Шпихигер, А., III — 365. IV — 145, 382, 384—386.
Шпрингер, А., I — 286.
Шредер, I — 53, 166, 345, 367, 368, 391.
Штарк, Р., — IV — 124.
Штейн, Лоренц, I—102, 116, 151, 157.
Штибер, II — 187. III — 86.
Штиглиц, IV — 464.
Штирнер, Макс, см. Шмидт, Каспар.
Штольцман, Карл, I — 182, 212.
Штраубе, II — 247, 248, 250, 268, 302.
Штур, Людвиг, I — 312, 368. II — 35. IV — 469.
Шуберт, Франц, I — 16, 103. II — 323.
Шувалов, П. А., I — 515. III — 428.

Щ.

Щеголев, П., I — 12, 30. III — 418.
Щедрин-Салтыков, IV — 417, 418.
Щербаков, О., II — 356. III — 535. IV — 253.
Щур, II — 191.

Э.

Эбергардт, IV — 282.
Эвербек, I — 193. IV — 466.
Эддегем-ван (Вальтер), IV — 263, 269, 315.
Эйхгоф, II — 370.
Эккариус, II — 370, 374. III — 7, 18, 22, 23, 107, 109, 354, 370, 371, 374, 375, 381, 382. IV — 137, 158, 162, 262, 302.
Элпидин, Михаил Константинович, II — 102, 138, 139, 356, 357, 360, 364, 395, 426. III — 421. IV — 126, 255, 417.
Эльсниц, Александр, II — 485. III — 29, 31, 42, 59, 477. IV — 205—208, 210, 216, 221, 224, 230—236, 238, 240, 243, 251, 288, 298, 313.
Эльсниц, Оттилия, IV — 224.
Эльцбахер, III — 191.
Эмбер, I — 234.
Энгельгардт, А. Н., II — 86.
Энгельс, Фридрих, I — 117, 144, 165, 167, 171, 174, 186, 189, 190, 193—197, 213, 230, 235, 237—239, 265, 269, 271, 302, 303, 305, 308, 320, 325, 326, 330—332, 336, 358, 366, 379, 404, 456, 457, 459—461, 532, 541, 542. II — 11, 12, 156, 184, 209 231, 232, 279, 280, 291, 305, 357, 438. III — 7—10, 12—14, 20—22, 28, 31, 41, 43, 45, 47, 49, 50, 52, 54, 57, 59, 60, 82, 86, 106, 107, 120, 121, 124, 134, 151—153, 156, 220, 237, 238, 245, 249, 277, 278, 300—302, 326, 327, 387, 388, 390, 402, 406, 408, 433, 497, 533. IV — 67, 76, 89, 121, 123—125, 130, 131, 134, 137, 148, 159, 160, 162, 164, 171, 174—176, 180, 181, 183, 192, 200—203, 262, 270, 272, 284, 310, 313, 445, 446, 464, 467, 468, 473, 479, 480.
Энгельсон, Вл., II — 46.
Энкуватов, III — 461.
Эразм, II — 115.
Эрвачанин, Машо, IV — 207, 211, 226.
Эридье, М., II — 426.
Эритье, Луи, III — 50. IV — 140, 166, 278.
Эрн, Мария Каспаровна, см. Рейхель, М. К.
Эскирос, Альфонс-Генри, II — 272. III — 139, 326. IV — 2, 12, 47, 52, 56, 60, 118, 402.
Эскобар, III — 483.
Эспартеро, I — 455. II — 442.
Эстабанес, IV — 187.

Ю.

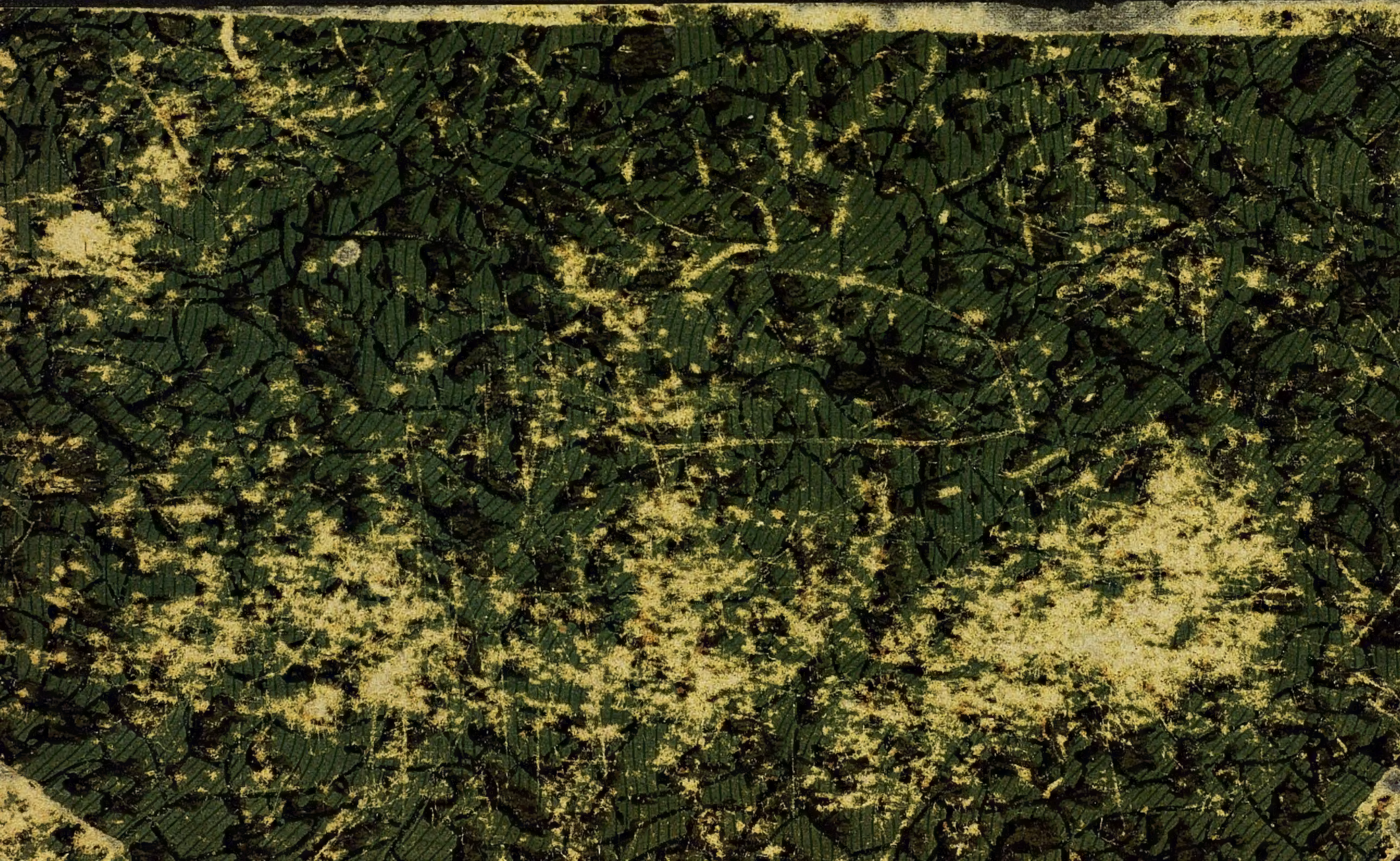
Южакевич, IV — 224.
Южакова, Е., IV — 224.
Юзов, см. Каблиц.
Юнг, Артур, III — 312.

Юнг, Герман, II — 306. III — 7, 11, 18, 45, 354. IV — 74—76, 137, 158, 202, 302.

Я.

Я., IV — 235, 236, 238.
Ядринцев, Н., II — 108.
Языков, Николай Михайлович, I—93, 122.
Языкова, Елис. Петровна, IV — 461.
Якоби, Иоганн, I — 165, 250. II — 357, 373, 386. III — 386, 407.
Якоби, доктор, IV — 126, 155, 328, 329, 331, 332.
Янаш, III — 378, IV — 124.
Ярошинский, Людвиг, III — 262.

[illegible]
[illegible]
[illegible] 193 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
6	10—11 снизу	в 1907 г.,	в 1907 г.;
24	12 сверху	И содействие	Их содействие
40	17 »	«К оружию!!!».	«К оружию!!!» [1].
83	10 снизу	Монтельсом	Монтелем
87	5—6 сверху	Кармелло, Палладино	Кармелло Палладино
107	17 »	Гамбуции	Гамбуцци
130	3 снизу	Письмо	Письма
137	17 сверху	Записки	Записка
143	17 снизу	Швицгебель	Швицегбеля
144	10 сверху	protégé	protégés
232	8 снизу	глаз	глаз»
248	1 сверху	неравне	наравне
252	23 »	Бремершлюссе	Бремершлюсселе
278	16 »	1872	1892
281	2 снизу	Альянсе;	Альянсе,
284	11 сверху	деятельности	деятельностью
286	11 »	регулярности	регулярности,
293	1 снизу	открыть	отсюда
298	4 сверху	рассказы	росказни
301	5 »	Оснвилье	Сонвилье
312	14 снизу	всякое	«всякое
»	5 »	стр, 202	стр. 202)
313	8 »	«клеветнического	«клеветнического»
394	7 сверху	еге	его
402	5 снизу	А.	А
458	20 сверху	Чернышевский;	Чернышевский
460	7 снизу	теперь	теперь,
475	20 сверху	Бакунина.	Бакунина».